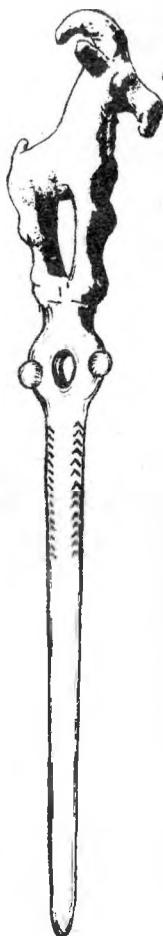

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДАГЕСТАНА АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Российская академия наук
Дагестанский научный центр
Институт истории, археологии и этнографии

Давудов О.М.

Материальная культура Дагестана албанского времени

(III в. до н.э. — IV в. н.э.)

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала 1996

Работа подготовлена к печати на средства, выделенные международным научным фондом Дж. Сороса, издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект 96 — 01 — 16055

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
Заслуженный деятель науки Республики Дагестан
В.И. Марковин

Рецензенты:
доктор искусствоведения наук *М.М. Маммаев*,
канд. ист. наук *Р.Г. Магомедов*

Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. — IV вв. н.э.) / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. — Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. — 428 с.

AA000076 от 30.11.95.

Книга посвящена историко-культурной характеристике памятников Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. В ней выделена археологическая культура и их локальные варианты, в пределах которых размещены племена, упомянутые в древних письменных источниках. Это были предки современных народов Дагестана. Эта археологическая культура входит в состав восточнокавказской историко-культурной общности, границы которой совпадают с пределами древней кавказской Албании. В работе реконструированы хозяйство, социальный и политический строй дагестанского общества албанского времени. Книга рассчитана на историков, археологов, учащихся высших и средних специальных учебных заведений и любителей истории Дагестана.

© Давудов О.М., 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В настоящее время на поверхность всплывают множество книг, статей и эссе, в которых авторы отрабатывают на вполне “заданную” тему теории и версии об историческом приоритете того или иного народа, этноса, носителей определенного языка. Так возникли версии о тюркоязычности скифов и сармато-аланских племен (И.М. Мизиев). Так появляются теории об извечности проживания на Кавказе ираноязычного населения (Т.Б. Тургиев и др.). Подобных построений много. Не думая как-либо умалить право любого народа, этноса или носителей вполне определенного языка на существование их собственной истории и культуры, я хочу сказать только о добропорядочности в интерпретации исторических фактов.

В этом смысле большое удовлетворение у меня вызывает монография Омара Малаевича Давудова “Материальная культура Дагестана албанского времени. III в. до н.э. -IV в.н.э.” В ней каждое положение достаточно строго обдуманно и преподнесено в виде жестких фактов, тщательно опробованных взвешиванием “за и против”.

Тема, взятая О.М. Давудовым, может быть более кратко обобщена под условным названием “Дагестан в албанское время”. Тема очень важная. Обычно время существования Кавказской Албании рассматривается как определенное звено в становлении азербайджанского народа. Но под название Албании попадало и дагестанское население. Вполне понятно стремление автора дать главные историко-культурные характеристики, имеющие отношение непосредственно к дагестанскому населению соответствующего времени и его окружению. В работе менее всего говорится об азербайджанской территории Албании. В этом определенная сила монографии и некоторая ее слабость. Вместе с тем, автор не уходит от ответов на многие трудные и спорные для осмысления вопросы.

Работа Омара Малаевича состоит из введения, четырех полновесных глав и заключения. К ней приложены цифровые таблицы, огромный список

использованной литературы и иллюстрации.

Во введении дан краткий обзор проблемы, намечены хронологические рамки исследования (III в до н.э. — IV в.н.э.) и приведен очень сжатый обзор мнений о северных границах Кавказской Албании. Разные исследователи доводили ее до р. Самур в Южном Дагестане, до Дербента, до р. Сулак и даже до Терека. Автор несколько предваряет здесь результаты своего исследования, останавливаясь на некоторых точках зрения, которые будут затем полнее развернуты в основном тексте. Базой работы является не только данные исторических источников и научной литературы, но и весомый материал, полученный в результате изучения 40 бытовых памятников (городищ, поселений, оборонительных сооружений) и 29 могильников.

О.М. Давудов против названия изучаемого им периода “албано-сарматской эпохой”. Сарматское внедрение на территории Дагестана не было глобальным, оно не заходило за пределы первых предгорий. В этом отношении он прав. Термин “албанское время” Омар Малаевич считает более приемлемым. Но у меня здесь рождается некоторое сомнение: как он соотносится с применением этого же термина к Азербайджану, где речь идет о царях, столице “Албании” и прочих аксессуарах государственности, в то время как Дагестан, судя по дальнейшему тексту, является территорией высокой культуры, но менее всего связанной с указанной “государственностью”. Вероятно, мы должны понимать использование данного термина только в качестве названия вполне определенного исторического отрезка времени.

Автор называет свой труд палеогеографическим. Это название несколько преуменьшает широту работы.

В первой главе “Источники и историография” читатель найдет обзоры и новейших исследований. Это прежде всего своеобразные справки, извлеченные из античных, армянских, грузинских, арабских и некоторых местных авторов (“Дербент-наме” и др.). В дальнейшем он широко использует привлеченные здесь источники, особенно труд Клавдия Птолемея, сочинения армянских хронистов, грузинского историка Леонти Мровели и др. Весьма детален следующий затем обзор археологических памятников и научной литературы вопроса. О.М. Давудов дает достаточно полное представление о том, что же сделано в области изучения албанского времени и более всего применительно к Дагестану. Эту направленность в данном случае я считаю верной, ибо практически “нельзя объять необъятное”. Привлеченные здесь работы неравнозначны, хотя зачастую рассматриваются как равнозначные. Так, труды Д.М. Атаева часто грешат поспешностью в выводах. Известный могильник Карабуцахкент I, по его взглядам, оставлен чисто местными племенами,

жившими вне сарматского влияния, хотя он насыщен сарматским инвентарем. Бежтинский могильник тот же Д.М. Атаев полностью относил к средневековью (VIII-XII вв.), не выделяя в нем материалы даже скифского времени. Этот раздел мог бы иметь большую критическую направленность. Афанасьев

Глава II “Материальная культура Дагестана албанского времени” дает достаточно емкое представление о характере памятников очерченного периода. Она делится на три части. В первой даны сведения о поселениях Дагестана. Они разделены Омаром Малаевичем на три вида: а) городища с цитаделью (обычно вокруг них имеется обширный посад). В качестве примера описаны Таргу, Кулеца и Урпеки; б) городища без цитаделей (по сути дела, это поселения, обнесенные оборонительными стенами). Таковы Охли, Нижнее Чугли, Генторун и др.; в) неукрепленные поселения — примером могут служить Ганзир и Сиртич. О.М. Давудов дает представление об их расположении на местности и строительно-фортификационных особенностях. Так, укрепления Урпеки, расположенные неподалеку от Дербента, имеют строго выдержанную конфигурацию, вполне определенную систему кладки. Городище Леваша, находящееся в горах, выглядит иначе. Скалы вписаны в порядок укреплений, более архаична работа каменщиков. Возникает мысль, в первом случае, о связи с древними городскими традициями в возведении крепости, а во втором — в использовании чисто местных приемов. Вероятно, этот момент требовал бы более обстоятельного описания. Интересно, что рассматривая планировку поселений, автор уделяет особое внимание центральной площади в них (по-аварски “годекану”) — непременно элементу горских селений от древности и до наших дней.

Если по расположению на местности поселения Азербайджана близки дагестанским, то по своим фортификационным особенностям они отличаются применением рвов и валов. Такие сравнительные экскурсии, в моем представлении, очень важны. Они помогают уяснить разницу между памятниками, так сказать, азербайджанской части Албании и дагестанской ее частью. Но такие сравнения, к сожалению, лишь попутны.

Во второй части главы детально, по элементам обряда рассматриваются могильники албанского времени. Все многообразие могильных сооружений, поз умерших, их ориентировок, подсыпок мела и угольков, сопутствующих конских захоронений, позволяют автору говорить о чисто местных чертах в погребальном обряде (ящики, склепы, скорченность, отдельные черепа, угольки в могилах и проч.) и о привнесенных чертах, появившихся в основном в результате сармато-аланских миграций. Здесь интересно мнение автора о захоронениях отдельных черепов. Они, вероятно, принадлежали рабам.

Этот раздел переполнен материалом, и все-таки я должен сделать тот же упрек—необходимо более детально провести сравнительный анализ с синхронными погребальными памятниками азербайджанской территории Албании. Разве не может возникнуть версия, что современные азербайджанцы— это дагестанцы, подвергшиеся в дальнейшем тюркизации? Хотя косвенный и вполне отрицательный ответ, что этого не может быть, автор дает в своих подсчетах: наиболее архаичные черты в погребальных комплексах приходятся на горные районы Дагестана (83 % случаев) и, кажется, они не имеют ничего общего с погребальными особенностями азербайджанской части Албании.

Как пишет О.М. Давудов, со II-III вв.н.э. в Дагестане снова появляются захоронения в каменных ящиках. С чем это связано? Ведь в эпоху бронзы и особенно во время бытования каякентско-харачоевской культуры они были широко распространены. Ответ на данный вопрос в этом разделе был бы желательным.

Третья часть главы посвящена тщательному анализу инвентаря албанского времени. Она дает достаточно полное представление о посуде, вооружении и украшениях указанного времени. Я не буду задерживаться на этом. Анализируемый инвентарь характерен в основном только для Дагестана. Важен один момент. Из Бежтинского могильника и других мест происходят крупные, ажурные бронзовые бляхи с фигурками коней. Д.М. Атаев датировал их VIII-X веками. Омар Малаевич совершенно справедливо их упревняет, ведь даже для албанского времени они выглядят достаточно архаично. Вне Дагестана они не известны и являются показателем самобытности местной художественной культуры.

Глава III “Вопросы хронологии и периодизации. Историко-культурная характеристика памятников” является самой важной в данной работе. О.М. Давудов материал албанского времени делит на два периода. Они в определенной степени согласуются с периодизацией покойного В.Г. Котовича. I период—раннеалбанский, III-I вв. до н.э. и II период — позднеалбанский, I-IV вв.н.э. Начало первого периода Омар Малаевич определяет “формированием на территории Восточного Кавказа Албанского государства”, относя его к III в. до н.э. Здесь не все ясно. Азербайджанские историки пишут о IV в. до н.э., как о начальной поре Кавказской Албании (История Азербайджана, т. I). Такой же датой оперирует К.В. Тревер. Вполне возможно, что III в. до н.э., как начало “албанского периода” более приемлем для истории Дагестана. Это надо было бы оговорить.

Культуру Дагестана этого времени О.М. Давудов вполне закономерно называет “дагестанской археологической культурой албанского времени”. Здесь

слово “албанский” не главенствует над понятием “дагестанский”, занимая подчиненное положение. Это верно.

В этом же разделе интересны сопоставления топонимов, упоминаемых Клавдием Птолемеем с современными названиями. Мне они представляются неплохо обоснованными. Очень важна и небольшая вставка, посвященная удинам, как компоненту в дагестанском этносе. Данное мнение было предложено К.Ф. Смирновым для интерпретации Таркинского могильника (речь шла об удилах и утидорсах). С его взглядами с трудом соглашались многие специалисты и хорошо, что О.М. Давудов вполне обоснованно отклонил это мнение.

Самая важная часть главы посвящена локальным вариантам культуры. В таком объеме и со знанием материала, местной этнографии и лингвистики подобное делается впервые. Хотя имелась попытка М.П. Абрамовой наметить два варианта культуры этого же времени. Речь шла о Терско-Сулакском междуречье с преобладанием пришлых элементов и о горном Дагестане. Попытка беглая и ничего не дающая для этнической истории местного коренного населения.

Сейчас в Дагестане живет более двадцати коренных народностей. Из их числа можно исключить иранцев-татов и тюрков-кумыков, которые могли появиться на плоскости Дагестана уже в виде конкретного этноса чуть позже изучаемого времени. Речь идет о коренных народностях и их появлении в истории Дагестана. Автор описывает 8 вариантов культуры, следуя от Терско-Сулакского региона к горам внутреннего Дагестана. Варианты подробно описаны. Я не буду их разбирать. Это большой вклад в науку и научный успех самого автора. Конечно, данная схема будет дорабатываться и совершенствоваться. И автор прав, когда в некоторых разделах выступает против злоупотребления пустыми созвучиями с этнонимами и топонимами.

Последняя, IV глава “Хозяйство и социальная структура” для читателей является определенным отдыхом после насыщенных фактами предыдущих глава, но не для автора. Земледелие, скотоводство, ремесленные производства и прочие он рассматривает, учитывая их преысторию в более древнее время, привлекает этнографические сведения и другие материалы. Здесь мне особенно интересными показались этюды о торгово-обменных операциях и о большой и малой семье.

Работу завершает достаточно весомое заключение.

Я довольно тщательно рассмотрел труд Омара Малаевича. Мои замечания, возможно, будут настраивать автора на дальнейшую работу над темой. Перелистывая эту многостраничную работу, я заметил не более 2-3 раз слова

автора о своем приоритете в науке, наподобие “я впервые сделал” и т.д. Эта скромность украшает данный том. Сейчас авторы многих монографий и диссертаций говорят о себе как о первопроходцах. Вместе с тем, монография О.М. Давудова до предела насыщена материалами. Ей присуща несомненная новизна в разработке многих, в том числе этногенетических вопросов. А тщательное сведение в единое целое разбросанных фактов и наблюдений делает данную работу ценным и солидным трудом. Я с удовольствием представляю ее читателю.

В.И. Марковин

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

В истории народов Дагестана период III в. до н.э. — IV в.н.э. ознаменован значительными прогрессивными сдвигами. Он более богат успехами производства, чем все предыдущие ступени истории вместе взятые и соответствует раннеклассовым образованиям на Кавказе (Иберии, Колхиде, Армении). Несмотря на важность и насыщенность историческими событиями, эта эпоха истории горного края изучена слабо. Исследования ограничены рамками одного или нескольких памятников, реже небольшого региона. Целая свита актуальных проблем до сих пор или не разработана, или слабо изучена. Остродискуссионная ситуация сохраняется в решении вопросов о северной политической границе Албании, ее культурном наследии, уровне социальных и политических отношений, этнокультурном развитии, связях с сопредельными племенами и народами, а также политическими формированиями. Еще даже не решен вопрос, входил ли Дагестан в состав Кавказской Албании. Я.Яновский, А. Крымский и в наше время С.Н. Муравьев, например, целиком исключают Дагестан из состава Албании, ограничив ее размеры территорией Шеки - Апшерона в Азербайджане.¹ Методика исследования этих ученых близка. Она в свое время вызвала справедливые нарекания С.В. Юшкова. В специальной статье, посвященной северным границам Албании, он разделил исследователей на группы по тому, как они рассматривали этот вопрос. В первую группу он включил Эйхвальда, Ункерта, Маннерта, Форбигера, Броневского и др., которые проводили границу Албании по Тереку, Аксаю или Сулаку; во вторую — редакторов “Тарихи Дербент-наме”, которые включили в Албанию кроме Азербайджана узкую прибрежную полосу Дагестана; в третью — В. Бартольда и др., причисляющих к составу Албании кроме Азербайджана часть Дагестана, но не севернее Дербента и наконец, в четвертую — уже упомянутых А. Яновского и др., ограничивающих Албанию территорией Азербайджана. Сам С.В. Юшков проводил северную границу Албании по реке Терек.² Эта работа оказала сильное влияние на развитие истории Дагестана и Азербайджана. Из признания его точки зрения исходили Е.И. Крупнов и К.Ф. Смирнов при анализе материалов

Таркинского и Карабудахкентского могильников.³ Последующие ученые, решающие проблему северной границы Албании, могут быть включены в одну из выделенных С.В. Юшковым групп. К.В. Тревер и А.А. Аюбян, например, присоединились к мнению В. Бартольда,⁴ дагестанские ученые — авторы “Истории Дагестана”, “Очерков истории Дагестана”, азербайджанский археолог Дж. А. Халилов и др. — к мнению первой группы. Причем, В.Г. Котович, составивший раздел о Кавказской Албании в “Очерках истории Дагестана”, из состава албанского государства исключал территорию горной части, населенной дидойцами.⁵ Между тем К.В. Тревер дидойцев (дидур) называет в составе албанского племенного союза.⁶ Зато уже в “Истории Дагестана” Д.М. Атаев включил пеликом Дагестан в состав Албании, ограничив его северные пределы рекой Сулак.⁷ Дж. А. Халилов вводит в состав Албании лишь Приморский Дагестан до Сулака.⁸ К. Алиев суживает границы Албании до районов Большого Кавказа и Самура,⁹ т.е. практически исключает Дагестан из состава Албании. Несколько аморфную позицию заняли некоторые азербайджанские ученые. Историк В. Н. Левиатов, например, поместил Албанию в пределах от Главного Кавказского хребта до р. Куры, от Каспийского моря до р. Алазань. По поводу северных границ ему не ясно “доходили они до реки Терек или до Дербента”.¹⁰ Ф. Мамедова в последней своей работе доводит границы Албании III в. до н.э. — III в.н.э. до Дербента, допустив, что временами они могли доходить до “Сулака и далее”.¹¹ В “Истории Азербайджана” в состав Албании включается территория Азербайджана и значительная часть Дагестана.¹² В первом томе “Очерков истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР” в соответствующих разделах, написанных А.И. Болтуновой на основании старых материалов С.Т. Еремена, даны сведения о Кавказской Албании. Касаясь этнографии Албании автор считает легов предками лезгин, гелов-гилян и т.д.¹³ При этом Дагестан, как исторический реалий, просто выпадает из поля зрения автора. Та же самая картина повторяется в I томе “Истории СССР с древнейших времен до наших дней”, вышедшем в 1966 г. Здесь тоже очерк “Кавказская Албания и Атропатена (Древний Азербайджан)” написан А.И. Болтуновой.¹⁴ Судя по “Истории народов Северного Кавказа”, значительная часть Дагестана входила в состав Кавказской Албании.¹⁵ В докладе на XV Круповских чтениях А.А. Кудрявцев и М.С. Гаджиев вопрос о северных границах Албании перевели в сферу т.н. контактной зоны оседлого и кочевого мира, проходившей по территории Дагестана между районами Махачкалы и Избербаша.¹⁶

Как видно, вокруг проблемы северной границы Кавказской Албании, как впрочем и вокруг других ее границ, создана острая дискуссионная ситуация.

Между тем “вопрос о пределах Албании продолжал волновать исследователей не как одна из частных исторических тем, а как основной вопрос, до разрешения которого нельзя было приступить к написанию истории народов Кавказа и, главным образом, истории Азербайджана и Дагестана”.¹⁷ Это делает чрезвычайно актуальной тему о северной границе Кавказской Албании.

Сложным и кардинальным проблемам истории и археологии Кавказской Албании посвящен ряд сводных монографических исследований и статей.¹⁸ По истории Дагестана этого времени нет ни одной сводной монографии. Соответствующие разделы “Истории Дагестана” и “Очерков истории Дагестана”, а также “Истории народов Северного Кавказа” написаны не на основе обобщающего исследования, в котором были бы подведены итоги и решены основные проблемы, касающиеся истории и археологии края. Начиная с 1949 года в Дагестане стали проводиться раскопки археологических памятников албанского времени. Их результаты позволили дать характеристику погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря, высказать ряд соображений об этнической принадлежности этих памятников. Широкое распространение получила, например, точка зрения о принадлежности Таркинского могильника смешанному этническому формированию из сарматских аорсов и албанских удин. Эта точка зрения была высказана К.Ф. Смирновым.¹⁹ При этом погребальные сооружения Таркинского могильника, а позже и Карабудахкентского могильника им вслед за Е.И. Крупновым были сопоставлены с памятниками Кавказской Албании, синдо-меотского Прикубанья и сарматского Поволжья.²⁰ Исследования этих авторитетных ученых сыграли важную роль. Многие последующие работы были направлены на развитие высказанных ими соображений.²¹ Получили они признание и в работах М.И. Пикуль, посвященных изучению ряда бытовых и погребальных памятников, выявленных ею в Дагестане. В этих работах она рассматривает ряд вопросов культуры и экономики Дагестана албанского времени, а социальные и политические отношения характеризует как заключительный этап военной демократии.²² Итогам изучения Урцекского городища и могильника были посвящены диссертационные исследования М.М. Маммаева “Ремесло Дагестана албано-сарматского времени: по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960-1964 гг” и М.Г. Магомедова “Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана”.²³ В ходе подготовки диссертации М.М. Маммаевым были опубликованы статьи, имеющие большое значение для изучения предметов материальной культуры Урцекского комплекса, а также ремесленного производства его населения.²⁴ В докладе, посвященном раскопкам на Урцекском городище, В.Г. Котович поставил вопрос о трехчастной структуре

этого городища и характере его фортификационных сооружений.²⁵ Это наблюдение он распространил на все памятники Дагестана. Между тем актуальность изучения бытовых и погребальных памятников Дагестана албано — сарматского или албанского времени была настолько очевидна, что их изучение приобрело определенную популярность. В числе их исследователей был и В.Г. Котович, который начал разработку темы “Бытовые памятники Дагестана эпохи раннего железа”. Основные итоги своих работ он изложил в статье “О процессе урбанизации в древнем Дагестане”.²⁶ В ней он проследил этапы становления дагестанского города от протогорода предскифского времени до города албанского и раннесредневекового времени. В 1969 г. за мною была закреплена тема “Этнокультурное развитие Дагестана албано-сарматского времени”, легшая в основу настоящего исследования. В ходе работы над нею и позже, в рамках изучения проблем истории и археологии Дагестана эпохи раннего железа, мною были изучены материалы, касающиеся этнокультурной и социально-экономической истории Дагестана албанского времени (III в. до н.э. — IV в.н.э.).

По итогам раскопок А.А. Кудрявцева в Дербенте издано ряд монографий и статей, в которых характеризуются остатки жилых, хозяйственных и фортификационных сооружений и предметов материальной культуры досасанидского Дербента, обосновывается мысль о времени возникновения на оконечности Джалганского хребта поселения, развившегося в город албанского времени, названного им вслед за С.А. Ковалевским, Гелдой.²⁷ Недалеко от цитадели Дербента А.А. Кудрявцев раскопал могильник с погребальными комплексами албанского времени.²⁸ Эти работы важны для изучения археологии Дагестана албанского времени. Большое значение имели исследования бытовых памятников Левашинского плато М.Г. Гаджиевым и А.И. Абакаровым. В своих статьях и публикациях они охарактеризовали топографию и планировку городищ Левашинского плато, их укрепления, остатки жилых и хозяйственных сооружений, проследили этапы развития материальной культуры.²⁹ Эти работы имели большое значение для уточнения характера и структуры дагестанских городищ, ранее рассматривавшихся как трехчастные. Ряд статей посвятила М.П. Абрамова характеристике погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря Большого Буинакского кургана.³⁰ В последнее время она выступила в печати, объединив памятники Дагестана в две археологические культуры, одна ею намечена в районе Терско-Сулакского междуречья, другая—на территории собственно Дагестана.³¹

В последнее время характеристикой материальной культуры дагестанских городов албанского времени занялся С.В. Мокроусов. Он полагает, что

фортификационные сооружения на Урпекском и Таргунском городищах возникли не в скифское время, а в албанское.³² Это противоречит выводам многих авторов, однако его мнение заслуживает внимания и учета при дальнейшем изучении этих археологических памятников.

В целом, проведенные исследования оказались ограниченными в пределах одного или нескольких памятников, реже—небольшого региона (Левашинского плато, долина р. Гамри-озень и т.д.). При всей важности они составляют лишь части в общей исторической панораме Дагестана албанской эпохи, не говоря уже о том, что в них не акцентировано внимание на решении этнокультурных проблем. Да и социально-экономические проблемы целесообразно решать в связи с этнокультурной историей, ибо лишь такое изучение может дать общую картину исторического развития, поскольку этнокультурные вопросы связаны с социальными.³³

Таким образом, имеющиеся публикации не снимают задачу создания сводной монографической работы по истории и археологии Дагестана албанского времени. Это и определяет актуальность темы настоящего исследования, посвященного систематизации и обобщению археологических материалов, накопленных в Дагестане до настоящего времени, проблеме историкокультурного осмысления его памятников, воссозданию этнической, экономической и социальной истории края. Хронологические рамки работы охватывают время от 300 г. до н.э. до проникновения гуннов в Дагестан в IV в. до н.э. На это время приходится формирование и развитие албанского государства и материальной культуры его населения. В III-II вв. до н.э. в Предгорьях Северного Кавказа появляются сарматские племена, вступившие в тесные контакты с жившими здесь племенами, в том числе дагестанскими. Они оказали определенное влияние на развитие местной культуры и сами охотно восприняли традиции высокоразвитых оседлых земледельцев, что привело к появлению определения всей эпохи истории Дагестана в III в. до н.э. — IV в.н.э. как “албано-сарматской”. Между тем такое название не отражает сути самой эпохи и ее материальной культуры. Кочевые сарматы, пребывавшие в Предкавказских степях с III-II вв. до н.э. до I в.н.э., не могли только своим наличием здесь определять характер истории высокоразвитых земледельцев, входивших в состав одного из государственных образований Кавказской Албании. Поэтому исследователями предпринимались попытки найти другое более подходящее определение этой эпохи—“античная эпоха” (В.Г. Котович), “албанское время” и т.д. Последнее нам кажется более приемлемым, но многообязывающим, ибо достоверно должно быть доказано распространение албанских пределов до северного и горного Дагестана. Между тем, самые ранние письменные источники об Албании восходят к Патроку, совершившему

плавание по Каспию, выполняя волю Селевка I в 290-281 гг. К тому же в Дагестане нет памятников III в. до н.э., свидетельствующих о вхождении всего Дагестана в состав албанского государства на самом раннем этапе его формирования и развития, т.е. в IV-III вв. до н.э.

Основной целью настоящей работы является выявление общих закономерностей и местных особенностей в культурно-историческом и социально-экономическом развитии населения Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. Задачей работы является определение особенностей материальной культуры, ее места среди сопредельных культур Кавказа, характеристика палеогеографической ситуации, способствующей реконструкции этнической карты края и определению северных пределов Албании, в состав которой входил Дагестан в течение значительного промежутка времени. Для их решения целесообразно систематизировать и проанализировать все доступные нам археологические материалы Дагестана с привлечением данных сопредельных областей, а также использовать сведения письменных источников.

Настоящая работа является первым обобщающим трудом по истории и археологии Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. В ней разобраны вопросы палеогеографии Восточного Кавказа, проанализированы и интерпретированы бытовые и погребальные памятники, а также инвентарь, дана хронология и периодизация памятников, как и их историко-культурная интерпретация; реконструированы основные отрасли экономики, особенно те, которые составляли основу хозяйства; реконструирована также структура общества.

Как уже отмечалось, вокруг многих вопросов, особенно вокруг вопросов истории, основанной на сведениях древних письменных источников, идут споры и высказываются порою диаметрально противоположные соображения. Это касается и проблемы северной границы Кавказской Албании. Мы придерживаемся того мнения, что она, начиная со II в. до н.э. до конца III в.н.э. проходила по Керавнским горам, отождествляемым нами с Андийским хребтом и реке Соане, сопоставляемой с системой Аргун-Терек. В качестве северной политической границы Кавказской Албании Терек рассматривался и раньше. С.В. Юшков, например, аргументировал это положение тем, что у даргинцев и лакцев Койсу и поныне называется именем "Кас". Новые привлеченные нами материалы подтверждают эту точку зрения. Анализ всех грузинских и античных письменных источников дает право на сопоставление Терека с Соаной, по которой проходила северная граница Албании. Еще одно подтверждение эта мысль находит в надписи сасанидского царя Шапура I на Каабе-и-Зардушт, где рядом упоминаются две страны—Албания и Махелония—осетинское название Ингушетии. В пределах Дагестана локализуются племена, входившие в албанский

союз—гелы, леги, каспии, дидуры, отчасти албаны, в районе Шахдагских высот—силвы. Более того, нам удалось разглядеть в современном названии р. Гюльгеричай древнее название птолемеевой реки Герр, связанное с этнонимом гелов. Аргументирован в работе и тезис о происхождении названия реки Самур в раннем средневековье от этнополитического формирования "Самов" или "Самсамов", известных по "Ахты-наме". Древнее название р. Самур восстанавливается как Кас или Кэсия.

По-новому освещаются в работе контакты местного населения с сармато-аланскими кочевниками. Можно допустить, что культурные контакты между ними существовали. Автор допускает, что отдельные ираноязычные элементы могли проникнуть в местную среду, но отвергает мысль о формировании каких-то новых этнических организмов вроде "утидорсов", возникших из ираноязычных аорсов и албанских удин. Последние локализуются, по нашему мнению, в долине реки Кума, единодушно сопоставляемой с древним Удон. Это точка, наименование которого, обусловлено этническим наименованием угрофинского племени — "удов". "Утидорсы" же могли локализоваться еще выше.

Различные политические события, в частности походы римских полководцев, парфянские претензии, сармато-аланские походы (в 35, 72 и 135 гг.) в Закавказье и Переднюю Азию не привели к сокращению северной границы Албании. И только появление гуннских кочевников в Приморском Дагестане оттеснило границы Албании до Дербентского прохода.

В данной монографии обобщены материалы более 40 бытовых памятников, часть из которых изучена сравнительно неплохо. Они занимают самые разные районы Дагестана и свидетельствуют о единых топографических признаках, из которых наиболее важными являются благоприятные физико-географические условия окружающей местности (удобные пахотные земли, пастбищные и покосные угодья, наличие водных источников), близость к коммуникациям, расположение в хорошо защищенных местностях. Бытовые памятники представлены простыми поселениями без укреплений; поселениями, обнесенными оборонительными стенами (городища), наконец, поселениями, обнесенными оборонительными стенами и с цитаделями внутри укрепленной территории, в привилегированной части (городища с цитаделями). Последние являются наиболее крупными и, как правило, среди целой серии мелких городищ и поселений встречаются по-одному. Эта закономерность, отмеченная еще по карте К. Птолемея, отражает специфику политико-административного устройства края. В той или иной степени она связана с родо-племенной структурой и характером общинного устройства. Крупные городища обладают признаками, присущими городам. Охарактеризованы в работе оборонительные

сооружения (стены, сложенные из крупных каменных блоков и панцирные стены с забутовкой пространства между двумя наружными панцирями), дворцовые или храмовые комплексы, а также жилые и хозяйственные постройки. Впервые в научный оборот вводятся материалы Ганзирского поселения с его жилыми сооружениями и разнообразными выразительными предметами материальной культуры.

Характеристика погребальных сооружений и погребального обряда основана на материалах 29 могильников. Для них свойственны грунтовые могилы и склепы (сопоставляемые с наземными, подземными и полуподземными склепами Северного Кавказа), а с I в.н.э. — каменные ящики. С ними связан разнообразный погребальный обряд. Преобладающее положение занимают скорченные на боку, сидячие, вторичные или расчлененные погребения, генетически связанные с архаичными местными традициями. Вытянутые погребенные на спине и боку, на спине, но с разными положениями ног и рук, наличие подстилки под ними, а также меловой подсыпки представляется результатом т.н. сарматизации—скрещения и синтеза своеобразных культурно-исторических слагаемых, возникших в результате соприкосновения племен на обширной территории Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа.

По итогам систематизации археологического материала, сравнительного анализа археологических предметов высказаны соображения об их генезисе, созданы хронология и периодизация памятников, выделены общие для Дагестана и Кавказской Албании в целом культуроопределяющие признаки и определены локальные особенности отдельных памятников и их групп, сделана попытка связать их с племенами, упомянутыми в античных источниках. Реконструированные в работе отрасли экономики—орошаемое и неорошаемое пашенное земледелие, скотоводство и развитые ремесла позволили получить прибавочный продукт, показателем которого является “цагур” — ларь для хранения продовольствия в высокогорном Дагестане и его эквиваленты в других районах края—крупные сосуды-хумы и хозяйственные ямы. Выделены три зоны, обусловленные физико-географическими условиями края. Каждая из них характеризуется местом земледелия и скотоводства в хозяйстве. Эти зоны соответствуют трем выделенным на этнографических материалах хозяйственно-культурным типам. Организация ремесел привело к выделению особой группы ремесленников. Высокого уровня достигла торговля, тесно переплетенная с международной торговлей.

Анализ материалов жилых и погребальных сооружений позволил восстановить структуру малой и ограниченной семей, патронимии и рода, высказать соображения о характере общины. С наиболее богатыми

погребальными сооружениями, с питаделями и многокамерными жилыми сооружениями, дворцово-храмовыми комплексами связана социальная верхушка, с одно — и двухкамерными жилищами, простыми небогатыми погребальными сооружениями —простые общинники — земледельцы, скотоводы и ремесленники, с безинвентарными могилами и захоронениями отдельных черепов—рабы и неимущие общинники, вынужденные обеспечивать свое существование путем служения богатым сородичам. Такая трехчленная социальная структура общества является универсальной, характерной как для античных рабовладельческих, так и для восточных (азиатских или патриархально-рабовладельческих) раннеклассовых формирований. С этим социальным организмом общества связаны и города, возникшие на базе земледельческих поселений.

Таковы общие выводы и положения настоящей работы. Не все вопросы, поставленные в ней одинаково обстоятельно и полно освещены и получили исчерпывающее решение. С накоплением новых материалов в наши выводы могут быть внесены дополнения и коррективы. Во всяком случае нам удалось передать общую картину культурной, этнической и социально-экономической истории края. Я надеюсь, что мой скромный труд будет интересен для читателей.

1. Яновский А. О древней кавказской Албании//ЖМНП, 1846, ч. 52, с. 97-203; Крымский А. Е. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классическая Албания). Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, с. 289-305; Он же. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки. Сб. памяти Н. Я.Марра. Л., 1938; Муравьев С. Н. Птолемеевская карта Кавказской Албании и уровень Каспия //ВДИ, 1983, № 1, с. 117-147; Его же. Уровень Каспия глазами древних греков //Знание-сила, 1983, с. 74-84; То же//Природа, 1987, № 4, с. 74-84.

2. Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании// Ист. записки, 1937, № 1, с. 129-148.

3. Крупнов Е.И. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК, М., 1949, вып. XXVII, с. 19-20; Его же. Новый памятник древних культур Дагестана: (Опыт первого исследования Таркинского могильника в 1947 г.)//МИА, М., 1951, № 23, с. 203-225; Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки// МИА, 1951, № 23, с. 226-275; Его же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент//МАД, Махачкала, 1961, т. II, с. 169-269.

4. Тревер К.В. Очерки истории и культуры Кавказской Албании. IV в. до н.э. — VII в.н.э. М. — Л., 1959, с. 123,127; Аюбян А.А. Албания-Алуанк в Греко-латинских и древнесармянских источниках. Ереван, 1987, с. 35.

5. Очерки истории Дагестана. Махачкала. 1957, т. I, с. 22-29.
6. Тревер К.В. Ук. соч., с. 46.
7. История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 105.
8. Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании: IV в. до н.э. — III в.н.э. Баку, 1985, с. 11; Древнейшие государства Кавказа и средней Азии. Археология СССР. М., 1985, с. 93.
9. Алиев К. Кавказская Албания. Баку, 1974, с. 96-97.
10. Левиатов В. А. Азербайджан с V в. до н.э. по III в.н.э. //Изв. АН АЗССР, 1950, № 1, с. 65-92.
11. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании: (III в. до н.э. — VIII в.н.э.). Баку, 1985, с. 144-148.
12. История Азербайджана. Баку, 1958, т. I, с. 50.
13. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М, 1956, с. 224-227, 437-444, 483-485.
14. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, т. I, с. 208-211.
15. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988, с. 82.
16. Кудрявцев А.А., Гаджиев М. С. Дагестан и сармато-аланский мир (к проблеме контактов и взаимовлияний) // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Махачкала, 1988, с. 50.
17. Тревер К.В. Ук. соч., с. 29.
18. Тревер К.В. Ук. соч.; Акопян А. Ук. соч.; Алиев К. Ук. соч.; Мамедова Ф. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977; *Ее же*. Политическая история... ; Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья: (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980; Османов Ф. Материальная культура Кавказской Албании. IV в. до н.э. — III в.н.э. Баку, 1982; Халилов Дж. А. Ук. соч.
19. Смирнов К.Ф. Археологические исследования... , с. 226-275; *Его же*. Грунтовые могильники... , с. 167-219.
20. *Его же*. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья и Дагестана (1947-1949) // КСИИМК, М., 1951, Вып. 37, с. 151-160; *Его же*. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа // КСИИМК, М., 1950, XXXII, с. 113-125; *Его же*. Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 гг. // КСИИМК, М., 1952, XLV, с. 83-96. См. также: Крупнов Е.И. Новый памятник... , с. 203-225;
21. Федоров Я.А. Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
22. Пикуль М.И. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с.;

Ее же. Эпоха раннего железа в Дагестане // Тез. докладов на научной сессии Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 33-39.

23. Магомедов М.Г. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1970; Маммаев М.М. Ремесло Дагестана албано-сарматского времени: (по материалам раскопок Урцекского городища ДАЭ в 1960-1964 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1970.

24. Маммаев М.М. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Уч. Записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1969, кн. 2, с. 189-224; *Его же*. Зооморфные пряжки Урцекского могильника // Сов. археология. М., 1970, № 4, с. 219-222.

25. Котович В.Г. Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (Тез. докладов). Баку, 1965, с. 154-156.

26. *Его же*. О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 78-93.

27. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982; *Его же*. Исследования в древнем Дербенте // Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 133-134; *Его же*. Древние поселения на Дербентском холме: (досасанидский период формирования исторической топографии Дербента) // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 83-107; *Его же*. К истории древнего Дербента // Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 154-168; *Его же*. Первые исследования досасанидского Дербента // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 130-157.

28. *Его же*. Дербентский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 125-146.

29. Абакаров А.И. Топография раннесредневековых городищ горного Дагестана // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 100-102; *Его же*, Гаджиев М.Г. Нижнечуглинское городище // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 94-114; *Их же*. Исследование раннесредневековых укрепленных поселений горного Дагестана // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 108-132; Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. Первые итоги изучения раннесредневековых бытовых памятников горного Дагестана // Мат. сессии, посв. итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971-1972 гг. (Тез. докладов). Махачкала, 1973, с. 6-8; *Их же* Раскопки Охлинского городища // Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 116-117; *Их же*. К истории поселений горного

Дагестана//Мат. сессии, посв. итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973-1975 гг. (Тез. докладов). Махачкала, 1976, с. 7-9; *Их же, Магомедов Д. К.* Исследования в горном Дагестане//Археологические открытия 1973 г. М., с. 448-449; *Их же, Маммаев М.М.* Раскопки Нижнечуглинского городища// Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 117-118.

30. *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 54-73; *Ее же.* Буйнакский курган// Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 115-143.

31. *Ее же.* Особенности культуры населения Дагестана в албаносарматское время // Сов. археология. М. 1987, № 4, с. 59-73.

32. *Мокроусов С.В.* Материальная культура городов Дагестана албанского времени. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1988.

33. *Генинг В.Ф.* Структура системы археологического знания: (к вопросу о методологическом анализе уровней знаний в археологии)// Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982, с. 6.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА 1.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Сведения о Дагестане имеются в древних сочинениях греческих, римских армянских, грузинских, сирийских, албанских и более поздних арабских и дагестанских авторов. Однако для воссоздания объективной истории населения Северо-Восточного Кавказа эти сведения явно не достаточны. Необходимы беспристрастные и объективные археологические данные. Изучение истории Дагестана на основании этих двух разных по характеру источников имеет свои сложности. Более того, до сих пор нет специальной историографической работы, посвященной Дагестану албанского времени, хотя имеются возможности для изучения Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. с учетом его отношений с государством Албании и населением Северо-Восточного Кавказа.

1. 1. ДРЕВНИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники фрагментарны и в большинстве случаев компилятивны. Они дают сведения о Восточном Кавказе, о племенах, заселявших западное побережье Каспийского моря, об их занятиях, о культурно-экономических связях. Эти сведения более реалистичны, когда речь идет о Прикаспийской территории и смутны, когда говорят о горах, населяющих глубину страны.

Первые сведения греков о Кавказе связаны с плаванием аргонавтов. Позже эти сообщения конкретизируются. Древнегреческий поэт-драматург Эсхил (525/4-456/5 гг. до н.э.), например, помещает Кавказ где-то к северозападу от Керченского пролива.¹ О восточном же Кавказе впервые сообщает древнегреческий историк-географ Гекатей Милетский (522-486 гг. до н.э.): "Вокруг так называемого Гирканского моря горы высокие и покрытые густыми лесами, а на горах колючее растение Кинари".² Интерес греков к Юго-Восточной Европе и к Кавказу усиливается в связи с появлением здесь скифов, сыгравших важную роль в жизни многих народов древнего мира. В "Истории" Геродота (484-431/425 гг. до н.э.) имеются сообщения о географическом положении Кавказа, Каспийского моря, о походах скифов по западному побережью Каспия.

Геродот, названный великим римским оратором Цицероном “отцом истории”, был наиболее значительным автором древности, в сочинении которого собраны довольно подробные сведения о народах древнего мира. Он много путешествовал, побывал в разных местах Малой и Передней Азии, достиг Индии, посетил Колхиду, Месопотамию, Египет, Ливию, Сицилию, Македонию и т.д. В своем сочинении он приводит сведения, взятые не только у греческих путешественников, но и местные предания, якобы услышанные им самим.³ В силу этого некоторые положения его “Истории” вызывают сомнения. Но исследования многих ученых, в частности академика Б.А. Рыбакова показали удивительную добросовестность Геродота.⁴ Поэтому эти сведения, особенно те, очевидцем которых был он сам, являются ценными источниками для изучения истории древних народов. Нам особенно важны сообщения о Каспийском море, как о замкнутом бассейне, о народах Восточного Кавказа, о походе скифов и проч. Некоторые материалы о Кавказе имеются и в сочинениях древнегреческого философа, ученого энциклопедиста Аристотеля (384-322 гг. до н.э.). Они носят отрывочный и случайный характер, но важны для нас поскольку восходят к литературе, которая начиная от Геланика была чрезвычайно распространена в Греции, но не дошла до нас.⁵

Более полные сообщения о Восточном Кавказе, относящиеся к рубежу первого тысячелетия до н.э. и первого тысячелетия н.э., принадлежат древнегреческому географу и историку Страбону (65 г. до н.э. — 21 г. н.э.). Он оставил наиболее ценные сведения по истории и этнографии предков современных народов Грузии, Армении, Кавказской Албании и “Азиатской Сарматии”, т.е. Северного Кавказа.⁶ В его “Географии” сохранились отрывки многих произведений древнегреческих авторов, сочинения которых не дошли до нас (Метродора Скепсийского, казненного в 70 г. до н.э., Гипсикрата, Феофана Митиленского, Эратосфена—276-194 гг. н.э., Посидония—ок. 135-51 гг. до н.э.). С большим доверием он относится к трудам спутников Помпея, побывавших на Кавказе и встречавшимися с его народами. Учитывая возможность перемещения различных источников, их сокращения, а также пропуски в отдельных сообщениях, пользоваться данными Страбона следует осторожно, во всяком случае, учитывая сказанное.

Как уже говорилось, Страбон неоднократно ссылается на Феофана Митиленского, спутника Помпея. В частности последнему, видимо, принадлежат сведения о примитивном характере общественно-экономических отношений у албанских племен.⁷ К.В. Тревер полагает, что эти сведения могут быть не только результатом наблюдения самого автора Феофана, но и компиляцией из сочинения Гераклида, исследовавшего Прикаспийские области в 323 г. до н.э.

по поручению Александра Македонского или Патрокла при Селевке I в 290-281 гг. до н.э. Она справедливо аргументирует свои предположения о том, что Феофан Митиленский мог иметь возможность ознакомиться с вооружением албанских воинов (панцирями, щитами, луками, копьями, кинжалами), свидетельствующем о высоком уровне развития ремесла. Однако в напряженной военной обстановке 66-65 гг. до н.э., когда население пряталось от римлян, у Митридата едва ли была возможность спокойно ознакомиться с бытом, нравами и обычаями местного населения. Исходя из этих соображений сведения о характере албанского общества она относит не ко времени Страбона (I в. до н.э.), а к IV-III вв. до н.э. и к определенной части населения.⁸

Сообщения Страбона о том, что “албаны не пользуются, как следует, даже землей” и что “за землей нет ни малейшего ухода” противоречит его же рассказу об употреблении албанами деревянного плуга для пахоты, об орошении земли и наличии виноградарства. Скорее всего оба известия разновременны⁹ и восходят к разным авторам.¹⁰

Можно думать, что сведения о вооружении и численности албанского конного и пешего войска, вступившего в борьбу с Помпеем, восходят к Феофану Митиленскому. Видимо, у него же почерпнуты представления о кочевниках, помогавших албанам и иберам в их борьбе против иноземцев. Любопытно то, что вооружение кочевников, помогавших иберам, напоминает вооружение тех кочевников, которые были на стороне албан. Сведения о храмовом хозяйстве, положении верховного жреца, жертвоприношении рабов, видимо, также опираются на данные Феофана Митиленского. То же следует сказать об “уважении старости албанами” и о “почитании покойников”.¹¹

Описания Кавказа у Страбона, видимо, в ряде случаев восходят к Эратосфену, Метродору Скепсийскому и Гипсократу. Общее описание Албании и албанцев, не употреблявших монет, а производивших “мену товарами”, видимо, не имеет ничего общего с известиями Феофана Митиленского. Скорее всего эти данные заимствованы у Эратосфена. Сообщения, отражающие социальные отношения албан, в частности о том, что “в настоящее время над всеми властвует один царь, а прежде над жителями каждого отдельного наречия царствовали отдельные басилевсы”, видимо, опираются на более архаичные данные Эратосфена и Феофана Митиленского.¹² Ссылаясь на Патрокла, Страбон сообщает, что “на горных склонах до вершин, начиная от моря, обитают на небольшом пространстве часть албанов и армян, но на большей части—гелы и леги, кадусии, амарды, утии и анариаки.”¹³ К.В. Тревер, допуская, что эти данные могли восходить к III в. до н.э., к Патроклу все же высказывается, что речь идет о I в. до н.э.¹⁴ Страбон, со ссылкой на Феофана, говорит о том, что между

амазонками и албанами живут скифские племена гелы и леги и, что между этими народами и амазонками течет река Мермодаль.¹⁵ По свидетельству Метродора и Гипсикрата «амазонки живут рядом с гаргареями на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими».¹⁶ «Мермодаль, низвергаясь с гор, течет через страну амазонок, через Сиракены и лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду».¹⁷ В настоящее время довольно обстоятельно аргументировано, что страбоновский Мермод-Мермодаль—это Терек, один из притоков которого до настоящего времени известен под названием Мермедик.¹⁸

О племенах Албании упоминает и римский историк Тит Ливий (59 г. до н.э. — 17 г. н.э.), писавший через 30-40 лет после похода Помпея: «Преследуя Митридата, Гней Помпей пришел к самым крайним и неизвестным народам, иберам и албанам, которые не пропускали его, но он победил их в сражениях».¹⁹

О племенах Восточного Кавказа, в частности об албанах и Албании упоминает ряд авторов I в.н.э. Наиболее важный среди них крупнейший римский историк и писатель Плиний Старший (23-79 гг.). Для написания своей «Естественной истории» он использовал труды 327 греческих и 146 римских авторов, большинство из которых не дошло до нас.²⁰ Писавший в это же время римский географ Помпоний Мела также пользовался старыми источниками, в частности сведениями римского ученого-энциклопедиста Варрона (116 - 27 гг. н.э.), к которым часто прибегал и Плиний. Ряд интересных сведений можно почерпнуть из сочинений автора «Иудейской войны» и «Древностей иудейских» Иосифа Флавия, а также Юлия Фронтина, Тацита, Дионисия и др.²¹

Значительный интерес для нас представляет «Географическое руководство» выдающегося астронома, математика и географа античности Клавдия Птолемея. Он пользовался математической географией, представленной именами Дикеарха, Эратосфена, Гишарха, Посидония, Марина Тирского. Труды этих ученых до нас не дошли или сохранились в незначительных фрагментах, приведенных в компилятивных сочинениях. Птолемей делал попытку построить географическую карту посредством нанесения на градусную сетку пунктов, широта и долгота которых была определена. Такие попытки еще на рубеже I-II вв. были предприняты Марином Тирским, взявшим в основу своих расчетов данные Посидония о размерах земного меридиана и широты ойкумены.²² При этом Птолемей принял неудачную цифру земной окружности и в результате получил неверную величину градуса (в 400 стадий) по родосской параллели. Длину земной окружности он также сократил в два раза.²³ Птолемей проводит 21 параллель через промежутки в полчаса, от Черного моря до широты в 18 часов, а оттуда до Тулэ—с

промежутками в час. Общая ширина известного мира Птолемея—80 500 или 40 000 стадий. Многие географические пункты на его карте сдвинуты на север.²⁴ Сам он, приступая к выполнению грандиозной задачи—дать положение земной поверхности на карте, сознавал, что его карта могла дать лишь приближенную картину обитаемой земли. Кроме того, астрономические определения, которыми располагает Птолемей не совсем точны, инструменты не совершенны и могли дать лишь схематическую картину.²⁵ Также весьма приблизительны места расположения географических объектов Кавказской Албании. Сама Албания вытянута в широтном направлении. Так, судя по расположению крайних географических пунктов наибольшее расстояние с юга на север Албании составляет 1 241 стадию или 197 км 319 м, с запада на восток—3 600 стадий или 572 км 400 м.²⁶ Ошибка Птолемея по долготе колеблется в пределах 1° 57', а по широте—0° 49'. В других местах эти колебания иные. Об этом свидетельствует характер изображения самой Албании.²⁷

Более того, сами карты Птолемея нам не известны. Есть предположение, что они погибли при пожаре вместе с Александрийской библиотекой. Рукописные атласы Птолемея были составлены в V в.н.э. Агафодемоном, о чем свидетельствует надпись на одной из рукописей.²⁸ Через средневековье до наших дней «Географию» Птолемея пронесли арабы, которые перевели ее на свой язык и только в XIII в. этот труд был переведен на латинский язык.²⁹ В 1472 г в Болонье появилось на свет первое печатное издание «Географии» на латинском языке. В 1478 г оно было повторено в Риме с картами, гравированными Арнольдом Букингемом и в 1482 г в Ульме с картами, вычерченными бенедиктинцем Дони. Все последующие издания «Географии» были повторением римского или ульмского изданий и дополнялись поправками соответственно новейшим географическим открытиям и политическим целям в Европе.³⁰ По мнению С.А. Ковалевского, Птолемей лишь разработал и изложил общие принципы составления географических карт, а сами карты с системой координатов были составлены на рубеже VII-VIII вв.³¹ Таким образом, научная достоверность «Географии» Птолемея весьма приближительна. Сам он плохо знал рельеф Азиатской Сарматии, как впрочем и Албании. Каспийское море изображено в виде вытянутого в широтном направлении озера. Кавказские горы также тянутся в широтном направлении.³² Тем не менее, для своего времени «География» Птолемея была громадным достижением. При всех упомянутых выше недостатках использовать ее для научных исследований в качестве исторического источника вполне можно, сопоставив, однако, с другими источниками. Так, в «Армянской географии», написанной на основании сочинения К. Птолемея, имеются сведения об Албании в том числе о Дагестане.³³

То же самое следует сказать о “Житии Маштоца” Корюна (V в.), “Истории Армении” Агафангела (V в.), “Истории Армении” Моисея Хоренского, о трудах историков V—начала VI в. — Елише, Лазаря Парбского и др.

Особое значение для изучения Албании и Дагестана имеет “История Албании” Моисея Каланкатуйского.³⁴ До нас эта летопись дошла в сорока списках и сохранилась в трех частях. Самое раннее упоминание об “Истории Албан” содержится в “Истории церковного разрыва между грузинами и армянами” автора X в. Ухнатеса в рассказе о переезде после 958 г. католикоса Армении Анания Мокаци в Хачен. Автор X в. ст. Арбелиан широко пользовался “Историей Албании”.³⁵ Однако, внимание исследователей этот источник привлек лишь в XIX в. Анализом “Истории Албании” занимались многие ученые³⁶ и почти все они касались вопроса об авторстве “Истории”, времени ее написания и истории введения в научный оборот.

В настоящее время установлено, что третья часть “Истории Албании” относится к X в., а две первые—к VII в. М. Х. Абегиан характеризует “Историю Албании” Моисея Каланкатуйского как “компилятивный сборник”, в котором материал расположен в хронологическом порядке”. Причем сведения взяты у Моисея Хоренского, Елише (авторов IV-VI вв.), из китайской литературы, посланий и канонов.³⁷ Эту точку зрения поддерживает большинство исследователей. Первые две книги “Истории Албании” содержат сведения о событиях, начиная с древнейших времен до конца VII в., в третьей книге—о событиях с начала VIII в. и до конца X в.

В “Истории Армении” Фавста Бузанда излагаются исторические события Армении за период 337-387 гг. В этой работе сохранились сведения об армяно-сасанидской борьбе т.е. о том, как албанский царь Урнаир сначала помогал сасанидам (Шапур II), а потом порвал с ними союз и начал поддерживать Армению.³⁸

По мнению М. Абегиан “Историей Армении” Фавста Бузанда нельзя пользоваться как достоверным историческим источником в силу того, что творческий элемент занимает в нем много места.³⁹ Другой исследователь, английский историк Норман Бейнс, наоборот, считая Фавста Бузанда “величайшим историком Армении”, установил достоверность его сведений и придавал большое значение его труду для истории Рима.⁴⁰

Моисей Хоренский (первая половина V в.) являлся хорошо образованным историком. Он побывал в Италии, Греции и Александрии, где пополнял свои знания. Для написания “Истории Армении” он пользовался целым рядом письменных источников, эпическими сказаниями и мифами. В этой работе имеются сообщения о событиях в Албании.⁴¹

Лазарь Парбский (Перпепи) в своей “Истории Армении” излагает события, связанные с борьбой народов Закавказья за независимость, начиная с 387 г. Некоторые положения своей “Истории” он заимствовал у Фавста Бузанда, Агафангела и Корюна. Его “История”, как считает М. Абегиан, является “богатейшим историческим источником” и “выдающимся литературным произведением”.⁴²

В “Истории Армении” Агафангела (Агатапгехоса—V в.), посвященной внутренним делам Армении и насаждению в ней христианства, имеются отдельные сведения, касающиеся восточного и северо-восточного Кавказа.⁴³ Имеются сведения, интересующие историка Дагестана и в “Житии Маштоца” Корюна и “Истории” Елише.⁴⁴

Большой интерес представляет для нас сведения грузинских летописей “Картлис цховреба” и “Обращение Грузии (в христианство)”.

“Картлис цховреба” (Житие Картли) автора XI в. — Леонти Мровели представляет собой ценный источник по истории древней и средневековой Грузии и Кавказа. В настоящее время “Житие” представлено в нескольких списках. Изучением его занимались исследователи разных поколений и эпох. Недавно вышел из печати перевод хроники “Жизнь картлийских царей” Л. Мровели с предисловием и комментариями Г. В. Цулая. В этой работе приведены сведения о всех известных списках летописи, история ее перевода, издания и изучения.⁴⁵

Одни исследователи не доверяют “Картлис цховреба”, другие—наоборот, считают его важным историческим источником для изучения Кавказа.⁴⁶ Леонти Мровели в своей летописи изложил события, очевидцем которых был сам, использовал древнегрузинские традиции, сочинения греческих, древнеармянских и древнегрузинских авторов.⁴⁷ Сама летопись состоит из частей, посвященных генеологии кавказских народов, в том числе и дагестанских (леков), описания “нашествия хазар”, “нашествия Александра” (Македонского—О. Д.), описания жизни и деятельности первого картлийского царя Фарнаваза Картлосиана. Генеологическая часть составлена по уже известным схемам. Интересна здесь мысль о генетическом родстве кавказских народов и границах владений их родоначальников (этархов). Этноним “леки” (lek-kh), встречающийся в античных источниках, передается в грузинской форме.⁴⁸ Это наводит на мысль о том, что античные писатели, как и Леонти Мровели, пользовались более древними грузинскими источниками.

По толкованию раздела “Нашествие хазар” среди исследователей нет единого мнения. Г.А. Меликишвили, вслед за Г.И. Клапротом и В.Ф. Миллером, а также другими исследователями полагает, что Л. Мровели под “хазарами”

подразумевал скифов. Соответственно за нашествием хазар следует эпоха персидской гегемонии, затем период походов Александра Македонского, далее эпохи могущества Асурастана (Селевкидского царства) и “греков” (Понтийское царство) и т.д. Эту точку зрения поддерживают многие ученые.⁴⁹ Другая точка зрения, высказанная Л.М. Меликсет-Бекком, отстаивает собственно хазарское нашествие, объяснив перестановку в летописи текста о хазарах в эллинистическую эпоху тем, что Л. Мровели и его источник имели смутное представление об истории Кавказа до “походов Александра”. В основе этой части летописи Л. Мровели, по его мнению, лежат сведения армянских источников о походах хазар в Армению, Грузию и Албанию.⁵⁰

Легенда об Александре Македонском как в “Картлис цховреба”, так и в “Обращении картли” (X в.), заимствована из романа автора III в. Псевдо-Калисфена “Александрия”. В разделе “Житие Фарнаваза Картлосиана, что он был первым царем Картли” описываются события, действительно имевшие место в Закавказье. В этих событиях народы Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, объединяются с народами Грузии в борьбе против чужеземных завоевателей за свободу и независимость. Эти события приурочены к III-началу II в. до н.э.⁵¹

Другой грузинский источник “Обращение Картли (в христианство)” (X в.)⁵² дошел до нас в двух взаимодополняющих друг друга редакциях. Он состоит из двух частей: первая — из рассказа о появлении в Картли Александра Македонского, об обращении Грузии в христианство, списков царей Картли различных периодов до Мириана (IV в.), вторая — из рассказа об обращении Картли в христианство и описания “Жития св. Нино, просветительницы Грузии”.⁵³

Сведения о Дагестане и Кавказской Албании, хотя и незначительные, имеются также в сирийских источниках, изученных и введенных в научный оборот Н.В. Пигулевской.⁵⁴ Из них для нас важны сообщения Захария Ритора о том, что люди “из пределов Даду” “живут в горах, у них есть крепости.”⁵⁵

Материалы, касающиеся истории народов Дагестана, содержатся и в арабских источниках. Но все они относятся к эпохе раннего средневековья и для нашей темы имеют лишь косвенное значение. Однако, совпадение тех или иных этнонимов, топонимов и гидронимов, некоторые сообщения более древних и поздних источников о стране, ее народах и природных богатствах дают некоторую возможность судить об отдельных деталях в истории народов Дагестана. Так, ценные сообщения о политических образованиях в Дагестане, укреплениях и некоторых идеологических фактах содержат сочинения Ал-Истахри (писал в 930 г.), Ибн-ал-Факиха (писал около 903 г.), Ибн-Хордадбега

(820-913 гг), Кудами (ум. 948), Ибн-Хаукаля (писал около 977-978 гг), Хамдулы Казвини, Садика Исфагани, Абу-л-Феда и др.⁵⁶

Особую ценность представляет арабоязычная литература, созданная местными историками и писателями. Важные материалы о Дагестане, его политических образованиях содержатся в труде Мухаммеда Аббаби-Акташи “Дербент-наме”.⁵⁷ Труд этот написан в конце XVI-начале XVII вв. В его основу положены более древние источники, не дошедшие до нас. В нем излагаются события, происходившие в Дербенте до 1064 г. Существует большое количество списков “Дербент-наме” на арабском, турецком, персидском, лакском, азербайджанском, чагатарско-кумыкском, даргинском языках.⁵⁸

Интересные материалы, касающиеся происхождения народов Дагестана, его этнонимов и топонимов, а также отдельные суждения по вопросам древней истории Дагестана имеются в сочинении Абас-Кули-Ага Бакиханова “Гюлистан-Ирам”. В этой работе широко использованы арабские исторические сочинения.⁵⁹

Все эти поздние работы представляют для нас интерес с точки зрения сравнительного материала. Они могут дать хорошие результаты при сопоставлении с древними источниками. При этом необходимо учесть, что все или большинство приведенных сочинений представляют собой простую компиляцию и к ним надо относиться с большой осторожностью.⁶⁰

В качестве исторических источников могут быть также использованы и материалы обычного права, фольклорные и этнографические сведения, неплохо изученные в самое последнее время.

1.2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ (история изучения памятников албанского времени).

История археологического изучения Дагестана получила освещение в специальных работах и в соответствующих разделах монографических исследований. Так, в статье А.А. Иессена “Работы на Сулаке” собраны сведения о памятниках Сулакского бассейна, выявленных до 1933 г.⁶¹ В 1959 г. вышла из печати статья Р.М. Мунчаева “К истории археологического изучения Дагестана”, где дан обзор исследований бытовых и погребальных памятников до Октябрьской революции. В этой статье приведены сведения и об отдельных памятниках, выявленных и в более позднее время.⁶² История археологического изучения Дагестана советского периода до 1959 г. освещена в статье В. Котовича и Н. Шейхова “Археологическое изучение Дагестана за 40 лет”. В ней дан обзор памятников всех эпох, проанализированы проблемы древней и средневековой истории и археологии Дагестана, показано состояние изученности отдельных актуальных вопросов.⁶³ Уровень изученности археологии Дагестана эпохи

раннего железа показана в работах М.И. Пикуль "Эпоха раннего железа в Дагестане" и О.М. Давудова "Культуры Дагестана эпохи раннего железа".⁶⁴ В последнее время она получила освещение в "Археологической карте Дагестана."⁶⁵

Первые материалы, относящиеся к эпохе раннего железа, были получены в Дагестане при подготовке к Пятому археологическому съезду. В районе Дербента в 1880 Г.А. Русовым и Н. О. Цилюсани были раскопаны курганы, основная часть которых относится к эпохе раннего средневековья, а некоторые — к эпохе бронзы и раннего железа. Материалы этих курганов остались неопубликованными и ныне хранятся в фондах Государственного музея Грузии.⁶⁶ Значительную собирательную работу в Дагестане провел генерал А.В. Комаров. В течение 19-летней службы в Дагестане он накопил огромную археологическую коллекцию, опубликовал ряд статей и докладов, которые имели большое значение для своего времени.⁶⁷ Собранные им древности, среди которых имеются и интересующие нас предметы, хранятся ныне в ГИМе и в Государственном музее Грузии.

В 1882 г. П. Д. Тарарин вблизи сел. Чаляихо (ныне Цунтинский район — О. Д.) раскопал сооружение, названное им "малым курганом". Из раскопа им были получены 88 антропоморфных статуэток. А.А. Иессен вполне обоснованно полагает, что "малый курган" был культовым местом.⁶⁸ В следующем году французский путешественник Г. Бапст по дороге в Закавказье посетил высокогорный Дагестан (бывший Андийский округ) и провел небольшие археологические работы вблизи сел. Кидеро (ныне Цунтинский район). Среди его археологической коллекции имеются статуэтки, часть из которых можно отнести к интересующему нас времени.⁶⁹ Такие же статуэтки были получены и в результате раскопок К. Россикова у того же селения Кидеро в 1885 г.⁷⁰ Все эти статуэтки наряду с другими кавказскими антропоморфными фигурками были охарактеризованы позже А. Захаровым, В.И. Марковиным⁷¹ и др. Тем не менее, они нуждаются в дальнейшем изучении.

Надо отметить, что работы П. Д. Тарарина, Г. Бапста, К. Россикова носили в целом ограниченный характер. Очевидно, после статьи Д. Н. Анучина, где делался вывод о позднем заселении Дагестана и после того, как раскопанные памятники Дагестана не дали особенно ценившихся в то время классических древностей, интерес к Дагестану, как объекту археологического изучения, ослаб. Работа, проводившаяся в Дагестане в конце 90-х годов XIX в., связана с деятельностью местных энтузиастов. Так, сотрудники Дагестанского статистического комитета Е.И. Козубский и Ф. А. Афанасьев провели археологические работы в окрестностях г. Буйнакса, селений Ишкарты и

Карабудахкента. Из их работ для нас важны раскопки Большого Буйнакского кургана, где за два года ими было вскрыто 26 могил. Позже итоги их раскопок опубликовали А.А. Захаров и М.П. Абрамова.⁷² Материалы этого могильника позволяют проследить последовательную линию развития материальной культуры раннего средневековья — албанского времени, а также охарактеризовать контакты племен плоскостного Дагестана со степными ираноязычными и сопредельными кавказскими племенами. Однако ко времени раскопок сведения о материальной культуре Дагестана албанского времени были весьма скудными и значение памятника оставалось не реализованным.

После этого, вплоть до 30-х годов XX в. памятники Дагестана албанского времени не изучались. Музейные коллекции пополнялись лишь случайными находками, собранными сотрудниками музеев (А. М. Завадским — 1903 г., А.К. Сержпутовским — 1910 г., А. Л. Млокосевич — 1911-1914 гг.). Из этих коллекций для нас интересны антропоморфные статуэтки, некоторые предметы вооружения и украшения. Среди вещей, случайно найденных в 1922-1923 гг. при дорожно-строительных работах вблизи сел. Анцух Тляртинского района, важно отметить дуговидные фибулы, подтреугольные пряжки и круглые ажурные бляхи. Отдельные находки поступили в Дагестанский краеведческий музей и из Каратинского могильника (Ахвахский район).⁷³ Специальный археологический отряд (нач. А. С. Башкиров) этнолингвистической экспедиции, организованной в 1924 году Дагнаркомпросом под руководством проф. Н. Ф. Яковлева, подверг исследованию городище Топраккала у ст. Белиджи и Арменкала с одновременным могильником, расположенным недалеко от сел. Хтунказмалар.⁷⁴ Топраккала изучался также в 1937 году Е.А. Пахомовым и в 1941 году — М.И. Исаковым,⁷⁵ которому удалось собрать подъемный материал, датирующийся последними веками первого тысячелетия до н.э. — первыми веками первого тысячелетия н.э. Он же поставил вопрос о возможности локализации на месте Топраккалы албанского города Албана.⁷⁶ Позже М. С. Гаджиев связал это городище с городом Шахристан-и Иездигерд.⁷⁷ В.Г. Котович отождествлял его с городом Чол-Чор-Чог.⁷⁸

Планомерное археологическое изучение Дагестана с охватом всей его территории началось с 1936 года работами Северокавказской археологической экспедиции.⁷⁹ В этом же году Дагестан посетил Е.И. Крупнов. В 1937 Г.А. П. Круглов обследовал районы Дагестана, прилегающие к Чечне, а также культовые места у сел. Арчо (Ахвахский район) и Согратль (Гунибский район).⁸⁰ Работы Северокавказской экспедиции были прерваны Великой Отечественной войной и лишь после ее завершения возникла возможность продолжить прерванные раскопки. Начало этим исследованиям в Дагестане заложил Е.И.

Крупнов, возглавивший Северокавказскую экспедицию.⁸¹ В 1947 г. им был раскопан Таркинский могильник, где были обнаружены комплексы каякентско-харачоевского и албанского времени. В статье, посвященной этим работам, Е.И. Крупнов отметил сочетание в материальной культуре могильника местных и степных сарматских черт.⁸² Эти работы были продолжены экспедицией ИИМК и Дагестанского краеведческого музея под руководством К.Ф. Смирнова. С того времени до 1951 г. экспедиция проделала огромную работу по выявлению и изучению разновременных археологических памятников, в том числе Таркинского, Карабудахкентского № 1,3,4 могильников.⁸³ В статье, посвященной анализу раскопок Таркинского могильника, К.Ф. Смирнов разделяет точку зрения Е.И. Крупнова по его датировке и о характере материальной культуры памятника. Он сравнивает погребальные сооружения, погребальный обряд и инвентарь этого памятника с культурой памятников синдо-меотского Прикубанья и сарматского Поволжья.⁸⁴

В погребальном обряде и инвентаре Карабудахкентского I могильника сарматские черты выступают меньше, чем на одновременном Таркинском могильнике.⁸⁵ Карабудахкентский могильник III наряду с Большим Буйнакским курганом восполняет недостающее звено в развитии материальной культуры племен Дагестана албанского и раннесредневекового времени.⁸⁶

С 1951 г., образовавшийся к этому времени в республике Дагестанский филиал АН СССР, проводит археологические исследования на территории республики уже собственными силами. В результате достоянием науки стали многочисленные памятники, относящиеся к самым различным периодам истории края. В работах дагестанских археологов получили освещение поворотные пункты местной истории, стал возможным выход из печати специальных обобщающих трудов.

Свои исследования экспедиции Института истории, языка и литературы Дагфиллиала АН СССР (ныне Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН) начинал с маршрутных разведок в северной части плоскостного Дагестана⁸⁷ и в бассейне р. Андийское Койсу.⁸⁸ В числе других памятников в эти годы было выявлено укрепленное поселение сарматского времени у сел. Новая Надежда Бабаюртовского района.

С 1953 г. Дагестанская археологическая экспедиция работает в составе двух отрядов, а позже—трех, четырех и более. В 1953 г. работает Северный (нач. М.И. Пикуль) и Южный (нач. В.Г. Котович) отряды. Северным отрядом наряду с памятниками других эпох были выявлены и обследованы могильники сарматского времени (близ сел. Новолакское Новолакского района и сел. Ленинкент Сергокалинского района),⁸⁹ Южным—могильники эпохи раннего

железа. В статье, посвященной анализу этих памятников, В.Г. Котович определяет их хронологическое место, указывает сармато-аланский характер материальной культуры Мамайкутанского могильника.⁹⁰

В целях активизации археологического изучения Дагестана в 1954 г. в секторе истории Института ИЯЛ Дагфиллиала АН СССР была образована археологическая группа. Она просуществовала вплоть до 1958 г. и проделала большую работу по изучению древней истории Дагестана. В частности благодаря ей вышла в свет фундаментальная сводная работа «Очерки истории Дагестана.»

С 1955 г. в бассейне Сулака стали проводиться археологические исследования широкими масштабами. Это было связано с наметившимся строительством Чирюртовской ГЭС.⁹¹ Параллельно проводились исследования и в горном Дагестане. В 1956 и 1957 годах подвергался раскопкам Хабдинский могильник VI в. до н.э. — IV в.н.э.⁹² В 1958 г. I Горным отрядом (В.Г. Котович, В. М. Котович) был обнаружен могильник албанского времени, расположенный на месте мезолитической стоянки, на южной окраине Мекегинского хутора Тарлан—как.⁹³ В этом же году на границе Чечни и Дагестана, около сел. Шушия Ножайюртовского района Чечни отрядом Северокавказской археологической экспедиции (нач. Р.М. Мунчаев) был открыт могильник середины первого тысячелетия до н.э. — II-III вв.н.э., на котором более широкие раскопки производились в 1961-1962 гг. отрядом В.И. Марковина.⁹⁴ Этот могильник позволяет более уверенно ориентироваться в сложных проблемах этнокультурной характеристики памятников Северо-Восточного Кавказа.

Сезон 1959 г. оказался более плодотворным в изучении памятников Южного Дагестана эпохи раннего железа. В этом же году были начаты работы на вновь выявленном Шаракунском могильнике скифского и албанского времени (совхоз им. Герейханова Сулейман-стальского района). К сожалению, эти исследования были прерваны в 1963 г. смертью М.И. Пикуль.

В 1960-1964 гг. на Урцекском городище и могильнике были произведены раскопки с участием почти всего коллектива археологов Дагестана.⁹⁵ В результате удалось получить материалы, проливающие свет на малоизученные страницы истории и археологии Дагестана скифского, албанского и раннесредневекового времени.⁹⁶ Параллельно с работами в Урцеках проводились исследования и в других районах республики. В частности, в 1960 г. Горный отряд под руководством Д.М. Атаева выявил могильник албанского времени у дороги Урада-Тидиб (Шамильский район). В 1962 г. отряд под руководством М.Г. Гаджиева обнаружил и исследовал поселение эпохи раннего железа недалеко от известного Гинчинского могильника.⁹⁷ В 1964 г. Приморская

экспедиция открыла огромное количество новых бытовых и погребальных памятников в том числе и албанского времени.⁹⁸ С 1965 г. начала раскопки и разведки памятников эпохи раннего железа экспедиция под руководством В.Г. Котовича. В числе изученных памятников был Хабединский могильник, раскопки которого производил автор настоящей работы.⁹⁹ Памятники, изученные в окрестностях сел. Новая Надежда и урочища Чопалавтюбе Северным отрядом под руководством Г.С. Федорова¹⁰⁰ и могильники, исследованные в окрестностях селений Байтарки и Балансу Северокавказской археологической экспедицией (нач. В.И. Марковин) позволили охарактеризовать материальную культуру степной части Северного Дагестана и приграничных районов Чеченской республики, а также установить характер взаимоотношений степных ираноязычных и местных оседлых племен.

В 1967-1968 гг. I-й Горный отряд под руководством В.Г. Котовича проводил раскопки вновь выявленных могильников и поселений в окрестностях сел. Цыйша (Кулинский район) и Тидиб (Шамильский район).¹⁰¹ В следующем году О.М. Давуловым были начаты работы в бассейне Казикумухского койсу. Среди других памятников изучались Курклинский (III-VII вв.) и Сумбатлинский могильники, а также погребальный комплекс на Цархигоцинском могильнике (окраина сел. Тидиб Шамильского района).¹⁰² Все эти памятники позволили охарактеризовать материальную культуру горного Дагестана албанского времени, определить характер и направление контактов населения и, наконец, поставить вопрос об особенностях социальной организации общества. Материальная культура позднего этапа албанского времени Северного Дагестана характеризуется по нижним слоям бытовых памятников, исследованных экспедицией ИИЯЛ под руководством М.Г. Магомедова. Этой же экспедицией собран материал эпохи раннего железа с бытовых памятников, расположенных вблизи сел. Кегер Гунибского района.¹⁰³

В 1971 г. Гамринская археологическая экспедиция под руководством В.Г. Котовича начинает работу на городище Таргу и одновременном могильнике, расположенных в бассейне р. Гамриозень. Тогда же этой экспедицией в той же зоне были обследованы городища Алхаджикент, Мамауд и др., нижние слои которых относятся к албанскому времени.¹⁰⁴ Работы на Таргунском городище с перерывами продолжались до безвременной кончины начальника экспедиции В.Г. Котовича в 1979 г.¹⁰⁵

Слои албанского времени обнаружены и на бытовых памятниках Левашинского плато, в том числе на Охлинском, Чуглинском и др. городищах, изучавших Горной археологической экспедицией под руководством М.Г. Гаджиева в 1971-1975 гг.¹⁰⁶

С 1971 г. начинается стационарные раскопки в Дербенте, продолжавшиеся до 1990 г. В результате работ, проведенных под руководством А.А. Кудрявцева, в Дербентской цитадели выявлены культурные слои и остатки жилых, хозяйственных, дворцово-храмовых и фортификационных сооружений досасанидского времени. Недалеко от цитадели исследован и могильник с погребальными сооружениями албанской эпохи.¹⁰⁷

После разведок В.Г. Котовича, В. М. Котович, М.Г. Магомедова и П.М. Дебирова, а также находки таблички с албанским алфавитом краеведом Х. Асланбековым,¹⁰⁸ Отряд Института ИЯЛ под нашим руководством начал раскопки Верхнеабкомахинского городища III в. до н.э. — XIV в.н.э. Этот памятник наряду с поселениями, выявленными Горной археологической экспедицией М.Г. Гаджиева, характеризует материальную культуру населения Левашинского плато.¹⁰⁹ В 1974 г. Южнодагестанская археологическая экспедиция (нач. О.М. Давулов) начала раскопки памятников, расположенных в Магарамкентском, Дербентском, Сулейманстальском и Табасаранском районах. Здесь, наряду с другими памятниками были выявлены и изучены могильники возле сел. Советское Магарамкентского района, поселения на окраине бывшего селения Ганзир и на горном отроге, у сел. Сиртич, а также городище в урочище Чичикар (Табасаранский район). Тогда же удалось обнаружить и новые поселения около сел. Юхаристал и Алкадар Сулейманстальского района.¹¹⁰ Все эти памятники позволили определить характер материальной культуры Южного Дагестана и решить ряд проблем его истории и археологии.

Материалы нижних слоев Андрейаульского городища, раскопки которого были начаты Д.М. Атаевым и продолжены М.Г. Магомедовым, наряду с ранее изученными памятниками Терско-Сулакского междуречья дали возможность охарактеризовать культуру населения Северного Дагестана.¹¹¹

Все указанные выше памятники составляют источниковедческую базу археологического исследования Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. Работы, проведенные на территории Азербайджана и Чечни, которых мы здесь почти не касались, помогают нам уточнить многие вопросы сложной истории и археологии Северо-Восточного Кавказа в албанское время.

1. 3. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ДАГЕСТАНЕ АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ.

Начало изучения Дагестана восходит ко времени появления интереса России к Восточному Кавказу. Во всех работах этого времени вопрос о Дагестане в связи с Кавказской Албанией ставился лишь в том случае, если тот

или иной автор включал Дагестан в состав этого раннего государственного формирования. Причем, начальные работы о Кавказской Албании целиком опирались на фрагментарные сведения письменных источников. Но уже в одной из первых работ об Албании, написанной Ф. Крузе, обращалось внимание на необходимость ее археологического изучения. В ней же ставился вопрос о хозяйстве Албании, особенно о торговых путях, проходивших через ее территорию страны.¹¹² Размеры государства устанавливались в пределах Восточного Кавказа — от Дербента до р. Аракс, город Кабала отождествлялся с одноименным городом под тем же названием, река Албана — с Самур, главный город страны Албана локализовался поблизости от современного города Баку.¹¹³ А. Яновский ограничивает пределы Албании Нухинским и Ширванским областями.¹¹⁴ Причем он полагает, что границы раннего албанского государства были иными, чем средневекового.¹¹⁵ Сопоставляет он и упоминаемые Птолемеем 29 городов и сел по созвучию с различными населенными пунктами современного Азербайджана, а четыре реки, впадающие в Каспий, рассматривает как притоки Куры.¹¹⁶ Такая методика исследования и вольное обращение с источниками вызвали справедливые нарекания последующих исследователей.¹¹⁷ Но его точка зрения нашла поддержку у А. Е. Крымского и в наши дни — у С. Н. Муравьева.¹¹⁸ В работе И. Шопена “Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей” специальная глава “Агвания, Албания и Чога” посвящена вопросам истории Кавказской Албании. Название “Албания” или “Алпаниа” он переводит как “страна гор” и связывает с названием “Дагестан”.¹¹⁹ В целом, даже для своего времени эта работа была слабой и методически рыхлой.

Довольно обстоятельный анализ древних письменных источников по истории Кавказской Албании дан в работе крупнейшего востоковеда, академика Б.А. Дорна “Каспий”. Северную границу Албании он проводит по Керавнским горам, которые сопоставляет с Каранайским хребтом. Целый ряд названий, взятых у Птолемея, он отождествляет по созвучию с современными топонимами и гидронимами Восточного Кавказа.¹²⁰

Епископ Макар Бархударян написал исследования, основанные на армянских источниках. Северную границу Албании он проводил по Дербенту. Жителей села Лагич он называет потомками лпинов, которые жили в Сумгаитско-Девичинском междуречье. Джигбов (ильвов) локализует между рекой Девичи и Кубой, маскутов — между Дербентом, Каспийским морем и Малым Кавказом.¹²¹ Довольно интересная статья, посвященная Албании, появилась в “Энциклопедии классических древностей” Паули-Виссова-Кроль. В ней автор северную границу Албании проводит по Керавнским горам, отождествляемым им с восточными отрогами Главного Кавказского хребта,

идущими до Дербента; реку Соану он сопоставляет с р. Самур, город Гангара — с Баку, Хаба́ла (Кабалака) — с Кабала. Исследования Д'Анвилля, Маннерта, Эйхвальда, А. Яновского и Б. Дорна предпринятые для отождествления современных кавказских топонимов и гидронимов с албанскими, он считал тщетными.¹²²

В большой книге Й. Маркварта, посвященной разбору “Армянской географии VII в. ”, имеются сведения, касающиеся Албании и ее топонимов. Саму Албанию автор помещает между Главным Кавказским хребтом и р. Курой, где и локализует реку Албан, т. е. в области Камбечан и Шеки.¹²³ Н. Я. Марр также высказывал свои соображения по этнографии Албании. Так, он считал аварцев потомками албан.¹²⁴

Общие сведения об Албании даны и в курсе лекций, прочитанных В. В. Бартольдом в 1924 г. на восточном факультете Азербайджанского университета.¹²⁵ Вопросы истории Албании освещены им и в статье “Арран”, написанной для “Энциклопедии ислама”. В ней Албания занимает территорию Восточного Кавказа от Дербента до Аракса.¹²⁶

В.Ф. Минорский определяет границы Албании в пределах аллювиальной долины Нижней Куры и Аракса, между Каспийским морем и Иберией с охватом всего Каспийского побережья Дагестана.¹²⁷

Специальную статью посвятил границам Албании С.В. Юшков. Он попытался всю работу, сделанную до него, разделив своих предшественников на несколько групп по их отношению к рассматриваемым вопросам: в первую группу объединены те, кто включали в Албанию Азербайджан и Дагестан и проводили его северную границу по Тереку, Аксаю или Сулаку; во вторую — включавших в Албанию, кроме Азербайджана, узкую прибрежную полосу Дагестана; в третью — тех кто в Албанию, кроме Азербайджана, вносили часть Дагестана, но не севернее Дербента; в четвертую — вносивших в Албанию территорию Шеки и Ширвана — северного Азербайджана. Сам же С.В. Юшков северную границу страны проводил по реке Соане, отождествляемой им с рекой Терек.¹²⁸ Данная работа С.В. Юшкова оказала сильное влияние на дальнейшее изучение албанской проблемы в истории Дагестана и Азербайджана.

Не прошел мимо истории Кавказской Албании С.Т. Еремян. В соответствующих макетах двухтомной “Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства”, вышедших в 1939 г. он на основании сообщений Страбона и других авторов локализует албанские племена на территории Восточного Кавказа, приводит данные об их образе жизни, верованиях, о социально-экономической истории.¹²⁹ В атласе и “Истории армянского народа” он же, вслед за А. Яновским, реки Соана, Герр, Кайсий и

Албана определяет левыми притоками р. Кура, причем Албану отождествляет с р. Алазань, Куру—Камбечем.¹³⁰ В статье “Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу” он описывает путь албанского посольства от Партавы через Кодорский перевал в Варачан. Соответственно племена сиввов (армян. чилбов) и лбинов (липов-липов-лупениев-лифениев-липов) локализует в горах Дагестана, против Кодорского перевала.¹³¹ Однако, невозможность такого предполагаемого им маршрута посольства, учитывая зимние условия высокогорного Дагестана, весьма убедительно доказана А.Р. Шихсаидовым.¹³² Соответственно не верна и локализация самих сиввов и липниев.

В работе Г.К. Ниорадзе, посвященной ялойлутепинским памятникам на территории Грузии, выделены разнообразные типы керамических сосудов, основные образцы которых восходят к переднеазиатским формам.¹³³ Мысль о переднеазиатском происхождении большинства керамических сосудов ялойлутепинской культуры уже тогда нашла возражение среди специалистов.¹³⁴ Местной по происхождению считал ялойлутепинскую культуру и Б.А. Куфтин.¹³⁵ Эту точку зрения в основном разделяют современные археологи. Правда, с поддержкой точки зрения Г.К. Ниорадзе о переднеазиатском происхождении недавно выступил К. Н. Пицхелаури.¹³⁶

Как уже сообщалось выше, в статье, основанной на анализе письменных источников, В. Н. Левиатов помещает территорию Албании в пределах от Главного Кавказского хребта до реки Куры и от Каспийского моря до р. Алазань. По поводу северных границ ему не ясно “доходили они до Терека или до Дербента”.¹³⁷

При опубликовании материалов Таркинского и Карабудахкентского могильников Е.И. Крупнов и К.Ф. Смирнов дали анализ материальной культуры памятников и их характеристику. Оба могильника они приписывают племенам, подвергнутым сарматскому влиянию.¹³⁸ В 1953 г. вышла работа Р. Вейнгольда (R. Weinhold) и Д. Трейде (D. Treide) “Народы Кавказа в древние времена”, где албанов считают одним из важнейших компонентов современных народов Дагестана, главным образом аварцев.¹³⁹ В очерке С.А. Ковалевского “Карта Птолемея” в свете исторической географии Прикаспия сопоставляются древние гидронимы и топонимы с современными географическими объектами. Так, р. Кас отождествляется с Самуром, город Гелда—с Дербентом, а город Гейтара (Гангара) локализуется на месте современного Баку.¹⁴⁰ Эти взгляды были изложены им в другой более ранней работе “Лик Каспия”.¹⁴¹

Целый ряд проблем по истории Кавказской Албании разработан в многочисленных трудах З.И. Ямпольского. В них освещены вопросы социальной

и политической истории, религии, храмового хозяйства, албанской этнографии и палеогеографии.¹⁴² Эти работы представляют большой интерес.

В монографии О. Ш. Исми-Заде “Ялойлутепинская культура” введены в научный оборот все накопившиеся к моменту написания работы материалы грунтовых могильников Азербайджана античного времени. В ней дана характеристика культуры, уточнена ее дата в пределах III-I вв. до н.э., указана этническая принадлежность памятников, показана связь населения Дагестана и Албании.¹⁴³

В первом томе “Очерков истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР”, вышедшем из печати в 1956 г., в соответствующих разделах о Кавказской Албании, написанных А.И. Болтуновой на основании материалов С.Т. Еремяна, даны сведения о характере материальной культуры, уровне социально-экономического и общественного развития, о военном искусстве, ремеслах и духовной жизни. Территориально Албания отождествляется только с Азербайджаном. Касаясь вопроса этнографии Албании, автор считает легов предками лезгин, гелов-гилян.¹⁴⁴ При этом Дагестан, как исторический реалий, целиком выпадает из поля зрения исследователя.

В “Очерках истории Дагестана”, изданных в 1957 г., в разделе, написанном В.Г. Котовичем, в состав Албании включена значительная территория Дагестана за исключением небольших горных районов, заселенных лидойцами. Северную границу Албании он проводит по Сулаку. Этноним “Албаны”, автор вслед за Н. Я. Марром и др. связывает с предками современных аварцев. Причем, как и К.Ф. Смирнов, удинов и утидорсов локализует в плоскостной части Северного Дагестана. В этом разделе дана также характеристика политического объединения, реконструированы занятия населения. Автор полагает, что сильное албанское войско в основном состояло из горцев.¹⁴⁵

В “Истории Азербайджана”, вышедшей в следующем году, Албании посвящен сжатый очерк, дающий беглое представление о культуре, политическом строе, территории и хозяйстве населения.¹⁴⁶ Албания определяется авторами в рамках Азербайджана и значительной части Дагестана.¹⁴⁷

Важной вехой в истории изучения Кавказской Албании был выход в свет в 1959 г. монографии К.В. Тревер “Очерки по истории и культуре Кавказской Албании”. Прекрасный знаток древних источников, отличный аналитик и историк К.В. Тревер создала великолепную обобщающую работу по истории Албании, охватив все этапы ее существования—от времени возникновения и до гибели под ударами арабов. К.В. Тревер охарактеризовала природу и

население Албании, памятники их культуры. Большое место уделено хозяйственным занятиям, религии и духовной жизни населения. Особое внимание уделено городам, политической истории, социальным отношениям и письменности. Из дагестанской территории в состав Албании она включила лишь южную приморскую часть до Дербента. В составе албанских племен автор называет лидойцев, хотя их территория и не включена в Албанию. Близость материальной культуры ялойлутепинских памятников и памятников типа Тарки-Карабудахкент она объясняет культурными контактами.¹⁴⁸

В этом же 1959 г. в Махачкале собралась научная сессия, посвященная археологии Дагестана. В занятиях приняли участие ученые Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Баку и др. городов СССР. С докладом "Дагестан и Кавказская Албания" выступил Д.М. Атаев, который поставил вопрос о необходимости рассмотрения территории Дагестана в качестве одного из "очагов албанских племен" и заострил внимание на преувеличении роли сарматизации в истории Дагестана.¹⁴⁹ В докладе З.И. Ямпольского "О связях Азербайджана и Кавказской Албании" обосновывалась мысль о генетическом родстве современного населения Азербайджана и Дагестана с древними албанскими племенами.¹⁵⁰ В выступлении Г.А. Ломгатидзе, выделившего тематику по Албании как стержневую, поддержал тезис Д.М. Атаева о вхождении значительной части Дагестана в состав Албании, о преувеличении роли ираноязычных кочевников в так называемой сарматизации культуры Дагестана. Он предложил назвать материальную культуру Дагестана, особенно в горной ее части I-х веков н.э. албанской, а не сарматской.¹⁵¹

В статье В.Г. Котовича и Н.Б. Шейхова "Археологическое изучение Дагестана за 40 лет" подведены итоги исследования памятников III в. до н.э. — III в.н.э. за годы советской власти в крае. Авторы подчеркивают местный характер материальной культуры, во многом близкий ялойлутепинской культуре Кавказской Албании, но испытавшей влияние сарматских племен. Они указывают и локальные различия, обусловленные этнической пестротой местного населения, хотя и не конкретизируют их. Пишут они и о развитии земледелия, скотоводства и ремесел, а также торговли, что привело к распаду первобытно-общинных отношений и формированию племенных союзов.¹⁵² Это была, хотя и очень краткая, но верная оценка этнокультурных и социально-экономических процессов в Дагестане. Приходится сожалеть, что их характеристика не была развернуто аргументирована дальнейшими исследователями базовых памятников.

В 1961 г. опубликовал свою "Историю Дагестана" Р.М. Магомедов. В ней имеется раздел, посвященный "Дагестану в составе Албанского

государственного образования". Автор дает здесь справку об Албании, о времени ее формирования, этапах развития, о социальном и политическом устройстве, этнографии, о локализации таких племен, как гелов, легов, дидур, утиев, гаргареев, лбинов (лупениев), сильвов, анийцев (андийцев) и содов на территории Дагестана. Говоря о сарматских племенах, он считает, что их влияние не миновало и Дагестана.¹⁵³ Позже он повторил эти положения во втором издании "Истории" (1967) и других разных работах.¹⁵⁴ Вопросов хозяйства населения Дагестана албанского времени коснулся В.Г. Котович в своих статьях, посвященных древнему земледелию и скотоводству.¹⁵⁵ Они представляют определенный, самостоятельный интерес.

В 1965 г. выступил С. М. Казиев со статьей "О древних погребальных обрядах на территории Кабалы", где высказал предположение о возникновении культуры грунтовых погребений ялойлутепинского типа в районе Кабалы, откуда она в последующее время распространилась на территорию Восточной Грузии и Дагестана.¹⁵⁶

В I томе сводной работы "Истории СССР с древнейших времен до наших дней", вышедшей в 1966 г. глава "Кавказская Албания и Атропатена (древний Азербайджан)", как и в "Очерках истории СССР" 1956 г. написана А.И. Болтуновой. В ней повторены старые положения, основанные на данных С.Т. Еремяна.¹⁵⁷ Между тем можно было бы учесть новые материалы, накопленные к этому времени и в Дагестане и в Азербайджане.

В очерке "Кавказская Албания", написанная Д.М. Атаевым для "Истории Дагестана", вышедшей в 1967 г. автор придерживается точки зрения С. Юшкова о границах Албании, полагая, что пределы этого государства колебались в зависимости от политического положения страны. Коснулся он и этнического, социального и политического положения страны.¹⁵⁸

М.И. Пикуль в книге "Эпоха раннего железа в Дагестане" обобщила все выявленные и изученные ею археологические памятники албанского времени, дала характеристику материальной культуре населения, его занятиям, социальному и политическому строю.¹⁵⁹ В целом работа М.И. Пикуль представляет собой важный этап на пути археологического изучения Дагестана албанского времени.

Анализу и сравнительно-типологическому исследованию предметов материальной культуры, а также изучению ремесленного производства Урцекского городища албанского и раннесредневекового времени посвящены статьи и диссертационная работа М.М. Маммаева.¹⁶⁰ Его работы представляют большую ценность для разработки истории средней части Предгорного Дагестана.

В 1970 г. В.И. Марковин издал статью о своих находках в окрестностях ж. — д. станции Уйташ. В ней он охарактеризовал тамгообразные знаки, обнаруженные им на скале и обломки керамики, которые он рассматривает как свидетельство сарматского влияния на местную культуру. Позже эти свои выводы он аргументировал дополнительными материалами, собранными в Приморском Дагестане.¹⁶¹

В статьях М.П. Абрамовой рассмотрены погребальные сооружения вместе с инвентарем Большого Буинакского кургана. Ею предложена и новая хронология этого интересного могильника в пределах III (может быть с конца II)-нач. VI вв. н.э.¹⁶² В ряде статей она доказывает местное северокавказское происхождение серой лошенной керамики, которая ранее считалась сарматской.¹⁶³ Классификации и послойным статистическим подсчетам подвергнута также керамика Андрияульского городища, основные формы которой широко бытуют и в албанское время.¹⁶⁴

В 1970 г. М.Г. Магомедов защитил кандидатскую диссертацию «Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана», в которой автор отдельную главу посвятил крепостным сооружениям IV-III вв. до н.э. — III-IV вв. н.э. В этой работе Урцекское городище албанского времени определено как трехчастное, состоящее из цитадели, укрепленного шахристана и рабада. В системе стен, возведенных в панцирной технике с включением циклопических блоков, он отмечает прямоугольные башенные выступы, а на уязвимых участках — передовые стены — «протейхизмы».¹⁶⁵ Подобным образом рассматривал структуру Урцекского городища и В.Г. Котович, отмечая в нем цитадель, укрепленный город и укрепленный сельхозокруг.¹⁶⁶ Это положение о трехчастной структуре дагестанских городищ было перенесено затем на все укрепленные бытовые памятники Дагестана албанского времени. Однако, в результате исследований ряда памятников Левашинского плато, М.Г. Гаджиев и А.И. Абакаров пришли к выводу о существовании поселений, состоящих из двух частей — укрепленной и неукрепленной. Исключение составляло Кулециминское городище с цитаделью внутри укрепленной территории. Такие поселения, по их мнению, принадлежали обособленным общинам. Сами городища Левашинского плато были расположены компактной массой вокруг наиболее крупного городища. Они были связаны между собой густой сетью коммуникаций, налаженной сигнальной системой, осуществляемой через башни. Подмечены явления культурной интеграции: для них были характерны единые архитектурно-планировочные и фортификационные решения. Авторы провели тщательный анализ керамического инвентаря из этих поселений.¹⁶⁷

Важный вклад в изучение городов внесли и работы А.А. Кудрявцева в

Дербенте. Он дал довольно обстоятельную характеристику культурных слоев албанского времени, фортификационных сооружений, дворцовых комплексов, а также жилых и хозяйственных строений простых общинников. Его выводы о характере Дербента албанского времени, как поселения, окруженного оборонительными стенами в определенной степени помогли пониманию структуры городищ Дагестана. Он дал также характеристику материальной культуры Дербента,¹⁶⁸ погребальных сооружений, обряда и могильного инвентаря.¹⁶⁹

В ряде статей, опубликованных в 1976-1980 гг., В.Г. Котович подытожил свои выводы, сделанные в ходе изучения бытовых памятников Дагестана, начиная с 1960 г. Им были прослежены пути урбанизации от земледельческих поселений бронзового века к городам албанского времени через протогорода скифского и предскифского времени, охарактеризованы и сами города и их структура, экономика, уделено внимание ремеслам и торговле, прослежена проходившая по Прикаспийскому Дагестану международная торговая дорога, установлено наличие связи между компактно расположенными памятниками в различных районах края и территориально-политических формированиях.¹⁷⁰ О торговле по Прикаспийскому международному пути писала и В.П. Дзагурова при исследовании монет Антиоха IV Эпифана, найденных на территории совхоза им. Герейханова Сулейманстальского района.¹⁷¹

В статьях, написанных в 1968-1990 гг. автор настоящей работы дал анализ бытовых и погребальных памятников, а также погребального обряда и инвентаря.¹⁷² При классификации бытовых и погребальных памятников были выделены городища с оборонительными сооружениями из земляных валов и рвов, а также городища с цитаделями из камня и такими же оборонительными стенами, дополнительными с башнями. К таким памятникам относится и Верхнелабкомахинское городище. Оно имело мощные улицы с дренажной системой для отвода сточных вод. Среди руин обнаружены архитектурные детали в виде примитивной скульптуры.¹⁷³ Городища с каменными оборонительными стенами и цитаделями, а также с дворцовыми и храмовыми комплексами рассматриваются нами как города — центры ремесла и торговли, а также административные центры.¹⁷⁴ Особое внимание уделено автором северной границе Кавказской Албании, проводимой по реке Соане, а также локализации албанских племен на современной карте Восточного Кавказа.¹⁷⁵

Значительную работу по изучению истории материальной культуры Кавказской Албании проделали Дж. А. Халидов, И.А. Бабаев, Е.А. Лалаян, Д.М. Шарифов, И.М. Джафар-заде, Р. Эфендиев, Т. И. Голубкина, Е. Н. Пахомов, А.К. Аликберов, Р.М. Ваидов, В.П. Фоменко, Г. М. Ахмедов, И.Г. Нариманов, Г.И.

Ионе, М. Ивашенко, С. М. Казиев, Н. Минкевич-Мустафаева, Ф. Османов, М.М. Расулова, Н.И. Рзаева, Ф. Махмудов, А.Б. Нуриев, А. Карахмедова, И. Алиев, В. Алиев и др., создавшие прочную источниковедческую базу для изучения истории Кавказской Албании. Их работы будут использоваться в основном тексте только по мере необходимости, поскольку они посвящены в основном азербайджанской территории Албании. То же самое следует сказать и о работах Т.С. Пассек, Б. Латынина, А.А. Иессен и др. Однако некоторые работы требуют особого внимания в связи с границами и локализацией населенных пунктов и племен. Так, в монографии К. Алиева «Кавказская Албания: (I в. до н.э. — I в.н.э.)» специальный раздел посвящен проблемам политических границ. Северную границу Албании он проводит по Большому Кавказу и р. Самур, полагая, что эта граница оставалась неизменной и в парфянское время. Керавнские горы он отождествляет с «Самурским хребтом и другими горными отрогами Дагестана», реку Удон — с Тереком, Алонту — с Сулаком, Мермоду (Мермодадь) или Соану — с Самуром.¹⁷⁶ С этими выводами трудно согласиться. В. А. Кузнецов вполне обоснованно отвергает тезис К. Алиева о предлагаемом им отождествлении рек в пользу установившейся в науке точки зрения о соотношении Удона с Кумой, Алонты с Тереком, а Мермодали с одним из притоков Терека.¹⁷⁷ Соответственно мы не можем признать и предлагаемые К. Алиевым северные границы Албании. Вызывает сомнения локализация сел в на территории современного Дагестана. То же следует сказать о локализации лупениев. Но очень интересна мысль К. Алиева о том, что уды-удины, локализуемые в Северном Дагестане, не тождественны утиям Страбона. В очень интересной, насыщенной новыми материалами и оригинальными идеями работе И.А. Бабаева, характеризуются города Кавказской Албании.¹⁷⁸ Эта работа помогает разобраться в таком непростом вопросе, как урбанизация не только на территории современного Азербайджана, но и Дагестана.

С 1980 г. стали выходить работы М. С. Гаджиева, посвященные археологии Южного Дагестана III-V вв. В них вводятся в научный оборот материалы интересующие автора, дается анализ керамического инвентаря, освещаются вопросы социально-экономического развития древних племен, в ряде случаев предлагается новая локализация их на территории Восточного Кавказа и рассматриваются также вопросы духовной культуры. Особое внимание уделяется политическим центрам Южного Дагестана.¹⁷⁹

В 1983 г. вышла статья С. Н. Муравьева «Птолемеевская карта Кавказской Албании и уровень Каспия», а в 1987 г. ее продолжение «Уровень Каспия глазами древних греков». В них автор, следуя за мнением и методикой А. Яновского, локализует Албанию на территории Прикуринской долины Азербайджана. Там

же он помещает птолемеевские гидронимы и топонимы. Его тезис о поднятии уровня Каспия в раннеалбанское время до района Мингечаура, а также локализации многих населенных пунктов и рек, как и его сопоставления с современными географическими объектами нуждается в дальнейшем обосновании и доказательстве. Однако следует отметить, что автор, сравнивая разные списки «Географии» Птолемея, проделал очень большую и полезную работу по их анализу и исправлению старой географической номенклатуры.¹⁸⁰

Интересна статья М.П. Абрамовой о культурном осмыслении памятников Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. В его пределах она выделила две археологические культуры—одну в районе Терско-Сулакского междуречья, другую—на территории плоскостного, предгорного и горного Дагестана.¹⁸¹ В недавних публикациях С.В. Мокроусова дается характеристика городов Дагестана албанского времени (Урцеки, Таргу, Дербент), рассматриваются их фортификации, архитектуры и вещественные остатки, преимущественно керамика. Новыми в этих работах является мысль о формировании городов к концу I тысячелетия до н.э., отрицание присутствия слоев скифского времени на Урцекском и Таргунском городищах.¹⁸²

Необходимо упомянуть и об исследованиях ученых, работавших в Чечне. В труде «Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен», написанной В. Б. Виноградовым и К. З. Чокаевым на основании анализа письменных источников, на территории Чечни локализуются пещерники (троглодиты), хамикеты, исадикки-соды, сербы, гаргарей, нахчаматьяне, кисты, цхаваты, мелхи (малхи), дурдзуки (дзурдзуки), сопоставляемые с современными этнографическими группами.¹⁸³ В этой статье обобщен опыт исследования этногенеза вайнахских народов. Правда, Л. И. Лавров считает неперспективным поиски чеченских и ингушских предков среди древних племен хамикетов, исидонов, гаргареев и нахчаматьян, поскольку такие поиски основаны на простом созвучии топонимов Хамхи, Садой, а также самоназваний чеченского «нохчи» и ингушского «Палглай». «Нахчаматеани» (корень «нахчамаг») он считает испорченным воспроизведением имени сарматского племени яксамагов, обитавшего в низовьях Дона.¹⁸⁴

В. Б. Виноградов неоднократно выступал в печати, высказываясь по вопросам, посвященным истории и этнографии нахских и сармато-аланских племен на территории Чечни и Ингушетии.¹⁸⁵ Он высказывал свои взгляды на продвижение сармато-аланских кочевников по территории Северного Кавказа, на их взаимоотношения с местными оседлыми земледельческими племенами Кавказа, на локализацию последних, на роль сармато-аланских племен в политической жизни Закавказья. Им же изучалась материальная культура Чечни

и Ингушетии в сарматское время. Проблемы истории и археологии Чечни и Ингушетии получили освещение в работах В.И. Марковина¹⁶⁶ и В. А. Петренко.¹⁸⁷ Эти работы важны для нас как исследования, затрагивающие отдельные вопросы сарматизации культуры горцев Северо-Восточного Кавказа.

1. *Эсхил*//Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890, т. I, с. 337.
2. *Гекатей Милетский*. Землеописание//Латышев В. В. Ук. соч., с. 172.
3. История древней Греции. Ред. В. А. Авдиева, А. Г. Бокшанина и Н. Н. Бокшанина. Изд. 2-е дополн. и исправленное. М., 1972, с. 21—23; *Чистякова Н. А., Вулих Н.В.* История античной литературы. Изд. 2-е, переработанное и дополн. М., 1972, с.
4. *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979, с. 247.
5. *Аристотель*. Метрология. Кн. I, Гл. 13,15; *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925, с. 26.
6. *Ростовцев М.И.* Ук. соч., с. 621; *Болтунова А.И.* Описание Иберии в "Географии" Страбона // ВДИ, 1947, № 4, с. 142-160; *Алиев К.* К вопросу об источниках Страбона в описании древней Кавказской Албании// Доклады АН Азербайджанской ССР. Баку, 1960, т. XVI, № 4, с. 410-422; *Его же*. Кавказская Албания, с. 5-9; *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961; *Виноградов В. Б.* Описание Северного Кавказа в "Географии" Страбона (XI, V, 1 — 8) // Изв. СКЦВШ. Обществ. науки. Ростов н/Дону, 1975, №4, с. 36-43. 7. *Страбон*. География. XI, 493, 503, 528; XII, 555; *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 7; *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 39.
8. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 9.
9. *Алиев К.* Ук. соч., с. 420.
10. *Ельницкий Л. А.* Знания древних... , с. 152-153.
11. *Алиев К.* Ук. соч., с. 421.
12. *Болтунова А.И.* Описание Иберии в "Географии" Страбона // ВДИ, 1947, № 4, с. 142-160.
13. *Страбон*. География. XI, 7,1.
14. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 45.
15. *Страбон*. География. XI, 5,1.
16. *Там же*.
17. *Там же*
18. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с.

70; *Виноградов В. Б.* Локализация Ахардея и сиракского союза племен// Сов. археология, 1966, № 4, с. 39; *Его же*. Описание Северного Кавказа... , с. 40; *Его же, Чокаев К. З.* Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // АЭС. Грозный, 1966, Вып. I, с. 79-82; *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980, с. 58-63.

19. *Тит Ливий*. История Рима от основания города. С1.
20. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 10.
21. Там же.
22. *Томсон Дж.* История древней географии. М., 1953, с. 302-307.
23. *Там же*, с. 466, 467.
24. *Там же*, с. 471.
25. *Кулаковский Ю.* Карта Европейской Сарматии по Птолемею. Киев, 1899, с. 10, 11.
26. Крайний населенный пункт Албании на западе—Баххиа расположен по Птолемею в точке 77° и $46^{\circ} 30'$, крайний восточный пункт в устье реки Соаны— 86° и 47° . Разница по широте между этими точками 9° или (9×400 ст.) 3 600 ст., что соответствует ($3\ 600 \times 159$) 572 км 400 м. Это значительное расстояние (1° Птолемея по параллели равен 400 ст., а по меридиану — 500 ст., 1 ст. = 159 м). Ширина всего Кавказского перешейка (так древние географы называли Кавказ и измеряли расстояние между Каспийским и Черным морями от города Диаскуриада в районе совр. Сухуми до устья реки Куры) по Посидонию—1 500 ст., по Страбону — 3000 ст. (*Страбон*. География. XI, 1,5; 3,15,16). Протяженность Албании по меридиану, соответствующая разнице между географическими координатами устья Куры ($79^{\circ}40'$ и $44^{\circ}30'$) и Соаны ($47^{\circ}47' 31''$) $2^{\circ} 29'$. Это ($2^{\circ}29' \times 500$ ст.) 1 241 ст. или 197 км 319 м.
27. Разница между географическими координатами устья реки Кура по современной карте ($49^{\circ} 29'$ и $39^{\circ} 17'$) и по карте Птолемея ($79^{\circ}40'$ — $49^{\circ} 21'$) — $30^{\circ} 15'$, по широте ($44^{\circ} 30' - 39^{\circ} 17'$)— $5^{\circ} 13'$. Город Хабала по Птолемею расположен в точке $80^{\circ}-40'$, а на современной карте—в точке $47^{\circ} 48'$ и $40^{\circ} 58'$, что дает разницу в долготе ($80^{\circ}-47^{\circ}48'$) $32^{\circ}12'$ и в широте ($47^{\circ}-40^{\circ}-58'$) $6^{\circ} 02'$. Следовательно, в долготе ошибка колеблется от $30^{\circ} 15'$ до $32^{\circ} 12'$, т.е. на $1^{\circ} 57'$, а в широте—от $5^{\circ} 13'$ до $6^{\circ} 02'$. Это существенная разница в 780 ст. или 144 км 300 м и 408 ст. или 75 км 480 м.
28. *Багров Л. С.* Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912, с. 9.
29. *Ковалевский С.А.* "Карта Птолемея" в свете исторической географии Прикаспия // Изв. Всесоюзн. геогр. общества. Л., 1953, XXXV, вып. I, с. 31.
30. *Багров Л. С.* Ук. соч., с. 9-10.
31. *Ковалевский С.А.* Ук. соч., с. 31-48.

32. *Магидович И. П., Магидович В.И.* История открытия и исследования Европы. М., 1970, с. 88-91.
33. *Абегян М. Х.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, т. I, с. 216.
34. *Каганкатвацци Моисей.* История агван. Пер. с древнеармян. К. Патканова. СПб., 1861.
35. *Буниятов З.* Азербайджан в VII-IX вв. Баку, 1965, с. 6-7.
36. *Абегян М. Х.* Ук. соч., с. 259, 587-588; *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 11-16; *Буниятов З.* Ук. соч., с. 6-12; *Мамедова Ф.* "История албан"... ; *Шихсаидов А.Р.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН ССР. Махачкала, 1957, т. III, с. 67.
37. *Абегян М. Х.* Ук. соч., с. 259.
38. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 17.
39. *Абегян М. Х.* Ук. соч., с. 104-108.
40. *Baynes N.* Rome and Armenia in the... century // The English Historical review. New York-Bombay-Calcutta, 1910, v. XXV, p. 625.
41. *Хоренский Моисей.* История Армении. Изд. 2-е. Новый пер. Р. О. Эмина с прим. и прилож. М., 1893; *Абегян М. Х.* Ук. соч., 135-163, 583-584.
42. *Абегян М.* Ук. соч., с. 176-190, 585.
43. *Агафангел.* История Армении // Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов и алан св. Григорием. СПб., 1906; *Абегян М. Х.* Ук. соч., с. 98-104, 582-583.
44. *Корюн.* Житие Маштоца. Пер. Ш. В. Смбастьяна и К. А. Мелик-Оганджяна. Ереван, 1962; *Елише.* О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеармян. И. А. Орбели. Ереван: Изд. АН Армянской ССР, 1971; *Абегян М. Х.* Ук. соч., с. 163, 176 — 585, 94-98, 58-. 45; *Мровели Леонти.* Жизнь Картлийских царей. Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Пер. с древнегруз. и ком. Г. В. Цулая. М., 1979, 46. Там же, с. 12.
47. Там же, с. 13.
48. Там же, с. 43.
49. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887, ч. III, с. 15-21; *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 35. См. также: *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 140-141; *Ковалевская В. Б.* Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Вестник АН Грузинской ССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси, 1975, с. 62-73; *Ее же.* Скифы в Закавказье по данным Леонти Мровели—древнегрузинскому источнику XI века // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа (тез. докладов). Махачкала, 1975, с. 40-43.
50. *Меликсет-Бек Л.М.* Хазары по древнеармянским памятникам в

связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории и культуре народов Востока. М. — Л., 1960, с. 116.

51. *Мровели Л.* Ук. соч., с. 62; *Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 181-184.
52. *Такайшвили Е. С.* Источники грузинских летописей. Три хроники / СМОМПК. Тифлис, 1900, Вып. 28, с. 1-116.
53. *Меликишвили Г.А.* Ук. соч., с. 23-28.
54. *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники VI в. о народах Кавказа / ВДИ, 1939, № 1, с. 107-115; *Ее же.* Сирийские источники по истории СССР. М.-Л., 1941, с. 81-87.
55. *Ее же.* Сирийские источники по истории СССР, с. 165.
56. *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX-X вв. по р. хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане / СМОМПК, Тифлис, 1903, XXXII, 7.
57. *Акташи Мухаммед Аваби.* Дербент-наме. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992.
58. *Гаджиев В.Г.* "Дербент-наме" Мирза-Хайдара Везирова // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975, с. 284-294; *Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р.* "Дербент-наме": (К истории об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 5-64; *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т. М., Оразаев Г. М.* — Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993, с. 6-64.
59. *Бакиханов А.* Гюлистан-и Ирам // Тр. Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926, вып. 4.
60. *Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М., 1963, т. II, с. 663.
61. *Иессен А.А.* Работы на Сулаке. Отчет о работах (в 1933) // Известия ГАИМК, 1935, вып. 110, с. 29-38.
62. *Мунчаев Р.М.* К истории археологического изучения Дагестана / МАД, Махачкала, 1959, т. I, с. 9-20.
63. *Котович В.Г., Шейхов Н.Б.* Археологическое изучение Дагестана за 40 лет // Уч. записки ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1960, т. VIII, с. 322-364.
64. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с.; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с..
65. *Абакаров А.И., Давудов О.М.* Археологическая карта Дагестана. М., 1993, с..
66. *Русов А.А.* Отчет о летних и осенних работах в Южном Дагестане // Пятый археологический съезд в Тифлисе. I. Тр. Предварительных комитетов. М., 1882, с. 503-621; *Цилосани Н. О.* Дневник раскопок, введенных в Южном Дагестане в 1880 г. // Там же, с. 462-473.
67. *Комаров А.В.* Древние могилы в Дагестане // Изв. Кавказского

отдела Русск. геогр. общества. Тифлиси, 1872, т. 1, с. 113-115; *Его же*. Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г. // Изв. КОИА. Тифлис, 1884, вып. 2, т. 1, с. 37-42; *Его же*. Пещеры и древние могилы в Дагестане // Тр. Предварительных комитетов V АС. М., 1882, вып. 2, с. 432-434.

68. *Иессен А.А.* Ук. соч., с. 35. См.: *Комаров А.А.* Краткий обзор..., с. 40.

69. *Bapst G.* Souvenirs de deux mission au Caucase: Fouilles sur la grande chaine // Revue archeologique. Paris, 1885, III serie, v. V, p. 38-41, t. III-V.

70. Архив ГАИМК, д. 6 за 1836 г.

71. *Марковин В.И.* Культурная пластика Кавказа // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986, с. 74-124; *Zakharov A. A.* Materials for the archaeology of the Caucasus. Antropomorphic bronze statuettes // Swiatowit, Warszawa, 1933, t. XV, p. 65-113.

72. *Афанасьев Ф. А.* Доисторические могилы в окрестностях Темир-Хан-Шуры // Газ. "Кавказ", 1899, № 231; *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган, с. 54-73; *Ее же*. Буйнакский курган, с. 115-143; *Zakharov A. A.* Contributions to Caucasian archaeology. I. A large barrow in Daghestan // ESA. Helsinki, 1930, t. V, p. 183-216; *Ibid.* Contribution to the archaeology of Daghestan. II. Kozubski's excavations in Northern Daghestan // ESA. Helsinki, 1931, v. VI, p. 159-170.

73. *Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археологической карте). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966, с. 84, табл. 6, 11; 8, 1 — 10; Архив ДГОИАМ, д. 6; д. 48; д. 247; *Пикуль М.И.* Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. (Отчет). ч. I, РФ ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. ф-32, оп. 1, д. 11/2311; *Иессен А.А.* Ук. соч., с. 34.

74. *Башкиров А. С.* Изучение памятников старины // Дагестанский сборник. Махачкала, т. III, с. 235-236.

75. *Пахомов Е.А.* Археологические экспедиции по районам Дагестанской АССР // Изв. Азербайджанского филиала АН СССР. Баку, 1937, № 3, с. 34-35, рис. 4; *Исаков М.И.* Исчезнувший город в Дагестане // Ист. журнал. 1941, № 6, с. 156-157.

76. *Исаков М.И.* Ук. соч., с. 156-157.

77. *Гаджиев М. С.* К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Иездигерд // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 114-152.

Очерки истории Дагестана. Т. I, с. 33; *Котович В.Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 196-220. Он полагает, что городище Топраккала в раннесредневековых источниках был известен под двумя наименованиями Джор -Чор -Чога - Чола - Сул) и Беленджер.

79. Начальником Северокавказской археологической экспедиции в 1936 и 1939 гг. был А. Круглов, а в 1937, 1938 гг. — М. Аргамонов. В 1937 Г.А. П. Круглов был начальником Чечено-Ингушского, а в 1938 г. — Восточного отрядов.

80. *Круглов А. П.* Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. М., 1940, вып. V, с. 65-69; *Его же*. Предскифские памятники Северо-Восточного Кавказа // Уч. Записки ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1949, № 85, вып. 13, с. 111-128; *Его же*. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // КСИИМК, М., 1946, вып. 13, с. 130-134; *Его же*. Культовые места горного Дагестана // КСИИМК, М., 1946, вып. XII, с. 31-40.

81. Состав экспедиции: от ИИМК и ГИМ — Е.И. Крупнов, О.В. Милорадович и Н.В. Трубникова, от местных организаций — И. Ф. Мutowич, М.И. Исаков и А. М. Твердохлебов.

82. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 203-225.

83. *Смирнов К.Ф.* Новые данные..., с. 113-125; *Его же*. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки, с. 226-275; *Его же*. Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК. М., 1951, XXXVIII, с. 113-119; *Его же*. О некоторых итогах..., с. 151-160; *Его же*. Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 гг., с. 83-96; *Его же*. Грунтовые могильники..., с. 167-219; *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане: курганная группа у станции Манас // Сов. археология, 1956, вып. XXVI, с. 167-203; *Их же*. Археологические памятники..., с. 147-175; *Шейхов Н.Б.* Погребальный обряд в раннесредневековом Дагестане как исторический источник: по материалам Агачкалинского могильника // КСИИМК. М., 1952, вып. XLVI, с. 101-109; *Его же* Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII-X вв. н.э. // КСИИМК. М., 1952, вып. XLVIII, с. 129-135.

84. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 257-272.

85. *Его же*. Грунтовые могильники..., с. 167.

86. *Там же*, с. 210-219.

87. *Пикуль М.* Отчет по археологическим работам за август-сентябрь 1951 и первую четверть 1952 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 32, оп. 1, д. 1/1987.

88. *Ее же*. Отчет о работе, проведенной Дагестанской археологической экспедицией летом 1952 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 32, оп. 1, д. 2/1938.

89. *Ее же*. Отчет о работе Северного отряда ДАЭ 1953 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 32, оп. 1, д. 4/1918.

90. *Котович В.Г.* Новые археологические памятники южного Дагестана // МАД. Махачкала, 1959, т. I, с. 145-156.

91. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 151-153; *Ее же*. Отчет о работе III

Бавтугайского отряда ДАЭ. Махачкала, 1958. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 32, оп. 16, д. 16/2550; *Канивец В.И. и др.* Об археологических исследованиях в зоне строительства Чирюртовской ГЭС в 1955 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 16, с. 111-114; *Путинцева Н. Д.* Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС. Махачкала, 1958. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 83.

92. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник // МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 135-166.

93. *Котович В.Г., Котович В. М.* Отчет о работе I-го горного отряда ДАЭ в 1958 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 27, оп. 1, д. 13.

94. *Виноградов В. Б., Марковин В.И.* Могильник "Яман-су" на границе Чечни и Дагестана // АЭС. Грозный, 1967, т. III, с. 153-206; *Их же.* Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1966, с. 104, № 568.

95. Состав экспедиции: В.Г. Котович (начальник), А.И. Абакаров—1961-1964 гг., Д.М. Атаев—1961-1962 гг., К. А. Бредэ—1961-1963 гг., В. М. Котович—1960-1962 гг., М.Г. Магомедов—1962-1964 гг., М.М. Маммаев—1962-1964 гг., М.И. Пикуль—1960 г., Н. Д. Путинцева—1960-1961 гг., Г.С. Федоров—1963 г., Н.Б. Шейхов—1960-1961 гг., студенты Даггосуниверситета, рабочие, художники.

96. *Котович В.Г. и др.* Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 1, д. 104 (альбомы—д 172 а, б, в); *Их же.* Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1961 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 1, д. 136; *Их же.* Отчет о работе Приморской археологической экспедиции ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР в 1962 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 163; *Их же.* Отчет о работе Приморского отряда археологической экспедиции в 1963 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 172; *Их же.* Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1964 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 2, оп. 1, д. 42.

97. *Атаев Д.М., Гаджиев М.Г., Погребова М. Н.* Отчет о работе Горного отряда ДАЭ в 1960 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 26, оп. 1, д. 17; *Гаджиев М.Г.* Отчет о работе Гинчинского отряда ДАЭ в 1962 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 162.

98. *Котович В.Г. и др.* Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1964 г.

99. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре и производстве древнего Дагестана (X-IV вв. до н.э.). Махачкала, 1968, с. 25-34; *Котович В.Г., Давудов О.М.* Отчет о работе 2-го отряда ДАЭ в 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 27, оп. 1, д. 42.

100. *Федоров Г.С.* Отчет Прикаспийского разведывательного отряда за 1966 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3.

101. *Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Раскопки в

Кулинском районе горного Дагестана // Археологические открытия 1968 г. М., 1969, с. 120-121; *Котович В.Г.* Отчет о работе I отряда ДАЭ в 1967 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 27, оп. 1, д. 27; *Его же, Маммаев М.М.* Отчет о работе Горной археологической экспедиции ИИЯЛ в 1968 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 27, оп. 1, д. 30.

102. *Давудов О.М.* Археологические работы в горах Дагестана // Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 100-101; *Его же.* Раскопки Сумбатлинского могильника // Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 126-127; *Его же.* Сумбатлинский могильник—памятник материальной культуры Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени // Тез. докладов Всесоюз. научн. сес., посв. итогам полевых арх. и этногр. исследований в 1970 г. в СССР. Археол. секция. Тбилиси, 1971, с. 213-214; *Его же.* Сумбатлинский могильник // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 108-129.

103. *Магомедов М.Г., Маммаев М.М., Федоров Г.С.* Археологические исследования в Северном Дагестане // Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 102-103; *Магомедов М.Г.* Отчет Северного отряда Дагестанской археологической экспедиции. Махачкала, 1969. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 274

104. *Котович В.Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Работы в Прикаспийском Дагестане // Археологические открытия 1971 г. М., 1972, с. 153-154; *Их же.* Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин // Мат. сессии, посв. итогам эксп. иссл. в Дагестане в 1971-1972 гг. (Тез. докл.). Махачкала, 1973, с. 3-4; *Гмыря Л. Б., Котович В.Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Раскопки на городище Таргу // Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 121-122.

105. *Котович В.Г., Котович В. М., Магомедов С. М. и др.* Исследования на городище Таргу // Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 129-130; *Котович В.Г., Котович В. М., Расулова М.М.* Раскопки городища Таргу // Археологические открытия 1978 г. М. 1979, с. 132-133; *Котович В.Г. Абдуллаев М.М., Котович В. М. и др.* Некоторые итоги работ на городище Таргу // Мат. сесс., посв. итогам экспед. исслед. в Дагестане в 1976-1977 гг. Тез. докладов. Махачкала, 1978, с. 9-11; *Гмыря Л. Б., Котович В.Г., Котович В. М. и др.* Работы на городище Таргу // Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 102-103.

106. *Гаджиев М.Г., Абакаров А.И.* Первые итоги... , с. 6-8; *Их же.* К истории поселений... , с. 7-9; *Их же, Маммаев М.М.* Раскопки Нижнечулгинского городища, с. 117-118.

107. *Кудрявцев А.А.* Раскопки в древнем Дербенте // Археологические открытия

1971 г. М., 1972, с. 167-168; *Его же.* Итоги первых раскопок в древнем

Дербенте// Мат. сесс., посв. итогам экспедиционных иссл. в Дагестане в 1971-1972 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1973, с. 12-13; *Его же*. Раскопки в Дербенте // Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 132-133; *Его же*. К истории древнего Дербента// Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 154-168; *Его же*. Раскопки в цитадели древнего Дербента // Археологические открытия 1973 г. М., 1974, с. 114-115; *Его же*. Раскопки цитадели Нарын-кала в Дербенте // Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 117-118; *Его же*. Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976; *Его же*. Исследования в древнем Дербенте, 1976, с. 133-134; *Его же*. Первые исследования досасанидского Дербента, с. 130-157; *Его же*. Работы Дербентской экспедиции, с. 106; *Его же*. Раскопки Дербентской экспедиции//Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 114-115; *Его же*. Великий город на Каспии. Махачкала, 1982; *Его же*. Древний Дербент; *Его же*. О новой хронологии древнего Дербента//Сов. археология. 1982, № 4, с. 165-185; *Его же*. Древние поселения на Дербентском холме, с. 83-107; *Его же*. Погребальные обряды древнего и средневекового населения Дербента//XIII Крушиновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докл.). Майкоп, 1984, с. 63-65; *Его же*. Дербентский могильник, с. 125-146; *Его же*. Исследования в Дербенте // Археологические открытия 1985 г. М., 1987, с. 140-141.

108. *Дебилов П.М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, с. 16-19; рис. 4; *Магомедов М.Г.* Работы Верхнечирюртовской экспедиции// Археологические открытия 1971 г. М., 1972, с. 160-161; *Котович В.Г.* Отчет 2 Чирюртовского отряда ДАЭ в 1959 г. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 27, оп. 1, д. 42; *Котович В.М.* Новые наскальные изображения горного Дагестана // Археологические открытия 1968 г. М., 1969, с. 92-95; *Асланбеков Х.* Самая древняя надпись Дагестана//Газ. "Дагестанская правда, 3 дек. 1970, № 285 (14 078) *Его же*. Самая древняя надпись Дагестана // Сов. Дагестан. Махачкала, 1971, № 3, с. 70-72; *Гукасян В.Л.* О новонайденном списке албанского алфавита// Сов. тюркология. 1971, № 2, с. 130-135.

109. *Давудов О.М.* Раскопки на Верхнелабкомахинском городище: (Даг. АССР) // Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 122-123; *Его же*. Итоги первого года раскопок на Верхнелабкомахинском городище / Мат. сесс., посв. итогам экспедиционных иссл. в Дагестане в 1971-1972 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1973, с. 8-9.

110. *Его же*. Исследования в южном Дагестане//Археологические открытия 1974 г. М., 1975, с. 105; *Его же*. Новые исследования Южнодагестанской экспедиции // Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 115-116; *Его же*. Новые работы в Табасаране//Археологические открытия 1980 г. М., 1981, с. 100; *Его же*. Раскопки в Табасаране// Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 104-105; *Его же*, *Салихов Б.М.* Раскопки Ганзирского городища// Мат. сесс., посв. итогам эксп. иссл.

в Дагестане в 1978-1979 г. (тез. докл.). Махачкала, 1980, с. 12-13.

111. *Магомедов М.Г.* Раскопки Андрейаульского городища// Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 115-116; *Его же*. Результаты археологических исследований Верхнечирюртовской экспедиции в 1973-1975 гг. // Мат. сесс., посв. итогам эксп. иссл. в Дагестане в 1973-1975 гг (тез. докл.). Махачкала, 1976, с. 10-11; *Его же*. Происхождение раннесредневековой культуры Терско-Сулакского междуречья // Мат. сессии, посв. итогам эксп. иссл. в Дагестане в 1976-1977 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1978, с. 7-9; *Его же*, *Гмыря Л.Б.* Работы на Андрейаульском городище // Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 136-137; *Их же*. Итоги раскопок Андрейаульского городища // Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 128; *Его же*, *Абрамова М.И.*, *Гмыря Л.Б.* Исследования Андрейаульского городища// Археологические открытия 1976 г. М., 1977, с. 108.

112. *Крузе Ф.* О важности южнокавказских областей России в отношении антикварном и о Птолемее, главном писателе в рассуждении Географии сей страны// ЖМНП, 1835, ч. V, с. 415-438.

113. *Там же*, с. 415.

114. *Яновский А.* Ук. соч., с. 97-203.

115. *Там же*.

116. *Там же*.

117. *Юшков С.В.* К вопросу о границах древней Албании// Ист. записки, 1937, № 1, с. 139-148.

118. *Крымский А.Е.* Ук. соч. Сб. в честь С. Ф. Ольденбурга, с. 289-305; *Его же*. Ук. соч., Сб. памяти Н. Я. Марра; *Муравьев С.Н.* Птолемеева карта Кавказской Албании и уровень Каспия// ВДИ, 1983, № 1, с. 117-147; *Его же*. Уровень Каспия глазами древних//Знание-сила. М., 1983, №, с. 74-84; *Его же*. Уровень Каспия глазами древних//Природа, 1987, № 4, с. 74-84.

119. *Шопен И.* Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866.

120. *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан. СПб., 1875 (изд. в приложении к зап. Академии наук. Т. 26).

121. *Бархударян М.* История Албании. Валаршапат, 1902, т. 1; *Его же*. История Албании. Тифлис, 1907, т. II; *Его же*. Страна агванов и их соседи. Средний Дагестан. Тифлис, 1893; *Его же*. Арцах. Историко-географическая характеристика. Баку, 1895.

122. *Tomaschek W.* Albania//Pauly-Wissova-Krol. Realencyclopaedie der Klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1894. Bd. 1, s. 1303-1306.

123. *Marqurt J.* Beitrage sur Geschichte und Sage von Iran//Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. 1895. Bd. XLIX; *Ibid.* Iransahr nach der Geographie des Ps. Mases Xorenac'i//Abhandlungen der Konigl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen phil. — histor. klasse. Neue

Folge, 1901. Bd. 3, № 2.

124. *Март Н. Я.* Непочатый источник истории Кавказского края // Известия АН. СПб., 1917, с. 307-338; *Его же.* Албанская надпись // КСИИМК, 1947, вып. XV, с. 7-14.

125. *Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М., 1963, т. II, с. 656-660, 666-675.

126. *Его же.* Арран // Соч. М., 1963, с. 334-335.

127. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X-XI вв. М., 1963, с. 27-30.

128. *Юшков С. В.* Ук. соч., с. 129-148.

129. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М. — Л., 1939, кн. I, ч. 1-2.

130. *Еремян С. Т.* Атлас к книге "История армянского народа". Ереван, 1952, ч. I.

131. *Его же.* Вопросы истории, исторической географии и этнографии Восточного Закавказья // История СССР (на правах рукописи). М. — Л., 1939, кн. I, ч. 1-2, IV, с. 129-155.

132. *Шихсаидов А. Р.* О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1957, т. III, с. 54-62.

133. *Ниорадзе К. А.* Археологические раскопки в Алазанской долине. Тбилиси, 1940, с. 3-128.

134. *Гуммель Я. И.* Археологические очерки. Баку, 1940, с. 128.

135. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 5.

136. *Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, с. 134-139; *Его же.* Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии // Сов. археология. 1977, № 3, с. 224-227.

137. *Левитов В. Н.* Азербайджан с V в. до н.э. по III в. н.э. // Изв. АН Азербайджанской ССР. Баку, 1950, № 1, с. 65-92.

138. *Крупнов Е. И.* Археологические работы..., с. 19-20; *Его же.* новый памятник древних культур..., с. 208-225; *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 271-272; *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 167-219.

139. *Winhold R. und Treide D.* Die Völkerschaften des Kaukasus im Altertum nach wer — schilderen antiken Autoren von 6. Jahrhundert V. U. Zeitrechnung bis zum 2. Jahrhun-dert n. u. z. Ethnographisch-archologische Forschungen. 1953, Bd. 1.

140. *Ковалевский С. А.* "Карта Птолемея" в свете исторической географии Прикаспия // Изв. Всесоюз. геогр. общ-ва. Л., 1953, т. XXXV, вып. I, с. 31-48.

141. *Его же.* Лик Каспия. Баку-Москва, 1933.

142. *Ямпольский З. И.* Две заметки к трактовке Страбона текста об азербайджанской Албании // Изв. Азербайджанского филиала АН СССР, Баку, 1942; *Его же.* Из истории древней Кавказской Албании И. М., 1949; *Его же.* Вопросы истории Атропатены и Кавказской Албании И. М., 1949; *Его же.* К вопросу об одноименности древнего населения Атропатены и Кавказской Албании // Тр. Института ист. и философ. АН Азербайджанской ССР. Баку, 1954, т. IV; *Его же.* О размерах храмовой собственности в древней Кавказской Албании // Докл. АН Азербайджанской ССР, 1955, т. XI, № 12; *Его же.* К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Кура через Грузию к Черному морю // Тр. Ин-та ист. АН Грузинской ССР, 1956, т. II, с. 161 — 180; *Его же.* К вопросу о рабовладении в древнем Азербайджане // Изв. АН Азербайджанской ССР. Сер. обществ. наук. Баку, 1958, № 6; *Его же.* Атропатена и Кавказская Албания III-I вв. до н.э. // Вопр. обществ. строя. Баку, 1960; *Его же.* О связях Азербайджана и Кавказской Албании // Мат. археологии Дагестана. Махачкала, 1961, т. II, с. 220-222; *Его же.* Древняя Албания III-I в. до н.э. : (в связи с вопросом о происхождении древней храмовой собственности на основе первобытно-общинного строя). Баку, 1962.

143. *Исми-заде О. Ш.* Ук. соч.

144. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956, с. 224-227, 437-444, 483-485.

145. Очерки истории Дагестана. Т. I, с. 22-29.

146. История Азербайджана. Баку, 1958, т. I, с. 50 и сл.

147. *Там же,* с. 50.

148. *Тревер К. В.* Ук. соч.

149. *Атаев Д. М.* Дагестан и Кавказская Албания // Тез. докл. на сессии Инт-та истории, языка и лит. Дагфилиала АН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 40-42.

150. *Ямпольский З. И.* О связях Азербайджана и Кавказской Албании, с. 220-222. 151. *Ломтатидзе Г. А.* Выступление на заключительном заседании сессии, 14 мая 1959 // МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 294-298.

152. *Котович В. Г., Шейхов Н. Б.* Археологическое изучение Дагестана..., с. 351-353.

153. *Магомедов Р. М.* История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1961, с. 24 и сл.

154. *Магомедов Р. М.* История Дагестана. 2 изд. Махачкала, 1968; *Его же.* Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1971, с. 3-18; *Его же.* История Дагестана. Учебное пособие по истории родного края для 7-8 классов средней школы. Изд. 2-е. Махачкала, 1981, ч. I, с. 17-24.

155. *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в

горном Дагестане// Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1961, т. 9, с. 288-289; *Его же*. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности // Сов. археология. 1965, № 3, с. 11.

156. *Казиев С. М.* О древних погребальных обрядах на территории Кабалы// МКА. Баку, 1965, т. 6, с. 235-251.

157. История СССР с древнейших времен до конца наших дней. М., 1966, т. I, с. 208-211.

158. История Дагестана. т. I, с. 105-115.

159. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане, с. 114-171.

160. *Маммаев М.М.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла., с. 189-224; *Его же*. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива// Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1967, т. 17, с. 147-164; *Его же*. Из истории гончарного производства в раннесредневековом Дагестане// Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1970, т. 20, с. 333-359; *Его же*. Зооморфные пряжки..., с. 219-222; *Его же*. Знаки на керамике Урцекского городища// МАД. Махачкала, 1973, т. III, с. 88-89.

161. *Марковин В.И.* Сарматская тамга на скалах Уйташа (Дагестан)/ / КСИА. М., 1970, вып. 124, с. 95-98; *Его же*. О некоторых находках скифо-сарматского времени на территории Северо-Западного Прикаспия// Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. 1984, с. 178-183.

162. *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган, с. 54-73; *Ее же*. Буйнакский курган, с. 115-143.

163. *Ее же*. О керамике с зооморфными ручками// Сов. археология. 1969, № 2, с. 69-84; *Ее же*. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени// Сов. археология. 1979, № 2, с. 31-50; *Ее же*. О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками// Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 15-20.

164. *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика Андрейаульского городища (типология и стратиграфия) // Средневековые древности Евразийских степей. М., 1980, с. 105-134; *Ее же*. Из опыта классификации керамики (по материалам Андрейаульского городища) // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 40-61.

165. *Магомедов М.Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения... , 1970, с. 7-8.

166. *Котович В.Г.* Новые данные... , с. 154-156.

167. *Абакаров А.И.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений... , с. 108-132; *Их же*. Нижнечуглинское городище, с. 94-114; *Гаджиев М.Г.* *Абакаров А.И.* Первые итоги изучения раннесредневековых бытовых памятников горного Дагестана, с. 6-7.

168. *Кудрявцев А.А.* К истории древнего Дербента, с. 154-168; *Его же*. Город, не подвластный векам, с. 33-65; *Его же*. Первые исследования

досасанидского Дербента, с. 130-157; *Его же*. О новой хронологии древнего Дербента, с. 175-184; *Его же*. Древний Дербент, с. 56-65; *Его же*. Древние поселения на Дербентском холме, с. 83-107.

169. *Его же*. Погребальные обряды древнего и средневекового населения Дербента// XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Майкоп, 1984, с. 63-65; *Его же*. Дербентский могильник, с. 125-146.

170. *Котович В.Г.* О процессе урбанизации... , с. 78-93; *Его же*. О некоторых особенностях расселения и социального устройства населения Дагестана в албанский и раннесредневековый периоды // Мат. сессии, посв. итогам эксп. исследований в Дагестане в 1973-1975 гг. (тез. докладов). Махачкала, 1976, с. 9-10; *Его же*. Археологические данные о древней истории Прикаспийского пути// Проблемы археологии. Л., 1978, с. 54-61.

171. *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане// Пятое Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 1975, с. 62-65.

172. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре... ; *Его же*. Еще раз о пряжках бежтинского типа// Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 106-120; *Его же*. Сумбатлинский могильник, с. 108-129; *Его же*. Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан) // Сов. археология. 1984, № 1, с. 77-87; *Его же*. Типология и генезис древних городов Дагестана/ / XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Майкоп, 1984, с. 43-44; *Его же*. Погребальный обряд населения южного Дагестана в албанское время (III в. до н.э. — III в.н.э.)// Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986, с. 49-70.

173. *Его же*. Итоги первого года раскопок на Верхнелабкомахинском городище, с. 8-9.

174. *Его же*. Типология и генезис древних городов... , с. 43-44.

175. *Его же*. Проблемы северной границы Кавказской Албании и локализация племен на территории Северо-Восточного Кавказа// Пятое Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Махачкала, 1975, с. 60-63.

176. *Алиев К.* Кавказская Албания.

177. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа, с. 55-63. См. также: *Крупнов Е.И.* Древняя история... , с. 70; *Виноградов В. Б.* Локализация Ахардея... , с. 39.

178. *Бабаев И.А.* Города Кавказской Албании в IV в. до н.э. — III в.н.э. Баку, 1990.

179. *Гаджиев М. С.* К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Иездигерд, 144-152; *Его же*. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени//

Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала, 1982, с. 47-72; *Его же*. Об одной особенности погребального обряда Дагестана позднеалбанского времени // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тез. докладов). Майкоп, 1984, с. 59-60; *Его же*. О социальной интерпретации некоторых погребений Дагестана албанского времени // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 44-58; *Его же*. Погребальные памятники южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I-VII вв.) // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986, с. 71-76; *Его же*. К этнической карте Дагестана албанского времени // XIV Крупновские чтения (тез. Доклады). Орджоникидзе, 1986, с. 9-10.

180. *Муравьев С. Н.* Птолемеевская карта... , с. 117-147; *Его же*. Уровень Каспия глазами древних, с. 74-84.

181. *Абрамова М. П.* Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматское время, с. 59-73.

182. *Мокроусов С. В.* Этапы развития фортификации Дербента в досасанидский период // Проблемы исследования античных городов (тез. докладов). М., 1989, с. 80-83; *Его же*. Материальная культура... ;

183. *Виноградов В. Б., Чокаев К. З.* Древние свидетельства... , с. 42-88.

184. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 36-37.

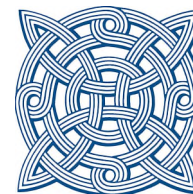
185. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. См. также: *Его же*. Локализация Ахардея... , с. 38-50; *Его же*. Время, горы, люди. Грозный, 1980; *Его же*. Через хребты веков. Грозный, 1970, с. 206-208; *Его же*. Описание Северного Кавказа в "Географии" Страбона, с. 36-43; *Его же*. Тайны минувших времен. М., 1966; *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* Материалы погребальных памятников среднего Притеречья о роли сарматов в этно-культурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе, 1983, с. 102-104.

186. *Марковин В. И.* Археологические разведки в восточных районах Чечни // КСИА. М., 1963. Вып. 93, с. 63-68; *Его же*. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни // КСИА. М., 1964, вып. 93, с. 81-89; *Его же*. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Могильник "Яман-су"... , с. 153-206; *Их же*. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-су и Байтарки: (юго-восточная Чечня) // АЭС ЧИ НИИ ИЯЛ. Грозный, 1969, т. III, с. 37-67.

187. *Петренко В. А.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды Северного Кавказа // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 41-42; *Его же*. Ручки в виде животных на Ханкальском 2 городище // Археология и вопросы атеизма. Грозный,

1977, с. 33-37; *Его же*. Погребальный обряд населения юго-восточной Чечни в III в. до н.э. — IV в. н.э. как этнический показатель // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 27-34; *Его же*. Культура населения Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. — IV в. н.э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1980; *Его же*. Об одной из разновидностей сарматской посуды на среднем Тереке // Сов. археология. 1980, № 1, с. 275-283.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА II.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДАГЕСТАНА АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Материальная культура, представленная бытовыми и погребальными памятниками, а также археологическими предметами, является основным источником для изучения всех проблем истории и археологии Дагестана.

II. 1. ПОСЕЛЕНИЯ

С изучением бытовых памятников Дагестана (поселений и городищ) связано решение многих актуальных проблем древней истории и археологии. Тем не менее до 50-х годов сколько-нибудь значительных работ по их изучению не было проведено. Исключение составляет городище Топраккала, нижние слои которого относятся к интересующему нас времени, изученное хотя и поверхностно в 1924 году А. С. Башкировым.¹ Более 40 городищ и поселений албанского времени (рис. 1), расположенные на территории Дагестана, выявлены и изучены позже: на первом этапе в связи со спасательными работами в зоне строительства гидроэлектростанций на Сулаке,² на втором — с изучением Урпекского городища и последующим усилением внимания на решении проблем бытовых памятников всего Дагестана.³ Правда, не все эти памятники одинаково и хорошо исследованы и не во всех районах Дагестана равномерно выявлены. Но степень их изученности уже позволяет приступить к решению назревших и связанных с ними актуальных проблем истории и археологии Дагестана, прежде всего, к их характеристике. Наиболее важными среди них являются Аркаское, Урпекское, Цыйшинское, Дербентское, Таргунское, Шамшахарское, Верхнелабкомахинское, Меседилмицирское, Нижнечуглинское, Чичикарское, Андреяульское, Генторунское, Охлинское, Топраккалинское и др. городища, а также Цыйшинское №2, Гинчинское, Вихлинское, Ганзирское, Алкадарское, Юхаристальское, Новолакское, Миатлинское, Куппинское, Сиртичское и др. поселения. Одни из них возникли в скифское и даже предскифское время, другие — в албанское и продолжали бытовать в раннем средневековье. Для них характерны единые топографические признаки. Так, например, Урпекское

городище (рис. 6) расположено за передовыми хребтами предгорий, на господствующей в долине возвышенности и на ее склонах. Долина с северо-востока и юго-запада ограждена невысокими, но труднодоступными хребтами, смыкающимися друг с другом к северо-востоку от городища. С юга оно открыто в сторону русла реки Джанга-Кула-чай. Расположение городища таково, что позволяет контролировать проходящую мимо транскавказскую магистраль и отходящие от нее в горы местные дороги. У возвышенности, где расположено Урпекское городище, имеются довольно круглые северные склоны, высотой до 30-50 м. Причем они террасированы и содержат строительные остатки. В центре холма имеется наиболее обширная терраса, занятая цитаделью. Вся застроенная территория, начинающаяся за стенами цитадели, также окружена оборонительными стенами, толщиной до 1,5 м. Пологие склоны вокруг возвышенности с городищем покрыты земледельческими террасами. Местные окрестности возвышенности богаты водными источниками. Население могло пользоваться и речкой Джанга-Кула-чай.⁴

Другое городище — Таргу находится на оконечности горного отрога, занимая его вершину и склоны, спускающиеся к реке Гамриозень тремя большими ступеньками. На самой вершине находится цитадель, на следующей ступени — строительные остатки албанского времени, на последней нижней ступени — строительные остатки раннесредневекового времени. К городищу подходят несколько древних путей.⁵ Близкими топографическими признаками характеризуются памятники, расположенные на Левашинском плато. Так, Верхнелабкомахинское городище расположено на западной окраине одноименного селения Левашинского района и занимает господствующую на местности возвышенность и ее склоны, спускающиеся вниз тремя уступами (рис. 4). Укрепления не сохранились. Но они, видимо, были возведены с учетом особенностей рельефа. С востока и юга возвышенность ограждена горными хребтами, с запада и севера она открыта на равнину. Мимо возвышенности протекает речка, судя по находке водяной мельницы, многоводной в средние века. В окрестностях памятника имеются и другие водные источники. Через городище проходит несколько древних дорог. Поблизости от городища имеются удобные для земледелия террасные поля и удобные пастбища, в том числе и на склонах с горно-альпийской растительностью.

Другое городище, расположенное на Левашинском плато — Охлинское, занимает господствующую на пологом плато возвышенность, ограниченную с юга скалистым обрывом, с севера и востока — крутыми склонами. Укрепления расположены с напольной стороны. По основанию обрыва, мимо городища протекает речка Барцанитлар. В его окрестностях расположены удобные для

обработки сельскохозяйственные террасы и хорошие пастбища, в том числе летние — альпийские. Мимо городища проходит колея древней дороги.⁶

Те же закономерности характерны и для простых поселений. Ганзирское поселение, например, занимает вершину и склоны оконечности бокового отрога горного хребта “Гюннар” и расположено на восточной окраине ныне заброшенного селения Ганзир (рис. 2,2). Это место вытянуто с запада на восток и ограничено с юга и востока крутыми склонами. На север возвышенность спускается уступами. По основанию последнего уступа проходит колея древней дороги. Здесь в окрестностях поселения имеются удобные для обработки сельскохозяйственные террасы. Само поселение занимает среднее положение в вертикально-зональной системе Дагестана и позволяет одинаково удобно пользоваться летними и зимними пастбищами. Окрестности богаты водными источниками.

Сиртичское поселение занимает вершину, опускающегося уступами на север и запад, горного отрога, ограниченного с юга сланцевым обрывом, а с востока — склонами гор. По основанию обрыва, с юга протекает речка (рис. 2,1). В окрестностях памятника имеются удобные для обработки земельные уголья и обширные пастбища.

Таким образом, все эти бытовые памятники расположены на таких местах, где в сочетании представлены:

1. Благоприятные физико-географические условия для развития всех видов экономики, особенно земледелия, скотоводства и различных видов ремесел. К ним относятся удобные для возделывания земли, хорошие сенокосные луга и пастбища, при этом они одинаково удобны для эксплуатации как зимой, так и летом. Особое внимание обращено на близость к водным источникам-родникам или речкам или к тем и другим.

2. Близость к коммуникациям. Многие из них, в частности Прикаспийская и транскавказская торговые магистрали имели международное значение.

3. Расположение на труднодоступных местах, что обеспечивало возведение не столь трудоемких и дорогостоящих фортификационных сооружений и защиту населения от нападений. Для основной части памятников фактор безопасности был основным. Очевидно, это объясняется тем, что в тревожное время “железного меча” слишком часто население подвергалось различным опасностям.

Таковыми же топографическими признаками характеризуются бытовые памятники Албании на территории Азербайджана.⁷

Важной частью характеристики бытовых памятников является их структура. По итогам изучения Урцекского городища высказались два

исследователя. В.Г. Котович, например, утверждал, что в албанское время это городище состояло из цитадели, собственно города обнесенного стенами и сельскохозяйственной округи,⁸ а М.Г. Магомедов-из цитадели, шахристана и посада (так у авторов и сказано),⁹ каждая из которых обнесены оборонительными стенами. Оборонительные сооружения отмечены А.А. Кудрявцевым на Дербентском поселении в слоях скифского и албанского времени.¹⁰ М.Г. Гаджиев и А.И. Абакаров, исследовавшие на Левашинском плато ряд бытовых памятников албанского и средневекового времени, установили, что почти все они были обнесены оборонительными стенами, и только на одном Кулециминском городище внутри укрепленной территории отмечено второе укрепление-цитадель.¹¹ Следовательно для Дагестана албанского времени можно считать характерными укрепленные поселения — городища, иногда с цитаделью в “привилегированной” его части. Встречаются здесь и поселения без каких-либо укреплений (Ганзир, Сиртич и др.). Но тогда они примыкают к укрепленным поселениям.

Таким образом, в Дагестане албанского времени существуют:

1. Поселения, обнесенные оборонительными стенами и с цитаделями внутри укрепленной территории, в привилегированной территории (городища с цитаделями);
2. Поселения, обнесенные оборонительными стенами, без цитаделей (городища без цитаделей);
3. Поселения без каких-либо укреплений.

Поселения первого типа представлены Таргунским (VII в. до н.э. — XII в.н.э. — дата В.Г. Котович), Кулециминским (III - XIII вв.) и, возможно, Верхнеабкомахинским¹² и др. городищами. На них в албанское время была обжита территория цитадели и собственно укрепленная часть поселений, а также отчасти примыкающие к ним небольшие территории сельскохозяйственной округи. Так, на Таргунском городище выявлены цитадель с мощными оборонительными стенами, шахристан и рабад, каждая из этих частей окружена оборонительными стенами. Но строительные остатки и археологические предметы албанского времени выявлены на цитадели, укрепленном поселении и на незначительной территории, примыкающей к ним. На цитадели встречены остатки дворцового или храмового комплекса албанского времени. В пределах укрепленной территории поселения обнаружены подземные колодеобразные сооружения с аккуратно оформленными прямоугольными люками. Один такой резервуар, исследованный во дворе рядового общинника, имел глубину до 3,5 м. Его стены были сложены из тесанного камня. Прямоугольный люк тщательно выложен каменной плитой.

За двориком раскопано четыре хозяйственных помещения, в том числе и две кладовые с хумами, вкопанными в земляные полы.¹³ Этот комплекс относится к раннесредневековому времени, но аналогичные сооружения встречены на Эскиюртовском, Верхнелабкомахинском, Урцекском, Чичикарском городищах и датируются не только раннесредневековым, но и более ранним - албанским временем. За пределами Дагестана они широко представлены среди античных памятников Северного Причерноморья, в частности, в Танаисе.¹⁴

Другое такое же городище—Урцекское состоит из цитадели, шахристана и рабада, укрепленных соответствующими каждому из них оборонительными стенами. Но эта система укреплений сложилась окончательно к V-VI вв., а начальный этап формирования фортификации В.Г. Котович относит к скифскому времени,¹⁵ а С.В. Мокроусов-к албанскому времени, а именно к I-II вв.н.э.¹⁶ Вполне серьезные доводы В.Г. Котовича о том, что зольник с остатками материалов скифского времени перекрывал один конец оборонительной стены. Среди этих находок был и пулевидный наконечник стрелы скифского типа. Это делает тезис об отнесении оборонительных стен к скифскому времени трудно опровержимым. Если даже допустить, что находки, в том числе наконечник стрелы пережиточно сохранились до албанского времени, то и тогда стены оказываются древнее зольника. А сделанные здесь находки действительно создают впечатление архаичности.

Все эти памятники первого типа отличаются значительными размерами. Так, Таргунское городище в период своего наивысшего расцвета занимало около 30 га территории. Из них на площади 7-8 га нижней части встречены остатки материальной культуры только раннесредневекового времени. Следовательно, в интересующее нас время городище занимало территорию около 22-23 га. Верхнелабкомахинское городище занимало территорию около 30 га. Такими же значительными размерами обладало Урцекское городище.

К поселениям II типа—без цитадели, но, укрепленным оборонительными стенами, относятся Охлинское, Нижнечуглинское, Меседилмицирское, Маммаульское, Генторунское и др. городища. Почти все городища Левашинского плато имели укрепления в виде одной, двух или даже трех линий стен и рвов с напольной стороны.¹⁷ Площадь этих городищ колеблется от 6 до 10 га. И здесь обжита территория самого укрепленного поселения и примыкающей к нему площади.

К неукрепленным поселениям (III тип) относятся Ганзирское, Сиртичское, Цыйшинское № 2, Гинчинское № 2, Вихлинское и др., расположенные во всех географических районах Дагестана. Они значительно меньше поселений второго типа по размерам или примерно равны им.

Все мелкие укрепленные и неукрепленные поселения (II и III типа) концентрируются вокруг крупных городищ I типа. Так вокруг Таргунского городища в радиусе 25-30 км концентрированы не менее 10 мелких городищ, в том числе Чакауркентское, Маммаульское и др., В Табасаране вокруг Чичикарского городища сосредоточены Ганзирское, Сиртичское и др. поселения. Такая же картина концентрации городищ вокруг крупных наблюдается на территории всего Дагестана.¹⁸

Но для всех бытовых памятников I и II типов характерны единые принципы возведения оборонительных сооружений.

II. 1. 1. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Поселения албанского времени, как уже говорилось, были окружены оборонительными стенами. Иногда такие стены у поселений, расположенных на труднодоступных возвышениях, расположены со стороны, где нет естественных препятствий. На наиболее крупных городищах встречены и цитадели. Сейчас хорошо изучены фортификационные сооружения Урцекского городища и городища Таргу.

На городище Таргу к албанскому времени отнесены две линии укреплений. Первая линия-крепостная стена. Она окружала основание холма. Раскопками на южном и западном концах был вскрыт 120 метровый участок этой стены. Ее основание возведено из массивных и широких плит в ложах материковой породы. Ширина стен колеблется в пределах 1,85-2,3 м. Кладка панцирная, регулярная с использованием крупных блоков и плит. Пространство между панцирями заполнено бутовым камнем и глиняным раствором. Керамический материал, найденный в слое и относящийся к этой стене, авторами раскопок датирован VII-IV вв. до н.э. Они же утверждают, что на западном конце нижние ряды внешнего панциря залегали под слоями III-I вв. до н.э. Однако, С.В. Мокроусову, изучившему материалы выявленные В.Г. Котовичем около этих стен, не удалось найти керамику скифского времени. Поэтому оборонительные стены отнесены им к I-III вв.¹⁹

Вторая линия крепостных стен верхней части городища проходила примерно по середине западного и северного склонов возвышенности и окружала территорию поселения с жилыми, хозяйственными и общественными постройками. Раскопкам подвергли 40-метровый отрезок этой стены. Ширина стены 2,4 - 2,5 м при сохранившейся высоте 2,5 - 3 м. Стены возведены из регулярно уложенных по всей толще известняковых плит и блоков на глиняном растворе. Они отличаются прочностью и монументальностью. Материалы, относящиеся к этой стене, датированы авторами раскопок эпохой раннего

железа. В I-IV вв., по их мнению, перед ней на северо-западном участке была сооружена протейхизма.²⁰ Этот вывод нуждается в дополнительном подтверждении.

Цитадель Урцекского городища (рис. 6) занимала вершину холма и повторяла ее конфигурацию в форме вытянутого четырехугольника с закругленными углами. Толщина стен колеблется от 1 до 1,5 м. Они возведены из крупных каменных блоков чаще “квадратных” форм, уложенных насухо горизонтальными рядами по всей толще стены. Таким образом, стена в целом монолитная, но на отдельных участках встречается забутовка пространства между наружным и внутренним панцирями. Для повышения высоты стены использована подстилающая скала. В системе стен появляются башни и значительные башенные выступы прямоугольной формы, возводившиеся для укрепления ворот и наиболее уязвимых мест в системе стен. Авторы раскопок утверждают, что появляются и протейхизмы.²¹ Однако, последние скорее всего относятся к раннему средневековью.

Для городищ, выявленных на Левашинском плато, характерна иррегулярная фортификация, сочетавшая естественные преграды с искусственными крепостными сооружениями, состоящими из массивных каменных стен и рвов. Подобные городища стали возникать на Левашинском плато в конце I тыс. до н.э. — нач. I тыс. н.э.²² Так, например, на Охлинском городище с западной стороны выявлены три линии крепостных стен, возведенных на материковых платформах, образованных за счет выборки камня из опоясывающих их снаружи рвов (глубиной до 3,5-4,9 м). Толщина одной из внутренних стен достигала 4,5 м.²³ Пространство между панцирями, сложенными из крупных и мелких камней и плит без скрепляющего раствора, забутовано. а менее толстые стены сложены из крупных блоков, но без применения забутовки. Близкие фортификационные сооружения были выявлены на холме досасанидского Дербента, где, по утверждению А.А. Кудрявцева, в конце VIII-начале VII в. до н.э. появился мощный укрепленный пункт. Наиболее ранние оборонительные стены здесь сложены небрежно с применением засыпки. В I-III вв. они построены более тщательно в технике панцирной кладки с забутовкой межпанцирного пространства. Эта стена возведена из камня на глиняном растворе.²⁴

Таким образом, на дагестанских городищах албанского времени встречены оборонительные стены, сложенные в панцирной технике. На Урцекском городище имеются и более тонкие стены, но из крупных циклопических блоков и без применения скрепляющего глиняного раствора. Возможно, последние хронологически предшествуют панцирным стенам, но

функционировали и в албанское время. Нами они включены в систему панцирных стен. Такие стены достаточной высоты могли противостоять штурму конных кочевников. Все эти оборонительные стены характерны как для цитаделей, так и для территорий шахристана и рабада. Причем, при возведении оборонительных сооружений максимально использованы особенности рельефа. В стенах цитаделей и стен имеются резкие повороты и уступы, позволяющие вести боковой обстрел пристенной территории.

Все эти дагестанские оборонительные сооружения отличаются от одновременных комплексов Азербайджана, где поселения окружены земляными валами (а с I в.н.э. сырцовыми стенами) и рвами.²⁵

II. 1. 2. ДВОРЦОВЫЕ И ХРАМОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Они, как правило, располагаются в привилегированной зоне городища. На Таргунском городище, например, остатки дворцового или храмового комплекса найдены на территории цитадели. Он представляет собой сооружение в форме вытянутого четырехугольника с портиком и колоннадой, от которой сохранились пять каннелированных баз и одна квадратная со стесанными углами, расположенных в ряд попарно. Сами колонны, видимо, были деревянными. Сохранившиеся северо-западная и северо-восточная стены сложены из известняковых плит на глиняном растворе. Они достигали в толщину 0,9-1,0 м. По северо-восточной стене, между колоннами, выявлены остатки вымостки из известняковых плит.²⁶ Судя по размерам стен и остаткам архитектурных деталей этот комплекс, видимо, имел довольно значительные размеры (рис. 11). Из архитектурных деталей, применявшихся на таргунском комплексе — деревянные колонны, — были широко распространены, как в Закавказье, так и на территории Парфии. Однако каннелированные базы, установленные в их основании, своеобразны и отличаются от торовидных баз Парфии и баз, применявшихся в Грузии, Армении и Азербайджане.

К албанскому времени относит А.А. Кудрявцев остатки дворцового комплекса, встреченные в восточной части дербентской цитадели. Стены его сложены из обработанного камня на глиняном растворе и достигают 0,6-1,0 м толщины. Иногда в них встречаются вставки с орнаментом. Полы помещений глинобитные, обмазанные сверху светлой глиной.²⁷

Техника возведения стен обоих дворцовых комплексов одинаковая. Все эти дворцовые сооружения, как впрочем и сами цитадели, отсеченные от самих городищ оборонительными сооружениями, свидетельствуют о далеко зашедшем процессе социального расслоения общества и обособлении социальной верхушки и всех институтов ее господства.

II. 1. 3. ЖИЛЫЕ СООРУЖЕНИЯ

На городищах Дагестана албанского времени изучены разнообразные жилые и хозяйственные сооружения, представляющие единые бытовые комплексы. Они в основном предоставлены сооружениями, выявленными и изученными на Верхнелабкомахинском городище, Ганзирском и Сиртичском поселениях. К интересующему нас времени относятся остатки жилищ с третьего и четвертого строительного горизонтов первого раскопа и все строения второго раскопа Верхнелабкомахинского городища (рис. 8, 8а).²⁸ Значительный интерес представляют остатки небольшой угловой части жилища с остатками печи, примыкающей к северной стене (рис. 8). Само жилище обращено стенами по сторонам света. От северной стены, толщиной 45 см, сохранился отрезок, высотой 34-40 см и длиной 3,8 м, сложенный из тесанных камней с применением щебня для заполнения пустот и глины для скрепления кладки. Судя по сохранившимся остаткам, печь представляла собой довольно сложное по конструкции сооружение с топочной (шириной около 40 см) и обжигательной камерами, занимавшее около 6-7 кв. м площади. Оно напоминает современные "кари" или "кор", известные в Дагестане с глубокой древности.²⁹ Около этого печного сооружения обнаружены куски обожженной обмазки, пол также обожжен. С этой небольшой площадки происходят зернотерки, разнообразные пастовые, стеклянные и янтарные бусы, раковины "каури", конические, нанизанные друг на друга, подвески из тонкой бронзовой пластинки, полусферическая бронзовая бляшка с петлей на обороте, две бронзовые иглы (одна из них заготовка, другая с обломанным ушком) и обломки керамики, в том числе сероглиняного лощеного кувшина с воронкообразным устьем (рис. 67, 12, 13, 17, 18). Оно напоминает баночные сосуды с обмазанной и заглаженной поверхностью из погребального комплекса I-II вв. н.э. II Бережновского могильника в Нижнем Поволжье.³⁰

В четвертом строительном горизонте найдены остатки другого жилого комплекса четырехугольной в плане формы. Одно помещение имело довольно большие размеры: от него сохранились участки стен, длиной 6,5 (направление с севера на юг) и 5 м (направление с запада на восток) высотой до 1 м. Пол помещения был обмазан глиной, а северо-восточная угловая часть вымощена песчаниковыми плитами. По диагонали от этого угла выявлено сооружение, напоминающее ванну, размером 1,7×1,25×0,75 м, ориентированное длинной стороной по линии юго-юго-запад - северо-северо-восток. Оно было заполнено темной мягкой глиной с примесью гравия и костей животных (рис. 8). Помещение погибло от пожара: пол, камни стены, вымостка и заполнение помещения сохранили следы сильного огня.

С северо-запада к этому помещению примыкает часть четырехугольной в плане комнаты. Пол у нее глинобитный. В отличие от пола вышеописанного жилища, он не подвергся действию пожара. Заполнение этого помещения также состояло из гравия и щебня. Скорее всего это было внутренний дворик дома. В заполнении и на его полу найдены обломки коричневой лощеной керамики, в том числе корчаговидный сосуд с вытянутым туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком, украшенным по наружной поверхности рельефными валиками (рис. 67, 11), а в самом помещении-пряслице из известняка, обломки обмазанных сосудов, серых и коричневых лощеных сосудов. Ранние образцы подобных красных ангобированных изделий известны в Дагестане не ранее начала I тысячелетия н.э.

На втором раскопе изучены строительные остатки, залежавшие в двух культурных напластованиях. По технике строительства, планировке и ориентации они аналогичны вышеописанным сооружениям первого раскопа (рис. 9, 10).

В первом слое исследованы остатки жилого комплекса, стены (толщиной 0,6-западной 1,05 м - северной) которого сохранились местами до 2 м и выше и примыкавшей к нему улицы, достигавшей 1,5 м ширины и вымощенной камнем. Вдоль восточной продольной стороны улицы проходила крытая водосточная канава, шириной 30-35 см и глубиной до 40 см. Эта улица является важным показателем благоустройства населенного пункта. Сам жилой комплекс имеет четырехугольную в плане форму с размерами сохранившейся части — 3,8×5,8 м. Стенами он ориентирован по сторонам света. Поперечной стеной, сохранившейся в высоту местами до 63 см, сооружение разделено на две камеры — западную (3,75×3,70 м) и восточную (3,3×?—сохранился остаток, длиной 1,2 м). В центре западной камеры выявлены каменная база от деревянного подпорного столба и обломок толстой песчаниковой плиты с резным кругом на поверхности: по всей видимости им был увенчан столб. К западной стене помещения примыкала лестница, ведущая на второй этаж. Доступ в помещение вел со второго этажа по лестнице. Пол был глинобитным. На полу помещений, разделенных перегородкой был одинаковой толщины (до 10 см) слой золы от сгоревшего сена. Данный комплекс в первом этаже, видимо, целиком предназначался для хозяйственных целей. Об этом же говорит отсутствие в нем очага. На это же указывает и примыкавшая к основанию стены кладка в виде полки, высотой до 50 см и шириной до 55 см, предназначенная для хранения хозяйственных ценностей (рис. 9). Жилые комнаты, видимо, располагались на втором этаже. Такие двухэтажные дома с хозяйственными помещениями на первом этаже и жилыми помещениями на втором сохранились в горном

Дагестане, в частности у даргинцев до настоящего времени.³¹

Среди материалов, выявленных на улице и в жилых постройках, имеются обломки красной ангобированной керамики, в том числе кувшинов с цилиндрической горловиной, соединенной ленточной ручкой со вздутым туловом (рис. 67,5-6). Они характерны для памятников Дагестана III-V вв. н.э.³²

Под вышеописанным жилым комплексом выявлены остатки другого четырехугольного в плане сооружения, от которого сохранился небольшой угол с двумя стенками высотой до 70 см: западной, залегавшей прямо под базой столба вышерасположенного помещения и южной, направление которой соответствует направлению южной стены вышерасположенного помещения (рис. 10,1). Из него происходят изделия, относящиеся к начальным векам I тысячелетия н.э.: раковина «каури», костяной втульчатый наконечник стрелы, обломки венчиков баночных сосудов, черных и серых лощеных мисок и кувшинов и проч. Это помещение по своему характеру близко к постройкам вышеисследованных комплексов.

На Ганзирском поселении изучены остатки жилого комплекса (рис. 13-14). Он представлял собой четырехугольное в плане сооружение, ориентированное по странам света и состоящее из двух помещений, изолированных друг от друга глухими стенами. Каждое из них связано с расположенными рядом дворами: северное — с западным двориком, где выявлена летняя печь типа «кора» или «корюк» с топочной и обжигательной камерами; южная — с восточным двориком, где был тондыр. В обоих помещениях обнаружены очаги, в северной вдобавок лежали остатки печи, упавшей сверху, со второго этажа. Южное помещение позже было разделено на две части перегородкой. Полы глинобитные, частично вымощенные песчаниковыми плитами. В помещениях и во дворах найдено по-несколько мусорных ям с большим содержанием керамики, в том числе бракованных и еще не обожженных сосудов.

Основания стен каменные. Местами они сохранились в высоту до 1,5 и более метров. В конструкцию стен, видимо, были включены турлучные перегородки. Об этом свидетельствуют находки штукатурки со следами плетенки из прутьев. Некоторые куски имели на себе следы побелки известью.

Особенности находок тонких плит и деревянных конструкций указывают на плоское перекрытие жилищ. А находки многочисленных керамических обломков, особенно бракованных и необожженных сосудов свидетельствуют о принадлежности жилого комплекса семье гончара.

Стены двора этого жилого комплекса частично перекрывали остатки другого более архаичного помещения с легкими турлучными стенами, для

интерьера которого характерны открытый очаг и мусорные ямы. Последние заполнены золой, содержащей бытовые отходы, кости животных, обломки керамики, особенно обмазанных горшков и баночных сосудов, в том числе горшков с ручками. Здесь же были найдены черная лощеная кружка, кремневые вкладыши от составных серпов и обломок железного клиновидного топора.

Близкие жилые комплексы встречены на Сиртичском поселении. В системе стен жилого строения здесь широко применены турлучные конструкции и каменный фундамент. Для их интерьера характерны пристенные очаги, глинобитные полы, а также мусорные ямы.

Жилища с частично вымощенными глинобитными полами и турлучными конструкциями, включенными в каменные стены, характерны для домостроительства албанских памятников Азербайджана (Сары-тепе, Хыныслы).³³ Конструктивные элементы, характерные для Ганзирского и Сиртичского поселений широко применяются в традиционной народной архитектуре современных табасаранцев.³⁴

Интересный жилой комплекс был изучен М.И. Пикуль на Макинском поселении. Остатки здания ориентированы стенами по сторонам света. Оно состояло из двух связанных между собой проходами помещений и примыкающего к ним дворика. В одном из помещений, размеров 3×3 м были найдены остатки печи, занимавшей 1,75×1,0 м площади. Над этой печью был открытый очаг, относящийся к последнему периоду существования жилища. Другая комната, связанная с первой узким проходом, имела значительно меньшие размеры и не имела ни очага, ни печи. Южнее находился двор с мощеной дорожкой. Он связан проходом с первым помещением. Полы здания были обмазаны глиной, толщиной до 4-5 см. Проходы в нем оформлены порогами. Стены сохранились в высоту до 0,7 м. Их толщина составляла 0,6-0,8 м. В нижних ярусах стен уложены более массивные камни, в верхнем — более мелкие. По мнению М.И. Пикуль стены возводились из небольших камней, скрепленных глиняным раствором. Она датировала весь комплекс VII-IV вв. до н.э.³⁵ Однако, собранные материалы противоречат этой дате. Это относится прежде всего к керамике, особенно к красной ангобированной и с мелкой штриховкой на поверхности, которая не может быть отнесена глубже II в. н.э.

II. 1.4. ПЛОЩАДИ

Другой составной частью бытовых памятников являются специальные площади, связанные с общественной и политической, а также хозяйственной жизнью населения. Такая площадь обычно находилась на территории укрепленной части городища, недалеко от ворот, относящихся к системе

оборонительных стен. В этой связи интересно отметить, что до настоящего времени в Дагестане, как впрочем на территории почти всего Кавказа, сохранились аналогичные по функциям площади. На аварском языке эта площадь называется “годеклан”, на лакском—“курчла”, арчинском —“гуьм”, “ккум”, рутульском—“гим”, агульском—“гем”, цахурском—“ггимгга”, андийском—“каву”. Подобным названием на андийском и аварском языках обозначаются и ворота.³⁶ Интересно отметить, что в шумерских городах центр управления городом находился у городских ворот, где происходили собрания граждан и отправлял свои обязанности градоправитель.³⁷

Планировка строений всех бытовых памятников горного Дагестана албанского времени, видимо, была такой же прямоугольно-ступенчатой, какая была на бытовых памятниках Дагестана предшествующего и последующего времени.³⁸

Таковы внешние признаки бытовых памятников Дагестана албанского времени. В их топографии, структуре, планировке, в архитектурном облике бытовых и общественных строений, в системе фортификационных сооружений отражен иной, более высокий, чем в предшествующее время уровень социального и экономического развития общества. Эти памятники и выявленные на них бытовые предметы указывают на многочисленные их функции, особенно на наличие специализированных ремесел, о чем более подробно будет сказано ниже.

II. 2. МОГИЛЬНИКИ

Наши сведения о характере погребальных сооружений и погребального обряда опираются на данные, полученные в результате исследования 29 могильников, расположенных во всех физико-географических районах Дагестана, в том числе на материалы Новолакского, Таркинского, Карабудахкентского I и III, Урцекского, Бавтугайского, Количевского, Ленинкентского, Мамайкутанского, Дербентского, Сиртичского, Мамрашского, Шаракунского, Тарланкакского, Маалибского, Гоцатлинского, Цархигоинского, Бежтинского, Хабадинского (поздние погребения), Курклинского, Сумбатлинского, Цыйшинского, Лакунмурзского и др. могильников. Многие из них расположены вблизи одновременных бытовых памятников (рис. 1). Отметим, что лишь на одном Сиртичском поселении погребальные сооружения встречены на территории самого поселения и внутри жилищ.

Некоторые характерные черты этих памятников были освещены в работах Е.И. Крупнова и К.Ф. Смирнова, посвященных публикации результатов раскопок Таркинского и Карабудахкентского могильников.³⁹ Между

погребальным обрядом памятников Дагестана албанского времени, с одной стороны, и погребальным обрядом эпохи раннего средневековья, с другой, много общего. Поэтому для нас важны разработки Д.М. Атаева, М.П. Абрамовой и М.Г. Магомедова и др.⁴⁰ М. С. Гаджиев посвятил специальные работы погребальным памятникам южного Дагестана и одной из важных сторон погребального обряда начала I тысячелетия н.э. — захоронению отдельных черепов.⁴¹ При всем этом разносторонние особенности погребального обряда, в частности конструкции погребальных сооружений, характер погребений, способ помещения останков в могилы, ориентация, размещение инвентаря и др. еще ждут своих исследователей. В первую очередь, это обусловлено задачами, связанными с историко-культурным определением памятников и их этнической принадлежности, поскольку погребальный обряд диктуется религиозными предоставлениями, совпадающими в древних обществах с культурными и, соответственно, этническими территориями: “боги, созданные... у каждого отдельного народа, были национальными богами, и их власть не переходила границы охраняемой ими национальной области”⁴² Племенам были присущи общие религиозные представления и культовые обряды.⁴³ Для эпохи раннего железа (времени разложения первобытнообщинных отношений) с присущими ей взаимосвязями, взаимовлияниями и преемственностью культурных завоеваний, эти признаки все еще продолжают сохранять силу. Соответственно, погребальные памятники оказывают неоценимую услугу в решении таких этнокультурных проблем. Столь же ценными они оказываются и при социальной характеристике отдельных погребенных и общества в целом, при попытках восстановления исторических и культурных контактов с сопредельными племенами и народами.

II. 2.1. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

На погребальных памятниках Дагестана албано-сарматского времени встречаются грунтовые могилы, каменные ящики и склепы. Так, на Карабудахкентском I могильнике II в. до н.э. — II в.н.э. встречены 80 грунтовых могил и один каменный ящик.⁴⁴ На Таркинском могильнике I в. до н.э. — III в.н.э. из 37 могил 5 каменных ящиков или каменных гробниц, остальные грунтовые могилы.⁴⁵ На Хабадинском могильнике каменные ящики появляются с конца I тысячелетия до н.э. и то в качестве исключения.⁴⁶ На Сумбатлинском могильнике II-VIII вв.н.э. среди 14 каменных ящиков и гробниц встречен один полуподземный склеп.⁴⁷ На Сиртичском могильнике начала I тысячелетия н.э. изучены пять каменных ящиков и один полуподземный склеп.⁴⁸ На Карабудахкентском III могильнике и на Большом Буйнакском кургане (нижняя

дата-III в.н.э.) все погребальные сооружения-каменные гробницы или ящики.

Такое разнообразие погребальных сооружений ни в коей мере не связано с проникновением каких-то инородных носителей обряда погребения в каменных ящиках или склепах. Этнография знает немало примеров, когда у одного и того же народа, с одной и той же культурой и религией, в одно и то же время, встречаются разнообразные погребальные сооружения. Особенности погребального обряда могут быть обусловлены социальным положением, полом, возрастом, принадлежностью к тому или иному роду, религиозной группе, характером и обстоятельствами смерти.⁴⁹

Как видно из приведенных данных, грунтовые могилы являются ведущим типом погребальных сооружений Дагестана албанского времени. Реже встречаются склепы. С конца I тысячелетия до н.э. — начала I тысячелетия н.э. распространяются каменные ящики или гробницы, сначала реже, потом все чаще и чаще.

II. 2. 1. 1. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЫ

Они представлены двумя типами: овальными и вытянутыми, четырехугольной формы (рис. 17-19, 21, 27, 28). Первые были характерны еще для памятников Дагестана скифского времени и сохраняются в албанское время. Они перекрыты массивными плитами или деревянными плахами, обложены сверху более мелкими плитами, иногда ограждены каменной кладкой и отмечены камнями на уровне древней дневной поверхности. Могилы в форме вытянутого четырехугольника на памятниках албанского времени встречаются значительно реже. Они, как правило, перекрыты каменными плитами или продолговатыми речными булыжниками (Мамрашский, Шаракунский и др. могильники).

Наиболее ранними являются в Дагестане грунтовые могилы, встреченные на Мугерганском могильнике конца II тысячелетия-V в. до н.э. Здесь в основном имеют квадратную в плане форму и деревянные перекрытия, выложенные сверху камнями.

В скифское время на Мугерганском, Макинском, Карабудахкентском № 4, Каратинском, Хабдинском и др. могильниках появляются овальные грунтовые могилы. В албанское время они представляются основным типом погребальных сооружений не только Дагестана, но и северного Азербайджана (Мингечаур, Ялойдуте, Шемахи, Кабала, Топраккала, Ньюди и др.).⁵⁰ Они не имеют над собой каменные выкладки, но некоторые из них на уровне древней дневной поверхности отмечены оградами или отдельными камнями и изредка - и теми и другими. Эти признаки являются традиционными для погребальных памятников

Дагестана и встречаются здесь с глубокой древности.⁵¹

Узкие, вытянутые четырехугольные в плане грунтовые могилы, перекрытые каменными плитами или продолговатыми речными булыжниками, встречаемые среди основной массы овальных грунтовых могил, появляются на территории Дагестана лишь в албанское время. На памятниках Дагестана скифского и предскифского времени они неизвестны. Их связывают с вытянутыми на спине положением погребенных. Узкие и овальные грунтовые могилы в сочетании друг с другом встречаются на сарматских памятниках Северного Кавказа.⁵²

II. 2. 1. 2. КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ

На памятниках интересующего нас времени, начиная с рубежа I в. до н.э. и I в.н.э. появляются каменные ящики (цисты) и каменные гробницы (грунтовые могилы с обложенными каменной кладкой стенами). Оба они представляются разновидностями одного и того же погребального сооружения. В чистом виде в албанское время встречаются редко. Как правило, стенки могильных ям облицованы вертикально установленными плитами в сочетании с каменной кладкой. В раннем средневековье господствующими становятся каменные гробницы (рис. 25; 27; 29).

Каменные ящики встречаются в Дагестане с глубокой древности.⁵³ Однако, начиная с конца II тысячелетия до н.э. их вытесняют грунтовые могилы и в IV-I вв. до н.э. ящики уже не встречаются.

Некоторые исследователи связывают эти поздние каменные ящики с каякентско-хорочоевскими ящиками.⁵⁴ Однако, каякентско-хорочоевские каменные ящики постепенно трансформируются в массивные коллективные усыпальницы типа подземных склепов предскифского времени. В это же время на территории Чечни (Ямансу, Балансу и др.) и приграничных районов Дагестана (Ленинкент) встречены могильники с каменными ящиками V в. до н.э. — III в.н.э., действительно генетически связанные с каякентско-хорочоевскими каменными ящиками.⁵⁵ Могильники с каменными ящиками в сарматское время господствуют и на другой территории Чечни, Ингушетии и Осетии. Исследователи связывают их происхождение с архаическими местными гробницами и ящиками, в том числе кобанскими.⁵⁶

В первых веках н.э. каменные ящики встречаются в Азербайджане (Ширване и Нахичеване) и Армении (Гарнийский могильник).⁵⁷ Появление их в Закавказье И. Алиев и В. Алиев связывают с северокавказскими племенами, присоединившимися к аланскому походу в Мидию, Атропатену и Армению в 70-х годах I в. и в 30-х годах II в.⁵⁸ Такое объяснение мало убеждает. Но причины

появления их на территории Закавказья и всего Дагестана могут быть одни и те же, т.е. сармато-аланские передвижения, их походы и набеги и связанная с ними сарматизация или аланизация местного населения привела к распространению в Дагестане с начала I тысячелетия н.э. северокавказских элементов материальной и духовной культуры, в том числе и к появлению каменных ящиков и гробниц. Однако этот вопрос, в некоторой степени спорный, требует дальнейшего изучения.

II. 2. 1. 3. СКЛЕПЫ

Особый интерес представляют склеповые погребальные сооружения (рис. 15; 16; 20; 22; 24; 26; 32). Некоторые исследователи отождествляют склепы с катакомбами, считая их теми же катакомбами, только исполненными в камне, другие предлагают отбросить термин "катакомбы" как неудачный и заменить его термином "земляной склеп".⁵⁹ Мною была дана оценка этим работам и предложено свое видение проблемы.⁶⁰ Вскоре появилась статья М. С. Гаджиева, в которой он мне приписывает "типологическую и методологическую ошибку, приводящую к неверным историческим выводам и наблюдениям". А именно, при определении типа погребального сооружения я, якобы, исхожу "не столько из его конструктивных особенностей, сколько из такой (немаловажной) черты погребального обряда, как количество погребенных в данном сооружении".⁶¹ Видимо, мой оппонент не задал себе вопрос, с какой целью я стал так детально разбирать конструктивные особенности полуподземных и подземных склепов и обращать внимание на все случаи фиксации, хотя и редких, одиночных захоронений в полуподземных склепах с боковыми лазами. Я обращал внимание и на условность термина "склеп" (по-польск., русск. — свод, подвал, внутреннее помещение гробницы, обычно углубленное в землю или высеченное в скале). Ни количество погребенных, ни размеры погребального сооружения не дают права на название склепа. Как в Дагестане, так и на Северном Кавказе коллективные усыпальницы уже давно, хотя, может быть, условно именуют склепами. Склепом в таких случаях называют сооружения, построенные каменной кладкой. Коль скоро это название принято в науке, нет необходимости от него отказываться. На дагестанские склепы мы придерживаемся традиционных взглядов, как на более значительное по размерам каменное погребальное сооружение со сложной конструкцией, позволяющей по мере необходимости (для совершения очередного захоронения или приношения жертвы и т.д.) проникнуть во внутрь его сбоку или сверху. На дагестанских памятниках албанского и раннесредневекового времени встречены два типа склепов: с боковыми лазами и с лазами через перекрытие. Для некоторых склепов с

боковыми лазами характерны специальные полки для размещения погребенных и сопутствующего им инвентаря. Первый тип склепов сопоставляется с полуподземными склепами Северного Кавказа, второй — с подземными.

Первый тип полуподземных склепов встречен на Сиртичском, Карабудахкентском I, Сумбатлинском, Урцекском могильниках албанского времени, Курклинском, Мегебском, Дегва, Гапшиминском, Дурангинском, Верхнекаранайском, Аркаском могильниках эпохи раннего средневековья. Из них наиболее показательным и интересным является склеп из Сиртичского могильника (рис. 30; 32). Для его возведения на крутом склоне выкопан слегка опущенный в материк котлован. Края котлована обложены однорядной кладкой, наращенной выше в наземной части стеной из небольших камней. В плане он имел форму вытянутого четырехугольника, ориентированного длинной стороной по оси север-юг. Размеры: 1,2×1,8-1,9×1,35 (сохранившаяся часть северной стены). Лаз, шириной 0,6 м оформлен в южной торцовой стене и отделан вертикально установленными по бокам длинными плитами и плашмя уложенной на пороге горизонтальной плитой, приподнятой на полум погребальной камеры на 0,3-0,35 м. Внутри погребального сооружения на уровне порога (0,3-0,35 м от пола) на западной и восточной продольных стенках выявлены отверстия, расположенные друг против друга. В эти отверстия, очевидно, вставлялись деревянные перекладины, на которые устанавливались деревянные полки.

Захоронения, видимо, производились на этих полках. Кости погребенных сосредоточены у северной стены камеры, расположенной напротив входного лаза. Среди разрозненных костей двоих детей и одного взрослого найдены трубчатые кости со следами среза на эпифизе, оставленными при расчленении трупов. На костях отмечен налет красной охры. Около костей встречены угольки.

Инвентарь, в основном сосредоточенный возле костей, состоит из 10 сосудов, в числе которых были четыре обмазанных и одноручных горшка, два кувшина со сливными носиками, два серых лощеных горшка, одна плошка с обмазанной поверхностью и налестным валиком, украшенным зашипами у венчика и сковорода. Там же обнаружены каменные пряслица, оселок, бронзовые многовитковое кольцо и умбонovidная бляха, обломок пряжки, раковины "каури", разнообразные бусы из стекла, сердолика и известняка. Весь этот инвентарь хорошо датируется в рамках III-I вв. до н.э.

Из двух Карабудахкентских склепов, возведенных в специально выкопанных в материке котлованах, один (могила № 38 — II-I вв. до н.э.) имел стенки, облицованные фундаментальной кладкой из небольших камней. Он имел

квадратную форму (со сторонами 4,4 м), ориентированную углами по сторонам света. Лаз находился в юго-восточной стене. В этом склепе найдены кости 39 погребенных. Среди потревоженных при очередных захоронениях костей умерших найдено несколько целых вытянутых на спине костяков, ориентированных на запад, юго-запад, юго-восток и северо-восток. Под отдельными костяками и камнями ограды найдены остатки деревянных полок. Вместе с погребенными встречен богатый и разнообразный инвентарь, в том числе предметы вооружения и упряжи. К склепу примыкали специальные конские могилы и отдельные конские захоронения.⁶²

Другой карабудахкентский склеп (могила № 58) той же формы и конструкции ориентирован углами по сторонам света. Облицовка его стенок состоит из кладки и вертикально установленных больших камней и плит. Погребения потревожены и сохранились остатки лишь двух скелетов в сопровождении богатого инвентаря.⁶³

Склеп II в. из Сумбатлинского могильника имел в плане форму вытянутого четырехугольника, размером 2,0-2,5×1,5×0,9 (сохранившаяся высота) м, ориентированного длинной стороной по линии восток-запад. Лаз, шириной 0,7 м был оформлен в западной торцовой стене. Стенки облицованы каменной кладкой и вертикально установленными массивными песчаниковыми плитами. Погребения потревожены. От них сохранились разрозненные кости и 5 черепов. Инвентарь богатый и разнообразный. Особенно много предметов вооружения.⁶⁴

Такого же типа склеп с останками 16 погребенных найден на Урпекском могильнике. Здесь грунтовая яма, размером 4,85-4,9×1,05 м, ориентированная длинной стороной по оси юго-восток - северо-запад, имела стенки, облицованные массивными плитами. Лаз, видимо, был в торцовой стене. Погребальное сооружение разрушено и о его конструкции можно лишь догадываться. Вместе с погребенными встречен богатый и разнообразный инвентарь, в том числе один акинак с брусковидным навершием и прямоугольным перекрестьем VI-V вв. до н.э. К этому склепу примыкает могила с конскими захоронениями. Другой склеп такой же конструкции, размером 3,25×2,2×0,25 - 0,85 (сохранившаяся высота) м, относится к албанскому времени. В ней сохранились кости 6 погребенных.⁶⁵

Значительно больше склепов полуподземного типа встречено на могильниках раннего средневековья. Одним из них был склеп, исследованный нами на окраине сел. Куркли Лакского района. Он имел в плане форму вытянутого четырехугольника, размером 2,1-2,15×1,15 — 1,26×1,2 (сохранившаяся высота) м, ориентированный длинной стороной по линии восток-запад с некоторым отклонением на юг. Стенки материкового углубления

обложены однорядной кладкой из крупных продолговатых правильных камней. Лаз, шириной 0,65 м был оформлен в восточной торцовой стене и выходил на поверхность. Склеп ограблен. Инвентарь богатый и разнообразный, — даже конские украшения этой могилы были серебряными. Остатки инвентаря хорошо укладывается в хронологические рамки V - X вв. н.э. Под этим склепом и около него встречены конские захоронения.⁶⁶ Аналогичные полуподземные склепы V-XII вв. найдены на могильнике около сел. Муги,⁶⁷ Дегва⁶⁸, Верх. Каранай,⁶⁹ Гапшима,⁷⁰ Дуранги,⁷¹ Аркас и др. Вместе с костяками людей в этих могилах встречаются конские захоронения или конский инвентарь. Предметы, сопутствующие погребенным, как правило, разнообразны. Особенно много оружия и украшений.

Эти склепы в Дагестане бытуют с VI-V вв. до н.э. до X-XI вв. н.э.

Второй тип склепов без боковых лазов, относящийся к т.н. подземным склепам, встречен на могильниках, расположенных около сел. Ленинкент Сергокалинского района, Новолакское, Тарки,⁷² Агачкала, Узунтала и др. Они возведены путем облицовки стенок специально выкопанных в материковом грунте четырехугольных ям каменной однорядной кладкой или вертикально установленными плитами. Перекрыты они массивными каменными плитами. У одного из таких Новолакских склепов прямоугольной формы, размером 1,93×1,2×0,93 м, ориентированного по линии север-юг, стенки были облицованы вертикально установленными плитами: по-две по бокам и по-одной на торцах. Перекрыт он четырьмя продолговатыми плитами, уложенными поперек погребальной камеры. В этом склепе встречены останки пяти погребенных. Все они потревожены при очередных захоронениях. Дата склепа - I-II вв. до н.э.⁷³

На Ленинкентском (Сергокалинский район) могильнике среди грунтовых могил найден склеп подземного типа с костяками семи погребенных. Специально выкопанная четырехугольная яма этой могилы облицована однорядной кладкой, сохранившейся в высоту до 0,5 м. Само погребальное сооружение разрушено. Оно датируется I-II вв.⁷⁴

Склепы такого типа продолжают бытовать до X-XI в. Один из них Узунталинский, размером 2,5×1,6×0,94 м, содержал костяки 49 погребенных.⁷⁵ Внутри погребальных сооружений и около них встречены конские захоронения и конский убор. Среди богатого инвентаря преобладают предметы вооружения. В одном случае встречено захоронение собаки.⁷⁶

Эти погребальные сооружения по конструкции и размерам напоминают могильные конструкции скифского и предскифского времени. Так, погребальные сооружения Берикейского могильника скифского времени

возведены, как и вышеописанные подземные склепы, в четырехугольных грунтовых ямах путем облицовки их стенок тщательно отделанными и подогнанными друг к другу вертикально установленными каменными плитами. Их размеры близки к размерам вышеописанных склепов. Перекрытия этих могил также состоят из массивных плит. В перекрытии одной из них было заложено мелкими камнями специальное отверстие для доступа в погребальную камеру, которую открывали по мере надобности.⁷⁷ Каменные ящики Шахсенгерского и Акярского могильников изготовлены также тщательно, их углы обмазаны глиной, боковые плиты тщательно подогнаны друг к другу. Ящики Кабартыкутанского, Талгинского и Мискинбулакского могильников изготовлены менее тщательно и меньше по размерам. Их используют, как правило, для одиночных и изредка для парных или тройных погребений. На Шахсенгерском, Акярском и Берикейском могильниках эти ящики в большинстве случаев используются в качестве коллективных усыпальниц. Здесь изредка встречаются одиночные погребения (Акяр).

Таким образом, подземные склепы албанского и раннесредневекового времени конструктивно обладают элементами ящиков.

II. 2. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Во всех вышеописанных погребальных сооружениях Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. встречены самые разные формы и детали погребального обряда. В Новолакском склепе один костяк, лежащий поперек погребальной камеры, как будто бы указывает на скорченную позу, остальные четыре — потревожены. М.И. Пикуль зафиксировала их как остатки сидячих погребений.⁷⁸ Надо отметить, что при раскопках трудно отличить потревоженные костяки от вторичных погребенных или в сидячей позе.⁷⁹ В тоже время внимательные и целенаправленные раскопки позволили установить наличие в соответствующих памятниках сидячих и расчлененных погребений. Сидячие погребения, например, отмечены в ряде памятников, начиная с каякентско-хорочоевского времени и их существование не вызывает сомнения. Почти для всех коллективных усыпальниц характерно нарушение анатомического порядка в скелетах ранее погребенных при совершении очередных захоронений. В таких могилах, если они не потревожены, последние погребения сохраняются в первоначальном положении. Расчлененные погребения отличаются по ряду признаков, в том числе и по следам на костях (Сиртичский склеп). На Мамрашском могильнике в одной из овальных грунтовых могил выявлены разрозненные, сложенные в груды кости погребенного. По-видимому, сюда они

были перенесены уже после разрушения мягких тканей. Из 81 в 30 могилах Шаракунского могильника и из 83 в 30 могилах Карабудахкентского I могильника встречены кости вторичных погребений. Еще в 17 могилах Шаракунского могильника отмечены потревоженные, разрушенные погребения. Вторичные погребения отмечены на Сиртичском, Тарланкакском, Сумбатлинском и др. могильниках, в том числе в могилах Большого Буйнакского кургана. С обрядом вторичных погребений связывают К.Ф. Смирнов, М.И. Пикуль, М.П. Абрамова и др. погребения отдельных черепов.⁸⁰ На Карабудахкентском I могильнике отмечено 8 случаев захоронения черепов. Например, у северо-восточной стенки склепа (мог. 38) выявлено отдельное захоронение черепа (погр. 28); рядом с вытянутым на спине костяком женщины (погр. 45) найден череп взрослого человека, положенный на миску (погр. 46). В могилах №№ 13 и 66 находились отдельные черепы без сопутствующего инвентаря. Эти погребения примыкают к относительно богатой первой группе могил. В некоторых случаях череп встречается вместе с отдельными трубчатыми костями (погр. 2, 22, 23).⁸¹ На Шаракунском могильнике в 8 из 81 могил (0,9%) найдены захоронения черепов. Так, в грунтовой могиле № 3 под довольно большой плитой лежал отдельный череп без сопутствующего инвентаря. В могиле № 45 такой же череп найден рядом с бедренной костью. В грунтовой могиле № 18 около отдельного черепа найдена серая лощеная миска, в могиле № 19 — горшок, миска и кувшин, в могиле № 22 — обломки керамики и бусы. Конечно, некоторые из указанных черепов, видимо, являются следами потревоженных погребений. Однако захоронения черепов достоверно документируются хотя бы могилой № 4. В ней за спиной и у пяточных костей скорченного женского скелета, лежащего на левом боку и ориентированного на запад, были помещены два массивных мужских черепа, в другой могиле № 58 с костяком подростка найдены три отдельных черепа. Один череп, как уже выше отмечалось, был обнаружен в окружении валунов над перекрытием Новолакского склепа.⁸² Захоронения отдельных черепов встречены и в погребениях Большого Буйнакского кургана.⁸³

Таким образом, могильники Дагестана албанского времени содержат скорченные на левом и правом боку, вытянутые и полускорченные на боку, вытянутые на спине с разными положениями рук и ног, скорченные на спине с разными положениями рук и ног, ничком и сидячие. Помимо того можно говорить о вторичных погребениях и погребениях отдельных черепов.

Вопроса о вторичных погребениях нам приходилось касаться в более

ранних работах, где они были сопоставлены и с известным по источникам обрядом расчленения трупов.⁸⁴ М.П. Абрамова отрицает связь между обрядом расчленения трупа и вторичным погребением.⁸⁵ К сожалению, свои аргументы она не высказала. Между тем, на Сиргичском могильнике на трубчатых костях, найденных в склепе, имелись следы срезов, которые могли быть оставлены при расчленении трупа. Некоторые исследователи вообще не разделяют обряды вторичных и расчлененных погребений.⁸⁶

Вторичные погребения в Дагестане встречаются с эпохи ранней бронзы Карабудахкентский № 2, Карагачтапа, Коркмахола у ст. Манас, Ноходаад около сел. Чох, Кызылярский и др. могильники).⁸⁷ В это же время они известны среди памятников Закавказья и Северного Кавказа.⁸⁸ Характерны они и для раннеземледельческих древностей Месопотамии и Анатолийского полуострова,⁸⁹ откуда, по-видимому, они и проникли на территорию Кавказа. Правда, памятники Дагестана второй половины II тысячелетия до н.э. не дают ярких образцов подобного обряда. Поэтому трудно с уверенностью провести генетическую связь между раннебронзовыми вторичными погребениями и вторичными погребениями, известными уже по памятникам албанского времени. Невольно возникает вопрос о вторичном проникновении или возрождении здесь этого обряда.

В то же время этот обряд был характерен для многих народов мира,⁹⁰ в том числе для древнего населения дагестана. Так, о каспиях, входивших в состав Кавказской Албании сказано, что они "морят стариков свыше 70 лет голодом и потом выбрасывают их в пустыню, за ними наблюдают издали, и если увидят, что птицы стаскивают трупы с места, то считают (покойников) блаженными, менее же блаженными считают тех, которых растаскивают дикие звери или собаки, если не случится ни того, ни другого, то таких считают несчастными".⁹¹ Отклики этого обряда были отмечены в Южном Дагестане.⁹² Аналогичный обряд кубачинцев описан средневековыми арабскими писателями Абу-Хамидом эл-Андалузи и Секерием Казвини: "Если у них умирает мужчина, то передают его в подземные дома, мужчинам, которые расчлениают (отрезают все члены) покойника, очищают кости от мяса, все мясо откладывают в сторону и дают его воронам на съедание. Они стоят поблизости с луками, чтобы помешать другим птицам есть это мясо. Когда же умирает женщина, тогда передают труп ее в подземелье другим мужчинам, которые очищают кости, а мясо выбрасывают коршунам, причем сами стоят с ножами, чтобы помешать другим птицам приблизиться к мясу. Затем кости кладут в мешки (у богатых сделана из золотой

парчи и греческой шелковой ткани, а у слуг и служанок-из небеленной ткани) и вешают их в домах и пишат на каждом мешке имя того, от кого происходят кости".⁹³ Широко практиковался обряд вторичного погребения в Абхазии I тысячелетия до н.э. и сохранился здесь до XVII-XVIII вв. Источники содержат сведения о типичных для них захоронениях на деревьях.⁹⁴ В Средней Азии трупы оставлялись на воздухе до полного освобождения костей от мышц и только после этого хоронили: "проезжая зимой по киргизским степям, с ужасом встречаешь развешанные на деревьях, покрытые инеем обледенелые тела, качаемые буйным ветром".⁹⁵ В Северной Америке у мандан в специальном месте на помосте помещали трупы умерших до тех пор пока не оставались голые кости. Только после этого кости хоронили, а череп переносили в специальное окруженное частоколом место в прерии и хранили с особым вниманием и заботой.⁹⁶

Как видно, во всех случаях у различных народов с разными культурами и идеологией преследуется одна цель-освободить кости от мышц.

Обряд погребения черепов К.Ф. Смирнов рассматривал в качестве варианта вторичного погребения и приписывал их врагам или социально зависимым людям, принесенным в жертву.⁹⁷ Д.М. Атаев считал их культовыми, ссылаясь на сообщение арабского автора X в. Ибн-Русте о поклонении сериров "сухой голове".⁹⁸ М.П. Абрамова разделяет точку зрения К.Ф. Смирнова и приписывает их врагам.⁹⁹ М. С. Гаджиев категорически возражает против рассмотрения их в качестве варианта вторичных захоронений и приписывает рабам, принесенным в жертву умершему.¹⁰⁰ Обряд погребения черепов, как видно из вышеприведенных аналогий, тесно связан с обрядом вторичных погребений и имеет довольно значительную историю. Они довольно часто встречаются на ананьинских памятниках (Акозинский, Ст. Ахмылевский, Морквашинский, Тетюшский, Гулькинский, Таш-Елгинский, Ананьинский и др. могильники) в бассейне Камы и отчасти Волги. Обычно черепа захоронены в небольших неглубоких ямках в деревянных или берестяных коробах.¹⁰¹ Обстоятельства находок черепов на дагестанских памятниках, конечно же, иные, чем на памятниках ананьинской культуры. Поэтому связать появление этого обряда в Дагестане с далеким внешним влиянием не приходится, хотя целиком исключить какие-либо взаимодействия нельзя. Вероятно, этот обряд проник сюда из регионов, где он практиковался с глубокой древности.

Наиболее древние захоронения черепов встречены на протонеолитических памятниках натифийской культуры Малой Азии. Так, один

череп был встречен на месте тризны под погребением вождя.¹⁰² Этот череп явно указывает на человеческие жертвоприношения. Около десятков черепов найдено в Иерихоне. Черты их лиц были смоделированы из глины, а глаза инкрустированы раковинами "каури".¹⁰³ В святилище Чатал-Хююка найдены четыре черепа, два из которых лежали под бычьими черепами, в том числе один — в корзине.¹⁰⁴ Очевидно, в данном случае погребения черепов являются вариантами вторичных погребений, связанных с почитанием черепов, как вместилищ душ. С этим обрядом связано широко распространенное у многих народов мира поверие о том, что обладатель головы, помещенной вместе с умершим в могилу становится его рабом на "том свете".¹⁰⁵ Естественно, это должно было привести к "охоте за черепами". Именно на это, как будто бы намекают Страбон и Ксенофонт, указывавшие, как некоторые кавказские племена уносили с поля битвы головы убитых ими врагов и даже специально охотились за головами.¹⁰⁶

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о существовании в обряде погребения черепов как идеологической, так и социальной основы: черепа могли принадлежать рабам, военнопленным или убитым врагам, которые на том свете должны были прислуживать хозяину могилы (загробные рабы). Следовательно, здесь в идеологических представлениях можно усмотреть социальную основу.

Традиционным и глубоко местным в Дагестане является обряд скорченного на боку погребения. На Шаракунском могильнике они составляют 22%, на Карабудахкентском I — 8,4%. Встречены они также на Таркинском, Хабалинском, Сумбатлинском, Цыйшинском и др. могильниках, а также в Большом Буйнакском кургане. Уловить какую-либо связь между полом погребенного и его положением на правом или левом боку не удалось. На правом боку лежат как мужские, так и женские скелеты от подросткового возраста до стариков. То же самое следует сказать о погребениях на левом боку. Умершие ориентированы на все стороны света, кроме востока. Около костей погребенных встречены угольки, иногда — мел, реже выявлены следы подстилки органического происхождения. В горных районах Сумбатли, Гоцатль) поля отдельных могил вымощены плитами. Около таких костяков встречены остатки заупокойной пищи (кости мелких и крупных животных), зерна пшеницы и винограда (Шаракун и др.). Скорченные погребения характерны почти для всех погребальных сооружений Азербайджана.¹⁰⁷

В Дагестане обряд скорченного на боку погребения появился с глубокой древности, не позднее III тысячелетия до н.э. и был широко распространен на

всех последующих этапах истории развития материальной культуры, доживая до раннего средневековья.¹⁰⁸

Столь же древними и традиционными являются для Дагестана, встреченные на Новолакском, Таркинском, Карабудахкентском I, Хабалинском и др. могильниках и в Большом Буйнакском кургане, сидячие погребения. Они были одним из главных видов труположений в погребальном обряде каякентско-хорочоевской культуры Дагестана и горной Чечни и с этого времени встречаются на памятниках Северо-Восточного Кавказа вплоть до раннего средневековья.¹⁰⁹

В отличие от этих традиционно дагестанских скорченных и сидячих погребений несколько своеобразными кажутся захоронения ничком. На Шаракунском могильнике встречены три таких погребения. Два из них ориентированы на запад (погр. 43 и 49) и одно — на юг (погр. 70). Сопутствующий инвентарь у них бедный. Два погребения, совершенных ничком, встречены на Нижнеджулатском могильнике (погр. I в. до н.э. — I в. н.э.) Кабардино-Балкарии.¹¹⁰ Изредка их можно видеть и в сарматских могильниках Подонья.¹¹¹ Аналогичные погребения в каменных ящиках, повидимому, имелись и на Зандакском могильнике предскифского времени на границе Дагестана и Чечни. Захоронения лицом вниз характерны и для разновременных памятников Сибири, начиная с эпохи энеолита, в том числе и для Кокельского могильника Тувы, в могилах гунно-сарматского времени умершие положены то скорченно и ничком, то — вытянуто и также лицом вниз. Причем, вытянутые захоронения характерны для Алтая и Прибайкалья. В Сибири этот обряд сохранялся до появления христианства. У эвенков и якут ничком хоронили самоубийц и тех, кто еще при жизни, по их представлениям, приносил им несчастье.¹¹² Возможно, на Северный и Северо-Восточный Кавказ этот обряд попал благодаря скифо-сармато-аланским племенам, контактировавшим с сибирскими этническими группами. Захоронения ничком преследовали цель обезопасить живущих от вредных действий умершего.¹¹³ На Кавказе, где господствовал культ предков и процветали связанные с ним поверья, в том числе в способность мертвых приносить вред живым, и даже мстить им, такая "сибирская мера" предосторожности была вполне понятна. Редкость этих погребений подчеркивает и незначительное количество "зловредных" умерших.

В противоположность этим малочисленным погребениям некрополи Дагестана III в. до н.э. — IV в. н.э. содержат значительное число вытянутых на спине захоронений, иногда с руками на тазе, животе или на груди. Всего таких погребений в Дагестане учтено 51. Погребения на спине с вытянутыми ногами и

руками встречены в 31 случае, вытянутые костяжки с обеими руками на тазе—8; с левой рукой на тазе—4; с правой рукой на тазе—5; с правой рукой на тазе и левой на груди—3; с правой рукой на животе и левой на груди—4; с левой рукой на груди и правой вытянутой вдоль тела—1. Встречаются скелеты, лежащие на спине с подогнутыми ногами и руками, но в разных положениях: с левой рукой на тазе и правой на груди—2; с правой рукой на тазе и левой на груди—7; с правой рукой на груди и левой на тазе—2; с левой рукой на тазе и правой вытянутой—2; с обеими руками на тазе—1. В Большом Буйнакском кургане встречено погребение с перекрещенными ногами, на Сумбатлинском могильнике—с одной вытянутой и другой подогнутой ногами (2 случая). Несколько реже, но встречаются костяжки, лежащие на боку с вытянутыми или слегка подогнутыми ногами и руками, сведенными перед тазом—9. Некоторые из подобных погребальных поз сохраняются и в раннем средневековье.

Погребения на спине с вытянутыми конечностями, на спине с подогнутыми ногами (т.н. поза всадника или танцующая поза), на боку с вытянутыми или слегка подогнутыми ногами и руками на тазе, животе и на груди, с вытянутыми вдоль туловища или же сведенными у таза руками, характерны для савроматских памятников VIII–IV вв. до н.э.¹¹⁴ Этот погребальный обряд позже встречается среди сарматских и аланских памятников.¹¹⁵ Правда, у них несколько иное соотношение с другими разновидностями погребений среди памятников, расположенных в различных регионах сармато-аланского мира. Выше мы уже упоминали о том, что, так называемые, сугубо сарматские признаки, как перекрещенные ноги, положение рук на тазе встречаются на собственно сармато-аланских памятниках меньше, чем среди памятников местных северокавказских племен. Некоторые исследователи, на основании изучения погребений кушанского времени на Джанбаскале, пытаются рассмотреть их в качестве признаков женских погребений.¹¹⁶ Подобные позы погребений не характерны для памятников Дагестана предалбанского времени и их появление следует связывать с сармато-аланским влиянием. Исключение составляет погребение в “позе всадника”. Такое захоронение V в. до н.э. отмечено на Хабдинском могильнике.

О.В. Обельченко полагает, что в таких случаях покойников хоронили коленями вверх, символически придавая им положение всадника на коне. Позже с распадом мягких тканей кости ног распались по сторонам.¹¹⁷ Такая поза в качестве ритуальной как будто бы подтверждается известным осетинским поверием о передвижении покойника в загробный мир только на коне.¹¹⁸ Однако,

есть ряд промежуточных положений костяжков, которые не позволяют односторонне решать данный вопрос. Б.А. Литвинский полагает, что такая поза указывает на связывание покойника при захоронении.¹¹⁹ Независимо от того, как решится вопрос, появление этого обряда в Дагестане можно приписывать контактам дагестанцев с савроматскими племенами.

Из описанных погребальных вариантов полускорченные на боку костяжки встречаются не только в Дагестане, но и в Азербайджане (грунтовые могилы Мингечаура).¹²⁰ Данное ритуальное положение, как впрочем все вытянутые на спине погребения с разными положениями рук и ног, вытянутые на боку, на спине с разными положениями рук и ног, не могут быть связаны исключительно с сарматами и их влиянием. Скорее всего, они являются следствием скрещения и синтеза своеобразных слагаемых, взятых из обряда культур различных народов, входивших в соприкосновение на обширной территории сармато-аланского влияния. Это явление известно в литературе под названием сарматизации.¹²¹

Все варианты проанализированных нами погребений (скорченные на боку, вторичные или расчлененные, сидячие, вытянутые на спине, животе и боку, полускорченные на спине с подогнутыми ногами и руками в разных положениях) объединяет единая идеологическая основа, связанная с семейно-родовыми культурами.¹²² Согласно им духи требовали к себе внимания и постоянной заботы. Их нужно было “кормить”, с ними надо было советоваться. В противном случае они могли мстить.¹²³ По домусульманским повериям чеченцев умерший муж приходил ночью помогать осиротившим детям и жене в их хозяйственных работах.¹²⁴ Особый страх внушали духи “злокозненных” покойников. Принимались меры, чтобы мертвые не могли покинуть свои “дома”-могилы и вернуться к живым: прежде всего их хоронили связанными. В.И. Марковин считает, что сильно скорченные костяжки каякентско-хорочоевских памятников в свое время были связанными.¹²⁵ Следствием связывания трупов считала в свое время В. В. Гольмстем скорченные на боку погребения.¹²⁶ Связанными могли быть погребенные, положенные скорченно на спине, вытянутые и полускорченные на боку, даже вытянутые на спине и животе и со сведенными вместе ногами. Иными словами, новые неизвестные ранее позы погребенных, наряду со скорченными на боку, представляются разновидностями традиционных для того времени поверий о возможных зловредных действиях умерших. Раньше этот обряд проявлялся в завале могил камнями (Мугерган, Гюхрак) и связывании умерших, которых укладывали в могилы в скорченном

положении. Но в конкретном проявлении этого обряда можно усмотреть и особенности контактов с сопредельными народами и племенами.

Особенности историко-культурных контактов отразились и в ориентировке костяков, являющейся важным компонентом погребального обряда (табл. 1).

СООТНОШЕНИЕ ПОЗЫ ПОГРЕБЕННЫХ И ИХ ОРИЕНТАЦИИ

Таблица 1.

|--|

Другая особенность погребального обряда, характерная для памятников Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э., — это подстилки под отдельными погребенными. Такие подстилки органического происхождения зафиксированы в 6 погребениях Карабудахкентского I (7,1%) и 6 погребениях Шаракунского (7,4%) могильников. Встречены они и на Таркинском и Тарланкакском могильниках. На некоторых памятниках такая подстилка заменена каменными плитами. Так, на Сумбатлинском могильнике полы двух могил были вымощены песчаниковыми плитами, на Хабадинском лежала одна плита. На Гоцатлинском могильнике под нижней частью скелета найдена каменная плита. Эта вымостка представляется той же подстилкой, только выполненной в камне. Подобные подстилки не были характерны для могильников Дагестана предшествующего времени. Они повсеместно встречены среди савроматско-сарматских памятников, в том числе и на территории Северного Кавказа.¹³³

Этим же савроматско-сарматским племенам приписывает К.Ф. Смирнов встречаемую на могильниках Дагестана меловую подсыпку dna погребальных сооружений.¹³⁴ Куски мела встречены в двух могилах Шаракунского (погр. 2,5) и Мамайкутанского могильников и в одиночных захоронениях Карабудахкентского I, Таркинского, Хабадинского и Тарланкакского могильников. Так что, этот обряд даже на таком сильно сарматизированном Таркинском могильнике встречен в единичных случаях. Он связан с поверием в очистительную силу мела. Если верить М.И. Пикуль, мел в могилах, хотя и в небольшом количестве, на Северо-Восточном Кавказе (Зандак) встречается еще с предскифского времени.¹³⁵ Следовательно, этот обряд должен рассматриваться как традиционный для Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана. Но мы не располагаем пока достаточными материалами для таких выводов. Действительно, подсыпки мелом были одним из популярных обрядовых действий у скифов, савроматов и позже у сарматов.¹³⁶ Для местных культов было характерно иное применение огня и угольков для очищения умерших. Так, в каякентско-хорочоевских могилах часто встречаются угольки.¹³⁷ Встречаются они здесь и позже, уже в захоронениях скифского и предскифского времени.¹³⁸ В III в. до н.э. — IV в.н.э. угольки встречаются около погребенных всех могильников Дагестана. В отдельных могилах встречены остатки погребальных костров (Мамраш и др.). Думаем, что этот обряд не привнесен, как это полагает К.Ф. Смирнов,¹³⁹ а является для Дагестана исконно местным, восходящим к глубокой древности.

Среди других элементов погребального обряда важное значение имеют захоронения коней или их атрибутов (частей тела, предметов упряжи) около могил хозяев или непосредственно внутри них. Так, например, на

Карабудахкентском могильнике к склепу (мог. № 38) примыкали захоронения коней и их отдельные кости. В могиле № 40 найден зуб лошади, а в могиле № 68-кости лошади вместе со скелетом погребенного.¹⁴⁰ На Хабадинском могильнике в одном случае конская могила с двумя особями находилась рядом с детским погребением, в другом-рядом с могилой взрослого человека найдена могила коня с частями сбруи и вооружением всадника.¹⁴¹ На этом же могильнике к женскому погребению примыкала конская могила.¹⁴² На Таркинском могильнике найдено одно конское погребение, примыкающее к захоронению вытянутой на спине женщины с кистями рук на тазе.¹⁴³ На Сумбатлинском могильнике к каменной гробнице (№ 9) с парным погребением мужчины и женщины примыкали конские остовы: у изголовья женского скелета в каменной ограде лежал костяк одной лошади с удилами в пасти, а у ног мужчины в овальной могиле, соединенной с каменной гробницей порогом-скелеты более десяти коней.¹⁴⁴ Около Курклинского склепа также найдена аналогичная коллективная могила коней. На Урцекском могильнике конские могилы примыкали к склепам с торцовой части.

Наиболее древние конские погребения в Дагестане стали появляться с конца II-начала I тысячелетия до н.э. На Мугерганском могильнике встречено конское погребение в сопровождении бронзовой налобной бляхи, бронзовых "цирок", удила с псалиями и серым лошеним сосудом VIII-первой половины VII вв. до н.э., а также череп коня вместе со скелетом женщины середины VII в. до н.э.¹⁴⁵ В погребениях X-VII вв. до н.э. Серженьюртовского, Зандакского могильников и в погребениях VII - IV вв. до н.э. Бойсиирзойского, Аллеройского, Мескерюртовского, Лутового могильников Чечни также представлены конские захоронения.¹⁴⁶

Конские погребения, относящиеся к последним векам II тысячелетия до н.э., выявлены в Нижнем Поволжье.¹⁴⁷ Отдельные захоронения конских голов отмечены на энеолитических памятниках Украины.¹⁴⁸ Однако, позже, до конца II тысячелетия до н.э., такие погребения уже не известны для Евразийских степей. С XIII-XII вв. до н.э. они появляются в Восточном Закавказье.¹⁴⁹ Северокавказские конские погребения являются связывающими звеньями между районами Поволжья и Закавказья, где сосредоточены эти могилы. В скифо-савроматское время отдельные конские могилы и даже целые гекатомбы были широко распространены на обширной территории Евразийских степей.¹⁵⁰ В Прикубанье они сохранились и до первых веков н.э.¹⁵¹ В Дагестане же они сохраняются и в раннем средневековье, особенно, около богатых склепов или внутри них. В идеологической основе этого обряда, видимо, лежит представление о коне, как о проводнике души на том свете. Они, как правило,

связаны с наиболее состоятельной частью населения. Среди жертвенных животных помимо коней встречаются мелкий и крупный рогатый скот и собаки. На Карабудахкентском могильнике череп собаки встречен рядом с вытянутым на спине и ориентированным на север костяком (погр. 40),¹⁵² на Хабадинском (погр. 2, раск. III 1957 г) и Сумбатлинском (погр. 9) могильниках собаки захоронены вместе с конями.¹⁵³ Аналогии собачьим захоронениям встречаются среди скифских,¹⁵⁴ савроматских,¹⁵⁵ сарматских¹⁵⁶ и аланских¹⁵⁷ памятников. Археологические материалы Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа также свидетельствуют о значительной роли, которую играло это животное в идеологии древнего населения.¹⁵⁸ В интересующее нас время местные кавказские и привнесенные скифо-сармато-аланские поверья, наложились друг на друга и создали ту идеологическую основу, которая привела к появлению захоронений собак вместе с захоронениями людей.

Все вышеперечисленные элементы погребального обряда-подстилки под умершими, погребения вместе с людьми коней, собак, помещение в могилу заупокойной пищи было обусловлено заботой об умершем и его комфорте на том свете. Этим же было продиктовано помещение в могилу орудий труда, оружия и украшений и др. необходимых умершему на "том свете" предметов. Существовал строго разработанный канон размещения в погребальной камере изделий, заупокойной пищи и жертвенных животных. На Мамрашском могильнике, например, две могилы, расположенные рядом буквально до деталей повторяли друг друга. Это относится ко всем погребальным памятникам Дагестана.

Из анализа погребального обряда следует:

1. На могильниках Дагестана III в. до н.э. — IV в. н.э. преобладают скорченные на боку, сидячие, вторичные или расчлененные погребения, генетически связанные с более древними захоронениями. Так, на Шаракунском могильнике они составляют 83%, на Карабудахкентском 1-84%. Среди других памятниках горного и предгорного Дагестана этот процент еще выше. Однако на Таркинском могильнике их доля несколько меньше — всего 21,6%. Но это обусловлено его близостью к сармато-аланским и северокавказским этнокультурным компонентам.

2. Вытянутые на спине и боку, на спине с разными положениями ног и рук, погребения коней и собак, подстилки под погребенными, меловая подсыпка, ранее рассматривавшиеся как сугубо сарматские признаки, являются результатом скрещения и синтеза своеобразных культурно-исторических слагаемых, исходящих от народов, входивших в соприкосновение на обширной территории Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа в результате Сармато-аланского

перемещения. Наличие их среди памятников Дагестана, характеризующее в качестве "сарматизации" не может быть рассмотрено как свидетельство этнического перемещения местного и сармато-аланского населения даже для Таркинского могильника. Если этот процесс и происходил, то он не был сколь-нибудь значительным.

3. Погребальный обряд свидетельствует о значительном изменении идеологических представлений местного населения.

II. 3. ИНВЕНТАРЬ

В результате изучения бытовых и погребальных памятников накопился значительный материал, позволяющий характеризовать керамические изделия, разнообразные орудия труда, вооружение, конскую упряжь, а также предметы, служившие украшениями. В свое время общую характеристику некоторым древностям дали Е.И. Крупнов и К.Ф. Смирнов при изучении Таркинского и Карабудахкентского могильников.¹⁵⁹ Позже чуть подробнее этот вопрос был освещен М.И. Пикуль¹⁶⁰ и М.М. Маммаевым. Последний охарактеризовал ремесла Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени по материалам Урцекского городища и могильника.¹⁶¹ В его работах внимание акцентировано на раскрытии технологии ремесленного производства. Разнообразных проблем истории материальной культуры коснулись М.П. Абрамова, М.Г. Магомедов и Л. Б. Гмыря при исследовании средневековых материалов, генетически связанных с культурой албанского времени.¹⁶² Вопросы анализа керамики и других предметов затронули А.А. Кудрявцев при изучении древностей Дербента и М. С. Гаджиев при изучении материалов Южного Дагестана.¹⁶³ Разобраны эти вопросы и в наших работах.¹⁶⁴ Однако, до сих пор нет обобщающего исследования по обширным коллекционным материалам. Накопившиеся данные настоятельно требуют сравнительного изучения.

II. 3. 1. КЕРАМИКА

Из всех предметов материальной культуры наиболее важными являются керамические изделия, как массовый материал и преимущественно местного происхождения. На наших памятниках представлены керамические изделия трех разновидностей: грубая, лепная обмазанная или заглаженная керамика, предназначенная для кухонных нужд; столовая, кружальная, красная ангобированная и серая лощеная керамика, а также тарная, крупная серая заглаженная и красная керамика.

II. 3. 1. 1. Кухонная керамика представлена обмазанными и заглаженными сосудами (рис. 33).

Толстостенная лепная, обмазанная керамика встречается в Дагестане с глубокой древности и до конца албанского времени. Наиболее ранние обмазанные сосуды встречаются на памятниках эпохи ранней бронзы (Каякент, Великент, Мамайкуган, Гоно и др.), широко бытуют на памятниках средней бронзы (Манас, Верхний Гуниб, Гинчи, Ирганай, Гатынкале, Курчалой и др.) и могильниках поздней бронзы и раннего железа (Талги, Кабартыкутан, Мискинбулак, Зандак, Акяр, Шахсенгер, Мугерган, Мака, Берикей и др.).¹⁶⁵ На памятниках III в. до н.э. — IV в.н.э. они встречаются повсюду, как будет видно из последующего анализа. Такая керамика изготовлена из глины с примесью грубо истолченной дресвы. Черепок рыхлый, слабо обожженный, цвет коричневый, охристый, часто с пятнами. Обмазка нанесена на сосуд до обжига. Сами изделия рассчитаны на резкие температурные колебания. Эта керамика представлена разнообразными сосудами.

1. Наиболее многочисленны шаровидные горшки с короткой шейкой, отогнутым венчиком и устойчивым дном. Их тулова обмазаны раствором жидкой глины, шейки и венчики вылощены. Основания шеек, как правило, украшены поясами косых насечек на налепных валиках или без них. При сохранении общих пропорций, их размеры колеблются в высоту от 150 до 250 мм, в ширину — от 163 до 240 мм (рис. 33, 2-4, 6-9, 11-18, 21, 22, 32а, 40). На Сиртичском поселении и могильнике (в слоях и погр. I-III вв.н.э.), а также на Ганзирском поселении последних веков I тысячелетия до н.э. — первых веков I тысячелетия н.э., а также на Чичикарском городище этого же времени сосуды описываемого типа составляют значительную долю среди всей лепной керамики. Встречены они на Шаракунском (погр. 62) и Мамрашском могильниках албанского времени. Характерны и для памятников Южного Дагестана предскифского времени (Куг). Близкий по форме и отделке сосуд эпохи бронзы происходит из окрестностей сел. Хучни Табасаранского района.

2. Целая серия шаровидных горшков наделена ручками (рис. 33, 10, 20, 26, 28, 30, 32). Правда, они значительно приземистее вышеописанных сосудов и их устья шире. Но отделка наружной поверхности такая же. При сохранении общих пропорций, размеры колеблются в высоту от 73 до 131 мм и в ширину от 112 до 158 мм. Довольно большое количество целых и фрагментированных сосудов этого типа найдено на Сиртичском могильнике и поселении, а также на Ганзирском поселении. Отдельные экземпляры найдены и на Шаракунском могильнике (погр. 31).

3. Среди кухонной керамики встречаются широкоустные без венчика высокие и приземистые баночные сосуды с прямыми и скошенными во внутрь краями (рис. 33, 1, 19, 27, 31, 33, 34). Их мало: несколько экземпляров происходит

из Шаракунского (погр. 24, 54, 62, 74), Мамрашского, Карабудахкентского, Сумбатлинского и Новолакского могильников, а также из Ганзирского и Сиртичского поселений. Некоторые из них имеют миниатюрные размеры и, возможно, предназначены только для помещения в могилу. На некоторых из них нет обмазки, а один сосуд из Карабудахкентского могильника даже вылощен. Эти сосуды представляются пережиточными остатками форм, популярных для Дагестана и Чечни эпохи поздней бронзы и раннего железа.¹⁶⁶

4. Встречаются среди наших памятников приземистые миски-плошки в виде усеченного конуса с развернутым устьем (рис. 33, 5, 23, 24, 25, 29, 35, 38, 39). Одна такая миска найдена в склепе, другая в каменной гробнице № 4 Сиртичского могильника. Фрагментированные миски обнаружены и на Сиртичском и Ганзирском поселениях. Все они снаружи обмазаны раствором жидкой глины, а некоторые вдобавок украшены налепными валиками с пальцевыми зашипами по основанию края. Около десятка таких плошек происходит из Карабудахкентского I и III могильников,¹⁶⁷ несколько экземпляров — из Сумбатлинского могильника. Они заглажены, а отдельные даже залощены. Все они вылеплены от руки, грубы, толстостенны и слабо обожжены.

Такие миски были характерны для памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи средней и поздней бронзы, а также раннего железа.¹⁶⁸

5. Среди кухонной керамики встречаются сковороды, вылепленные из глины с большой примесью отошателей (рис. 33, 37, 41, 42). Черепок звонкий, цвет — черный, особенно изнутри. Наружная поверхность — заглаженная, внутренняя — лощеная. Одна сковорода из Сиртичского склепа имеет высоту 35 мм при диаметре венчика 190 мм и диаметре дна 147 мм. При изменении размеров такие пропорции сохраняются. Большое количество сковород происходит из Сиртичского и Ганзирского поселений.

Необходимо иметь в виду, что эта лепная керамика, применяемая для кухонных нужд, встречается также при видимой стандартизации столовой и тарной керамики.

II. 3. 1. 2. Столовая керамика наиболее многочисленна и разнообразна. Она представлена серыми лощеными, и красными ангобированными сосудами.

Тонкостенная серая, лощеная керамика является самой характерной и многочисленной на памятниках Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. Наиболее ранние образцы этой керамики в Дагестане появляются в последних веках II тысячелетия до н.э. (Мугерган, Куг, Дербент, Акяр, Шахсенгер и т.д.) и вскоре получают широкое распространение. На памятниках Дагестана предскифского и скифского времени, как впрочем, и албанского времени, она является

доминирующей. Цвет ее колеблется от черного до светло-серого, изготовлена из глины с примесью тонкомолотой дресвы и шамота. Черепок-звонкий. Эта керамика, известная в литературе как "серая керамика" породила довольно богатую литературу. Она распространяется в Иране в периоды ЖВ-I и в ЖВ-II.¹⁶⁹ Почти одновременно она появляется в Закавказье¹⁷⁰ и в Южном Дагестане (Мугерган). Известна она и по предкифским памятникам Северного Кавказа.¹⁷¹

Распространение такой керамики долгое время связывали с проникновением иранских элементов из Поволжья в Переднюю Азию.¹⁷² Ныне большинство исследователей высказывает сомнение в возможность считать показателем иранской миграции появление серой дошенной керамики. Э. Л. Грантовский, например, считает ее продукцией автохтонного населения горного Ирана, занимавшегося профессиональным ремеслом, получившим развитие в центрах городского типа.¹⁷³ По мнению И. Н. Хлопина эта керамика зародилась на территории Юго-Восточного Закаспия.¹⁷⁴ Такая точка зрения кажется убедительной, если учесть уменьшение этой керамики по мере продвижения на север, где она должна была бы доминировать, если бы возникла в Поволжье. Скорее всего миграция ираноязычных племен открыла этой керамике и технологии ее производства доступ в северные районы. В Дагестане ее производство получает дальнейшее развитие. Так, в албанское время она обретает аспидно-серый цвет. Это связано с установлением определенных производственных традиций, которые, видимо, были скоррелированы контактами с сармато-аланскими кочевниками и через них с синдо-меотскими племенами.

Серая керамика представлена разнообразными по форме и размерам мисками, кувшинами, горшками, кружками, кубками, вазами и ритуальными сосудами.

Миски. Они наиболее многочисленны среди всей столовой керамики. Ни один район Восточной Европы не знает такого их разнообразия, как Дагестан. Определяющими признаками их типов выступают особенности в оформлении краев и венчиков, пропорции и характеристика общей формы сосудов. По этим признакам М.П. Абрамова выделяла неглубокие миски с загнутыми внутрь краями и прогнутым у дна стенками.¹⁷⁵ Л. Б. Гмыря, исследуя керамику Андреяульского городища II-IX вв., выделила помимо округлобоких мисок граненные, рифленные и реберчатые с подразделением их на типы, подтипы и виды.¹⁷⁶ Во избежание разнобоя эту классификацию в целом мы и берем за основу. Все имеющиеся в нашем распоряжении миски группируются на округлобокие, рифленные и реберчатые (рис. 34).

1. **Округлобокие миски** с широким устьем и узким дном. По

оформлению краев они делятся на два типа: 1) с загнутыми внутрь краями и 2) с краями, оформленными внапуск (отд. I, тип. 1, вид А и Б по Л. Б. Гмыре).

У мисок с загнутыми во внутрь краями иногда в основании краев встречается горизонтальная резная линия. Среди них имеются такие, у которых края оформлены в виде завернутого внутрь валика. Все они фрагментированы и встречены на Таркинском могильнике (напр., погр. 10).

Округлобокие миски с краями, оформленными в напуск (отд. I, тип 2, вид Б по Л. Б. Гмыре) также фрагментированы, но в одном погребении 40 Таркинского могильника была найдена целая миска.

В особый подтип могут быть выделены округлобокие миски с утолщенными или загнутыми внутрь краями. Некоторые из них украшены резными горизонтальными линиями по основанию края.

2. **Рифленные миски.** Они имеют по бортику горизонтальные желобки. По характеру перехода нижней части сосуда в верхний выделяются миски: 1) с загнутыми во внутрь краями, 2) с вывернутыми наружу краями и 3) с вертикальными краями (отд. III, тип. 1, вид А, Б, В по Л. Б. Гмыре). Почти все эти сосуды фрагментированы за исключением нескольких мисок с загнутыми во внутрь краями из Сиртичского и Карабудахкентского могильников.

3. **Реберчатые миски** Наиболее характерными признаками этих мисок является резкий переход-ребро от бортика к придонной части. По оформлению бортиков и краев они делятся на 1) миски с выделенной шейкой и изогнутым венчиком. Представлены сосудами с загнутыми во внутрь бортиками и с вертикальными бортиками (отд. IV, тип 2 по Л. Б. Гмыре), а также с вывернутыми бортиками.

Из всех этих мисок наиболее многочисленными являются округлобокие с загнутыми во внутрь краями и небольшим прогибом у дна. На Таркинском могильнике их найдено более 10 экз.,¹⁷⁷ на Карабудахкентском I - более 11, Карабудахкентском III - 2. Они встречены также на Мамрашском, Урпекском и др. могильниках, Сиртичском и Ганзирском поселениях, Урпекском, Дербентском, Андреяульском и др. городищах. Часто встречаются в сочетании с другими типами мисок. На Таркинском могильнике в погр. 19 встречены в сочетании с красной ангобированной миской,¹⁷⁸ на Карабудахкентском I могильнике в могиле № 38 II-I вв. до н.э. такие миски встречены в сочетании почти со всеми типами мисок.¹⁷⁹ На Андреяульском городище прослежена аналогичная картина. Причем, встречаясь с самого нижнего слоя, они в наибольшем количестве представлены в верхних слоях VII-VIII вв.¹⁸⁰ На Шаракунском могильнике они обнаружены в погребениях V-I вв. до н.э.¹⁸¹ Их хронологию определяют и сопутствовавшие им зеркала-подвески и фибулы.

Так, на Таркинском могильнике в могиле № 23, вместе с миской интересующего нас типа, обнаружено зеркало-подвеска I-II вв. н.э. с прямоугольным боковым ушком, выпуклостью в центре и ободком по краям, а также арбалетная фибула того же времени с многовитковой пружиной пластинчатой дужкой и утолщениями у приемника. На Карабудахкентском могильнике они встречены с зеркалами, украшенными крестообразным рельефом и дуговидной фибулой II-III вв.¹⁸² На памятниках Северного Кавказа, Поволжья и Закавказья известны в комплексах IV в. до н.э. — III в. н.э.¹⁸³ Причем, в древностях Северного Кавказа близкие нашим, небольшой емкости округлобокие миски с загнутыми во внутрь краями и прогибом у дна, отмечены в комплексах скифского времени.¹⁸⁴ С глубокой древности характерны они и для памятников Закавказья, — во всяком случае с эпохи поздней бронзы (Чальский могильник).¹⁸⁵ Они найдены и на Мугерганском могильнике в погребении предскифского времени. В это же время в Закавказье встречаются миски с краями, оформленными в напуск.¹⁸⁶ Можно думать, что распространение на территории Северного Кавказа округлобоких мисок является следствием культурных импульсов, исходящих из Закавказья. На Северном Кавказе они, очевидно, были восприняты сарматскими племенами.

Рифленые миски на наших памятниках встречаются значительно меньше, чем округлобокие. Одна такая миска была найдена на Карабудахкентском I могильнике в погр. 62 вместе с зеркалом-подвеской I-II вв. н.э.,¹⁸⁷ несколько обломков — на Карабудахкентском III и Таркинском могильниках. На Сиртичском могильнике такая миска лежала в каменном ящике № 1 вместе с обмазанными горшками. Такая миска происходит и из Андреяульского могильника.¹⁸⁸ Целая серия их известна из Ганзирского и Сиртичского поселений. На Андреяульском городище наибольшее количество этих мисок встречено в нижних слоях и значительно уменьшается их доля к верхним слоям.¹⁸⁹ За пределами Дагестана аналогичные миски выявлены среди памятников III в. до н.э. — III в. н.э. Центрального Предкавказья и Прикубанья, а также I-III вв. н.э. Поволжья.¹⁹⁰ Наиболее архаичные миски с рифлеными бортиками известны в древностях Грузии. Так, например, на могильнике Ркинис-кало в погребениях VIII-VI вв. до н.э. (Восточная Грузия) известны все варианты мисок, выявленных на территории Дагестана, в том числе и рифленые.¹⁹¹ Иными словами, характер производства и география распространения рифленых мисок такие же, какие мы видим у округлобоких мисок, т.е. их производство на северном и северо-восточном Кавказе возникло под влиянием закавказских очагов и отсюда распространилось в северные районы, возможно, и в Поволжье.

Реберчатые миски встречаются в сочетании со всеми вышеупомянутыми округлобокими и рифлеными мисками. На Андреяульском городище

например, они в нижних слоях встречаются больше, в верхних средневековых — меньше.¹⁹² Все разновидности вышеупомянутых реберчатых мисок известны по памятникам Северного Кавказа, Поволжья и Приуралья III в. до н.э. — IV в. н.э. Они продолжают бытовать на Северном Кавказе и в раннем средневековье.¹⁹³ Некоторые их разновидности, в частности биконические миски происходят из албанских памятников Азербайджана.¹⁹⁴ Наиболее архаичные типы таких сосудов обнаружены на памятниках Грузии эпохи раннего железа. Бытуют они здесь и в античное время. 195

Разнообразие мисок в древностях Дагестана и особенно их находки на территории гончарной мастерской Ганзирского поселения (среди многочисленных бракованных, пережженных и необожженных изделий) свидетельствуют о местном их производстве. Очевидно, такие же очаги производства мисок были и в других районах Северного Кавказа, в том числе Прикубанья. Приведенные материалы свидетельствуют о генетической связи продукции северокавказских, в том числе дагестанских очагов производства с закавказскими, в частности с грузинскими. Разнообразные северокавказские и дагестанские очаги производства, видимо, оказывали взаимное влияние друг на друга.

Эти выводы подтверждают и изучение кувшинов. Они занимают среди керамики значительную долю и представлены самыми разнообразными образцами по форме и своим размерам: по форме группируются на образцы со сливными носиками, с четырехлепестковым устьем, с воронкообразным устьем, с цилиндрическим, расширяющимся кверху и гофрированным горлом, а также на кувшины-поильники.

КУВШИНЫ

А. Кувшины со сливными носиками и ручками, соединяющими венчики с плечиками (рис. 55,1-11; 36). По форме шейки и пропорциям тулова они делятся на несколько разновидностей.

1 тип. **Кувшины с короткой шейкой**, шаровидным туловом и устойчивым дном. Круглая ручка соединяет венчик с плечиками (рис. 35,1-10). Эти сосуды делятся на следующие подтипы:

а) *Сосуды, имеющие наибольшее расширение в средней части тулова.* Эти кувшины характерны для памятников Дагестана III в. до н.э. — IV в. н.э., в частности, они встречены на Урнекском городище и могильнике, на Сиртичском и Ганзирском поселениях и др. На Шаракунском могильнике, например, их найдено 9 экз., на Сиртичском — 2 экз., на Мамрашском — 9 экз. и т.д. Один сосуд из Сиртичского разрушенного погребения имеет резкие переходы от

горла к тулову и к сливному носику. Горло трубчатое, украшенное по середине поперечными поясками, а в основании-налепным валиком с насечками. На дне сосуда-следы грубо обтесанной доски от гончарного круга и подсыпки. Такие сосуды характерны для Ганзирского и Сиртичского поселений, а также для Чичикарского городища. Обнаружены они и на Дербентском могильнике,¹⁹⁶ а за пределами Дагестана-в Поволжье и Подонье, где они рассматриваются в качестве импорта.

б) У другой части кувшинов *наибольшее расширение тулова приходится на верх тулова*, отчего они приобретают очертания перевернутой груши. Особенно много этих сосудов на Шаракунском и Мамрашском могильниках. Встречаются и на Сиртичском могильнике и поселении.

в) *Кувшины с покатыми плечиками*, постепенно переходящими в горловину. Одни из них имеют нижние части тулова с прогибом. Они известны по Шаракунскому могильнику. У других нижние части тулова имеют шаровидные очертания-происходят из Хабадинского могильника, у третьих шаровидные нижние части тулова сочетаются с широким дном-встречаются на Сиртичском и Мамрашском могильниках, имеют довольно резкий переход от плечиков к нижней части.

г) Часть кувшинов этой группы имеет *острореберные тулова* и несколько *удлиненные горловины*. Они характерны для Мамрашского, Шаракунского, Сиртичского и Сумбатлинского могильников, Ганзирского и Сиртичского поселений. Один такой сосуд из Мамрашского могильника имеет каннелированное тулово.

Прототипы всех этих кувшинов первого типа характерны для памятников Дагестана скифского и предскифского времени.¹⁹⁷ Реберчатые тулова кувшинов, однако, встречаются лишь в III в. до н.э. — IV в.н.э.

2 тип. **Кувшины с яйцевидным туловом**, короткой шейкой и высоким, выступающим сливным носиком (рис. 36,9,15,16). Круглая ручка соединяет горло с плечиками. Поверхность сосудов серая, лошенная, украшенная резным геометрическим орнаментом. Три таких сосуда найдены на Карабудахкентском могильнике, один-на Таркинском. Причем последняя имеет витую ручку. В мог. 38 Карабудахкентского могильника с кувшинами интересующего нас типа (№№ 413 и 423) найдены несколько округлобоких мисок с загнутыми во внутрь краями, в том числе красные ангобированные (№№ 417,421). Там же находились ваза, ритуальный сосуд баночной формы, ложковидные головные булавки, булавка с отверстием на стержне, разнообразные привески, пуговицы и т.д. Комплекс этот по времени не может быть отнесен глубже I в.н.э.

За пределами Дагестана аналогичные кувшины происходят из памятников I в. до н.э. — VII в.н.э. Северного Кавказа (Нижний Джулат, Подонье),¹⁹⁸ Подонья и Поволжья (Сусловский, Верхне-Кольшлеевский, Усть-Лабинский, Черebaевский, Калиновский могильники, Круглый курган).¹⁹⁹ И.В.Синицын считает их (наряду с другими сосудами) изделиями одного и того же производственного центра, что и дагестанские сосуды.²⁰⁰ По мнению В.П. Шилова они кавказского происхождения.²⁰¹Этой же точки зрения придерживается М.П. Абрамова.²⁰²Очаги производства этих сосудов, видимо, располагались на территории Северного Кавказа с охватом территории Северного Дагестана, выше Карабудахкента.

3 тип. **Сосуды с вытянутым яйцевидным туловом**, четко выделенным дном и коротким расширяющимся к верху туловом с высоким сливным носиком. Устья и горловины сосудов широкие (рис. 35,6,7). Один такой сосуд происходит из погр. 25 Таркинського могильника (раск. К.Ф. Смирнова), три-из Карабудахкентского могильника (погр. 34,45,53).²⁰³

На Таркинском могильнике вместе с этим сосудом найдена фибула с подвязанным приемником I-II вв.н.э.,²⁰⁴ из Карабудахкентского могильника в погр. 45 помимо подобного сосуда происходит обломок бронзового зеркала с рельефным ободком I-II вв.н.э.²⁰⁵ Наибольшее количество сосудов такого типа сосредоточено на территории Северного Азербайджана, где они известны под названием т.н. ялойлутенинских молочников. Наши сосуды могут быть рассмотрены в качестве особого варианта таких молочников.

4 тип. **Широкоустные ойнохоевидные кувшины с биконическим туловом**, короткой шейкой и круглой ручкой, соединяющей венчик с боковой стороны с плечиками. На дагестанских памятниках встречены 4 сосуда такого типа: три на Мамрашском могильнике и один на Сиртичском (мог. 4). У последнего сосуда покатые плечики украшены резным геометрическим орнаментом; за прямой горизонтальной линией следует две волнистые линии, нанесенные зубчатым штампом и между ними-линия из точек, нанесенная каким-то острием. Ниже них идет горизонтальная линия и еще две линии из точек (рис. 35,5). Аналогичные сосуды характерны для памятников Северного Азербайджана раннеалбанского времени.²⁰⁶

Б) **Кувшины с четырехлепестковидным устьем** представлены тремя разнообразными формами (рис. 35,12-14,16,17; 37,1-4). Они в основном найдены на памятниках, расположенных южнее Дербента: на Шаракунском (8 экз.) и Мамрашском (7 экз) могильниках. Еще два экз. происходят из разрушенных при строительных работах могил в окрестностях сел. Дюбек Табасаранского района и из Хивского могильника V-VII вв.Среди

них выделяются три типа сосудов:

1 тип. **Кувшины без ручек**, с высоким цилиндрическим горлом, приземистым вздутым туловом и устойчивым дном. Известно только два сосуда. Один происходит из Шаракунского могильника (рис. 37,4), другой — Мамрашского. У шаракунского сосуда основание устья и горла опоясаны рельефным валиком, а плечики украшены двумя поясами, один из веревочного налепа, другой из резной волнистой линии. На дно этих сосудов нанесены четыре, расходящиеся из одного центра изображения “деревя”, напоминающие сарматский знак т.н. “птичьих лапок” или “триденсов”.²⁰⁷ Погребение Шаракунского могильника, в котором найден этот сосуд, датируется I в. до н.э. — I в.н.э.

2 тип. **Кувшины с приземистым биконическим туловом**, короткой шейкой и круглой ручкой, соединяющей венчик с туловом (рис. 35,14,16,17). Выявлено 6 экз. : четыре на Мамрашском и два на Шаракунском могильниках. На дне всех этих сосудов имеются следы грубой доски от гончарного круга и подсыпки. На наружной поверхности — следы лошения: на горле и венчике — вертикальные, на тулове — горизонтальные. Основание шейки кувшина из погр. 1 Мамрашского могильника украшено поясом из косых ногтевидных насечек, основание шейки сосуда из погр. 2 — поясом из резных волнистых линий, на всей поверхности — горизонтальные следы лошения по сырой глине.

3 тип. **Кувшины с приземистым туловом, высокой цилиндрической шейкой** и круглой ручкой, соединяющей горло с плечиками (рис. 35,12,13). Их всего найдено 5 экз. : два на Мамрашском и три — на Шаракунском могильниках. Шаракунские кувшины имеют шаровидные тулова, резко переходящие в горловины. Один мамрашский кувшин имеет ребристое тулово и в основании венчика — выступ с горизонтальным отверстием. На верхней части ручки — тамгообразный знак в виде миниатюрного круглого налепа с двумя отходящими под углом насечками. Плечики сосудов украшены довольно сложным узором, нанесенным острым предметом по сырой глине: по основанию горла — пояс из двух параллельных горизонтальных линий, промежуток между которыми заполнен пересекающейся косой штриховкой. За ним следует сначала мелкая, затем крупная зигзагообразная линии с заполнением пространства между ними вертикальными полосами. На вершине каждого крупного зигзага изображены животные (10 экз.) — своеобразное шествие оленей по кругу (рис. 35,12). Другой мамрашский сосуд близок к вышеописанному, но проще.

Кувшины с четырехлепесткововидными устьями различных типов представлены на Мамрашском и Шаракунском могильниках, расположенных в

долине р. Гюльгеричай. Отдельные экземпляры таких кувшинов обнаружены в районе Дюбека и Хив. Видимо, здесь на этой территории и находился очаг их производства. Все эти кувшины с четырехлепесткововидными устьями генетически связаны с разнообразными по форме и размерам сосуда с более сложными по конфигурации устьями из раннеалбанского Азербайджана.²⁰⁸

В) **Кувшины с цилиндрическим горлом**, вздутым биконическим туловом и воронкообразным устьем. Из всего два (рис. 37,5) и оба происходят из Шаракунского могильника. Но воронкообразное устье характерно для горшка из Ганзирского поселения и кувшина с ручкой из Хабдинского могильника (рис. 37,11).

Сосуды с воронкообразными устьями были характерны для памятников античного Причерноморья.²⁰⁹ Один аналогичный нашим кувшинам сосуд происходит из погребения I в. до н.э. — I в.н.э. кургана 18 Бережновского II могильника в Поволжье Е.И. В.Синицын считает его привозным.²¹⁰

Г) **Кувшины-поильники** с ручками-сосочками (рис. 37,6-9,11). Их к настоящему времени выявлено на памятниках Дагестана III в.н.э. — IV в.н.э. 11 экз.: на Карабудахкентском I могильнике — 5 экз., на Шаракунском — 3 экз., на Хабдинском — 1 экз., на Мамрашском — 2 экз. Они делятся на три типа по характеру тулова и устья.

1 тип. **Кувшины с цилиндрическим, слегка расширяющимся к устью, горлом**, венчик которого соединен перемычкой с ручкой в виде соска, биконическим туловом и сравнительно широким, устойчивым дном. Их известно три: два из Карабудахкентского I и один из Мамрашского могильника. У сосуда из погр. 71 Карабудахкентского I могильника несколько выступающий сосок и расширяющаяся горловина, у другого кувшина из мог. 38 того же могильника — более широкое тулово, широкое дно и цилиндрическую горловину, венчик которой соединяется перемычкой с концом ручки-соска. Основание шейки этого сосуда украшено резной горизонтальной линией. Кувшин из Мамрашского могильника имеет красноватый цвет (возможно, от вторичного накаливания) и лошеную наружную поверхность. Цилиндрическое устье соединено перемычкой с ручкой-соском, тулово биконическое, горло расширяющееся кверху.

2 тип. **Кувшин с воронкообразным устьем**, соединенным перемычкой с ручкой-соском, имеет цилиндрическое горло, резко переходящее во вздутое, приземистое тулово. Он среди наших находок пока один и происходит из Хабдинского могильника (рис. 37,11).

3 тип. **Кувшины с четырехлепесткововидными устьями**, соединенными перемычкой с ручками-сосками и приземистыми вздутыми

туловами. Их известно 4 экз.: три из Шаракунского могильника и один из Мамрашского. У последнего — короткое горло и на покатых плечиках-горизонтальные полосы от лощения по сырой глине.

Наиболее архаичные кувшины с ручками-сосками встречены среди памятников Передней Азии²¹¹ и Закавказья, особенно среди колхских древностей VI-IV вв. до н.э. Причем, судя по грузинским памятникам античного времени, тогда они были довольно популярны.²¹² В это же время такие кувшины встречаются на территории распространения сарматской культуры, в том числе в степных сарматских могилах I-II и II-III вв. н.э.,²¹³ как и в погребениях I в. до н.э. — I в.н.э. Поволжья.²¹⁴ Бытуют они и на территории Северного Кавказа с первых веков н.э., доживая в Центральном Предкавказье до середины I тысячелетия н.э.²¹⁵ Однако, ни один район Восточной Европы и Кавказа не обладал таким разнообразием форм сосудов-поильников, как Дагестан, где центр их производства, видимо, был налажен с IV в. до н.э.

Д) Кувшины с цилиндрическими горловинами. Среди них встречаются сосуды с ручками, соединяющими плечики с венчиками и сосуды без ручек.

1 тип. Кувшины с цилиндрическим чуть расширяющимся к устью коротким горлом, биконическим туловом с покатыми плечиками и устойчивым дном. Круглые петлевидные ручки соединяют плечики с венчиком. Эти сосуды повсеместно встречаются в Дагестане III в. до н.э. — IV в.н.э. Целыми сохранились образцы из погр. 12 Сумбатлинского могильника (рис. 37,12), погр. 69 Карабудахкентского I (рис. 37,13), погр. 16 Шаракунского (рис. 37,18) и погр. 4 Хабдинского (наши раск.) могильника. Аналогии этим сосудам К.Ф. Смирнов ищет на территории Закавказья, среди памятников Кавказской Албании.²¹⁶ Соглашаясь с мнением ученого, следует указать, что прототипы этих сосудов бытовали на территории Северного Кавказа и Дагестана еще со скифского времени.²¹⁷ Следовательно они для Дагестана албанского времени являются традиционными.

2 тип. Кувшины с цилиндрическим горлом, биконическим или шаровидным туловом и круглой ручкой, соединяющей покатые плечики с горлом (рис. 38,1-5). Все (их 5 экз.) эти сосуды происходят из Таркинского могильника.²¹⁸ У некоторых имеются сильно стилизованные зооморфные ручки (погр. 18,25,28). К.Ф. Смирнов приводит им аналогии из районов Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Астраханщины и Предкавказья. Одновременно он указывает на близость орнамента этих сосудов с сарматским.²¹⁹ Однако, такой орнамент был характерен для керамики Северного Кавказа начала I тысячелетия до н.э. и скифского времени, и это не

позволяет связать его происхождение с сарматами,²²⁰ как, впрочем, и сами сосуды.

3 тип. Кувшины с характерным горлом, украшенным широкими горизонтальными желобками. Один целый кувшин такого типа найден на территории жилища гончара на Ганзирском поселении (рис. 38,6). Он имел шаровидное приземистое тулово, цилиндрическое горло с расширенным воротниковидным устьем, украшенным в верхней части и по расширению горизонтальными желобками, в нижней — налепным валиком с косыми насечками. Резкий переход тулова к горлу. Круглая петлевидная ручка соединяет горло с венчиком.

Аналогичных, но фрагментированных сосудов на Ганзирском поселении найдено много (рис. 38,7,9,12). Здесь обнаружены также сосуды с цилиндрическими и воронкообразными горловинами, украшенными горизонтальными желобками. Найдены они и на Андрейаульском городище.²²¹ За пределами Дагестана известны на памятниках I-II вв. Северного Кавказа, сарматского Поволжья и Южного Приуралья.²²²

Центр производства сосудов подобного типа, как полагает М.П. Абрамова, находился в районе Притеречья.²²³ Наши раскопки гончарной мастерской на Ганзирском поселении позволили найти вместе с производственным браком обломки вышеописанных сосудов. Большое количество брака подобных изделий позволяет указывать на дагестанский очаг производства таких сосудов. Судя по близости морфологических особенностей данных изделий, эти два очага были тесно связаны между собой. В тоже время следует отметить, что на памятниках Грузии эпохи раннего железа встречаются близкие кувшины, но с горизонтальными желобками на горловине.²²⁴ Хорошо известны сосуды с воронкообразным устьем, в том числе кувшины с венчиками, украшенными горизонтальными желобками и среди памятников Азербайджана албанского времени (Мингечаур).²²⁵

Однако кувшины с цилиндрическим горлом, резко переходящим в тулово и расширенным воротниковидным венчиком устья, характерны для памятников античного Причерноморья (погр. I-II вв. н.э.).²²⁶ Наши сосуды, видимо, возникли на пересечении культурных струй, исходящих из античного мира и Закавказья. Такие условия могли возникнуть здесь после появления сармат в Прикаспийской низменности. Дата этих сосудов из дагестанских памятников I-II вв. н.э.

4 тип. Кувшины с цилиндрическим горлом, расширяющимся к устью, шаровидным туловом и устойчивым дном с резким переходом шейки к плечикам. Ленточная ручка соединяет горло с плечиками. Как ручка, так и поверхность сосуда богато украшены узорами из налепных валиков, косых мелких насечек. Несколько обломков таких сосудов

происходит из Ленинаульского могильника (рис. 16,б). Большое количество целых и фрагментированных кувшинов этого типа найдено на Андреяульском могильнике и городище.²²⁷ Обнаружены они и на поселении, расположенном у моста через р. Акташ по дороге Ростов-Баку (рис. 72), а также в погребениях Большого Буйнакского кургана.²²⁸ Эти кувшины представляются продукцией местного дагестанского керамического очага производства,²²⁹ центр которого, видимо, располагался в районе Терско-Сулакского междуречья (рис. 55, 28, 34).²³⁰

5 тип. **Кувшины с высоким цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и характерной вытянутой в высоту ручкой** (рис. 37, 20). Их на памятниках Дагестана найдено три: два на Таркинском²³¹ и один на Сиртичском (рис. 37, 15) могильниках. У таркинского сосуда устье расширяется и имеет сильно стилизованную зооморфную ручку, у сиртичского — ручка, к сожалению, отбита, а горло не имеет расширения. Аналогичные сосуды встречены среди памятников Прикубанья и Подонья.²³²

6 тип. **Кувшины с шаровидным туловом, коротким расширяющимся к устью горлом, устойчивым дном и петлевидной ручкой на плечиках.** Среди наших материалов их два и оба происходят из Карабудахкентского могильника.²³³

Особую подгруппу этих кувшинов составляют сосуды тех же пропорций, только без ручек. Они найдены на Карабудахкентском I (2 экз.),²³⁴ Шаракунском (2 экз.) могильниках, Сиртичском и Ганзирском поселениях (рис. 37, 14). Встречены они и на памятниках Прикубанья.²³⁵

Кружки разнообразных форм и размеров составляют значительную долю среди столовой керамики. Они представлены простыми образцами с ручкой, прикрепленной к стенкам. Встречаются сосуды более сложных конструкций. Такой является кружка с усеченно биконическим ребристым туловом, стилизованной зооморфной ручкой и отвернутым венчиком. Поверхность таких сосудов украшена характерным резным геометрическим орнаментом (рис. 17, из п-2; 57, 61). Две кружки встречены на Таркинском могильнике (погр. 4, 10).²³⁶ За пределами Дагестана они обнаружены на Мекенском могильнике (погр. III-I вв. до н.э.) в Чечне,²³⁷ в погр. I в. до н.э. — II в. н.э. Поволжья,²³⁸ в Прикубанье,²³⁹ в Подонье и в Средней Азии.²⁴⁰ В.Н. Корпусова, давшая классификацию этих сосудов, указала на близкие им формы, встречающиеся среди античных памятников Причерноморья, в степных и лесостепных черняховских могильниках, а также на придунайских памятниках первой половины I тысячелетия до н.э.²⁴¹ Сосуды из Таркинского и Мекенского могильников датируются III-II вв. до н.э., остальные — более поздним временем.

Она же высказала предположение о появлении этих кружек на территории Северо-Восточного Кавказа и их распространении отсюда на северо-запад и север.²⁴² М.П. Абрамова объясняет наличие зооморфных ручек у этих кружек влиянием Закавказья.²⁴³ Орнамент этих сосудов она также связывает с закавказскими керамическими традициями.²⁴⁴ Все это указывает на принадлежность этих сосудов местным племенам. Но их распространение, видимо, следует связать с сармато-аланскими кочевниками.

Среди серой столовой керамики значительную долю составляют **горшки**. Среди них встречаются:

1 тип. **Биконические сосуды с короткой шейкой-перехватом** и отогнутым венчиком. Как правило, наибольшее расширение этих сосудов приходится на середину тулова. Наибольшее расширение сосуда равно его высоте. Иногда прослеживаются незначительные колебания, когда наибольший диаметр больше или меньше высоты сосуда. У них узкие горловины и диаметр дна, превосходящие диаметр венчика (рис. 55, 51; 57, 32-35, 38; 59, 20; 61, 35, 41, 42; 62, 45; 46; 66, 9; 67, 10). Характерны для памятников Дагестана. Встречены на Таркинском (1 экз.), Карабудахкентском I (8 экз.), Сиртичском (3 экз.), Ленинкентском (2 экз.), Сумбатлинском, Курклинском, Карабудахкентском III, Шаракунском и др. могильниках, Ганзирском, Сиртичском и др. поселениях. По форме и размерам эти сосуды близки к обмазанным горшкам Дагестана, известным здесь еще для памятников скифского и предскифского времени. Наибольшее распространение они получают в III в. до н.э. — III в. н.э., причем их процентное соотношение среди керамики на южных памятниках больше, чем на более северных. В то же время за пределами Дагестана аналогичные горшки встречаются на сарматских памятниках сусловской эпохи.²⁴⁵

2 тип. **Одноручные горшки с округлым туловом**, короткой шейкой-перехватом, устойчивым дном и слегка отогнутым венчиком, соединенным с плечиками петлевидной, круглой ручкой (рис. 55, 36; 59, 25, 26; 62, 44; 66, 5). Они встречены на Таркинском (2 экз.), Карабудахкентском (1 экз.), Шаракунском (1 экз.), Мамрашском (2 экз.), Новолакском (1 экз.), Сиртичском (1 экз.) могильниках, а также на Ганзирском и Сиртичском поселениях. Некоторые из них обмазаны с наружной стороны жидкой глиной (Сиртичский, Шаракунский, Мамрашский могильники, Ганзирское и Сиртичское поселения). К.Ф. Смирнов ищет им аналогии среди сарматской керамики Поволжья.²⁴⁶ Однако, надо отметить, что они являются одним из характерных форм ялойлутепинской керамики.²⁴⁷

3 тип. **Шаровидные сосуды без горловины** с узким дном и ложными ручками выступами у устья (рис. 64, 5). Они встречены на Хабадинском

(2 экз.), Карабудахкентском I (2 экз.), Карабудахкентском III (1 экз.) могильниках²⁴⁸ и на Берхне-лабкомахинском городище (целая серия). Все они небольших размеров. Комплексы, из которых происходят эти сосуды, относятся к скифскому и албанскому времени.

Вазы-чаши разных форм и размеров на высоком поддоне или ножке составляют небольшую долю среди лошенной керамики. Они представлены сосудами:

а) **в виде округлобоких глубоких чаш на поддоне.** Их две: одна происходит из Таркинского, другая из Карабудахкентского I могильников.²⁴⁹ Бортик таркинского сосуда украшен желобком и косыми вдавлениями, имитирующими шнур (рис. 40,2,3).

б) **широкоустные округлобокие чашки с загнутыми внутрь краями.** Происходят из Таркинского (2 экз.) и Карабудахкентского (2 экз.) могильников (рис. 40,5-7).

Большая серия чаш на поддоне происходит из Урцекского и Андрейаульского городищ, но, к сожалению, они не опубликованы и трудно что-либо сказать об их типологии.

в) **реберчатая чаша на поддоне** (1 экз.), происходит из Шаракунского могильника (рис. 40,4).

г) **чаша с отогнутыми краями на высокой полой ножке** (1 экз.), происходит из Карабудахкентского могильника (рис. 40,8).²⁵⁰ Она типологически близка к курильницам с умбовидными выступами на дне.

Чаша на высокой полой ножке выявлена в погребении предскифского времени Мугерганского могильника. Однако, в это время они еще не получают здесь широкого распространения. Наибольшей популярностью они пользуются в III в. до н.э. — III в.н.э. на территории современного Азербайджана²⁵¹ и Дагестана, где сохраняются и в раннем средневековье. Близкие формы встречаются на памятниках Прикубанья VI-I вв. до н.э. (Усть-Лабинск),²⁵² а также на боспорских памятниках античного Причерноморья.²⁵³ Правда, среди них нет реберчатых чаш на поддоне. К тому же наши сосуды разнообразнее по форме и размерам, что свидетельствует о местном производстве этих ваз.

Некоторые формы сосудов имеют не только серый цвет, но и красный, с ангобом. Причем доля красной ангобированной керамики среди столовых сосудов в I-IV вв.н.э. значительная. Она вылеплена из глины с примесью мелко истолченного отощателя. Черепок-красный, обжиг равномерный. Редко встречаются черепки с темной серединой. Ангоб представляет собой тонкий, блестящий, розовый слой, придающий сосуду парадный облик. Эта керамика встречается на памятниках, относящихся к концу изучаемой эпохи. Так, в могиле

№ 9 II в.н.э. Сумбатлинского могильника найден кувшин с пачкающим ангобом.²⁵⁴ В этом факте мы усматриваем незавершенность процесса технологии ангобирования. Наибольшее количество красной ангобированной керамики найдено на Карабудахкентском I (5 экз.) могильнике. Встречены они и среди материалов Таркинского (2 экз.) и Хабадинского (1 экз.) могильниках в комплексах II-III вв.н.э.²⁵⁵ На Карабудахкентском III могильнике III-VII вв. их доля составляет 30%.²⁵⁶ Преобладает такая керамика и в Большом Буйнакском кургане, преимущественно в поздних комплексах, а среди ранних встречен лишь один сосуд.²⁵⁷ Обнаружены они и в поздних комплексах Гопатлинского (I-II вв.), Ленинкентского (Сергокалинского района) I-II вв. могильников.²⁵⁸ На нижнем Чуглинском городище (Левашинский район) из 209 обломков керамики нижнего слоя, датируемого концом I тысячелетия до н.э. — IV в.н.э., черепки красные с ангобом составляли 179 экз. (85,6%), из 425 обломков второго-среднего слоя V-IX вв.н.э. — было 220 красных с ангобом (51,7%) и из 113 обломков верхнего слоя X-XIII-XIV вв. — лишь 6 подобных обломков (5,3 %).²⁵⁹ Близкое соотношение характерно и для керамики Охлинского²⁶⁰ и Верхне-лабкомахинского городищ. Эта закономерность присуща для всех регионов Дагестана. Как видно, в Центральном Дагестане наибольшее распространение такая керамика получает в первой половине I тысячелетия н.э. Причем появляется она со II в.н.э. В Северном Дагестане она вовсе не встречается. Нет ее и в Новолакском склепе I-II вв., в погребении около сел. Верхний Чирюрт (I-II вв.), на Бавтугайском могильнике (II в. до н.э. — II в.н.э.) и т.д.²⁶¹ В единичных экземплярах встречается красная ангобированная керамика и среди массы серой лошенной посуды Андрейаульского городища²⁶² и других, одновременных ему памятников Северного Дагестана. Не известна красная ангобированная керамика и для Южного Дагестана вплоть до раннего средневековья. Такая география находок ставит под сомнение тезис о происхождении данной керамики из Азербайджанских районов Кавказской Албании. Если бы она произошла именно из этих районов Албании, то больше всего ее следовало бы ожидать на Шаракунском (V в. до н.э. — III в.н.э.), Мамрашском, Сиртичском (I-III вв.н.э.) могильниках и Ганзирском, Сиртичском поселениях и Чичикарском городище I-V вв.н.э. в Южном Дагестане. Но ее там нет. Более того, албанские, т.н. крашенные сосуды, сопоставляемые с нашими красными ангобированными изделиями, выполнены здесь по совершенно иной технологии. Следовательно, красная ангобированная керамика производилась на территории предгорной и горной части Центрального Дагестана в I или скорее всего II-X вв.н.э., получив наибольшее распространение в III-VIII вв.н.э. Начало ее производства на этой территории, возможно, связано с влиянием Грузии.

Судя по раскопкам поселения "Ховлегора" в Центральной Грузии, начиная

с конца VII в. до н.э., главным образом с VI в. до н.э., появляется красная ангобированная керамика. Этот факт исследователи связывают с процессом эллинизации страны (М.М. Ивашенко), другие пытаются найти ее местные корни (Р.М. Рамишвили), третьи связывают с влиянием из юга (Д. Л. Мухелишвили, Ю. М. Гагошидзе, К. Н. Пицхелаури). Согласно последней гипотезе, такое влияние было двухэтапным, первый из которых возник в связи с волной миграции урартских племен, разгромленных в конце VII в. до н.э., второй — с активизацией ахеменидской торговли на Кавказе в конце V в. до н.э.²⁶³ Ю. М. Гагошидзе связывает оба этапа с непосредственной миграцией южного населения.²⁶⁴ Керамика, о которой идет речь, появившись в Грузии в конце VII-VI вв. до н.э., продолжает бытовать здесь и в более позднее время. Возможно, тогда же техника производства красноангобированной керамики из Грузии проникла в горный Дагестан и затем, несколько позже распространилась по предгорным и равнинным регионам страны.

Красная ангобированная керамика представлена местными формами горшков, в том числе с ленточными ручками, а также вазами, корчагами, кувшинами и мисками. Некоторые из них исполнены и в сером, лошеном варианте. Для красной ангобированной керамики наиболее характерны:

1. **Кувшины со вздутым туловом**, широким цилиндрическим горлом, резко переходящим к плечикам и ленточной ручкой, соединяющей плечики с цилиндрическим горлом, имеющим отогнутый венчик (рис. 38, 16-20). Один такой сосуд происходит из Хабадинского могильника,²⁶⁵ более десятка — из погребений IV-VI вв. н.э. Большого Буйнакского кургана.²⁶⁶ Найдены они на Урпекском городище и могильнике, на Сумбатлинском могильнике и Верхнелабкомахинском городище, а также среди одновременных памятников Левашинского плато, М.П. Абрамова датирует их IV-VI вв. н.э., допустив возможным более раннее (в I-III вв. н.э.) их возникновение.²⁶⁷

2. **Кувшины с грушевидным туловом**, цилиндрическим горлом и четырехугольной в сечении, сильно стилизованной зооморфной ручкой, прикрепленной к наиболее широкой части тулова (рис. 37, 10). Такие сосуды встречены на Сумбатлинском,²⁶⁸ Гапшминском (III-VII вв.), Таргунском, Карабудахкентском III могильниках.²⁶⁹ За пределами Дагестана они обнаружены в комплексах I в. до н.э. — I в. н.э. Северного Кавказа и Поволжья.²⁷⁰

3. **Сосуд с грушевидным туловом, широким устьем и горизонтально моделированной на плечиках ручкой** (рис. 57, 50). Один такой сосуд встречен в погр. 34 Таркинского могильника,²⁷¹ а обломки — на одновременных бытовых памятниках. Правда, в Южном Дагестане подобные

сосуды имеют серый цвет и лошеную поверхность. Аналогичные сосуды известны в памятниках Поволжья IV-II вв. до н.э.²⁷² Однако наиболее характерны они для албанских комплексов Азербайджана,²⁷³ под культурным влиянием которых они производились в Дагестане и можно предположить, откуда попадали в сарматское Поволжье. Правда, К.Ф. Смирнов считает их в Дагестане азербайджанским импортом.²⁷⁴

4. **Двуручный горшок** с яйцевидным туловом, короткой шейкой и устойчивым дном. Целый сосуд этого типа происходит из погребения 73 Карабудахкентского I могильника (рис. 57, 36).²⁷⁵

II. 3. 1. 3. ТАРНАЯ КЕРАМИКА

Она, как правило, представлена более крупными сосудами, но изготовленными менее тщательно. Черепок у них толстый и крепкий. Все имеющиеся в нашем распоряжении сосуды преимущественно происходят из бытовых памятников. Среди них встречаются:

1. **Сосуды с шаровидно вздутым туловом**, широким расширенным сверху горлом, соединенным двумя круглыми в сечении ручками с плечиками и устойчивым дном. Уплощенный сверху и выступающий козырьком венчик украшен пальцевыми защипами. Поверхность сосуда-серая, лошенная. Среди наших материалов сохранились целыми только два: из Мамрашского могильника (рис. 39, 4) и из Юхари-Стальского поселения.

2. **Сосуды с такими же шаровидно вздутыми, но каннелированными туловами**, цилиндрическими узкими горловинами и устойчивыми доньями. По характеру венчика они делятся на разновидности: а) **с венчиком выступающим в виде козырька**, украшенным по краям пальцевыми защипами. Подобный сосуд найден на Ганзирском поселении (рис. 39, 2). Основание его шейки украшено двумя поясами из налпных шнуровидных валиков. Многочисленны фрагменты таких же сосудов с Ганзирского и Сиргичского поселений (рис. 39, 1, 5, 7). Аналогичные сосуды встречены и на Верхнелабкомахинском городище.

б) **с отогнутым наружу венчиком**. Все фрагментированы. Встречены на Ганзирском и Сиргичском поселениях (рис. 39, 3, 6, 8-10). Следы лошения иногда имеются на горле в виде вертикальных полос.

Сосуды этого типа генетически связаны с крупными корчагами, характерными для Мугерганского могильника еще с предскифского времени.

3. Обломок придонной части **сосуда, напоминающего амфору** (рис. 62, 47) известен в единственном экземпляре из Ганзирского поселения.

4. **Вытянутые яйцевидные корчагообразные сосуды с**

широким горлом перехватом, отогнутым венчиком и устойчивым дном. Целый сосуд такого типа происходит из Верхнелабкомахинского городища. Его плечики украшены наклепным валиком, от которого вниз по тулову опускаются такие же наклепные валики. Поверхность-серая, лошенная. Это же городище дало довольно большое количество фрагментов подобной керамики. Среди них встречаются образцы с более укороченной шейкой (рис. 67,11). Аналогичные сосуды характерны для сарматских памятников Приуралья, Поволжья²⁷⁶ и Северного Причерноморья.²⁷⁷ Они восходят к популярным сосудам скифского времени, получившим распространение среди памятников Восточной Европы и Северного Кавказа.²⁷⁸ Правда, они не имеют отмеченного на Верхнелабкомахинском сосуде наклепного валика. Такие валики, расположенные вертикально по тулову, характерны для керамики Поволжья, Приуралья и Северного Кавказа сарматского времени.²⁷⁹

II. 3. 1. 4. Ритуальные сосуды составляют значительную долю среди керамики, особенно из могильников. Это серые лошенные и красные ангобированные сосуды. Особенно много миниатюрных мисок, кувшинов и горшков. Они повторяют формы более крупных сосудов и не дают разновидностей для типологического анализа. Большой интерес представляют зооморфные сосуды и курильницы.

На Мамрашском могильнике найдены обломки небольшой округлободой чашки с загнутыми внутрь краями на подставке в виде животного (рис. 40,1; 61,40). Аналогичные сосуды на зооморфных подставках характерны для широкого круга памятников Кавказской Албании.²⁸⁰

Другой тип зооморфных сосудов имеет форму черепахи с цилиндрической, высокой, расширяющейся к устью горловиной, смоделированной сбоку и соединенной со спинкой сосуда петлевидной ручкой. Происходит из Мамрашского могильника (рис. 61,28). Аналогичные сосуды найдены в Дербенте²⁸¹ и Шамшахаре. Эти сосуды под названием фляг характерны для албанских памятников Азербайджана.²⁸²

Курильницы серого цвета с лошеной поверхностью представлены разными типами. Среди них встречаются:

1. Круглодонные миски:

а) с расширяющимися краями и, иногда, умбовидным выступом на дне. Края их украшены заштрихованными треугольниками-зигзагами (рис. 40,12). На Таркинском могильнике они встречены в погребениях I-II вв. н.э. вместе с сильно профилированными фибулами причерноморского типа, мечом без навершия и перекрестья, а также железным ножом с прямой спинкой.²⁸³ Еще один обломок такого же сосуда, выявленный здесь же при земляных работах, был

передан нам А.И. Абакаровым (рис. 73,3). Встречены курильницы и на Ленинкентском (пос. Махачкалы) и Талгинском могильниках во время разведочных работ. Известны из погребений Карабудахкентского I могильника (5 экз.), где найдены вместе с височными привесками с расходящимися пол углом концами, бронзовыми колокольчиками, ложковидными головными булавками и браслетами с перевязанными концами.²⁸⁴

б) *Миниатюрная полусферическая ритуальная миска* с вертикальными краями и умбомом на дне. Основание краев украшено двумя резными параллельными друг другу линиями, стенки-каннелюрами (рис. 40,14). Известна в одном экз. и происходит из Карабудахкентского I могильника.²⁸⁵ Аналогичной формы, но без орнамента и с красной ангобированной поверхностью сосуд найден в погребении № 5 того же могильника.²⁸⁶ Полусферические миски с отогнутыми краями и умбомом в середине были характерны для албанских памятников Азербайджана. Они возникали, как полагают, на месте из более древних фиал.²⁸⁷ Миниатюрная полусферическая миска с вертикальными стенками, украшенными каннелюрами, как уже отмечалось, делались в подражание закавказским металлическим сосудам.²⁸⁸

2. Курильницы в виде ваз. Они представлены:

а) *Чашами с отогнутыми краями на полых высоких ножках*, внутри которых находятся один или два шарика и умбомом на дне миски. Их наружная поверхность богато украшена резным геометрическим орнаментом. Среди наших материалов учтено три (рис. 40,8-10): две происходят из Карабудахкентского I могильника²⁸⁹ и одна-из культурного слоя Таркинского могильника.²⁹⁰

Особым подтипом этих курильниц представляется чаша с внутренней перегородкой и отогнутыми краями на полых ножках, внутри которой имеется шарик. Она происходит из Таркинского могильника. Профилировка у нее резкая. Края украшены двумя концентрическими резными кругами, промежуток между которыми заполнен заштрихованными треугольниками, венчик-глубокой резной линией, по которой нанесены точки. Плечики чаши украшены заштрихованными треугольниками.

б) *чаша на ножке с округлыми боками, прямыми краями и внутренней перегородкой*. По ее краям и на перегородке имеется пара отверстий для подвешивания сосуда. Поверхность гладкая (рис. 40,11). Найдена на Мамрашском могильнике. Два подобных сосуда найдены на Андрейаульском городище.²⁹¹

Такие курильницы К.Ф. Смирнов сближает с сарматскими курильницами VII-VIII типов по его же классификации, имея ввиду круглодонные чаши на высоких

ножках.²⁹² Точных аналогий нашим курильницам за пределами Дагестана, исключая районы Притеречья в Чечне, очень мало. Так, курильницы с отогнутыми краями и на полый ножке с умбоном на дне встречены в погребальных комплексах I в. до н.э. — II в.н.э. Бережновского II²⁹³ и Бережновского I²⁹⁴ могильников Поволжья, а курильницы в виде чаш с отогнутыми краями и внутренней перегородкой на полый ножке в районе Притеречья Чечни,²⁹⁵ округлобокие курильницы с прямыми краями и внутренней перегородкой на полый ножке — в том же Поволжье (Калиновский могильник, погр. IV-II вв. до н.э.)²⁹⁶ и в районе Притеречья Чечни.²⁹⁷

М.Г. Мошкова объединяла в один тип все рюккообразные курильницы на полый ножке,²⁹⁸ а К.Ф. Смирнов, предложивший более дробную классификацию, объединил чашки на полый ножке в один VIII тип, хотя внутри них выделял разные варианты. Им учтено 33 экз., происходящих из прохоровских, сусловских и позднесарматских комплексов.²⁹⁹ В сарматских памятниках эти курильницы довольно однообразны, чего не скажешь о курильницах Северного Кавказа³⁰⁰ и особенно Дагестана. Отмеченное нами разнообразие курильниц, выявленных в Дагестане, не является хронологическим показателем. Как видно из приведенного обзора, курильницы на ножке с умбоном на дне сосудов, характерны для дагестанских памятников; курильницы в виде чаш с отогнутыми краями и внутренней перегородкой на полый ножке, распространены в бассейне среднего течения р. Терек и известны в виде отдельных экземпляров в Центральном Предкавказье (Моздок) и Дагестане (Тарки); курильницы в виде округлобоких чаш с внутренней перегородкой на полый ножке характерны для сарматских памятников Поволжья. Они довольно широко распространены в бассейне среднего течения р. Терек и опять-таки встречены в Дагестане (Мамраш, Андрейаул).

Курильницы можно считать продукцией местных керамических центров, где они изготовлялись под влиянием сармат и, видимо, даже по их заказу. Вместе с тем они служили для отправления и местных религиозных культов. Некоторые исследователи устанавливают их генетическую связь с местными курильницами северокавказской культуры.³⁰¹ Очевидно одно-они стали компонентом материальной культуры населения Дагестана в албанское время.

Двуручные канфаровидные ритуальные сосуды с толстыми стенками. Они характерны для памятников Северного, преимущественно Северо-Восточного Кавказа. Встречаются двух типов:

1 тип. С *округлым, несколько вытянутым туловом на конической полый ножке-поддоне*, с короткой шейкой-перехватом и петлевидными ручками, соединяющими горло с плечиками. Края овального устья

украшены резным геометрическим орнаментом, преимущественно заштрихованными треугольниками. Наружная поверхность сосуда также украшена резным геометрическим орнаментом (рис. 57,49). Таких сосудов к настоящему времени накопилось довольно много, но большинство из них обнаружено случайно при строительных работах. Они найдены на Таркинском могильнике (4 экз.), Андрейаульском могильнике и городище (3 экз.).³⁰² Несколько иных пропорций сосуды встречены на территории Северного Дагестана. У них вместо высокой ножки поддон. Один из них выявлен в Бабаюртовском районе, в 10 км к северо-западу от сел. Татаюрт, при строительстве рисовой системы (рис. 71,1). Поверхность его тулова украшена вертикальными глубокими резными линиями, образующими каннелюры, ручки-поперечными насечками.

Другой такой же сосуд из Бабаюртовского кургана имел у устья дополнительный ободок, а тулово украшено косыми рельефными каннелюрами. Третий сосуд из Хасавюртовского кургана фрагментирован, отломана придонная часть. Края устья и плечики его украшены заштрихованными треугольниками, расширение тулова-зигзагами, заключенными в две прямые горизонтальные линии (рис. 71б, 1). Сосуды, выявленные на территории Чечни, не имеют поддонов.³⁰³

2 тип. *Сосуды с биконическим туловом, короткой шейкой и петлевидными ручками*, соединяющими венчик с плечиками. Один такой сосуд, найденный в Хасавюртовском кургане, имел лошеную поверхность, украшенную заштрихованными треугольниками по краям устья и плечикам, а по расширению тулова — зигзагами, заключенными в две прямые линии. Ручки отломаны. Высота 122 мм при диаметре тулова 117 мм (рис. 71-б, 2). Наибольшее количество аналогичных сосудов встречается на территории Чечни (23 экз. по данным В.А. Петренко), меньше в Кабардино-Балкарии (3 экз.), Прикубанье (1 экз.) и Пятигорске (1 экз.).³⁰⁴

Е.И. Крупнов, впервые выявивший курильницу первого типа, указывал на сарматские традиции в ее изготовлении.³⁰⁵ К.Ф. Смирнов, а затем В.Б. Виноградов и М.П. Абрамова сближали их с ялойлутенинскими сосудами, от которых и выводили их происхождение.³⁰⁶ В.А. Кузнецов рассматривал их в качестве закавказского импорта,³⁰⁷ В.А. Петренко считал их изделиями сармат, но возникшими на пересечении культур Закавказья и Прикубанья.³⁰⁸

Картографирование находок таких сосудов показывает, что экземпляры первого типа встречаются преимущественно на территории Северного Дагестана, включая район расположения Таркинского, Талгинского могильников и Андрейаульского комплекса. Их вариант характерен для памятников

Хасавюртовского и Бабаюртовского районов. Сосуды второго типа встречаются на территории Чечни, Ингушетии и отчасти Кабардино-Балкарии и в приграничных районах Дагестана и Чечни. Видимо, в этих пределах и были сосредоточены центры производства каждого из приведенных вариантов.³⁰⁹ Прав К.Ф. Смирнов утверждая, что курильницы в виде чаш, в том числе на полых ножках производило местное население, но под воздействием сармат, использовавших разнообразные формы курильниц, в том числе типов близких к нашим формам.³¹⁰ Возможно, в их становлении определенную роль сыграли некоторые формы закавказской и античной керамики.³¹¹

Вся культовая керамика, включая вазы, чашки, канфаровидные сосуды и некоторые формы кувшинов, украшена резным геометрическим орнаментом в виде зигзагов, елочек, заштрихованных треугольников, точек и т.д. М.П. Абрамова указывает на наличие подобного орнамента на керамике Северного Кавказа еще в кобанское время.³¹² Это еще раз свидетельствует о местном, северокавказском происхождении указанных курильниц.

Характерно для серой керамики Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. и лощение вертикальными полосами, а также орнаментация горизонтальными резными полосами и налепными валиками. Первый способ обработки поверхности сосудов был характерен для керамического производства Ставропольщины скифского времени,³¹³ второй для Дагестана скифского и предскифского времени.

На поверхности сосудов, чаще всего на ручках и реже на венчиках встречаются тамгообразные знаки. В пределах жилища гончара, раскопанного нами на Ганзирском городище, было обнаружено 23 разновидности таких знаков. Они представлены точками, одной или несколькими в различных сочетаниях, черточками, одной или несколькими в различных сочетаниях, черточками и точками, точкой в сочетании с елочными знаками, трезубцами, обращенными вверх или вниз, и геометрическим фигурками (рис. 41,1-34). Некоторые из них — единичные, двойные, тройные черточки и точки находят аналогии на керамике других дагестанских памятников, в том числе Урпекского городища.³¹⁴ Существует множество мнений о смысле и назначении этих знаков. М.М. Маммаев, например, на основании исследования знаков и обстоятельств их обнаружения в процессе раскопок Урпекского городища, пришел к выводу, что эти знаки представляют собой ремесленные метки или гончарные клейма, допустив, однако, что некоторые из них могли быть даже письменными знаками, употребляемыми в качестве ремесленных меток.³¹⁵ Обстоятельства находок наших изделий со знаками, да еще на территории одной гончарной мастерской, подтверждают этот вывод. Одновременно М.М. Маммаев

указывает на аналогии дагестанским знакам среди керамики сарматского мира, в Прикубанье и Причерноморье.³¹⁶ На это обстоятельство обратил внимание и Л. И. Лавров, рассматривая тамгообразные знаки как своеобразный исторический источник.³¹⁷ Действительно, знаки, обнаруженные в Дагестане, находят аналогии в боспорском и сарматском мире, особенно те, которые изображены на рис. 1,4,26-30,33 в книге В.С. Драчука и представленные точками и черточками.³¹⁸ Возможно, данное совпадение объясняется простотой их конфигурации, а возможно, теми же причинами, что привели к близости многих явлений материальной культуры на территории Северного Кавказа, Причерноморья, Подонья и Поволжья.

Таковы керамические изделия, выявленные среди памятников Дагестана III в. до н.э. — IV в.н.э. Они характеризуют местную культуру, хотя некоторые изделия, несомненно возникли, благодаря контактам с сарматоаланскими кочевниками.

II. 3. 2. ТОРЕВТИКА

Для изготовления сосудов употреблялись различные ковкие металлы — бронза, медь и серебро. Одно серебряное блюдо из каменной гробницы V в.н.э. у сел. Ираги Дахадаевского района представляет собой яркий образец дагестанской торевтики албанского времени. Оно дополняет набор посуды, представленной бронзовыми блюдами, кувшинами и водолеями, обнаруженными в разное время. Они суммарно датируются IV-VII вв.³¹⁹ Ирагинское блюдо (рис. 42; 43), как впрочем многие вещи этого погребального комплекса, древнее самого погребального сооружения и представляет особый интерес для нашей темы.

Блюдо из Ираги по форме аналогично блюдам из комплексов I-II вв. Мингечаурского могильника.³²⁰ В какой-то степени оно напоминает и торевтику из Центральной Грузии (Армзисхеви, Цхинвали, Квашхети), датированную К. Мачабели III в. до н.э.³²¹ Однако при датировке ирагинской находки должны быть учтены особенности декоративной отделки и техники изготовления. Прежде всего обратим внимание на орнамент в виде центрального медальона, соединенного чеканными рельефными тяжками с лункообразными фигурками, между которыми зажаты лотосы или пальметки. Он близок декору ахалгорийских чаш VI-IV вв. до н.э.³²² Это свидетельствует о достаточно древних традициях в воспроизведении такой орнаментальной композиции в торевтике Центральногрузинского очага искусства. Здесь она доживает до античного и, даже более позднего времени. Однако, форма ахалгорийских чаш резко отличается от формы ирагинского блюда, чем определяется их хронологическое различие. Ирагинское блюдо ближе сосудам

из Цхинвали и Квашхети и по орнаменту центрального медальона и по технике черни и позолоте. Композиция декора центральных медальонов обоих блюдец совпадает до деталей. Только узоры центральногрузинских блюдец выполнены лучше и искуснее, геометрические фигурки совершеннее, построение растительного орнамента более виртуозно. Однако оформление стенок ирагинского блюда несколько иное, чем на грузинских блюдах. На всех трех сосудах черневой орнамент сочетается с позолотой.

Чернь впервые появляется в древнем Египте, позже в Микенах, получив наибольший расцвет на обширной территории в эллинистическое время. В III в. черневой орнамент появляется на римско-кавказской территории. В начале он прост, а позже усложняется и употребляется в сочетании с позолотой, как на сосудах III в. из Цхинвали-Квашхети. В таком сочетании этот орнамент доживает до IV-V вв.³²³ По этим признакам дата Ирагинского блюда определяется в рамках III-V вв. н.э.

Ирагинское блюдо, по характеру орнаментальной композиции и прежде всего чеканной отделке стенок, напоминает ахалгорийские блюда, в то же время черневым орнаментом центрального медальона близок цхинвальскому и квашхетскому блюдам. Все это как будто бы указывает на его происхождение из центра торевтики в Центральной Грузии. Однако, сосуды, найденные в Грузии, выполнены в более совершенной технике, с применением токарно-давильного станка,³²⁴ в то время как ирагинское блюдо изготовлено от руки в чисто чеканной технике, что допускала дефекты при растяжке металла. Трилистник, выполненный чернью на ирагинском блюде трактован иначе, чем на центральногрузинских блюдах. Из этого можно делать вывод, что ирагинское блюдо изготовлено местным дагестанским мастером, но хорошо знакомым с традициями торевтики Центральной Грузии. На это же указывает общая форма сосуда, близкая к сосудам Албании и отличающаяся от сосудов Грузии.

Вся орнаментальная композиция ирагинского блюда представляет собой астрологическую диаграмму. Однако, эта диаграмма передана весьма оригинально для чего приспособлен традиционный орнамент кавказской торевтики, иными словами здесь астрологическая диаграмма зашифрована в орнаменте, характерном для Центральной Грузии. Сама диаграмма основана на популярной в античном мире идее Кл. Птолемея о двойном движении планет.³²⁵ К тому же в орнаменте блюда использованы характерные для античного искусства элементы-меандровый узор и пальметки.³²⁶ Все это свидетельствует о знакомстве мастера как с традициями центральногрузинского очага искусства, так и с искусством и идеями античного мира. С последними местные мастера могли ознакомиться через Боспор. Это блюдо, вместе с блюдами из Мингечаурского могильника,

характеризует ранний этап дагестанского декоративно-прикладного искусства и прежде всего торевтики.

Среди изделий торевтики, происходящих из Ирагинской гробницы, имеется также серебряный флакон шаровидной формы (d=71 мм), состоящий из двух половинок (рис. 43а). Подробный обзор подобных флаконов сделала К.М. Скалон. Ею они разделены по особенностям формы и орнамента на несколько групп. Наш флакон близок к III группе изделий, но скорее всего занимает промежуточное положение между этой группой и пятой. Наиболее близок ирагинский флакон образцу, найденному в кургане № 20 Калиновского могильника Поволжья, датированному III в. н.э.³²⁷

Основная группа таких флаконов происходит с территории Боспора и Центральной Грузии, где, видимо, и находился центр их производства.³²⁸ Наиболее простые флаконы, по мнению К.М. Скалон, могли быть произведены местными мастерами в подражание более совершенным образцам. Как бы ни решился вопрос о месте производства ирагинского флакона, он вместе с ирагинским блюдом свидетельствует о контактах местного населения с Боспором и, возможно, Центральной Грузией. Описанные изделия, как и многие керамические формы, стали частью материальной культуры местного населения.

П. 3. 3. ДЕРЕВЯННЫЕ СОСУДЫ

Среди разнообразных сосудов, характеризующих предметы быта-встречаются образцы, изготовленные из дерева. Обломки таких деревянных округлобких мисок встречены в разрушенном погребении Сиртичского могильника. На их поверхности сохранились горизонтальные следы циркульного движения какого — то режущего инструмента, напоминающего токарный станок типа тех, какими обработаны деревянные сосуды Средней Азии-Сибири.³²⁹ Деревянные сосуды изредка встречались и в сарматских могильниках Поволжья (Сусловский могильник).³³⁰ Деревянная утварь плохо сохраняется в древних могильниках и поселениях. Тем не менее, мы имеем достоверные сведения о глубоких традициях обработки дерева в Дагестане: деревянная чаша из Чиркейского и Манасского могильников, резная доска из Кафыркумукского могильника II тысячелетия до н.э., остатки сосудов из Акярского, Шахсенгерского и Берикейского могильников конца II-начала I тысячелетия до н.э.³³¹ Поэтому при всех прослеживаемых контактах с сарматским миром, у нас нет основания связывать с внешним миром появление деревянной утвари у населения Дагестана в албанское время.

II. 3. 4. ПЛЕТЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Интересная находка плетеной корзины представлена среди погребального инвентаря Сиртичского могильника (рис. 31). Она имела овальную форму и была сплетена из тонких прутьев на основу из более толстых. Такие и более крупные корзины широко употребляют в Дагестане и в настоящее время, в частности в Табасаране. Они обычно предназначены для транспортировки и хранения фруктов и овощей. Существуют даже специальные двойные корзины для снаряжения ослов и мул. Очевидно, плетенная утварь и в албанское время употреблялась населением Дагестана. Примечательно то, что устье, в виде сплетенного пояса отмечено на кожанной торбе, найденной в той же могиле около сел. Сиртич.

Кожа в свою очередь широко применялась для производства одежды, обуви, ремней, конской сбруи, шитов, колчанов и проч. Кожей были обтянуты ножны мечей из погребений Сумбатлинского могильника.

Орудий, связанных с различными отраслями труда среди наших памятников найдено довольно много. Это, прежде всего, кремневые вкладыши составных серпов, обломки железных серпов, зернотерки, ножи, обломки ножниц пружинного типа, пряслица, оселки, иглы, шилья и т.д. Они характеризуют уровень производства, на чем подробнее остановимся ниже. Здесь же отметим, что среди наших материалов большую долю составляют пряслица, встречающиеся почти в каждом женском погребении и особенно на поселениях. В большинстве своем это керамические, костяные или каменные (алебастр, мергель, ракушечник) изделия. Их изготовляли также из стенок толстостенных сосудов. Они имеют округлые, вытянуто-сферические, полусферические, конические, усеченноконические, цилиндрические и кольцевидные формы. М.И. Пикуль заметила, что пряслица албанского времени уменьшились в размере и весе по сравнению с пряслицами предшествующих эпох.³³² Специалистами отмечено, что такие мелкие пряслица используются для прядения тонкой пряжи.³³³ Следовательно, они могут характеризовать более высокий уровень ткацкого производства.

II. 3. 5. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Среди предметов материальной культуры наиболее четко на изменения в экономике и обществе реагирует вооружение. В классовом обществе многие технические усовершенствования находят применение, в первую очередь, в военном деле. Оружие является показателем того уровня, которого достигли в данную эпоху техника, военное дело, культура народа, общество и государство. Поэтому, анализ предметов вооружения населения Дагестана албанского времени

обретает значение первостепенной важности.

Вооружение среди изучаемых материалов представлено мечами, кинжалами, копьями, а также луками со стрелами. Они часто упоминаются в античных письменных источниках.³³⁴

Наиболее важную роль среди предметов вооружения играют мечи и кинжалы, являющиеся основным наступательным оружием.

1. Из западного Дагестана (Цунтинский район) происходят четыре своеобразных обоюдоострых меча, клинки и рукоятки которых откованы из цельной железной полоски. Разведенные под углом в стороны и продольно разрезанные небольшие стержни верхней части пластинчатой рукоятки образуют антенновидные навершия, а приваренные к основанию клинка и рукоятки кусочки железа-бабочковидные перекрестья (рис. 65,1). Три экземпляра таких мечей происходят из Бежтинского могильника, один был передан Д.М. Атаеву рабочими. Их длина колеблется от 74 до 85 см, ширина основания клинка-3-5 см.³³⁵ Еще один меч, найденный нач. дорожного участка М. Аталаевым при дорожных работах в урочище Глярахотль Цунтинского района, передан нам. Клинок его обломан. Но рукоятка (дл. =11,8 см, ширина ствола=1,9 см, разворот навершия=6,4 см) и часть клинка (ширина основания=4,9 см) сохранились.

2. Среди предметов вооружения встречаются обоюдоострые мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем (рис. 44,5,6; 66,17). Их известно в Дагестане всего 6 экз. : три из Сумбатлинского могильника³³⁶ и по одному из Карабудахкентского III,³³⁷ Бежтинского³³⁸ и Калкнинского³³⁹ могильников. Все они фрагментированы, но по размерам, видимо, соответствовали аналогичным сарматским образцам-50-60 см (размеры одного Сумбатлинского меча: дл. рукоятки=13,5 см, диаметр кольца навершия-2,8 см). Рукоятки и клинки откованы из одного куска железа. Клинок имеет линзовидную форму в сечении.

В III-II вв. эти мечи появляются у сармат, а к рубежу н.э. распространяются по всему югу России.³⁴⁰ Массовое их распространение на территории Дагестана и Северного Кавказа начинается с I в.н.э. Подавляющее большинство мечей с кольцевым навершием происходит с Прикубанья,³⁴¹ меньше-с Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Мечи с Моздокского и Хасаутского могильников относятся к I в. до н.э. — II в.н.э.³⁴² Мингечаурские мечи (Азербайджан) датируются по монетам

I в. до н.э. — I в.н.э. Они явно изготовлены на месте по сарматским образцам.³⁴³ На Сумбатлинском могильнике мечи с кольцевыми навершиями найдены в комплексе с шарнирной фибулой II-III вв.н.э. К этому же времени,

видимо, относится меч из Калкнинского разрушенного погребения. Хронология бежтинского меча по сопровождающим предметам-гвоздевидной головной булавке и подвеске-определяется в пределах I в. до н.э. — II в.н.э. Обломок меча из культурного слоя Карабудахкентского могильника, видимо, также относится ко II-III вв.н.э.

Наряду с этими мечами широкое распространение получают длинные железные мечи (рис. 44,7-12; 44а, 1-8). Они представлены несколькими разновидностями.

1. Одни из них имеют плоские черенки без металлических наверший, но с короткими, тонкими перекрестьями. Их клинки в сечении имеют линзовидную форму. Четыре из них происходят из Калкнинского могильника,³⁴⁴ несколько из Бежтинского.³⁴⁵ Правда, по суммарному описанию, данному Д.М. Атаевым, трудно определить их количество и размеры. Отметим, что такие мечи характерны и для албанских памятников Азербайджана.³⁴⁶

Аналогичные мечи встречаются на огромной территории от Западной Сибири до низовьев Днепра. Мечи памятников Поволжья относятся к прохоровскому и сусловскому времени, Урала, Средней Азии и Казахстана—ко II в. до н.э. — I в.н.э., а Северного Причерноморья—к III-IV вв.³⁴⁷ На Северо-Восточном Кавказе, как и в Поволжье, они бытуют и на позднем сарматском этапе.³⁴⁸ Видимо, дагестанские мечи относятся к III-IV вв.н.э.

2. Наиболее широко распространены в памятниках Дагестана албанского времени длинные обоюдоострые мечи без перекрестий и наверший рукоятки. Лезвия их от пяты клинка до последней трети, а то и до острия идут почти параллельно друг другу. Клинки в сечении линзовидные, в основании достигают 3,5-6 см ширины. Рукоятки плавно переходят в основание клинка. Весь меч откован из одного цельного куска металла. Часто вместе с такими мечами встречаются полусферические "нуговицеобразные" навершия из халцедона. Н.И. Сокольский полагает, что у таких мечей были деревянные навершия и перекрестья.³⁴⁹ Эта точка зрения получила признание специалистов. Действительно, меч без навершия мог выскользнуть из руки, без перекрестья в битве был не удобен. Два экземпляра подобных мечей найдено на Хабадинском могильнике (один длиной 80-85 см, при длине клинка—64-65 см и черенка—15-15,5 см). На черенке одного из них отмечена форма деревянной рукоятки с уплощенным полукруглым набалдашником. Она скреплена с черенком при помощи железных штифтов. Носили их в деревянных ножнах, обтянутых изнутри полотном и отделанных сверху бронзовыми накладными пластинками. У них-у рукоятки и у острия-имелись два полукруглых выступа для прикрепления к поргупее.³⁵⁰ Шесть экземпляров таких мечей происходит из Сумбатлинского могильника. В одном погребении вместе с

обломком меча обнаружены костяная трубочка от темляка и крупная бусина (набалдашник) из зеленого стекла, в другом-ножны, отделанные тонкой бронзовой обкладкой. Длина сохранившегося меча-около 91 см; длина черенков-6,3-12 см, ширина основания клинка—3,5-4,5 см.³⁵¹ Одиннадцать мечей описываемого типа происходит из Цыйшинского могильника.³⁵² Почти все они фрагментированы, но приблизительные о размеры их таковы: длина мечей колеблется от 62 до 91 см при длине клинка 60-68 см и длине черенка-8,8-15 см; ширина клинка у основания-3,5-6 см. Шесть мечей найдено в Большом Буйнакском кургане,³⁵³ по-одному — на Тарланкакском,³⁵⁴ Карабудахкентском III,³⁵⁵ Калкнинском, Хивском³⁵⁶ и Таркинском³⁵⁷ могильниках. Один обломок подобного меча, найденный в кургане Уварова близ Дербента, хранится в Гос. музее Грузии. Известны мечи этого типа и среди албанских памятников Азербайджана.³⁵⁸

Аналогичные мечи рассматриваются для сусловского времени как типичные сарматские изделия. На Кавказ они проникают с I в.н.э. Массовое их распространение связывается с продвижением алан. С IV-V вв.у таких мечей появляются иные типологические признаки: основание клинка с рукояткой образует прямой угол.³⁵⁹ Все описанные нами мечи относятся к типам, бытовавшим в I-III вв.н.э. на огромной территории Евразии, захватывая и Северный Кавказ.

В памятниках Дагестана в единственном экземпляре представлен т.н. короткий меч без навершия и перекрестия, но с двусторонними вырезами у основания клинка (дл. =37 см, ширина у основания клинка=3-4 см). Он найден в 19 погр. Большого Буйнакского кургана.³⁶⁰ Такие мечи редки на юге нашей страны, но все же из различных памятников Северного Кавказа, Причерноморья и Украины набралась значительная коллекция.³⁶¹ Причем их наибольшее количество происходит из Северо-Западного Кавказа. Возможно, здесь и находился центр их производства, откуда данный меч и попал в Дагестан. Такие мечи датируются в пределах от II — III до VI-VII вв.н.э.³⁶² М.П. Абрамова относит комплекс Большого Буйнакского кургана, где найден рассматриваемый меч, по длинному наконечнику от пояса к IV-V вв.³⁶³

Анализ мечей показывает, что в Дагестане в употреблении были наряду с длинными всадническими мечами и короткие мечи. Значительную роль играли в вооружении и кинжалы. Они представлены двухлезвийными и однолезвийными (рис. 44,1-4).

1. Среди однолезвийных кинжалов большой интерес представляет тип с кривым серповидным клинком и плоской рукояткой, увенчанной кольцевидным навершием. Такой кинжал выявлен в погр. 40 Таркинском могильника.³⁶⁴ Аналогичные кинжалы происходят из памятников Азербайджана I в. до н.э. — I

в.н.э. (Мингечаур).³⁶⁵ Встречены они и в могильниках Грузии эллинистического времени,³⁶⁶ а также Центральных районов Северного Кавказа (Корца).³⁶⁷

2. Другой тип однолезвийных кинжалов представлен двумя одинаковыми формами, происходящими из Урцекского могильника.³⁶⁸ Они не имеют навершия и перекрестья, черенок прямо переходит в слегка изогнутый клинок (дл. первого=25,3 см, —второго=26,5 см при ширине обоих 2,6 см). Найдены в комплексе I-IV вв.н.э. (рис. 44,1-2).

Однолезвийные кинжалы характерны лишь для памятников Дагестана и Северного Азербайджана (территория Кавказской Албании), как и для всего Северного Кавказа. Эта форма оружия не характерна для другой территории сарматского мира.³⁶⁹ Да и на дагестанских памятниках обнаружено всего три экземпляра, которые относятся к двум разным типам.

3. Чаще встречаются здесь обоюдоострые кинжалы без навершия и перекрестий у рукоятей, с плавным переходом штыря к основанию клинка (5 экз.). Два кинжала происходят из Сумбатлинского могильника (мог. 8, 9). Оба имеют длину 26,3 см при длине штыря 4-4,5 см и ширине основания клинка по 4 см (рис. 44, 3, 4). Еще два экз. встречены на Цыйшинском могильнике (погр. 5а, 7). Один из них имеет длину 16 см при ширине клинка у основания 4 см, другой- 14 см при ширине клинка — 3 см.³⁷⁰ Один кинжал известен из старых раскопок около Дербента (курган "К" Уварова, хр. в ГМГ, № 18-0,2/2. 3512). Хронология этих кинжалов та же, что и у мечей без навершия и перекрестий. Они являются характерными предметами вооружения Дагестана албанского времени.

Значительную долю среди предметов вооружения составляют **копья** (рис. 45,1-13) В различных памятниках Дагестана (Таркинском,³⁷¹ Андреяульском, Маджалисском,³⁷² Карабудахкентском I ³⁷³ хивском,³⁷⁴ Сумбатлинском, Шаракунском, Хабдинском, Цыйшинском могильниках, в Большом Буйнакском кургане, на Ганзирском поселении) их встречено более 22 экз. Чаще всего они фрагментированы и их формы не поддаются определению. Среди более или менее изученных памятников известны в нескольких экземплярах: на Сумбатлинском могильнике—3 экз., на Шаракунском-5 экз, в погребениях Большого Буйнакского кургана-7 экз.³⁷⁵

1. Обращает на себя внимание тип наконечников копий с расщепленной втулкой и уплощенно-ромбовидным в сечении остролиственным пером. Они по отдельным признакам могут быть объединены в отдельные варианты. Два наконечника (из Хабдинского и Шаракунского могильников)³⁷⁶ имеют перо, составляющее 2/3 общей длины изделия (общая длина= 29-30 см). Наибольшая длина у них падает на нижнюю часть пера. Другие наконечники имеют массивные втулки с резким переходом к перу узкой формы. Такие наконечники

происходят из Шаракунского и Цыйшинского³⁷⁷ могильников, а также из Большого Буйнакского кургана. Длина пера у них составляет 1/3 общей длины изделия. Такие же пропорции имеют два наконечника из Сумбатлинского и один наконечник из Шаракунского (дл. =28 см при дл. пера 12 см и дл. втулки 16 см) могильников. У этих экземпляров наибольшая ширина пера падает на середину (около 4,5 см).

Аналогичные наконечники копий встречаются в меотских памятниках Прикубанья, однако там они атипичны и считаются закавказским импортом.³⁷⁸ Они действительно характерны для Закавказья, в том числе для албанских памятников Азербайджана³⁷⁹ и, вполне вероятно, генетически связаны с формами, характерными для памятников Закавказья и Дагестана.³⁸⁰

2. Среди изучаемых находок имеются два наконечника копий с короткой втулкой и массивным пером. Один из них происходит из Калкинского могильника. У него по середине пера проходит четко выраженное продольное ребро.³⁸¹ Другой найден в Большом Буйнакском кургане. У него ребро прослеживается значительно хуже.³⁸² Все эти наконечники встречены в комплексах III-VI вв.н.э.

3. Особую группу образуют наконечники копий с узким листовидным и без продольного ребра пером. Три экземпляра их обнаружены в Калкинском могильнике. Пропорции у них различные: перо то больше, то меньше втулок.³⁸³ Один своеобразный экземпляр происходит из Андреяульского городища. Его перо едва выделяется от линии втулки.³⁸⁴ Один наконечник подобного типа найден в Азербайджане на памятнике албанского времени.³⁸⁵ На Северном Кавказе они встречаются с IV в. до н.э. и бытуют здесь уже в сармато-аланское время. Эти копья особенно удобны для пробивания панцирей. Разные типы наконечников имеют разные размеры и особенно разные соотношения втулок и перьев, соответствующие особым функциям для которых они предназначены. Соответственно должна была колебаться и длина древков.

4. Среди коллекции вооружения имеется миниатюрный наконечник копья (дл. =13 см), повторяющий форму азербайджанских (из Шемахи и Рустова) наконечников. Он происходит из погребения I-III вв. Хабдинского могильника. У него расщепленная втулка и перо, расширяющееся к середине. Длина втулки равна длине пера.³⁸⁶

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ.

Более характерными предметами материальной культуры Дагестан албанского времени являются наконечники стрел из железа и кости. Среди них встречаются традиционно местные по своим формам и воспринятые от сармато-аланских кочевников (рис. 45,14-63).

1. К местным относятся плоские железные наконечники с коротким черешком и треугольной головкой. Они имеют опущенные острые концы, напоминающие “плошки”. Они происходят из Сумбатлинского (6 экз.), Урцекского и Бежтинского (целая серия) могильников.³⁸⁷ Обычно их размеры колеблются от 21×26 мм до 30×40 мм (рис. 45,18-23). Они часто встречаются в памятниках Северо-Восточного Кавказа предскифского и скифского времени и сделаны из кости или бронзы.³⁸⁸ Одна литейная форма для подобных наконечников найдена на Гургур-раальском поселении (Гунибский район) скифского времени.³⁸⁹ Наиболее ранние железные плошки данного типа на Северном Кавказе появляются с VI в. до н.э.³⁹⁰ На Шахсенгерском могильнике железный плошник встречен в комплексе предскифского времени вместе с бронзовым.³⁹¹ Множество бронзовых наконечников происходит из Мутерганского могильника.

Железные плошки с округлыми черешками и утолщенными в середине треугольными головками, с опущенными вниз удлиненными краями встречены на Бежтинском могильнике.³⁹² Аналогичные наконечники стрел происходят из Мингечаурского могильника.³⁹³

Все эти наконечники стрел типа “плошников” были характерны для обширной территории Кавказа, в том числе и Дагестана. С широким распространением железа они постепенно стали вытеснять бронзовые наконечники, оказывая традиционное влияние на последующее производство наконечников стрел. Среди изучаемой категории вооружения имеются наконечники с выступающей втулкой и плоской треугольной головкой с опущенными концами. Два из них найдены на Бежтинском³⁹⁴ и один — на Цыйшинском³⁹⁵ могильниках. Все они имеют небольшие размеры (около 3 см). Такие наконечники возникли скорее всего в конце I тысячелетия до н.э. на территории Дагестана. В их производстве заметно “пересечение” традиций в изготовлении наконечников с выступающими втулками и наконечников типа “плошки”.

Указанные наконечники стрел сохранились в Дагестане пережиточно и их доля среди данного вида вооружения небольшая. Чаще здесь встречаются втульчатые наконечники стрел с трехлопастными и трехгранными головками (рис. 45,24-38,62,63).

1. Трехгранные наконечники стрел встречены на Хабадинском³⁹⁶ и Урцекском³⁹⁷ могильниках; Они имеют небольшие размеры (дл. от 40 до 42 мм), головки и втулки у них одинаковой длины (по 20 мм), известны головки в виде вытянутого треугольника. Аналогичные наконечники были характерны для памятников Прикубанья, начиная с IV в. до н.э.³⁹⁸ Наибольшее распространение

на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа они получают в III-II вв. до н.э.³⁹⁹ На Хабадинском могильнике они встречены вместе с мечом без навершия и перекрестья I в. н.э.

2. Трехлопастные втульчатые наконечники стрел имеют треугольные очертания головок и лопасти, срезанные под острым углом к черешку. Размеры их небольшие (30-35 мм) при одинаковой длине втулки и головки. Встречены на Урцекском и Хабадинском могильниках⁴⁰⁰ (рис 45,27-34; 64,12).

На Северном Кавказе и Дагестане такие наконечники стрел сосуществовали с трехгранными.⁴⁰¹ Развитие формы обоих типов идет по линии заострения и удлинения головки, превращения ее в узкий треугольник.⁴⁰² Упомянутые наконечники стрел характеризуют завершающий этап эволюции. Причем, на упомянутом Хабадинском могильнике в одном комплексе встречен втульчатый и черешковый наконечники. Последний тип появляется у сармат со II в. до н.э. и становится господствующей формой вплоть до IV в. н.э. Сарматам же принадлежит ведущая роль в распространении подобных наконечников по югу Европы, в том числе на Северном Кавказе и в Дагестане в первых веках н.э.⁴⁰³

Трехлопастные черешковые наконечники стрел в Дагестане встречаются чаще других. Все они имеют треугольные головки и лопасти, срезанные под острым углом к черешку. Одни из них имеют 5-6 см длины, другие — меньше. Длина головки чуть больше длины черешка. Они найдены на Урцекском могильнике и городище (целая серия),⁴⁰⁴ Сумбаглинском (6 экз.)⁴⁰⁵, Курклинском, Карабудахкентском III (10 экз.),⁴⁰⁶ Таркинском (более 2 десятков),⁴⁰⁷ Гидибском,⁴⁰⁸ Бежтинском (около 40 экз.),⁴⁰⁹ Гапшминском,⁴¹⁰ Андреяульском⁴¹¹ и Хабадинском⁴¹² могильниках и в отдельных погребениях (№ 2,13) Большого Буйнакского кургана.⁴¹³ Один такой наконечник с обломанным черешком из кургана Комарова у Дербента хранится в Государственном музее Грузии (49/3557). Аналогичные наконечники стрел характерны и для албанских памятников Азербайджана.⁴¹⁴ Все эти формы близки к наконечникам сарматского облика, распространенным на Северном Кавказе в I-IV вв. н.э., верхняя дата которых ограничивается сменившими их в IV-V вв. наконечниками с упором в основании черешка.⁴¹⁵ Из среды длинных наконечников стрел дагестанских памятников албанского времени выделяются наконечники из погребений 4,13 и 23 Таркинского и погребения 3 раск. 1966 г. Хабадинского могильника. Их размеры меньше и треугольные головки у них имеют более широкое основание. Эти наконечники близки сарматским формам сусловской эпохи. На Таркинском могильнике они найдены в одном комплексе с арбалетной фибулой и зеркалом с боковым ушком I-II вв. н.э.⁴¹⁶

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ.

Значительную долю среди наконечников стрел составляют костяные (рис. 45, 39-61). Они имеют пирамидальные или трехгранные очертания и внутренние втулки; базы ровные или с заостренными шипами. Изредка встречаются конические (пулевидные) с ровной базой. Размеры у них, как правило, малы (дл. = от 15 до 42 мм при основании 7×8 - 6×6 мм, у трехгранных стороны колеблются в пределах 7-12 мм) и рассчитаны на небольшой лук. Очень часто такие разновидности наконечников встречаются в одном комплексе в сочетании друг с другом.

Нами учтены 52 наконечника из Урцекского, Карабудахкентского I и III,⁴¹⁷ Таркинского,⁴¹⁸ Цыйшинского,⁴¹⁹ Ленинкентского,⁴²⁰ Бавтугайского⁴²¹ могильников и ВерхнеЛабкомахинского городища (см. табл.).

Памятники	Пирамидальные		3-гранные		Ромбовидные		Конические	Всего
	с ровной базой	с шипами	с ровной базой	с шипами	с ровной базой	с шипами		
Урцекский мог.	1	6	1	4	—	—	1	13
Карабудахкентский I (скл.)	2	10	—	2	—	—	—	14
Карабудахкентский III: П-3	—	—	—	3	—	1	—	4
П-5	—	1	—	1	—	2	—	4
П-6	1	—	—	—	—	—	—	1
к/я-2	—	—	—	1	—	—	—	1
Цыйша	4	2	—	—	—	—	3	9
Ленинкент	3	—	—	—	—	—	—	3
Бавтугай	—	—	—	1	—	—	—	1
В.Лабкомахинское г-ще	—	1	—	—	—	—	—	1
Таркинский м-х	1	—	1	—	—	—	—	2
п-2	—	—	—	—	1	—	—	1
п-23	—	—	—	—	—	—	—	—
	12	20	2	12	1	3	4	54

Такие наконечники встречены в Дагестане не только среди вышеназванных памятников албанского времени, но и на памятниках скифского (Берикейский могильник) и предскифского (Маджалисский могильник) времени.⁴²² По имеющимся материалам они появились в Поволжье на ранней стадии

срубной культуры,⁴²³ а затем распространялись вместе с расселением срубных племен. Позже они встречаются среди памятников сабатиновского и белозерского типа и у киммерийских племен. Последними, видимо, они и были занесены в Крым, Подонье и Северный Кавказ, где известны в древностях поздней бронзы,⁴²⁴ предскифского и скифо-сарматского времени.⁴²⁵ Одновременно они проникли и в Дагестан.

Для всех вышеприведенных дагестанских наконечников характерны небольшие размеры. Длина самих обычных красных по цвету стрел, видимо, также была небольшой.⁴²⁶ Они явно рассчитаны на маленький, но достаточно мощный сложный лук так называемого "скифского" типа, который использовался довольно рано на обширной территории Евразии, включая Восточный Кавказ.⁴²⁷ В Дагестане, видимо, к этому времени происходит замена простых дугообразных и трапециевидных луков, известных по наскальным изображениям эпохи бронзы.⁴²⁸ При раскопках М.И. Пикуль на Хабадинском могильнике были обнаружены остатки деревянного горита, длиной 1,2 м и шириной 0,2 м⁴²⁹ Такие размеры, очевидно, были характерны для луков Дагестана албанского времени.

На Сумбатлинском могильнике найден железный крюк от колчана. Их изготовляли обычно из кожи и носили на боку. В могилах обычно встречаются один-два, реже полтора десятка наконечников стрел. Это свидетельствует о том, что стрелы в колчанах помещали в могилы чисто символически. Они не отражали той действительной роли, которую играли лучники в системе войск.

Помимо вышеприведенного наступательного вооружения важную роль в военном деле имело защитное вооружение и прежде всего доспехи, щиты и шлемы. Сведения о доспехах воинов Дагестана албанского времени скудны. Куски железной кольчуги происходят из Карабудахкентского могильника,⁴³⁰ а также из Урцекского городища и могильника (рис. 60, б).⁴³¹ На Цыйшинском могильнике встречены куски кольчуги и пластинки (чешуи) панциря,⁴³² на Андреяульском могильнике-обрывки железной кольчуги, один из которых припекся к панцирной пластинке.⁴³³ Раннесредневековые памятники дают значительно больше материала о кольчугах.⁴³⁴ Обстоятельства находок на Цыйшинском, особенно на Андреяульском могильниках, позволяют нам предположить, что употреблялись комбинированные доспехи, близкие к т.н. парфянским, сочетавшие в себе части, детали чешуйчатого панциря и кольчуги.⁴³⁵ Видимо, употреблялись и сами кольчуги. Но это относится к более позднему времени. Такая кольчуга происходит из Рустомского могильника Северного Азербайджана. Панцирные чешуи, как правило, пришивались к основкюртке, сшитой из кожи крупного рогатого животного, которая и сама

самостоятельно выполняла роль панциря. Такие кожаные панцири, как известно, являются одним из древнейших видов защитного вооружения.⁴³⁶ Они, видимо, наиболее широко употреблялись дагестанскими воинами с глубокой древности и в албанское время. В составе защитного вооружения албанских войск источники отмечают панцири.⁴³⁷ Идея усиления их металлическими пластинками и кольчужной сеткой в Дагестан, как и на Северный Кавказ, видимо, проникла извне. Такие комбинированные доспехи широко применялись в Прикубанье в первых веках н.э. и лишь со II-III вв.н.э. вытесняются кольчугами.⁴³⁸ Видимо, с этого же времени кольчуга стала господствующей формой защитного вооружения и в Дагестане.

Важнейшую защитную функцию, очевидно, выполняли шерстяные плащи в виде бурок (*Ἰσούρια*), упоминаемые Геродотом в качестве верхней одежды каспиев, которые участвовали в персидском походе Ксеркса против греков.⁴³⁹ Традиционная и излюбленная одежда дагестанцев — бурка,⁴⁴⁰ очевидно, бытовала с глубокой древности и применялась в албанское время. Так, в "звериных шкурах", в которые было одето большинство албанских воинов, встречавших Помпея у реки Аванта,⁴⁴¹ скорее всего следует видеть бурки. Вполне естественно, что непривычные к такой одежде античные авторы могли принять бурки с их лохматой поверхностью за звериные шкуры. Они не меньше, чем всякие доспехи, способны защитить от стрелы и в какой — то степени от удара меча и даже копья; одновременно бурка удобна и легка в походе, что немаловажно для маневренного боя и подвижности в сражениях.

Древние авторы высоко оценивают защитную одежду из кольчуг и бурок: если воина, облаченного в войлочный кафтан поверх кольчуги "поражали оружием, то оно не действовало, а отскакивало".⁴⁴² Такая защитная одежда во многом могла компенсировать щиты, хотя и они, видимо, имелись у албанских воинов из Дагестана. Источники античного времени упоминают о больших щитах, применявшихся албанскими воинами.⁴⁴³ Им вторят средневековые источники.⁴⁴⁴ Любопытно и то, что в составе албанских войск упоминаются "пехотные щитоносцы".⁴⁴⁵ Однако, до сих пор ни на территории Дагестана, ни на территории Азербайджана щиты не встречены. Возможно, это объясняется тем, что они делались из плохо сохраняющегося материала — из кожи и прутьев или дерева, как у многих народов.⁴⁴⁶ Правда, из кургана Уварова около Дербента происходит железный уцбон, вероятно, составлявший часть щита (хр. в Госмузее Грузии, № 3516).

Другая форма защитного вооружения — шлемы также не встречены на дагестанских памятниках албанского времени, а на территории Азербайджана найден лишь один экземпляр (могильник около сел. Нюди Ахсунского района),

сделанный из бронзы.⁴⁴⁷ Между тем, Страбон сообщает о кожаных албанских шлемах, аналогичных иберским (*περικρανα δε φηρεα παραλληλσιωστος ἰβηρσιν*).⁴⁴⁸ По всей вероятности, употреблялись как кожаные, так и металлические шлемы в зависимости от социального положения воина. На антропоморфных статуэтках, выявленных в Дагестане, на головах изображены гребенчатые и иногда конические шлемы. На одних они высокие (Арчо) и, видимо, изображают металлические, на других — низкие, кожаные.

Вооружение албан, в том числе дагестанской территории, мало чем отличалось от вооружения Армении и Иберии.⁴⁴⁹ В то же время по характеру вооружения албанские горцы очень близки северным кочевникам — сарматам.⁴⁵⁰ Соответственно, вооружение Албании, в том числе и в ее дагестанской части, находилось на высоком уровне достижений своего времени.

II. 3. 6. КОНСКАЯ УПРЯЖЬ

С военным делом и вооружением тесно связаны предметы конской упряжи, столь же чутко реагирующие на эпохальные изменения. Использование и взнуздание коня в Дагестане албанского времени имеют традиции, восходящие к предшествующему времени. Среди предметов упряжи, выявленных при исследовании бытовых и погребальных памятников, имеются удила, псалии, ворворки и разнообразные бляхи.

Все удила откованы из железа. На Сумбатлинском и Цыгшинском могильниках встречены кольчатые удила (рис. 66, 57). В их петли, образованные загнутыми наружными концами, продеты железные кольца. Аналогичные удила встречены в комплексах скифского времени на Хабдинском могильнике. Вместе с ними, по утверждению автора раскопок М.И. Пиккуль, были найдены стержневидные псалии.⁴⁵¹ Возможно, они напоминают псалии, которые нам удалось найти в погр. 2 раскопа 1966 г. вместе с кольчатыми удилами.⁴⁵² Они имели форму плоских стержней, концы которых оформлены в виде плоских дисков с отверстиями по центрам; в середине стержней имеются также отверстия в виде вытянутых четырехугольников. Аналоги этим псалиям нам не известны. Однако, трехдырчатые псалии считаются архаичными и встречаются в комплексах скифского времени. Возможно, они генетически связаны с кольчатыми удилами из Сумбатлинского могильника. На Северном Кавказе кольчатые удила появляются в I в. до н.э. и становятся ведущей формой в течение всего I тысячелетия н.э.⁴⁵³

Другие удила, встреченные на Сумбатлинском могильнике (погр. 7) имели крестовидные псалии, надетые на стержни удил у основания наружных петель. Псалии имели прямоугольную форму и прямые гладкие крестовины, длиной от

38 до 48 мм (рис. 66, 56). Аналогичные встречаются только на Северном Кавказе, в том числе Прикубанье и Подонье в III-II вв. до н.э.⁴⁵⁴

Среди упряжи имеются вогнуто-конические бронзовые ворворки, предназначенные для скрепления ремней на месте их пересечения. Одна из них найдена на Таркинском могильнике в разрушенном погребении № 35, где была и сарматоидная керамика,⁴⁵⁵ другая — на Аркаском городище⁴⁵⁶ и третья — на Хабардинском могильнике (погр. 2 раск. 3) вместе с инвентарем скифского времени и еще одной усеченно-конической смальтовой ворворкой.

Авторы находок К.Ф. Смирнов и М.И. Пикуль единодушно отмечали близость этих ворворок к скифским образцам, хотя они встречаются и у савроматов, а позже — у сарматов.⁴⁵⁷ Памятники Дагестана позволяют относить их к скифскому и албанскому времени и говорить о ранних традициях взнуздания коня. Предметы упряжи в тоже время указывают на северное направление контактов населения края.

II. 3. 7. УКРАШЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА.

Довольно выразительным историческим источником представляются украшения и предметы туалета в силу того, что многие из них являются носителями этнодифференцирующих и культуроопределяющих признаков.

1. Среди них особый интерес представляют т.н. **бежтинские пряжки** (рис. 46), которые являются яркими образцами декоративно-прикладного искусства. В настоящее время известно более 70 экземпляров таких пряжек. В основном они происходят из Цунтинского района: из окрестностей селения Бежта — 27 экз., Хупри, Тлядал, Кидеро, Китури и т.д. Но найдены также и около селений Анцух Тлярятинского района, Инхокоро и Хуштада Цумадинского района, Тлайлух Хунзахского района и Инхо Гумбетовского района.⁴⁵⁸ Помимо них в 1966 и 1971 гг. нам были переданы две пряжки, обнаруженные в окрестностях селения Кидеро и еще две, найденные при дорожных работах в урочище Тлярахотль Цунтинского района. За пределами Дагестана встречено 4 пряжки: одна найдена на Кубани, другая куплена Е. Зичи в Тбилиси,⁴⁵⁹ третья найдена в Хевсуретии (Грузия),⁴⁶⁰ четвертая — в Чечне.⁴⁶¹ Они хранятся в ГЭ, ГИМ, ГМГ, ГМИГ, Харьковском областном музее,⁴⁶² ДГОИАМ, Историко-этнографическом музее Даггосуниверситета, а также в частных коллекциях.

Начало изучения бежтинских пряжек положил Д.М. Атаев, проводивший раскопки Бежтинского могильника, где яркие образцы таких пряжек были представлены в большом количестве. Он впервые разработал классификацию бежтинских пряжек, справедливо связав их происхождение с подковообразными

кобанскими пряжками и находил общие черты в их композиции с изображениями на закавказских пряжках античного времени. Вместе с тем, Д.М. Атаев ограничивал хронологические рамки бежтинских пряжек VIII-X вв., усматривая, однако, в технике их исполнения и в стиле влияние сасанидского искусства,⁴⁶³ с чем трудно согласиться. В последние годы художественно-стилистическим и семантическим анализом бежтинских пряжек занимался М.М. Маммаев. Свои взгляды он изложил в докладах, прочитанных на научной сессии, посвященной декоративно — прикладному искусству Дагестана в ГЭ (февраль 1970 г), на заседании сектора археологии Института ИЯЛ (февраль 1973 г), в статьях, опубликованных в тематических сборниках Института ИЯЛ и монографическом исследовании. Он сначала в основном принял типологию Д.М. Атаева, а потом предложил собственную типологию, основанную на размерах изделий; подробно осветил художественно-стилистические особенности сюжетов и отдельных деталей в их динамике; дал семантику животных, расположенных по сторонам "древа жизни" и "борьбы коней", справедливо отрицая сасанидское влияние на формирование стиля бежтинских пряжек,⁴⁶⁴ высказав много ценных и оригинальных положений. Работы М.М. Маммаева имеют большое значение для правильного понимания хода развития декоративно-прикладного искусства Дагестана и формирования сюжетов этих пряжек. С 1967 г. этими пряжками пришлось заниматься и нам. Свои взгляды мы изложили в ряде работ. Помимо некоторых принципиальных вопросов была обоснована необходимость пересмотреть хронологию бежтинских пряжек, прежде всего в сторону ее углубления.⁴⁶⁵

Как правило, все пряжки ажурные, массивные, имеют выпуклую лицевую и вогнутую обратную стороны. В плане они имеют подковообразную форму и снабжены с широкой поперечной стороны петлями, а с противоположной стороны — крючком, расположенным на обороте изделия. Лицевая сторона пряжек украшена стилизованными изображениями животных. Они отличаются иконографически по характеру и степени схематизации центральной композиции, зооморфным изображениям у основания и обрамлением. Среди них довольно четко выделяется пять групп (А-Д) пряжек, отражающих последовательные этапы в развитии и становлении этих ярких образцов местного декоративно-прикладного искусства.

К первой группе (Д) относятся пряжки с наиболее реалистически исполненной центральной композицией, а также изображением головы животного еще не слитым с общим обрамлением изделия. Недавно опубликованная Д.М. Магомедовым и М.М. Маммаевым пряжка из селения Тлядал, имеет в основании стилизованное изображение головы барана или козла, у которого реалистически переданы уши, рога, условно трактована морда и

подчеркнуто гипертрофированы ноздри. О рога этого животного «опирается» обрамление пряжки с растительным древовидным узором, «ветви» которого делят пряжку на три зоны. В нижней помещена геральдическая композиция из двух, обращенных друг к другу, вздыбленных коней. Их слегка приподнятые изогнутые хвосты, обрамляют раму пряжки, а сильно подогнутые к животу передние ноги с выделенными копытами, опираются коленями друг о друга. Реалистически моделированы уши и грива. За спинами коней помещены стилизованные головы баранов с условно переданными мордами, четко выделенными ушами, рогами и увеличенно-гипертрофированными ноздрями. В двух верхних зонах помещены одинаковые композиции из чередующихся стилизованных изображений, обращенных друг против друга голов баранов (козлов) и медведей. Рога и уши животных переданы реалистически, морды условно, ноздриопять-таки гипертрофированы. Обрамление пряжки украшено растительным орнаментом и розетками.⁴⁶⁶

Вторая пряжка из того же селения Тлядал близка по стилю, изготовлена также реалистически (колл. А. Л. Млокосевич в ГЭ, инВ.№ 1741/19), хотя ее изображения более стилизованы: условно переданы морды животных, реалистически изображены уши, а ноздри гипертрофированы. Обрамление пряжки, покрытое растительным орнаментом, создает впечатление «дерева», вырастающего из головы животного «дерево» и рога слито воедино). Внутреннее пространство пряжки заполняет геральдическая композиция из двух конских фигур, расположенных по сторонам витого стержня. Фигурки коней переданы довольно реалистически. Поза такая же, как у коней вышеописанной пряжки. Только задние ноги с выделенными копытами опираются в обрамление изделия. Витой стержень, расположенный между конями, упирается верхней частью в центр широкой стороны обрамления с растительным узором (здесь он увенчан изображением розетки), а нижним — в стилизованное изображение головы животного. Кони, расположенные по сторонам витого стержня, опираются о него коленями приподнятых передних ног с выделенными копытами и словно кусают стержень раскрытыми пастьями. В целом описанная композиция передает сюжет «древа жизни». ⁴⁶⁷ Еще пять экземпляров таких пряжек происходит из Бежтинского могильника. ⁴⁶⁸

Ко второй группе (Г) относятся те пряжки, у которых головки животного подверглись дальнейшей схематизации (рис. 46,8). У голов животных в основании пряжки изображения ноздрей и ушей исчезают, а сама голова получает облик фигурного выступа со слегка обозначенными рогами, сливающимися с елочным орнаментом обрамления пряжки. В остальном эта группа близка первой тлядальской пряжке, отличаясь от нее лишь большей стилизацией.

На одной из пряжек этой группы в основной композиции между конскими фигурками помещено изображение головы медведя, а оставшееся свободное пространство позади конских фигурок, в одном случае, заполнено изображениями голов баранов, в другом-голов медведей. В зависимости от размеров, пряжки могли иметь одну, две, а то и три зоны с изображениями: одна основная с геральдической композицией и остальные фризы с изображениями ритмично повторяющихся голов, обращенных друг к другу медведей и баранов. Очертания их переданы в плоском рельефе, подчеркнута выделены бараньи рога и медвежьи уши. На лбу у медведей заметны елочные насечки (рис. 46,9).

Промежуточное положение между первой и второй группами занимают пряжки подковообразной формы, целиком заполненные тремя сюжетными поясами из изображений голов медведей, держащих в пасти головы быков или без них. Обрамление этих пряжек выполнено так же, как и у пряжек второй группы (рис. 46,9). Известны три таких пряжки: одна из них с паспортом «из Дагестана» хранится в Первобытном отделе ГЭ (колл. А. Л. Млокосевич, инВ.№ 1741-18), другая найдена на Бежтинском могильнике⁴⁶⁹ и третья, обнаруженная в Цунтинском районе, хранится в Историко-этнографическом музее Даггосуниверситета.

Третья группа (В) представлена крупными пряжками. Их отличает еще большая схематизация головы животного, помещенного в нижней части пряжки. Теперь она передана в виде короткого полуовального выступа с глубокими вырезами по краям. Рога животного целиком слиты с обрамлением пряжки. Они обозначены косыми штрихами, нанесенными на прилегающие к голове короткие отрезки обрамления пряжки, которые переходят затем в елочный орнамент, имитирующий, как отмечалось выше, «дерево» (рис. 46,5-7). В других случаях (рис. 46,5) обрамление, целиком украшенное елочным орнаментом, начинается непосредственно от выступа, изображающего голову животного. Сложна трактовка животных, изображения которых заполняют внутреннее пространство. Конские фигурки, сохраняющие традиционную позу, изображаются более вычурно. То же самое следует сказать и в отношении, разделяющего их стержня— «древа жизни». Иногда «дерево» передается в виде узкого стержня, украшенного елочным орнаментом, «вырастающим» из вычурно трактованной головы барана (или козла) с гипертрофированными ноздрями, а то в виде широкой ленты, украшенной елочным орнаментом и крупной зернью по кромке, подобно тому, как оформлено обрамление пряжки и каймы сюжетных поясов. И здесь «дерево» «вырастает» из стилизованной головы барана с преувеличенно переданными ноздрями. Сзади парного изображения коней основной композиции располагаются небольшие фигурки таких же коней, и даже в основном

повторяющие их позу. Только они обращены в противоположную сторону. Головки медведей и баранов на сюжетных поясах, сохраняя в основном свои традиции в изобразительных средствах, также становятся более вычурными и подвергаются дальнейшей стилизации. На медвежьих головах появляются изображения глаз в виде двойных окружностей, а гипертрофированные ноздри сливаются с рогами барана. Подобные ноздри можно видеть и на головах баранов. Усложняется и обрамление пряжек и сюжетных фризов, которые иногда, помимо обычного елочного орнамента, украшаются по краям линиями крупной зерни. Такой же крупной зернью обводятся и розетки, внутри которых помещаются изображения свастики или усложненного креста.

К рассматриваемой группе относятся, с нашей точки зрения и более простые экземпляры пряжек. Например, пряжка из урочища Тлярахотль Цунтинского района (рис. 46,5). Ее обрамление соответствует описанным образцам пряжек, отнесенным к первой группе, с той лишь разницей, что изображение головы животного в нижней части этой пряжки, являющееся главным признаком, положенным в основу нашего подразделения, имеет столь же схематизированный облик, что и на пряжках третьей группы. Внутреннее пространство данной пряжки из Тлярахотля заполнено геральдической композицией из симметрично расположенных и реалистически трактованных оленей. У них передние ноги выпрямлены и опираются в основу обрамления пряжки, слегка согнутые задние ноги подведены к передним и также помещены на обрамление пряжки. Копыта животного четко выделены. Непропорционально крупные головы повернуты назад и таким образом, что кончики их морд касаются крупы. Ветвистые рога раскинуты по обе стороны и образуют замкнутое пространство, внутри которого помещены сильно схематизированные изображения голов медведей, держащих в пасти головы быков.

К четвертой группе (Б) относятся пряжки, отмечающиеся большой вычурностью оформления (рис. 46,3,4). Претерпевают изменения и схематизированные изображения головы животного, расположенной в нижней части пряжки. Глубокие вырезы по краям выступа, имитирующего его голову, замыкаются, образуя на нем отверстия миндалевидной формы. Благодаря этому несколько увеличиваются и размеры выступа, приобретающего сегментовидные очертания. В его нижней части появляются розетки, а по краям — короткие выступы, описывающие снизу контуры пряжки. Вместе с косо заштрихованным обрамлением пряжек, они передают рога животного. Обрамления пряжек и каймы сюжетных фризов сохраняют прежний елочный узор, богато украшенный по краям, а иногда и по середине крупной зернью. Такой же крупной зернью выполняются и розетки. Характер изображения животных как в центральной

композиции, так и на сюжетных фризах, сохраняется прежний. Новым является лишь трактовка глаз на конских и медвежьих мордах в виде розетки, выполненная зернью. В некоторых случаях крупной зернью подчеркивается изгиб туловища и шеи у конских фигурок.

К последней, пятой группе (А) относятся пряжки, отличающиеся крайним схематизмом оформления. На месте головы животного в нижней части пряжки имеется небольшой фигурный выступ, лишенный каких-либо украшений за исключением частично заходящей розетки, помещенной в центре нижнего края пряжки. Обрамление оформлено также, как у пряжек четвертой группы. Внутреннее пространство заполнено сильно схематизированными изображениями голов оленей с ветвистыми рогами (рис. 46,1,2).

Выделенные группы должны быть учтены при разработке их типологии. Первую классификацию этих пряжек, как уже отмечалось, разработал Д.М. Атаев. Все известные ему образцы он разделил на две большие группы, в одну из которых объединил разновидности с изображениями оленей, во вторую — с изображениями парных коней в центральной композиции. В свою очередь, вторую группу он подразделил еще на три типа: к первому он отнес пряжки с парными конскими фигурами, ко второму — такие, у которых центральная композиция дополнена одной сюжетной линией с изображением голов баранов и медведей, а к третьей — те, у которых центральная композиция дополнена двумя такими же сюжетными линиями. Новые находки пряжек потребовали внести в эту классификацию коррективы. Но и наша типология может послужить основой для дальнейшей разработки типологии бежтинских пряжек, основанной на сюжете изображений. При этом необходимо учесть характер их иконографии и степени схематизации центральной композиции, зооморфных изображений в основании пряжек и их обрамлении.

Мы предлагаем разделение пряжек на три типа, различающиеся по трактовке изображенных животных. В свою очередь, в каждом из этих типов выделяются подтипы, соответствующие описанным выше группам и они отражают разные этапы в эволюции самих пряжек.

К I типу относятся пряжки с оленьим мотивом в изображении. Они по сравнению с другими немногочисленны, вследствие чего по имеющимся образцам трудно проследить путь в их эволюции. К числу наиболее ранних пряжек этого типа может быть отнесен экземпляр из Тлярахотля (рис. 46,5), соответствующий третьему этапу в эволюции бежтинских пряжек и поэтому относимых к третьему подтипу. Как выглядели пряжки первого и второго подтипа судить пока трудно. Точно также невозможно представить "оленьные" пряжки четвертого подтипа. Однако, о заключительном этапе их эволюции можно судить

по имеющимся образцам пятого подтипа, на которых (рис. 46,1,2) вместо сравнительно реалистических изображений целых фигур оленей, представлены лишь чрезвычайно схематизированные изображения только их голов.

Ко II типу относятся пряжки, центральная композиция которых образована двумя симметрично расположенными конскими фигурками, нередко сопровождаемыми одним или двумя сюжетными поясами, образованными изображениями голов медведей и баранов. К этому типу относится наибольшее количество известных ныне бежтинских пряжек. Как уже отмечалось, они подразделяются на четыре группы, которые отражают этапы в их эволюции и соответствуют четырем подтипам. Именно в этих подтипах особенно четко отражены четыре последовательных этапа развития обрамления пряжек, их постепенная схематизация и усложнение изображений в центральной части и дополнительной композиций, приобретающих вычурность по мере своего развития. Однако, нам пока неизвестны образцы, соответствующие пятому подтипу первого типа, которые должны отличаться чертами крайней схематичности зооморфных изображений (рис. 46,3,4,6,7,8,10).

К III типу относятся такие пряжки, у которых отсутствует центральная композиция, а все внутреннее пространство заполнено сюжетными поясами с изображениями медвежьих голов, держащих в пасти головы быков или баранов, или без них. Пряжки этого типа немногочисленны. Нам известны два сильно фрагментированных экземпляра (рис. 46,9). Судя по обрамлению наиболее сохранившейся из них, она занимает промежуточное положение между первым и вторым подтипами.

В целом, представление о развитии пряжек бежтинского типа в соответствии с предложенной типологией, отражает составленная нами таблица (рис. 46). Сравнивая ее с классификацией Д.М. Атаева, нетрудно убедиться, что первый и второй типы нашей таблицы соответствуют двум группам Д.М. Атаева, тогда как третий тип выделяется впервые. Дальнейшее подразделение пряжек в рассматриваемых классификациях существенно различается. Д.М. Атаев выделяет свои типы, ориентируясь, главным образом, на число сюжетных зон. Для нас эта особенность не имеет решающего значения и в основу выделения пяти подтипов положены, главным образом, изменение иконографии изображений и обрамление пряжек, сопровождаемые постепенным усложнением стиля.

Разработанная нами классификация пряжек связана с их хронологией, так как развитие их формы и стиля представляется достаточно сложным и длительным процессом. Основное внимание при освещении этого вопроса, по нашему мнению, должно быть уделено их художественно-стилистическому анализу.

Прежде всего обращает на себя внимание форма пряжек. Их вероятными прототипами могли служить дигорские пряжки подковообразной формы, украшенные объемно выполненной головкой животного, помещенной в основании изделия.⁴⁷⁰ Такие пряжки встречаются среди древностей кобанской культуры и относятся к IX-IV вв. до н.э.⁴⁷¹ Внутреннее пространство их иногда расчленено, как и на простейших бежтинских пряжках, но оно не заполнено изображениями (рис. 47,5,7). Между тем, характерным признаком бежтинских пряжек является изображение животных в расчлененных зонах.

В центральной композиции образа оленя, по-видимому, не случайно занял главное место. Как известно, олень был одним из наиболее почитаемых древними кавказскими племенами видом животных. Об этом свидетельствуют, например, часто встречаемые изображения этого животного в ритуальных и бытовых сценах, в наскальных изображениях в различных районах Кавказа, относящихся к бронзовому веку.⁴⁷² В эпоху поздней бронзы—раннего железа изображения оленей становятся одним из излюбленных мотивов художественных изделий из металла у местных племен Закавказья и Северного Кавказа.⁴⁷³ Можно допустить, что в это время данный сюжет проникает и в декоративно-прикладное искусство Дагестана. Образцом такого изделия представляется статуэтка оленя из Хосрехского святилища, где животное изображено в статичной позе с раскинутыми по сторонам головы ветвистыми рогами.⁴⁷⁴ На тлярохотлинской пряжке оленя изображены в профиль с повернутой назад головой и двумя ветвистыми рогами, круто поднимающимися вверх по обе стороны от головы, задняя часть тела (круп) приподнята, живот подобран, задние ноги подведены к передним. Эти особенности и являются признаками, характеризующими художественный стиль пластики. Они близки стилю произведений искусства колхидской и кобанской культур.⁴⁷⁵ В частности, композиция на пряжке из Тлярохотля находит себе параллели в гравированных изображениях фигур оленей на бронзовых топорах из Юго-Осетии (сел. Цоиси и погр. 131 Тлийского могильника), датированных IX-VII вв. до н.э.⁴⁷⁶ То же самое следует признать и в отношении позы стилизованной фигурки оленя, занимающей центральное место на отдельных закавказских ажурных пряжках античного времени⁴⁷⁷ и поясе эпохи бронзы из Душети (Грузия).⁴⁷⁸ Здесь, на Кавказе, как и на Ближнем Востоке, олень наряду с другими животными составляли часть геральдической композиции, центром которой является "древо жизни", как олицетворение Великой богини-матери.⁴⁷⁹

По-видимому, столь же глубокую древность имеют и изображения коней, образующих центральную композицию на бежтинских пряжках второго типа. Здесь, пожалуй, уместно остановиться на рассмотрении их традиционной позы.

В свое время Д. М. Атаев, проводивший художественно-стилистический анализ этих пряжек, рассматривая композиции с конями, располагал их длинными осями не по вертикали, а по горизонтали. Вследствие этого изображения коней центральной композиции размещались зеркально одно над другим. По-видимому, по этой причине он усматривал в позе коней состояние бессилия и обреченности,⁴⁸⁰ с чем, однако, трудно согласиться. Достаточно поместить пряжки правильно, т. е. округленными концами вниз, чтобы убедиться в том, что фигурки коней расположены геральдически одна против другой во вздыбленном состоянии. Теперь эти конские фигурки образуют такую же геральдическую композицию, какую мы уже встречали на пряжках первого типа.

Большую схожесть с рассматриваемой композицией обнаруживают парные изображения конских фигур на подковообразной пряжке из Кумбултского могильника кобанской культуры.⁴⁸¹ На ней конские фигурки тоже изображены в геральдической позе, соединены раскрытыми пальцами, что сближает их с подобной композицией еще одной пряжке из Тлярахотля (рис. 47,9). Следует подчеркнуть, что композиция из двух, стоящих на задних ногах и обращенных друг к другу, фигур животных, чаще хищных, нередко встречаются в искусстве кобанских племен.⁴⁸² Для памятников кобанской культуры характерны многочисленные скульптурные изображения коней.⁴⁸³ Характерны они и для Армении.⁴⁸⁴ Некоторые исследователи не без основания связывают происхождение такой пластики с переднеазиатским, в особенности луристанским искусством, где подобные композиции получили широкое распространение уже во второй половине II тысячелетия до н. э.⁴⁸⁵ Композиция геральдического расположения животных и птиц по сторонам "древа жизни", нередко переданного елочными насечками, как на бежтинских пряжках, встречается на древних памятниках Ближнего Востока и Кавказа. На керамике и печатях Иранского нагорья, в частности, в Сузах встречаются изображения "древа жизни" в стиле, аналогичном бежтинскому. Очень часто по их сторонам изображены животные.⁴⁸⁶ Позже эта композиция встречается не только в Иране (Зивие и т. д.),⁴⁸⁷ но и на памятниках Урарту,⁴⁸⁸ а также колхидо-кобанских культур, о чем было сказано выше. Изображение "древа" встречается на керамике Закавказья, начиная с V тысячелетия до н. э., а в Дагестане на сосудах эпохи бронзы и раннего средневековья.⁴⁸⁹ Сосуд с изображением "древа жизни" был обнаружен в захоронении калкентско-хорочоевской культуры в окрестностях сел. Дженгутай Буинакского района. Этот сюжет встречен и на керамике из раннесредневековых городищ Таргу, Озли.⁴⁹⁰ Композиция "древа жизни" передана на пряжках Дагестана албанского и раннесредневекового времени, где роль дерева выполняет язычок пряжки, а животных-зооморфные концы изделия.⁴⁹¹ Среди подобных памятников древнего

искусства Северного Кавказа следует упомянуть композицию, состоящую из дерева и двух обращенных к ней фигурок оленей, венчающую золотую диадему из кургана Хохлач, датируемую рубежом н. э.⁴⁹² Намеченные параллели подтверждают как древность рассматриваемой композиции, так указывает и на возможность ее заимствования древними дагестанскими мастерами. Однако, в основном подобные изображения на бежтинских пряжках второго типа имеют еще одну характерную деталь, а именно: стержень, разделяющий конские фигурки и значительно усложняющий всю центральную композицию. Выше уже отмечалось, что под таким стержнем обычно помещалась голова животного, а верхняя часть увенчалась розеткой. Отмеченную особенность характеризует бежтинская композиция.

Как уже отмечалось, на крупных бежтинских пряжках за основными фигурками коней помещены головы животных (барана, медведя) или цельные, но более мелкие конские фигурки. Сходная картина расположения животных наблюдается и на закавказских ажурных четырехугольных пряжках античного времени.⁴⁹³

На крупных пряжках второго типа, вдобавок к основной композиции, имеются еще одна или две зоны, заполненные чередующимися изображениями обращенных друг против друга голов животных, обычно баранов и медведей. На пряжках третьего типа все внутреннее пространство заполнено сюжетными фризами с изображениями просто голов медведей или же голов медведей, держащих в пасти головы быков. Такое же изображение медведя с головой быка в пасти помещено между рогами оленя у пряжек первого типа.

Изображения всех этих животных (баранов, быков и медведей) встречаются на территории Кавказа, в том числе и Дагестана эпохи поздней бронзы-раннего железа. Так, изображения быка встречаются среди археологических материалов Азербайджана, Абхазии,⁴⁹⁴ Грузии (Михета),⁴⁹⁵ Армении,⁴⁹⁶ характерны они и для металлопластики кобанской культуры.⁴⁹⁷ Наиболее ранняя статуэтка такого облика была найдена в Дагестане на святилище предскифского времени у селения Хосрех Кулинского района.⁴⁹⁸ Очевидно, с этого времени идеологические представления, связанные с этим животным получили здесь распространение. По имеющимся материалам трудно судить о времени появления изображений головок медведей в художественной металлопластике Дагестана. За пределами Дагестана подобные изображения также неизвестны, хотя отдельные воспроизведения медвежьих головок встречаются и в других областях Кавказа. Несколько подвесок в виде головы медведя с раскрытой пастью происходят из могильника VI в. до н. э. у селений Кызыл-Кала Карачаево-Черкессии.⁴⁹⁹ Изображения голов медведей встречаются на всех трех типах

“бежтинских” пряжек и в виде отдельных привесок. Последние иногда усложнены за счет того, что в их пасти помещены головы быков, совершенно так же как и на соответствующих сюжетах бежтинских пряжек (рис. 46,7).⁵⁰⁰ Мотив “терзания” характерен и для скифо-сибирского искусства, но по стилю отличен от дагестанского. Подобные стилистические особенности характерны для металлопластики кобанской культуры.⁵⁰¹ Следовательно все эти признаки могут быть отнесены к VII-IV вв.н.э., когда изображения с сочетанием голов животных в пасти были популярны в Дигории.

Изображения баранов и их голов на Кавказе появляются с глубокой древности, во всяком случае с середины II тысячелетия до н.э. (Брильский могильник в Грузии). Прототипами рельефных изображений головок баранов на бежтинских пряжках, вероятно, служили скульптурные изображения баранов, характерные для памятников Закавказья и Северного Кавказа в эпохи поздней бронзы-раннего железа.⁵⁰² Особенно большую близость с ними обнаруживают изображение барана на бронзовом браслете из окрестностей Хасавюрта, который датируется позднебронзовой эпохой по аналогии с браслетами из Зандакского и Серженюртовского могильников.⁵⁰³

Формирование художественного стиля бежтинских пряжек, вероятно, приходится на ранний железный век, т.е. на период от конца бытования кобанских подковообразных пряжек со скульптурными изображениями голов животных на нижней части рамок и до начала широкого распространения закавказских четырехугольных ажурных пряжек античного времени,⁵⁰⁴ с которыми мы имеем достаточно оснований синхронизировать древнейшие образцы бежтинских изделий. Если производство массивных гравированных и ажурных пряжек различных районов Кавказа в основном прекращается к началу средневековья, то в высокогорном Дагестане они продолжают бытовать и в средневековую эпоху. Причем на Бежтинском могильнике встречены не только средневековые, отличающиеся подчеркнутой вычурностью стиля, но и наиболее ранние, простейшие, реалистически исполненные зооморфные изображения. Аналогичная картина наблюдалась на Дайском могильнике⁵⁰⁵, где встречены железные птицеобразные пряжки Исти-Суйского типа (Чечня).⁵⁰⁶

Своеобразие дагестанских пряжек, определяемое с одной стороны их формой, а с другой — спецификой исполнения зооморфных сюжетов в центральной и дополнительных композициях, не находит себе аналогий за пределами отмеченных выше районов Дагестана. Это позволяет видеть в них яркое проявление местной художественной культуры с высоким уровнем металлообработки и тонким вкусом исполнителей. В описанных пряжках умело сочетаются некоторые заимствованные сюжеты и чисто местные художественные традиции, в результате

чего и был выработан неповторимый художественный стиль.

Среди дагестанских поясных пряжек албанского времени встречаются и другие самых разнообразных форм, сделанные из бронзы и железа. Они, в основном, классифицированы и проанализированы в работах М.М. Маммаева⁵⁰⁷ и М.П. Абрамовой.⁵⁰⁸ Правда, основной упор в этих работах делается на пряжки, обнаруженные на территории Урнекского комплекса и Большого Буинакского кургана, но привлекаются для сравнения находки и из других могильников края. В результате последних исследований выявлены как пряжки уже известных, так и новых типов.

2. Наиболее многочислены в памятниках Дагестана **круглорамчатые бронзовые и железные пряжки** (рис. 48,59-61,66-69,72,73,76). Они встречены на Урнекском городище и могильнике,⁵⁰⁹ Карабудахкентском I и III, 510 Хабадинском, 511 Паласасыртском, 512 Тарланкакском, 513 Цыйшинском, 514 Таркинском, 515 Мамрашском могильниках и в погребениях Большого Буинакского кургана. 516 Особо выделяются две пряжки с крупными рамками и разомкнутыми концами. Одна из них из Мамрашского могильника имеет концы, увенчанные четырнадцатигранниками (кубами со срезанными углами), другая из Цархигоцинского могильника — основание, украшенное веревочным орнаментом и концы в виде выступающих цилиндров.

В отдельных случаях круглорамчатые пряжки имеют металлические шитки (Тарки, Хабада, Урпеки).⁵¹⁷ Встречаются и сегментовиднорамчатые (Урпеки, Тарланкак, Хабада).⁵¹⁸ Они обычно рассматриваются вместе с круглорамчатыми (рис. 48,62-64).

Все эти пряжки появляются среди памятников Северного Кавказа I — III вв.н.э. и получают наиболее широкое распространение во II-V вв. Бытуют они и до более позднего времени.⁵¹⁹ Это не означает, что круглорамчатые пряжки изготовлялись в ремесленных центрах, расположенных за пределами Дагестана. Круглорамчатые с шитом пряжки датируются II-III вв.н.э.

3. Литые бронзовые **пряжки с несомкнутыми зооморфными концами** (рис. 48,57,58) известны из памятников, расположенных в различных районах Дагестана: Урпеки — 9 экз.,⁵²⁰ Ботлих — 2 экз.,⁵²¹ Хабада — 1 экз.,⁵²² Карабудахкент — 1 экз.,⁵²³ Сумбатли — 1 экз.,⁵²⁴ Цыйша — 2 экз.,⁵²⁵ Калкни — 1 экз.⁵²⁶ Они рассматриваются как образцы, характерные для дагестанской материальной культуры I-V вв.н.э. и употребляются до XII в.⁵²⁷

4. **Пряжки-скульпгамы** (рис. 57,54,55) также довольно широко представлены в памятниках Дагестана. Они, как правило, изготовлены из бронзы и железа, найдены на Урнекском,⁵²⁸ Карабудахкентском I и III,⁵²⁹ Новолакском,⁵³⁰ Бежтинском⁵³¹ могильниках и в погребениях Большого

Буйнакского кургана.⁵³² Имеются они и среди случайных находок (Карата и др.)⁵³³ Наиболее ранние сюльгамы на территории Северного Кавказа встречаются с конца I тысячелетия до н.э. — начала I тысячелетия н.э.⁵³⁴ В Дагестане они известны в комплексах I-III вв. н.э. и раннего средневековья.

5. Встречаются в Дагестане и плоские **пряжки в виде кольца с шестью трапециевидными выступами-лопастями по краям** (рис. 48,71). Они происходят из Урпекского,⁵³⁵ Карабудахкентского III,⁵³⁶ Хабдинского,⁵³⁷ Бежтинского⁵³⁸ и Цыйшинского⁵³⁹ могильников. Еще одна такая бляха была обнаружена около селения Карабудахкент при строительных работах,⁵⁴⁰ несколько экземпляров хранится в ДГОИАМ.⁵⁴¹ Все эти находки укладываются в хронологические рамки I-III вв. н.э. и раннего средневековья. Подобные пряжки наиболее характерны для финно-угорских памятников I-V вв. н.э. и свидетельствуют о контактах населения Дагестана I-III вв.⁵⁴²

6. Среди наших пряжек имеются **литые треугольные** образцы с язычками, прикрепленными к основанию. Они найдены в Большом Буйнакском кургане (в погр. 24 III в. н.э.),⁵⁴³ на Сумбатлинском,⁵⁴⁴ Галлинском, Урадинском, Бухтинском⁵⁴⁵ могильниках. Об облике пряжек из Урадинского и Бухтинского могильников приходится судить по аналогиям, приведенным Д.М. Атаевым. На галлинской пряжке отмечаются треугольные выступы на концах. Возможно, она представляет собой переходную форму к треугольным пряжкам.⁵⁴⁶ Поверхность Сумбатлинской пряжки украшена перловым орнаментом. Такие пряжки не известны за пределами Дагестана.

Среди пряжек изредка встречаются плоские, пластинчатые с четырехугольными рамками, углы которых заканчиваются выступающими четырехугольниками (Цыйша-рис. 48,74), круглые с тремя вырезами вокруг центрального отверстия с концами в виде ромбовидных выступов, заключенных в полумесяцы. (Цыйша, Калкни).⁵⁴⁷

Среди украшений имеется несколько экземпляров **блях** умбовидной формы с петлей на обороте. Центральная часть у них свободна от орнамента, по краям украшены ажурным узором из “бегущих” спиралей, заключенных в круги в виде шнурового узора и перло. Они имеют в диаметре 5-6 см. Две бляхи происходят из Шаракунского (погр. 14,74),⁵⁴⁸ одна — из Урпекского (у нее ажурный узор вместо “бегущих” спиралей),⁵⁴⁹ и несколько — из Черкескутанского (случайные находки из разрушенных могил) могильников. Аналогичные бляхи характерны для кобанских памятников Северного Кавказа VI-IV вв. до н.э.⁵⁵⁰ В Дагестане они, как видно, использовались и в албанское время.

Одним из излюбленных видов женских украшений албанского времени были **браслеты**. Они представлены на дагестанских памятниках этого времени

разнообразными формами (рис. 50).

1. Наиболее многочисленны браслеты из круглой проволоки с разомкнутыми концами (рис. 50,1-14). У браслетов из Карабудахкентского⁵⁵¹, Таркинского,⁵⁵² Урпекского⁵⁵³ и Мамрашского могильников, а также Большого Буйнакского кургана⁵⁵⁴ и кургана № 2 (раск. А. Русова, хр. в Госмузее Грузии) формы равномерно круглые. Такие же браслеты встречаются на памятниках Азербайджана античного времени.⁵⁵⁵ Подобные, довольно простые браслеты широко представлены среди древностей Дагестана как предшествовавшего,⁵⁵⁶ так и последующего средневекового времени.⁵⁵⁷ Характерны они и для сопредельных территорий.

2. Среди разомкнутых браслетов встречаются образцы с утолщенными концами (Хабада, Тарки,⁵⁵⁸ Урпеки,⁵⁵⁹ Мамраш — рис. 50,10). Найдены они и на албанских памятниках Азербайджана II-I вв. до н.э.⁵⁶⁰ Еще более известны они и для средневековья Дагестана.⁵⁶¹ Характерны они и для памятников Северного Кавказа и Северного Причерноморья, начиная с I в. н.э.⁵⁶²

3. На Цархигошинском могильнике встречены браслеты с утолщенными разомкнутыми, четырехугольными в сечении концами и вогнутостью в середине (3 экз. — рис. 50,13,14). Аналогичные браслеты обнаружены на албанских памятниках Азербайджана рубежа I в. до н.э. — I в. н.э.⁵⁶³ В это же время они встречаются на Северном Кавказе.⁵⁶⁴ Подобные браслеты появляются в Грузии в V в. до н.э. и доживают до I тысячелетия до н.э., причем на памятниках начала I тысячелетия н.э. они встречаются довольно часто.⁵⁶⁵

В этой группе имеется и небольшое число браслетов с разомкнутыми суживающимися концами (Карабудахкент I,⁵⁶⁶ Хабада,⁵⁶⁷ Мамраш.⁵⁶⁸ Они чаще всего встречаются на памятниках средневековой эпохи.

4. Довольно большую группу составляют браслеты с заходящими концами. В основном они сделаны из овальной или круглой в сечении проволоки, происходят из Хабдинского,⁵⁶⁹ Карабудахкентского I⁵⁷⁰, Урпекского,⁵⁷¹ Мамрашского (рис. 56,10; 63,25,26) могильников, погребений Большого Буйнакского кургана,⁵⁷² а также раннесредневековых могильников края. Такие браслеты имеют широкий ареал распространения: Крым, Северный Кавказ, Закавказье.⁵⁷³

5. Бронзовые браслеты из круглой проволоки, концы которых привязаны к дужке спиральными оборотами концов (рис. 50,15-18,20) происходят из Цархигошинского (4 экз.), Карабудахкентского I (3 экз.),⁵⁷⁴ Хабдинского (1 экз.)⁵⁷⁵ и Новолакского (1 экз.) могильников. Характерны они и для албанских памятников Азербайджана первых веков н.э.⁵⁷⁶ Они получают распространение на памятниках Северного Причерноморья, начиная со II-I вв. до н.э. В это же

время они появляются в Грузии и на Северном Кавказе.⁵⁷⁷ характерны они и для памятников Европы первых веков н.э. (Румыния, Венгрия, Югославия, Австрия, Германия и др.).⁵⁷⁸ В Дагестане и Азербайджане они встречаются также в комплексах первых веков н.э. Т.Н. Висоцкая считает их латенскими украшениями.⁵⁷⁹ Независимо от того как решится вопрос об очаге их производства, они свидетельствуют о широких торгово-экономических контактах народов на рубеже н.э. Независимо от этого, их можно считать частью местной материальной культуры.

Серьги представляют собой характерный вид женских украшений. Среди наших материалов особенно выделяется пара, выявленная на Мамрашском могильнике. Первая сережка состоит из трех элементов-шаровидного основания, цилиндрической с рельефным узором срединной части и петлевидным верхом. Вторая сережка в добавок к этим деталям имеет конический низ и шаровидное основание у нее несколько вытянуто (рис. 48,45,46; 63,18,19).

Височные подвески представлены разнообразными формами и типами.

1. Традиционные круглые или овальные образцы с заходящими концами (рис. 48,39,47-51). Они свернуты из круглой проволоки, концы которых расплющены и заострены. В Дагестане встречаются со II тысячелетия до н.э.⁵⁸⁰ На наших памятниках они представлены на Карабудахкентском I,⁵⁸¹ Урцекском,⁵⁸² Хабадинском,⁵⁸³ Мамрашском, Цыйшинском,⁵⁸⁴ Цархигоинском, Новолакском,⁵⁸⁵ Шаракунском⁵⁸⁶ и др. могильниках.

2. Височные подвески в виде кольца с расходящимися концами (рис. 48,36,37,40). Встречены на Хабадинском, Карабудахкентском, Тарланкакском, Новолакском, Урцекском, Сумбатлинском и Гапшиминском могильниках, в погребениях Большого Буйнакского кургана. Они изучались М.И. Пикуль и М.М. Маммаевым.⁵⁸⁷ Определенное внимание им уделили В.Г. Котович, Р.М. Мунчаев и Н. Д. Путинцева.⁵⁸⁸ Их выводы о том, что такие привески возникли в Дагестане в середине I тысячелетия до н.э. и в несколько измененном виде бытовали здесь в албанское время, не вызывает сомнения. Среди наших подвесок действительно встречаются разновидности с длинными и короткими концами. На Хабадинском могильнике в погребении VI-V вв. до н.э. встречены привески с длинными концами, а в погребении албанского времени — с укороченными концами. На подвесках из Карабудахкентского, Тарланкакского и др. могильников албанского времени можно видеть укороченные концы. Производились, вероятно, в Дагестане и отсюда в процессе торгово-экономических контактов попадали в весьма отдаленные регионы (Чечни, Нижнего Поволжья и т.д.).⁵⁸⁹

3. Конические подвески, свернутые из тонкой металлической пластинки. Они входили в сложный комплекс украшений и ожерелий. Их изготавливали из

бронзы и железа (рис. 56,6; 63,8,16). Такие подвески (2 экз.) найдены в каменной гробнице (№ 4) Сиртичского могильника. Бронзовые изделия происходят из Барикейского могильника⁵⁹⁰ и Верхнеабкомахинского городища.⁵⁹¹ Очевидно, они бытовали здесь в скифское и албанское время. За пределами Дагестана они не известны.

4. На Бежтинском могильнике обнаружена треугольная ажурная подвеска с сильно стилизованной зооморфной головкой и обрамлением, украшенным растительным орнаментом (рис. 48,42). Аналогичные подвески, только с кольчатой головкой и колокольчиками в основании, опубликованы из погребений I тысячелетия н.э. Юго-Осетии.⁵⁹²

5. В древностях Дагестана в довольно большом количестве встречаются разнообразные зооморфные подвески и колокольчики (рис. 48,17,34,22-24,31,32). Очень часто они связаны цепочками. Такие украшения получили достаточно полное освещение в работе М.М. Маммаева.⁵⁹³ Новые находки, в том числе из наших раскопок, лишь дополняют уже известные типы. Подобные подвески широко представлены среди одновременных памятников Северного Кавказа и Восточной Европы.⁵⁹⁴ Разнообразные ажурные колокольчики были характерны для памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа.⁵⁹⁵ Встречаются они и на кобанских памятниках Северного Кавказа.⁵⁹⁶ В это же время они были весьма популярны и в Дагестане.⁵⁹⁷

Одними из характерных видов украшений у населения Дагестана албанского времени являлись головные булавки, представленные самыми разнообразными формами.

1. Наиболее своеобразными являются ложковидные бронзовые головные булавки с заостренными стержнями. Последние иногда бывают железными. Они встречаются на ограниченной территории плоскостного Дагестана: на Карабудахкентском I,⁵⁹⁸ Урцекском⁵⁹⁹ и Черкескутанском (рис. 48,1-4) могильниках албанского времени.

2. Большую группу образуют г-образные головные булавки с отверстиями на расширении. По характеру оформления головки и отверстиям выделяется несколько разновидностей:

- а) с головкой в виде простого стержня (Карабудахкент I мог.);⁶⁰⁰
- б) с расширяющимися кверху головками (Новолакский,⁶⁰¹ Урцекский,⁶⁰² Сиртичский, Карабудахкентский I⁶⁰³ могильники);
- в) с шаровидной головкой и резко выраженным расширением, образующим круг около отверстия на стержне (Сиртич, Бежта, Шаракун);⁶⁰⁴
- г) с кубовидной головкой и отверстием на стержне, проделанном в таком же кубе (Мамраш—рис. 48,20). Одна булавка из Шаракунского могильника (рис.

48,19) с таким же отверстием в кубе имеет головку в виде витого стержня.⁶⁰⁵ Булавки с шаровидными и кубовидными головками характерны для албанских памятников Азербайджана.⁶⁰⁶ Все эти разновидности головных булавок генетически связаны с гвоздевидными булавками Закавказья, Северного Кавказа и Дагестана скифского и предскифского времени.⁶⁰⁷

д) булавки с раскованными и свернутыми в кольца головками (рис. 48,5-11). Некоторые из них сделаны из круглой проволоки, некоторые из раскованной четырехгранной. Найдены они на Карабудахкентском⁶⁰⁸, Урцекском,⁶⁰⁹ Сиртичском (рис. 48,4а-11) и Шаракунском могильниках албанского времени. Встречались они и в Дагестане скифского и предскифского времени,⁶¹⁰ а также в древностях Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы.⁶¹¹ Е.И. Крупнов считает, что они могли выполнять функции проколов.⁶¹² На Сиртичском и Мугерганском могильниках мы их обнаружили в системе целого комплекса украшений, соединенных с пепочками.

е). Несколько особняком находится головная булавка из Шаракунского могильника с усеченно-конической, украшенной поперечными полосками головкой и круглым стержнем без орнамента (рис. 48,18).

3 Кольца из круглой в сечении проволоки, свернутые в спираль в 3,5 и более оборота. Диаметр их колеблется от 1,7 до 2 см. Встречены они на Шаракунском,⁶¹³ Сиртичском, Урцекском,⁶¹⁴ Карабудахкентском⁶¹⁵ могильниках албанского времени, а также на Андреяульском городище.⁶¹⁶ Они известны для Дагестана скифского и предскифского времени.⁶¹⁷ Наиболее характерны такие кольца для памятников кобанской культуры,⁶¹⁸ а позже—для скифских памятников IV-III вв. до н.э.⁶¹⁹

Фibuлы в Дагестане, в основном, привнесенные. Отдельные из них, встреченные на Таркинском могильнике, охарактеризованы Е.И. Крупновым⁶²⁰ и К.Ф. Смирновым.⁶²¹ При классификации и интерпретации фибул юга Европейской части СССР их привел А.К. Амброз.⁶²² Позже были фибулы, найденные на Урцекском могильнике рассмотрены М.М. Маммаевым,⁶²³ а фибулы, найденные на Большом Буйнакском кургане—М.П. Абрамовой.⁶²⁴ Интерес к фибулам объясняется теми возможностями, которые они дают для освещения контактов населения Дагестана с внешним миром. В то же время они стали частью материальной культуры коренного местного населения Дагестана албанского времени.

1. Наиболее многочисленны в Дагестане так называемые раннеримские шарнирные дуговидные фибулы (5 группа по А.К. Амброзу). Они представлены образцами типа "Авцисса", с треугольной спинкой и с круглой спинкой.

Две фибулы типа "Авцисса" найдены на Цархгоинском могильнике у

селения Тидиб Шамильского района (рис. 49,7,8). Очаг их производства находится в Галлии или Северной Италии, откуда, видимо, и проникали в Северное Причерноморье, Северный Кавказ и Закавказье.⁶²⁵ Картографирование находок позволяет очертить линию, связывающую Северное Причерноморье (Боспор) с Азербайджаном через Дербентский проход. Дагестанские находки представляются промежуточным звеном этой линии связи. Все они датируются первой половиной I в. н.э.

2. В Дагестане сделано много находок фибул с выступом на конце ножки (4 тип 5 группы по классификации А.К. Амброза. См. рис. 49,1-6,9-11). Вариант с треугольной спинкой происходит из Карабудахкентского I и III (погр. II-III вв. н.э.),⁶²⁶ Урцекского⁶²⁷ и Сумбатлинского⁶²⁸ могильников, а вариант с круглой спинкой — с Карабудахкентского III,⁶²⁹ Урцекского,⁶³⁰ Сумбатлинского⁶³¹ могильников, погребения № 26 Большого Буйнакского кургана⁶³² и из окрестностей Хунзаха.⁶³³ Все эти фибулы датируются II-III вв. Одна фибула из Карабудахкентского могильника (погр. 73) имела дужку равномерной ширины.⁶³⁴ Она аналогична дунайским фибулам второй половины I в. н.э. Аналогичная фибула встречена в Азербайджане в комплексе I в. до н.э. — I в. н.э.⁶³⁵

3. Встречены в Дагестане и сильно профилированные фибулы причерноморских типов (II группа по А.К. Амброзу) с боковой бусиной на головке и крючком для тетивы (рис. 49,12-14,17-20). Они представлены двумя разновидностями. У одних приемник начинается сразу же от задней бусины и имеет короткую спинку (Карабудахкент III,⁶³⁶ Андреяул⁶³⁷), у других спинка более длинная (Тарки,⁶³⁸ Карабудахкент III,⁶³⁹ Большой Буйнакский курган,⁶⁴⁰ Бажиган⁶⁴¹). Датируются они II-III вв. н.э. Эти фибулы встречаются на памятниках Северного Кавказа и Азербайджана (Мингечаур).⁶⁴²

4. Среди фибул из Дагестана имеются и пружинные с гладким корпусом и с кнопкой на конце пластинчатого приемника (12 группа по А.К. Амброзу). Они представлены вариантом с выпуклой спинкой (Карабудахкент III, погр. 5)⁶⁴³ и вариантом с приемником равномерной ширины (Тарки, погр. 33).⁶⁴⁴ Первая фибула датируется II-III вв. н.э., вторая найдена в I в. н.э. Встречаются они в Крыму и на Северном Кавказе,⁶⁴⁵ очертив линию связей мира античного Причерноморья с Дагестаном.

5. Встречаются в Дагестане и лучковые подвязанные проволочные, одночленные фибулы (рис. 49,26,28) с круго спускающейся к пружине дужкой (Тарки,⁶⁴⁶ Карабудахкент,⁶⁴⁷ Урцеки⁶⁴⁸). Все они происходят из комплексов II-III вв. н.э. Несколько к более позднему времени относятся лучковые подвязные фибулы с треугольной ножкой, найденные в кургане, раскопанном А. Русовым у Дербента (кург. 5) и на Паласасыртском могильнике.⁶⁴⁹ Наибольшее

количество этих фибул происходит из Северного Причерноморья, встречаются они и на Северном Кавказе, связывая конечный пункт находок в Дагестане с Боспорским центром.⁶⁵⁰

Судя по количеству и разнообразию, фибулы прочно вошли в быт населения Дагестана. Трудно выделить типы местного производства. В основном фибулы, видимо, привозные. Картографирование соответствующих типов очерчивает единую, каждый раз повторяющуюся линию, связывающую Северное Причерноморье с Дагестаном и Азербайджаном.

Приблизительно такие же результаты дали исследования зеркал, встречаемых довольно часто в Дагестане. Только на памятниках интересующего нас круга их более полсотни. Часто они разбиты. Одни из них имеют боковое ушко, другое — петли в центре обратной стороны. П. Рау считал первые кавказскими по происхождению, вторые — сибиро-китайскими.⁶⁵¹ Т. К. Книпович рассматривала первые из них как местные, генетически связанные с древними зеркалами юга нашей страны.⁶⁵² А. М. Хазанов выводил ту же категорию зеркал из Сибири, вторые считал возникшими в Поволжье под влиянием зеркал с боковым ушком.⁶⁵³ Эту точку зрения не разделяет М. П. Абрамова. Внутри зеркал «подвесок» она выделяет три варианта, первый из которых (с валиком по краям и коническим утолщением в центре обратной стороны диска) считает позднекобанскими по происхождению.⁶⁵⁴ Специальную статью посвятили происхождению зеркал с боковым ушком В. Б. Виноградов и В. А. Петренко, предложившие свою схему развития зеркал от образцов с валиком по краю и коническим утолщением в центре (VIII тип по А. М. Хазанову).⁶⁵⁵

Хронологическое и историко-культурное определение получили зеркала из Таркинского и Карабудахкентского могильников в статьях Е. И. Крупнова⁶⁵⁶ и К. Ф. Смирнова⁶⁵⁷ и Урпекского могильника в статье М. М. Маммаева.⁶⁵⁸

1. **Зеркала**, изготовленные из бронзы или чаще всего из биллона с валиком по краю, коническим утолщением в центре и боковой ручкой с отверстием, в Дагестане представлены довольно многочисленными вариантами. Наиболее архаичным является зеркало из погребения № 5 Карабудахкентского могильника (рис. 51,1). По аналогии с сарматским зеркалом из Зубовского кургана, оно отнесено К. Ф. Смирновым к I в. до н.э. — I в. н.э.⁶⁵⁹ А. М. Хазанов ошибочно отнес это зеркало к VIII типу с боковой ручкой-штырем.⁶⁶⁰ В. Б. Виноградов и В. А. Петренко включили то же зеркало в группу т. н. зеркал-подвесок, отметив, однако, его близость с зеркалами с боковой ручкой-штырем, с которыми, по их мнению, оно генетически связано.⁶⁶¹ Другие зеркала из Карабудахкентского I (6 экз.),⁶⁶² Таркинского,⁶⁶³ Сумбатлинского,⁶⁶⁴ Урпекского⁶⁶⁵ и Андреяульского⁶⁶⁶ могильников имеют облик завершенного типа с обычным

диаметром около 6-7 см. Аналогичные зеркала широко распространены в I-II вв. н.э. на Северном Кавказе и в Поволжье, еще шире — в разных регионах Евразии.⁶⁶⁷ Они, как правило, лишены орнамента (рис. 51,1,2). Только со II в. н.э. на обороте этих зеркал появляется орнамент, связанный с сарматскими тамгообразными знаками и декоративными мотивами.⁶⁶⁸ Так, на зеркалах из Сумбатлинского могильника изображен квадрат (рис. 51,8), из Урпеков — у квадратного знака углы оформлены в виде завитков (рис. 51,10), из Карабудахкентского III могильника (погр. 73) — крест заключен в фигуру из четырех, симметрично расположенных дугообразных завитков, обращенных к наружному ободку (рис. 51,9). На зеркалах из Сумбатлинского, Карабудахкентского I и Андреяульского могильников можно видеть рельефные линии, радиально расходящиеся к ободкам от центрального конического утолщения (рис. 51,5-7). На зеркале из погр. 18 Карабудахкентского I могильника имеется гаммированный знак из пяти завитков (рис. 51,3).

Зеркала с подобными орнаментальными мотивами встречаются на обширной территории Евразии.⁶⁶⁹ Часть из них приведена в работах Э. И. Соломоник и В. С. Драчука в составе сарматских тамгообразных знаков.⁶⁷⁰ Зеркала с изображением квадрата и его вариантов происходят из памятников Поволжья⁶⁷¹ и Северо-Восточного Кавказа,⁶⁷² с изображением радиальных линий, соединяющих коническое утолщение в центре с ободком на краях, найдены в Неаполе скифском (хр. в ГИМ, № 25825) и в Поволжье.⁶⁷³ Гаммированные знаки в виде радиально расходящихся завитков встречены на зеркалах из Чечни.⁶⁷⁴ Все они — и квадрат, и радиально расходящиеся линии, и гаммированные знаки, рассматриваются как тамги.⁶⁷⁵ Очевидно, тоже самое относится к крестовидным изображениям, и к зигзагу по кругу. Такие изображения на зеркалах бытовали до конца III в. н.э.

В конце II в. н.э. на смену зеркалам-подвескам приходят другие — с петлей в центре обратной стороны и ободком по краю (рис. 51,13-17). В Дагестане они найдены на Карабудахкентском III,⁶⁷⁶ Паласасыртском,⁶⁷⁷ Урпекском,⁶⁷⁸ Верхнечирюртовском,⁶⁷⁹ Галлинском, Урадинском,⁶⁸⁰ Ирагинском⁶⁸¹ могильниках и в погребениях Большого Буйнакского кургана, в курганах, раскопанных А. Русовым около Дербента (кург. Уварова № 12/3518, Комарова — № 3537), как и в других могильниках III-X вв. н.э. Все они украшены различными кругами, радиальными линиями, дуговидными фигурками и т. д. В основном эти зеркала датируются IV-X вв.⁶⁸² и выходят за пределы нашей темы. Отметим лишь одно беспаспортное зеркало, хранящееся в фондах Института ИАЭ Дагестанского научного центра РАН (рис. 51,13). На нем изображены три знака в виде трехконечного креста с изогнутыми концами. Аналогичный знак начертан на

мраморном льве № 1, найденном в Ольвии (хр. в Санкт-Петербурге, ГЭ, №17833). Данный памятник в целом относится к первым векам н.э.⁶⁸³ Встречен подобный знак и на хорезмийских монетах, чеканенных правителями индо-хорезмийской династии, правившей в III в.н.э.⁶⁸⁴ Имеется он и на сосуде из Рустомского могильника Азербайджана. Видимо, ее появление в Дагестане и Азербайджане можно связать с влиянием аршакидов.⁶⁸⁵ В Причерноморье и в Хорезме выявлены и другие сходные знаки, по которым С. П. Толстов устанавливает связи между Боспором и Хорезмом.⁶⁸⁶ Это позволяет уточнить дату нашего зеркала в пределах III-IV вв.н.э. Одним из ранних следует также считать зеркало из погр. 13 Большого Буйнакского кургана⁶⁸⁷ с орнаментом, аналогичным изображению на зеркале I-II вв.н.э. Карабудахкентского I могильника (рис. 51,17).

II. 3. 8. 2. КУЛЬТОВЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Среди предметов материальной культуры имеются шесть женских терракотовых статуэток. Они происходят из 15 погребения Шаракунского могильника. Некоторые из них разбиты. Все оказались безголовыми. На статуэтках акцентированы грудь и шея, украшенная ожерельем. Оно передано точками. Такие же точки иногда группируются в отдельных местах бюста (рис. 53,1-6). Аналогичные статуэтки встречаются в Азербайджане, особенно в Исмаилинском районе (около сел. Моллаисаклы, Гаджиатамлы, Галагах) и в Мингечауре (рис. 53,7-9).⁶⁸⁸ Они разделены Ф. Л. Османовым по стилизации изображения на три группы, из которых нашим статуэткам особенно близки по облику и орнаментации статуэтки второй группы. Он же устанавливает связь азербайджанских статуэток с антропоморфной пластикой Передней Азии.⁶⁸⁹ Позже в статье, написанной в соавторстве с И. Алиевым уточнены эти связи и дано указание на парфянскую пластику. В районе селения Моллаисаклы, где сосредоточены антропоморфные статуэтки, ваннообразные погребения почти без вооружения, они локализируют культовый центр мигрировавших с юга во II в. до н.э. Михранидов из парфяно-атропатенского рода.⁶⁹⁰ С парфянским влиянием, видимо, связаны и терракотовые статуэтки из Мингечаура и Шаракунского могильника.

Среди антропоморфной пластики Дагестана, имеющей давние традиции, выделяется небольшой горельеф женской головки из голубовато-серого халцедона, найденная в окрестностях селения Ерси Табасаранского района. Само изображение выступает от плоского, отполированного сзади основания с продольным и поперечным отверстиями (d=4-8 и 3-6 мм, h=37,5 мм, ширина—28 мм у ушей-рис. 52). Горельеф передает образ сравнительно молодой женщины, изображенной в фас. Черты круглого широкого лица строгие. Губы небольшого рта сжаты.

Уплощенный подбородок немного сдвоен. Нос с заметной горбинкой выделен переносицей. Особенно характерна сложная прическа: часть волос собрана на темени в гребень, образуя с двух сторон проборы, от которых локоны стянуты вниз и свернуты в узлы над ушами. Для изображения характерна мягкость моделирования, четкость деталей лица и прически, необычайно выразительны глаза. Высота переносицы, крыльев носа и верхней губы имеют одинаковые размеры, как и ширина глаз и расстояние между ними (рис. 53,10а, б). Все эти признаки характерны для эллинистической скульптуры. Сам горельеф передает черты лица восточного типа, во многом сходные с чертами известного портрета боспорской царицы Динамии-внучки Митридата Евпатора.⁶⁹¹

Обработка камня отличается особым изяществом и тонкостью. Само изделие скорее всего происходит из эллинистических производственных центров и представляло собой вставку в какое-то драгоценное украшение типа новочеркасской диадемы.⁶⁹² Для нас эта находка интересна как предмет, связанный с культурными импульсами, исходящими из Передней Азии.

Таковы погребальный обряд, погребальные сооружения и предметы материальной культуры, анализ которых позволил нам выяснить их характер, определить истоки и пути формирования культуры, показать традиции и инновации. Многие элементы материальной культуры, воспринятые из сопредельных или отдаленных культур местным дагестанским населением были приспособлены к местным нуждам и стали составной частью собственно-местной культуры.

1. Башикиров А. С. Изучение памятников старины, с. 233-240; Исаков М.И. Исчезнувший город в Дагестане, с. 156-157.

2. Бредз К. А. Новые исследования на Сулаке//Тез. докл. на научной сессии ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, по В. археологии Дагестана. Махачкала, 1957, с. 22-28; Пикуль М.И. Ук. соч., с. 151-153; Канивец В.И. и др. Об археологических исследованиях... (Отчет); Путинцева Н. Д. Отчет о работе II Бавтугайского отряда...

3. Котович В.Г. Новые данные..., с. 154-156; Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульское городище//Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 128-139; Кудрявцев А.А. Город, не подвластный векам, с. 141; Его же. Древний Дербент. М., 1982; Абакаров А.И., Гаджиев М.Г. Нижнечуглинское городище, с. 94-114; Их же. Исследования раннесредневековых укрепленных поселений, с. 108-132; Гаджиев М. С. К вопросу о месторасположении..., с. 144-152.

4. Котович В.Г. Новые данные..., с. 155; Их же. Ук. отчет за 1960 г.;

Их же. Ук. отчет за 1961 г.; *Их же.* Ук. отчет за 1962 г.; *Их же.* Ук. отчет за 1963 г.

5. *Котович В.Г.* О процессе урбанизации..., с. 78-93; *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С. М.* Работы в Прикаспийском Дагестане, с. 153-154; *Их же.* Археологические работы..., с. 4.

6. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений..., с. 108-132; *Гаджиев М.Г., Абакаров А.И.* Раскопки Охлинского городища, с. 116-117; *Их же.* Первые итоги..., с. 6-8; *Их же и Магомедов Д. К.* Исследования в горном Дагестане, с. 448-449.

7. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 137-144; *Казиев С. М., Бабаев И.А.* Раскопки древней Кабалы// Археологические открытия 1967 г. М., 1968, с. 317-319; *Халилов Дж. А.* Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании//СА, 1962,1, с. 209-220; *Его же.* Первые итоги археологических раскопок в поселении Хыныслы// МКА, Баку, 1965, т. 6, с. 78-90; *Его же, Оруджев А. Ш., Алиев А.А.* Раскопки древней Шемахи// Арх. и этногр. изыскания в Азербайджане (1973). Баку, 1974, с. 35-39; *Их же.* Археологические исследования в древней Шемахе и в Кубинском районе // Арх. и этногр. изыскания в Азербайджане (1974). Баку, 1975, с. 37-43; *Халилов Дж. А., Бабаев И.А.* О городах древней Кавказской Албании // СА, 1974,4, с. 98-109; *Бабаев И. А.* Античная черепица Кавказской Албании// СА, 1974,2, с. 48-59; *Гусейнова Л. Г.* Раскопки на античном городище Кабала//Арх. и этногр. изыскания в Азербайджане (1974). Баку, 1975, с. 43-46.

8. *Магомедов М.Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения..., с. 7.

9. *Котович В.Г.* Новые данные..., с. 155.

10. *Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам, с. 31-43.

11. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений, с. 123.

12. *Давудов О.М.* Итоги первого года раскопок..., с. 8-9.

13. *Котович В.Г., Котович В.М.* Археологические исследования на городище Таргу// Мат. сесс., посВ.итогам эксп. исследований в Дагестане в 1978-1979 гг. Тез. докл.). Махачкала, 1980, с. 5-7; *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С. М.* Археологические работы..., с. 3-6; *Котович В.Г. и др.* Некоторые итоги..., с. 9-11.

14. *Шелов Д. Б.* Танаис-потерянный и найденный город. М, 1967, с. 81; Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984, с. 201.

15. *Котович В.Г.* О процессе урбанизации..., с. 78-93.

16. *Мокроусов С.В.* Материальная культура..., с. 9.

17. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Нижнечуглинское городище, с. 94; *Их же.* Исследования раннесредневековых укрепленных поселений..., с.

109-111, 120-129;

18. *Котович В.Г.* О некоторых особенностях расселения..., с. 9-10.

19. *Мокроусов С.В.* Ук. соч., с. 9.

20. *Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б. М.* Городище Таргу// Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 64-67; рис. 4; 5; 6; 7.

21. *Магомедов М.Г.* Древние и средневековые оборонительные сооружения..., с. 7-8.

22. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследования раннесредневековых укрепленных поселений..., с. 128.

23. *Там же,* с. 110.

24. *Кудрявцев А.А.* Древние поселения на Дербентском холме, с. 86, 91, 92. См. также: *Мокроусов С.В.* Этапы развития..., с. 81; *Его же.* Материальная культура..., с. 7-8.

25. *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с. 25-49.

26. *Котович В.Г., Котович В.М., Салихов Б. М.* Городище Таргу.

27. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент, с. 59.

28. *Давудов О.М.* Итоги первого года раскопок..., с. 8-9; *Его же.* Раскопки на Верхнелабкомахинском городище, с. 122-123.

29. *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура кумыков XIX-XX вв. Махачкала, 1960, с. 83-84; *Исламмагомедов А.И.* Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX-XX вв. // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР. сер. историческая. Махачкала, 1965, т. XIV, с. 257-282; *Канивец В.И.* Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 г. // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР. Махачкала, 1957, т. III, с. 158; *Котович В.Г.* Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана, с. 76-77.

30. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.)//МИА, 1960, 78, с. 33, 159, 160; рис. 9, 8.

31. *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 116, 117.

32. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 123.

33. *Халилов Дж. А.* Раскопки на городище Хыныслы..., с. 209; *Его же.* Первые итоги археологических раскопок в поселении Хыныслы, с. 82; *Его же.* Поселение на холме Сарытепе// СА, 1960, 4, с. 68.

34. *Ханмагомедов С. О.* Дербент. Горная стена. Аулы. Табасарана. М., 1979, с. 238-242.

35. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 78-88.

36. *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, с. 80; *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. — Л., 1958, т. I, с. 578 и сл.

37. *Оппенгейм А. Л.* Древняя Месопотамия (Портрет погибшей цивилизации). Пер. с англ. М. Н. Ботвинника. Послесловие М. А.

Дандамасва. М., 1980, с. 116.

38. *Котович В.М.* Верхнегунибское поселение-памятник эпохи бронзы горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III-II тысячелетия до н.э. Махачкала, 1965, с. 44, 24-27; *История Дагестана*, т. I, с. 44, 55-56.

39. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 208-225; *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 226-272; *Его же.* О некоторых итогах..., с. 151-161; *Его же.* Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 гг., с. 83-96; *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 167-219.

40. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 39-49, 95-98; *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 54-73; *Магомедов М.Г.* Погребальные сооружения хазар// *Материалы археологии и древней истории Северной Осетии.* Орджоникидзе, 1975, т. III, с. 67-71.

41. *Гаджиев М. С.* Об одной особенности..., с. 59-60; *Его же.* К социальной интерпретации..., с. 44-58.

42. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии// *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т., 21, с. 313.

43. *Там же*, с. 93.

44. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 167-219.

45. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 205-225; *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 226-272.

46. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 135-166; *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 25-37.

47. *Давудов О.М.* Археологические работы в горах Дагестана, с. 100-101; *Его же.* Раскопки Сумбатлинского могильника, с. 126-127; *Его же.* Сумбатлинский могильник-памятник материальной культуры..., с. 213-214; *Его же.* Сумбатлинский могильник, с. 108-129.

48. *Его же.* Погребальный обряд населения Южного Дагестана..., с. 53-57.

49. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 72-73.

50. *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с. 53-77; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии М., 1985, с. 101.

51. *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // *МИА*, 1958, 68, с. 52-53; *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура// *МИА*, М., 1969, 122, с. 33-35; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 51-54.

52. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 100; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 101-104.

53. *Круглов А. П.* Ук. соч., с. 52-53; *Канивец В.И.* Миатлы-новый памятник бронзового века в Северном Дагестане// *МАД*, Махачкала, 1959, т. I, с. 31-59; *Исаков М.И.* Талгинский могильник// *КСИИМК*,

1957, вып. 67, с. 130; *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане, с. 157-164; *Ее же.* Дагбашский могильник// Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1961, т. IX, с. 19-22; *Марковин В.И.* Ук. соч., с. 30; *Котович В.Г.* Мискинбулакский могильник // *Памятник эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане.* Махачкала, 1978, с. 77-96.

54. *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган, с. 65.

Виноградов В.Б., Марковин В.И. Могильник "Яман-су"..., с. 153-205; *Их же.* Могильники сарматской эпохи у селений Балан-су и Байтарки: (Юго — Восточная Чечня)// *АЭС ЧИ НИИ ИЯЛ*, Грозный, 1969, т. III, с. 37-67; *Петренко В.А.* Погребальный обряд населения Юго-Восточной Чечни в III в. до н.э. — IV в. н.э. как этнический показатель// *Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа.* Грозный, 1979, с. 27-34.

56. *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа// *МИА*, 1962, 106, с. 102, 103, 121, 122; *Его же.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII веках// *СА*, 1973, 2, с. 73.

57. *Аракелян Б. Н.* Гарни II. Ереван, 1957, с. 13-22; *Алиев И., Алиев В.Г.* О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР// *СА*, 1976, 1, с. 178-187.

58. *Там же*, с. 81-86.

59. *Нечаева Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе// *Исследования по археологии СССР.* Л., 1961, с. 151-159; *Ее же.* Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин// *Этническая история народов Азии.* М., 1972, с. 267-292; *Ее же.* Могильник Алханкала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1956, с. 18; *Марковин В.И.* Склепы эпохи бронзы из сел. Эгикал в Ингушетии // *СА*, 1970, 4, с. 83-94; *Абрамова М.П.* Катакомбные и склеповые сооружения Юго-Восточной Европы: (середина I тысячелетия до н.э. — первые века н.э. // *Археологические исследования на юге Восточной Европы.* Тр. ГИМ.М., 1982, вып. 54, с. 9-19.

60. *Давудов О.М.*

61. *Гаджиев М. С.*

62. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 176-183.

63. *Там же*, с. 186-187.

64. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 112-116, 126, 127.

65. *Котович В.Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г.

66. *Давудов О.М.* Археологические работы в горах Дагестана, с. 100.

67. *Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана, с. 63, 80, 4.

68. *Смирнов К.Ф.* Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г. Архив ДГОИЯМ, с. 77-78; *Миклашевская Н. Н.* Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана// *МАД*,

Махачкала, 1959, т. I, с. 188-189.

69. *Артамонов М.И.* Отчет о работе Северокавказской экспедиции в Дагестане в 1937-1938 гг. Махачкала, 1938, РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, д. 33, с. 18-53.

70. *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана// МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 271-282.

71. *Пикуль М.И.* Итоги археологических разведок в Южном Дагестане. Махачкала, 1959. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 100.

72. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата. М., 1983, с. 213

73. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 133-143.

74. *Там же*, с. 145-147.

75. *Путинцева Н. Д.* Отчет о работе II Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС. Махачкала, 1958. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 83, с. 178.

76. *Смирнов К.Ф.* Агачкалинский могильник..., с. 113-119; *Он же.* Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 гг., с. 83-96.

77. *Нечаева Л. Г., Кривицкий В.В.* Погребение скифского времени у с. Берикей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 136-144; *Давудов О.М.* Берикейский могильник скифского времени// Там же, с. 128-135.

78. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 135-137; рис. 24.

79. *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган, с. 60.

80. *Там же*, с. 69-71; *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 201.

81. *Там же*, с. 169-188.

82. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 135.

83. *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 60-62.

84. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 55-56.

85. *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 69.

86. *Трапи М.М.* Труды. Сухуми, 1969, т. II, с. 156.

87. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники близ села Карабудахкент (Дагестанская АССР)// МИА, 1958, 68, с. 158-162.

88. *Там же*, с. 160.

89. *Мунчаев Р.М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М. 1981, с. 207-209.

90. *Миллер Вс.* О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе // Этнографическое обозрение. СПб, 1911, 1-2, с. 125-129.

91. *Страбон.* XI, 9, 3, 8.

92. *Уваров А. С.* Курганы с расчленением близ Дербента // Тр. V Арх. съезда. М., 1887, с. 67; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 55-56.

93. *Уваров А. С.* Ук. соч., с. 73-74.

94. *Трапи М.М.* Ук. соч., с. 159-161; *Званба С.Т.* Этнографические этюды. Сухуми, 1955, с. 67-68.

95. *Назаров Ф.* Записки о народах Средней Азии в 1813 г. СПб, 1821, с. 14.

96. *Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. Баку, 1921, с. 14.

97. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 201.

98. *Атаев Д.М.* Археологические исследования в Дидо// СА, 1961, 1, с. 288.

99. *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 60-62, 69-72.

100. *Гаджиев М. С.* Об одной особенности..., с. 59-60; *Его же.* К социальной интерпретации..., с. 44-58.

101. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа: (VIII-VI вв. до н.э.). М., 1977, с. 100-101.

102. *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982, с. 29.

103. *Там же*, с. 44.

104. *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977, с. 82-83.

105. *Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939, с. 280-282.

106. *Страбон.* XI, XIV, 14; *Ксенофонт.* Анабасис. Кн. IV, гл. VII, 16; Кн. V, гл. IV, 17.

107. *Исмизаде О. Ш.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, с. 17-60; *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 62; *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с. 53-106.

108. *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники..., с. 156-157; *Котович В.Г.* Археологические работы в горном Дагестане// МАД. Махачкала, 1961, т. II, с. 30-31; *Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969, с. 112; *Он же, Магомедов Р. Г.* Новые материалы по погребальному обряду эпохи бронзы Дагестана// Мат. сесс., посв. итогам экс. иссл. ИИЯЛ в 1982-1983 гг. Махачкала, 1984, с. 3; *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 59-60.

109. *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ..., с. 56; *Крупнов Е.И.* Каякентский могильник-памятник древней Кавказской Албании// Тр. ГИМ. М., 1940, Вып. II, с. 8; *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности, с. 39.

110. *Абрамова М.П.* Нижнеджулатский могильник, с. 5; Табл. II.

111. *Ефанов Ю. П.* Кобяковский грунтовый могильник и вопрос о его этнической принадлежности// Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, табл. 9; *Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983, с. 56.

112. *Дьяконова В.П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975, с. 148-150.

113. Там же, с. 148-150.
114. *Смирнов К.Ф.* Савроматы: (Ранняя история и культура сарматов). М., 1964, с. 92-93.
115. *Его же.* Сарматские племена Северного Прикаспия, с. 97-114; *Его же.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии// ВССА. М., с. 200-219; *Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н.э. — I в.н.э. (По материалам Нижнего Поволжья. Суловский этап)/СА. 1959,1, с. 54-57; *Ее же.* Сарматские погребения Дона и Украины. II в. до н.э. — I в.н.э. //СА, 1961,1, с. 91-100; *Ее же.* Нижнедзулатский могильник, с. 5-13; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 41-65, 71-87, 93-104; *Ефанов Ю. П.* Ук. соч., с. 136-143; *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 11; *Кореняко В.А., Максименко В.Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона//СА, 1978,3, с. 167-182; *Максименко В.Е.* Ук. соч., с. 56-59.
116. *Богданова Н. А.* Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму//Тр. ГИМ.М., 1982, вып. 54, ч. II, с. 36.
117. *Обельченко О.В.* Кую-Мазарский могильник//Тр. Инс-та ист. и археологии АН УзбССР. Ташкент, 1956, вып. VIII, с. 52-54.
118. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М., 1881, ч. I, с. 132; *Его же.* Осетинские этюды. М., 1882, ч. II, с. 294-295; *Его же.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // ЖМНП, Спб., 1882, ч. ССХХII, 8, с. 203-204; *Калоев Б.А.* Обряд посвящения коня у осетин//Докл. на VII международном конгрессе антропологических и этнографических наук.М., 1964; *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1976, с. 42.
119. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 105.
120. *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с. 16,17.
121. *Мацулевич Л. А.* Аланская проблема и этногенез Средней Азии//СЭ, 1947, VI-VII, с. 131.
122. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1964, с. 158-161.
123. *Анисимов А. Ф.* Этапы развития первобытной религии.М. — Л., 1967, с. 122-126.
124. *Далгат Б.* Первобытная религия чеченцев//Терский сб. Владикавказ, 1893, Вып. III, кн. 2,
125. *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности..., с. 106.
126. *Гольмстед В.В.* О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества//Пробл. истории докапиталистического общества. Л., 1935, 5-6, с. 37-42.
127. *Смирнов К.Ф.* Ук. соч., с. 91.
128. *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 114-115; *Мошкова М.Г.* Происхождение..., с. 11.
129. *Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н.э. — I в.н.э., с. 54.
130. *Максименко В.Е.* Ук. соч., с. 56-59.
131. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 61, 64, 99, 101; *Петренко В.А.* Об одной из разновидностей сарматской культуры посуды на среднем Тереке // СА, 1980, I, с. 8.
132. *Абрамова М.П.* Нижнедзулатский могильник, с. 5-6; табл. I.
133. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 102; *Его же.* Савроматы, с. 33-43; *Его же.* Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 162; *Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н.э. — I в.н.э., с. 55; *Ее же.* Нижнедзулатский могильник, с. 7; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 61, 64.
134. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 259.
135. *Пикуль М.И.* Дагбашский могильник, с. 303.
136. *Ефанов Ю. П.* Ук. соч., с. 133; *Смирнов К.Ф.* Сарматы-огнепоклонники// Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 157; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 59.
137. *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ..., с. 58, 59; *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности..., с. 39, 40.
138. *Пикуль М.И.* Раскопки на Сулаке в 1955 г. //МАД, Махачкала, 1959, т. I, с. 160, 161; *Ее же.* Дагбашский могильник, с. 303; *Ее же.* Мутерганский могильник //МАД. Махачкала, 1972, т. III, с. 41; *Котович В.М.* Мискинбулакский могильник//Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 87; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 57.
139. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 259.
140. *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 182-183.
141. *Пикуль М.И.* Хабдинский могильник, 143-146.
142. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 27-28.
143. *Смирнов К.Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия, с. 238, 259.
144. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 127.
145. *Его же.* О генезисе некоторых форм мечей и кинжалов на Кавказе // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 66; рис. I-A.
146. *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант//САИ.М., 1977, вып. В 2-5, с. 24.
147. *Смирнов К.Ф.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье//СА, 1957, т. XXVII, с. 215.
148. *Даниленко В.Н.* Э.неолит Украины: Этноисторическое

исследование. Киев, 1974, с. 102.

149. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 131-136.

150. *Смирнов К. Ф.* Савроматы, с. 100-103; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 55-68; *Грязнов М. П.* Аржан. Л., 1980, с. 25-43, 46-50; *Ильинская В. А.*, *Тереножкин А. И.* Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев, 1983, с. 63, 65, 68, 117, 214; *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983, с. 61.

151. *Анфимов Н. В.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья // КСИА, М., 1947, вып. XVI, с. 148 и сл.

152. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 183.

153. *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 143.

154. *Шульц П. П.* Мовзолей Неаполя скифского О. М., 1953, с. 63, 67.

155. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА, М., 1959, 60, с. 316; *Его же.* Савроматы, с. 102.

156. *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // ВССА, М., 1954, с. 222; *Ефанов Ю. П.* Ук. соч., с. 138-143.

157. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962, 106, с. 53.

158. *Миллер Вс.* Значение собаки в мифологических верованиях // Древност. И. М., 1876, т. VI, с. 4-195; *Миллер А. А.* Изображение собаки в древностях Кавказа // Известия РАИМК, 1933, вып. 2, с. 287-324; *Мещанинов И. И.* Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа // Записки Коллегии востоковедов. 1925, т. I, с. 241-256; *Чурсин Г. Ф.* Культ собаки у кавказских народов // Бюллетень Кавказского историко-археологического инст-та. Л., 1929, 5, с. 20; *Бардавалидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 47, 52, 53; *Вирсаладзе Е. Б.* Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976, с. 83-90; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977, с. 173-174.

159. *Крупнов Е. И.* Новый памятник..., с. 222-224; *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 259-268.

160. *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 148-166; *Ее же.* Эпоха раннего железа..., с. 114-172.

161. *Маммаев М. М.* К характеристике металлообрабатывающего ремесла..., с. 189-224; *Ее же.* Зооморфные пряжки..., с. 219-222; *Его же.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени: (по материалам раскопок Урцекского городища в 1960-1964 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1970, с. 3-20.

162. *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА, 1979, 2, с. 31-50; *Ее же.* О пережитках культу

двойной секиры в раннесредневековом Дагестане // Тр. ГИМ. АС. М., 1966, вып. 40, с. 89-96; *Она же.* О керамике с зооморфными ручками // СА, 1969, 2, с. 69-84; *Ее же.* Большой Буйнакский курган, с. 54-73; *Ее же.* Буйнакский курган, с. 115-143; *Ее же.* Магомедов М. Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 123-141; *Магомедов М. Г.* Керамика Северо-Восточного Дагестана хазарского времени // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 62-77; *Его же.* Образование Хазарского каганата. М., 1983, с. 107-154; *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 105-134; *Ее же.* Из опыта классификации керамики, с. 40-61.

163. *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам, с. 62-65; *Его же.* О новой хронологии древнего Дербента, с. 175-179, 181-184; *Гаджиев М. С.* Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени // Древние промыслы, ремесла и торговля в Дагестане. Махачкала, 1982, с. 47-72.

164. *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре..., *Его же.* Раскопки на Верхнелабкомахинском городище..., с. 122-123; *Его же.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974; *Его же.* Сумбатлинский могильник, с. 113-124.

165. *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982, с. 55-56.

166. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 58; рис. 25, 1-8; *Котович В. Г.* Ук. соч., с. 57-59; рис. 7, 8-12, 25-31, 50-54, 59-62, 72-80; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Археология СССР. М., 1982, вып. В 2-5, с. 74-75; табл. XLVIII, 9.

167. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 209; рис. 3, 216, 101; 10, 211; 21, 389; 22, 392; 33, 37; 37, 19.

168. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 58-59; рис. 25, 9-15; *Его же.* Археологические разведки в восточных районах Чечни // КСИА, М., 1963, вып. 93, с. 65; рис. 23, 14, 15; *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение..., с. 173; рис. 59, 2; *Ее же.* Минкинбулакский могильник, с. 89; рис. 4, 4; *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969, с. 121, 122; рис. 6, 10, 8, 3; 20, 17; 27, 10, 18; *Погребова М. Н.* Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД, Махачкала, 1961, т. II, с. 114, 115; рис. 9, 3; *Пикуль М. И.* Дагбашский могильник, с. 306-308; *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.* Могильник "Яман-су", с. 155, 58; рис. 5, 14; 7, 6, 7; *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 20, 21; рис. 2, 3, 4; 3, 2.

169. *Дандамаев М. Д.*, *Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 43-47.

170. *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.,

1977, с. 85.

171. *Крупнов Е.И.* Древняя история ..., с.; *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры // САИ. Археология СССР. М., 1982, Вып.

В 2-5,

172. *Гиришман Р.* Иран и миграции индоарийцев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 140-143.

173. *Грантовский Э. А.* "Серая керамика", "расписная керамика" и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 245-271.

174. *Хлопин И. Н.* К происхождению культуры серой керамики раннего железного века Ирана // Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюзного симпозиума, посв. 60-летию образования СССР. Ереван, 1982, с. 143-145.

175. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 42.

176. *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 107-113; *Ее же.* Из опыта..., с. 40-61.

177. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 219-221; рис. 11,8; *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 235-237, 240; рис. 19,5; 20,4-6,12; 21,3.

178. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 236, 260; рис. 17,1,2; с. 235; рис. 20,3.

179. *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 176-183; рис. 21,249; 22,346; 19; 20; 21; 22.

180. *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 123; рис. 10,1.

181. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 153,156,158; рис. XI, 27,28; XIII, 2,4,5,8,10,16,19,25,30,31,64.

182. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 190,191; рис. 35,62,76,77.

183. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 42; рис. 6,1-31; *Джинджихашвили Г.И.* Кувшинные погребения I в. до н.э. — I в.н.э. из могильника "Сакарауло Сери" // Археологические памятники Кавтисхеви. Тбилиси, 1980, с. 59; табл. XLI, 4; XLIII, 11; *Накаидзе Н. Л.* Кувшинные погребения могильника "Дачрилеби" IV-III вв. до н.э. // Там же, с. 41; табл. XXX, 2; XXXVIII, 24; *Берадзе Э. Г.* Грунтовые погребения раннеантичного периода "Касраант Мицеби" // Там же, с. 27; табл. XI, 5; XIII, 1; *Николашвили В.В.* Памятники античного периода из Дигомского ущелья // Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, 1978, вып. I, с. 104; табл. 47,30; 48,36.

184. *Крупнов Е.И.* Древняя история..., с. 194,264-265.

185. *Тушишвили Н. Н., Амиранашвили Дж. Ш.* Археологические раскопки в зоне строительства Алгейского водохранилища //

Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1982, с. 68; табл. XXVIII, 42.

186. *Гветадзе Д. П.* Грунтовые погребения позднебронзового и раннежелезного периода могильника "Сакарауло Сери" // Археологические памятники Кавтисхеви. Тбилиси, 1980, с. 13; табл. III, 3.

187. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 188; рис. 33,47.

188. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 128-129; рис. 3,17.

189. *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 123; рис. 10.

190. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 41; рис. 6,3-5,11,12,25,29.

191. *Кобаидзе Л. Н.* Археологические памятники Иорского ущелья. II Могильники Ркинис Кало. Тбилиси, 1978, табл. IX, 9-4; XVII, 196; XXXV, 260,265; XXXVII, 286; XXXIX, 310,312.

192. *Гмыря Л. Б.* Из опыта классификации..., с. 57; табл. 2.

193. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 47,72,81,82,86; рис. 14,2-5; 21,1; 30,1; 37,9; 39,2; *Гмыря Л. Б.* Ук. соч., с. 59. Там же литература.

194. *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре. Альбом кувшинных погребений. Баку, 1960, табл. XIV, 7,8.

195. *Берадзе Э. Г.* Ук. соч., с. 27; табл. XI, 5; XVIII, 5; *Накаидзе Н. Л.* Ук. соч., с. 41; табл. XXXV, 2;

Кобаидзе Л. Н. Ук. соч., табл. IX, 93; XVI, 55; XXXV, 265; XXXVII, 287; LIV, 557; XLIV, 371; LIV, 557; *Абрамишвили Р.М., Гигуашвили Н.И., Кахиани К. К.* Археологические памятники Гмахевистави. Тбилиси, 1980, с. 202; рис. 88,137; 112,214.

196. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент, с. 96-97.

197. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с.

198. *Абрамова М.П.* Нижнеджудатский могильник, с. 94,42; рис. 3,70; 11,30.

199. *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА, М., 1959,60, с. 469,477; рис. 55,6; *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // Там же, с. 44,150; рис. 1,15; 51,2.

200. *Там же*, с. 200.

201. *Шилов В.П.* Ук. соч., с. 469.

202. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 34.

203. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 236-237; рис. 22,3.

204. *Там же*, с. 237; рис. 17,3,11,15; 22,3.

205. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 183,184; рис. 26,323-333.

206. *Казиев С. М.* Ук. соч., с. 22; табл. XXI, 4,9.

207. *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира

- первых веков нашей эры. Киев, 1975, с. 78; табл. XVI, 53; XVII, 19; XVIII, 5, 2. 208. *Казиев М. С.* Ук. соч., с. 22; Табл. XXI, 3.
209. *Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. // МИА, М., 1970, 155, с. 82-144.
210. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 33-34; рис. 9, 8.
211. *Dyson R.* Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu // Journal of Near Eastern studies. Chicago, 1965, fig. 71-Сиалк, Зивие.
212. *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, с. 225, 226; рис. 79, 80; *Кигурадзе Н.* Дапнарский могильник. Тбилиси, 1976, с. 49; табл. XII, 3; *Гогадзе Э. М., Панцхава Л. Н., Дариспанишвили М. В.* Работы Носири-Мухурской археологической экспедиции в 1974-1975 гг. // Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1977, V, с. 60-64; табл. X, 23-26; *Барамидзе М. Б.* Мерхеульский могильник. Тбилиси, 1977, с. 78; табл. III, 49; *Берадзе Э. Г.* Грунтовые погребения раннеантичного периода могильника "Касраант-Мицеби" // Археологические памятники Кавтисхеви. Тбилиси, 1980, с. 27; табл. XVI, 7; XXII, 1.
213. *Мошкова М. Н.* К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. М., 1980, вып. 162, с. 49.
214. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 76; рис. 29, 3.
215. *Абрамова М. П.* К вопросу о связях..., с. 39; рис. 4, 4-6.
216. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 208.
217. *Иессен А. А., Пиотровский Б. Б.* Моздокский могильник. Л., 1940, с. 16, 17; табл. VI, 1, 2; *Давудов О. М.* О генезисе некоторых форм мечей и кинжалов..., с. 63-66; рис. 1-в, 29, 33.
218. *Крупнов Е. И.* Новый памятник..., с. 216; рис. 9, 1, 2; *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 235, 237; рис. 19, 3, 4; 22, 2.
219. *Смирнов К. Ф.* Ук. соч., с. 263; *Его же.* Новые данные..., с. 117; *Его же.* Савроматы, с. 122.
220. *Абрамова М. П.* К вопросу о связях..., с. 46-47.
221. *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 115; рис. 6, 1-3, 9-12.
222. *Мошкова М. Г.* К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. М., 1980, вып. 162, с. 46-47; рис. 1, 1-13; *Абрамова М. П.* К вопросу о связях..., с. 39-42; рис. 5, 5-13.
223. *Абрамова М. П.* Ук. соч., с. 42.
224. *Кобаидзе Л. Н.* Ук. соч., с. 71-72; табл. IX, 8; XIII, 29; XXV, 252-2; XXXVII, 286; L, 496; LI, 508.
225. *Казиев С. М.* Ук. соч., с. 22; табл. XX, 2.
226. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок боспорской экспедиции 1935-1940 гг. // МИА, М., 1952, 25, с. 293; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА, М.,

- 1959, 69, с. 295, 200; рис. 73, 1; *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.) // МИА, М., 1961, 98, с. 67, 68; табл. XVI, 5; XXIX, 3.
227. *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* Ук. соч., с. 134, 135; рис. 1, 9; 3, 4, 18; 6 (кувшины); *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 114, 115; рис. 5, 9, 10.
228. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 115, 116; рис. 1, 2.
229. *Ее же.* К вопросу о связях..., с. 47.
230. *Маммаев М. М.* Из истории..., с. 333-350.
231. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 233, 234; рис. 21, 1а, б.
232. *Скалон К. М.* Изображения животных на керамике сарматского периода // Тр. ГЭ. ОИПК. Л., 1941, т. I, с. 173-218.
233. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 175; рис. 10, 207.
234. *Там же,* с. 179, 183; рис. 22, 279; 24, 273.
235. *Дитлер П. А.* Меотский могильник в карьере Майкопского кирпичного завода 2 // Сб. трудов по археологии Адыген. Майкоп, 1977, с. 87; табл. III, 3.
236. *Крупнов Е. И.* Новый памятник..., с. 214, 215; рис. II, 1.
237. *Его же, Мерперт Н. Я.* Курганы у станции Мекенской // ДЧИ. М., 1963, с. 22; рис. 8, 1; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 44; рис. 12.
238. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 37; рис. 13, 3; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 37, 480; рис. 53, 15; прим. 331-334; *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н.э. — I в. н.э., с. 59; рис. 1, 11.
239. *Анфимов Н. В.* Земляные склепы..., с. 153-154; рис. 56; *Его же.* Меотские поселения Восточного Приазовья // КСИИМК, М., 1950, вып. XXXIV, с. 91; рис. 25, 2.
240. *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н.э. — I в. н.э., с. 59; прим. 37.
241. *Корпусова В. Н.* Бікошічні посудини перших століть нашої ери а Причорномор'я // Археологія. Кив, 1971, 3, с. 75-82.
242. *Там же,* с. 82.
243. *Абрамова М. П.* Ук. соч., с. 59.
244. *Там же,* с. 52-71.
245. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел. Иловатка..., с. 254-256; рис. 3, 10; с. 283-284; рис. 30, 3; *Абрамова М. П.* Ук. соч., с. 57; рис. 1, 2.
246. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 263.
247. *Исмизаде О. Ш.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956, с. 51; табл. III, 1, 2.
248. *Давудов О. М.* Культуры Дагестана..., с. 61; рис. X, 1.
249. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 182; рис. 21, 359; *Его же.* Археологические исследования..., с. 238, 268; рис. 20, 7.

250. *Его же*. Грунтовые могильники..., с. 178; рис. 21, 245.
251. *Казиев С. М., Голубкина Т. И.* Об одном кувшинном погребении // Изв. АН АзССР. Баку, 1949, 3, с. 75; табл. I, 1.
252. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА, М., 1951, 23, с. 160, 166, 172, 174; рис. 1, 8; 4, 6; 5, 10; 8, 10.
253. *Гайдукевич В. Ф.* Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмикае // КСИА, М., вып. 95, с. 30; рис. 9, 3; *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса I-IV вв. н. э. Харьков, 1970, с. 91; рис. 9, 4, 5; *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса таврического I-IV вв. н. э. Киев, 1982, с. 67, 68; рис. 40, 4-6; 43, 1-3.
254. *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник, с. 119, 120, 127, 128; табл. III, 7.
255. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 268; рис. 20, 3, 6; *Его же*. Грунтовые могильники..., с. 179, 187, 189, 191; рис. 22, 279; 32, 417, 421; 33, 59; 35, 63; *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник, с. 148; табл. X, 8.
256. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 211-214.
257. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган..., с. 115-117, 119-129.
258. *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа ..., с. 132, 146, 152.
259. *Абакаров А. И., Гаджиев М. Г.* Нижнечуглинское городище, с. 97, 98, 102.
260. *Там же*, с. 97.
261. *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 133-143, 148, 149.
262. *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* Ук. соч., с. 134.
263. *Пицхелаури К. Н.* Памятники второй половины I тысячелетия до н. э. на территории Кахетии // СА, 1977, 3, с. 221-229; *Его же*. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, с. 132-136; *Мухелишвили Д. Л.* К вопросу о распространении красноангобированной керамики на территории Восточной Грузии в раннесредневековую эпоху (по материалам раскопок Ховлегора) // СА, 1977, 3, с. 213-220.
264. *Гагоишдзе Ю. М.* Раннеантичные памятники с Ксанского ущелья (на груз. яз.). Тбилиси, 1964, с. 62, 68.
265. *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 148; табл. X, 8.
266. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 122-123; рис. IV, 6, 7, 10, 14; V, 44; VI, 16-18; VII, 2.
267. *Там же*, с. 123.
268. *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник, с. 119; табл. III, 7.
269. *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Ук. соч., с. 280, 281; рис. 8, 35; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 212; рис. 37, 100; *Котович В. Г.* Отчет о работе Горного отряда ДАЭ в 1955 г. Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 27, оп. 1, д. 1.
270. *Садыкова М. Х.* Сарматские памятники Башкирии // МИА, М.,

- 1962, 115, с. 258; рис. 10, 7.
271. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 268; рис. 20, 10.
272. *Синицын И. В.* Археологические исследования..., с. 100; рис. 30а.
273. *Исмизаде О. Ш.* Ук. соч., табл. XXXII, 2, 3.
274. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 268.
275. *Его же*. Грунтовые могильники..., с. 191; рис. 35, 63.
276. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Археология СССР. М., 1963, вып. Д 1-10, с. 25, 26; табл. 5, 11; 7, 17.
277. *Вязьмитина М. И.* Сарматские погребения..., с. 223; табл. II, 3.
278. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 72; табл. XLV, 1, 2.
279. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, рис. 12.
280. *Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И.* Древний Мингечаур: (эпоха энеолита и бронзы). Баку, 1959, с. 89; XXXVII, 11; *Голубкина Т. И.* О зооморфной керамике из Мингечаура // МКА, Баку, 1951, т. II, с. 103-140.
281. *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент, с. 57; рис. 7.
282. *Исмизаде О. Ш.* Ук. соч., с. 51; табл. XXVII, 2.
283. *Крупнов Е. И.* Новый памятник..., с. 219; рис. II, 4, 5; *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 236-238; рис. 20, 8, 11; 22, 5-7, 23.
284. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 176-183; рис. 3, 183 а; 22, 345 а, б, в; 24, 274.
285. *Там же*, с. 182; рис. 22, 387.
286. *Там же*, с. 170; рис. 5, 113.
287. *Казиев С. М.* Ук. соч., с. 21; табл. XII, 1, 2.
288. *Крупнов Е. И.* Новый памятник..., с. 223.
289. *Там же*, рис. 9, 3, 4.
290. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 180; рис. 22, 315, 390.
291. *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* Ук. соч., с. 126; рис. 1, 4, 7.
292. *Смирнов К. Ф.* Курильницы и туалетные сосудики азиатской сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 175.
293. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 59; рис. 21, 9, 10.
294. *Его же*. Археологические исследования..., с. 93; рис. 23, 8.
295. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 275-283; рис. 2, 3, 7.
296. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник, с. 449, 450; рис. 47, 10, 11.
297. *Петренко В. А.* Культура населения среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э. — IV в. н. э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1980, с. 281; рис. 4, 9-11, 13, 14.
298. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 29; табл. II, 1-7.

299. *Смирнов К.Ф.* Курильницы..., с. 167,170-172; рис. 1, VIII; VIII, 3, VIII, VIII.
300. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., рис. 3.
301. *Иессен А.А., Пиотровский Б. Б.* Ук. соч., с. 42; *Анфимов Н.В.* Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа// КСИИМК, М., 1955, вып. 58, с. 31-34; *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы//МИА, 93, М., 1960, с. 71,72, рис. 31.
302. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., рис. 1,1.
303. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 36; рис. 2,8,11-13,17.
304. *Петренко В.А.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды Северного Кавказа//IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 41; *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 36; рис. 2,8,11-13; *Байбик В.Д., Виноградов В.Б., Гантимиров Т. М., Магомедов И. Д.* Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено — Ингушетии//АЭС ЧИ НИИ ИЯЛ. Грозный, 1969, т. III, с. 80-94.
305. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 220,223; рис. 11,2,3.
306. *Смирнов К.Ф.* Археологические памятники..., с. 266; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 90-91; *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 36; рис. 2.
307. *Кузнецов В.А., Граков Б. Н.* Рец. : Виноградов В.Б. Сарматы Северо- Восточного Кавказа, 1963. 224 с//СА, 1964,4, с. 232-240.
308. *Петренко В.А.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды..., с. 41,42.
309. *Смирнов К.Ф.* Курильницы..., с. 173.
310. *Там же*, с. 175.
311. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 36; рис. 2,1-4,12-17.
312. *Там же*, с. 32.
313. *Там же*, с. 34.
314. *Маммаев М.М.* Знаки на керамике Урцекского городища//МАД, Махачкала, 1972, т. III, с. 88-99; рис. 2,1,2,14,17; 4,1,2.
315. *Там же*, с. 94.
316. *Там же*, с. 92.
317. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 108.
318. *Драчук В.С.* Системы знаков ..., с. 61,68,89,93; табл. XIV, 5,10; XXIV, 64,63; XXVII, 1,3.
319. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 315-334; табл. 4,19-21,24-27,30,31.
320. *Асланов Г. М., Голубкина Т. И., Садыхзаде Ш. Г.* Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана. Баку, 1966, с. 39,40; табл. XV, 3.
321. *Мачабели К.* Позднеантичная торевтика Грузии: (по материалам

- торевтики первых веков нашей эры). Тбилиси, 1976, с. 55; табл. 11,1,2.
322. *Смирнов Я.И.* Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934, XV, рис. 166,1.
323. *Мачабели К.* Ук. соч., с. 56; *Rosenberg M.* Geschichte der Goldschmiedekunst: Niello. Frankfurt am Main, 1925, s. 34-43; *Schlunk H.* Kunst der Spätantike im Mitteleuropa. В., 1939, s. 37,101; L., 1955, tabl. 3-a.
324. *Тавадзе Ф. Н., Баркая В.Ф.* Из истории обработки металлов под давлением по археологическим материалам//СА, 1954, т. XX, с. 257.
325. *Давудов О.М.* Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы, с. 64,65; табл. 12.
326. *Амиранашвили Ш.* История грузинского искусства. М., 1963, с. 64,65; табл. 12.
327. *Скалон К.М.* О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время //АС ГЭ. Л., вып. 2, с. 126-140; рис. 13,1,3; *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник, с. 378,506; рис. 62,18.
328. *Скалон К.М.* Ук. соч., с. 138-140; *Апакидзе А. М. и др.* Мцхета. Итоги археологических исследований. Тбилиси, 1955, т. I, рис. 51; табл. IX; LXXX, 12; LXXXI.
329. *Литвинский Б.А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы: (Археологические и этнографические материалы по истории, культуре и религии Средней Азии. М., 1978, вып. 4, с. 68-69.
330. *Рыков П.* Суловский курганный могильник// Уч. зап. Саратовского ГУ, Саратов, 1925, т. 4. вып. 3, с. 28-102; *Степанов П. Д.* Изделия из дерева в курганах Суловского курганного могильника//Там же, с. 76-81.
331. История Дагестана, т. I, с. 79-80; рис. на с. 81; *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане: курганная группа у станции Манас//СА, 1956, XXVI, с. 198; рис. 9.
332. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 162.
333. *Цетлин Е.А.* Очерки истории текстильной техники. М-Л., 1940, с. 19; *Литвинский Б.А.* Ук. соч., 41-52.
334. *Плутарх.* Лукул. Гл. 28; Страбон. XI, гл. 4,4,5.
335. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 116,117; рис. 26,1.
336. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 115,119,120; табл. V, 7.
337. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 218.
338. *Атаев Д.М.* Ук. соч., с. 166,167; прим. 312; рис. 26,2.
339. *Салихов Б. М.* Калкнинский могильник//Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 172; рис. VII, 8.
340. *Смирнов К.Ф.* Курганы у сел. Иловатка..., с. 320,321.
341. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сармат. М., 1971, с. 10.
342. *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 77-78; рис. 33,5.

343. *Казиев С. М.* О некоторых типах оружия из Мингечаура//МКА, Баку, 1951, т. II, с. 14; табл. III, 2,3,6,7; *Он же.* Археологические раскопки в Мингечауре, с. 25; табл. XXIV, 1,2,4,5.
344. *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 172; рис. IV, 6-9.
345. *Атаев Д. М.* Ук. соч., с. 166-167; рис. 26,8.
346. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985, с. 98; табл. I, 18.
347. *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // МИА, 1954, 33, с. 162-166; табл. V, 5; VIII, 4; IX, 1; X, 5; *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 17, 19, 20; *Обельченко О. В.* Мечи и кинжалы из курганов Согда//СА, 1978, 4, с. 118, 119; рис. 1,4; 2,1-3.
348. *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 21.
349. *Сокольский Н. И.* Ук. соч., с. 154, 155.
350. *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник, с. 149, 150; табл. VIII, 11; *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 30; рис. 7.
351. *Давудов О. М.* Сумбатлинский могильник, с. 115; табл. V, 1.
352. *Котович В. Г., Маммаев М. М.* Отчет о работе Горной археологической экспедиции ИИЯЛ в 1968 г. Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф-27, оп. 1, д. 30.
353. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 127.
354. *Котович В. Г.* Отчет 2 Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г. Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф-27, оп. 1, д. 42, л. 8-9.
355. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 213.
356. *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 167-168.
357. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 259.
358. Древнейшие государства..., с. 98; табл. LI, 17.
359. *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 17, 20-24.
360. *Zakharov A. A.* Contribution to Caucasion archaeology. I. A large barrow in Daghestan // ESA. Helsinki, 1930, T. V, fig. 32; *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 127; рис. VII, 42.
361. ОАК-1897, с. 83; рис. 202; ОАК-1902, рис. 241; *Миллер А. А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ОАК-1909, вып. 33, с. 87, 91; *Саханеев В. В.* Раскопки курганов на Северном Кавказе//ИИАК-1914, вып. 56, с. 83; Археологические исследования в РСФСР: 1934-1936 гг. М, 1941, с. 240; табл. XXXIX, 7; *Стрежелец С. Ф.* Раскопки в Инкермане в 1940 г. //СА, 1947, т. IX, с. 318; *Сокольский Н. И.* Ук. соч., с. 159; табл. VIII, 2; рис. 7, 1-3; *Веймарн Е. В.* Археологические работы в районе Инкермана// Археологические памятники Украинской ССР. Киев, 1963, т. 13, с. 15-89; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 92; рис. 33, 2; 41, 2-4; *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 17, 24; табл. XII, 5-7.
362. *Сокольский Н. И.* Ук. соч., с. 159; *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 92.
363. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 127.
364. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 240, 260; рис.

- 16.
365. *Казиев С. М.* Новые археологические находки в Мингечауре// Изв. АН Аз ССР, Баку, 1949, 9, с. 90-95; рис. 3, 11.
366. *Куфтин Б. А.* Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси, 1950, т. II, с. 198-199; рис. 53, 6.
367. *Абрамова М. П.* Мечи и кинжалы Центральных районов Северного Кавказа в сарматское время//Древности Восточной Европы. МИА, М., 1969, 169, с. 10.
368. *Котович В. Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г., рис. 7, 29, 30.
369. *Абрамова М. П.* Ук. соч., с. 11.
370. *Котович В. Г., Маммаев М. М.* Ук. отчет, рис. 15 б, 3; 16, 6.
371. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 259.
372. *Котович В. Г. и др.* Ук. отчет за 1964 г., л. 12.
373. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 188; рис. 33, 48.
374. *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 171.
375. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 128, 129; рис. II, 20; VII, 4; VIII, 15; V, 27.
376. *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 27; рис. 3, 1.
377. *Котович В. Г., Маммаев М. М.* Ук. соч., л. 39; рис. 16, 18.
378. *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковский// МИА, М., 64, с. 306; *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник..., с. 167; рис. 4, 12.
379. Древнейшие государства..., с. 98; табл. LI, 23, 24, 26, 27.
380. *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 48, 49.
381. *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 171; рис. VII, 7.
382. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, с. 128; рис. II, 620.
383. *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 171; рис. IV, 3-5.
384. *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* Ук. соч., с. 127; рис. 2, 56.
385. Древнейшие государства..., с. 98; рис. LI, 28.
386. *Давудов О. М.* Поселение Ачи-су//Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 28; рис. 4, 5.
387. *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан..., с. 172; рис. 26, 16-18.
388. *Котович В. Г., Давудов О. М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы-раннего железа на Северо-Восточном Кавказе //СА, 1980, 4, с. 38-54.
389. *Там же.*
390. *Крупнов Е. И.* Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. АС. М., 1948, вып. XVII, с. 22.
391. *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре..., с.
392. *Атаев Д. М.* Ук. соч., с. 172; рис. 26, 17, 18.
393. *Казиев С. М.* О некоторых типах оружия..., с. 30; табл. III, 12-19.

394. *Атаев Д.М.* Ук. соч., с. 173.
395. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет за 1968 г., с. 39; рис. 156, 15.
396. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 148, 155.
397. *Котович В.Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г.
398. *Смирнов К.Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской, с. 306.
399. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, 1947, 3, с. 105; *Смирнов К.Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия, с. 103; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 53, 54, 58-60; *Абрамова М.П.* Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры: (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 6; рис. VI, 7.
400. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 28; рис. 4, 4.
401. *Абрамова М.П.* Нижнедзулатский могильник, с. 34-35, 21-23.
402. *Мошкова М.Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах // КСИА, М., 1962, вып. 89, с. 81.
403. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов // М., 1961, 101, с. 70; *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 23.
404. *Котович В.Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г.; *Их же.* Ук. отчет за 1964 г.
405. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 116; табл. V, 11, 12.
406. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 213, 214, 217; рис. 38, 54, 94; 40, 32; 39, 126.
407. *Его же.* Археологические исследования... , с. 259; рис. 18, 1; 17, 4.
408. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 32; рис. 5, 11.
409. *Там же,* с. 172; рис. 26, 14, 15.
410. *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н. Д.* Ук. соч., с. 278; рис. 6, 7.
411. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 129; рис. 3, 13.
412. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 28.
413. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 129; рис. III, 36; V, 24.
414. *Казиев С. М.* О некоторых типах..., с. 30; табл. IX, 9-11, 17, 21-24.
415. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 259; *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 129.
416. *Его же.* Ук. соч., с. 260.
417. *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 180-182, 212-215; рис. 19, 311, 348, 373; 38, 51, 95; 39, 127; 40, 103.
418. *Его же.* Археологические исследования..., с. 259; рис. 17, 12-14;

Его же. Археологические исследования в Дагестане в 1948-1950 гг., с. 92, рис. 38, 91.

419. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет за 1968 Г.С. 30; рис. 10 д.
420. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 148; рис. 26, 1; 29, 4.
421. *Там же,* с. 153, 156; рис. 29, 4.
422. *Нечаева Л. Г., Кривицкий В.В.* Погребение скифского времени у с. Берикей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 136-144.
423. *Кривонова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА, М., 1955, 46, с. 64.
424. *Тереножкин А.И.* Культура предскифского времени в среднем Приднепровье // ВССА, М., 1954, с. 100; рис. 9, 4; *Его же.* Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961, с. 96; рис. 71, 6-15, 20-22; *Его же.* Киммерийцы и Кавказ // Всесоюз. научн. сессия, пос. В. итогам полевых археолог. и этнограф. иссл. в 1970 г. (тез. докл.). Тбилиси, 1971, с. 36; *Щепинский А.А.* Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА, Киев, 1962, вып. 12, с. 60; рис. 4, 3; *Минаева Т. М.* Могила бронзового времени в г. Ворошиловке // КСИИМК, М., 1947, вып. XVI, с. 133; рис. 42, 3; *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов // САИ. Археология СССР. М., 1964, вып. Д1-4, табл. I-в, 9; *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до н.э. Киев, 1965, с. 103-104, 116; рис. 2, 2-6; *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура) // САИ. Археология СССР. Л., 1980, вып. В1-11, с. 55; табл. XXXIII, 5, 7.
425. *Крупнов Е.И.* Северокавказская археологическая экспедиция (1940) // КСИИМК. М., 1947, вып. XVII, с. 103; рис. 44, 5; *Его же.* Археологические памятники..., с. 25; рис. 22, 5; *Его же.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 142; рис. 41, 5; *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов, с. 59; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо — Восточного Кавказа, с. 15, 18, 59, 60; рис. 3: 5, 8; 24, 5-7.
426. *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 42; *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа... , с. 156.
427. *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов, с. 32; *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 29-35; *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев, 1981, с. 7-21.
428. *Мирзоев Р. Н.* К типологии предметов вооружения из раннебронзовых памятников Дагестана // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 26-28.
429. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 150.
430. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 210, 217, 218.
431. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 193; рис. I, 1-3.
432. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет, л. 38, 39; рис. 15-б, 16.
433. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 133-134; рис. 6.
434. *Магомедов М.Г.* Образование Хазарского каганата, с. 78, 79; рис.

- 20,21; 22,17-30; *Атаев Д. М.* Ук. соч., с. 178,179; *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 172.
435. *Ghirshman R.* Iran. Parthes et Sasanides. Paris, 1962, pl. 122; *Sarre P., Herzfeld E.* Iranische Felsreliefs. Berlin, 1910, s. 203; *Попов А.* О бронзе, хранящейся в музее Архивной комиссии // Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1911, вып. XXIII.
436. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968, с. 13-15, 123-124.
437. *Страбон.* XI, IV, 5.
438. *Черненко Е. В.* Ук. соч., с. 60-62.
439. *Геродот.* VII, 67.
440. *Маргграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882; *Пиралов А. С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб, 1918.
441. *Плутарх.* Помпей, XXXV.
442. *Каланкатуйский Моисей.* История Албании. Пер. К. Патканова. СПб, 1861, кн. II, гл. 34; кн. I, гл. 12.
443. *Страбон.* XI, 4, 5.
444. *Елише.* История Вардана и армянской войны. М., 1893, гл. III; *Каланкатуйский Моисей.* Ук. соч., кн. II, гл. 36, 18.
445. *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 287.
446. *Страбон.* VII, 3, 17; *Тацит.* История. I, 7, 9; *Марцеллин А.*, XVII, 12, 9, 13, 7; *Сокольский А. И.* О боспорских читах // КСИИМК. М., 1955, вып. 58, с. 14-25; *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев, 1968, с. 99-111; *Мелюкова А. И.* Ук. соч., с. 78.
447. *Османов Ф. Л.* Бронзовый шлем, найденный в Ахсуинском районе Азербайджанской ССР // Доклады АН АзССР. Баку, 1972, I, с. 71-75.
448. *Страбон.* XI, 4, 5.
449. *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 287.
450. *Страбон.* XI, 3, 3.
451. *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 150, 151; табл. X, 4, 6.
452. *Давудов О. М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 27, 28; рис. 3, 5; 6, 5.
453. *Анфимов Н. В.* Место-сарматский могильник..., с. 198; рис. 17, 13; *Гущина И. И.* Случайная находка в Воронежской области // СА, 1961, 2, с. 244-245; рис. 3; *Абрамова М. П.* Памятники горных районов..., с. 6, 7; рис. III, 31.
454. *Смирнов К. Ф.* Северский курган. М., 1953, с. 37-40; рис. 13, а-е; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 48, 55, 59; рис. 15, 2; 20; 24, 2; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Могильник "Яман-су"..., с. 172; рис. 16; *Анфимов Н. В.* Ук. соч., с. 184; рис. 12, 11, 12; *Его же.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК, М., 1952, вып. 46, с. 80; рис. 21, 10; ОАК-1895, с. 77-79; ОАК-1900, с. 44-45.

455. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 252; рис. 12, 5.
456. *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 70; рис. 14, 9.
457. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 93; рис. 50, 12, 13.
458. *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан..., с. 126; прим. 52; *Его же.* Поясные пряжки из нагорного Дагестана // СА, 1962, 2, с. 150; прим. 4; *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана, табл. 12, 1, 2; *Магомедов Д. М., Маммаев М. М.* Новые находки изделий средневекового прикладного искусства из с. Бежта (Капуча) // Народное декоративно - прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979, с. 181-183.
459. *Zichy E.* Voyages au Caucase et en Asiae centrale. Budapest, 1897, v. II, p. 431; fig. 239, 240.
460. Русские древности в памятниках искусства, изд. гр. Толстым и А. Кондаковым. СПб, 1890, с. 125; рис. 148.
461. *Атаев Д. М.* Поясные пряжки..., с. 150; прим. 4.
462. Каталог выставки XII археологического съезда в Харькове, с. 178, 1-5.
463. *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан..., с. 126-133; *Его же.* Поясные пряжки..., с. 150-156.
464. *Маммаев М. М.* О семантике сюжета борьбы двух коней на зооморфных пряжках Дагестана VIII-X вв. // Мифология народов Дагестана. Махачкала, 1984, с. 23-24; *Его же.* Художественная обработка металла в средневековом Дагестане. Некоторые вопросы формирования и развития // Мат. конференции "Формирование и развитие ремесел в средние века (V-XIV вв.). Тез. докл. Будапешт, 1977, с. 81-83; *Магомедов Д. М., Маммаев М. М.* Ук. соч., с. 181-183.
465. *Давудов О. М.* Еще раз о пряжках бежтинского типа, с. 106-120.
466. *Магомедов Д. М., Маммаев М. М.* Ук. соч., с. 181, 182.
467. *Маммаев М. М.* О происхождении..., с. 147-164.
468. *Атаев Д. М.* Поясные пряжки..., с. 150; рис. 5, 2.
469. *Там же,* с. 153-155; рис. 5, 4.
470. *Там же,* с. 115.
471. *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 223-224, 236, 237, 240; табл. XLVII, 5; XLIX, 17, 18; *Алексеева Е. П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Уч. зап. ЛГУ. Сер. историческая. Л., 1949, Т. XIII, с. 213, 233, 234; табл. XI, 42.
472. *Марковин В. И.* Древние изображения на скалах в районе г. Буйнакска // МАД, Махачкала, 1961, т. II, с. 124-134; *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 24-59; *Котович В. М.* Новые наскальные изображения горного Дагестана, с. 92-95; *Ее же.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976, с. 79; рис. 27, 43; 26, 43; *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древнейшие культуры Южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.). Л., 1970, с. 167; рис. 54, 34; *Мартirosян А. А., Исраэлян А. Р.* Наскальные

изображения Гегамских гор. Ереван, 1971, рис. 28-36, 56, 66, 88, 164, 180, 257, 258, 282, 332.

473. *Уварова П. С.* Могилишки Северного Кавказа//МАК, М., 1900, Т. VIII, табл. VIII, 2; XI, 4,5; XV, 4; XVI, 2,3; XVII, 4; XXIX, 3; XXXVIII, 8; XLIII, 4,5; LXIX, 1,2; CXVII, 8; CXVIII, 26; CXXXII, 4, рис. 235, 236; *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., с. 111, 243-245; рис. 31; *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, с. 87; рис. 93; табл. XXV; XCI и др.

474. *Давудов О. М.* Святилище у высокогорного селения Хосрех// Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 53; рис. 7, 27; *Его же.* Хосрехское святилище (Дагестанская АССР) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980, с. 281, 283; рис. 1, 23.

475. *Амираншвили Ш.* История грузинского искусства, с. 25; *Членова Н. Л.* Скифский олень//МИА, М., 1962, с. 183-184.

476. *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., с. 113; рис. 31; *Его же.* Раскопки Тлийского могильника в 1966 г. //СА, 1970, 4, с. 101; рис. 6, 1.

477. *Хидашели М. Ш.* К истории художественной обработки бронзы в античной Грузии. Тбилиси, 1972, табл. I-III; *Техов Б. В.* Ук. соч., с. 243; рис. 91, 2.

478. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период (по материалам экспедиций 1937-1938 гг.)//СА, 1950, т. XIV, с. 95; рис. 48.

479. *Членова Н. Л.* Ук. соч., с. 195.

480. *Атаев Д. М.* Поясные пряжки..., с. 152.

481. *Уварова П. С.* Ук. соч., табл. XCII, 5.

482. *Там же,* табл. XXII, 1; *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., рис. 69, 14.

483. *Уварова П. С.* Ук. соч., с. 67; табл. XXXVIII, 5; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 172-173; рис. 115.

484. *Есаян С. А., Мнацаканян А. О.* Находки новых бронзовых статуэток в Армении // СА, 1970, 2, с. 157-168.

485. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Ук. соч., с. 78-80; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 369, 370.

486. *Toscanne E.* Etudes sur le Serpent. Figure et symbole dans l'antiquite Elamite//Memoires delegation en Perse. Paris, 1911, t. XII.

487. *Godard A. A.* A propos du tresor de Ziviye. Harlem, 1950, fig. 10, 13, 15-18, 20-24.

488. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 228-229; табл. XLVIII; LIV.

489. *Маммаев М. М.* О происхождении..., с. 150-154; рис. 2-5; *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., с. 147-167; рис. 2, 3, 4, 5, 6.

490. *Дебиров П. М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966, рис. 24а.

491. *Маммаев М. М.* Ук. соч., с. 154-155.

492. ОАК-1864. СПб, 1865, с. XX-XXI; Русские древности в памятниках искусства..., с. 132-140.

493. *Хидашели М. Ш.* Ук. соч., с. 3 и сл.; *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., с. 237-249; рис. 86, 1; 87, 1; 89; 90; 91.

494. *Иващенко М. М.* Материалы к изучению культуры колхов//МИГК. Тбилиси, 1941, вып. 2, с. 46, 47; рис. 23 а.

495. *Чубинишвили Т. Н.* Древнейшие археологические памятники Мцхета. Тбилиси, 1957, с. 95; табл. XVIII, 38, 39; *Каландадзе А. Н.* Разыскания по археологии доантичной Грузии. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Тбилиси, 1969, с. 69.

496. *Есаян С. А., Мнацаканян А. О.* Ук. соч., с. 163-164; рис. 4, 7; *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л., 1949, с. 163-164; рис. 4, 7;

497. *Уварова П. С.* Ук. соч., с. 67; табл. XXV, 8; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., с. 174; рис. 115, 14; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 69; табл. XLIII, 6, 7, 11.

498. *Давудов О. М.* Святилище у высокогорного селения Хосрех, с. 53, 54; рис. 7, 1.

499. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, с. 61; табл. 13 б, 10, 9.

500. *Атаев Д. М.* Поясные пряжки..., рис. 5, 3.

501. *Цитладзе Л. Г.* Археологические памятники Хеви (Казбекский клад). Тбилиси, 1976, табл. IX, 1, 2; X, 1, 2. Там же литература.

502. *Уварова П. С.* Ук. соч., с. 25; рис. 30, 31; табл. IX, 1; *Гобеджишвили Г. Ф.* Холм Нацаргора близ города Сталинири // Мимомхилвели. Тбилиси, 1951, с. 247; табл. V, 6; *Его же.* Археологические раскопки в советской Грузии. Тбилиси, 1952, табл. XI, XII, XIII; *Его же.* Эпоха поздней бронзы и раннего железа в Грузии//Очерки истории Грузии в восьми томах. Тбилиси, 1970, с. 272; *Апакидзе А. М. и др.* Ук. соч., с. 43, 100; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 363; *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* Материалы предскифского времени из Чечено-Ингушетии//СА, 1979, 1, с. 15; рис. 2, 15; *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 69, 70; XLIII, 1, 2.

503. *Марковин В. И.* Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни, с. 84, рис. 25, 6; *Козенкова В. И.* Ук. соч., с. 47; табл. XXVII, 12, 13.

504. *Амираншвили Ш.* История грузинского искусства, с. 62; *Техов Б. В.* Об ажурных пряжках из Юго-Осетии//СА, 1969, 4, с. 60.

505. *Багаев М. Х.* Работы в Аргунском и Джерахском ущельях Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1971 г. М., 1972, с. 130.

506. *Артамонова-Полтавцева О. А.* Ук. соч., с. 78 и сл.; *Крупнов Е. И.* Древняя история..., с. 369, 370; *Мунчаев Р. М.* Луговой могильник//ДЧИ,

М., 1963, с. 207; рис. 26,1; 24,2,3; *Виноградов В.Б.* Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии//СА, 1970,3, с. 206-208; *Его же.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н.э.). Грозный, 1972, с. 260,261; *Козенкова В.И.* Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н.э. //Кавказ и Восточная Европа в древности И.М., 1973, с. 149-158; *Кривицкий В.В.* О бронзовых поясных фигурных бляхах "типа исти-су" VI-V вв. до н.э. // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 18-24.

507. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 206-210; *Его же.* Зооморфные пряжки ..., с. 219-222.

508. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 117,118,131-135; рис. 1, 6,15,20-22; II, 3,8-11,13-19,21,22; III, 1,5-25,29; V, 6-13,18-21,18-21; VII, 15-17,20-25,36; VIII, 2,4.

509. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 216; рис. 6,3,4.

510. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 210,216; рис. 19,374; 35,80,82; 40,25.

511. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 152; рис. XI, 7.

512. *Котович В.Г.* Новые археологические памятники..., с. 155; табл. XIII, 18,19.

513. *Котович В.Г.* Ук. отчет за 1959 г., табл. V, 12,13,15а, 17,18.

514. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет за 1968 г., рис. 14 г, 8,9,24.

515. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 217; рис. 8,6.

516. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 117,118,132; рис. I, 6; II, 18,19,21,22; III, 18-25; VII, 15,23-25,36.

517. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 217; рис. 8,2; *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 152; рис. XI, 2,3; *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 210; рис. XI, 22.

518. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник..., с. 210; рис. XI, 8,9; *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 206-208; рис. 6,5-6; *Котович В.Г.* Ук. отчет за 1959 г., табл. V, 14.

519. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 117,118,132.

520. *Маммаев М.М.* Зооморфные пряжки..., с. 219,220; рис. 1,1-9.

521. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 52; рис. 3,19.

522. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 31; рис. 8,2.

523. *Федоров Г.С.* Случайные археологические находки из Карабудахкента//МАД, Махачкала, 1973, т. III, с. 101; рис. 2,2.

524. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 117; табл. IV, 16.

525. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет за 1968 г., рис. 14 г, 19.

526. *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 175; рис. II, 5.

527. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 208; рис. 6,9-12; *Его же.*

Зооморфные пряжки..., с. 219-222.

528. *Его же.* К характеристике..., с. 209; рис. VI, 15.

529. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 212,216; рис. 37,26; 40,107,108.

530. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 138,140,141; рис. 26,4.

531. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 138-141; рис. 17,13,15.

532. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 131-132; рис. II, 8-11; III, 5-15; V, 6-10.

533. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 141.

534. *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 131.

535. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 208-209; рис. 6,13.

536. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 216; рис. 40,65.

537. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник..., с. 150; табл. IX, 25.

538. *Атаев Д.М.* Ук. соч., с. 190; рис. 14,13.

539. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет за 1968 г., рис. 14 г.

540. *Федоров Г.С.* Ук. соч., с. 100; табл. I, 4.

541. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 209.

542. *Трубинова Н.В.* К вопросу о связях племен средней полосы Восточной Европы с Кавказом в I тысячелетии н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 88; *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 134; *Ефименко П. П.* Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа. // Мат. по этнографии. Л., 1926, т. 3, вып. 1, с. 68; рис. 1,15.

543. *Абрамова М.П.* Ук. соч., с. 117; рис. 1,15.

544. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 124; рис. IV, 15.

545. *Атаев Д.М.* Ук. соч., с. 70; рис. 3,8.

546. *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник (Предварительные сообщения) // МАД, Махачкала, 1961, т. II, с. 264; рис. 10,2.

547. *Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 175; рис. 11,4.

548. *Давудов О. М.* Культуры Дагестана..., с.

549. *Котович В.Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г.

550. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 55. Там же литература.

551. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 189,208; рис. 33,108; 10,222.

552. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 215-217; рис. 3,5.

553. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 189; рис. III, 2.

554. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган..., с. 139; рис. III, 2.

555. *Исмизаде О. Ш.* Ук. соч., табл. IV, 1; *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре, табл. XXXVII, 1,3,4.

556. *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня в древности, с. 62-64;

- рис. 27,1-6; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 76; табл. IX, 18,23; *Котович В.Г.* Проблемы..., с. 86; рис. 11,12.
557. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 142; рис. 18,2; *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 198.
558. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 260; рис. 8,11; *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 151; табл. IX, 26.
559. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 198; рис. II, 11-12.
560. Древнейшие государства..., с. 260.
561. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 142.
562. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 260; *Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново - Отрадное // Поселения и могильники Керченского полуострова начала н.э. // МИА, М., 1970,155,с. 139; табл. 5,12,14; 6,9.
563. Древнейшие государства..., с. 100; табл. VII, 2,3.
564. *Уварова П. С.* Ук. соч., с. 17; табл. VI, 7.
565. *Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети, с. 32-33; рис. 34,1-2; *Пчелина Е. Г.* Погребальные комплексы из Сохта, Уредзуар и Рук Юго-Осетии // Изв.АН Груз ССР. Тбилиси, 1969,вып. XV, с. 146; табл. I, 4; IV, 7,9; *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., с. 259; рис. 96,8,10,14.
566. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 189; рис. 19,370.
567. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 150; табл. IX, 23.
568. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 196.
569. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 27; рис. 3,4.
570. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 189; рис. 19,370.
571. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 194,195; рис. 2.
572. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 139; рис. III, 3.
573. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 194.
574. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 195; рис. 24,263.
575. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 151,156; табл. IX, 24.
576. Древнейшие государства..., с. 100; табл. VII, 1; *Пассек Т.С.* Джафарханский могильник // ВДИ, 1946,2,с. 181; рис. 17-18.
577. *Куфтин Б.А.* Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси, 1950,Т. II, с. 55; табл. 18; *Ломтатидзе Г.А.* Некрополь II века в Кидеете. Тбилиси, 1957; табл. XIX, 15; *Уварова П. С.* Ук. соч., табл. XXII, 10; *Анфимов Н.В.* Меото-сарматский могильник..., с. 196; рис. 17,15; *Абрамова М.П.* Нижнеджулатский могильник, с. 27; рис. 5,56; 7,32; *Висотская Т.Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972,с. 155; *Арсеньева Е. М.* Ук. соч., с. 138,139; *Корпусова В.А.* Некрополь Золотое. Киев, 1983,с. 59; рис. 16,12.
578. *Зубарь В.М.* Некрополь Херсонеса таврического I-IV в.н.э. Киев, 1982,с. 94; рис. 61,1-7.
579. *Висотская Т.Н.* Ук. соч., с. 155.

580. *Марковин В.И.* Дагестан и горная Чечня..., с. 65-66; рис. 28,5-7; *Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы, с. 143-145; *Котович В.Г.* Проблемы..., с. 59,60; рис. 8,51-65.
581. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 209; рис. 10,181,258; 19,287; 4,255; 31,427; 35,78.
582. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 200; рис. 14,12-13.
583. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 34; рис. 8,3.
584. *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет за 1968 г., рис. 14-г, 14,16.
585. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 138; рис. 26,3.
586. *Ее же.* Раскопки в южном Дагестане в 1962 г. Махачкала, 1962. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, рис. 91,12; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 587.
587. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 154; табл. IX, 2,7; *Маммаев М.* К характеристике..., с. 199,200; рис. IV, 15-17.
588. *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н. Д.* Ук. соч., с. 279; рис. 3,2.
589. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана, с. 34; рис. 11,13; *Котович В.Г., Мунчаев Р.М., Путинцева Н. Д.* Ук. соч., с. 279.
590. *Давудов О.М.* Берикейский могильник скифского времени, с. 131,133; рис. 3,12.
591. *Его же.* Отчет о работе Верхнелабкомахинского отряда ДАЭ в 1972. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф-3,оп-3,д. 383.
592. *Техов Б. В.* Очерки древней истории..., с. 229-231; рис. 82,1; 84,1.
593. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 202,203.
594. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 139; Трубникова Н.В.Ук. соч., с. 88.
595. *Минкевич-Мустафаева А.В.* Об археологических находках из сел. Долан-лар // МКА, Баку, 1949,т. I, с. 57,58; табл. III, 6; *Садыхзаде Ш. Г.* Древние украшения Азербайджана. Баку, 1971; табл. XIII, 1-10.
596. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 42,43; табл. XXIV, 45-52; *Алексеева Е. П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Уч. зап. ЛГУ. Сер. историч. Л., 1949,с. 223.
597. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 73.
598. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., рис. 4,176; 10,261; 19,367,375,378,379; 31,426,431.
599. *Котович В.Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г. рис. 17 б, 12.
600. *Смирнов К.Ф.* Ук. соч., с. 182; рис. 19,366.
601. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 137; рис. 26,23.
602. *Котович В.Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г. л. 36; рис. 7,17,18; 17 б, 6.
603. *Смирнов К.Ф.* Ук. соч., с. 171; рис. 4,278.
604. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 183; рис. XIII, 66.
605. *Давудов О.М.* Ук. соч., табл. XIII, 67.
606. Древнейшие государства..., с. 101; табл. LVI, 23,29.

607. *Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети, с. 73; рис. 80,3; табл. XIV; *Уварова П. С.* Ук. соч., табл. XXXIX, 4; *Гобеджшвили Г. Ф.* Археологические раскопки..., табл. IX, 4; *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 26,58,63; рис. 4,6; 15,34,35; 16,36; *Техов Б. В.* Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна. Сталинир, 1957, с. 95; табл. II, 24-28,31,33-40; IV, 9,10; V, 4,5; VII, 4; IX, 6-8; *Его же.* Центральный Кавказ..., с. 159,160; рис. 106,23-27; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 70; табл. XIX, 142.
608. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., рис. 4,47,73; 5,142; 10,144,145,151,221; 26,242; 34,95,68.
609. *Котович В.Г.* Ук. отчет за 1963 г., рис. 17 6, 7.
610. *Давудов О.М.* Ук. соч., с. 71.
611. *Крупнов Е.И.* Древняя история..., с. 199; табл. XI, 1; *Техов Б. В.* Ук. соч., с. 158,159.
612. *Крупнов Е.И.* Ук. соч., с. 199-200.
613. *Пикуль М.И.* Итоги археологических разведок в южном Дагестане. Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф-3, оп-3, д. 100, табл. XXXII, 2.
614. *Котович В.Г. и др.* Ук. отчет за 1963 г. рис. 7,5.
615. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 171; рис. 4,71.
616. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 127; рис. 2,23.
617. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 25; рис. 4,19; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., табл. XIX, 75,143; *Его же.* О генезисе некоторых форм мечей и кинжалов на Кавказе//Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980, с. 63-66; рис. 1-6, 3,4.
618. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 40; табл. XXIV, 19-21.
619. *Петренко В.Г.* Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. //САИ. Археология СССР.М., 1978, Вып. Д 4-5, с. 59-61; табл. 51,18-22.
620. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 216,223; рис. 8,3,4.
621. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 260,271; рис. 17,1,3; 18,5,9; *Его же.* Грунтовые могильники..., рис. 4,53,157; 35,77; 37,5,8,29; 38,90,91,110,111; 39,130.
622. *Амброз А.К.* Фибулы юга европейской части СССР//САИ. Археология СССР.М., 1966, вып. Д 1-30, с. 41,50,44,64,27; табл. 4,23,24.
623. *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 212-214; рис. 8,1-9.
624. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 118,119,136,137; рис. I, 17,25,12; II, 27,28; III, 35; V, 31,32.
625. *Амброз А.К.* Ук. соч., с. 26; *Ионе Г.И.* Мингечаурские кувшинные погребения с оружием//КСИИМК, М., 1955, вып. 60, с. 55; рис. 22,18,119; *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с.

143,144.

626. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., рис. 4,53; 37,27; 38,111; 30,130.
627. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 212-213; рис. 8,2-4.
628. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, табл. V, 9.
629. *Смирнов К.Ф.* Ук. соч., рис. 40,38.
630. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 213-214; рис. 8,5,7.
631. *Давудов О.М.* Ук. соч., с. 120; табл. IV, 6.
632. *Амброз М.П.* Ук. соч., с. 119; рис. 1,25.
633. *Zichy E.* Op. cit., p. 431; fig. 10,1.
634. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 210; рис. 35,77.
635. *Амброз А.К.* Ук. соч., с. 27.
636. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., рис. 37,8; 38,111.
637. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 127; рис. 2,1,2.
638. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., рис. 8,3-4; *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 271; рис. 17,1; 18,5.
639. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 218; рис. 38,90-91; 40,6.
640. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 118; рис. 1,12.
641. *Крупнов Е.И.* Первые итоги изучения Восточного Предкавказья (по материалам экспедиций 1952 и 1955 гг.)//СА, 1957,2, с. 166; рис. 7,13.
642. *Амброз А.К.* Ук. соч., с. 40,41.
643. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 218; рис. 38,90.
644. *Его же.* Археологические исследования..., с. 271; рис. 18,9.
645. *Амброз А.К.* Ук. соч., с. 44.
646. *Смирнов К.Ф.* Ук. соч., с. 271; рис. 17,3.
647. *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 216; рис. 40,62.
648. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 212; рис. 8,1.
649. *Котович В.Г.* Новые археологические памятники..., с. 155; табл. XIII, 1,2.
650. *Амброз А.К.* Ук. соч., с. 50,51.
651. *Rau P.* Hugelgraber romischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Graberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrowsk, 1927, s. 90-96.
652. *Книпович Т.Н.* Танаис. Историко — археологическое исследование. М. — Л., 1949, с. 55-59.
653. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал//СА, 1963,4, с. 65-70.
654. *Абрамова М.П.* Зеркала горных районов Северного

Кавказа в первые века нашей эры// История и культура Восточной Европы по археологическим данным М.М., 1971, с. 121-132.

655. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Происхождение сарматских зеркал-подвесок Северного Кавказа//КСИА, М., 1976, вып. 148, с. 44-49.

656. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 223,216; рис. 8,7.

657. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 236,260; рис. 17,2.

658. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 214 - 217; рис. 9,1- 14.

659. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 207; рис. 5,95.

660. *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 64.

661. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ук. соч., с. 46.

662. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 207; рис. 4,72,86; 5,92; 33,44,91,98.

663. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., рис. 8,6; *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 260; рис. 17,2.

664. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 120,121; табл. IV, 1,11; V, 10.

665. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 214 - 216; рис. 9,8.

666. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 127,128; рис. 2,9; 3,16.

667. *Хазанов А. М.* Ук. соч., с. 65,67; *Литвинский Б.А.* Орудия труда..., с. 87 и сл.

668. *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ук. соч., с. 48.

669. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 164; *Литвинский Б.А.* Ук. соч., с. 86.

670. *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959; *Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975, с. 75-83; табл. XVI; XVII.

671. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 52; рис. 18,6; *Werner J.* Beitrage zur Archaeologie des Attila-Reiches. Munchen, 1956, s. 52; fig. 18,6.

672. *Крупнов Е.И.* Археологические памятники Ассинского ущелья//Тр. ГИМ. АС. М., 1941, вып. XII, с. 183-185; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-восточного Кавказа, с. 202; рис. 27.

673. *Соломоник Э. И.* Ук. соч., с. 150,123; с. 37; рис. 6, ряд IV, 1; *Werner J.* Op. cit., т. 44,2.

674. *Виноградов В.Б.* Ук. соч., с. 93,214; рис. 41,7.

675. *Драчук В.С.* Ук. соч., с. 53-99.

676. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 218; рис. 39,133.

677. *Котович В.Г.* Новые археологические памятники..., с. 154; табл. XIII, 27,28; *Гмыря Л. Б.* Паласасыртский могильник//Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 155; рис. 2-6,3; 6,32.

678. *Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 216,217; рис. 9,10,13,11,14.

679. *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник, с. 264; рис. II, 3.

680. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 67-69; рис. 3,6; 6,11,13,14,15; 16,7-11.

681. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 129-130; рис. II, 2; V, 2,3.

682. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал, с. 68.

683. *Драчук В.С.* Ук. соч., с. 107; табл. VIII, 555; XLI; XLVI, 74.

684. *Толстов С. П.* Датированные документы из дворца Топрак-кала и проблема "эры Шака" и "эры Канишки"//Проблемы востоковедения. М., 1961, I, с. 63,64,68; рис. 6,8,10,11.

685. *Его же.* Древний Хорез М.М., 1948, с. 183,184,342.

686. *Там же,* с. 184-186,342.

687. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 130; рис. V, 2.

688. *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре, с. 24; табл. XXX, 3-6; *Османов Ф. Л.* Об антропоморфных фигурках в Кавказской Албании // МНКА ИИ АН АзССР, Баку, 1965, с. 9-11; *Его же.* Терракоты Азербайджана античной эпохи и их ближневосточные параллели//Искусство и археология Ирана. Всесоюз. конференция 1969 г. Доклады. М., 1971, с. 236-241; *Назирова С.* Терракота. Баку, 1983.

689. *Османов Ф.* Терракоты Азербайджана..., с. 239.

690. *Алиев И., Османов Ф. Л.* Бассейн рек Геокчай-Гирдманчай-Ахсучай в античное время (Предварительное сообщение) // СА, 1975, I, с. 200,201.

691. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984, табл. CVI, 1; *Кобылина М.М.* Античная скульптура Северного Причерноморья. М., 1972, с. 12; табл. XX.

692. ОАК-1864, с. XX-XXI; Русские древности в памятниках искусства..., с. 132-140.

ГЛАВА III.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

III. 1. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ

Вопросы хронологии и периодизации памятников Дагестана албанского времени начали разрабатываться еще в конце 40-х начале 50-х годов, когда вводили в научный оборот материалы вновь исследованных могильников из окрестностей селений Тарки и Карабудахкент. Так, Е.И. Крупнов отнес обнаруженные и изученные им погребения Таркинского могильника к II-III вв¹, а К.Ф. Смирнов — к I в. до н.э. — III в.н.э.² Последний же датировал Карабудахкентский могильник I-II в. до н.э. — II в.н.э.³ В 1959 г. М.И. Пикуль выступила на конференции, посвященной археологии Дагестана, с докладом, где определила хронологию вновь выявленных памятников в рамках III в. до н.э. — III в.н.э., рассматривая их как памятники третьего этапа эпохи раннего железа.⁴ Этой же точки зрения придерживались В.Г. Котович и Н.Б. Шейхов.⁵ Позже, в посмертно изданной монографии, М.И. Пикуль, интересующее нас время определила как второй этап эпохи раннего железа и изменила его хронологию на II в. до н.э. — III в.н.э.⁶ Такое деление соответствует тогдашним представлениям о периодизации сарматской культуры⁷ и формированию албанского государства во II-I вв. до н.э.⁸ В монографии В.Г. Котовича "Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития древнего населения Дагестана" эта эпоха разделена на два этапа: раннеалбанский, приуроченный к III-I вв. до н.э. и позднеалбанский — к I-III вв.н.э.⁹ Нижняя дата данной периодизации ограничена временем формирования Кавказской Албании после победы Александра Македонского в битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э. и последующего включения Дагестана в состав Албании, т.е. временем проникновения сарматских кочевников в Прикаспийские степи и затем временем появления сасанидов на территории Восточного Кавказа. Это привело к возникновению определенной общности в историко-культурном развитии населения Восточного Кавказа. Надо отметить, что появление сасанидов не

нарушило политических границ Албании, не изменило материальной культуры, а наоборот существенно обогатило ее. Лишь с появлением гуннских кочевников в Прикаспийских степях и Дербентском дефиле, появились ограждения, которые определили новые северные границы албанского государства. Гунны и вслед за ними другие степные кочевники внесли в развитие местной материальной культуры существенные изменения, которые привели к коренной трансформации характера погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря. Поэтому рамки изучаемой эпохи должны быть очерчены в пределах III в. до н.э. — IV в.н.э., к тому же она может быть разделена на два этапа: III-I вв. до н.э. и I-IV вв.н.э. Такое деление соответствует характеру развития культуры Дагестана.

Для характеристики первого этапа мы все еще не располагаем достаточно прочной источниковедческой базой. Вместе с тем, мы можем привести основные датирующие признаки этого периода: в погребальном обряде — это грунтовые могилы и склепы со скорченными на боку, сидячими, расчлененными костяками, захоронениями отдельных черепов; ориентация погребенных преимущественно на юг, иногда с отклонением в широтном направлении; в материальной культуре — это наличие сосудов с обмазанной наружной поверхностью при господстве серой лошенной, столовой керамики, формы которых характеризуются близостью к сосудам т.н. ялойлутепинской культуры Северного Азербайджана. К этому времени относятся определенные слои Аркаского, Урнекского, Верхнедабкомахинского, Таргунского городищ, Гинчинского 2, Пенджинского поселений и некоторые погребения Урнекского, Хабдинского, Шаракунского могильников, возникшие в скифское или еще более раннее время. Можно согласиться и с тем, что на Талгинском (Черкез-кутанском), Количайском могильниках имеются комплексы III-I вв. до н.э.

Аркаское городище, начало жизни на котором относится к эпохе поздней бронзы, продолжает функционировать до конца III в.н.э. Собранные материалы подтверждают эту дату. На Дербентском городище А.А. Кудрявцевым выявлены культурные напластования скифского, албанского (III в. до н.э. — IV в.н.э.) и средневекового времени. Нижние слои албанского времени отнесены автором к III-I вв. до н.э. с учетом находок красной ангобирванной керамики.¹⁰ Между тем, такая керамика в Дагестане ранее I-II вв.н.э. не встречается, а в южном Дагестане она появляется еще позже. Соответственно, в датировку слоев Дербентского городища необходимо внести коррективы. Оговорюсь, у меня не вызывает сомнения наличие здесь слоев албанского времени, из которых происходит разнообразный и выразительный инвентарь III в. до н.э. — IV в.н.э. Только переместится ниже, к слоям приписываемым скифскому времени. Это вовсе не означает, что я отрицаю наличие на Дербентском городище слоев скифского

времени. Отсюда действительно известны предметы материальной культуры VII-IV вв. до н.э., в том числе скифские наконечники стрел.¹¹

На Верхнелабкомахинском городище нами были заложены два раскопа. На первом раскопе остатки жилых сооружений выявлены в нескольких строительных горизонтах. Во втором строительном горизонте в помещении 3 найдены обломки баночных обмазанных, серых заглаженных и серых лошенных сосудов, обломок и заготовка бронзовых игл, полусферическая бляшка с петлей на обороте, конические бронзовые подвески и набор распространенных на Северном Кавказе бус VI-IV вв. до н.э. (биконические и прямоугольные плоские из зеленого стекла, бипирамидальные из синего стекла, полихромные боченовидные из глухого синего стекла с бело-синими глазками, веретенообразные из крученого зеленого и белого стекла).¹² Найденные здесь обломки серого лошеного кувшина с воронкообразным устьем, видимо, попали из верхнего слоя вследствие перемещения слоев (здесь обнаружены следы современной ямы). В целом имеющиеся материалы жилища 3 (рис. 67,12,13,17,18) датируются скифским временем. Однако, в перекрывающем его жилище 1 первого строительного горизонта встречены лишь средневековые обломки керамики. Во втором горизонте раскопан угол прямоугольного каменного жилища 2, откуда происходят обломки керамики, в том числе венчик корчаговидного сосуда. На этом же уровне выявлен угол прямоугольного жилища, где найдены обломки сосуда с вытянутым яйцевидным туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком, украшенного узором из налепных валиков, образующих в основании шейки поясок, от которого спускаются вниз по плечикам и тулову рельефные линии (рис. 67,11). Этот сосуд относится к албанскому времени. Стратиграфическое положение данных жилищ определяет хронологию в пределах III-I вв. до н.э., т.е. времени следующего за VII-IV вв. до н.э. На Урцеском городище, функционировавшем с VI в. до н.э., выявлены скифские наконечники стрел VI-V вв. до н.э. и умбовидная бляха кобанского облика. Оборонительная стена, раскопанная у южной стены средневековой цитадели, уходила под толщу зольника, где найдены обломки архаичных лепных толстостенных сосудов, украшенных налепными валиками, а также наконечник стрелы пулевидной формы позднескифского времени. Среди находок Урцески III-I вв. до н.э. следует упомянуть и лепную обмазанную, и серую лошеную, и белую ангобированную керамику.

На Таргунском городище VII в. до н.э. — XII в. н.э., по сведениям авторов раскопок в III в. до н.э. — III в. н.э., обживались верхняя часть с цитаделью, средняя часть и еще небольшой участок третьей части, примыкающей к южному склону горы.¹³ С.В. Мокроусов ставит под сомнение эти выводы исследователей, считая, что формирование городоопределяющих признаков относятся к началу I

тысячелетия н.э.¹⁴ Если даже эти сомнения обоснованы, они не снимают вопроса о функционировании населенного пункта в III-I вв. до н.э. Не мог же он формироваться сразу как город, а вырос, естественно, из земельного поселения.

Хронология Карабудахкентского и Таркинского могильников определена исследователями, исходя из опорных дат сарматских памятников. К I в. до н.э. — I в. н.э. отнесены К.Ф. Смирновым погребения 13,15,17,19,23,28,29,32,34,36 и 38, раскопанные им в 1948-1949 гг.¹⁵ Позже В.Б. Виноградов отнес к I в. до н.э. — началу I в. н.э. погребения 2,4 и 13 из раскопок Е.И. Крупнова и, далее, погребения 2,15,30 и 34 из раскопок К.Ф. Смирнова.¹⁶ Напомню, что некоторые могилы Карабудахкентского могильника 1 и особенно коллективное захоронение 38 по К.Ф. Смирнову датируются II-I вв. до н.э.¹⁷

При датировке Хабдинского могильника М.И. Пикуль выделила комплексы IV-I вв. до н.э.¹⁸ Наши работы на этом могильнике подтвердили хронологию, предложенную М.И. Пикуль¹⁹ и позволили установить, что с VII в. до н.э. до IV в. н.э. Здесь население не менялось, обладало единой культурой и этническим обликом. Его культура вполне естественно развивалась и подвергалась влиянию сопредельных племен в течение 600 лет своего существования, что вполне закономерно. Из 9 выявленных нами погребений к VI-V вв. до н.э. относятся могилы 1,2 и 5. Погребения 7 с зооморфной пряжкой, 8 с круглой бляхой, украшенной гравированным орнаментом и 9- с петлевидной височной привеской, датируются в пределах III-I вв. до н.э. Наиболее древние материалы Урцеского могильника относятся к скифскому времени. Позже могильник функционировал довольно долгое время, включая раннее средневековье. Ряд погребальных сооружений относится к скифскому и раннеалбанскому времени. Из склепа 2, например, происходят железный акинак с брусковидным навершием и прямым перекрестьем VI-V вв. до н.э., серая лошенная керамика, костяные пирамидальные наконечники стрел с внутренней втулкой, разнообразны бусы и т.д. Наиболее ранней находкой является акинак. Тем не менее, весь комплекс не может быть датирован столь ранним временем. Среди его инвентаря присутствуют изделия, которые относятся к более позднему времени, чем VI-V вв. до н.э. Это дает право полагать, что склеп может быть датирован в пределах V-III вв. до н.э. (рис. 24,2-27. См. также: 23,3-34).

На Сумбатлинском могильнике встречены материалы, свидетельствующие о наличии погребальных комплексов более древнего периода, чем изученные нами албанского времени. Так, розовая сердоликовая бусина с надпиллом у отверстия относится к III в. до н.э.,²⁰ а также петлевидная височная привеска с длинными разомкнутыми концами, характерна для памятников Дагестана скифского времени.

За стенами могилы 8 обнаружены кости из более древних погребений, сдвинутые при возведении нового погребального сооружения. Все это свидетельствует о том, что на Сумбатлинском могильнике имеются пока не выявленные и не изученные архаичные погребальные комплексы.²¹

В отчетах М.И. Пикуль Шаракунский могильник датирован VI в. до н.э. — II в. н.э., причем погребения 65,75,76,77 отнесены к VI в. до н.э., погребения 2,4,5,16-8,21,24,26,35-38,50,54,56,62,63 и 74- к V-IV вв. до н.э., погребения 10,11,15,22,39,48,57,60,61-к IV-III вв. до н.э., погребения 8,28,29,31,33,40,42,67-к I в. до н.э. — I в. н.э., погребения 20,32,41,58,59,73-к I-II вв. н.э.²² Свои рассуждения она строила на анализе керамического материала, хотя приведенные ею типы изделий не дают таких четких и узких дат. Ею игнорированы также и особенности погребального обряда, характер металлического инвентаря и бус. Под влиянием М.И. Пикуль первоначально эти даты были приняты и нами.²³ Позже, при близком изучении материалов могильника, выяснилось, что хронология памятника нуждается в существенной корректировке.²⁴ Сам могильник занимает курганообразное возвышение куро-аракского поселения типа тепе, что исключает возможность учета нивелировочных отметок для суждения об относительной датировке. Да и раскапывала М.И. Пикуль этот могильник как курган. Погребения 1-3,8,10,12,14,25,28-30,38,40,42 — 47,49,50,52,54,56,59,60,70,76,78,81 или вовсе не имеют инвентаря или содержат обломки керамики, не поддающиеся четкому хронологическому определению. Ряд погребений действительно относится к скифскому времени и прежде всего погребение 29 со скифским культовым навершием. Однако значительная часть погребений относится к III в. до н.э. — III в. н.э., при этом верхний хронологический рубеж могильника определяют находки обломков красной ангобирванной керамики, появление которой в Южном Дагестане не может быть отнесено раньше II-III вв. н.э. К III-I вв. до н.э. относятся погребения 20,29,31,32,58,59,66,72 и 79 того же могильника.

Так, например, из погребения 20 и 59 Шаракунского могильника происходят кувшины-поильники с ручкой-соском, соединенным перемычкой с венчиком сосуда. На Хабадинском могильнике аналогичный сосуд встречен в одном комплексе с трехлопастным железным наконечником стрелы и с выделенной втулкой. Такие наконечники характерны для Северного Кавказа II в. до н.э. — I в. н.э.²⁵ Такой же кувшин найден в могиле 38, датируемой II-I вв. до н.э. в Карабудахкентском I могильнике.²⁶ Далее погребения 29,31 и 72 в Шаракуне содержали кувшины со сливными носиками и ручками, соединяющими венчики с плечиками. Вместе с ними, в погребении 29 со скорченным костяком, найден черешковый нож и “рубленные” сердоликовые бусы, в погребении 31-обмазанный горшок с ручкой и опять же “рубленные” сердоликовые бусы, в погребении 72-раковина каури и железная головная булава со свернутым в кольцо навершием. Погребение 58

залегало под погребением 48 I-II в. н.э. Все эти материалы хорошо умещаются в хронологические рамки III-I вв. до н.э.

Инвентарь склепа из Сиртичского могильника архаичнее основных комплексов, представленных каменными ящиками. Здесь, наряду с характерной сиртичской керамикой, встречены стеклянные прозрачные подвески одна удлиненная с усеченным верхом I в. до н.э., другая в виде стилизованного сосуда II-I вв. до н.э.²⁷ Среди керамики могильника преобладают архаичные сосуды с обмазкой.

Для второго периода (I-IV вв. н.э.) мы имеем достаточное количество хорошо изученных памятников. К этому времени на наиболее крупных населенных пунктах, расположенных у важнейших международных коммуникаций, формируются признаки сложного городоопределяющего социального организма. Наряду с грунтовыми могилами и склепами распространяются каменные ящики. К отчетливым особенностям погребального обряда добавляются новые ритуальные черты-вытянутые позы на спине с разными положениями ног и рук, неустойчивая ориентация умерших. Среди серых лошених сосудов преобладают изделия, аналогичные тем, которые встречаются в сарматских комплексах. Наряду с серой лошеной керамикой получает распространение красная ангобирванная, столовая посуда. Появление в III в. до н.э. влияния сасанидов на Восточном Кавказе, обогатило местную культуру новыми элементами, воспринятыми от древневосточных культур. Для второго периода характерны соответствующие слои Андрейаульского, Бавтугайского, Хазаркалинского, Аркаского, Генторунского, Урцекского, Карабудахкентского, Ахкентского, Сукара, Охлинского, Меседил мицир, Кулециминского, Урминского, Левашинского I и II, Верхнеабкомахинского, Шамшахарского, Эскиюртского, Таргунского, Цыйшинского, Топраккалинского, Чичикарского городищ, Бавтугайского, Миатлинского VI, Новолакского, Какашуринского, Куппинского, Вихлинского, Ганзирского, Сиртичского, Алкадарского, Юхаристальского, Макинского поселений, соответствующие погребальные комплексы Бавтугайского, Новолакского, Ленинкентского, Дылымского, Таркинского, Черкезкутанского, Большого Буйнакского кургана, Карабудахкентских I и III, Урцекского, Количайского, Ленинкентского (Сергокалинский район), Гоцатлинского, Маалибского, Хабадинского, Цархигошинского, Бежтинского, Тарланкакского, Курклинского, Цыйшинского, Сумбатлинского, Мамайкаутанского, Дербентского, Дербентского курганного, Сиртичского, Хучнинского, Дюбекского, Лакунмурзского, Мамрашского, Шаракунского могильников.

Наибольшее количество погребений Шаракунского могильника относится к I-II вв. н.э. Погребение 44, например, представляет собой грунтовую могилу с вытянутым костяком, лежавшим на правом боку, со сведенными у таза кистями

рук и ориентированным на запад. Такой обряд погребения впервые встречен на Таркинском могильнике (погр. 2) в сопровождении инвентаря II-III вв. н.э.²⁸ Погребение 47 представляет собой остатки разрушенного каменного ящика с потревоженным костяком. Исходя из того, что в Дагестане албанского времени каменные ящики ранее II-III вв. н.э. неизвестны, можно предположить и более позднюю дату для погребения 47. Двенадцать грунтовых могил содержат костяки умерших, уложенных на спину, с разными положениями рук и ног: с ромбовидно согнутыми ногами и вытянутыми вдоль туловища руками (погр. 7), с правой рукой на тазе (погр. 54), с левой рукой на тазе и правой на поясе (погр. 6,75), с правой на поясе и левой на груди (погр. 74). Четыре костяка лежали на спине с вытянутыми ногами и руками (погр. 2,61,63,78), три - с полусогнутыми ногами и левой рукой на поясе, правой на груди (погр. 26,27,37). Погребения с костяками, лежавшими на спине из Карабудахкентского могильника, К.Ф. Смирнов относил к I-II вв. н.э.²⁹ К этому же времени в основном приурочены погребения с кусками мела (погр. 2,5,37,40,77) и подстилкой (погр. 2,5,11,16,30,79), хотя и меловая подсыпка и подстилка известны в Дагестане для предшествующего времени. В погребениях 67,74,77 и 80 обнаружены стеклянные бусы с металлической прокладкой внутри. Ранее II в. до н.э. такие бусы на Кавказе и Северном Причерноморье не появляются. Причем, с I в. н.э. они становятся разнообразнее, массивнее и грубее, а к IV в. их количество и разнообразие резко сокращается.³⁰ Среди шаракунских бус встречаются и довольно грубые и весьма тонко изготовленные. Наиболее разнообразный материал дает погребение 15, где в составе инвентаря имеются терракотовые статуэтки, появление которых в Дагестане не может быть отнесено ко времени глубже II в. н.э. и умбоновидная бляха. Такая же бляха найдена вместе со стеклянными бусами с позолотой, колокольчиком на цепочке, лунницей и другими предметами в погребении 74. В погребениях 14 и 9 обнаружены одинаковые головные булавки, в погр. 15,57 и 73 - кувшины с цилиндрическими шейками и воронкообразными устьями. Только у кувшина из погребения 73 устье четырехлепестковидной формы. На его дне прочерчен тамгообразный знак т.н. "птичьих лапки", характерный для зеркал II-III вв. н.э. из Северного Причерноморья.³¹ Кувшин с цилиндрическим горлом и воронкообразным устьем, аналогичный шаракунскому, происходит из кургана (18), относимого к I в. до н.э. — II в. н.э. Бережновского могильника.³² Известны такие сосуды и среди памятников Подонья³³ и Степной Украины.³⁴

В погребениях 4,35,79,69,63,58 Шаракунского могильника встречены кувшины с четырехлепестковидным устьем. Аналогичные кувшины характерны и для древности и Азербайджана албанского времени.³⁵ Погребение 48 с инвентарем из грушевидных головных булавок типа тех, что встречаются на албанских памятниках Азербайджана и бус, перекрывает погребение 57 с

подобными бусами и сосудами, один из которых имел воронкообразное устье и аналогичен сосуду из кургана I в. до н.э. — II в. н.э. Бережновского могильника Поволжья. Это позволяет датировать указанные погребения таким же временем.

По характеру погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря к Шаракунскому могильнику примыкает Мамрашский могильник, в котором раскопаны четыре грунтовые могилы: два со вторичными погребениями в овальных могилах и два с вытянутыми на спине костяками, ориентированными на северо-запад (они находились в узких грунтовых могилах в форме вытянутого четырехугольника и были перекрыты поперечно уложенными гольшами). Во всех этих могилах встречены одинаковой формы кувшины с четырехлепестковидными устьями. В первом погребении найдены круглорамчатые бронзовые пряжки, свернутые из круглой проволоки. Аналогичные им встречаются в I-III вв. до н.э. на Северном Кавказе,³⁶ в том числе на Хабадинском,³⁷ Таркинском,³⁸ Карабудахкентском III³⁹ могильниках и в раннем комплексе Большого Буйнакского кургана.⁴⁰ Позже они встречаются в Дагестане уже в большом количестве. Из второй могилы происходит височная привеска в полтора оборота и курильница в виде чаши на высокой ножке и с перегородкой. В.П. Шилов датировал такие курильницы III-II вв., допуская их бытование и в более позднее время.⁴¹ К.Ф. Смирнов считает, что курильницы на высокой рюмкообразной ножке преобладают в прохоровское время.⁴² В.А. Петренко выделяет их в I тип и датирует III-I вв. до н.э.⁴³ Височная привеска в полтора оборота, встреченная в этом же погребении, аналогична привескам из погребений 7,21 и 38 Карабудахкентского могильника.⁴⁴ Возможно, последними веками I тысячелетия до н.э. — начальными веками I тысячелетия н.э. следует датировать и это второе погребение.

Погребение 3 содержало помимо кувшинов с четырехлепестковидным устьем и со сливным носиком, бронзовые браслеты, грушевидную синюю стеклянную бусину-подвеску II-III вв. н.э. и другие предметы этого же времени.⁴⁵

Инвентарь погребения 4 схож с инвентарем погребения 3. Очевидно, по аналогии с погребениями Карабудахкентского 1 могильника, дата третьего и четвертого погребений из Мамраша определяется в пределах I-II вв. н.э.

На Сиргичском могильнике изучены один разрушенный и четыре целых каменных ящика и одиночный склеп с боковым лазом. Как известно, начиная с IV в. до н.э. на территории всего Дагестана распространяются грунтовые могильники. На самом Сиргичском могильнике была встречена грунтовая могила с биметаллическим мечом кугского типа IX в. до н.э.⁴⁶ Наиболее ранние каменные ящики Сумбатлинского, Хабадинского, Карабудахкентского III могильников и Большого Буйнакского кургана, относятся ко II-III вв. н.э. Эти сведения могут служить ориентиром для датировки Сиргичского могильника. В склепе и каменном ящике 4⁴⁷ встречены кости вторичного или расчлененного погребений. Во всех

остальных детских могилах кости не сохранились. Керамика, выявленная во всех погребальных комплексах, характеризуется едиными технологическими и морфологическими признаками: это серая лошенная столовая и тарная, посуда (горшки, кувшины, миски, хумы и проч.) и кухонная посуда (горшки в обмазке, сковороды, ребристые миски, кувшины со сливными носиками и т.д.). Керамика была найдена вместе с богатым набором бус из из разнообразных материалов. Коралловые бусы представлены здесь боченковидными типами, характерными для Северного Причерноморья I в. до н.э. — II в.н.э.⁴⁸ Среди стеклянных бус встречаются образцы с золотой и серебряной прокладкой: округлые с гладкими краями и закраинками вокруг отверстий, удлиненные боченковидные с такими же закраинками, усеченно-биконические, уплощенные с поперечными поясами из пяти бугорков и округлые двойные. Они находят аналогии среди бус Северного Причерноморья античного времени и по своему набору указывают на дату в пределах первых двух-трех веков н.э.⁴⁹ Среди стеклянных бус имеются и боченковидные синие I-III вв., бирюзовые III в. до н.э. — II в.н.э., в том числе уплощенные биконические, боченковидные рифленые (популярные для I в.н.э.), а также стреловидные подвески из прозрачного янтарного стекла конца I-начала II в.н.э.⁵⁰ Среди полихромных бус встречаются боченковидные формы с шестью белыми продольными полосами на черном фоне II в. до н.э. — II в.н.э.⁵¹ Такой же набор бус происходит из каменного ящика 4, где они обнаружены вместе с раковиной "каури" и двумя булавами гвоздевидной формы с отверстиями на стержне и с шаровидным навершием. Там же лежал бронзовый колокольчик. Все это позволяет отнести каменный ящик 4, как и еще один разрушенный каменный ящик ко II-III вв.н.э. Инвентарь других могил близок к инвентарю этих ящиков, что позволяет их хронологически сближать.

В каменном ящике 2 того же могильника найден кувшин с высоким цилиндрическим горлом, аналогичный найденному на Таркинском могильнике. В целом, приведенный материал, позволяет отнести комплексы Сиргичского могильника к начальным векам I тысячелетия н.э. Очевидно, к этому или близкому времени относится одновременное поселение, на территории которого были обнаружены все эти могильные сооружения. Каменный ящик 4, например, обнаружен под очагом вышележащего жилища с набором керамических горшков, кувшинов со сливными носиками и тарной керамикой тех же типов, что и в могилах. К Сиргичскому поселению хронологически близко Ганзирское поселение, расположенное в 10-12 км к западу от него. Среди большого количества разнообразной серой лошенной-столовой и тарной керамики здесь найдены обломки и один целый экземпляр кувшинов с воронкообразной горловиной (рис. 38,3). Среди сарматских памятников они встречены в хорошо датированных комплексах конца I-III вв.н.э.⁵² К этому же времени следует отнести, исследованный

нами на Ганзирском поселении, жилой комплекс гончара.

Близкую дату имеют нижние слои Чичикарского городища с керамикой ганзирского и сиргичского облика. Такая керамика происходит также из Алкадарского и Юхаристальского поселений (рис. 32-6).

Погребальные комплексы, выявленные на Гоцатлинском, Новолакском, Количевском, Верхне-Чирюртовском могильниках, М.И. Пикуль датирует начальными веками I тысячелетия н.э.⁵³ К этому же времени она относит Новолакское поселение. Наиболее ранний период функционирования Бавтугайского поселения она относит к III-V вв.н.э.⁵⁴

Погребения 17, 21, 23, 24 и 25 Большого Буйнакского кургана М.П. Абрамова датирует концом II-III вв.н.э. В этих могилах встречены серые лошенные (кувшин с цилиндрическим горлом и вздутым туловом и обломки сосудов) и красные ангобирыванные (кувшин) сосуды, близкие сосудам из синхронных памятников Азербайджана, железные ножи с горбатыми спинками, бронзовые и железные пряжки (треугольная, круглая, сьюльгамы), фибулы, височные привески (петлевидная с разомкнутыми концами, с заходящими концами), колокольчики и бусы. Данный материал подтверждает предложенную дату.

Мамайкутанский могильник, представленный двумя погребениями, датирован В.Г. Котовичем II-III вв.н.э.⁵⁵ Учитывая меловую подсыпку в них Я.А. и Г.С. Федоровы отнесли эти комплексы к III-IV вв. Однако меловая подсыпка характерна как для более ранних, так и для более поздних погребений Дагестана, и она не дает права для такой конкретно узкой даты. Погребальный обряд в Мамайкутане характеризуется, как и у отдельных погребений Таркинского могильника, вытянутым на спине положением костяков, ориентацией на восток или юг с разными положениями рук (правой на поясе, левой на груди; левой на тазе, правой у плеч) и, как уже говорилось, наличием меловой подсыпки. Сопутствующий инвентарь представлен серыми лошенными кувшинами (со сливными носиками и поильником-сосудом с ручкой-соском, соединенной перемычкой с устьем) и разнообразными бусами, подтверждающими предложенную В.Г. Котовичем дату.

М.Г. Гаджиев и А.И. Абакаров датируют нижние слои Нижнечуглинского, Меседил мицир и Сукара городищ I-III вв.н.э., Охлинского, Ахкентского, Кулецинского, Урминского, Левашинского I и II городищ III-V вв.н.э.⁵⁶ Нижние слои Некрасовского (III-IX вв.), Ингилис-тубе, Какамахи, Генторун (от I-II вв. до IX вв.), Губденского (III-IX вв.), Чакауракентского, Эскиюртского (начало I тысячелетия н.э.), Усимикентского Гяуркала, Чопалавтюбе городищ также можно датировать начальными веками I тысячелетия н.э. Нижние слои Андрейаульского городища относятся ко II-III вв.н.э.

На Сумбатлинском могильнике из 15 изученных нами могил 6 датируются

IV-VIII вв. н.э. Основным типом погребальных сооружений здесь является каменная гробница, появившаяся в горном Дагестане не ранее I-II вв. н.э. В каменной гробнице 9 Сумбатлинского могильника найдены костяки мужчины и женщины, лежащие на спине, головами на юго-восток. Левый мужской костяк имел вытянутую левую и подогнутую и сведенную у пяток правую ногу, вытянутую правую и согнутую в локте и уложенную на пояс левую руку. Правый женский костяк имел вытянутую правую и согнутую и сведенную у пяток левую ногу. На памятниках Северного Кавказа, в частности, в погребениях I в. до н.э. — I в.н.э. Нижнежулатского могильника Кабардино-Балкарии встречаются костяки с правыми или левыми подогнутыми ногами и руками в разных положениях, в том числе и с руками на поясе, при наличии подстилки под погребенными.⁵⁷ В этой же 9 могиле Сумбатлинского могильника встречены фибула с выступом на конце ножки и полусферическим щитком II-III вв. н.э.⁵⁸ и мечи с кольцевым навершием, получившим распространение на Северном Кавказе, начиная с I в.н.э.⁵⁹ Дата погребения 9 Сумбатлинского могильника определяется в пределах II-III вв. до н.э. Каменная гробница 13 датируется II в. н.э. по сочетанию двух биллонных зеркал: одного I-II вв. н.э. с боковым ушком, коническим утолщением в центре и валиком по краям и другого II-III вв. н.э. — с коническим центральным утолщением внутри квадрата и валиком по краям (рис. 66, 54, 53). Дату могилы 11 определяет длинный железный всаднический меч без навершия и перекрестья II-IV вв. н.э. На одной глубине с этим погребением залежали каменные ящики 12 и 14. Возможно, они одновременны могиле 11. Могила 8 (склеп) содержала много хорошо датированных предметов. Нижнюю ее дату определяют железные мечи и кинжалы без навершия и перекрестий, получившие наибольшее распространение во II в. н.э. Верхнюю дату ограничивают не только собственные материалы, но и материалы перекрывающих ее могил IV-VIII вв. н.э. Так, в могиле 7 встречены железные удила с крестовидными псалиями III-II вв. до н.э. и меч без навершия и перекрестья, датированный по Дагестанским материалам не ранее II в. н.э. Обе эти находки разделяет время примерно около 400 лет, хотя у нас нет уверенности, что это остатки одного и того же погребального комплекса.⁶⁰

Поблизости от Сумбатлинского могильника находится Цыйшинский могильник, где выявлены 6 грунтовых могил и два каменных ящика. В.Г. Котович, М.Г. Магомедов и М.М. Мамаев датируют большинство погребений этого могильника I-II вв. н.э., а височную привеску с 14-гранником и двухпластинчатую фибулу-IV-V вв. н.э.⁶¹ Для могильника в целом эта дата действительно верна. Здесь наиболее поздними являются каменные гробницы 8 и 12, где найдены арбалетная фибула, костяная накладка от лука (погр. 12), а также обломок зеркала и пряжка (погр. 8). В грунтовых могилах 6 и 7 найдены длинные всаднические мечи с резким переходом от клинка к штырю. Как уже отмечалось, этот признак

появляется с IV-V вв. н.э. Остальные могилы (9-13) относятся к I-III вв. н.э.

На одновременном Цыйшинском городище заложено несколько раскопов, откуда получена керамика рубежа и первых веков н.э.⁶² На Вихлинском поселении, расположенном в 3 км к северо-западу от Цыйшинского городища, выявлены материалы I-V вв. н.э.⁶³

В разрушенном погребальном комплексе Цархигоцинского могильника (сел. Тидиб Шамильского района) встречены браслеты с утолщенными четырехугольными концами (рис. 32-а, 18, 26), браслеты с перевитыми концами (рис. 32-а, 13-15, 25) и фибулы "Авчис" (рис. 32-а, 19-20, 20а), датируемые первой половиной I в. н.э.

Бежгинский могильник датирован Д.М. Атаевым VII-X вв. н.э. Признавая эту дату для большинства погребений справедливой, мы все же вынуждены отметить, что большое количество предметов материальной культуры (подтреугольные пряжки, подвески, сюльгамы, головные булавки, пружинные ножницы, мечи с кольцевыми навершиями, мечи с антенновидными навершиями, мечи без навершия, но с прямым перекрестьем, наконечники стрел и др.) относится к интересующему нас албанскому времени. Наконец, мы можем указать на погребения, поздняя дата которых детально не обоснована. Наиболее архаичным было погребение 24, инвентарь которого состоял из треугольной ажурной подвески, меча с кольцевым навершием и гвоздевидной головной булавкой с отверстием на стержне (рис. 65, 1-24). Их сочетание дает дату в пределах I-II вв. н.э. Такую же архаичную дату имеет погребение 2 раскопа 1959 г.

На Дербентском холме выявлен и исследован могильник, погребальные сооружения которого залегают в трех перекрывающих друг друга напластованиях. Во втором из них встречены могилы албанского времени. Первую из них (погр. 9 или 11) А. А. Кудрявцев относит к I в. до н.э. — I в. н.э., вторую 5 (погр. 24) — к II-I вв. до н.э.⁶⁴ Обе они содержат хорошо датированные материалы и выразительный погребальный обряд. В первой могиле (каменном склепе), над потревоженными костяками погребенных с пятью черепами найдены вытянутый на спине скелет, ориентированный, судя по плану на юго-запад (автор не дает ориентировки погребения) в сопровождении конского захоронения (здесь же найдено и захоронение собаки) и инвентарь, состоявший из четырех кувшинов, одного двуручного сосуда и одной миски-плошки, железного ножа с горбатой спинкой, прямоугольнорамчатых пряжек, круглых железных колец, черешкового трехлопастного наконечника стрелы и разнообразных бус. А.А. Кудрявцев сопоставляет этот материал с далеко не аналогичными формами. Так, красноангобирванный двуручный горшок он сравнивает с типологически далекими, серыми лощеными горшками, широко распространенными на территории Закавказья, Дагестана и отчасти Северного Кавказа, начиная с XII в. до н.э. Хотя, он упоминает аналогии из поселения Учтепе Азербайджана,

Аргиштихинили Армении и Тамгазик Карачаево-Черкессии.⁶⁵ Однако этот сосуд сооставляется с двуручным красным ангобированным горшком из грунтовой могилы 6 Карабудахкентского III могильника, где он был найден вместе с фибулой причерноморского типа.⁶⁶ По К. Ф. Смирнову на этом могильнике нет комплексов, датируемых ранее II в. до н.э. Да и сама фибула относится ко II в.н.э.⁶⁷ Обращает на себя внимание и то, что красная ангобированная керамика в Дагестане не встречается ранее I в.н.э., а в южном Дагестане она известна еще позже. В этой грунтовой могиле 6 Карабудахкентского III могильника встречена реберчатая миска, аналогичная той, что найдена в могиле 9 Дербентского могильника и параллели которой А.А. Кудрявцев приводит из Аргиштихинили в Армении.⁶⁸ Как показывают материалы Андрееваульского городища, такие миски встречаются в слоях, относящихся и к I-III вв.и в слоях IV-VIII вв.⁶⁹ Среди кувшинов "9-й могилы" Дербентского могильника встречен интересный сосуд с грушевидным туловом, широким горлом, отогнутым венчиком и петлевиной ручкой, прикрепленной к основанию плечико. Сосуды, приведенные А.А. Кудрявцевым в качестве параллелей, из памятников Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, относящиеся ко второй половине I тысячелетия до н.э., не могут быть признаны аналогичными находкам из Дербента. Упомянутый кувшин относится к группе так называемых биконических сосудов, характерных для памятников Северного Причерноморья III-IV вв.н.э.⁷⁰ К тому же, среди материалов "9-й могилы" имеются железные прямоугольно-рамчатые пряжки.⁷¹ Аналогичные им появляются в III-IV вв.н.э. В Дагестане они найдены в могилах IV-V вв.н.э. Большого Буинакского кургана (2 и 13).⁷² Иными словами, материалы Дербентской "9 могилы" не могут быть отнесены ко времени ранее III в.н.э. Этому не противоречат и другие материалы комплекса, в том числе бусы, привески и браслеты.

Другая дербентская могила (24) содержала два серых лошених кувшина: один с округлым, несколько выгнутом туловом, плоским широким дном и круглой ручкой, соединяющей основание венчика с плечиками, другой-со вздутым туловом, резко переходящим в расширяющееся кверху горло с выделенным сливным носиком и круглой ручкой, соединяющей венчик с плечиками (основание шейки украшено налпным валиком с насечками, середина шейки-резной линией). Первый сосуд действительно находит аналогии среди сосудов могилы (38) II-I вв.до н.э. Карабудахкентского могильника, второй - в разрушенной гробнице Сиргичского могильника вместе с бусами II - III вв.н.э. На Сиргичском поселении такой кувшин встречен у очага, перекрывающего каменный ящик 4 II-III вв.н.э. В большом количестве они встречены и на Ганзирском поселении. Иными словами, ни один из этих сосудов не позволяет определить такую узкую дату (II-I вв.до н.э.), какую предлагает А.А. Кудрявцев для могилы 24.

Ко II-III вв.н.э. относятся две узкие грунтовые могилы из Тарланкакского могильника.⁷³ Обе они имеют формы узкого вытянутого четырехугольника. В

одной костяк лежал на органической подстилке, на спине с кистями рук на тазе, головой на восток и в сопровождении бронзовой и железной пряжек, а также крупной бусины, в другой, ориентированной по линии север-юг, найдены собранные в кучу разрозненные кости и бронзовая петлевиная привеска с короткими разомкнутыми концами, четыре поясные пряжки, обломок железного всаднического меча и разнообразные бусы из стекла, гагата и янтара.

На втором раскопе Верхнелабкомахинского городища выявлены часть помещения со ступеньками, ведущими на верхний этаж и отрезок мощеной улицы. Здесь была найдена керамика-грубая толстостенная (около 30 мм) кухонная, столовая и тарная. Среди посуды важно видеть и белую ангобированную и серую лошеную. Тарная посуда представлена обломками красных и коричнево-бурых корчаговидных сосудов. Красные ангобированные сосуды характерны для памятников Дагестана III-V вв.н.э.⁷⁴ Не противоречит подобной дате аспидно-серые, лощеные сосуды ранее описанных форм (см. гл. II).⁷⁵

Под этим помещением обнаружены стены более древнего жилища, где найдены раковина "каури", маленький пирамидальный костяной наконечник стрелы с внутренней втулкой и опущенными жалъцами, а также обломки толстостенного баночного сосуда с ложной ручкой и вертикальными семечковидными вдавлениями у утолщенного венчика, обломки венчика округлободкой миски с загнутыми во внутрь краями, и другая керамика со следами вертикального лощения, характерная для изделий Дагестана албанского времени.

Вместе с тем, надо отметить, что Верхнелабкомахинское городище пока единственный памятник на Левашинском плато, культурные слои которого уходят в глубину скифского времени и продолжают бытовать вплоть до XIV в.н.э.

Наконец, следует вернуться к Карабудахкентскому и Таркинскому могильникам. Так, Е.И. Крушов отнес обнаруженные им в 1947 г. погребения 1,2,4,5,7,9-13 Таркинского могильника ко II-III вв.н.э.,⁷⁶ а К.Ф. Смирнов-погребения 10,11,14,18,24,25,27,раскопанные им в 1948 — 1949 гг., к началу III в.н.э.⁷⁷ Позже В.Б. Виноградов отнес к этому времени погребения 1,5,7,9-12 из раскопок Е.И. Крушова и погребения 1,3,4,10-14,17-19,23-25,27-29,32-33,40,41 из раскопок К.Ф. Смирнова.⁷⁸ Большинство могильных сооружений Карабудахкентского могильника по К.Ф. Смирнову относятся к первым векам н.э., за исключением некоторых могил, особенно коллективной могилы 38 (склепа).⁷⁹

Подведя итоги всему сказанному следует отметить, что археологическая культура Дагестана албанского времени датируется III в. до н.э. — IV в.н.э. и проходит в своем развитии два этапа, приуроченные к III-I вв. до н.э. и к I-IV вв.н.э. (см. табл.). Первый этап характеризуется становлением и развитием культуры, а второй-наибольшим развитием. Последний этап оборван Великим переселением народов и прежде всего проникновением в Прикаспийский Дагестан гуннских кочевых орд.

Таблица I.

ХРОНОЛОГИЯ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ ДАГЕСТАНА АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Наименование памятников	до н.э.								н.э.											
	400	350	300	250	200	150	100	50	0	50	100	150	200	250	300	350	400	450	500	
Андреяульское городище																				
Бавугайское городище																				
Бавугайское поселение																				
Миятлиное VI поселение																				
Хазаркалинское городище																				
Новолакское поселение																				
Аркаское городище																				
Генгорунское городище																				
Ингидис-тобе крепость																				
Какашуринское поселение																				
Урцекское городище																				
Какамахинское городище																				
Ахкентское городище																				
Сукара городище																				
Месели мизир городище																				
Кудецинское городище																				
Урминское городище																				
Нижнезултинское городище																				
Левалинское I городище																				
Левалинское II городище																				
Куштинское городище																				
Верхнеабкомахинское г-ще																				
Шамшахарское городище																				
Эскиортское городище																				
Алхажикентское "Гюркада"																				
Таргунское городище																				
Гичинское II городище																				
Гурурраальское поселение																				
Вихлинское поселение																				
Цылинское поселение I																				
Цылинское поселение II																				
Цылинское городище																				
Дербентское городище																				
Топракчалыжское городище																				
Пенжинское поселение																				
Ушаджарское городище																				
Санзурское поселение																				
Сиртиское поселение																				
Калинское городище																				
Цмурское городище																				
Алкадарское поселение																				
Юхаристальское поселение																				
Мачинское поселение																				

ХРОНОЛОГИЯ МОГИЛЬНИКОВ ДАГЕСТАНА АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ.

Наименование памятников	до н.э.								н.э.											
	400	350	300	250	200	150	100	50	0	50	100	150	200	250	300	350	400	450	500	
Бавугайский																				
Верх. Чирюртовский																				
Новолакский																				
Ленинаульский																				
Дьлымский																				
Таркинский																				
Талгинский (Черкезкутан)																				
Большой Буйнакский курган																				
Карабудахкентский I																				
Карабудахкентский III																				
Урцекский																				
Кочичайский																				
Ленинкентский																				
Гоцатлинский																				
Маалибский																				
Хабалинский																				
Цархигоцинский																				
Бежтинский																				
Тарланакский																				
Кучлинский																				
Цылинский																				
Сумбуллинский																				
Мамайкутанский																				
Дербентские курганы																				
Дербентский																				
Сиртиский																				
Хучинский																				
Дюбекский																				
Лакумурский																				
Мамрашский																				
Шаракунский																				

III. 2. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

Вышеперечисленные бытовые и погребальные памятники занимают территорию горного и плоскостного Дагестана. По мере их выявления и изучения, исследователи высказывали свои соображения по их этно-культурной интерпретации. Так, Е.И. Крупнов отметил, что Таркинский могильник характеризует культуру местного населения Кавказской Албании периода ее расцвета. Вместе с тем, сарматские признаки, характерные для памятника, он воспринимал не только как свидетельство культурного общения и связи племен, но и проникновения в местную среду отдельных сарматских этнических элементов.⁸⁰ К.Ф. Смирнов принял эту точку зрения и добавил к ней этническую интерпретацию могильников, а именно связал Таркинский могильник с утидорсами, а Карабудахкентский могильник - с удианами.⁸¹ Эта точка зрения получила широкое признание среди специалистов. Однако, одни считали роль сарматских элементов в местной культуре преувеличенной,⁸² другие, наоборот, обвиняли дагестанских исследователей в недооценке сарматских элементов в культуре населения Дагестана.⁸³

Этно-культурная характеристика некоторых других памятников края производилась различными авторами с учетом включения всего Дагестана — до Сулака в состав Кавказской Албании и с учетом влияния сармато-аланских кочевников на местное население. Так, Мамайкаутанский могильник, расположенный в приморской части Центрального Дагестана, Я.А. и Г.С. Федоровы приписывают аланским племенам.⁸⁴ С.А. Ковалевский и вслед за ними А.А. Кудрявцев сопоставляют Дербент с птолемеевским городом Гелда, связав название древнего города с этнонимом, оставленным проживавшими на этой территории гелами.⁸⁵ Авторы "Истории Дагестана" приписывают Шаракунский могильник каспиям.⁸⁶

М.И. Пиккуль занималась историко-культурной характеристикой памятников Дагестана. Ею, в пределах Дагестана албанского времени выделены шесть археологических культур: Северо-западная (Новолакский могильник), Присулакская (Миатлинский могильник), Среднепредгорная (Таркинский, Карабудахкентский I и II могильники), Восточная (Аркасское поселение), Центральная (Хабардинский могильник) и Южнодагестанская Шаракунский могильник).⁸⁷

В свое время Дж. А. Халилов отказался от выделения в Азербайджане мелких археологических культур (ялойлутепинской, кувшинных погребений, сырцовых гробниц и др.) и объединил памятники всей Кавказской Албании в единую культуру, в которую включил и памятники Дагестана.⁸⁸ В последнее время

характеристикой памятников Дагестана албанского времени занялась М.П. Абрамова. Она выделила на территории Дагестана две археологические культуры: одну в горной, предгорной и приморской частях Дагестана. Для нее, по ее мнению, характерны городища с каменными укреплениями, пестрота погребального обряда (грунтовые ямы, каменные ящики, гробницы и склепы, вытянутые, скорченные, сидячие положения костяков, вторичные погребения, захоронения отдельных черепов), своеобразиие керамического материала, испытавшего влияние закавказских культурных традиций. Другую культуру она выделила в районе Терско-Сулакского междуречья. Ее характеризуют неукрепленные поселения, единство погребальных сооружений (грунтовых могил с вытянутыми на спине костяками), своеобразный набор специфических форм керамических сосудов, возникших под влиянием Кавказской Албании. Терско-Сулакскую культуру она связывает с сарматами.⁸⁹

В целом эта характеристика верна, но нуждается в корректировке: 1) в Дагестане албанского времени помимо укрепленных поселений встречаются и неукрепленные. К ним относятся Макинское, Сиртичское, Ганзирское и др. 2) Красная ангобированная керамика дагестанских памятников не связана с азербайджанской территорией. Она появилась в горных районах в конце I тысячелетия до н.э. — начале I тысячелетия н.э. и получила широкое распространение после II - III вв.н.э. 3) Андрей - аульское городище и его могильники, как впрочем и другие памятники Терско-Сулакского междуречья, не могут быть обособлены в отдельную археологическую культуру, оставленную сарматскими племенами. В свое время Я.А. и Г.С. Федоровы связывали эти памятники с аорсами, в среду которых проникли гунны.⁹⁰ Между тем, наиболее показательным признаком для степных памятников являются курганные насыпи, которые среди приводимых М.П. Абрамовой памятников опущены. М.П. Абрамова и М.Г. Магомедов первоначально более тесно увязывали Андрейаульский комплекс с Таркинским и Карабудахкентским могильниками, а материальную культуру связывали с древними земледельческими племенами Северо-Восточного Дагестана, вошедшими в состав Кавказской Албании.⁹¹ Позже М.Г. Магомедов, как и М.П. Абрамова, отказался от своего в целом правильного взгляда. Он, уточняя хронологию нижних слоев Андрейаульского комплекса в пределах II — IV вв., стал связывать их с барсилами. Между тем, более достоверной представляется точка зрения В.Б. Виноградова и В.И. Марковина, а также А.В. Гадло об этно-культурном облике могильника Ямансу и городища Хазаркала, согласно которой материальная культура степных ираноязычных кочевых аорсов наслаивается на более древнюю культуру местного оседлого населения.⁹² Эти доводы особенно убедительны в свете изучения

памятников Чечни (Ямансу, Балансу, Галайти 2 и др.).

Как видно из вышеизложенного, мнения исследователей о культурном и этническом определении памятников Терско-Сулакского междуречья расходятся. Это делает задачу по систематизации и этно-культурному определению памятников Дагестана вполне актуальной.

Выше уже отмечалось близость погребальных сооружений и обряда памятников Дагестана и Азербайджана. Так, узкие и овальные грунтовые могилы со скорченными костяками встречаются во всех районах Дагестана (Бавтугай, Верхний Чирюрт, Тарки, Талги-Черкезкутан, Карабудахкент I, Урцеки, Гоцатль, Хабада, Бегта, Цыйша, Дербент, Шаракун и т.д.). В Азербайджане они встречены в Мингечауре, Ялойлутепе, Шемахе, Кабале, Топраккале, Ньюди, Рустоме, Джанахаре, Моллаисакли, Калагах и др. могильниках.⁹³ Встречаются в Дагестане и в Азербайджане много общих форм керамических сосудов (кувшинов, горшков, мисок, ритуальных сосудов), предметов торевтики, вооружения и украшения.⁹⁴ Вместе с тем, среди памятников Азербайджана найдены укрепления из сырцовых стен, известны земляные валы и рвы вокруг поселений, обнаружены ваночные, кувшинные, сырцовые, срубные погребения и сырцовые гробницы, собраны большие коллекции предметов материальной культуры, в том числе керамические сосуды, украшения и др., неизвестные для Дагестана. Поэтому, соглашаясь с тезисом об определенной общности между памятниками Дагестана и Азербайджана, мы видим ее не в рамках археологической культуры, а более широкой иерархическо-типологической категории. Наиболее вероятным представляется определение “культурная общность”, “историко-культурная общность”, “Этно-культурная общность” или просто “общность”, взятые из широко распространенной в литературе трехчастной системы — локальный вариант археологическая культура-культурная общность. Нашу общность можно было бы определить как восточнокавказскую культурную общность. Она определяется в рамках государственных рубежей Кавказской Албании. Однако выше уже отмечалось, что нет пока единого мнения о северных границах Кавказской Албании.

К. Птолемей, который пользовался сведениями Патрокла,⁹⁵ действительные размеры Албании исказил: у него они очень вытянуты в широтном направлении и сжаты в долготном. Ширина Албании едва ли не превышает реальную ширину всего Кавказского перешейка, а расстояние между рекой Ра-Волгой и устьем р. Куры соответствует 344 км 489 м, что чуть ли ни в три раза меньше действительного расстояния. При таких искажениях, допущенных источниками, целесообразно исходить из той системы, что заложена самим автором в его произведении. Тем более, что ряд топонимов, гидронимов и

этнонимов, указанных в этих источниках, в том числе в “Географическом руководстве” К. Птолемея сопоставляются с реальными географическими объектами и этническими группами Восточного Кавказа.⁹⁶

Из рек, впадающих в Каспийское море и расположенных между Ра- Волгой и Кур-Курой, К. Птолемеем названы Удон (87°-48° 20'), Алонта (86° 30'-47°40'), Соана (86° — 47°), Герр (84° 30'-46° 30'), Кайсий (82° 30'-46°), Албан (80° 30'-45° 30'). Вполне естественно сопоставить их с наиболее значительными водными артериями Восточного Кавказа, впадающими в Каспийское море (рис. 69; 70). Наиболее удачно сопоставляются (и это не вызывает возражения у исследователей) птолемеевские реки Ра и Кур с реальными реками Каспийского бассейна-Волгой и Курой. Также не вызывает возражения сопоставление гидронима “Удон” с современной рекой Кумой. Другая птолемеевская река Восточного Кавказа — Олонта или Алонта сопоставляется с Тереком.⁹⁷ Причем, в гидрониме “Алонта” отчетливо слышится этническое наименование-алан.

Следующую за Алонтой реку, по К. Птолемее, мы, вслед за Н. Г. Волковой, сопоставляем с рекой Соной, протекающей, как сказано у Вахушти, по Чечне.⁹⁸ Эта река по своему географическому положению соответствует Аргуну. Соану многие исследователи сопоставляли с Сулаком.⁹⁹ По С. Ю. Юшкову, лакцы и даргинцы до сих пор называют эту реку “Кас”.¹⁰⁰ Нам не удалось найти ни среди лакцев, ни среди даргинцев человека, знающего Койсу под названием “Кас”. С.Т. Еремян сопоставляет с Сулаком реку Сондас или Тсондас, выявленную им в одном из списков “Географического руководства” К. Птолемея.¹⁰¹ Она находится к югу за Соаной и, видимо, действительно соответствует Сулаку. Сам гидроним “Сулак” тюркского происхождения и не мог до раннего средневековья появиться в Восточном Кавказе.

Птолемеевское название следующей к югу реки—“Герр” можно сопоставить с современной рекой Гюльгеричай. Этот гидроним распадается на части “Гюльгер (р)и-чай”, где первая часть “гюль” восходит к иранскому “Gul”, пехлевийскому “Gul”, персидскому “گل” —цветок, роза,¹⁰² последняя часть “-чай”—к тюркскому названию речки. На одном из тюркских языков-азербайджанском —“Гюль” также обозначает цветок. Соответственно “Гюльгери-чай” будет переводиться как “речка соцветия герров”. На Табасаранском “Гюльгери” обозначает “овес”. Соответственно “Гюльгеричай” переводится как речка овса. Возможно, это слово само происходит из персидского. Начальная основа гидронима “гер” или “герр” соответствует древнему этнониму. Следовательно, такое название реки сохраняет в себе следы этнонима еще в античного времени.

Следующую за Герром реку Птолемея-Кэсия или Кас мы сопоставляем с Самуром. Первое упоминание гидронима “Самур” восходит к IX в. до н.э.

(Истахри, Ибн-Хаукаль, Баладзори, Идриси).¹⁰³ По П. Г. Буткову и В. Ф. Минорскому, слово "Самур" переводится с осетинского языка как "хуница".¹⁰⁴ Выяснению значения этого гидронима было посвящено несколько докладов на Всесоюзной ономастической конференции в Махачкале в 1971 г. В докладе Г. Х. Ибрагимова этот гидроним объявлен цахурским. Автор привлек для доказательства своего предположения разные варианты цахурско-рутульского произношения: санбур>саммур>самур и возводит их к "хъан-бур", где первая часть слова обозначает "вода", вторая-форманг множественного числа, и само слово переводится как "воды", "реки".¹⁰⁵ Б. Б. Талибов, возражая ему, приводит рутульское название этой реки—"Нацлур" и считает гидроним "самур" поздним по происхождению, привнесенным племенами некавказского происхождения.¹⁰⁶ Видимо, автор имеет в виду гипотезу П. Г. Буткова- В.Ф. Минорского об осетинском происхождении названия Самур. Другой дагестанский языковед И. Х. Абдуллаев, также разделяя точку зрения Буткова-Минорского, считает приведенные Г. Х. Ибрагимовым разновидности гидронима "Санбур"- "Самбур" поздними и азербайджанскими вариантами.¹⁰⁷ К. Ш. Микаилов предложил разные пути поиска значения гидронима Самур и указывал на особенности моделей топонимов и гидронимов Южного Дагестана-Самур, Нацлур, Цахур, Рутул и т.д., состоящих из двух частей "сам", "нацл", "нах" и т.д. и окончания "-ур". Следовательно и гидроним "Самур" расчленяется на две части—"сам" и "-ур". Это позволяет и нам сопоставить основу гидронима "сам" с названием раннесредневекового этнополитического объединения Южного Дагестана в виде "Сам-сам" или "Сам", известным нам по хронике "Ахты-наме". Развалины столицы этого княжества сохранились вблизи сел. Микрах Ахтынского района, развалины другого населенного пункта этого объединения-вблизи Кала-Кюре.¹⁰⁸ Следовательно, гидроним Самур возник в раннем средневековье от названия населения и княжества Сам-ов и переводится как "река Сам-ов", а гидроним "Кэсия" или "Кас" относится к более раннему времени и связан с этнонимом каспиев. Плиний определяет расстояние между устьями рек Кура и Кас в 425 000 шагов (шаг = 70 — 80 см, т.е. 425 000 x 70 см = 29 750 000 см или 425 000 x 80 = 34 000 000 см) или 297,5-340 км, что примерно соответствует меридиальному расстоянию между устьями Куры и Самур.

Река Албан, расположенная между Кэсией и Кюр, видимо, соответствует одной из рек Азербайджана, скорее всего Алпан-чаю. Для реки Албан характерны следующие данные: она впадает в Каспийское море, протекает вблизи от главного города Албании и его истоки начинаются недалеко от Албанских ворот. Этим требованиям отвечает река Албан-чай.

Таким образом, из пяти рек, названных К. Птолемеем, две локализируются на территории современного Азербайджана, три-на территории Дагестана. Из

них Плинием названы лишь Кас, Албана и Кюр. Не названы им Герра и Соана, расположенные в глубине Северо-Восточного Кавказа.

Другой важный географический объект, связанный с локализацией албанских племен, это Керавнские горы. Б. Дорн сопоставлял их с Каранайским хребтом,¹⁰⁹ В. Б. Виноградов и К. Чокаев-с хребтом Кёрилам в Ичкерии,¹¹⁰ Л. А. Ельницкий-вообще с северными отрогами Кавказа,¹¹¹ К. Алиев, вслед за В. Томапекон и К.В. Тревер, с Самурским хребтом и "другими горными отрогами, снижающимися к побережью Каспия в предгорной степной полосе выше Дербента",¹¹² А.А. Акоюн—с Андийским хребтом.¹¹³ Точка зрения А.А. Акоюна нам представляется наиболее верной. Нами еще в 1975 г. была высказана мысль о возможности сопоставления Андийского хребта и Керавнского хребта.¹¹⁴ На карте К. Птолемея Кавказские горы имеют координаты 75° — 47° и 85° — 48°. Керавнские горы, ответвляющиеся от них — 82° 30' - 49° 30' и 84° - 52°, а Сарматские ворота (Дарьяльский проход)— 81° - 48° 30'. Такая система координат показывает на расположение одной из оконечностей Керавнских гор недалеко от Дарьяльского ущелья, а сами Керавнские горы образуют здесь с Кавказскими горами треугольник, в угол которого помещены тушины, локализуемые вблизи от Пириkitинского хребта Грузии и диди или дидойцы — в Пунтинском районе Дагестана. Иными словами, мы располагаем довольно определенными ориентирами для идентификации Керавнских гор. Это горы, ответвляющиеся от Главного Кавказского хребта, поблизости от места жительства тушин и лидоевцев, а также от Сарматских ворот, т.е. Дарьяльского прохода. Этим условиям наиболее соответствует Андийский хребет. Возможно, название Керавнские горы распространялось и на хребет Кёрилам.

Таким образом, мы полагаем, что Керавнские горы-это Андийский хребет и Кёрилам, а Соана-река Аргун, протекающая по горной Чечне недалеко от этих гор. Именно по этим горам и реке проводил северную границу Кавказской Албании К. Птолемей. Напомним, что пределы легов-леков, по Леонти Мровели, распространялись до реки Ломеки-Терека грузинских источников.¹¹⁵ По Страбону¹¹⁶ и Плутарху,¹¹⁷ леги помещены ниже амазонок, локализуемых в Предкавказских степях, и выше Терека, сопоставляемого многими исследователями с Мермодаль.¹¹⁸ Такие политические границы Албании, видимо, существовали здесь, начиная с III-II вв. до н.э.

По итогам исследований азербайджанских археологов, не позднее III-II вв. до н.э. завершается процесс образования государства Кавказской Албании.¹¹⁹ По источникам, восходящим ко II в. до н.э., территория Дагестана до Терека входила в состав Кавказской Албании. Эти границы оставались неизменными до сасанидского строительства в Дербенте в V-VI вв. н.э. Об этом свидетельствует

надпись царя Шапура I на Каабе-и-Зардушт. В 225-226 гг. на смену Аршакидам в Парфии приходит новая династия Сасанидов, начавшая активную борьбу в Римом за сферы влияния. В числе стран, покоренных Шапуром I к 262 г., в надписи Кааба-и-Зардушт упоминаются «Атропатена, Армения, Иберия, Махелония, Албания (страна вплоть до) Кап-коха (Кавказских гор) и «Аланских ворот»¹²⁰. С.Т. Еремян, после подробного анализа этого текста, пришел к выводу о возможности локализации Махелонии рядом с Албанией. Правда, он сооставил Махелонию с царством маскутов в Южном Дагестане.¹²¹ Однако, из текста следует, что Махелония расположена рядом с Кавказской Албанией, у Кавказских гор и «Аланских ворот» (Дарьяльского прохода). Здесь в албанское время располагались нахские племена, скорее всего предки ингушей, известные у осетин под названием махкхалон (по осет. Мгехъхъгелов).¹²² Возможно, под названием Махелония скрывалась не только предки одних ингушей, но и всех нахских народов. Локализация Махелонии по обе стороны Главного Кавказского хребта, у верховьев Аргуна, более всего соответствует сведениям надписи Шапура I. Одновременно это подтверждает тезис о существовании северных политических границ Кавказской Албании по Аргуну-Тереку вплоть до III в.н.э. Такие политические рубежи Албании способствовали формированию на территории этого государства особой историко-культурной или культурной общности. Особенности данной общности были обусловлены сложными физико-географическими условиями страны. Источники изображают богатые и плодородные земли Албании. Тацит, Плутарх и Дионисий говорят и о горной части Албании. По Плинию, албаны заселяли Кавказские горы,¹²³ по К. Птолемию, на территории Албании расположены горы Большого Кавказа, горные перевалы и проходы.¹²⁴ Эти горно-долинные и равнинные районы должны были определить характер экономики и культурные особенности памятников в отдельных регионах. В рамках общеалбанской культурной общности выделяется дагестанская археологическая культура. Причем, под археологической культурой мы понимаем реально существующую совокупность, связанных между собой объектов (артефактов), определенным образом ограниченных во времени и пространстве. При этом следует учесть, что в таксонометрической системе и на процедурном уровне, археологическая культура-это понятие, следующее за типом и признаком.¹²⁵ Поэтому к данному термину мы подходим как к фундаментальному понятию археологической систематизации, применяемому на источниковедческом уровне изучения материалов, предшествующих исторической интерпретации. Дагестанская археологическая культура албанского времени довольно отчетливо прослежена выше проведенным анализом бытовых и погребальных памятников и сопровождающего их инвентаря. Здесь же, в заключение, перечислим основные

признаки этой культуры: бытовые памятники расположены в благоприятных физико-географических условиях, способствующих максимальному развитию всех видов экономики, особенно земледелия, скотоводства и различных видов ремесел, поблизости от коммуникаций, но на труднодоступных местах, облегчающих защиту населения от нападений. Поселения представлены тремя разновидностями. Первые из них окружены мощными оборонительными стенами с башенными выступами и имеют в привилегированной зоне цитадели. Такие городища отличаются наиболее крупными размерами и приурочены, как правило, к международным коммуникациям. Вторая разновидность поселений меньших размеров: они не имеют цитаделей, но окружены оборонительными стенами. Наконец, встречаются поселения без каких-либо укреплений (Мака, Ганзир, Сиртич и др.). Все эти поселения расположены группами. Мелкие укрепленные и неукрепленные поселения сконцентрированы вокруг крупных городищ с цитаделями.

Оборонительные стены возведены по так называемой панцирной технике, т.е. с забутовкой пространства между двумя наружными панцирями мелкими камнями и глиной. Внутри цитаделей отмечены дворцовые многокомнатные комплексы (Дербент, Таргу), принадлежавшие социальной верхушке общества. Другие жилища, встреченные на территории поселений, имеют два-три помещения и примыкающие к ним обособленные дворики. Подавляющее большинство из них возведено из камня, хотя на некоторых поселениях в систему каменных стен включены турлучные конструкции (Сиртич, Ганзир), а на других встречаются только турлучные сооружения без каменных или даже сырцовых стен (Новая Надежда, Хазаркала, Андреяул и др.).

На погребальных памятниках Дагестана встречаются овальной или четырех угольной формы вытянутые, грунтовые могилы, каменные ящики или гробницы и склепы. Причем, каменные ящики появляются здесь в начале I тысячелетия н.э. Погребальный обряд разнообразный: встречаются сидячие, скорченные на левом или правом боку, полускорченные на боку, на спине с разными положениями рук и ног, вторичные или расчлененные захоронения и захоронения отдельных черепов. Подавляющее большинство погребенных ориентировано на северо-запад, восток и юго-восток. Имеются костяки, ориентированные на север и юг с соответствующими отклонениями к востоку или западу (см. гл. II). Другие особенности погребального обряда являются подстилки или вымостки под костяками, меловые подсыпки дна могил, следы огня в погребальных камерах, угольки возле умерших, захоронения коней или частей их туш возле человеческих могил или даже внутри них. Среди жертвенных животных встречаются мелкий и крупный рогатый скот, а также собаки. Существовал строго

канонизированный обряд помещения инвентаря, заупокойной пищи и жертвенных животных в могилы.

Инвентарь характеризуется разнообразием. Наиболее выразительна керамика, представленная кухонными лепными, тарными и столовыми сосудами. Из кухонной керамики обратим внимание на горшки с ручками и без ручек, высокие и приземистые баночные сосуды, имеющие обмазанную наружную поверхность, миски-плошки и заглаженные сковороды. Тарная керамика представлена разнообразными формами хумов, изготовленных в основном лепным способом. Они имели лошеную или заглаженную поверхность. Некоторые из них со II-III вв. украшались наружной штриховкой.

Наибольшим разнообразием форм отличаются столовые сосуды. Они представлены аспидно-серыми изделиями, а с начала I тысячелетия н.э. — и красными ангобированными. Среди столовой посуды имеются разнообразные варианты округлобоких, реберчатых и рифленных мисок, кувшинов разных форм (со сливными носиками, с четырехлепестковым устьем, с цилиндрическим высоким горлом и воронкообразным устьем, кувшины-поильники с сосцевидными ручками, с цилиндрическим и расширяющимся к венчику горловинамч, в том числе с горизонтальным рифлением на устье), кружек, горшков с короткими шейками-перехватами (с ручками и без них), шаровидных сосудов с ложными ручками-выступами, ваз (округлобокие, реберчатые миски и миски с отогнутыми краями на высокой полой ножке), двуручных горшков. Только красными ангобированными изготавливались кувшины с шаровидным туловом, цилиндрическим горлом и зооморфной ручкой; кувшины с грушевидным туловом, цилиндрическим горлом и зооморфной ручкой и, наконец, сосуды с грушевидным туловом и горизонтально смоделированными ручками на плечиках.

Довольно значительную долю среди керамики составляют ритуальные сосуды. Все они имеют серый, аспидно-серый или красный (с ангобом) цвет, хорошо обработанную, иногда богато орнаментированную (резные узоры из зигзагов, ёлочек, штрихованных треугольников, точек и т.д.) наружную поверхность. Среди этих сосудов имеются округлобокие чашки, смоделированные на спинах животных; черепахообразные сосуды; миниатюрные полусферические чашки с умбовидными выступами в середине дна; курильницы в виде ваз, в том числе и с перегородками в чаше; канфаровидные сосуды. Среди находок отметим чеканное серебряное блюдо с чернью и позолотой III-IV вв., серебряный флакон шаровидной формы для благовоний, деревянные сосуды, плетенные корзины, разнообразного вида мечи и кинжалы, наконечники копий и стрел, колчаны, доспехи, предметы конской упряжи и разнообразные украшения, в том числе пряжки, бляхи, браслеты, серги,

височные привески (подвески), головные булавки, кольца, фибулы, зеркала, терракотовые статуэтки и самые разнообразные бусы.

Таковы общие признаки дагестанской археологической культуры Дагестана албанского или албано-сарматского времени. В этой культуре имеются признаки, глубоко традиционные для местного населения и инновации, заимствованные от сопредельных племен и из их культур, но ставшие основной составной частью бытовых потребностей местного дагестанского населения. Они в своем сочетании передают общий облик дагестанской культуры. Надо сразу же оговориться, что для отдельных памятников или их групп присущи признаки локального характера.

I. Терско-Сулакский вариант (рис. 68). На территории Северного Дагестана и Терско-Сулакского междуречья сосредоточены памятники с наиболее четко выраженными местными признаками. Это Верхнечирюртовский, Бавтугайский, Новоллакский, Жиганкотлярский, Ленинаульский, Андреяульский и др. могильники, Люксенбургское, Мужукайское, Новонадеждинское, Герменчикское, Тамазатюбинское, Чопалавтюбинское, Ассаульское, Андреяульское, Хазаркалинское городища (нижние слои).

Почти все поселения обнесены земляными валами, сохранившимися порою до 3-5 м в высоту и до 15-20 м в ширине у основания. Однако А.В. Гадлю удалось определить, что на Хазаркале не было еще укрепления в I-IV вв.¹²⁶ Возможно, их не было в интересующее нас время и на некоторых других поселениях Терско-Сулакского междуречья. Все поселения имеют оседлый стационарный облик, так как здесь найдены турлучные жилые сооружения.

На могильниках встречаются разнообразные погребальные сооружения — грунтовые могилы, каменные ящики и склепы. На Верхнечирюртовском, Бавтугайском и Андреяульском могильниках изучены грунтовые могилы с вытянутыми на спине костяками, ориентированными на юг, юго-запад-запад, северо-запад. Очень часто руки погребенных покоятся на тазе, животе или груди, ноги перекрещены или подогнуты. Некоторые грунтовые могилы Андреяульского могильника содержат деревянные конструкции с разрозненными костями умерших.¹²⁷ На Андреяульском, Ленинаульском, Жиганкотлярском могильниках каменные ящики или гробницы воздвигнуты из вертикально установленных плит и методом регулярной каменной кладки. На Андреяульском городище под кургачной насыпью встречены гробницы, стенки которых сложены из мелких камней.¹²⁸ Склепы найдены на Новоллакском, Андреяульском и Жиганкотлярском могильниках. Новоллакский склеп, ориентированный по линии север-юг, отмечен на уровне древней поверхности полукругом из валунов, имеет он и жертвенное место с черепом и отдельными

человеческими костями. В самой погребальной камере найдено не менее пяти скелетов, уложенных в сидячем положении в сопровождении горшков и баночных сосудов архаических форм, мисок и сосуда с крышкой. Эта посуда характерна для памятников Таркинского-Карабудахкентского круга. Там же находились звездчатая головная булавка с отверстием на стержне, петлевидная височная привеска с разомкнутыми концами, браслеты с завязанными концами, ножи с горбатыми спинками, железные пряжки и набор бус I-II вв.¹²⁹ Жиганкотлярский могильник содержал обломки серой лощеной керамики и фибулу причерноморского типа. В Ленинаульской каменной гробнице вместе с сидячим детским костяком встречены чаша-курильница с отделением и обломок кувшина с цилиндрическим горлом. Здесь же в разрушенных могилах обнаружены обломки кувшина т.н. андрейаульского типа. А в самом Андрейаульском городище и могильнике среди кухонной и столовой керамики встречаются почти все формы, характерные для Таркинского и Карабудахкентского могильников: горшки, миски, кувшины и ритуальные сосуды, украшенные резным геометрическим орнаментом (рис. 55; 56).¹³⁰

Из сказанного ясно, что грунтовые могилы, каменные ящики, склепы, многие элементы погребального обряда, в частности скорченные и сидячие позы погребенных, вторичные захоронения, основные формы кухонной и тарной керамики традиционны для Дагестана. Своеобразие памятников Терско-Сулакского междуречья заключается в многообразии погребальных сооружений и обряда, в наличии грунтовых могил с деревянными конструкциями, граненных серых лощеных мисок, богато орнаментированных кувшинов с высоким цилиндрическим горлом.¹³¹

Все эти особенности позволяют рассматривать памятники Терско-Сулакского междуречья в качестве локального варианта местной археологической культуры. Эти памятники, особенно Андрейаульское городище и могильники, отражают сложную картину этнической ситуации на территории Терско-Сулакского междуречья, где в среду местных племен проникли степные сармато-аланские кочевники. Подкурганые катакомбы с вытянутым обыкновенно на спине положением костяков, некоторые керамические формы, характерные для Андрейаульского комплекса, несомненно связаны со степными кочевническими культурами. Подобную ситуацию для могильников Ямансу, Балансу и сопредельных им памятников отметили В. Б. Виноградов и В. И. Марковин.¹³² Её перенес на этно-культурную характеристику нижних слоев Хазаркалы А. В. Гадло.¹³³ Мы считаем вполне возможным распространить ее на все памятники Терско-Сулакского междуречья, за исключением курганных групп, преимущественно расположенных восточнее, в Прикаспийской зоне.

II. Прикаспийский вариант (рис. 68). Сюда относятся памятники, расположенные в Прикаспийской зоне средней части Дагестана и прежде всего Таркинский, Карабудахкентский, Урпекский, Талгинский (Черкескутанский), Количевский, Ленинкентский и др. могильники, Урпекское городище и др. Надо сразу же оговориться, в погребальном обряде и инвентаре каждого из этих памятников имеются специфические особенности, что требует их индивидуального рассмотрения.

Погребальные сооружения Таркинского могильника состоят из грунтовых могил (87%), хотя встречаются и каменные гробницы, скорее-грунтовые могилы, обложенные каменной кладкой (13%). В основном здесь отмечены вытянутые на спине костяки иногда с кистями рук на тазовых костях или груди, а также костяки, лежащие на правом боку со слегка согнутыми ногами, руки у них сведены перед тазом. Некоторые погребенные расположены в сидячем или скорченном на боку положении (погр. 12,18). Наибольшее количество погребенных ориентировано на юго-восток (29,4%), меньше-на юго-запад (19,8%), юго-восток-восток (10,8%), северо-восток (10,8%). Иногда встречаются погребения, ориентированные на восток, северо-восток, северо-запад, юго-запад с различными отклонениями. Очень часто около костяков находятся угольки, резе кусочки мела. Однажды обнаружено конское захоронение.

Керамика представлена серыми лощеными изделиями. Наиболее многочисленны целые и фрагментированные миски (округлобокие, рифленые и реберчатые), в том числе глубокие с боковой ручкой, вазы и разнообразные кувшины и т.н. молочники. Встречаются лепные горшки с короткой шейкой-перехват и отогнутым венчиком, в том числе с одной или двумя ручками, ритуальные сосуды (чашки на высокой полой ножке и отогнутыми краями, округлобокие миски с отогнутыми краями и выступом на дне, канфаровидные сосуды, биконические кружки с зооморфными ручками), украшенные резным геометрическим орнаментом (горизонтальные и волнистые линии, зигзаги, заштрихованные треугольники и проч.).

Помимо посуды обнаружены железные ножи с кольцевидным навершием, с прямой спинкой и черенком, обломок меча без навершия и перекрестия у рукояти, железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, костяные наконечники с внутренней втулкой, оселки со сверлиной, разнообразные пряслица, бронзовые височные привески и браслеты с разомкнутыми концами, и фибулы, биллонные зеркала, а также бусы, в том числе из египетского фаянса ("кукиш").¹³⁴

Таковыми же чертами характеризуется Талгинский (Черкескутанский)

могильник, расположенный к югу от Махачкалы, у дороги на курорт Талги, в урочище Черкескутан. Материалы, поступающие из разрушенных могил, близки Таркинскому могильнику. Правда, из Черкескутана известны материалы и более раннего времени- III-I вв. до н.э.

С Таркинским могильником сопоставляется и Карабудахкентский могильник. Их объединяют прежде всего грунтовые могилы, иногда огражденные камнями; традиционны для Дагестана скорченные и сидячие, а иногда вытянутые погребения. Встречены умершие с перекрещенными или подогнутыми ногами и с руками на тазе, груди или поясе; распространены вторичные или расчлененные погребения. Обнаружены каменные гробницы и ящики, относящиеся к позднему времени. Около костяков отмечаются угольки. Практикуется полное или частичное захоронение коней, иногда собак. Характерно многообразие ориентации с преобладанием восточной и при наличии северо-восточной и юго-восточной ориентировок. На Карабудахкентском могильнике встречаются те же керамические формы, что и на Таркинском: традиционные для Дагестана горшки с отогнутыми венчиком, серые лощеные миски разнообразных форм (округлобокие и реберчатые), в том числе и глубокие, чаши на высокой ножке, кувшины с цилиндрической расширяющейся кверху горловиной, с выступающим сливным носиком, молочники, ритуальные чаши с умбовидными выступами на дне и на высокой ножке, украшенные разнообразным резным геометрическим орнаментом. Появляется красная ангобированная керамика. На обоих памятниках встречаются традиционные для Дагестана височные привески в полтора оборота. Дальнейшее развитие культуры Карабудахкентского I могильника документирует Карабудахкентский III могильник, относящийся к III-V вв.¹³⁵

В то же время для каждого из могильников-Таркинского и Карабудахкентского I-характерны свои локальные черты. По К.Ф. Смирнову, для Таркинского могильника характерны более резко выраженные сарматские черты в погребальном обряде и инвентаре (узкие грунтовые могилы, вытянутые на спине позы умерших с перекрещенными ногами и с кистями рук на тазе, куски меда в могилах, разбитые и целые зеркала, фибулы, сарматские формы керамики и проч.¹³⁶ а для Карабудахкентского могильника более ярко выраженные архаические местные черты обряда и инвентаря, генетически связанные с предшествующим временем.¹³⁷ Захоронения отдельных черепов, характерные для Карабудахкентского могильника, не встречены в Тарки. В свою очередь, погребения на боку со слегка подогнутыми ногами, характерные для Таркинского могильника, не известны на Карабудахкенте. Среди Карабудахкентских захоронений преобладает восточная ориентация, а в Тарки-

юго-восточная. Из Карабудахкентского могильника известны, не характерные для Таркинского могильника ложкообразные головные булавки. Они же встречаются в большом количестве в Урпекском могильнике, расположенном в 20 км южнее. На этом могильнике, как и на Карабудахкентском I, наряду с грунтовыми могилами встречены подземные склепы с коллективными захоронениями, где костяки лежали скорченно на левом боку или на спине и вытянуто на спине. Ориентация южная, северо-западная, западная и юго-восточная с отклонениями. В могиле обнаружены кости лошади, мелкого и крупного рогатого скота. Около склепа расчищены также отдельные захоронения коней. Из могильника и городища происходят серые лощеные кувшины, чашки, миски, горшки, миниатюрные сосуды, красные и белые ангобированные сосуды и лепные горшки, аналогичные сосудам из Таркинского и Карабудахкентского могильников.¹³⁸ Поблизости от Урпекского могильника расположены Количевский (I в. до н.э. — I в.н.э.) и Ленинкентский (II-III вв.н.э.) могильники Сергокалинского района. Их погребальные сооружения, обряд и инвентарь близки к Карабудахкентскому I и III могильникам.¹³⁹ Однако отличают их вместе с сопредельным Урпекским могильником от Таркинского и Карабудахкентского отсутствие ритуальных мисок и ваз, а также кувшинов, украшенных сложным резным геометрическим орнаментом, здесь к тому же слабее выраженные сарматские черты.

Таким образом, вышеприведенные памятники Приморского Дагестана, при всей их близости друг к другу, имеют особенности, характерные для каждого из них. Эти особенности могут быть обусловлены разными причинами, в том числе и этническими. Однако рискованно связать их с конкретными племенами, хотя такая попытка уже предпринималась в литературе. Дагестанскую археологическую культуру албанского времени можно связывать с конфедерацией дагестанских племен, которая, в свою очередь, может быть охарактеризована как суперэтническая общность, можно также попытаться локализовать племена, известные по письменным источникам, не претендуя на сопоставление их с конкретными памятниками. Такая попытка по отношению к Таркинскому и Карабудахкентскому могильникам, как уже упоминалось, была предпринята. Так, Таркинский могильник был отнесен Е.И. Крупновым к сарматизированному местному населению,¹⁴⁰ с чем трудно не согласиться. К.Ф. Смирнов отнес этот могильник к смешанному населению из сарматских аорсов и албанских удин-утидорсов.¹⁴¹ Соответственно, Карабудахкентский могильник он отнес к удином.¹⁴² Эта точка зрения базируется на взглядах о северной границе Албании по Соане и миграции населения на север. Она получила широкое признание среди специалистов.¹⁴³

Прежде всего, буквально отождествлять Таркинский и Карабудахкентский могильники с ялойлутешинской культурой, которую приписывают удицам,¹⁴⁴ конечно, нельзя. В свое время Н. Я. Марром было высказано предположение о передвижении "яфетических племен" из Передней Азии, где располагалась их первоначальная Родина, на север (в район Кавказа) под напором "халдских завоеваний".¹⁴⁵ И. И. Мещанинов также писал о продвижении на север к побережью Каспийского моря, в район, где бытует лезгинское население переселенческих волн урартов и удин под напором халдских ударов, отметив при этом, отсутствие источников для освещения такой миграции.¹⁴⁶ Язык удин, урартов, хуритов и собственно народов Дагестана, Чечни и Ингушетии действительно относится, как установлено современными исследователями, к одной восточнокавказской группе,¹⁴⁷ но из этого не следует, что его носители мигрировали сюда из Передней Азии и именно в албанское время. Е. И. Крупнов связывал куро-аракскую культуру, распространенную в IV-III тысячелетиях до н.э. на территории Передней Азии, Закавказья и Северо-Восточного Кавказа с местным этническим и языковым субстратом — с основой языков, состоявших из западнокавказской или "абхазо-адыгской", закавказской или "картвело-сванозанской" и восточнокавказской или "дагестано-вайнахской" групп.¹⁴⁸ О. М. Джапаридзе уточняет это положение, связав куро-аракскую культуру с "хурито-урартскими и кавказо-картвельскими, а также, возможно, нахско-дагестанскими" племенами.¹⁴⁹ Только с хурито-урартскими племенами связывает эту культуру И. М. Дьяконов, Я. Фридрих и Е. А. Спенсер.¹⁵⁰ М. Г. Гаджиев, разделяя данную точку зрения, указывает на генетическую связь между хурито-урартскими племенами и нахско-дагестанским населением, конкретно, с населением, говорившим на восточно-кавказской группе языков.¹⁵¹

Следовательно, на территории Северо-Восточного Кавказа с глубокой древности находилось население, говорившее на нахско-дагестанских языках. Судя по остаткам племен Кавказской Албании, на том же языке говорили племена, населявшие территорию современного Азербайджана. Иными словами, у нас нет лингвистического основания для доказательства миграции урартско-удинского населения в район современного Дагестана в I тысячелетия до н.э., хотя какие-то внутренние перемещения могли иметь место.

Большинство исследователей отождествляет удин с этиунами урартских клинообразных надписей. Этиуны занимали обширную территорию Армении от Корсачая до Севанских гор.¹⁵² Вместе с тем З. И. Ямпольский и вслед за ним И. М. Дьяконов высказали предположение о возможности увидеть в древнем этнониме гугиев этнические наименование "угиев", "удов" или "удин"¹⁵³ Удины упоминаются Геродотом в составе войск Ксеркса под предводительством сына

Дария-Арсамения¹⁵⁴ и в составе XIV сатрапии Ахеменидской державы.¹⁵⁵ По Страбону угтии вместе с гелами, капусиями, амардами и анариаками занимали территорию Атропатены у Мидийских гор, от Каспийского моря до горных вершин Малого Кавказа.¹⁵⁶ В I в. н.э. они продвинулись на север, в район, где "Аракс отделял их землю от Атропатены". Во II в. они уже оказываются в Прикуринской долине.¹⁵⁷ Позже они постоянно находятся в поле внимания армянских источников, которые должны были бы отразить удинскую миграцию, если бы она имела место. К настоящему времени потомки удинов, численностью 6 900 человек, проживают в селении Нидж и Варташен Азербайджана и Октомбери Грузии.¹⁵⁸ Их язык входит в лезгинскую подгруппу дагестанских языков.¹⁵⁹ Соответственно, идея о принадлежности Карабудахкентского могильника этим удицам не находит подтверждения. Вместе с тем, в одних и тех же античных источниках встречаются созвучные этнонимы племен, локализуемых на территории Северного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия. Они определены как скифские племена, что дало возможность некоторым исследователям связать их со скифскими будинами. Авторы этих взглядов опираются на сообщения Псевдо-Скилака, упоминавшего их вместе с меланхленами и фтирофагами. Так, Де Гинь локализовал будинов на Кубани и Черкессии,¹⁶⁰ К. Маннерт и К. Цейс — "между Кавказом и Каспийским морем",¹⁶¹ Ф. Хадсон и С. Кассон — между Астраханью и Каспийским морем, по направлению к Каспию,¹⁶² Л. А. Ельницкий — "на западном Кавказе или Прикаспии".¹⁶³ Причем, последний подкрепляет свои выводы ссылкой на В. А. Горолцова, А. А. Иессена и Е. И. Крупнова, указывавших на находки предметов материальной культуры северокавказского происхождения в степных и лесостепных скифских комплексах, "попавших туда не вследствие обмена, а в результате перемещения самих северокавказских племен".¹⁶⁴ Как видно из вышесказанного, часть исследователей помещает удинов значительно выше дагестанской территории, сопоставив их со степными племенами.

Страбон помимо удинов, локализуемых в Закавказье, упоминает и другой созвучный этноним — угиев, находившихся на берегу Каспийского моря, севернее каспиев и алан.¹⁶⁵ Плиний уточняет их место расположения и этнический облик: "направо от входа в море на самом краю пролива живет скифское племя удин. Далее по побережью — албаны, происшедшие, по преданию, от Ясона: лежащая перед ними часть моря называется Албанской. Выше приморских владений и племен удинов простираются земли сарматов и пахарей, а в тылу их живут упомянутые амазонки и савроматиды".¹⁶⁶ В этом тексте обращает на себя внимание то, что этнонимы перечисляются с юга на север, удин называют скифским племенем и располагают севернее албан (имеется в виду территория древнего

албанского государства—О. Д.) и южнее сармат. Птолемей локализует удов (этноним Утии -Удины и улы — различная форма передачи одного и того же этнонима), одондов, исондов и геров вдоль Каспийского моря и поблизости от Керавнских гор.¹⁶⁷ В его “Географическом руководстве”, как правило, племена помещаются по долинам рек, которые носят их наименования. Так, каспии размещены в долине реки Кайсиа или Кас, гелы-в долине реки Герр, албаны — в долине реки Албан и т.д. Этноним “удины” сопоставляется с гидронимом “Удон”. Эта мысль уже высказывалась в науке.¹⁶⁸ По единодушному мнению исследователей гидроним “Удон” этимологизируется как “уд-дан”—река удов (осет. яз.)¹⁶⁹ С удинами связаны и другие гидронимы на территории Восточной Европы—река Уда в бассейне Северского Донца, Удай—в бассейне Днепра. Это позволяет локализовать этническое ядро удин на территории Восточной Европы и прежде всего в бассейне реки Кума, с которой сопоставляется птолемеевская река Удон. Некоторые ученые считают удин угро-финскими племенами.¹⁷⁰ Видимо, эта точка зрения соответствует действительности. Вспомним, что и Плиний называл их скифским племенем. С этими угро-финскими племенами, видимо, связаны пряжки-скольгамы, плоские круглые и круглые с лепестками пряжки-застежки, колоколовидные подвески, иногда встречаемые на памятниках Дагестана. В этой связи интересно вспомнить тамгообразные знаки со скалы Уйташ близ Махачкалы. Их всего два,¹⁷¹ но в настоящее время особый интерес для нас представляет один из них . Два точно таких знака изображены на поясных накладках из позднедьяковских слоев Дьякова городища и Луковня Подмосковья.¹⁷² Эти городища оставлены угро-финскими племенами, к которым мы относим и удин-утиев.

Утидорсы должны быть рассмотрены в качестве сарматских и угро-финских племен, связанных между собой близостью расположения и историко-культурными связями. Они должны быть локализованы где-то севернее удов-утиев. Соответственно, теряется основа для этнического определения Таркинского могильника, как памятника утидорсов и Карабудахкентского I могильника, как удинского. К этому следует добавить сведения антропологических исследований. Н. Н. Миклашевская по итогам анализа черепов из Таркинского и Карабудахкентского могильников сделала вывод об их принадлежности сарматам и смене населения на территории Северного Дагестана, оговорившись, однако, что дагестанские черепа все же отличаются от сопоставляемых с ними сарматских черепов Нижнего Поволжья.¹⁷³ Эти выводы противоречат археологическим материалам и итогам исследований Е.И. Крупнова и К.Ф. Смирнова, писавших о местном характере Таркинского и Карабудахкентского могильников. Антрополог А. Г. Гаджиев считает выводы Н.

Н. Миклашевской спорными. Признавая влияние скифо-сарматского элемента на становление антропологического типа населения Дагестана, он считает имеющиеся материалы противоречивыми и скудными, что не дает права говорить о значительном влиянии скифо-сарматского элемента на антропологический тип местного населения, не говоря уже о смене населения Прикаспийского Дагестана.¹⁷⁴ К этому следует добавить, что эти черепа происходят из сугубо местных всаднических могил Карабудахкентского и Таркинского могильников, а на самих этих могильниках не были, характерные для сармато-аланских кочевников, курганных насыпей. В.П. Алексеев считает эти черепа древнейшими и местными по происхождению.¹⁷⁵ Его точка зрения находит признания у других специалистов.¹⁷⁶ Она согласуется со сведениями античных источников¹⁷⁷ о светлопигментированном и рослом населении Кавказской Албании. В них отчетливо просматривается кавкасионский антропологический тип, названный Г. Ф. Дебецом “самым кавказским из кавказских типов”.¹⁷⁸ Сейчас кавкасионское население (аваро-андо-цунтинцы, лакцы, даргинцы, рутулы, арчинцы) занимает горные и высокогорные районы Дагестана. Все это дает право считать черепа из Таркинского и Карабудахкентского могильников местными, кавкасионскими.

Другие черепа, происходящие из Таркинского, Новолакского, Шаракунского, Пиру, Мамайкутанского могильников относятся к узколищному долихокранному типу.¹⁷⁹ Такие же черепа характерны для памятников Дагестана эпохи бронзы.¹⁸⁰ Черепной материал из кувшинных и срубных погребений, а также грунтовых могил со скорченными костяками Мингечаурского могильника также характеризуется как узколищный, каспийский.¹⁸¹ По мнению В. В. Бунака, получившему признание и у других специалистов, этот антропологический тип, названный каспийским, проник на территорию Северного Кавказа из Закавказья и Передней Азии на довольно раннем этапе истории Дагестана.¹⁸² Он характеризуется темной пигментацией и узким лицом. Правда, в современном Дагестане он уже не встречается в чистом виде.

Оба антропологических типа характерны и для современного населения Дагестана. Это подтверждает вывод, что Таркинский и Карабудахкентский могильники, как, впрочем, близкие им другие памятники, оставлены местными племенами, известными под названием легов. Под этим этнонимом разные исследователи видели разные племена и этнические группы. Так, И. Маркварт под наименованием “леги” усматривает этнические группы Южного Дагестана-кюринцев, будухцев, цахуров, хиналугов, арчинцев и лакцев.¹⁸³ Н. С. Трубецкой полагает, что из восточнокавказских народов чечены, лаки (кумухи) и улы образуют одну группу, происходящую от древних легов, аваро-андо-самурские

народы-другую, происходящую от предполагаемых потомков албанцев.¹⁸⁴ В.Ф. Минорский, Р.М. Магомедов, И. Х. Абдуллаев, К. Ш. Микаилов и др. под этнонимом ранних легов видели все народы Дагестана и современный этноним “лезгины”, относящиеся к одному из народов Дагестана, известному как “кюринцы”, представляют как конечную форму трансформации наименования “леги” через “лаг-и”- “лак-з-и”- “лазг-и”.¹⁸⁵ А.Р. Шихсаидов под этнонимом “Лакз” видит только народности лезгинской группы.¹⁸⁶ Действительно, отдельные арабские авторы словом “лакз” называют народности Южного Дагестана, относящиеся к лезгинской группе местного населения. Вместе с тем, один из наиболее популярных арабских авторов, ал-Масуди, помещает в стране ал-Лакз “дуданийа”- дидойцев.¹⁸⁷ Грузинские, армянские и античные авторы под этнонимом “леги” объединяют все народы Дагестана. Так, грузинская летопись “Картлис цховреба” называет Хозаних (этноарх аварцев из Хунзаха-О. Д.) самым знаменитым в роду Лекана.¹⁸⁸ Причем, в грузинских и армянских источниках этот этноним известен в виде “лекос, лекан”,¹⁸⁹ в античных “леги”,¹⁹⁰ арабских- “ал-Лакз”.¹⁹¹

Первое упоминание о легах относится к относительно глубокой древности. Так, урартские источники в Южном Закавказье рядом с этиунами упоминает ликиев: “... выступил я (в поход) против страны этиуны на страну Лики” — сообщается в надписи царя Сардура II.¹⁹² Геродот тоже упоминает этноним “лиги” наряду с европейскими “лигиями”, обитающими на территории Италии и Франции.¹⁹³ Азиатские “лиги” участвовали в походе персидской армии Ксеркса (в отряде, руководимом сыном Дария —

Габрием) против Греции в 480 г. до н.э.¹⁹⁴ В интересующее нас время они уже локализируются на территории Дагестана. По грузинской летописи “Картлис Цховреба” Лекосу или Лекану в удел достается огромная территория от Дарубандского (Каспийского—О. Д.) моря до реки Ломека (Терек) и к северу до устья Великой реки Хазарети-Волга.¹⁹⁵ По Страбону¹⁹⁶ и Плутарху¹⁹⁷ леги помещаются ниже амазонок, локализуемых в Предкавказских степях выше реки Мермодаль-Терек.¹⁹⁸ Следовательно, памятники Приморского Дагестана, в том числе и Таркинский, и Карабудахкентский могильники, Урцекский и Таргунский и др. комплексы, могут быть сопоставлены с легами, этнический облик которых определяется как дагестанские местные племена, идентичные современному понятию “дагестанцы”.

III. Южнодагестанский вариант (рис. 68). Особую группу составляют Шаракунский и Мамрашский могильники. Здесь в основном встречаются грунтовые могилы овальных (На Мамрашском могильнике из 4 могил 2 овальные, На Шаракунском-из 80 могил 74 овальные), реже—узких

четырёхугольных вытянутых форм. В конце функционирования Шаракунского могильника появляются каменные гробницы. Все узкие могилы перекрыты поперечно уложенными в ряд речными гольшами. Широкие овальные могилы, видимо, имели перекрытия из дерева или плит. На уровне древней дневной поверхности могилы отмечены камнями или обкладкой, реже — и тем и другим в сочетании. Около могил отмечены следы тризн. Погребальный обряд характеризуется скорченными положением умерших на боку (на Шаракунском—22%), слабо скорченными на боку (на Шаракунском—3,5%), вытянутыми на спине с разными положениями рук и ног (13,5%), ничком (на Шаракунском—3,7%), вторичными или расчлененными (на Шаракунском—10%) погребениями и захоронениями отдельных черепов (на Шаракунском—10%). Как правило, погребения индивидуальные, лишь изредка встречаются парные. Некоторые погребения имели под собой подстилку органического происхождения (на Шаракунском—7,4%). Внутри погребальных камер прослеживаются следы костров, отдельные угольки, реже—куски мела (на Шаракунском—6%). Встречаются кости мелких (на Шаракунском 1%) и крупных (на Шаракунском—2,4%) животных. Погребенные на Шаракунском могильнике преимущественно ориентированы на запад (34,4%), хотя встречаются северо-западная (17,24%) и юго-западная (17,24%), южная (13,7%), северо-восточная (10,44%) и северная (6,8%) ориентации. Два вытянутых костяка на Мамрашском могильнике ориентированы на северо-запад. Керамический инвентарь характеризуется обмазанными горшками, в том числе с ручками, серыми лощеными крупными тарными сосудами с цилиндрическим горлом, серыми лощеными горшками (в том числе со сливными носиками и с ложными ручками), кувшинами разных форм и размеров (с цилиндрическим горлом; со сливным носиком; поильники с ручками-сосками; с воронкообразными устьями и большое количество кувшинов с четырехлепесткововидными устьями), зооморфными сосудами. Миски среди столовой керамики составляют небольшую долю и представлены округлобокими, острореберными, с отогнутыми краями. Изредка встречаются курильницы в виде чаш с отделениями, на высокой ножке, вазы и плошки. Сосуды украшены поясами из семечковидных вдавлен, резных горизонтальных прямых или волнистых линий, налечных валиков с насечками, геометрическим узором из точек. Оружие представлено наконечниками копий, украшения—головными булавками архаичных форм, наосниками, височными привесками с заходящими концами, браслетами, кольцами и т.д. (рис. 61; 63-а, 1-33).

Как видно из вышеприведенных сведений, материальная культура Шаракунского и Мамрашского могильников, как впрочем, их погребальные

сооружения и обряд, генетически связана с памятниками предшествующего времени. Вместе с тем, речь идет о сарматизированных памятниках плоскогорного Дагестана. Они хронологически охватывают время от VI-V вв. до н.э. до III в.н.э. Именно на это время попадает локализация здесь гелов, от этнонима которых произошел гидроним Герр > Гюльгеричай. Сразу же следует оговориться, что мы здесь не затрагиваем гелов-кадусиев Атропатены, сопоставляемых с гиланами. Много путанного и с историей северных гелов. В литературе предпринимались попытки установить генетическую связь между гелами и гелонами-скифскими племенами геродотовой Скифии, с одной стороны¹⁹⁹ и легами и делегами-древними обитателями западной и Малой Азии, названными позже карийцами и отождествляемыми с пеласгами,²⁰⁰ с другой. С гелонами отождествляли и другие этнические группы Кавказа. Так, М. Кислинг считал, что Колхидское царство было основано гелонами и следами их пребывания на Кавказе связывал переселение скифов из Танаиса не позднее конца VI в. до н.э.²⁰¹ Ф. Хадсон, хотя и не доверяя сведениям Псевдо-Скилака, допускал, что какая — то часть гелонов осела на Кавказе в конце IV в. до н.э.²⁰²

Л. А. Ельницкий, отмечая, что эллинизированных варваров было немало в Колхиде, локализует гелонов на Западном Кавказе или в Прикаспии. Причем, обратив внимание на тождество этнонимов и топонимов близких к гелам-гелонам в Придонье и вообще в степном и лесостепном Причерноморье, он объясняет причину данного явления переселением Прикавказских племен.²⁰³

Перед сторонниками кавказской принадлежности гелонов и их связи с местной кавказской этнической средой возникает ряд вопросов, решение которого представляет большую трудность. Это прежде всего, различие этнокультурной и языковой принадлежности скифских и кавказских племен.

Трудно также установить связь между легами и делегами. Лелеги, по мнению одних исследователей, говорили на индоевропейском языке²⁰⁴, других — на языке хетто-лувийской группы индо-европейских языков Малой Азии.²⁰⁵ С расшифровкой карийской письменности, можно думать, окончательно определится на каком языке говорили карийцы-лелеги. Об этнической близости легов и лелегов можно будет говорить лишь при том условии, если решится вопрос в пользу кавказского языка. А пока он остается открытым.

При этом следует отметить, что в средиземноморском бассейне широко распространены топонимы, оронимы, гидронимы и этнонимы “кавказского, в частности дагестанского облика”. Так, например, название “Кавказ” принадлежит горе в Аркадии, реке во Фракии, городу на острове Хиос, бухте в Сицилии, этнической группе на Пелопоннесе и т.д.²⁰⁶ Среди италийских племен встречается племя “рутулы”.²⁰⁷ Таких примеров много, и, если это не дело чистого случая, то

тогда без всякого сомнения связано с конкретными историческими реалиями, требующими еще своего вразумительного объяснения.

Интересующийся нас этноним “гелы”, очевидно, имел на местных языках какую-то исходную форму. В трудах античных авторов он известен в форме “гелы”, в армянских — “гелы” (Елише), то “хелеи” (Широкаци), то “гелены” (М. Каланкатуйский). Й. Маркварт пытался восстановить قيلان как قيلان Килан (на основании неполного написания у Йакуби и его “Историй”²⁰⁸ и затем сравнить его с гелами, которые вместе с легами (лак-зами ?) жили между амазонками и албанами.²⁰⁹ В.Ф. Минорский, исправляя Якуби, писал: قيلان вместо قيلان / قيلان Кайтаг.²¹⁰ А. Н. Генко сначала связывал этот этноним с чеченской этнографической группой из Мецхальского и Джерахского обществ *ziltij*, позже — с аварской этнографической группой келов (Кьел), населяющей территорию Шамильского района (в селениях Ругельда, Мусрух, Сомода, Урчух, Хиндах, Хонох) Дагестана, полагая, что здесь имеет место ошибочная форма в передаче арабского названия средневекового этно-политического образования “филян”.²¹¹ Это предположение не выдерживает критики, поскольку этнонимы, дошедшие до нас через армянские и античные источники, звучат идентично и не являются следствием неверного понимания арабской графики.

С.А. Ковалевский локализует гелов в Южном Дагестане, в районе Дербента.²¹² Эту точку зрения разделяет А.А. Кудрявцев.²¹³ Е. Ф. Джейранишвили и вслед за ним Г. Х. Ибрагимов сопоставляли гелов с предками современных цахур и локализовали их на территории Рутульского района Дагестана.²¹⁴ Е. Ф. Джейранишвили отличает название цахурских селений Сувагел и Гельмец, содержащих в основе слова “гел”. Г. Х. Ибрагимов считает, что топоним Сувагел / Сувагыл этимологически не связан с гелами (сыва-гора, сывагел-на горе, на вершине горы). В топониме гылмец! такая связь действительно подтверждается (Гел-миц! > гыл-мец!).²¹⁵

Феофан, участвовавший в походе Помпея и бывший у албанцев, пишет: “Между амазонками и албанами живут скифские племена гилы и лиги и, что там течет река Мермодаль между этими народами и амазонками”.²¹⁶ По Плутарху гелы и леги также живут на территории Восточного Кавказа между амазонками и албанцами.²¹⁷ Амазонки локализируются на равнинной части Северной Осетии, Чечни, Ингушетии и Северного Дагестана, возможно, и Кабардино-Балкарии, простираясь на север до Волги.²¹⁸ Мермодаль-приграничная река между амазонками, с одной стороны, и гелами и легами, с другой, сопоставляется некоторыми исследователями с Тереком.²¹⁹ Следовательно, Плутарх и Страбон, пользующиеся сведениями Феофана Митиленского, Метродора Скепсийского и Гипсикрата, локализируют гелов и легов на значительной территории восточного

Кавказа, охватывающей пределы современного Дагестана до Терека. Армянский историк Ананий Широкаци помещает гелов (Хелеи) на той же территории, где расселены хазары, албанцы, гунны, леки-лехи, таваспары, массагеты и расположены Керавнские горы. Это соответствует территории Дагестана и перекликается со сведениями античных источников. Сообщения К. Птолемея позволяют уточнить территорию расселения гелов. Они дали свое имя реке и городу в Албании. Река Герр, как выше мы уже показали, сопоставляется с современной рекой Гюльгеричай, город Гелда—с Дербентом или Топракалинским городищем, расположенным в устье реки Гюльгеричай. Сами пределы гелов, видимо, были еще шире.

В Южном Дагестане локализуются и другие племена и прежде всего каспии. В исторической литературе существует общепризнанная точка зрения о том, что Каспиана существовала как самостоятельная область или страна до похода Дария, а после его похода она была включена в состав ахеменидской империи под названием XI сатрапии. Границы ее распространялись до Главного Кавказского хребта.²²⁰ Поражение ахеменидов в битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э. изменила судьбу каспиев. Они освободились от персидской зависимости и одновременно были оттеснены от руководства конфедерацией племен.²²¹ Это привело к исчезновению сведений о каспиях.

Геродот приводит некоторые сведения о каспиях: в составе войск Ксеркса, направляющихся в 480 г. против Греции, они шли под руководством Ариомарда, брата Артифия. "Они были одеты в козьи шкуры и вооружены (своими) местными луками из камыша и персидскими мечами".²²² В другом месте Геродот упоминает их вместе с саками в составе XV сатрапии ахеменидской державы, спутав с индийскими касперами или кашмирами.²²³

Исследователи по-разному локализуют каспиев на территории Восточного Кавказа. Так, Ж. Де Морган приписывает им каменные гробницы Агаэвларского могильника, выявленного и изученного им в Талыше.²²⁴ В Азербайджане выявлено Сарытепинское поселение с остатками дворцового сооружения какого-то персидского сатрапа. По мнению азербайджанских археологов, этот памятник подтверждает сведения письменных источников о границах и политическом положении Каспианы.²²⁵ Е. Херцфельд считает их родственными с луллубеями, гутиями, урартами и эламитами, составлявшими единую этническую и лингвистическую группу и носившую название кассийской или каспийской. По его мнению, в основе "kossa" этнонима греческих источников, kissi (Геродота)²²⁶ и касситов лежит "кас" с показателем множественного числа "-р" — "kas-p".²²⁷ И.М. Дьяконов поддерживает эту точку зрения, включая каспиев в кассито-эламскую группу народов: "Все или часть из этих языков (кутийский,

луллубейский, маннейский, —разновидность кутийского или луллубейского, махранского, кассийского- О. Д.) были родственны, с одной стороны, языку одной из областей древней цивилизации-Элама, а с другой, —языкам каспиев, албанов и др. народов Северного Азербайджана и Юго-Западного Прикаспия".²²⁸ Р. Фрай, допуская возможность существования родственных связей между каспиями и луллубеями-гутиями-урартами и эламитами, отрицает наличие показателя множественного числа "-р" в других языках, кроме эламского. Отрицает он и связь между каспиями и касситами.²²⁹ Е. Ф. Джейранишвили видит генетическую связь "этнонимом-эпономического имени" кас с пах-мухадами, т.е. цахурами и ругулами Дагестана: кас//кас: кассалар//газалар (одно из названий махадов-ругульцев, употребляемых пахами-цахурами), каспи < + кас-би, которое можно по происхождению признать формами множественного числа. Г. Х. Ибрагимов, поддерживая эту гипотезу, привлекает название цахурского селения "Къас", этимологизируемое с цахурского языка как "небольшое плато, чердак".²³⁰ В дагестанских языках довольно распространено окончание "-би" для обозначения множественного числа, особенно применительно для обозначения населения: переход "-би" в "-pi" вполне закономерен.

Как уже говорилось выше, Каспиана в качестве XI сатрапии входила в состав ахеменидской империи и занимала часть территории Атропатены. Во II в. до н.э. она упоминается в составе территории племен, присоединенных к Армении царем Арташесом I (189-160 гг. до н.э.).²³¹ Каспии занимали в основном правобережье Куры. В тоже время Страбон сообщает, что в его время реальных каспиев уже не было: "... в стране албанов имеется каспиана, названная как и море, по имени народа каспиев, ныне исчезнувших".²³² К. Нейман полагает, что каспии были отодвинуты в глубь страны, поскольку по "Армянской географии" VII в. они обитали в Пайтаракане.²³³ По К. Птолемею, западная часть Мидии, близ Армении занимают каспии.²³⁴ Он же упоминает на северной части Албании реку, связанную с этнонимом каспиев-Кас или Кайсий,²³⁵ которую мы сопоставляем с рекой Самур. У Дионисия (76-138 гг.) каспии помещены севернее албан,²³⁶ у Помпония Мела (44 г. н.э.)-ниже амазонок, локализуемых античными авторами у Керавнских гор. Приспиан (грамматик второй половины V-начала VI в. н.э.), повторяя Дионисия, помещает каспиев севернее албан и южнее удин.²³⁷

Для каспиев был характерен обряд выбрасывания трупов для съедания их дикими зверями и птицами, после чего останки их хоронили.²³⁸ Об аналогичном обряде, сохранявшемся вблизи Дербента вплоть до 80-х годов XIX в., сообщал А.В. Комаров.²³⁹ Аналогичный обряд, якобы характерный для кубачинцев, описали Абу-Хамид ал-Андалузи и С. Казвини. На этом основании Д.М. Атаев ввел за М.И. Пикудь локализует каспиев в Южном Дагестане, связав с ними Шаракунский

могильник,²⁴⁰ хотя на данной территории мы локализуем гелов. Каспии же должны быть помещены чуть южнее. Напомним о связи птолемеевского гидронима Кас или Кайсий с этнонимом каспиев. Кас или Кайсий сопоставляется нами с рекой Самур. Соответственно этнический центр каспиев должен находиться в долине реки Самур. Это не значит, что мы игнорируем мнение исследователей, локализующих каспиев в Закавказье. На этой территории помещаются племена с близким названием.²⁴¹ Возможно, речь идет о компонентах некогда единого этнополитического объединения каспиев.

IV. Табасаранский вариант (рис. 68). Группа памятников, расположенных в Табасаране, наиболее близка памятникам Шаракунского типа. Здесь, на Сиртичском могильнике встречены склеп и каменные ящики, вытянутые по линии север-юг, с собранными в груды разрозненными человеческими костями, среди которых находилась трубчатая кость со следами среза по эпифизу. Инвентарь этого могильника может быть дополнен материалами Сиртичского и Ганзирского поселений и Чичикарского городища. Среди керамики значительную долю составляют обмазанные горшки, иногда наделенные ручками, баночные сосуды, сковороды, плоски, разнообразные крупные тарные сосуды с заглаженной или серой лощеной поверхностью (их горловины имеют цилиндрические формы), столовые серые лощеные горшки с отогнутыми венчиками, корчаговидные сосуды, кувшины со сливным носиком, с воронкообразным устьем, с цилиндрическим горлом, миски (округлобокие и реберчатые, рифленые). Однако, в отличие от Шаракунского и Мамрашского могильников здесь не встречены кувшины с четырехлепестковым устьем. Для части сиртичских и ганзирских кувшинов со сливными носиками, с воронкообразным устьем и устьем расширяющимся к венчику характерен резкий переход плечиков к горловине (рис. 62; 63-б, 1-15).

Это своеобразная группа памятников оставлена населением с традиционной местной материальной культурой, восходящей по своему происхождению к глубокой древности. В то же время она генетически связана с памятниками раннего средневековья. На данной территории средневековые армянские источники локализуют таваспаров,²⁴² т.е. более поздних табасаранцев. Согласно этногенетическим легендам, табасаранцы произошли от арабов, евреев и даже армян.²⁴³ За этими преданиями мы склонны усматривать религиозную принадлежность предков табасаранцев на различных исторических этапах. Такая путаница характерна для всего Дагестана и за арабским происхождением следует видеть мусульман, за евреями-иудеями, за армянами-христианами григорианского толка и т.д. На это же указывают «Тарихи Дербентнаме», а так же сочинения А. — К. А. Бакиханова, Г. Алкадарского и др. Некоторые

исследователи сопоставляют табасаранцев с сатархами или сатархеями-спалеями, проникшими на территорию Восточного Кавказа вместе с маскутами-массагетами и другими кочевыми ордами из азиатской части Скифии после сокрушения ими между 140 и 130 гг. до н.э. Греко-Бактрийского государства.²⁴⁴ Такая связь нуждается в обосновании. Прежде всего, сатархеи-ираноязычные племена, ранее обитавшие в Средней Азии в окружении массагетов-маскутов. Табасаранцы ни по языку ни по антропологическим признакам не выделяются из местной общедагестанской среды, где они занимают соответствующую языковую, этнокультурную и биологическую нишу.²⁴⁵ Эти местные племена существовали здесь задолго до албанской и раннежелезной эпох. Табасаранцы говорят на языке, относящемся к лезгинской группе, среди которой выделяются восточнолезгинские (лезгинский, табасаранский и агульский), шахдагские (крызский, будухский) и цахурско-ругульские подгруппы.²⁴⁶ Табасаранский язык стал выделяться в качестве самостоятельного языка в результате распада общелезгинской праязыковой общности. Если это так, то Сиртичский могильник и поселение, а также Ганзирское поселение, как и сопредельные памятники, могут быть связаны с ними.

Этноним табасараны от табарсараны, как и сатархи, ираноязычный. Некоторые ученые переводят его как «топоркоголовые» или «голова тспорком». Допускают также связь с именем иранского гарнизона тапуров Табаристана-Мазандарана.²⁴⁷ Этот этноним, если он действительно ираноязычного происхождения, еще нуждается в объяснении. Но сами табасаранцы не могут быть связаны с ираноязычными племенами по происхождению. Об этом говорят не только их язык и антропологические особенности, но и их самоназвание и те наименования, которые им присвоены окружающими народами, отличающиеся от этнонимов «табарсаран - тавас пары» или табасаран. Сами себя они называют «*ḡvḡum*» или «*ḡunnar*», лезгины называют их «*Къаб.ḡан*», кайтаги — «*шлан*»,²⁴⁸ агулы — «*у-хан-ар*».²⁴⁹

V. Вариант горного Дагестана (рис. 68). Памятники горного Дагестана и прежде всего Хабадинский, Гоцатлинский и Маалибский могильники образуют особую группу. На наиболее хорошо изученном Хабадинском могильнике представлены овальные грунтовые могилы, отмеченные на уровне древней дневной поверхности камнями или оградками, иногда и теми, и другими. На позднем этапе существования памятника появляются узкие грунтовые могилы и каменные ящики-гробницы. Господствующим типом обряда являются скорченные на боку погребения, ориентированные на северо-запад. Иногда встречаются скорченные на спине с правой рукой на тазе, полускорченные на боку, вытянутые на спине и сидячие погребения при ориентации на запад или

восток. Около костяков встречаются угольки, изредка-кусочки мела. Известны целые и частичные конские погребения, а также кости собак и овец. Керамический инвентарь представлен серыми лощеными шаровидными горшками; кувшинами с цилиндрическими горловинами; кувшинами с воронкообразным устьем и ручкой-соском, соединенной с венчиком; а в комплексах I-II вв. н.э. — красными ангобированными кувшинами с цилиндрическими горловинами. Предметы вооружения представлены наконечниками копий, длинными всадническими мечами без наверший и перекрестий, трехгранными и трехлопастными наконечниками стрел. Конская упряжь состоит из удила с подвижными кольцами, двукольчатыми железными и костяными псалиями, ворворками, украшения- из головных булавок с треугольными навершиями, петельчатых височных привесок с разомкнутыми концами, пряжек с зооморфными завершениями и округлыми рамками, бляшками и бусами. Эти же признаки присущи Маалибскому и Гоцатлинскому могильникам. Причем гоцатлинская керамика, сходная по формам и технике изготовления с хабардинской, имеет зооморфные ручки. Цархигоцинский могильник содержит близкие к этой же группе находки, но он слабо изучен и не имеет материалов для культурного определения, хотя отдельные фрагменты керамики близки хабардинским. Отметим, что Хабардинский могильник относится к VI в. до н.э. — III в.н.э. Интересно, что к VII-VI вв. до н.э. по грузинской традиции происходило перемещение вглубь гор аварских племен-самого знаменитого в роду Лекана-Хозаниха, основавшего там город и назвавшего его своим именем.²⁵⁰ Возможно, с этими племенами и связана свита памятников Хабардинского могильника.

А. П. Новосельцев приводит этноним древних армянских источников “авар-назк”²⁵¹ и название византийских источников-аварины (Оварины-по Стефану Византийскому),²⁵² которые он считает этническим именем современных аварцев. У Леонтия Мровели Хозаних считается одним из сыновей Лекоса-общего предка народов Дагестана. Под названием “аварцы” население горного Дагестана не известно ни у одного из коренных народов Дагестана и Кавказа, а сами себя аварцы именуют “маарулал”-горцы. Аварцами в литературе они стали именоваться лишь после IX в.,²⁵³ когда династическое имя серирского царя Авара было перенесено на сам народ.²⁵⁴

VI. Вариант западного высокогорного Дагестана (рис. 68). Наиболее отдаленным западным памятником Дагестана является Бежтинский могильник, архаичные комплексы которого относятся к интересующему нас времени. Здесь господствовали грунтовые могилы, отмеченные на уровне древней дневной поверхности отдельными камнями или каменной обкладкой. Человеческие

костяки лежали вытянуто на спине головами на юго-запад или юг. Около них встречались угольки. Попадались здесь и захоронения отдельных черепов. Сопутствующий инвентарь, как правило, богатый. К интересующему нас времени относятся отдельные сосуды (баночные изделия, горшки, кувшины со сливными носиками, кувшины с цилиндрическими расширяющимися кверху горловинами), длинные мечи, наконечники стрел, ножницы, разные привески, головные булавки, пряжки и т.д. Локальные признаки памятника наиболее выразительно определяют подтреугольные пряжки, наиболее архаичные образцы которых относятся к изучаемому времени. Эти пряжки встречаются и среди других памятников Цунтинского района (Кидеро, Тлядал, Китури и др. — рис. 65). Письменные источники, приблизительно с начала I тысячелетия до н.э. локализуют, на этой территории предков современных дидойцев. Им и приписывает Д.М. Атаев Бежтинский могильник.²⁵⁵ По А. Широкаци, дидойцы называются “дидоци”, по Моисею Хоренскому-”дидои”, в сирийских источниках известны как “Бет-даду”. Плиний локализирует дидур между сильвами, лупениями и содами, недалеко от Дарьяльского прохода-”Кавказских ворот, ошибочно называемых Каспийскими”.²⁵⁶ По К. Птолею”, между горой Кавказом и Керавнскими горами (находятся—О. Д.) туски и дидуры”.²⁵⁷ Здесь без особого труда туски сопоставляются с грузинской этнографической группой-гушинами, занимавшими район Грузии между Главным Кавказским хребтом и Пирикитинским хребтами, а дидуры-с аварскими дидойцами, занимающими территорию между Главным Кавказским, Богосским и Снеговым хребтами. В компилятивном сочинении-”Географии Вахушти”дается обстоятельное описание страны Дидоэтии, занимающей целую из систему горных отрогов и речных потоков.²⁵⁸ Таким образом, локализация дидойцев на территории их современного расселения не вызывает сомнений. У самих дидойцев сохранились этногенетические легенды. Согласно одной из них первоначально дидойцы жили в районе современного селения Телави в Грузии. Во главе их стоял умный и могущественный царь Диди. Но грузины коварно убили его, а самих дидойцев разгромили. После этих событий они вынуждены были уйти из Кахетии и перейти за горы через Кодорский перевал. В “Географии” Вахушти имеются сведения о том, что “Гушины и дидойцы входили в состав удела Лекоса, но впоследствии были покорены грузинским народом и обложены данью. Когда случился раздел Грузинского царства, дидойцы подчинились кахетинским царям”.²⁵⁹ Это говорит о каких-то исторических реалиях, отраженных в легенде. По другой легенде, дидойцы первоначально жили в селении Хамаитль (Хламаитль). Правил ими царь Лекко (Лекко). Поскольку дидойцам стало тесно жить в одном селении, царь по жребию отправил их по частям в разные места, соответствующие трем ущельям дидойской территории:

часть жителей отправил в наиболее благоприятный район, где они основали селение Кидеро, другую—в район, где был основан Шаитль (Шаикь), третью—в район селения Асах, четвертая же осталась на месте. Первые переселялись с песнями, вторые—в сопровождении зурны и барабанного боя, третьи—с плачем: им достались самые плохие места.

Под названием дидойцы, помимо самих дидойцев объединены гинухцы, гунзибцы, бежтинцы, хваршинцы и тиндинцы. Интересные сведения, проливающие свет на их историю, приводит Тацит. В борьбе за парфянский престол боролись два претендента из династии Аршакидов-Вонон, воспитанный в Риме, и Артаван III, воспитанный у дахов. Когда престол достался Артавану в 19 г. н. э.,²⁶⁰ Вонон "... предпринял попытку перебежать в Армению, чтобы перебраться оттуда к албанам и гениохам и далее к своему родичу царю скифов..."²⁶¹ Переводчик Тацита В. Модестов, отмечая в комментариях гениохов, прилегающих к Черному морю, напоминает, что это этническое наименование сохранилось у лезгинских племен "гайнухов" (гинухцев—О. Д.).²⁶² Н. Я. Марр прямо сопоставляет этноним гениохов с названием современных гинухцев, проживающих в Цунтинском районе Дагестана.²⁶³ Он же обратил внимание на то, что этот термин в числе названий "сарматской группы" встречается у армян.²⁶⁴ С. Т. Еремян приводит сведения о "царстве махелонов и гениохов". Причем он четко различает царство гениохов и махелонов (макронов от слова Мачахельни—О. Д.) в Причерноморье от гениохов и Махелонии Восточного Кавказа. Правда, он пытается локализовать гениохов рядом с царством маскутов в Южном Дагестане, приняв его за Махелонию персидских источников.²⁶⁵ В этой связи интересно привести сообщение Псевдо-Арриана: "... за гениохами же выше лежит море, называемое Каспийским, имеющее вокруг себя племена варваров, питающихся кониной".²⁶⁶ Все это позволяет допустить локализацию гениохов на территории Дагестана, недалеко от Каспийского моря и сопоставить их с гинухцами, проживающими в современном селении Гинух Цунтинского района. Эта локализация подтверждается и тем, что Махелония локализуется не к югу от Дербента, а в верховьях реки Аргун по обе стороны Главного Кавказского хребта. Сами ингуши у осетин известны под названием Махелоны, о чем уже говорилось.

Удачно сопоставляются и "тидии", упоминаемые Плинием с современными тиндинцами, проживающими в Цумадинском районе и андаки-с предками современных андийцев: "... Некоторые помещают вокруг Меотийского озера до Керавнских гор следующие племена... у Кавказского хребта-икатели, раммы, андаки, тидии, карастасеи, авфианды". На территории Дагестана в селениях Тинди (Тинди-Идари-Иди), Ангида (Ангьида, Ангьида), Акнада (Агьиначи), Эчеда

(Эчей), Тисси (Мильчи, Исси) Цумадинского района живут около 5 тысяч тиндинцев или тиндаляльцев. Они вместе с андийцами входят в состав андийской группы народностей, к которым относятся сами андийцы, годоберинцы, каратинцы, ахвахцы, багвалалы и чамалалы. В древности и в интересующее нас время территория их расселения, видимо, была значительно более обширной. В горах Ичкерии один из притоков реки Аргун до сих пор носит название Андаки. Археологическая культура в Ичкерии интересующегося нас времени также близка культуре горного Дагестана. В самом Дагестане на значительной территории Шамильского района, по Хунзахскому плато и в долине Андийского койсу вплоть до Миатлинской теснины в большом количестве встречаются доаварские топонимы и гидронимы андо-дидойского происхождения.²⁶⁷ К ним относится топоним "килятль" (килалль)—хутор, Мехельта (Мельелта)—у солнца, на солнечной стороне и т.д. На миграцию собственно аварских племен на эту территорию обратил внимание Ш. И. Микайлов. Он отметил в аварском языке два диалекта, северный и южный, а также вклинившийся между ними переходный. Эта языковая ситуация объясняется перемещением аварцев на территорию современного расселения, как минимум тремя волнами, каждая из которых соответствует диалектной группе.²⁶⁸ Естественно, такое перемещение должно было вызвать столкновение между местными андо-дидойцами и пришлыми прааварскими племенами. О возможности таких столкновений говорит сохранившийся до сих пор у носителей переходного диалекта (селения Батлук, Заната, Могох, Голотль Шамильского района) окаменелая форма проклятия, применяемая как окрик при погони быков по току во время молотбы: "Гандал хва"—умрите андал.

VII. Вариант долины Казикумухского койсу (рис. 68). Интересная группа памятников сосредоточена в долине р. Казикумухское Койсу. Это Курклинский, Сумбатлинский, Цыйшинский могильники, Цыйшинское городище и поселение, а также Вихлинское поселение.

На Сумбатлинском могильнике найдены узкие каменные гробницы или ящики, иногда с полами, вымощенными плитами, с единичными и иногда парными захоронениями. Встречаются склепы с коллективными захоронениями. Костяки лежат скорченно или полускорченно на боку; на спине с вытянутыми конечностями; с перекрещенными ногами, с одной вытянутой и другой подогнутой ногами. Встречаются вторичные погребения. Здесь преобладает юго-восточная ориентация (26,6%) при наличии северо-западной, северо-восточной (по 13,3%) и восточной (6,5%). Известны единичные и массовые конские захоронения, а также погребения собак. Около костяков прослеживаются уголки. Оружие и зеркала уложены разбитыми. На Курклинском могильнике также встречены склепы и массовые конские могилы. Керамический инвентарь

Сумбатлинского могильника характеризуют низкие лепные баночные сосуды, среди которых имеются образцы с ложными ручками; найдена кружка с ручкой, серый лошенный горшок с отогнутым венчиком, серые лощеные реберчатые миски, горшки и кувшины с цилиндрическим горлом и со сливными носиками, красный ангобированный кувшин с зооморфной ручкой на тулове, красные ангобированные одноручные горшки. Оружие представлено длинными всадническими мечами и кинжалами без наверший и перекрестий, кинжалами с кольцевыми навершиями, наконечниками копий, трехлопастными наконечниками стрел и “плошиками”; конская упряжь — удилами с подвижными кольцами и с крестовидными псалями; украшения — пряжки разных форм, височными привесками в полтора оборота, фибулами, зеркалами и проч.²⁶⁹

На Цыйшинском могильнике, расположенном неподалеку от Сумбатли, встречены более архаичные грунтовые могилы и поздние каменные ящики, перекрытые плитами. Костяки вытянуты на спине, с согнутыми в локтях руками, иногда с перекрещенными ногами. Ориентация северо-восточная. Конские захоронения находятся в специальных грунтовых ямах, обложенных камнями. Инвентарь состоит из обломков серой лощеной керамики с резным геометрическим орнаментом, длинных всаднических мечей и кинжалов без наверший и перекрестий, наконечников копий и стрел (они трехлопастные с выступающей втулкой), удили с подвижными кольцами, биллонных зеркал и фибул, разнообразных пряжек, подвесок, стеклянных и каменных бус (рис. 66).²⁷⁰

Таким образом, находки Цыйшинского городища и могильника, Вихлинского поселения и Сумбатлинского могильника близки, позволяют объединять их в одну группу, которую можно относить ко времени от конца I тысячелетия до н.э. и до VIII в.н.э. Их материальная культура за это время развивается без скачков и разрывов, прослеживается устойчивая линия ее постепенной эволюции, что обусловлено развитием единого этноса на протяжении столь длительного времени. Арабские письменные источники с VI-VII вв. помещают на территории бассейна Казикумухского Койсу предков современных лакцев под названием Гумик или Туман с VI-VII вв.²⁷¹ Правда, некоторые исследователи сопоставляют название “туман” с княжеством Тюмень, известного в XV-XVI вв. в низовьях Терека.²⁷² Здесь речь идет о разных названиях, относящихся к разным хронологическим этапам. Более того, слово “туман” намного ближе к аварскому названию лакцев “тумал”, от которых арабские авторы могли перенять данный этноним. Поэтому нет оснований для отождествления этнонима “туман” с тюркским “тюмень”. Существуют разные точки зрения о происхождении лакцев. По мнению А.К. Бакиханова, они представляют

собой смесь русских, гуннов, хазар, камаков-половцев, арабов и аваров. В его время население Казикумуха с окрестностями делилось на три ветви: качи, медче и кумух. “Качи” он считает остатками славян, гуннов, аваров и хазар; “медче” произошли от “мекке”, следовательно они арабского происхождения; “кумух” — остатки камаков. Новейшими исследованиями ученых установлена несостоятельность такого утверждения. “Качи”, от лакского слова “хьачИи” (хьачИми?), называются жители территории, расположенной к западу от сел. Кумух. Название происходит от “хьачИ” — плечо, склон горы (соединением “-и” образуется форма “находящиеся за (у) склонами горы”).²⁷³ “Медче-медчи” (точнее “маччайми-мачинчы”, жители восточной части лакской территории) происходит от слова с корневой основой “мачча” — ропичи (аффикс-ми показатель собственности). “Кумух” же происходит от самого названия селения Гъбази-Гъумек, Кази-Кумух, Кумух.²⁷⁴ А. М. Алиханов-Аварский полагает, что лакцы произошли от гуннов,²⁷⁵ П. К. Услар — что они — переселенцы более северных земель,²⁷⁶ Н. Я. Марр — выходцы из древнего Урарту.²⁷⁷ С. Н. Колокольцев считал их остатком древнего народа “кумух”, греч. коммачена,²⁷⁸ С. И. Габиев — осколками каких-то оттесненных в горы крупных народов, проживавших когда-то в соседних степях.²⁷⁹ Гасан Алкадари полагал, что в VII в. до н.э. нагорный Дагестан не имел еще оседлого населения и будто бы из северных предгорий во II в.н.э. лакцы были оттеснены даргинцами на места их нынешнего проживания, а произошли они от смешения хеттского племени куммухов, сирийского кочевого племени лаков и каких-то кавказских аборигенов.²⁸⁰ В последнее время появилась книга историка Р. Г. Маршаева и журналиста Б. Бутаева, в которой развернута новая концепция о миграции лакцев на их современную территорию. Они полагают, что первоначально лакцы жили в северной Месопотамии, где имеется Куммух или Кутмухи и лаки, а также населенные пункты Тилули, Кобаку, Куба, Шереш. После разгрома Урарту скифами лаки (кутмухи), потеряв своих союзников в лице Урарту, были оттеснены сильной ассирийской державой на север Кавказа. Вместе с ними ушли на север, в район современного Азербайджана албаны, утии, кутии и др.²⁸¹ Это мнение основано на случайных созвучиях племенных названий и ошибочных логических построениях. Оно не нуждается в особом опровержении. Лакская народность сложилась на территории долины Казикумухского Койсу, в пределах современных Лакского и Кулинского районов.²⁸² Ибн Руста упоминает о крепости гумиков, существовавшей еще при деятельности Хосрова Ануширвана (цар. с 531 г., ум. 579 г.) в Дагестане: “царь Сарира имеет другой крепкий замок, называемый ал-Ал (Алал?)-ва-Гумик, где находится его сокровищница; этот замок был дан ему (т.е. его предкам) Ануширваном”.²⁸³ Баладзори упоминает гумиков в связи с походом Джарраха в 20-х годах VIII в. и “Туман” — в связи с походом

Мирвана в 30-х годах VIII в.н.э.²⁸⁴ Масуди помещает гумиков за землей царя Б. збан.²⁸⁵ Иными словами, письменные источники не выпускают предков лакцев из поля зрения с VI в. и до конца VIII-IX вв. Следовательно, памятники долины Казикумухского Койсу, верхняя дата которых доходит до VIII в., а нижняя начинается с последних веков I тысячелетия до н.э., характеризуются едиными культурными признаками. Они лучше всего отражены в материалах Сумбатлинского могильника, Цыйшинского городища и могильника, Вихлинского поселения и Курклинского могильника. Эти памятники могут быть связаны с гумиками-тумал-предками современных лакцев. Причем, они позволяют углубить дату их бытования по меньшей мере вплоть до последней четверти I тысячелетия до н.э.

VIII. Вариант, захватывающий территорию Левашинского плато (рис. 68). Большая группа памятников на территории Левашинского плато представлена городищами, которые характеризуются единими культуроопределяющими признаками. На одном из них — Нижнечуглинском городище-в слоях конца I тысячелетия до н.э. — IV в.н.э. найдены обломки тарной, кухонной и столовой керамики. Тарная керамика представлена обломками больших хумов и одного крупного розового сосуда с заглаженной поверхностью, кухонная-обломками серых, черных, бурых лощеных, реже заглаженных сосудов. Наиболее многочисленна и выразительна керамика, представленная обломками красных (179 экз.) и белых (7 экз.) ангобированных, красных без ангоба (10 экз.) и серых лощеных (12 экз.) сосудов. Среди красной ангобированной керамики следует отметить находки кувшина с шаровидным туловом, цилиндрическим горлом и отходящей от него ленточной ручкой; кубка; баночного сосуда и маслослойки. Среди белой ангобированной керамики имеются обломки шаровидного сосуда с невысокой шейкой и отогнутым венчиком. Красная без ангоба керамика представлена неглубокой миской с косо срезанной закраиной, серая лощеная керамика-сосудами с отогнутым венчиком и профилированными мисками с загнутыми во внутрь краями.²⁸⁶ На Верхнеабкомахинском городище встречается такая же керамика и в таком же соотношении. Здесь среди столовой серой лощеной керамики обнаружены ребристые миски с отогнутыми наружу краями, а также с выступающими у краев валиками; горшки с загнутыми во внутрь краями, с отогнутым венчиком и других уже известных форм; среди красной ангобированной керамики-горшки с отогнутым венчиком; кувшины с цилиндрическим горлом, шаровидным туловом и ленточной ручкой; среди тарной керамики особенно характерен серый лощеный сосуд с яйцевидным туловом, короткой шейкой и отогнутым венчиком, украшенным налепными валиками в виде вертикальных линий, опускающихся от горизонтального полса на плечиках

(рис. 67).

Такая же керамика происходит из разрушенного склепа, обнаруженного недалеко от селения Леваша. В нем найдены кости нескольких погребенных в сопровождении богатого инвентаря. На Тарланкакском могильнике известны узкие грунтовые могилы. В одной из них костяк лежал вытянуто на спине, его обе руки покоились на тазе, головой обращен на восток, в центре другой могилы обнаружено вторичное погребение в виде груды костей. Украшения из этих могил ничем не отличаются от украшений Карабудахкентского могильника.

В основном, изученные городища Левашинского плато, охватывают время от конца I тысячелетия до н.э. — начала I тысячелетия н.э. до XIII-XIV вв.н.э. Верхнеабкомахинское городище датируется временем от середины I тысячелетия до н.э. до XIII-XIV вв.н.э. Здесь за это время материальная культура развивается постепенно и несколько монотонно, что позволяет говорить о едином этнокультурном процессе. На этом основании А.И. Абакаров и М.Г. Гаджиев высказали предположение о принадлежности памятников Левашинского плато, в том числе и Охлинского городища, населению средневекового политического объединения Филан.²⁸⁷ Мы связываем Верхнеабкомахинское городище с населением Шандан.²⁸⁸ По мнению А.Р. Шихсаидова эти понятия на каком-то этапе идентичны.²⁸⁹ Если даже в VIII в. отдельно существовали два самостоятельных политических объединения Филан и Шандан, то в IX-XII вв. они слились и обоими терминами обозначалась одна и та же территория, занимавшая современные пределы носителей акушинского и цудахарского диалектов даргинского языка. Несомненно, изученные памятники связаны с предками носителей левашинского диалекта даргинского языка.

Таким образом, археологические памятники Дагестана объединяются в единую культуру, но внутри нее отдельные памятники группируются по определенным локальным признакам. Дагестанская археологическая культура входит в восточнокавказскую или албанскую культурную общность. Мы пытались сопоставить эти локальные варианты с определенными племенами Дагестана, известными по письменным источникам, локализовав дидур-дидойцев в Цунтинском и Цумадинском районах Дагестана (сюда входят и андаки, и тидии, и гениохи, локализуемые в Цумадинском и Боллихском районах Дагестана и Ичкерии в Чечни), гелов- в долине Гюльгеричай, леков (этническое наименование которых является собирательным для народов Дагестана)- на территории всего дагестанского региона от северных районов Азербайджана до реки Терек на севере, каспиев- в долине реки Самур. Данная этническая карта выглядит далеко неполной и со временем может быть дополнена и скорректирована.

ПАМЯТНИКИ САРМАТО-АЛАНСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ДАГЕСТАНЕ.

На территории Дагестана найдены памятники, которые могут быть связаны со степным миром. Это курганные могильники II в. до н.э. — III–IV вв. н.э. Значительная часть из них до сих пор не введена в научный оборот. Таковы курганные могильники, изученные экспедицией Института археологии АН СССР в районе Львовских хуторов и ст. Манас. Однако, имеются и другие памятники, близкие им по своему облику. Это, прежде всего, курган, обнаруженный при земляных работах в окрестностях г. Хасавюрта. Он был разрушен строителями, но, судя по сообщению обследовавшего его М.Г. Гаджиева, имел перпендикулярный к погребальной камере дромос. Среди находок обнаружены две лепные лощеные канфаровидные курительницы, украшенные по туловам и венчикам резным геометрическим орнаментом; далее канфар с несколько вытянутым туловом и на поддоне, с цилиндрическим горлом и вертикальными ручками с плоскими горизонтальными выступами (тулово украшено резными линиями); обломок зооморфной бляшки и шейная золотая гривна (рис. 72). По характеру и пропорциям канфар из Хасавюрта может быть отнесен к античным типам II в. до н.э.²⁹⁰ К этому же времени относятся и другие находки из кургана. Встречены курганы и около Андрейаульского городища. По описанию авторов раскопок, здесь под курганной насыпью конца I тысячелетия до н.э. — начала I тысячелетия н.э. найдена большая грунтовая яма подпрямоугольной формы (4,1–3'3,5–3,6 м), вытянутая с севера на юг. К ней подходил плохо выраженный дромос. В самой погребальной камере сохранились остатки неясной деревянной конструкции, обломки керамики и некоторые другие находки.²⁹¹ Подкурганые катакомбы сарматского времени изучались и вблизи Дербента еще в XIX в. А.А. Русовым.²⁹² По некоторым чертам к степным памятникам примыкает Мамайкутанский могильник, где изучены две грунтовые могилы II–III вв. н.э. с вытянутыми на спине костяками, ориентированными на восток и юг. Характерно, что кисти правых рук покоятся на поясе. Пол могил посыпан известью или мелом. Возможно, что и эти погребальные сооружения находились под курганной насыпью. Во всяком случае, документируется близость погребальных сооружений и практиковавшегося в них обряда, как и инвентаря, могильникам Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и особенно северного Прикаспия. Здесь нельзя исключать и как следствие интенсивное культурное влияние степных сармато-аланских кочевых племен, проникших на территорию Кавказа уже во II в. до н.э. По сведениям Страбона, пользовавшегося данными Перипла, Артемидора Эфесского (конец II в. до н.э.), аорсы, сираки и верхние аорсы локализируются

между Танаисом и Каспием. Причем, верхние аорсы занимают обширные районы, "владея почти что большей частью побережья Каспийского моря".²⁹³ Более того, верхние аорсы "вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев".²⁹⁴ Из этого следует, что аорсы могли проникнуть на территорию всего Прикаспийского Дагестана. Вместе с ними сюда проникли какие-то дьяковские или городецкие племена, с влиянием которых можно связывать погребения ничком, а среди инвентаря пряжки-сюльгамы, пряжки-застежки, колоколовидные подвески, некоторые тамгообразные знаки и т.д. Более того, какие-то сармато-аланские племена проникли и на территорию Азербайджана, как впрочем и на территорию Грузии.²⁹⁵ Аммиан Марцеллин упоминает, что Помпей во время похода 65 г. до н.э. "прошел через страну албанов и массагетов, которых мы называем аланами, разбил и это племя и увидел Каспийское море".²⁹⁶ Здесь имеется в виду этнические пределы массагето-маскутов, относящихся к аланским племенам. В их составе И. Алиев и Г. Асланов упоминает абасгов или апасиаков, связанных каким-то образом с парнами-апарнами-абхазами.²⁹⁷ Возможно, вместе с ними были и сатархи, и апалеи-спалеи, локализуемые Солиным на Восточном Кавказе, рядом с массагетами-маскутами.²⁹⁸ Эти ираноязычные племена массагетского круга ранее занимали территорию Средней Азии.²⁹⁹ Они, по И.М. Дьяконову, прошли на территорию Восточного Кавказа вслед за скифами.³⁰⁰ По И. Алиеву, они появились в Восточном Закавказье уже к I в. н.э.,³⁰¹ а по Ю. М. Десятчикову — после развала Греко-Бактрийского государства, т.е. между 140 и 130 гг. до н.э.³⁰² Действительно, в середине II в. до н.э. отмечено продвижение среднеазиатских племен, в частности саков и массагетов, возможно, из-за перемещения больших масс кочевников из глубин азиатского континента. Видимо, одна из волн кочевников проникла через Нижнее Поволжье в Подонье, Северное Причерноморье и Северный Кавказ. И. Алиев, Г. М. Асланов и И.Г. Нариманов помещают их в период парфяно-римского противоборства в Прикаспийской полосе и в северо-западном Азербайджане, где с ними считают возможным связывать различные катакомбные погребения с деформированными черепами и прежде всего Мингечаурские катакомбы.³⁰³ По К. Алиеву, часть морского побережья от Дербентского прохода до нижнего течения Куры была частично заселена маскутами.³⁰⁴ Еще раньше эта мысль была высказана М. Бархударяном ("между Дербентом, Каспием и отрогами Кавказа"); С.Т. Еремянном (в северных районах Каспийского побережья Албании), К.В. Тревер и др.³⁰⁵ В.Ф. Минорский и М.И. Артамонов локализируют их в северном Азербайджане и Южном Дагестане, между реками Бельбек и Самур.³⁰⁶ Имеются и иные взгляды на этническую принадлежность азербайджанских катакомбных могильников. Дж. А. Халилов,

например, отрицает связь северокавказских катакомб с катакомбами Азербайджана. По его мнению, они связаны не только с сармато-аланскими племенами, но и местными. Сами катакомбы проникли сюда из Средней Азии через южное побережье Каспия и Иран, где отмечены катакомбные могильники.³⁰⁷ М.П. Абрамова также отрицает связь северокавказских и азербайджанских катакомб с аланскими племенами.³⁰⁸ В. Б. Ковалевская справедливо считает, что у нас нет оснований ни для восприятия катакомб как проявления местного погребального обряда, ни для возведения их к каменным подземным склепам.³⁰⁹ Мы неизбежно приходим к выводу, что в Дагестане и Азербайджане катакомбные погребения являются привнесенными. Тем более, что для местных культур Кавказа предшествующего времени вообще не были характерны катакомбные погребения. Нет их и в албанское время и в горных районах, где вообще не отмечено пребывание аланских племен. По времени появления катакомб совпадает с сармато-аланской миграцией. Вместе с тем, мингечаурские и паласасыртские катакомбы приписываются одним и тем же маскутским племенам. Если это так, то и указанные катакомбы должны быть идентичными. Однако, курганы изучены далеко не полно, а делать однозначные выводы можно лишь при сопоставлении всех деталей погребальных сооружений, т.е. наземных и подземных частей, элементов составляющих погребальную камеру, их формы и конструкции, элементы обряда, состав инвентаря и т.д. По имеющимся материалам азербайджанские катакомбы I-IV вв. из Мингечаура, Кабалы, Топраккалы и Казахского района представляют собой овальные или круглые в плане погребальные камеры с перпендикулярными к ним наклонно слеланными входными ямами-дромосами. Иногда к одной входной яме примыкали по две катакомбы. Они, обычно, имеют куполовидные своды, содержат одиночные, реже парные или коллективные захоронения, совершенные в кувшинах или деревянных срубках.³¹⁰ В катакомбах IV-VII вв. встречены коллективные захоронения: в центре камеры помещены один, два, иногда три костяка на боку или вытянуто на спине. Лежат они на деревянных подстилках, массивных плитах из обожженной глины, сырцовых или обожженных кирпичках, иногда и просто на грунте. Вокруг них, вдоль стен размещены остальные костяки, порою до 12 человек в различных положениях-скорченно, вытянуто, сидя. Иногда кости смещены и сложены грудой.³¹¹

На Паласасыртском могильнике изучено 79 могил. Под курганными насыпями выявлено 67 катакомб, 6 подбоев и 8 грунтовых могил IV-VII вв., которые содержали в основном одиночные, реже парные или тройные вытянутые на спине костяки, ориентированные преимущественно в южном направлении (ЮЗ, ЮВ, Ю). Под костяками встречены следы подстилок, меловая и зольная подсыпка.³¹²

Как видно, между Паласасыртскими и азербайджанскими катакомбами даже

на уровне имеющихся материалов много общего. Но есть и особенности и в погребальном обряде, и в инвентаре. Правда, они могли возникнуть под влиянием местных условий обитания. Как уже отмечалось исследователями, паласасыртские катакомбы аналогичны северокавказским аланским катакомбам. В качестве сармато-аланских рассматриваются: слой глины на дне катакомб, подсыпки под скелетами толченого мела, конский череп в дромосе, а также поза погребенных.³¹³ Это повод делать выводы о принадлежности Паласасыртского могильника аланским племенам маскутов.³¹⁴ А.В. Гадло поддерживает эту точку зрения, отметив, однако, существование южнее Дербента этнического конгломерата племен, среди которых определяющее положение занимали маскуты или сармато-аланы.³¹⁵ Л. Б. Гмыря также приписывает этот могильник конгломерату племен среди которых имелись маскуты, гунны и местные племена.³¹⁶ Действительно, маскуты были этнически неоднородной массой. Выше уже упоминалось о том, что в их состав входили абасги-апасиаки, сатархи или апалеи-спалеи. Средневековые источники называют их масаха-хоннами,³¹⁷ имея в виду проникновение в маскутскую среду отдельные гуннские племена или их союз.

Приведенные материалы показывают, что на территории Дагестана обитали сармато-аланские племена. Они оказали и значительное влияние на местное население, восприняв в свою очередь, довольно передовые местные оседлоземледельческие культурные традиции. Такие контакты возникали и в ходе аланских походов 35, 72 и 135 гг. в Закавказье и Переднюю Азию. Так, в 35 г. во время войны Парфии и Армении, с одной стороны, Иберии и Албании, с другой, обе противоборствующие стороны на помощь привлекают сарматские племена.³¹⁸ По В. Б. Виноградову иберы привлекают сираков, парфяне и армяне-аорсов.³¹⁹

В 72 г. н.э. кочевники-аланы предприняли против Армении и Мидии грандиозный поход, начатое по наущению Иберии. В нем приняли участие и северокавказские горцы. По Иосифу Флавия аланы "... замыслив вторгнуться с целью грабежа в Мидию и еще дальше, вступили в переговоры с царем гирканцев, ибо он владел проходом, который царь Александр запер железными воротами. И когда тот открыл доступ, (они), напав огромной массой на ничего не подозревающих мидян, стали опустошать многолюдную и богатую страну... (они) дошли до Армении, все опустошая".³²⁰ Моисей Хоренский сообщает, что аланы, "соединившись с горцами и привлекая на свою сторону половину Иберии, огромными толпами распространились по земле нашей".³²¹ По сведениям Леонти Мровели "... цари Картли-Азори и Армазел-призвали овсов и леков, привели царей овских-братьев голиафов по имени Базук и Амбазук — с войском овским. И привели они с собой пачаников и джиков. Пришел к ним также царь леков и привел дурдзуков и дицов".³²² Подавляющее большинство ученых, в том числе

наиболее авторитетных полагает, что для своего набег алапы, в составе которых были предки чеченцев и дагестанцев (леки, дидои и др.), пользовались Дарьяльским проходом.³²³ Й. Маркварт и В. Гамрикелли полагают, что они прошли по Дербентскому проходу, Тейблер, что они двигались из Средней Азии через Гирканский проход, Я. А. Манандян — по Меото-Колхидской дороге, хотя это вряд ли возможно.³²⁴ Аргументы в пользу Дарьяльского прохода кажутся более убедительными. По сведениям Иосифа Флавия, алапы "... произведя грабеж с большой легкостью и без сопротивления дошли до Армении, все опустошая".³²⁵ На обратном пути аланские отряды были настигнуты армянским полководцем Сумбатом Бивритианом и наголову разбиты. Это положило начало долгим алано-армянским междоусобицам: "и стали овсы мстить армянам".³²⁶ Албания, по мнению К. В. Тревер, находилась в стороне от этих событий и тогда Дербентский проход не был доступен аланам.³²⁷ Албания и Иберия выступали союзниками и, как уже говорилось, — а это было видно по событиям 34-35 гг., — племена лексов, дурдзуков и дидов находились в составе Албании, хотя, вероятно, пользовались какой-то автономией. Этим и объясняется то, что упоминание о ней заменено названиями ее горских племен.

В 135 или 136 г. снова в Закавказье вторглись алапы, которые и на этот раз были призваны иберами: "другая (война) с аланами, которые (являются) массагетами, была названа Фарасманом и принесла много горя Мидии, коснулась также и Каппадокии, но затем была приостановлена благодаря парам, которыми Валарш воздействовал на аланов, и вследствие их страха перед Флавием, правителем Каппадокии".³²⁸ Поскольку здесь алапы названы массагетами, очевидно, речь идет о племенах, создавших в Южном Дагестане и Северном Азербайджане средневековое " царство маскутов ". Этим фактором и объясняется то, что Албания не упомянута при описании похода 135 г.

Таковы события, способствовавшие историко-культурным контактам сармато-аланского и местного дагестанского населения. Оно получило отражение и в археологических материалах. К. Ф. Смирновым выделены признаки, свидетельствующие, по его мнению, о влиянии аорсов на местное население. Это формы грунтовых могил, поза погребенных — вытянутых на спине, иногда с перекрещенными в голених ногами и кистями рук на тазе, присутствие кусков мела, целых и разбитых зеркал, сарматские формы посуды — мисок с загнутыми во внутрь краями, ваз, кувшинов с кольцевыми зооморфными ручками, грушевидных кувшинов, кувшинов со сливными носиками, горшков и кубков с зооморфными ручками, горшков с отогнутыми краями.³²⁹ Вышеприведенный анализ всех соответствующих материалов показал, что мы не вправе безоговорочно связывать все эти компоненты с собственно сарматскими племенами.

Грунтовые могилы, например, не могли появиться только с сарматами. Они были характерны для памятников Дагестана еще скифского времени и даже в предскифское время были известны на территории Южного Дагестана (Мугерган, Куг, Сиртич, Дербент),³³⁰ а ширина могил зависела от позы погребенных. Немаловажным фактором является и отсутствие среди грунтовых могильников курганных насыпей — основного признака сарматских катакомбных могил.³³¹ Однако узкие грунтовые могилы могут быть признаны сармато-аланскими, но при условии их корреляции погребальным обрядом. Каменные ящики, изредка встречаемые на дагестанских памятниках албанского времени, в Дагестане стали исчезать в скифское время, хотя они все еще сохранились среди древностей Северного Дагестана и приграничных районов Чечни (Балансу, Ямансу, Ленинкент и др.). Ящики являются сугубо местными погребальными сооружениями и их распространение можно объяснить только участием местных племен в сармато-аланских перемещениях.

Вытянутые на спине погребения с перекрещенными ногами и с кистями рук на тазе являются характерным синдо-меотским обрядом погребения и на сарматских могилах встречаются меньше, чем на северокавказских.³³² Однако, в Дагестан такая ритуальная черта могла попасть только благодаря сармато-аланскому посредничеству.

Из керамических форм не все указанные К. Ф. Смирновым сосуды безоговорочно могут быть признаны сарматскими, ведь они не характерны для памятников раннего этапа прохоровской культуры. Нет их и на территории Украины на сусловском этапе. В ряде статей сарматологов, особенно М. П. Абрамовой, высказана мысль о примитивности собственно сарматской, в том числе прохоровской керамики по сравнению с керамикой северокавказских племен. Она прослеживает генетическую связь сосудов с зооморфными ручками и резным геометрическим орнаментом с керамикой Закавказья, в частности Кавказской Албании, а появление мисок с загнутыми во внутрь краями связывает с кобанскими формами.³³³

Вазы (чаши на высокой ножке) наиболее характерны для памятников типа Тарки, Карабудахкент, Урпеки. Чаще всего они встречаются на памятниках античного Азербайджана, хотя те несколько отличаются от дагестанских. Отличаются дагестанские вазы и от прикубанских ваз. Дагестанские вазы албанского времени, возможно, генетически связаны с вазами, встреченными на памятниках Дагестана предскифского времени (Мугерганский могильник).

Особого внимания заслуживают сосуды с зооморфными ручками. Проблема их происхождения вызывает споры, несмотря на то, что они находятся в центре внимания исследователей, начиная с 40-х годов.³³⁴ К. М. Скалон выделила

два района зооморфной керамики: северо-западный Кавказ и юго-восточная часть Северного Кавказа, точнее Чечню и Дагестан.³³⁵ М.П. Абрамова показала, что наиболее ранние сосуды с зооморфными ручками появляются в восточной части Северного Кавказа, и что все они связаны с зооморфной керамикой Восточного Закавказья, в том числе Кавказской Албании.³³⁶ На территории Дагестана эта мысль подтверждается многочисленными находками разнообразных кувшинов, кубков, кружек, горшков и ритуальных сосудов с ручками, оформленными в виде конских изображений. Такие находки (Тарки, Урцеки, Карабудахкент и др.) связывают Восточное Закавказье с Северным Кавказом. На дагестанских памятниках встречаются сосуды со стилизованными зооморфными ручками, а также сосуды, изготовленные в виде различных животных или моделированные на спинах животных. Так, усеченно-биконическая кружка с ребристым туловом, несколько отогнутым венчиком и стилизованной зооморфной ручкой, найденная на Таркинском могильнике, как уже отмечалось, является наиболее древней среди аналогичных находок. Изделие подобной формы, как показывают находки, получают распространение на обширной территории, занятой сарматскими племенами, захватывая в том числе и Северный Кавказ, Поволжье и т.д. Поэтому, если даже форма таких сосудов возникла в Дагестане, то за их распространением следует видеть передвижение сармато-аланских кочевников.

Канфаровидные курительницы со стилизованными зооморфными ручками на Северном и особенно северо-восточном Кавказе представлены тремя типами, один из которых характерен для памятников Таркинского типа, другой-Терско-Сулакского междуречья, точнее памятникам Бабаюртовского района и третий-среднего Притеречья. Соответственно и располагались и очаги их производства. Ни один из них не может быть связан исключительно с сарматскими погребениями. Они известны как из сарматских погребений Северного Кавказа, так и среди памятников местных племен. Подобное следует сказать о чашах-курильницах с отделениями и стоящих на полой ножке, а также о чашах с умбовидным выступом на дне. В основном, эти сосуды явно северо-восточнокавказского происхождения. Однако, произведены или самими сарматами, или местными племенами с расчетом на сарматский рынок.

Грушевидные кувшины без ручек, встреченные на Карабудахкентском могильнике, аналогичны сосудам из могил III-начала I в. до н.э. Прикубанья (Усть-Лабинск),³³⁷ но отличаются от них отсутствием кольцевого поддона. Они свидетельствуют о контактах населения Дагестана с населением Прикубанья и Причерноморья. На эту же связь указывают уже упомянутые выше обряд выгнутого на спине погребения и с кистями рук на тазе, находки зеркал, фибул, разнообразных бус и сама техника ювелирного производства отдельных изделий.

Однако, эта связь вряд ли осуществлялась без посредничества сарматов, хотя торговые контакты могли и функционировать самостоятельно.

Прослеживаемые на памятниках Дагестана, компоненты материальной культуры могут являться следствием сложного этно-культурного и исторического процесса, происходившего на Северном Кавказе, так называемой сарматизации. По Л. А. Мадулевичу, сарматизация-скрещение и синтез своеобразных слагаемых, разных культур, входивших в соприкосновение, благодаря сарматскому посредничеству.³³⁸ Именно благодаря такому скрещению и синтезу на Северном Кавказе происходит нивелировка культуры. Этим процессом отчасти был охвачен и Дагестан, хотя здесь сохраняется свой собственный этно-культурный облик. За всеми этими культурными изменениями необязательно усматривать этническое смешение местных племен с сарматами, хотя не исключена инфильтрация отдельных сарматских элементов в местную среду, особенно при вышеописанных условиях. В таком понимании процессу сарматизации подвергались и дагестанские племена, правда в самой различной степени. Если отдельные компоненты погребального обряда и инвентаря могут быть связаны с сарматами и то с известной оговоркой, то куски мела около костяков, обряд захоронения частей овец, собак, специальная поломка оружия и зеркал, являются сугубо сарматскими чертами. По этим критериям сарматизации больше подверглись жители северных земель, меньше-южных и западных и тем более горных. Так, узкие грунтовые могилы в большем количестве обнаружены на Таркинском могильнике и меньшем на Карабудахкентском I (12%) и еще меньше на Шаракунском (9%). Такое же соотношение выяснено для некоторых ритуальных особенностей: вытянутых на спине костяков, в том числе с кистями рук на тазе, находками фибул, зеркал, мела, частичных захоронений овец, частичных и целых погребений коней, что отражено в нижеприводимой таблице.

Памятники	Узкие гр. могилы	Выгнутые на спине погр.	Костяки с кистями рук на тазе	зеркала в мог-х	мел в мог-х	Частичное погр. овец	Погр. коней
Тарки	много	64%	37%		5%	18%	1 / 1%
Крб-1	12%	5%	14%		2%	7%	4 / 8%
Щркн	9%	5%	1%		3%	9%	1 / 1%

Таким образом, как показывают погребальный обряд и инвентарь памятников Дагестана, большему сарматскому влиянию подверглись районы

приграничной с ними территории и по Прикаспийской торговой дороге, меньшему-районы, находящиеся южнее и западнее. Вместе с тем, эти материалы свидетельствуют не столько об этнических контактах, сколько о посредничестве сарматских племен в культурном общении местного, оседлого дагестанского и северокавказского населения с северопричерноморским и поволжским населением. Это однако не исключает возможность проникновения в местную этническую среду отдельных сарматских элементов. Но из этого не следует делать вывод, что в Северном Дагестане могли возникнуть какие-либо этнополитические образования из сармат-аорсов и кавказских удин.

1. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 223-225.
2. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 268-271.
3. *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 207.
4. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане//Тез. докл., с. 35.
5. *Котович В.Г., Шейхов Н.Б.* Ук. соч., с. 351.
6. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 17,114-172.
7. *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов//ВДИ. 1947,3,с. 100-121; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 50-51,82-84.
8. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 144.
9. *Котович В.Г.* Проблемы..., с. 117.
10. *Кудрявцев А.А.* О новой хронологии древнего Дербента, с. 165-185.
11. *Его же.* Древний Дербент, с. 40-41; рис. 1-5; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 68.
12. *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация..., с. 63-64; Табл. XXIX, 7,20-22,48.
13. *Котович В.Г., Котович В. М., Салихов Б. М.* Городище Таргу, с. 64.
14. *Мокроусов С.В.* Материальная культура..., с. 3-17.
15. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 268-271.
16. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 50-51.
17. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 207.
18. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 154-157.
19. *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре..., с. 34,35.
20. *Леммлейн Г. Г.* Опыт классификации форм каменных бус // КСИИМК, М., 1950, вып. XXXII, с. 166-167; рис. 52,311; с. 15; *Алексеева В.П.* Античные бусы Северного Причерноморья //САИ. Археология СССР, М., 1982, вып. Г1-12, с. 15; табл. 38,15.
21. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 121-124.
22. *Пикуль М.И.* Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. (Отчет). Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, с. 59-65; табл. XXXII-XXXIII; *Ее же.* Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. (Отчет).

Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, с. 61-213; рис. 17-123; *Ее же.* Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. (Отчет). Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, с. 52-63.

23. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 96-97.
24. *Его же.* Памятники Южного Дагестана в I тысячелетии до н.э. Махачкала, 1978 (рукопись), с. 142-145.
25. *Абрамова М.П.* Нижнеджулатский могильник, с. 23-24.
26. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 207; рис. 21,251; 33,70.
27. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. Археология СССР, М., 1978, вып. Г 1-12, с. 72; табл. 33,64; с. 74; табл. 34,39.
28. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 212; рис. 4.
29. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 204-206.
30. *Алексеева Е. М.* Ук. соч., с. 28.
31. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки Северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975, с. 82; табл. XVI, 53; *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев. 1959, с. 148, 149, 153; 119, 121.
32. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 33; рис. 9,8.
33. *Книтоич П. Н.* Танаис. Историко-археологическое исследование. М. — Л., 1949, с. 76-82.
34. *Вязьмитина М.И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка / ВССА, М., 1954, с. 220-244.
35. *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре, с. 22; табл. XXI, 3; XXII, 1-3; XII, 7.
36. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 202,205,207; рис. 27,32,34.
37. *Пикуль М.И.* Хабадинский могильник, с. 152; табл. XI, 1-3,6-9.
38. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 217; рис. 8,2.
39. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., рис. 19,374; 35,80,82.
40. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 117,118; рис. 1,6.
41. *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник, с. 450; рис. 47,10,11.
42. *Смирнов К.Ф.* Курильницы и туалетные сосудики..., с. 170-174; табл. 1-3; рис. 1, VIII, 2¹, 2².
43. *Петренко В. А.* Об одной из разновидностей сарматской культовой посуды на среднем Тереке//СА, 1980, I, с. 275-283; рис. 4,1-4.
44. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 170,173,179,182; рис. 5,110; 10,181; 19,357,287.
45. *Алексеева Е. М.* Античные бусы..., М., 1978, с. 72; табл. 33,67.
46. *Давудов О.М.* Раскопки в Табасаране //Арх. открытия 1979 г. М., 1980, с. 105.

47. *Его же*. Погребальный обряд населения..., с. 53-57.
48. *Алексеева Е. М.* Античные бусы... М., 1982, с. 30; табл. 43,33.
49. *Там же*, с. 29-93; табл. 26,2-4,7,12,15,16,53,73,74.
50. *Там же*, с. 65,66,71; табл. 33,6,4,49,50; с. 72; табл. 33,70.
51. *Ее же*. Античные бусы... М., 1978, с. 43; табл. 27,85.
52. *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 47.
53. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 132-148.
54. *Там же*, с. 115 и сл.
55. *Котович В.Г.* Новые археологические памятники..., с. 145-148.
56. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений..., с. 109-126; *Их же*. Нижнечуглинское городище, с. 97-98; *Их же*. Первые итоги изучения раннесредневековых бытовых памятников горного Дагестана, с. 8; *Гаджиев М.Г., Абакаров А.И.* К истории поселений горного Дагестана, с. 8.
57. *Абрамова М.П.* Нижнеджулатский могильник, с. 11,12; *Анфимов Н.В.* Место-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинск // МИА, 1951,23, с. 170.
58. *Амброз А. М.* Фибулы юга европейской части СССР//САИ. Археология СССР.М., 1966, вып. Д 1-30, с. 27; табл. 4,24.
59. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М. 1,01971, с. 10.
60. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 121-124.
61. *Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 121.
62. *Там же*, с. 120-121; *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Отчет о работе Горной археологической экспедиции ИИЯЛ в 1968 г. Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 27, оп. 1, д. 30.
63. *Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Ук. соч., с. 121; *Котович В.Г., Маммаев М.М.* Ук. отчет.
64. *Кудрявцев А.А.* Дербентский могильник, 1985, с. 134,135.
65. *Там же*, с. 132; рис. 4,52.
66. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 214; рис. 39,116; 38,110.
67. *Там же*, с. 218,219; *Амброз А. М.* Ук. соч., с. 40,41.
68. *Кудрявцев А.А.* Ук. соч., с. 131; рис. 4,44.
69. *Гмыря Л. Б.* Столовая керамика..., с. 112-113,123; рис. 10.
70. *Корпусова В. Н.* Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я// Археологія. Кив. 1971,3, с. 75-82; III гр.; Античные государства северного Причерноморья, табл. XXXIX, 34.
71. *Кудрявцев А.А.* Ук. соч., с. 133; рис. 4,41,42.
72. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 134; рис. III, 29; V, 20,21.
73. *Котович В.Г., Котович В. М.* Отчет о работе 1-го горного отряда. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф-27, оп. 1, д. 13, л. 5-9.

74. *Абрамова М.П.* Буйнакский курган, с. 123.
75. *Давудов О.М.* Отчет о работе Верхнелабкомахинского отряда ДАЭ в 1972 г. Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 1, д. 383.
76. *Крупнов Е.И.* Новый памятник ..., с. 223-225.
77. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 268-271.
78. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 82-84.
79. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 207.
80. *Крупнов Е.И.* Новый памятник..., с. 224; *Его же*. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, с. 19-20.
81. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 271-272; *Его же*. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, с. 113-125.
82. *Атаев Д.М.* Дагестан и Кавказская Албания, с. 42.
83. *Марковин В.И.* О некоторых находках..., с. 182.
84. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ук. соч., с. 35.
85. *Ковалевский С.А.* Лик Каспия. Баку — Москва, 1933, с. 106,107; *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент, с. 62.
86. История Дагестана, т. I, с. 103-104.
87. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане//Тез. докл. на научн. сесс. ИИЯЛ ДагФАН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала, 1959, с. 37-38; *Ее же*. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. (Отчет). Махачкала. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3.
88. *Халилов Дж. А.* Материальная культура Кавказской Албании: (IV в. до н.э. — III в.н.э.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Баку, 1974, с. 36-38; *Его же*. Материальная культура Кавказской Албании: IV в. до н.э. — III в.н.э. Баку, 1985, с. 159-161.
89. *Абрамова М.П.* Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматское время//СА, 1987,4, с. 59-73.
90. *Федоров Я.А., Федоров Г.С.* Ук. соч., с. 21-43.
91. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 138.
92. *Виноградов В. Б., Марковин В.И.* Могильник "Яман-су", с. 182-186; *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979, с. 150-151.
93. *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с. 53-73.
94. *Исмизаде О. Ш.* Ук. соч., табл. I, 4,6,7,10-12; II, 1,18,20; III, 1-2; IV, 1; V, 1-14; VI, 1-3; VIII, 1; XII, 8; XIV, 6,10,11; XV, 1-3,5,6,8; XXII, 1,4; XXXI, 2,4; XXX, 3,4,6; *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре, табл. V, 1,2,6,7; XII, 2,3; XIII, 1-10; XIV, 7,8; XVIII, 3,4; XIX, 2,3; XX, 1-11; XXVI, 1-4,6; XXIX, 1-14; XXX, 3-6; XXXV, 1,4,5; XXXVIII, 1,3,4-10; XXXIX, 12-15; XL, 2,4,5,7,8,12; XLI; XLII; *Османов Ф. Л.* Материальная культура Кавказской Албании. IV в. до н.э. — III в.н.э. Баку, 1982 (Аз. яз.), табл. IV, 1,10,11; V; XII; XIII; XVI, 6,7; XX; XXII, 10-16.

95. Интерес к Восточному Кавказу возник еще у Александра Македонского, пославшего, по словам Ариана, в 323 г. в "Гирканию Гераклида, сына Аргеева, с кораблестроителями, приказав ему нарубить леса на Гирканских горах и построить длинные корабли, крытые и некоторые по эллинскому образцу: ему хотелось исследовать, с каким морем соединяется это море, так называемое Каспийское или Гирканское— с Понтом ли Евксинским, или же большое море, обходя кругом от восточного Индийского Океана, изливается в Гирканский залив: ... ведь до сих пор не было найдено начало Каспийского моря, хотя кругом его жило не мало народов и в него впадает судоходные реки; а именно из Бактрии изливается в это море Окс, величайшая из Азиатских рек, кроме Индийских, а из Скифии-Яксарт... В него же впадает, по свидетельству большинства писателей, и текущий из Армении Аракс. Эти самые большие реки, но кроме того, есть много и других притоков, или таких рек, которые сами впадают в это море, одни уже известны сподвижникам Александра, обошедшим эти страны, а другие, по всей вероятности, на той стороне залива (в землях кочевых скифов), которые совершенно не известны" (Ариан. Кн. VII, 16,1). Однако, ранняя смерть Александра Великого в Вавилоне не позволила осуществить это обследование (Томсон Дж. История древней географии. М., 1953, с. 191). В 283-282 гг. до н.э. по поручению наследника Александра Македонского — царя Селевка I Никатора македонец Патрокл предпринял плавание вдоль берега Каспийского моря с целью его исследования, открытия всевозможных торговых путей для сообщения с народами Северной Индии. По сообщению Плиния царь Селевк собирался соединить Каспийское море с Меотидой (Азовским морем) посредством канала. Из этих задач вытекала необходимость тщательного изучения всего Каспия, в особенности его северо-восточного берега (Тревер К.В. Ук. соч., с. 56-57). По мнению К. Неймана Патрокл заехал за устье р. Куры, м. б. до Сулака и Терека, а эту часть Каспия считал заливом мирового океана (Neumann K. J. Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und der alte Lauf des Oxos// Hermes. Bd. XIX, h. 2, s. 172-173). В. Тарн считает, что Патрокл мог устье Волги принять за пролив, соединяющий Каспий с океаном, т.е. знал, что вход во внутренние моря обычно узок (Дарданеллы, Боспор, Керченский пролив и др. — Тарн В. W. Alexander the Great. t. II. Studies and sources. Cambridge. 1950, p. 17). Ф. Гизенгер полагает, что Патрокл доскал лишь до местности между Баку и устьем Куры и, что сведения о дальнейшем к северу побережье он мог почерпнуть из рассказов местного населения (Gisinger F. //PWK, s. 2266). По мнению Л. А. Ельницкого Патрокл дальше Апшеронского полуострова не доплыл (Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 125-134; Его же. Древнейшие океанские плавания. М., 1962, с. 75).

Действительно, лучшей частью карты Птолемея, как указывает Дж. О. Томсон, является та, которая захватывает Азию, где помещена река Ра-Волга (Томсон Дж. Ук. соч., с. 356). По результатам экспедиции Патрокла было установлено, что Каспий по своим размерам примерно равен Черному морю и по форме напоминает низкую бутылку с узким горлом, что он якобы соединяется на севере с океаном (Страбон. XI, 7,1; Плиний. 36-38).

96. Магидович И. П., Магидович В.И. История открытия и исследования Европы. М., 1970, с. 91; Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, с. 34,129-131,148,152-154,191,205,207,94.

97. Дорн Б. Ук. соч., с. 334-335; Кулаковский Ю. Аланы по сведениям античных и византийских писателей. СПб., 1899; Крупнов Е.И. Древняя история..., с. 70; Виноградов В. Б. Тайны минувших времен, с. 39; Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа, с. 58-63.

98. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 130-132; Вахушти. География Грузии // Зап. Кавказского отдела Русского геогр. общества. Тифлис, 1904, кн. XXIV, с. 132.

99. Тревер К.В. Ук. соч., с. 38; Очерки истории Дагестана. Т. I, с. 22; История Дагестана. т. I, с. 105; Ковалевский С.А. Лик Каспия, с. 104 и сл.

100. Юшков С.В. К вопросу о границах древней Албании// Ист. записки. М., 1937, 1, с. 135. Профессор Г. Д. Даниялов сообщил мне, что аварцы называют Каракойсу в верховьях названием "Гьельгель-кее".

101. Еремян С.Т. Армения по Ашхарауцу. Опыт реконструкции карты на современной картографической основе. Ереван, 1963 (арм. яз.), с. 102.

102. Абрамян Р. Пехлевийско-персидско-армяно-русско-английский словарь. Ереван, 1965, с. 105.

103. Велиханлы Н. М. Арабские географы - путешественники X-XII вв. об Азербайджане. Баку, 1974, с. 92,114,136,150; Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод П. К. Жузе. Баку, 1927, с. 16.

104. Путешественники об Азербайджане. Баку, 1960, т. I, с. 423; Минорский В.Ф. Ук. соч., с. 110, прим.

105. Ибрагимов Г. Х. К этимологии гидронима Самур//Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976, с. 113-120.

106. Талибов Б. Б. Выступление//Там же, с. 119-120.

107. Абдуллаев И. Х. Еще раз о происхождении гидронима Самур// Там же, с. 120-133. См. также: Гейбуллаев Г.А. К происхождению некоторых гидронимов Азербайджана//Изв. АН АЗССР. Серия ист., философии и права. Баку, 1983, 2, с. 78.

108. Бакиханов А. - К. А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926, с. 48-50.

109. Дорн Б. Ук. соч., с. 324.
110. Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства..., с. 63.
111. Ельницкий Л. А. Скифия Евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977, с. 52; Его же. Знания древних о северных странах, с. 152.
112. Алиев К. Ук. соч., с. 97. Ал Хорезми, переработавший "Географию" К. Птолемея, четко различает Самурский хребет, названный им "Гора ал-Баб ва-л-Абваб" от Керавнских гор, расположенных севернее (Калинина Т. М. Сведения ранних ученых арабского халифата. М., 1988, с. 42-44, 83-84, 85).
113. Акопян А. А. Ук. соч., с. 3-34.
114. Давудов О. М. Проблема северной границы Кавказской Албании... с. 60-63.
115. Мровели Л. Ук. соч., с. 22, 46; прим. 27; Джанашивили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897, вып. 22, с. 829.
116. Страбон. XI, 1, 2.
117. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Помпей. XXXV.
118. Кузнецов В. А. Нартский эпос..., с. 59-63.
119. Тревер К. В. Ук. соч., с. 144; Халилов Дж. А. Материальная культура... с. 197; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 105.
120. Луконин В. Г. Культура сасанидского Ирана: Иран в III-V вв. Очерки по истории и культуре. М., 1969, с. 62, 126.
121. Еремян С. Т. Страна "Махелония" надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ, 1967, 4, с. 47-59.
122. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике / КЭС. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1969, с. 15.
123. Плиний. VI, 38.
124. Птолемей К. III. XI, 1-7; XIX, 7-9; V, VIII, 17-25.
125. Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989, с. 17.
126. Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 142.
127. Абрамова М. П., Магомедов М. Г. Ук. соч., с. 125-129.
128. Там же, с. 51.
129. Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане, с. 133-143; рис. 25, 1-8; 26, 3-8, 15-21, 23-25, 28, 30.
130. Гмыря Л. Б. Столовая керамика..., с. 105-134.
131. Абрамова М. П., Магомедов М. Г. Ук. соч., с. 129; рис. 3, 1, 3, 4, 6.
- Гмыря Л. Б. Ук. соч., с. 108-109, 114, 115; рис. 2, 10-15, 5, 6-10.
132. Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильник "Яман-су"..., с. 183-184.
133. Гадло А. В. Ук. соч., с. 151.
134. Крупнов Е. И. Новый памятник..., с. 208-225; рис. 4, 6-11; Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 226, 230-240, 257-272; рис. 16-23.
135. Смирнов К. Ф. Грунтовые могильники..., с. 195-219.
136. Там же, с. 204-206; Его же. Археологические исследования..., с. 263-264.
137. Его же. Грунтовые могильники..., с. 209.
138. Маммаев М. М. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени, с. 6.
139. Пикуль М. И. Эпоха раннего железа в Дагестане, с. 143, 145-147.
140. Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, с. 19-20; Его же. Новый памятник древних культур Дагестана, с. 224.
141. Смирнов К. Ф. Археологические исследования..., с. 271-272.
142. Его же. Грунтовые могильники..., с. 209-210.
143. Очерки истории Дагестана. т. I, с. 23-24; История Дагестана. т. I, с. 106; Котович В. Г., Шейхов Н. Б. Ук. соч., с. 352-353; Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 51, 83, 84; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ук. соч., с. 22-43; Федоров Г. С., Федоров Я. А. Прикаспийский Дагестан в первые века нашей эры // Уч. записки ИИЯЛ. Сер. общественных наук. Махачкала, 1969, т. 19. вып. 2, с. 174.
144. Тревер К. В. Ук. соч., с. 172-176. См.: Давудов О. М. Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана / Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987, с. 36-40; Марковин В. И. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в скифо-сарматское время // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989, с. 287-288.
145. Марр Н. Я. К итогам передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Изв. Имп. АН. Пг., 1916, с. 1380-140; Его же. Непочатый источник Кавказского мира // Изв. АН. Пг., 1917, с. 307-338; Его же. Кавказские племенные названия и местные параллели / ТКИПС. Пг., 1922, с. 1-39.
146. Мещанинов И. И. Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям // Известия РАИМК. Л., 1925, С. Т. IV, с. 61-62.
147. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 165; Его же, Старостин С. А. Хурито-урартские и восточнокавказские источники / Древний Восток: Этно-культурные связи. М., 1988, с. 164-206.
148. Крупнов Е. И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА, 1964, 1, с. 26-43.
149. Джапаридзе О. М. Эпоха ранней бронзы в Закавказье (III тыс. до н. э.) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980, с. 50.

150. Дьяконов И. М. Ук. соч., с. 117; *Diakonoff I. M.* Hurrisch und Urartaisch. Munchen, 1971; *Friedrich I.* Churritisch//Altkleinasiatische Sprachen. Leiden-Koln, 1969; *Speiser E. A.* Introduction to Hurrian. New Haven, 1974.

151. Гаджиев М. Г. Некоторые вопросы этно-культурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в V-III тыс. до н.э. // VIII Крупновские чтения по археологии Сев. Кавказа (тез. докл.). Нальчик, 1978, с. 28.

152. Яновский А. Ук. соч., с. 97-203; *Лалаян Е. А.* Раскопки в сел. Нидж и Варташен Нухинского уезда (весной 1915 г.)//Изв. Кавказского отдела Московского археологического общества. Тифлис, 1919, вып. 5, с. 47; *Мещанинов И.* Аннотированный словарь урартского (биайнского) языка. Л., 1978, с. 377-381, 384-387; *Еремян С. Т.* Моисей Каланкагуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Зап. Института востоковедения АН СССР. М., 1939, т. VII, с. 129-155; *Капанцян Г.* Историко-лингвистическое значение топонимики древней Албании. Ереван, 1940, с. 19, 20, 69; *Ямпольский З. И.* К вопросу об одноименности древнего населения Атропатены и Кавказской Албании//Тр. Ин-та истории и философии АН АзССР, 1954, т. IV, с. 100-102; *Дьяконов И. М.* История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н.э. М. — Л., 1956, с. 65, 93, 103; прим. 5; *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 70; *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи. М., 1960, с. 275, 433; *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960, с. 65; *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 46, 47, 66, 174-175; *Алиев К.* Ук. соч., с. 127-133; *Marquart I.* Iransahr nach der Geographie des Ps. Mases Xorenac'i // Abhandlungen der Konigl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen Phil. — histor. klasse. Neue Folge. B., 1901, Bd 3, 2, s. 172.

153. Дьяконов И. М. История Мидии, с. 110.

154. Геродот. VII, 68.

155. Геродот. III, 93.

156. Страбон. XI, 7, 1.

157. Плиний. VI, 42; Птолемей К. V, 12, 4.

158. Народы Кавказа. М., 1960, т. I, с. 195-198.

159. Трофимова А. Г. Удины//СИЭ, М., 1973, т. 14, с. 658.

160. *De Guignes.* Memoires dans lesquels, on entreprend de fixer la situation de quelques de peuples scythes dont il est parle dans Herodote et de rechercher si du temps de set historien on connaissait la chine//Memoires de Litterature. 1770, XXXV, p. 549; suiv.

161. *Mannert K.* Geographic der Griechen und Romer. Nurnberg, 1795, IV, s. 138; *Zeus K.* Die Deutschen und ihre Nachbarstamme. Munchen, 1837, s. 703

162. *Casson S.* Herodotus and the Caspien // Annual of the British school at Athens. London, 1918-1919, p. 175; *Hudson F.* Land of Budini // Classical

Review. Oxford, 1924, XXXVIII, p. 158 f.

163. *Ельницкий Л. А.* Скифские легенды как культурно-исторический материал//СА, 1970, 2, с. 70-71; *Его же.* Скифия Евразийских степей, с. 129 и сл., 134.

164. *Его же.* Скифские легенды..., с. 72.

165. Страбон. VIII, 8.

166. Плиний. VI, 38, 39.

167. Птолемей К. V, 8, 17-25.

168. *Яновский А.* Ук. соч., с. 109; *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа, с. 132.

169. *Яновский А.* Ук. соч., с. 109; *Дорн Б.* Ук. соч., с. 334, прим. 3; *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. — Л., 1958, с. 366-367; *Его же.* Осетинский язык и фольклор. М. — Л., 1949, с. 401; *Цагаева А.* Иранские архаизмы в топонимике Северной Осетии// Иранское языкознание. История, этимология, топонимика. М., 1976, с. 172; *Карамшоев Д., Гуриев Т.* Осетинский "Дон" и памирское "арДАН" "арДОН" // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984, вып. I, с. 3-6; *Членова Н. Л.* О времени появления ираноязычного населения в Северном Причерноморье//Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984, с. 259-270.

170. *Кобычев В. П.* Некоторые вопросы этногенеза и ранней истории народов Кавказа: Финно-угры на Кавказе//КЭС. Вопросы этнической истории Кавказа. М., 1989, с. 13.

171. *Марковин В. И.* Сарматская тамга..., с. 95-98; рис. 3, 8, 1; *Его же.* О некоторых находках скифского времени с территории Северо-западного Прикаспия//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 181-183.

172. *Кренке Н. А.* Глиняная пластика и некоторые особенности позднелевковских городищ Подмосковья//СА, 1989, 2, с. 82; рис. 1, 7.

173. *Миклашевская Н. Н.* Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана//МАД, Махачкала, 1959, т. 1, с. 182-194; *Ее же.* Некоторые материалы по антропологии народов Дагестана//КСИЭ. М., 1953, вып. 5 (XIX); *Ее же.* Антропологический состав населения Дагестана в аварско-хазарское время//Вопросы антропологии, 1960, вып. 5, с. 121.

174. *Гаджиев А. Г.* Древнее население Дагестана. М., 1975, с. 70-71; *Его же.* В глубь веков. Махачкала, 1968, с. 61;

175. *Алексеев В. П.* Антропологические данные к проблеме происхождения населения центральных предгорий Кавказского хребта// Антропологический сб. Тр. ИЭ АН СССР. Нов. серия. М., 1963, т. 82, с. 28-64; *Его же.* Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа//Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Сер. историческая. Махачкала, 1964, т. 13, с. 155-167; *Его же.* Происхождение

народов Кавказа: Краниологическое исследование. М., 1974, с. 134-138, 203-204.

176. *Козинцев А. Г.* Проблема происхождения антропологических типов Северного Кавказа в свете данных археологии // Антропология и генеогеография. М., 1974, с. 198-214.

177. *Страбон*. XI, 4,4; Плиний. Кн. 7,12.

178. *Дебец Г. Ф.* Антропологические исследования в Дагестане // Тр. ИЭ АН СССР. Нов. серия. М., 1956, с. 204-237; *Его же.* Антропологические типы // Народы Кавказа. М., 1960, с. 26-32.

179. *Гаджиев А. Г.* Древнее население..., с. 51.

180. *Там же*, с. 49.

181. *Касимова Р. М.* Антропологическое исследование черепов из Мингечаура: (в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа). Баку, 1960.

182. *Бунак В. В.* Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. Музея антропологии и этнографии И. М., 1953; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа, с. 140, 203, 204; *Его же.* Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана..., с. 167-172.

183. *Marquart I.* Op. cit., s. 95.

184. *Trubetzkoy N.* Die Verwandtschaftsbeziehungen der nordkaukasischen Sprachen // Zeitschrift der Deutschen morgenlandischen Gesellschaft. Lpz., 1930-Bd. 9 (84). 6, s. 111.

185. *Минорский В. Ф.* Ук. соч., с. 134; *Магомедов Р. М.* Проблемы происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии // Уч. зап. ДГУ. Махачкала, 1960, с. 37-56; *Его же.* Происхождение названия Лезгинистана // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, Махачкала, 1961, т. IX, с. 47-57; *Абдуллаев И. Х.* Опыт анализа лакской этнонимии // Сб. статей по вопросам дагестанского и вайнахского языкознания. Махачкала, 1972, с. 157-158; *Абдуллаев И. Х., Микаилов К. Ш.* К истории дагестанских этнонимов лезг и лак // Этнография имен. М., 1971, с. 13-26.

186. *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала, 1969, с. 32-33; *Его же.* Вопросы исторической географии Дагестана X-XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 65-81.

187. *Минорский В. Ф.* Ук. соч., с. 191-192.

188. *Мровели Л.* Ук. соч., с. 25.

189. *Там же*, с. 43; *Джанашвили М.* Известия грузинских летописей..., с. 10; *Хоренский М.* История Армении. Изд. 2-е. Нов. перевод Н. О. Эмина с прим. и прилож. М., 1893, с. 223; *Каланкатуйский М.* История агван. Пер. с древнеармянского К. Патканова. СПб., 1861, с. 222.

190. *Страбон*. XI, 5,1,2; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Помпей. XXXV.

191. *Караулов А. А.* Сведения арабских географов IX-X вв. по р. хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1903, XXXII, с. 11.

192. *Меликишвили Г. А.* Урартские клинообразные надписи И. М., 1960, с. 275, 433.

193. *Геродот*. V, 9,3.

194. *Геродот*. VII, 7,2.

195. *Джанашвили М.* Ук. соч., с. 829; *Мровели Л.* Ук. соч., с. 22, 46; прим. 27.

196. *Страбон*. XI, V, 1,2.

197. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Помпей. XXXV.

198. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос..., с. 59-63.

199. *Ковалевский С. Н.* "Карта Птолемея" в свете исторической географии Прикаспия // Известия Всесоюзного геогр. общества. Л., 1953, т. XXXV, Вып. I, с. 33; *Ельницкий Л. А.* Скифские легенды..., с. 52-56; *Его же.* Знания древних о северных странах, с. 72-75; *Ганина О. Д.* Античные бронзы в Пишаного. Кив, 1970.

200. *Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей, с. 52; *Н. З. К.* вопросу о происхождении армян и грузин и отношения их к древнейшим обитателям Малой Азии // Изв. Кавказского отдела Имп. русского геогр. общества. Тифлис, 1902, т. XV, 1, с. 44-51.

201. *Kiesling M.* Geloni // RE. 1912, VII, col 1015.

202. *Hudson F.* Land of Budini // Classical Review. Oxford, 1924, XXXVIII, p. 161.

203. *Ельницкий Л. А.* Скифские легенды..., с. 70-72; *Его же.* Скифия Евразийских степей, с. 129-134.

204. *Георгиев В.* История эгейского мира во II тысячелетии до н.э. // ВДИ, 1950, 4; *Тюменев А. И.* К вопросу об этногенезе греческого народа // ВДИ, 1950, 4; 1953, 4; 1954, 4; *Шеворшкин В. В.* Карийский вопрос // Вопр. языкознания, 1962, 5.

205. *Фридрих И.* История письма. М., 1979, с. 217; прим. 17.

206. *Откупщиков Ю. В.* Карийцы в Причерноморье: (Ономастика) // Кавказ и Средиземноморье. Тбилиси, 1980, с. 65-78.

207. *Страбон*. V, III, 2,4; *Козловская В. И.* К вопросу о совпадении этнонимов Кавказа и Средиземноморья // Тез. докл. Всесоюзной научной конференции "Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Черноморья". Тбилиси, 1975, с. 12-15.

208. *Йакуби.* История, I, с. 203.

209. *Страбон*. XI, 5,1.

210. *Минорский В. Ф.* Ук. соч., с. 138.

211. *Генко А. Н.* Из культурного прошлого ингушей // Зап. коллегии

востоковедов при азиатском музее АН СССР. Л., 1939.т. V, с. 707; *Его же*. Арабский язык и кавказоведение//Тр. Ин-та востоковедения АН СССР.М., 1941, вып. XXXVI, с. 108.

212. *Ковалевский С. А.* Лик Каспия, с. 106.

213. *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент, с. 62; *Его же*. Древние поселения на Дербентском холме, с. 107

214. *Джейранишвили Е. Ф.* Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (ругульского) языков. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Тбилиси, 1966, с. 6; *Ибрагимов Г. Х.* Названия цахурских и ругульских аулов //Сб. статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972, с. 139-141.

215. *Там же*.

216. *Страбон*. XI, V, 1.

217. *Плутарх*. Сравнительное жизнеописание. Помпей. XXXV

218. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос..., с. 63.

219. *Латышев В. В.* Ук. соч., т. I, с. 144; *Кузнецов В. А.* Ук. соч., с. 59-63.

220. *Геродот*. III, 97.

221. *Геродот*. III, 92,97.

222. *Геродот*. VII, 67.

223. *Дьяконов И. М.* История Мидии, с. 360; *Алиев И.* История Мидии, с. 104; *Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей, с. 95-96.

224. *Morgan H. de.* Recherches au Talych Persan en 1901. Necropoles des ages du bronze et du fer//Memoires de D'elegation on Perse. Paris, 1905, V. 8, p. 312-342.

225. *Халилов Дж. А., Бабаев И. А.* Античные традиции в материальной культуре Кавказской Албании//Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского востока. М., 1978, с. 173-174.

226. *Геродот*. III, 91.

227. *Herzfeld E.* Archaeological History of Iran. London, 1935, p. 2; *Idem.* The Persian Empire // Studies in geography and ethnography of the Ancient Near East. Wiesbaden, 1968, p. 111-120; *Hrozny B.* Sur les peuples Caspiens// Archiv orientalni. Praga, 1940, s. 240; *Бартольд В. В.* Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира//Соч., М., 1963, т. II, ч. I, с. 653-663.

228. *Дьяконов И. М.* История Мидии, с. 61, 110, 138, 225. См. также: *Balkan K.* Cassitenstudien. I. Die sprache der kassiten. New-Haven, 1954.

229. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972, с. 95-96.

230. *Джейранишвили Е. Ф.* Ук. соч., с. 6; *Ибрагимов Г. Х.* Названия цахурских и ругульских аулов..., с. 141.

231. *Страбон*. XI, 4,5; 14,5.

232. *Страбон*. XI, 4,5.

233. *Neuman K.* Die Fahr des Patrokles auf dem Kaspischen Meere und

der alte Lauf des Ochos // Hermes, 1884, Bd. XIX, N. 2, s. 172-173.

234. *Птолемей К.* VI, 2,5.

235. *Птолемей К.* V, II, 2.

236. *Дионисий*. Описание населенной земли. 318-732; *Евсевий*. Комментарии к землеописанию Дионисия. VV, 750.

237. *Присциан*. Землеописание. 644-721.

238. *Страбон*. XI, II, 8.

239. *Уваров А. С.* Курганы с расчленением близ Дербента//Тр. V АС. М., 1887, с. 67.

240. История Дагестана. т. I, с. 106.

241. *Акопян А. А.* Ук. соч., с. 37-55.

242. *Фавстос Бузанд*. История Армении. Ереван, 1953, с. 15, 16; *Варданет Елише*. О Вардане и войне армянской. Пер. с древнеармянского И. А. Орбели. Ереван, 1971, с. 215 — 216.

243. *Гасанов М. Р.* Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994, с. 26-27.

244. *Десятчиков Ю. М.* Ук. соч., с. 137-140, 142-143.

245. *Ханмагомедов Б. Г.* — К. Табасаранский язык//Иберийско-Кавказские языки. Языки народов СССР. М., 1967, с. 545-561; Народы Кавказа. Этнографические очерки. М., 1960, т. I, с. 520-536; *Акимова М. С.* Антропологический тип лезгин // КСИЭ, М., 1952, вып. XVI, с. 69-74.

246. *Ханмагомедов Б. Г.* — К. Ук. соч., с. 545-561. См. о вхождении табасаранского языка в состав палеовостокавказских языков: *Дьяконов И. М., Старостин С. А.* Ук. соч., с. 164-165.

247. *Минорский В. Ф.* Ук. соч., с. 125; *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979, с. 41-42.

248. *Услар П. К.* Ук. соч., с. 41-42.

249. *Гасанов М. Р.* Ук. соч., с. 42

250. *Мровели Л.* Ук. соч., с. 25, 56.

251. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма: (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 40. См. : *Тоама Артсруни*. История дома Артсруни. Тифлис, 1917, с. 144.

252. *Латышев В. В.* Ук. соч., с. 270-271.

253. Баладзори (конец IX в.) называет хакана гор *فهراردان شاه*, Фома Артсруни, писавший после 900 г., рядом с цанарами помещает Aurhaz-k, Ибн Руста (IX в.) называет малика Серира *اور* по Гардизи —), "Дербент наме" называет аварию Ахран- *اهران*, историки Тимура, говоря о походе в Дагестан в 1396 г., называют Аварию Аухар — *اوهر*.

254. *Минорский В. Ф.* Ук. соч., с. 133-136; *Aglarov M. A.* Les Avars du Caucase, quelques aspects de leur histoire ethnique et politique // Les Questions fondamentales du peuplements du bassiu des carpates du VIIIe au Xe siecle conference interuxional 1971a' Sreged. Budapest, 1972, p. 150-151.

255. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан..., с. 187-191.
256. *Плиний.* VI, 29,30.
257. *Птолемей К. V.* 8,7-25.
258. *Вахушти.* Ук. соч.,
259. *Там же.*
260. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 116.
261. *Тацит.* Анналы. II, 68.
262. *Тацит.* Соч. 1887, с. 120.
263. *Март Н. Я.* Кавказские племенные названия..., с. 22; прим. 22.
264. Армянская география VII в., с. 37; прим. 1; *Птолемей К. V.* 9,12.
265. *Еремян С.Т.* Страна "Махелония" надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ, 1967,4, с. 48-57.
266. *Псевдо-Арриан.* Объезд Эвксинского Понта. 50 (9).
267. *Сулейманов Я.* Этимологические изыскания // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Сер. филологическая. Махачкала, 1964, т. XIII, с. 117-118.
268. *Михайлов Ш. И.* Сравнительно-историческая фонетика аварских диалектов // Махачкала, 1958, с. 22,24. Карта.
269. *Давудов О.М.* Сумбатлинский могильник, с. 108-125; табл. III; IV; V.
270. *Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Раскопки в Кулинском районе..., с. 121.
271. Тарихи Дербент-наме. Под ред. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, с. 56; *Минорский В.Ф.* Ук. соч., с. 132; *Магомедов Р.М.* История Дагестана с древнейших времен до начала XIX века. Махачкала, 1961, с. 68; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане, с. 35-36; *Его же.* Вопросы исторической географии Дагестана X-XIV вв. (лакз, гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 68-81; История Дагестана. т. I, с. 126. 272. *Лавров Л. И.* Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976, с. 163-175.
273. *Бакиханов А.* — *К. А.* Ук. соч., с. 32.
274. *Абдуллаев И.* Опыт анализа лакской этнонимии // Сб. статей по вопросам дагестанского и вайнахского языкознания. Махачкала, 1972, с. 185-186.
275. Тарихи Дербент-наме, с. 5; *Алиханов-Аварский А. М.* В горах Дагестана (Путевые впечатления и рассказы горцев) // Газ. "Кавказ", 60.
276. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. IV. Лакский язык. Тифлис, 1890, с. 30.
277. *Март Н. Я.* Непочатый источник..., с. 332,333.
278. *Колокольцев С. Н.* Национальный состав Юго-Востока // Юго-Восток. Ростов н/Дону, 1924,3, с. 79.
279. *Габиев С.* Мюридизм на Кавказе // Газ. "Красный Дагестан",

instituteofhistory.ru

- 1925,39.
280. *Гасанов А.* Асари Дагестан. Махачкала, 1928, с. 15; *Гасанов А.* Краткая история Дагестанской ССР // Газ. "Красный Дагестан", 1926,33.
281. *Маришаев Р., Бутаев Б.* История лакцев. Махачкала, 1991, с. 6-16.
282. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X-XVII веков. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966, ч. I, с. 179,180.
283. *Караулов А.А.* Ук. соч., с. 49.
284. *Баладзори.* Ук. соч., с. 16,18.
285. *Караулов А. А.,* Ук. соч., с. 52.
286. *Абакаров А.А., Гаджиев М.Г.* Нижнечуглинское городище, с. 97,98; рис. 3,19,27,29,30,32,33,34,36,38,39.
287. *Их же.* Первые итоги ..., с. 8.
288. *Давудов О.М.* Итоги первого года раскопок на Верхнелабкомахинском городище, с. 10.
289. *Шихсаидов А.Р.* К вопросу о локализации Филана // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976, с. 86-87.
290. *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974, с. 77; рис. 74,4.
291. *Абрамова М.П., Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 129-130.
292. *Русов А.А.* Ук. соч., с. 503-621.
293. *Страбон.* XI, 5,8.
294. *Страбон.* XI, 5,8.
295. *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 344 и сл.; *Ломтатидзе Г.А.* Некрополь II века н.э. в Клдее. Тбилиси, 1957.
296. *Марцеллин А.* Кн. 23, гл. 16.
297. *Алиев И.Г., Асланов Г. М.* К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. Орджоникидзе, 1975, с. 75-77.
298. *Солин.* XIX, 3.
299. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 241-248.
300. *Дьяконов И.М.* История Мидии, с. 245.
301. *Алиев И.* Сармато-аланы на пути в Иран // История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 205.
302. *Десятчиков Ю. М.* Сатархи, с. 142-143.
303. *Нариманов И.Г., Асланов Г. М.* Об одной группе погребальных памятников Мингечаура // МКА, 1962, IV, с. 226; *Алиев И.* Сармато-аланы на пути в Иран, с. 198-205.
304. *Алиев К.* Ук. соч., с. 189.
305. *Бархударян М.* Страна агванов и их соседи. Средний Дагестан. Тифлиси, 1893, с. 77; *Еремян С.Т.* Страна "Махелония"..., с. 47-59; *Тревер*

К.В. Ук. соч., с. 193 и сл.

306. *Минорский В.Ф.* Ук. соч., с. 110-111; *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962, с. 227.

307. *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с. 94-103; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985, с. 102-103.

308. *Абрамова М.П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА, 1978, 1, с. 78-80.

309. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984, с. 91.

310. *Асланов Г. М.* К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура // КСИИМК, М., 1955, вып. 60, с. 63-72; *Его же.* Из истории материальной культуры Кавказской Албании I-IV вв. // Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962, с. 114-148; *Казиев Г. М., Асланов Г. М.* О двух катакомбных погребениях // МКА, Баку, 1951, т. II, с. 201-210; *Нариманов И.Г., Асланов Г. М.* Об одной группе погребальных памятников..., с. 217-249.

311. *Асланов Г. М.* К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура, с. 68-72.

312. *Гмыря Л. Б.* Паласа-Сыртский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, 147-159; *Ее же.* Погребальный обряд Паласа-Сыртского могильника (этно-социальная интерпретация) // Этно-культурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987, с. 72-89.

313. *Кузнецов В. А.* Аланы и раннесредневековый Дагестан (К постановке вопроса) // МАД, Махачкала, 1959, т. I, с. 266; *Котович В.Г.* Новые археологические памятники Южного Дагестана, с. 148 и сл.

314. *Там же*, с. 148-156; *Кузнецов В. А.* Ук. соч., с. 266-269.

315. *Гадло В. А.* Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л., 1979, с. 31-36.

316. *Гмыря Л. Б.* Погребальный обряд..., с. 87.

317. *Агафангел.* История Армении. 153.

318. *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Кн. XVIII, гл. 4, 97; *Тацит.* Анналы. Кн. VI, гл. 33.

319. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 148-151.

320. *Иосиф Флавий.* О войне Иудейской. Кн. VII, гл. 7, 4.

321. *Моисей Хоренский.* История Армении, Кн. II, 50.

322. *Мровели Л.* Ук. соч., с. 33.

323. *Кулаковский Ю.* Аланы ..., с. 9, 103; *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 126; *Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии, с. 345; *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 166-168; *Гаглойти Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966, с. 74-79; *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы, с. 85-86.

324. *Лавров Л. И.* О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию/

СА, 1965, 3, с. 223-225.

325. *Иосиф Флавий.* О войне иудейской, VII, 7, 4.

326. *Мровели Л.* Ук. соч., с. 34.

327. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 127.

328. *Кассий Дион.* Кн. 2, XIX, 15.

329. *Смирнов К.Ф.* Археологические исследования..., с. 259-264; *Его же.* Грунтовые могильники..., с. 204-208.

330. *Давудов О.М.* Культуры Дагестана...

331. *Виноградов В. Б.* Ук. соч., с. 51.

332. *Смирнов К.Ф.* Новые данные по сарматской культуре..., с. 121; *Ковалевская В. Б.* Ук. соч., с. 79-80.

333. *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 31-50; *Ее же.* О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 15-20; *Ее же, Магомедов М.Г.* Ук. соч., с. 125-137; *Мошкова М.Г.* К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА, М., 1980, вып. 162, с. 45-52.

334. *Скалон К.М.* Изображения животных на керамике сарматского периода // Тр. ОИПК ГЭ, Л., 1941, с. 173 и сл.; *Виноградов В. Б.* К вопросу об изображении животных на сарматской керамике // АС МГУ, М., 1961, с. 32-46; *Его же.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа, с. 87-89; *Его же, Петренко В. А.* Материалы погребальных памятников среднего Пригеречья о роли сарматов в этно-культурной истории Северного Кавказа // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983, с. 102-104; *Абрамова М.П.* О керамике с зооморфными ручками, с. 69-84; *Ее же.* О происхождении северокавказской керамики, с. 15-20; *Петренко В. А.* Ручки сосудов в виде животных на Ханкальском 2-м городище // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 33-37; *Берзин Я.Б.* Зооморфная керамика как показатель этнических процессов на Северном Кавказе в сарматское время // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1978, с. 34-38.

335. *Скалон К.М.* Ук. соч.

336. *Абрамова М.П.* О происхождении северокавказской керамики..., с. 17.

337. *Анфимов Н.В.* Меото-сарматский могильник..., с. 173, 174; рис. 17, 1, 4.

338. *Мацулевич Л. А.* Ук. соч., с. 131.

ГЛАВА IV.

ХОЗЯЙСТВО. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Социально-экономическая интерпретация археологических памятников зависит от этно-культурного толкования, проведенного в основных первых частях работы. Этно-социальный уровень организации-это уровень существования конкретно-исторических социальных организмов, в качестве которых выступают отдельные этносы. Их деятельность направлена на удовлетворение потребностей, возникавших в социальной сфере. Отсюда и расчленение данной сферы на экономическую, общественную, духовную, этническую, бытовую и т.д.¹ Экономика лежит в основе социального и политического организма общества и ее изучение продиктовано задачами этно-социального исследования.

IV. 1. ХОЗЯЙСТВО.

Северо-Восточный Кавказ, в том числе и Дагестан, представляет собой географическую область со сложным, сильно расчлененным рельефом и разнообразными климатическими условиями, соответствующими почти всем климатическим поясам. Столь же разнообразны в Дагестане почвенный, растительный и животный мир.² Дагестан по своим естественно-географическим условиям близок Закавказью и Ближнему Востоку.³ Близок он им и по своим историческим судьбам. В Дагестане, как и в Ближневосточно-Закавказских регионах, естественные речные террасы и ровные горные плато с древнейших времен использовались для возделывания зерновых и садовых культур. Высокогорная альпийская зона располагает обильными летними пастбищами и лугами. Удобны для орошения и зимних пастбищ земли Приморского и Предгорного Дагестана. Иными словами, разнообразные ландшафтные и почвенно-климатические условия края благоприятствовали развитию многоотраслевой экономики. И именно здесь на базе рано возникшего производящего хозяйства, формировался особый хозяйственно-культурный тип и особая этно-культурная область,⁴ для которого характерны плужное (пашенное) земледелие с использованием тягловой силы домашних животных,

скотоводство и развитые ремесла. Все они, развиваясь на одной и той же территории, сохранились до настоящего времени лишь с незначительными изменениями.⁵

IV. 1. 1. Земледелие. Оно стало предметом особого внимания многих исследователей, начиная от Н.И. Вавилова, рассматривавшего Дагестан в качестве одного из очагов окультуривания злаков и террасного земледелия, кончая Г. Н. Лисицыной и Л. В. Прищепенко, усматривавших в Дагестане особый тип горного орошаемого и неорошаемого земледелия.⁷ Особого внимания заслуживают специальные исследования Р.М. Мунчаева, М.Г. Гаджиева, В.Г. Котович, В. М. Котович, М.И. Пикуль, Х. А. Амирханова и др., к которым нам придется обращаться.

Наиболее значительным достижением дагестанской археологии является доказательство возникновения в неолите производящего хозяйства, основанного на примитивном земледелии и скотоводстве,⁸ а в III тысячелетии до н.э. — пашенного земледелия.⁹ Эта система пашенного орошаемого и неорошаемого земледелия сохраняются здесь до этнографической современности. Она была присуща и для эпох средней и поздней бронзы,¹⁰ раннего железа¹¹ и средневековья.¹² Все бытовые и погребальные памятники дают нам материалы, указывающие на высокоразвитое земледелие. Причем, археологические материалы албанского времени позволяют восстановить весь земледельческий цикл, начиная от вспашки, кончая сбором урожая и хранением зерна.

Основным орудием пахоты является рало ("пуруц", "берец" — ав., "пуруц" — табасар., "ребцу" — анд., "реци" — годобер., "Перец" — тинд., "Глебеде" — ахв., "борос" — бежт., "бурус" — гунзиб., "бирус" — цез., "бурус" — хваршин., "дурац" — дарг., "туьрез" — лезг., "дылан" — рут., "вейца" — цах., "дуруц" — агул., "изарас" — лак., "пурус" — кум. и др.), состоявшее из дышла или грядила, стойки с рукояткой, полоза, ярма, сошника и ушек. В Дагестане выделено пять разновидностей рала,¹³ принадлежащих одному типу,¹⁴ соответствовавшему кривогрядильному ралу с полозом, по классификации Ю. А. Краснова.¹⁵ До сих пор в науке идет спор о том, распространялись ли пахотные орудия из одного центра или они были изобретены самостоятельно разными народами. Решение этого вопроса не входит в нашу задачу. Отмечу лишь, что наиболее древние пахотные орудия известны по памятникам Передней Азии конца IV-начала III тысячелетия до н.э.¹⁶ В Западной Европе они появляются в эпоху ранней бронзы, в Южной Европе — в конце III начале II тысячелетия до н.э.¹⁷ Известны они были и племенам куро-аракской культуры, в состав которой входило дагестанское население III тысячелетия до н.э.¹⁸ На основании лингвистических

материалов и повсеместного употребления колесного транспорта (надежного показателя использования тяговой силы из домашних животных), В.Г. Котович аргументировал положение об использовании в Дагестане III тысячелетия до н.э. пахотных орудий.¹⁹ С этого времени до современности в Дагестане употребляются пахотные орудия — пуруп-рало. Употреблялись они и в албанское время. По Страбону, сообщения которого восходят ко времени похода Помпея (66-65 гг. до н.э.), племена Кавказской Албании употребляли "грубый деревянный плуг".²⁰ Первоначально луг, как и в Передней Азии, видимо, был полностью деревянным²¹ и лишь позже стал снабжаться металлическим наконечником-лемехом и специальными ушками.

К сожалению, археологические памятники Дагестана эпохи бронзы и раннего железа до сих пор не дали ни одного лемеха. Но ясно, что с широким распространением железа появилась возможность их производства и употребления. Они известны из многих памятников Закавказья и Северного Причерноморья.²² Благодаря плугу с лемехом, с применением домашнего скота в качестве тяговой силы стало возможно земледелие в особо крупных размерах.²³

Этнографические материалы позволяют судить о характере работы таких пахотных орудий. Характерные для них ушки являются наиболее простым и рациональным приспособлением пахотного орудия для земледелия в горах с легкой почвой. Они одновременно выполняют функции бороны, отваливающего механизма и выкорчевателя сорняков. При вспашке крутых склонов их уже не использовали. Но применяли при вспашке более пологих пашен, для закрывания просеянных злаков, разрыхления почвы и переворачивания пластов. В первом случае, на почву, согретую весенним солнцем, бросают зерна и вспахивают таким образом, чтобы они попадали в землю на такую глубину, которая недоступна для холода при неустойчивой весенней погоде. Такая вспашка не была глубокой. Глубже пашут осенью при переворачивании пласта земли. Для этого соху держат с определенным наклоном, таким образом, чтобы ушки переворачивали поднятый полозом пласт земли. При этом преследуется цель перевернуть пласт, на поверхность которого нанесено удобрение, перевернуть вверх корнями поросль сорняков, нарушая их корневую систему с тем, чтобы она сгнила в почве, а солнце, в свою очередь, выжгло корни сорняков. Аналогичную систему восстановления плодородия почвы мы наблюдаем не только у дагестанских горцев, но и у других народов. Так, Ксенофонт в своем сочинении "Экономика" пишет, что греческий пахарь с помощью упряжки волов, тянувших плуг, переворачивал землю, чтобы солнце прогрело ее глубинную часть и выжгло корни сорняков. Соответственно, земледельцы Греции, античного

Причерноморья и синдо-меотского Прикубанья, с которыми население Дагестана албанского времени поддерживало связи, применяли пахотные орудия с отваливающими конструкциями.²⁴

Применение пахотных орудий с тяговой силой из домашних животных позволило дагестанским горцам перейти от обработки речных террас и пойм к обработке сначала плоскогорий и пологих склонов, а позже и крутых склонов.²⁵ Становление террас происходило постепенно, в процессе длительной и целенаправленной обработки одних и тех же участков. Таковыми представляются террасы с межевными откосами.²⁶ Другие террасы с подпорными стенами могут быть созданы за один аграрный сезон и усилиями небольшого коллектива.²⁷ Подобные террасы составляют небольшую долю среди их разновидностей. Начало возникновения искусственных террас в горном Дагестане принято относить ко времени не позднее второй половины III тысячелетия до н.э.²⁸ Оно было обусловлено общей нехваткой земли при увеличении плотности населения. В горном Дагестане остатки древнейших террас известны около Верхнегуньбского и Усишинского поселений.²⁹ На Турчидагском плато Чохский склеповый могильник эпохи бронзы занимал заброшенные древние террасы.³⁰ В раннем железном веке население было способно справиться с сооружениями террас с подпорными стенами, не говоря уже о террасах с межевными откосами. К албанскому времени следует отнести террасы, обнесенные оборонительными стенами. Такие террасы отмечены М.А. Агларовым в окрестностях селения Игали Гумбетовского района.³¹ Выявлены они В.Г. Котовичем, М.Г. Магомедовым и М.М. Маммаевым около могильника и поселения Цыйша, где датированы албанским временем.³² Укрепленные сельскохозяйственные территории характерны и для других городищ Дагестана (Урнеки, Таргу и др.).³³

Все такие террасы с межевными откосами, подпорными и оборонительными стенами, вместе с продуманной системой ирригации, используемыми дорогами образуют сельскохозяйственную округу "мег" (ав.), напоминающую античные клеры, эксплуатируемую по строго продуманному регламенту.³⁴ По оценке Н.И. Вавилова, "вряд ли можно лучше использовать землю, чем это делают в горном Дагестане".³⁵ Здесь наряду с неорошаемым земледелием издревле употребляли орошение, осуществляемое с помощью сложного комплекса гидротехнических сооружений путем и переброски воды через пересеченные места с высоких уровней на низкие из горных ручьев, рек и родников. Земледелие в горных долинах с жарким, сухим климатом, в отдельных районах предгорий и равнин без орошений было просто не возможно. Интересующее нас время характеризует сообщение Страбона об орошении всей

территории Албании водами рек и других источников.³⁶ Этнографические материалы передают довольно развитую и рациональную систему ирригации.³⁷ Отводные каналы и акведуки проводятся усилиями коллектива сельской общины, а мелкие каналы для орошения террас-владельцами пашен и только на время полива. После окончания полива такие каналы засыпаются и на их месте производится посев.³⁸

Для восстановления плодородия отдельные террасные поля оставляют под пар.³⁹ Для удобрения употребляется навоз, помет птиц, зола. Подобные разновидности удобрений характерны для античной агрономии.⁴⁰

Среди основных орудий земледелия следует упомянуть широко употребляемые и поныне мотыги.⁴¹ С их помощью после пахоты разбивают комья, разрыхляют почву, проводят оросительные каналы и т.д. Их использование имеет глубокую историю.⁴² Они известны из памятников Дагестана эпохи бронзы и раннего железа (Ачису, Верхний Гуниб, Шахсенгер и т.д.),⁴³ хотя, их доля среди земледельческих орудий невелика.

Значительно больше на наших памятниках встречаются жатвенные орудия. В основном они представлены составными кремневыми серпами, встреченными на Ганзирском и Сиртичском поселениях. Они генетически связаны с составными серпами Северо-Восточного Кавказа эпохи бронзы и раннего железа.⁴⁴ Вместе с тем на Хабардинском могильнике найден железный серп,⁴⁵ близкий по форме серпам из азербайджанских памятников Кавказской Албании.⁴⁶ Они обеспечивают более высокую производительность труда.

Следующий этап земледельческого цикла-молотьба производилась на специально подготовленной твердой глинобитной площадке-на току с помощью молотильных досок, запряженных быками. Молотильные доски имеют преимущественно ладьевидную форму, загнутые спереди кверху носы и основания, усаженные камнями из твердых пород. Такие доски были характерны для Двуречья III тысячелетия до н.э., встречены они и в древнем Риме.⁴⁷ Они хранятся в музеях всего Кавказа, Турции, Алжира, Молдавии, Кипра и др. стран.⁴⁸ На Кавказе они, видимо, применялись уже в III тысячелетии до н.э.⁴⁹ В Дагестане, около Дербента в подкурганном погребальном сооружении 6, залегавшем под погребением 5 с каменным наконечником эпохи бронзы, также была найдена молотильная доска.⁵⁰ Вкладыши от молотильных досок происходят и из памятников албанского времени (Кугиша, Нижнее Чугли) горного Дагестана.⁵¹ В Азербайджане молотильные доски засвидетельствованы от эпохи поздней бронзы (Ханлар) и до албанского времени (Мингечаур) и позже.⁵²

Использование тягловой силы при пахоте и молотьбе, а также использование металлических серпов способствовало повышению

производительности труда земледельцев и появлению прибавочного продукта, т.е. общественного продукта, создаваемого производителями сверх необходимого продукта.⁵³

Основными земледельческими культурами, возделываемыми в Дагестане, начиная с неолитического времени, были твердые, мягкие и карликовые сорта пшеницы, голозерный и пленчатый ячмень, лен, бобы и др. растения.⁵⁴ В погребальных комплексах Шаракурского и Сумбатлинского могильников, в жилых сооружениях Ганзирского и Сиртичского поселений, встречены зерна злаков. В Дагестане албанского времени возделывались, видимо, все основные современные хлебные злаки. К этому же выводу пришел Е.И. Крупнов на основании изучения археологических памятников Северного Кавказа.⁵⁵

Для хранения обмолоченного и просушенного зерна употреблялись большие тарные сосуды, порою впущенные в землю, и специальные хозяйственные ямы, широко представленные среди археологических древностей Дагестана, а в высокогорье — возможно, специальные деревянные закрома-цагуры, традиционно сохранившиеся до современности. Цагуры располагаются, обычно, у задней стенки жилых комнат и напоминают по конструкции самостоятельное жилище. Некоторые из них имеют не только двери и специальные крыши, но и окна.⁵⁶ Исследователи единодушно рассматривают их в качестве рудимента некогда существовавшего самостоятельного деревянного жилища.⁵⁷ Цагуры, как и другие деревянные изделия, на археологических памятниках не сохранились. Но, по аналогии с находками срубных погребальных конструкций, некоторые исследователи относят возникновение цагуров к эпохе бронзы.⁵⁸

Любопытно, это сооружение на североаварском диалекте называется "цагур", у жителей гидатлинского селения Урада (южноаварский диалект) — "сог'юн" от "со"—башня и "г'юн"—быть собранным в кучу (ав. "г'юн, г'ван"), т.е. башня для сбора (продуктов). Это подтверждает мысль о существовании в юго-западном Дагестане специальных, обособленно расположенных деревянных конструкций для хранения запасов продовольствия. Одновременно они служили и показателями появления прибавочного продукта. Наиболее ранние возможности получения таких запасов, могли возникнуть с употреблением и усовершенствованием пахотных орудий, приуроченных к эпохе бронзы.

В Дагестане встречаются специальные печи для обжаривания зерна, предназначенного для размола — "кор-ы" или "кар-и", "корюк-и". Такие печи появляются здесь не позднее эпохи ранней бронзы.⁵⁹ В этнографических работах дается подробное описание подобных печей. Используются они и до настоящего

времени. Один "кор" нами был исследован на Ганзирском поселении (рис. 14). Правда, его размеры оказались небольшими, но употреблялся он не только для обжаривания зерна, но и для выпечки хлеба и приготовления пищи.

Размол обжаренного зерна производился на специальных камнях овально-вытянутой или прямоугольной формы-зернотерках с помощью специальных терочников-курантов. Такими орудиями можно было размолоть 10-12 кг зерна в течение 12 часов непрерывной работы.⁶⁰ В слоях албанского времени Дербента и на одновременных памятниках Азербайджана помимо зернотерок встречаются и ручные жернова,⁶¹ позволяющие поднять производительность труда намного выше. По К. Марксу, "ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе".⁶² С I в. до н.э. ручные жернова широко распространяются по Западной Европе. В это же время они появляются и в Причерноморье, а с I в.н.э. — в Средней Азии.⁶³

Показателем высокого уровня земледельческой культуры являются садоводство и виноградарство, развитие которых требует больших навыков в земледелии, орошении и знаний по агротехнике. Само садоводство имеет глубокую историю. Очевидно, плодовые деревья были охвачены процессом доместикации еще в неолите.⁶⁴ Садоводство документировано в Двуречье в конце IV тысячелетия до н.э.⁶⁵ В условиях оживленных культурных связей, достижения этой цивилизации не могли не распространяться за пределы Тигра и Евфрата. В пользу такой возможности говорит и распространение мифов об умирающем и воскресающем божестве, культа священных деревьев и "древа жизни" и мн. др. В Закавказье садоводство также практиковалось с глубокой древности. Здесь изучены различные стадии выращивания фруктовых растений от использования диких рощ до появления современных фруктовых садов, включая мастерство прививок лучших плодовых сортов на менее ценные дикие формы.⁶⁶ Садоводство и виноградарство были характерны для куро-аракской культуры. Зерна винограда обнаружены на древних поселениях Грузии.⁶⁷ Садоводство в Азербайджане документировано находками Ханларского поселения конца II-начала I тысячелетия до н.э.⁶⁸ В Урарту площади садов и виноградников были значительно расширены по сравнению с предыдущим временем.⁶⁹ Первые сведения о садоводстве в Европе относятся к концу II-началу I тысячелетия до н.э. Основу экономики Греции гомеровского периода (XII-IX вв. до н.э.) помимо земледелия составляло садоводство и виноградарство.⁷⁰ Большое значение придавалось им и в античном Причерноморье.⁷¹

Таким образом, продолжительный опыт и достижения сопредельных народов могли способствовать развитию садоводства и в Дагестане. Этому вполне благоприятствовали местные природно-географические условия. Дикие

плодовые деревья, образуя целые леса, широко распространены в Дагестане, как и в Закавказье. Местами они встречаются на высоте до 2000 м над уровнем моря. Н.И. Вавилов насчитывает здесь не менее 80 видов диких плодовых древесных и кустарниковых растений и среди них яблони, груши, черешня, алыча, боярышник, вишня, кизил, абрикосы, айва, лавровишня, малина, смородина, крыжовник, мушмула и др., а из орехоплодовых - грецкий орех, лещина, каштан.⁷² Дикий виноград встречается на территории всего Кавказа.⁷³ Причем, ныне в Дагестане выращивают не менее 150 аборигенных сортов культурного винограда.⁷⁴ Первые достоверные свидетельства о развитии садоводства в Дагестане относятся к эпохе средней бронзы (Ирганаи).⁷⁵ Оно несомненно развивалось и позже, в том числе в эпоху раннего железа. Большое значение придавалось садоводству и виноградарству в Кавказской Албании. Так, на памятниках азербайджанской территории найдены остатки грецкого ореха, граната, семена айвы, обуглившиеся косточки маслины.⁷⁶ Античные источники сообщают также о занятии в Албании виноградарством.⁷⁷ Из дагестанских памятников албанского времени известны косточки садового винограда (мог. 38 Карабудахкентского I и погр. Шаракунского могильников и др.).⁷⁸ Возможно, в албанское время в Дагестане уже выращивали почти все современные садовые культуры края.

Земледельческая основа экономики получила отражение и в идеологии. Среди изучаемых материалов имеются различные изображения лягушек (плакетки из египетского фаянса из Сумбатлинского, Ирагинского могильников, бронзовая фигурка лягушки из Кубачей и др.),⁷⁹ с которыми связаны в Дагестане различные земледельческие обряды, в частности обряд вызывания дождя.⁸⁰ Так, у пумадинцев, для которых характерно богарное земледелие, лягушку разрезают, сушат и солят: считается, что дождь пойдет, когда она целиком высохнет.⁸¹ У аварцев Шамильского района, чтобы вызвать дождь, лягушку одевают в специально приготовленные одежды. В этих обрядах просматривается характерная для первобытной идеологии связь между водой, лягушкой и женским началом, а в конечном итоге-с земледелием. Эта связь особенно подчеркнуто выражается в дагестанском фольклоре.⁸² Среди материалов эпохи бронзы и раннего железа, а также раннего средневековья встречается большое количество статуэток нагих женщин, в том числе беременных и рожениц. Все они олицетворяли божества плодородия.

Важное место в идеологии древнего населения Дагестана занимал культ дерева и всего растительного мира и цикл обрядов, связанных с ним.⁸³ Все это, без всякого сомнения, подчеркивает ведущую роль земледелия в жизни древнего населения края.

IV. 1. 2. Скотоводство. Развитие земледелия в Дагестане тесно связано

с развитием скотоводства. Так, обработка земли связано с тягловыми животными, удобрение земли — с навозом, а значит и стойловым содержанием скота. Земледелие же, в свою очередь, обеспечивает скот дополнительными кормами — обмолоченной соломой, зелеными стеблями, пищевыми отходами, а также отдельными сортами злаков, выращиваемыми специально для зимнего откармливания скота (овес). В.Г. Котович уделил большое внимание проблеме скотоводства, в том числе в эпоху раннего железа. Для выяснения характера скотоводства он применил коэффициент соотношения продуктивности крупного и мелкого скота 1: 5,7-5,8 и пришел к выводу о преобладании в стадах древнего Дагестана крупного рогатого скота. Следовательно, он утверждал оседлый характер скотоводства и увеличение доли крупного рогатого скота по мере передвижения в горы. Это направление развития скотоводства было характерно и для эпохи раннего железа.⁸⁴ К. А. Бредэ считает, что в Прикаспийской части Дагестана скотоводство занимало ведущее положение при подсобной роли земледелия.⁸⁵ Такое же положение для высокогорья отметила М.И. Пикуль на основании изучения материалов Хабардинского могильника.⁸⁶ Сами по себе материалы могильника не могут служить основанием для определения типа хозяйства. Более того, коэффициент продуктивности, предложенный В.Г. Котовичем, опровергает тезис о ведущей роли мелкого рогатого скота в скотоводстве и вообще в хозяйстве. Если допустить, что мелкий скот действительно занимал ведущее положение, то это предполагает и наличие отгонного скотоводства с частичным отходом населения. В своей монографии М.И. Пикуль отказывается от такой точки зрения: "при сравнительно большой заселенности края, разобщенности племен и постоянных межплеменных столкновениях вряд ли могла быть обеспечена сохранность стад, перегоняемых с гор на плоскость. Поэтому скотоводство не могло быть отгонным." При этом она допускала определенные сезонные передвижения скота в пределах проживания родственных племен.⁸⁷

Надо сказать, что археологи, имея в виду одну и ту же форму скотоводства, порою вносят терминологическую путаницу в ее определение. Именно это случилось с характеристикой скотоводства в Дагестане. Для правильного освещения этой проблемы большое значение имеют работы этнографов по данному вопросу, в частности, исследования по Дагестану, выполненные М. — З. О. Османовым.⁸⁸

В разделе "Истории Дагестана", посвященном хозяйству племен Кавказской Албании, Д.М. Атаев рассматривает скотоводство в качестве одной из ведущих отраслей экономики.⁸⁹ С этим тезисом трудно не согласиться. После земледелия скотоводство занимает в экономике важное место. Скот служил одним из главных источников накопления богатства и выделения собственности как

таковой. На основе скотоводства, как впрочем и земледелия, шло имущественное и расслоение общества. В хозяйстве населения был крупный (коровы и быки) и мелкий (овцы, козы) рогатый скот, а также свиньи, лошади, ослы, в приморской части Дагестана к тому же — верблюды. Повсеместно использовали собак, охранявших стада. Так, на Хабардинском могильнике VI в. до н.э. — III в.н.э. встречены кости овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей, ослов, свиней и собак. На Курклинском могильнике найдены кости лошадей, свиней и собак, на Сумбатлинском — большое количество костей лошади и собаки, на Сиртичском поселении — кости лошади, крупного рогатого скота, овец, коз, ослов, верблюдов и свиней.

Кости, выявленные на бытовых памятниках Дагестана албанского времени, имеют на себе следы употребления в пищу: они расколоты, черепа разрублены и они принадлежали животным разных возрастов. Дополнительную мясную пищу давала охота, игравшая подсобную роль в хозяйстве. Охотились на оленей, диких коз, туров, безоаровых козлов, медведей и др. К. Н. Золотов обратил внимание на уменьшение количества крупного рогатого скота, шедшего на убой, начиная с эпохи бронзы.⁹⁰ Это, видимо, связано с одной стороны, с усилением роли крупных животных, как тягловой силы, с другой, с возросшей ролью масла, молока и молочных продуктов, особенно сыра в пищевом рационе людей. Возможно, в это время уже производился и традиционный для Дагестана особый овечий сыр, не известный по своим вкусовым качествам и рецепту в сопредельных регионах Кавказа. Для Дагестана характерны самые разные сорта сыров. С их производством связаны многочисленные цедилки, сосуды для хранения и производства сыров. Встречаются в изучаемую эпоху маслобойки и молочники разных форм.

Крупный и мелкий рогатый скот давал необходимую для ремесленного производства сырье — кожу, кости, шерсть и проч. Шерсть с мелкого рогатого скота шла на изготовление необходимой для одежды пряжи, войлока, бурок.

Наиболее универсальным транспортным животным были ослы — неприхотливые и выносливые животные. В горных условиях они выполняли значительную роль в развитии коммуникаций. Быки служили не только в качестве традиционной тягловой силы при пахотных орудиях и при обмолоте злаков, но и являлись широко распространенными упряжными животными. Повозки, запряженные быками, были характерны для культур Кавказа эпохи бронзы.⁹¹ К концу III — началу II тысячелетия до н.э. относится повозка с массивной погребальной колодкой, обнаруженная в одном из утамышских курганов.⁹² Такие повозки, запряженные быками, сохранились в Дагестане до

современности.

Важную роль в жизни населения Дагестана албанского времени играли лошади, историю приручения и использования для верховой езды которых до недавнего времени относили к началу эпохи раннего железа. Судя по последним данным, лошадь впервые была приручена в Северном Причерноморье в IV тысячелетии до н.э.⁹³ В. Н. Даниленко полагает, что в середине IV тысячелетия до н.э. в Восточной Европе, в частности в Каспийско-Прикавказском регионе уже появилось всадничество. Основанием для такого утверждения для него служат находки в Терекли-Мектебе (Северный Дагестан) и в некоторых районах Европы скипетров в виде головы коня с примитивной уздой, а также роговых псалиев в виде продолговатого стержня с выступом и одним отверстием, известных из различных районов Юго-Восточной Европы, в том числе из района Кисловодска.⁹⁴ В погребениях майкопской культуры (г. Майкоп, Ульский курган в Прикубанье, Бамутский курган в Чечне, Чегем II в Кабардино-Балкарии) найдены металлические предметы, служившие, по мнению Р.М. Мунчаева псалиями.⁹⁵ Домашняя лошадь была известна на Кавказе в III тысячелетии до н.э.,⁹⁶ очевидно, тогда же использовалась в хозяйстве племен горного Дагестана. Однако в III-II тысячелетиях до н.э. коней продолжали использовать и на мясо. Об этом свидетельствуют следы раскалывания лошадиных костей, обнаруженных среди остеологических материалов, в частности, на Сигитминском поселении эпохи бронзы. Для памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа таких данных уже нет. Теперь часто встречаются ритуальные захоронения коней. Следовательно, конь прежде всего использовался в качестве верхового животного. Конские погребения отмечены и на памятниках интересующего нас времени (Сумбатли, Куркли, Карабудахкент I и т.д.) и свидетельствует о тесной связи коня, как почитаемого животного, с его хозяином - воином. Вместе с тем, кони наряду с другими транспортными животными, способствовали ведению рациональной формы хозяйства, позволяющей получить значительную прибавочную продукцию.

Соотношение костей крупных и мелких животных дает четкое представление о форме скотоводства в рамках единого общедагестанского экономического пространства (точнее, археологической культуры). Так, на Ганзирском поселении найдены 186 экз. костей крупных и 65 экз. мелких животных, что дает соотношение 2,8: 1,0, т.е. на одну голову мелкого скота приходится 2,8 голов крупного. На Сиртичском поселении найдены 126 костей крупных животных и 150-мелких, что дает соотношение 1: 1,18, т.е. на одну голову крупного скота приходится 1,18 мелких. Оба поселения, хотя и удалены друг от друга всего на 12 км, демонстрируют тенденцию к увеличению количества

и роли мелкого скота по мере продвижения в горы. Эту закономерность подтверждают материалы и Верхне-лабкомахинского городища, где выявлено 61 экз. костей крупного и 141 экз. мелкого скота, т.е. на одну голову крупного скота приходится 2,3 мелкого, хотя здесь все еще велика роль крупного скота: лишь 5-7 голов мелкого скота по продуктивности соответствует одной голове крупного (по М. — З. О. Османову 1: 6). Возможно, в высокогорной зоне, в верховьях притоков Сулака и Самура, может существовать форма скотоводства с абсолютным значением и преобладанием количества мелкого рогатого скота.

Иными словами, имеющиеся материалы позволяют охарактеризовать скотоводство: 1) предгорной зоны с абсолютным преобладанием крупного рогатого скота; 2) гор с преобладанием крупного скота по продуктивности; 3) предположить существование зоны в высокогорьях с абсолютным преобладанием овцеводства. Это соответствует зонам равнины, предгорий, гор и высокогорий, выделенным М. — З. О. Османовым на основании целого ряда этнографических признаков и, в первую очередь, благоприятных условий кормообеспечения и воспроизводства. Без учета равнинной зоны, для которой у нас нет материалов, все эти зоны целиком совпадают с зонами, выделенными по археологическим данным на основании соотношения костей крупных и мелких животных. По этнографическим материалам в предгорной зоне преобладали выгонно-стойлово-яйлажное и выгонно-стойлово хуторское содержание скота, к которым добавляется трансюманс, представляющий сочетание яйлажной и кышлажной форм; в горной-внутриальпийский, состоящий из выгонного, стойлового, хуторского и яйлажного содержания скота и трансюманс; в высокогорье преобладали подвижные формы скотоводства: т.н. трансюманс и внутриальпийский тип.⁹⁷

Выгонное и стойловое содержание в горах означает содержание крупного рогатого скота, особенно дойного и рабочего зимой-в стойле на базе заготовленных кормов, и летом-на выгоне; хуторское содержание предполагает выпас скота (преимущественно крупного) вблизи селения с образованием выгонного хутора. Выпас (главным образом овец) на стыке выгонов и пастбищ, на южных склонах гор, когда специально корм не заготавливают - создание пастбищного хутора, а яйлажный отгон дойного скота усилиями женщин-яйлажный хутор, яйлажный отгон-перемещение скота для постоянного содержания и без периодического возврата в селение на летние горные и высокогорные пастбища. Это отгон преимущественно мелкого скота на дальние яйлаги, отгон дойных коров на нижние ярусы яйлагов в сопровождении необходимого количества женщин, детей и стариков-пастухов, это также отгон рабочего скота на выгон, отгон быков, бычков и телок на дальние яйлаги на все

лето. Отметим также кышлячное содержание скота с его отгоном, главным образом мелкого рогатого скота на равнинные зимние пастбища.⁹⁸ Скотоводство горной зоны М. - З. О. Османов включает в хозяйственно-культурный тип горных земледельцев и скотоводов, а высокогорной зоны - в хозяйственно-культурный тип оседлых скотоводов и земледельцев с развитыми формами отгонного скотоводства. Без особых изменений эти формы кормообеспечения были присущи и Дагестану албанского времени. Прежде всего, они были обусловлены местными физико-географическими условиями. Стандартное, придомное содержание скота, существовавшее во всяком случае с эпохи бронзы,⁹⁹ сохранилось до этнографической современности.¹⁰⁰ С глубоко оседлой экономикой связано содержание свиней, кости которых встречены на наших памятниках (0,05% на Сиртичском поселении, 0,7% на Верхнеабкомахинском городище и т.д.). Однако оседлая форма сочеталась с перемещением основного крупного и мелкого рогатого скота с летних пастбищ на зимние и обратно. Одним из условий существования такого скотоводства было наличие особых скотоводческих баз сезонного характера,¹⁰¹ служивших для содержания скота, хранения запасов кормов и ведения молочного хозяйства. Находки сезонных скотоводческих поселений (Чинна, Ругуджа, и т.д.) свидетельствуют о появлении таких баз не позднее энеолита.¹⁰²

О древности скотоводческих баз-сезонных хуторов свидетельствуют и генетическое родство их названий в языках народов Дагестана: мальи-арч., мархьи-дарг., ав., маххьи-агул., маши-лак., кули-ав., анд.¹⁰³ Обязательными спутниками перегоняемого скота являются собаки-овчарки, лошади и мулы.¹⁰⁴ М. — З. О. Османов подчеркивал роль осла для дагестанского горного перегоняемого скотоводства.¹⁰⁵ Кости всех этих животных встречены на дагестанских памятниках изучаемого времени, а на памятниках Табасарана встречены даже кости верблюда.

При этом необходимо подчеркнуть, что в албанское время летние и зимние пастбища располагались в пределах территории сельской общины или в лучшем случае-племенных (или союзов племен) земель. Следовательно, речь идет о перемещении скота не на столь дальние расстояния.

Как видно из сказанного, скотоводство в Дагестане характеризуется высоким уровнем развития и рациональностью ведения. Оно давало для земледелия рабочий скот, транспортных животных, а для ремесленного производства-шерсть, кожу, кость, рога и проч. сырьевые материалы.

IV. Ремесла и торговля. Наиболее значительными отраслями ремесла являются керамическое производство, металлургия и металлообработка, текстильное и войлочное дело, строительство, обработка кожи, кости и т.д.

Керамическое производство тесно связано с местными производственными традициями, возникшими еще с глубокой древности, но в тоже время наиболее четко реагировало на прогрессивные сдвиги в обществе и ремесле, в силу чего ему уделяется наибольшее внимание в работах археологов.

Основное содержание керамического процесса состоит в подборе глины с заданными свойствами, подготовке сырья или формовочной массы, конструировании сосуда, обработке наружной поверхности и обжиге. Малейшая ошибка на любом этапе этого процесса может только ухудшить качество продукции, уничтожить итоги всей работы гончара. Поэтому мастер должен был в совершенстве владеть приемами производства. И здесь прогресс в развитии керамического производства целиком связан с гончарной печью и гончарным кругом, как основным техническим орудием и средством производства.¹⁰⁶ Состав теста служит основанием для технологической классификации. При этом нами будут учтены особенности технической обработки и приемы лепки. Так, Е.И. Крупнов делит керамику Таркинского могильника на две группы: 1) на лепную, представленную красноглиняными кувшинами с цилиндрическим горлом (погр. 11) и чашами-мисками и чашками (погр. 13); 2) на гончарную, лощеную, представленную кружками с зооморфными ручками (погр. 4,10 и др. в обломках), кувшином со сливным носиком (погр. 13), двуручным ритуальным сосудом (погр. 13), чашей — пиалой (погр. 13), курильницей-погремушкой и др.¹⁰⁷ К.Ф. Смирнов объединял всю эту керамику в одну группу.¹⁰⁸ Им отмечена лишь небольшая группа красной ангобированной керамики.¹⁰⁹ Керамику погребений албанского времени Хабадинского и Гопатлинского могильников М.И. Пикуль делит на две группы: серую с резным узором и красную ангобированную.¹¹⁰

Для определения характера черепков в Институте геологии Дагестанского научного центра РАН были изготовлены шлифы, толщиной 0,03 мм. Они изучались с помощью поляризационного микроскопа старшими научными сотрудниками этого же института Т. Г. Жгенти и М. Е. Слинко.¹¹¹ Они же разделили шлифы на 5 групп.¹¹²

Из этих петрографических данных следует, что для изготовления сосудов албанского времени мастера использовали специально подобранную по заданным технологическим качествам глину, прошедшую все этапы подготовки к производству сосудов, включая очистку, гниение и, возможно, заморозку. Для подготовки сырья к употреблению в формовочную массу вводили дресву, шамот и различные органические вещества, в том числе древесного происхождения, скорее всего опилки. После этого вся эта масса тщательно промывалась и перемешивалась. Причем компоненты примесей целиком

зависели от формы, размера и назначения сосуда. В тесто для кухонных обмазанных сосудов, например, вводилась примесь отошателей с большим диапазоном величины зерен (от 4,0 до 0,5 мм) и этим обеспечивалась большая стойкость сосудов к выдержке резких температурных колебаний. В глину для производства тонкостенных сосудов была добавлена примесь с величинами зерен от 1,0 до 0,01 мм, обеспечивая тем самым прочность черепка. Это был довольно высокий уровень развития технологии в подготовке сырья, свидетельствующий о прогрессивном развитии керамического производства. Дело в том, что разнозернистый отошатель, т.е. крупные зерна в сочетании с пылевидным шамотом, регулирует укладку зерен в массе. Разная форма зерен отошателя, чаще угловатая, увеличивает поверхность их соприкосновения с соседними зернами и тем самым обеспечивает достаточную прочность черепка.¹¹³ Минералы-примеси (кварц, полевые шпаты, песок разного состава) снижают пластичность глины, но повышают ее огнеупорность. Целью введения в глину органической примеси, видимо, было образование пор, облегчающих вес черепка, образование серого или черного цвета сосуда при обжиге, а в сыром состоянии-укрепление стенок изделия и предохранение их от растрескивания.

Формовку сосудов производили на гончарном круге, отпечатки досок которых сохранились на доньях. На них же встречаются следы подсыпки-песка, песка с соломой и иногда золы. На внутренней поверхности сосудов, иногда и на наружной, встречаются следы пальцев мастера, оставшиеся при быстром вращении круга. Часть сосудов вылеплена на медленном круге или подвижной доске. Формы доньев слегка асимметричны, на периметре днищ тарных и кухонных сосудов встречаются наплывы глины. Донья и стенки таких сосудов, как правило, вылеплены из спирально соединенных жгутиков. У некоторых тарных сосудов стенки конструированы путем обмазки какой-то исходной формы. Такие сосуды разрушаются путем расслаивания черепка. Кувшины и сходные им сосуды изготовлены путем соединения нескольких самостоятельно изготовленных частей. На плечиках еще сырых кувшинов пробивались отверстия, куда запускались заостренные концы ручек и наплывом сверху примазывались к поверхности, другие концы примазывались к венчикам. Зооморфные сосуды и изделия особенно сложной формы изготавливались скульптурными приемами.

Для всей столовой и тарной керамики Дагестана албанского времени характерна обработка наружной поверхности лощением и орнаментацией резными геометрическими узорами и лепными веревочными (или с зашипами, или с насечками) валиками. Лощением достигали не только уплотнения

поверхности черепка, но и украшения сосудов. Резные узоры нанесены зубчатым или заостренным предметом по сырой глине, используя при этом в необходимых случаях момент вращения сосуда на круге.

В начале I тысячелетия н.э. появляется техника ангобирования. Для этого высушенный сосуд погружали в специально подготовленную ангобную массу или наносили ее каким-либо образом на поверхность изделия. После вторичной сушки и последующего обжига такие сосуды подвергали лощению. Таковы наиболее прогрессивные формы производства столовой керамики.

Обжигались сосуды в печах с окислительной или с восстановительной средой. В 1956 г. у сел. Верхний Чирюрт были изучены две гончарные печи простой одноярусной конструкции, датированные В.И. Канивцом первыми веками н.э. Каждая из них состояла из двух камер-топочной и обжигательной.¹¹⁴ Подобные печи были известны в Дагестане с III тысячелетия до н.э.¹¹⁵ Внутри печей Верхнего Чирюрта найдена серая лощеная керамика. Одноярусные печи, состоящие из двух, рядом расположенных камер (топочной и обжигательной) встречены на Мингечаурском поселении эпохи поздней бронзы. И в этих печах также найдены серые керамические изделия.¹¹⁶ Видимо, серая лощеная керамика дагестанских памятников албанского времени обжигалась в одноярусных двухкамерных печах Верхнечирюртовского облика.

Многие исследователи установили тесную связь между цветом черепка и температурой обжига.¹¹⁷ Э. В. Сайко, например, полагает, что черепок, обожженный при 600°С, имел розово-красно-коричневый цвет, а при 1000°С-светло-желтый или кремовый.¹¹⁸ Обжиг производился в нейтральной среде. По опытам Г.И. Ионе, все мингечаурские серые и черные изделия, подвергшиеся накаливанию в муфельной печи, сохраняли свой цвет в пределах 300-400°С. После чего черепок становился розовым. При 750-800°С преобладал оранжевый цвет керамики, а свыше-красный цвет различных оттенков. Из этого делается вывод, что Мингечаурская керамика обжигалась при температуре не свыше 450°С.¹¹⁹

При этом надо иметь в виду, что в цвете черепка немаловажную роль играет состав глины, в частности, степень ожелезненности, органические примеси и характер среды обжига. Среди ганзирской керамики даже пережженные, оплавленные сосуды сохранили серый цвет. Очевидно, это объясняется восстановительной средой обжига и добавлением в глину органических примесей, в данном случае, опилок. Это подтверждают опыты З. П. Майсурадзе. Изученная им самтаврская серая керамика обжигалась при температуре 800-900°С. Однако при этой температуре серая керамика не получается, так как дым целиком уничтожается. Для получения серой или черной

керамики печь остуживали до 400° С и тогда закрывали дымовую вытяжку и по мере ее охлаждения через топку в обжигательную камеру вводили дым. Сосуды серого цвета получались и в тех случаях, когда в печи после окончания задымления еще сохранялась высокая температура и сажа, которая красит продукцию в черный цвет, частично сгорала. После охлаждения печи задымленную керамику доставали, чистили, покрывали тонким слоем воска и подвергали лощению куском меха или мягкой материи.¹²⁰

Скорее всего, и дагестанская, и самтавская серая керамика обожжена в одинаковых технических условиях восстановительной среды, при которых печные газы насыщены окисью углерода. Видимо, была близкой и температура обжига данной керамики.

Одновременно с восстановительными приемами, очевидно, применяли и технику окислительного обжига. Об этом свидетельствует известная в древностях Дагестана керамика белого и красного цветов, подвергнутая ангобированию. По М.М. Маммаеву, одновременно с одноярусными печами существовали печи более совершенной конструкции-двухярусные с нижней топочной камерой, соединенной системой продухов-жаропроводящих отверстий с верхней камерой.¹²¹ Такие печи эпохи раннего средневековья изучены на Андрейаульском городище.¹²² В свою очередь, гончарные печи, исследованные на памятниках Азербайджана албанского времени, также были двухярусными, с нижней топочной и верхней обжигательной камерами.¹²³ Такой же конструкции печи выявлены и изучены на территории Грузии (Мцхета, Топрахкала).¹²⁴ Такие печи были способны создавать любую среду, обжигательную или восстановительную. На Андрейаульском городище, как и в самих печах, встречена серая керамика и лишь незначительное количество-красной Белая и красная ангобированная керамика не может быть получена в печах с горизонтально расположенными топочной и обжигательной камерами. Окислительная среда возникает лишь при большом избытке воздуха (избыток кислорода должен составлять 2-5%, в сильной окислительной среде- 10%). Более того, для обжига красной ангобированной керамики требуется поступление жара без дыма. Железистые соединения, содержащиеся в глине, особенно железисто-кислый минерал гематит под воздействием температуры 675-678° С превращается в магнетит, тимонит и др., придающие глинам желтую и красно-коричневую окраску. Красная ангобированная керамика предполагает обжиг при температуре 950-1000° С.¹²⁵ А для этих целей были нужны более совершенные двухярусные печи с вертикальной системой соединения камер. Они позволяли более регламентированно использовать пламя и рационально создавать избранную среду обжига.

Керамический материал дагестанских памятников и гончарные печи свидетельствуют, что мастера по желанию могли создавать в печах окислительную и восстановительную среду, чтобы, соответственно, получить при обжиге серую или красную керамику. Для производства разных сосудов подбиралась подходящая глина, готовилась формовочная масса с заданными свойствами, формировались разнообразные по назначению и размерам сосуды, обрабатывалась наружная поверхность путем применения лощения или ангобирования. Гончарная печь и гончарный круг обеспечили керамическое производство новой стабильной технической базой, раскрыли пути усложнения и углубления в специализации производства.¹²⁶ Появление круга было тем техническим скачком, который революционизировал весь процесс керамического производства и, в числе других факторов, способствовал качественному улучшению керамического производства, специализации и профессионализму мастеров, а следовательно, формированию гончарного ремесла как самостоятельной отрасли.¹²⁷ Появление гончарного круга А.В. Арциховский и Б.А. Рыбаков связывали с возникновением ремесленного производства глиняной посуды.¹²⁸ Домашнее производство не могло в полной мере осваивать гончарный круг.¹²⁹ Одним из показателей специализации керамического ремесла считал Б.А. Рыбаков и наличие клейм на керамике, произведенной на круге.¹³⁰ На сосудах из жилища гончара Ганзирского поселения выявлено 26 разновидностей тамгообразных знаков. Если предположить, что усадьба функционировала в среднем 50 лет и каждый знак оставлен одним мастером и что один мастер с средней продолжительностью жизни в 40 лет мог проработать от 15 до 40 лет, т.е. 25 лет, то получится, что в мастерской проработало два поколения мастеров (50: 25=2). Следовательно, одновременно здесь проработали (26: 2=13) тринадцать мастеров. Они, очевидно, были связаны между собой родственными узами. Вместе с тем, для такого коллектива ремесленников должны быть характерно наличие мастеров, подмастерьев и учеников. Такая мастерская, очевидно, работала на рынок. В пользу этого свидетельствуют находки сосудов, произведенных в дагестанских мастерских, в Подонье и Поволжье.¹³¹ Знаки ганзирского типа (в виде одиночных, двойных и тройных вертикальных черточек, "гусиной лапы", обращенной вверх) встречены на сосудах из Мамрашского могильника, а также на сосудах из Урцекского городища,¹³² удаленного к северу от Ганзира более, чем 100 км.

Рассмотрение статистического анализа керамических клейм Ганзирского поселения позволяет сделать еще два важных вывода: 1) ремесло было наследственным занятием и 2) в мастерской работали мастером, подмастерья и ученики. Иными словами, специфика организации ремесла, отмеченная М.М.

Маммаевым для раннесредневекового Урпекского городища,¹³³ имела глубокие корни в Дагестане еще с албанского и предыдущего времени.

Металлургия и металлообработка наряду с керамическим производством занимали важное место в экономике, тем более, что физико-географические условия благоприятствовали развитию этих отраслей ремесла. Здесь имеются достаточно богатые, легко доступные для разработок залежи сидеритовых руд,¹³⁴ а также неплохая топливная база, способная удовлетворить потребности производства. Высокий уровень металлургии железа и его обработка документированы многочисленными находками, в том числе, остатками обломков и кусков железа, плавильных сыродутных печей и шлаков¹³⁵ и проч. Для изготовления многочисленных орудий труда и оружия, предметов конской упряжи нужно было довольно много железа. Его изготовление было неплохо налажено в древности и в средние века. Процесс изготовления железа восстановлен усилиями ученых, в том числе дагестанских исследователей. Он выражался в добыче легкоплавкой сидеритовой руды (FeCO_3) и топлива, в обогащении руды, в подготовке и сыродутной плавке (точнее варке) железа.

Добыча высококачественной сидеритовой руды осуществлялась специальными мастерами, разбиравшимися в качестве сырья. Присамурские сидериты, например, содержали от 25 до 35% железа. Для обогащения руды и выжигания вредных примесей (серы, фосфора и др.) руду дробили, промывали и обжигали на простом открытом костре. Весь этот процесс был довольно трудоемким и требовал значительных усилий.

Уголь, необходимый для металлургического процесса, заготавливался отдельно. В более позднее время этнография знает уже специалистов, которые заготавливали дрова, обжигали их для угля¹³⁶ и поставляли металлургам.

Сыродутная плавка осуществлялась в специальных горнах, высотой до 1 м, снабженных особыми трубочками-соплами для нагнетания воздуха. Их загружали послойно размельченной рудой и углем, располагавшимися пятью-шестью чередующимися слоями. Горение происходило снизу вверх при нагнетании воздуха. В результате горения угля образующаяся и нагнетаемая до высокой температуры окись углерода поднимается вверх, нагревает вышележащие слои руды и угля и вступает в соответствующую химическую реакцию. Окись железа в руде восстанавливается до металлического железа. Одновременно пустая порода руды шлакуется и отделяется от металла. Образующийся жидкий шлак стекает на дно печи, а восстановленные зерна железа, опускаясь по мере выгорания угля в низ печи, слипаются и образуют крицу, которая остается еще пропитанной некоторым количеством расплавленного шлака.¹³⁷ Реакция восстановления окиси железа начинается при температуре 450-500° С и протекает тем интенсивнее, чем

температура в печи выше.

При наличии в шихте 42% кремнезема и 8% извести при температуре 1030°С часть окиси железа, восстановившись до закиси железа образует с породой руды жидкий шлак. При других соотношениях кремнезема и закиси железа в составе шлака температура плавления будет выше. Глинозем плавится при температуре 2050° С, кремнезем-1710° С, жженая известь-2572° С. Другая часть окиси железа восстанавливается в металлическое железо. Но при этой температуре (1030° С) восстановленные зерна и кусочки железа не связываются, т.е. не образуют крицы. Чтобы получить монолитную крицу требуется не ниже 1300-1400° С.¹³⁸ Такой температуры всегда достигали в примитивных сыродутных горнах-печах, встречаемых на разных памятниках эпохи раннего железа. К сожалению, до сих пор в Дагестане не изучены железоплавильные печи, хотя они встречаются в разных районах края (в долине Кара-Койсу, около селений Капкайкент, Гулли, Чумли, Муги и др.). Наиболее простой горн, описанный И.А. Гзелишвили, в виде продолговатого ящика был сложен из камней на глиняном растворе. Стена его достигала поларшина. Горн перекрывался камнями, оставляя у коротких стен отверстия.¹³⁹ Около селения Квемо Болниси внутри призматической печи был обнаружен четырехугольный горн конца I тысячелетия до н.э.¹⁴⁰ Близкие по конструкции печи, видимо, применялись и в Дагестане эпохи раннего железа. Об этом свидетельствуют печи, сохранившиеся до недавнего времени у даргинцев: "ремесленники делали специальную яму, выложенную камнями и обмазанную глиной; яма была соединена с мехами. В яму сначала засыпали уголь, затем руду, а затем снова уголь и так далее. Для одной плавки надо было нагнетать воздух с утра до вечера, причем меха здесь были особые, парные, приводимые в действие последовательно обеими руками, что обеспечивало непрерывность дутья. На следующий день после перерыва дутье возобновлялось. В заключение огромными клещами доставали кусок затвердевшего железа" (крицу-О. Д.).¹⁴¹

Немаловажным фактором сыродутного металлургического процесса представляется поглощение твердым металлическим железом углерода. Реакция поглощения железом углерода начинается при температуре 906°С и протекает довольно медленно. Так как металлическое железо при сыродутном процессе всегда остается твердым и смочено сильножелезистым жидким шлаком и в соприкосновении с твердым углем в общей сложности остается непродолжительное время, то процесс науглероживания бывает очень замедленным и углерод в железо диффундирует в очень небольших количествах.¹⁴² Этим объясняется небольшая твердость кричного железа-100-120 Н.В. Для сравнения отметим, что отдельные сорта оловянистой бронзы доходили до 230 Н.В. твердости.¹⁴³

Завершающая операция в производстве железа заключалась в очищении металла от шлака путем многократнойковки. Таким путем подготавливалось железо, которое в последующем шло на производство орудий труда, оружия и предметов упряжи. Надо отметить, что металлургия железа была резко отделена от его обработки. Это объясняется тем, что производство железа и его обработка осуществлялись разными техническими средствами: производство железа-плавкой (сваркой) в металлургических горнах, обработка-ковкой в кузницах и т.д. Иначе обстояло дело в бронзолитейном производстве, где изготовление бронзы и подготовка из нее изделий осуществлялись техникой литья. Оба процесса здесь тесно связаны друг с другом, хотя и здесь могла производиться товарная бронза, подвергавшаяся дальнейшей обработке в других мастерских.

Наиболее раннее производство бронзы в Дагестане документировано находками III тысячелетия до н.э., двусторонней, глиняной литейной формой для отливки обушковых топоров из поселения Галгалатлы I, обломков литейных форм, топоров для дробления руды, обломками тиглей, сопел из Верхнегунибского, Чиркейского и Мекегинского поселений,¹⁴⁴ бронзовых орудий труда, оружия и украшений, характерных для Великента и др.¹⁴⁵ Последующее развитие металлургии и металлообработка получили во II-I тысячелетиях до н.э.,¹⁴⁶ при этом применялся один из древнейших способов плавки руды, получивший название "азиатского". Сущность его заключается. 1) в добыче и обогащении медной руды; 2) составлении шихты (руды+ флюсы. Иногда флюсом служил шлак); 3) выплавке меди в глиняном тигле; 4) в рафинировании черной меди.¹⁴⁷ Одной из заключительных операций бронзолитейного производства было введение лигирующих элементов. Эту операцию, видимо, производили в печи Верхнегунибского поселения, откуда происходят обломки глиняных сопел, тиглей, односторчатых литейных форм и другие предметы, связанные с бронзолитейным производством.¹⁴⁸ Односторчатая литейная форма происходит с поселения Гургур-раал начала I тысячелетия до н.э.¹⁴⁹ Литейные односторчатые формы встречены среди памятников Дагестана и в более позднее время, в том числе раннего средневековья.¹⁵⁰ Иными словами, бронзолитейное производство продолжало функционировать в Дагестане с глубокой древности и до конца средневековья.¹⁵¹ Состав бронзовых изделий Дагестана эпохи поздней бронзы — раннего железа, их формы во многом были близки к закавказским, точнее азербайджанским, отличаясь от северокавказских, в частности чеченских. Для памятников скифского времени, например, характерны оловянисто-свинцово-мышьяковистые бронзы и некоторые типы изделий с высоким содержанием кобальта. Этими же признаками

характеризуются бронзовые изделия Шаракунского могильника.¹⁵² Вместе с тем, памятники Дагестана албанского времени содержат изделия, аналогичные боспорским образцам. Ощущается влияние боспорского металлургического и металлообрабатывающего очага в производстве торевтики, билонных зеркал и т.д. Соответственно, мы вправе ожидать здесь распространения боспорскоармагских рецептов в литейном деле.

При этом, видимо, бронзолитейное производство с глубокой древности базировалось на местных медных и полиметаллических рудах, около 600 проявлений которых выявлены и частично разведаны в Дагестане.¹⁵³ Близость закавказских, в частности азербайджанских и дагестанских бронз объясняется сходным химическим составом выходов единых по своему геологическому происхождению медных и полиметаллических залежей, а также культурной и производственной близостью данных регионов. Олово-один из важнейших компонентов бронзовых сплавов в Дагестан, как впрочем и в Закавказье, видимо, поступало извне.¹⁵⁴

Вышеприведенный обзор черной и цветной металлургии показал насколько сложным и трудоемким делом являлась металлургия. Так, например, установлено, что на производство 1 пуда кричного железа шло не менее 3-4 куб. м. дров и 5,6 человеко-дня.¹⁵⁵ Не менее трудоемкой была цветная металлургия. Занятие металлургией не под силу было человеку, не посвятившему целиком себя этому делу: необходимы были большие знания особенностей руды, секреты обогащения, очищения, плавки и лигирования микропримесей, а также навыки самого труда. Очень часто эти ремесла передавались по наследству. По Е. Н. Черныху с началом металлургии выделялись люди, специализировавшиеся в этом сложном ремесле. И если даже при этом они сеяли злаки, пасли скот, то основным занятием для них становилась все-таки металлургия.¹⁵⁶ Уже Верхнегунибская мастерская эпохи средней бронзы документирует отделение горного дела от выплавки металла. Соответственно, и в интересующее нас время существовали специальные горняки, занимавшиеся разведкой и разработкой руды; металлурги, занимавшиеся выплавкой металла из руды, а также кузнецы разных профилей. Среди последних были кузнецы-универсалы и мастера, специализировавшиеся на изготовлении каких-то особых предметов. Эту мысль подтверждают исследования М.М. Маммаева, убедительно доказавшего тезис об обособлении кузнечного дела в особую отрасль ремесла.¹⁵⁷ На памятниках Дагестана албанского времени встречаются изделия, требующие узкой специализации. Это, прежде всего, кинжалы и мечи, кольчуги, цепи, разнообразные пряжки, бляхи и пр., для изготовления которых требуется большие навыки и особые знания по термической обработке (закалке, науглероживании и

др.), ковке, рубке, обрезке, пробивании отверстий, изгибу, скручиванию, сварке, заклепке, инкрустации (бляшек и др.), чеканке, заточке, полировке и др. Археологам известны отдельные орудия кузнечного ремесла: клещи, зубила, молотки, точила и др.¹⁵⁸

Развитие экономики и прежде всего сельского хозяйства и ремесел увеличивали потребность в орудиях производства, в предметах вооружения, кольчугах, конской упряжи и проч. Все это неизбежно должно было вызвать скачок в производстве подобных изделий и соответственно их производстве на потребности рынка.

Обработка цветных металлов документирована многочисленными браслетами, височными привесками, пряжками, бляхами разных форм, головными булавками и другими предметами, характерными для памятников Дагестана и отражающими их генетическую связь с материальной культурой предшествующего времени. С этими изделиями связан и традиционный для Дагестана оловянисто-свинцово-мышьяковистый состав бронз с высоким содержанием кобальта. Вместе с тем, здесь встречаются изделия, характерные для памятников Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Подонья, а также Поволжья, проникшие сюда благодаря, прежде всего, аорсской торговле. Они благотворно повлияли на производство цветных металлов Дагестана и упрочили боспорское направление связей.

При производстве изделий из цветного металла применялась техника литья,ковки, чеканки, тиснения, волочения и др. Наиболее многочисленны изделия, отлитые по специальным восковым литейным моделям. Это браслеты, бляшки, разнообразные (особенно зооморфные и антропоморфные) подвески, пряжки, зеркала и т.д. Самые ранние изделия, отлитые по этой технике, появляются в Дагестане в III тысячелетии до н.э. (Великент).¹⁵⁹ С конца II тысячелетия до н.э. появляется техника литья по одностворчатой литейной форме. Оба эти приема литья сохраняются до современности.¹⁶⁰ Все отлитые изделия имели самое разное назначение, от чего зависели их цвет, прочность, пластичность и т.д. Заданные качества изделий могли получать мастера, владевшие секретами производства сплавов с заданными свойствами. Соответственно, мастера должны были владеть и определенными ремесленными и, вдобавок к ним, художественными навыками и умением, без которых немислима лепка и конструирование объемных фигур. Многие отлитые по форме изделия подвергнуты последующей доработке путемковки (отдельные пряжки и бляхи). Шейные гривни, некоторые формы браслетов, бляшек и др. изготавливались только путемковки. Поясные украшения, лунницы и другие сделаны в технике чеканки. Чеканке подвергнуты и изделия торевтики. Они же украшены резными узорами-

гравировкой. Такой декор встречается на различных подвесках памятников Дагестана эпохи раннего железа. С III-V вв. резной орнамент заполняется чернью. Тогда же стала использоваться позолота (Ирагинское блюдо).

Среди украшений встречены изделия тисненными по особым штампаматрица (бляшки, лунницы и др.). Техникой волочения производилась проволока разных диаметров, из которой было изготовлено большинство браслетов, колец, звенья цепочек, шейные гривни, привески и т.д. Применение всех вышеупомянутых технических приемов обработки цветных металлов предполагает специализацию мастеров, изготавливавших разнообразные украшения, т.е. появление ювелиров.

С ювелирным делом связана **обработка твердых полудрагоценных камней**, в частности сердолика, гагата, горного хрусталя и др. Из памятников Дагестана, начиная с эпохи бронзы, хорошо известны так называемые "рубленные" бусы, изготовленные из сердолика, отдельные натеки которого встречаются в приморье и горных районах.¹⁶¹ С эпохи бронзы известны здесь и бусы из гагата, залежи которого встречаются в Южном Дагестане.¹⁶²

Продукция камнеобработки широко применялась в хозяйстве. К ним относятся зернотерки, песты, различные точильные бруски, пряслица и т.д. Разнообразные пряслица и сосуды, встречаемые на памятниках интересующего нас времени, в частности, на территории Левашинского плато и в Лакском и Кулинском районах, например, имеют настолько строго симметричные формы, что создается впечатление об их изготовлении с помощью каких-то вращающихся механизмов. Из камня изготовлены были также архитектурные детали (базы колонн из Таргу и др.).

Строительное дело занимало важное место в хозяйстве Дагестана албанского времени. Оно появилось и получило довольно высокое развитие еще в древнейшие времена, когда стали возводиться круглоплановые и прямоугольные каменные сооружения и сырцовые постройки. В эпоху раннего железа и в албанское время его развитие было стимулировано строительством большого количества жилых, хозяйственных, дворцовых и особенно фортификационных сооружений (В. Лабкомахи, Таргу, Дербент, Чичикар и др.).

Основным строительным материалом являлся камень, потребность в котором особенно увеличилась с началом строительства дворцовых и фортификационных сооружений. В плоскостном Дагестане отсутствие камня компенсировалось широким применением глинобитно- турлучных конструкций (Ганзир, Сиртич и др.).

Стены бытовых построек, как правило, возводились из колотого, обработанного камня с применением скрепляющего глиняного раствора.¹⁶³

Исключение составляют стены однокамерных жилых сооружений Дербентского городища, возведенные из бутового камня.¹⁶⁴ Стены из колотого камня Таргунского храмового комплекса имеют 0,9-1,0 м в толщину. Особого внимания заслуживают стены фортификационных сооружений. На городище Таргу они достигают 2,4-2,5 м в толщину. Они сложены панцирной регулярной кладкой из крупных блоков и плит с использованием глиняного скрепляющего раствора. Пространство между двусторонней панцирной кладкой заполнено обломками камня и глиной. Часто такие стены укреплены дополнительно возведенными сооружениями.¹⁶⁵ Такие же стены характерны для фортификации цитаделей. О них скажем немного подробнее. Цитадели возводились с использованием особенностей рельефа. Их появление предполагает появление и постепенное обособление специальных мастеров, владеющих высокой квалификацией в возведении сверхпрочных стен при хорошем знании военно-инженерного дела. Огромный объем работы с применением камня и глины, трудности забутовки пространства между панцирями стен, доставка и поднятие на высоту крупных и тяжелых блоков, предполагает участие в работе по строительству оборонительных сооружений большого количества подмастерьев и подсобных рабочих. Не менее высокого мастерства и знаний строительного дела требует постройка дворцовых и храмовых комплексов. Помимо того, в дворцовых помещениях встречаются крупные архитектурные детали, обработка которых требовала высокого камнеобрабатывающего мастерства, а поднятие и их приложение-значительных физических сил. Здесь еще необходимы были художественный вкус и чувство меры-гармонии. Несомненно основным занятием мастеров-зодчих являлось строительное дело, но в промежутках между такими работами они могли заниматься обычными сельскохозяйственными работами.

Видное место в экономике занимала *деревообработка*, которая была в значительной степени тесно связана со строительной деятельностью. С глубокой древности для жилых и хозяйственных сооружений использовались опорные столбы, балки, различные доски, детали для сборки дверей и окон и т.д. Для бытовых нужд изготавливались чаши различных форм, блюда, подносы, ложки и т.д. Сиргичская деревянная чаша, как уже отмечалось, была изготовлена с помощью механического приспособления в роде токарного станка. Резец от подобного станка был найден на Урцекском городище.¹⁶⁶ В изучаемое время токарные станки для изготовления деревянных изделий были в употреблении у многих народов.¹⁶⁷ Производство чаш из сплошной болванки было налажено в Дагестане уже с глубокой древности (блюдо из Манасской катакомбы и чаша из Чиркейского могильника) и достигло до этнографической современности.¹⁶⁸ В памятниках

эпохи поздней бронзы и раннего железа (Шахсенгер, Акяр, Берикей) неоднократно встречались остатки, изготовленных из сплошного деревянного цилиндра. Донья к ним были прикреплены битумом. На Урцекском городище встречено специальное орудие, для изготовления ложек, разнообразных деревянных черпаков и иных емкостей ("ложкар").¹⁶⁹ Для обработки дерева употреблялись и другие специальные приспособления и инструменты для колки, обтесывания, распиливания, долбления, сверления, резьбы и выжигания. Значительную трудность при тогдашнем техническом уровне представляло изготовление досок. Одна такая доска, покрытая геометрическим орнаментом и выполненная на высоком художественном уровне, происходит из Кафыркумукской гробницы каякентско-хорочевской культуры.¹⁷⁰ Наиболее яркие образцы деревянных изделий сохранились до этнографической современности - это разнообразные двери, столбы, лари, "цагуры", капители, резные окна и порталы, лежанки, кровати, диваны, кресла, сундуки, тумбочки, шкатулки, люльки, корыта, миски, черпаки, подносы, табуретки, мерные емкости, солонки, чесночницы и ступы, поставцы для ложек, кафедры для мечетей, балконные ограды и т.д., покрытые геометрическим узором стилистически близким кафыркумукской находке.¹⁷¹ Несомненно, художественная обработка дерева практиковалась и в албанское время. Высокий уровень его обработки и самое главное—употребление в производстве механических приспособлений типа токарных станков, предполагает выход деревообработки из сферы домашнего производства к ее специализации в виде особой отрасли ремесла. Этот процесс стимулировался потребностями торговли фортификационного строительства и дворцового быта.

Важной отраслью ремесленного производства явилось *прядение и ткачество*. М.И. Пикуль считала их чисто женскими занятиями, полагая, что тонкую пряжу изготавливали с помощью мелких плоских и дисковидных пряслиц, выточенных из гальки или шифера и указывала на находки отпечатков тонкого и грубого полотна на различных бытовых предметах.¹⁷² М.М. Маммаев связывает ткачество с женским домашним производством, допустив при этом, выделение в городах-центрах ткацкого производства специалистов, занятых выделкой различных тканей и пошивом одежды.¹⁷³ Все это подтверждается нашими материалами.

Прежде всего, надо иметь в виду, что прядение и ткачество прошли длительный путь развития в рамках домашнего производства. В раннем железном веке производились тонкие и грубые полотна из шерсти и растительных волокон. Практиковалась их окраска.¹⁷⁴ На памятниках Дагестана албанского времени встречаются каменные, керамические и иные пряслица различных размеров и веса, предназначенных для изготовления пряжи разной толщины. Соответственно,

изготавливались тонкие и плотные, толстые полотна. Этнографический материал позволяет нам воссоздать процесс наиболее простого изготовления шерстяной пряжи и ткачества.

Процесс начинался от заготовки шерсти путем стрижки овец и коз специальными пружинными ножницами, образцы которых представлены среди инвентаря погребения 73 Карабудахкентского I могильника.¹⁷⁵ После сортировки обычно подбирали длинную и мягкую шерсть, промывали ее, сушили и расчесывали на специальных гребнях, а потом из нее сучили нитки на специальных приспособлениях - веретенах с пряслицами у основания.¹⁷⁶ Лен сначала отмачивали, сушили, тербели, расчесывали, а потом также на веретенах сучили нитки.¹⁷⁷ С помощью веретена можно было изготовить довольно тонкую и прочную пряжу. При этом, производительность труда у искусного мастера была сравнительно высокой - 350 м пряжи в час.

Техника изготовления шерстяных и хлопчатобумажных тканей в основном была одинаковой.¹⁷⁸ На специальный ткацкий станок по продольной стороне наматывали нитки-основы, а в поперечном направлении переплетали их нитками-уток, уплотняя специальным инструментом по мере накопления плетения.¹⁷⁹ Эта наиболее простая техника плетения ткани, сохранившаяся в Дагестане без каких-либо существенных изменений до современности, восходит к глубокой древности. Применение специальных ткацких станков уже в первой половине II тысячелетия до н.э. документировано находками в Манасских катакомбах.¹⁸⁰ В этнографии известен своеобразный ткацкий станок, известный даже под названием дагестанского.¹⁸¹

Интересное сообщение о шерстяной одежде каспиев, локализуемых нами в Присамурской долине, имеются у Элиана.¹⁸² Их жрецы и знать носили одежду из верблюжьей шерсти. В Дагестане албанского времени употребляли шерстяные и льняные ткани. На Хабардинском могильнике выявлены отпечатки полотна, сотканного из пряжи растительного происхождения.¹⁸³ На Сумбатлинском, Сиртичском и др. могильниках встречены отпечатки тканей на различных предметах материальной культуры. На Сиртичском могильнике встречены и кусочки полотна из растительной пряжи. Они характеризуются равномерным плетением ниток. Причем нитки-основы тонше ниток-уток. Плотность ткани определяется в 5 нитей-уток и 17 нитей основы на 1 кв. см. Шерстяные ткани, видимо, были тонше и плотнее. Особенно высоким качеством славилась ткань, которая шла на изготовление одежды знати.¹⁸⁴

Судя по находкам пряслиц только в могилах женщин, прядение и ткачество, видимо, действительно было только женским занятием в основном в домашнем производстве. Однако наличие международной торговли, большого

количества населения, занятого на различного вида строительствах, нужды сельских жителей и воинов в одежде и в различных текстильных изделиях, должно было привести и, видимо, привело к специализации ткачества.¹⁸⁵

С обработкой шерсти связаны и другие виды занятий, в том числе *войлочное-бурочное производство*. Остатки войлока зафиксированы под погребенными в различных могилах Дагестана албанского времени. В качестве одежды каспии¹⁸⁶ и албаны,¹⁸⁷ о которых сообщают античные авторы, употребляли бурки во всяком случае, с эпохи раннего железа. Считается, что бурки характерны для хозяйственно-культурных типов горных земледельцев,¹⁸⁸ возникших в Дагестане с переходом к производящей экономике и началом горного земледелия. Поэтому возникновение производства бурок, видимо, имеет более глубокую историю, чем обычно предполагается.

Этнографический материал дает полное представление о технике изготовления бурок и войлока, производство которых сохранилось в Дагестане (в Гунибском, Гляратинском, Цунтинском, Шумадинском и Ботлихском районах) до настоящего времени.¹⁸⁹ Бурки и войлок в аварском языке отождествляются и носят одно и то же название — «буртина». И войлок, и бурки широко применяли в быту населения Дагестана. Из войлока делались подстилки, шляпы, зимнюю обувь. Изготавливались и специальные войлочные ковры. Наконец, бурки служили универсальной верхней одеждой. Иными словами, в бурках и волоке нуждалось все население края. Это неизбежно должно было вовлечь изготовление бурок и войлока в товарное производство, соответственно вызвать его специализацию как особой отрасли ремесла.

В заключение следует отметить, что рассмотренные выше виды ремесел не исчерпают все существовавшие в Дагестане албанского времени разновидности ремесленного производства. Не детализированы, например, обработка кости и рога, кожевенное дело и т.д. Но и рассмотренные материалы свидетельствуют о специализации ремесел. Многие из них могли быть наследственными и весьма рационально организованными, о чем говорилось выше. Сложность, специфика и трудоемкость ряда ремесел требовали участия в производстве помимо мастеров и других лиц-учеников, подмастерьев и подсобных рабочих. Строительство фортификационных сооружений, дворцовых и храмовых комплексов позволяет предполагать существование большого количества ремесленного населения, оторванного от сельского хозяйства и нуждающегося в ежедневном питании и бытовых услугах. Это стимулировало товарное производство продуктов земледелия и животноводства, одежды, обуви, изготовления изделий из дерева, металла и керамики и т.д., что привело к специализации целого ряда производств и ремесел. В основном они

были сконцентрированы в городах, где формировались основы будущих цеховых ремесленно-производственных объединений со строгой регламентацией производственных процессов, сбытом продукции, профессиональной подготовкой и т.д. Первоначально в основу таких объединений могли быть положены характерные для общин принципы равенства всех членов. Со временем эти принципы стали терять свое значение,¹⁹⁰ подрываясь внутренними социальными противоречиями.

Дагестанские ремесленные центры, большинство из которых были сосредоточены в городах, производили продукцию, пользовавшуюся большим спросом не только на территории собственно края, но и далеко за его пределами. В памятниках Поволжья, например, встречены характерные дагестанские ремесленные изделия-украшения (височные привески с разомкнутыми концами, овальные привески с утолщенными концами) и керамика — двуручные сосуды, кувшины со сливными носиками, с расширяющимся к устью горлом, с ручкой-поильником, одноручные кувшины с биконическим туловом и др.¹⁹¹ В памятниках Подонья известны серые лощеные миски и кувшины со сливными носиками, происходящие из дагестанских керамических центров (хр. в фондах Ростовского госуниверситета). Видимо, на продажу шла и другая ремесленная продукция, в частности, льняные и шерстяные ткани, а также продукция животноводства, земледелия, охоты и рыболовства. Особую потребность должны были испытать кочевники в различных продуктах земледелия: в зерновых культурах, бобовых, орехах, фруктах, включая виноград и т.д. На продажу шла продукция рыболовства. Остатки осетровых рыб обнаружены на Макинском, Бавтугайском поселениях, Аркаском “Нах-меэр” городище и т.д. По Кл. Элиану каспии славились умением приготавливать рыбу и рыбную продукцию: “Я слышал, что в каспийской земле есть огромное озеро, в котором водятся большие рыбы, называемые “остроносими” (осетр). Они достигают даже восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпают солью и приготавливают соленье или сушат, затем навьючивают на верблюдов и везут в Экбатану. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь и соленье, продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажутся. Внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится на всем, к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им склеят, что даже мочить его десять дней, он не распустится и не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекрасные вещи”.¹⁹²

Ввозили, как правило, предметы роскоши и реже-быта. На дагестанских

памятниках встречаются привозные фибулы, зеркала, пряжки, колокольчики, браслеты с завязанными концами, разнообразные височные колечки, туалетные коробочки, игольники, румяна, раковины “каури”, бусы из сердолика, янтара, горного хрусталя и халцедона, были и мелкие подвески из египетского фаянса (рифленные, округлые, биконические бусы, плакетки с изображениями скарабеев, лягушек, львов, Беса, подвески в виде кукишей, души “ба” и др.), а также стеклянные бусы, в том числе и с внутренней позолотой и посеребрением.

Многие из этих вещей поступали в Дагестан из Причерноморья и Поволжья. Так, основная группа фибул происходила из производственных центров Северного Причерноморья и Подонья. Она очерчивает линию связи между Боспором, с одной стороны, и Дагестаном и Азербайджаном, с другой. Тоже самое следует сказать о браслетах с завязанными концами и о многих других украшениях. Из районов Нижнего Поволжья попали в Дагестан алебастровые пряслица, костяные коробочки-игольницы, круглые, плоские бляхи-застежки с отверстием в центре или с шестью выступами по краям, пряжки-сюльгамы и др. изделия.

Особое место в торговле древнего населения Дагестана занимает олово-стратегически важное сырье, необходимое для производства бронзы. Его употребление в качестве примеси широко практиковалось с конца II — начала I тысячелетия до н.э. На Кавказе, как полагают некоторые исследователи, олова нет.¹⁹³ Правда, В.И. Марковин полагает, что на территории Северного Кавказа имеются залежи касситерита-оловянного камня, которые в древности вполне могли удовлетворить нужды мастеров. А первоначально медную руду в соответствующих пропорциях смешивали с оловянным камнем и плавляли металл.¹⁹⁴ Мы не имеем основания для окончательного утверждения тезиса о добыче касситерита в Дагестане. Следовательно, олово импортировали сюда извне. Оно могло поступить из районов Северного Кавказа, различных очагов добычи, расположенных в Великобритании, Италии, Казахстане или даже в Малаке. При функционировании торговых путей, связывающих эти районы с Ближним Востоком и Кавказом, мы не вправе исключить ни один из этих источников, как и исключить местную добычу.

На южное направление связей указывают находки стеклянных бус с золотой или серебряной прокладкой, раковин “каури”, разнообразных изделий из полудрагоценных камней (бусы, вставки в диадему в виде женской головки) и многое другое. По всему западному побережью Каспия известны находки разнообразных монет и целые монетные клады. Так, в Азербайджане найдены клады и отдельные монеты Александра Македонского, парфянских, бактрийских и селевкидских царей, римские динарии и местные подражания привозным монетам

(Шемаха, Кабала, Ньюди, Тазакент, Мингечаур, Барда, Ордуад, Хыныслы, Физули, Чухурюрт, Нахичеван, Ялойлутепе и др.),¹⁹⁵ в Дагестане у поселка совхоза им. Гирейханова обнаружены монеты (рис. 54) Антиоха IV Эпифана (176-164 гг. до н.э.)¹⁹⁶ и Птолемея III Эвергета (246-222 гг. до н.э.),¹⁹⁷ Чечни и Ингушетии якобы происходят римский денарий жены Марка Аврелия (161-180 гг. до н.э.)-Фаустины Младшей на хуторе Капустин Наурского района,¹⁹⁸ монеты Македонского (187-31 гг. до н.э.), римских (Тиберия-14-37 гг. до н.э., Диоклетиана 284-305 гг., Юлиана-361-363 гг.) и византийских (Иоана I Цимисхея-969-976 гг.) императоров в кладе из г. Грозного, а также подражания римским денариям-клад из станицы Червленной Шелковского района,¹⁹⁹ в Ставропольском крае-парфянские монеты Готарза,²⁰⁰ в Поволжье-парфянские монеты Митридата II (124-88 гг. до н.э.), Орода I (80-78 гг. до н.э.), Фраата III (70-58 гг. до н.э.), Готарза II (43-50 гг.), Вологеза и др. Сходную картину дают находки керамических изделий, характерных для ялойлутепинских памятников Азербайджана. Таковы кувшины-молочники, зооморфные сосуды и сосуды с крышками и с горизонтально смоделированными ручками, двуручные горшки, вазы, кувшины и происходящие с территории Дагестана и Северного Кавказа. Все эти находки очерчивают довольно четкую линию торговой магистрали между Закавказьем и Северным Причерноморьем, между Закавказьем и Поволжьем. В науке широко распространена точка зрения о торговле между Западом и Востоком через Дербентский проход.²⁰¹ Е.А. Пахомов, например, на основании находок монет Готарза в Ставропольском крае и Терской области высказывал мысль о существовании Прикаспийского торгового пути.²⁰² Ш.Исмизаде указывал, что пути связывающие Азербайджан с Северным Кавказом и Дагестаном шли через Дербентский проход и перевалы Салават, Курушдереси, Херакова, Малкамуд и др., пересекающие Главный Кавказский хребет недалеко от селений Хачмас, Бум, Куткашен, Вардам и др.²⁰³ М.М. Расулова также считает, что пути связывающие Азербайджан с внешним миром, проходили через Дербентский проход и горные перевалы Большого Кавказа.²⁰⁴ В.П. Дзагурова существование торговой дороги через Дербентский проход аргументировала внешнеполитическими интересами селевкидского государства.²⁰⁵ В.Г. Котович, доказывая тезис о наличии транскавказского международного торгового пути через Дербентский проход, связывал с ним конкретные археологические памятники в Прикаспийском Дагестане.²⁰⁶ Говоря об аорсской караванной торговле, С. И. Лукьяшко также дает предпочтение восточному направлению связей опять-таки через Дербентский проход.²⁰⁷ Большинство исследователей сопоставляет аорсскую торговую дорогу с Прикаспием через Дербентский проход. Вместе с тем, акад. Я.Манандян проводит "торговую дорогу аорсов" по меото-колхидскому тракту,²⁰⁸ а К. Алиев-по Дарьяльскому проходу.²⁰⁹ Нам трудно

согласиться с ними. Их выводы никак не согласуются с основными источниками, лежащими в основе истории аорсской торговли. По Страбону верхние аорсы "занимают более обширную область, владея почти что большей частью побережья Каспийского моря. Поэтому они вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев".²¹⁰ Здесь недвусмысленно указывается на торговую дорогу именно в пределах Прикаспийской территории, где локализовались верхние аорсы (рис. 69). Районы же Западного и Центрального Кавказа в пределы влияния верхних аорсов уже не входили. Такой путь мог быть только Прикаспийским, проходящим по Дербентскому дефиле. К тому же, вряд ли верблюжьи караваны были способны одолеть каменистые дороги Дарьяльского прохода и труднодоступный в то время Меото-колхидский тракт.²¹¹

Таким образом, путь через Прикаспийский Дагестан и Дербентский проход связывал Юго-Восточную Европу со странами Закавказья и Передней Азии с глубокой древности. По этой дороге проникали в Восточное Закавказье и Ближний Восток разные племена ираноязычных кочевников. К ним, в первую очередь, относятся племена, перекочевавшие из Восточной Европы в Закавказье и Переднюю Азию в конце II-начале I тысячелетия до н.э.,²¹² скифские племена, мигрировавшие туда же в 70-х годах VII вв. до н.э.²¹³ Очевидно, здесь же осуществлялись культурно-экономические контакты племен, расположенных по обе стороны Главного Кавказского хребта. Во второй половине I тысячелетия до н.э. Восточное Закавказье оказалось втянутым в международную торговлю. Истоки этой торговли следует искать в интересах Александра Македонского к западному побережью Каспийского моря.²¹⁴ После его смерти, Селевк I Никатор, царствовавший над Бактрией, Парфией и Гирканией, поручил македонцу Патроклу (312-261 гг. до н.э.) исследовать побережье Каспийского-Гирканского моря с целью открытия возможных торговых путей к народам Северной Индии.²¹⁵ Патрокл обследовал южное и западное побережье Каспия и составил подробный отчет о своей работе. Именно на это время приходится активное функционирование Прикаспийского пути. В средневековых источниках отдельные участки его получили довольно подробное освещение: после прохождения вброд через Сунжу и Аксай переправлялись на парамах и стругах через Койсу (Сулак), далее двигались через Тарки-Буйнак-владения Уцмия Кайтагского и "на выюках промеж гор и моря ровным местом" попадали в Дербент и далее, затем в Закавказье.²¹⁶ На одном конце этого пути в интересующее нас время находился Танаис, представлявший собой общий торговый центр античного Причерноморья и Евразийских кочевников,²¹⁷ на другом-Акбатана, расположенная на перекрестке наиболее оживленных торговых древнего Востока, в частности,

на магистрали, шедшей из Индии в Селевкию через Кандагар-Герат-Гекатомпилос и к Акбатане. Прикаспийская дорога выходила на Армянскую дорогу (Акбатана-Артаксата) и пересекалась с т.н. северным путем, проходившим через Бактру (Балх), по реке Оксус, Каспийское море, по реке Куре к Фасису и Черному морю.²¹⁸ Последняя дорога, как и Прикаспийская аорсская, проходила уже по территории Кавказской Албании.

В Кавказской Албании функционировали и местные торговые пути. Так, через перевалы Главного Кавказского хребта проходили тропы, соединявшие Восточное Закавказье с Дагестаном. Таким был, прежде всего, низкий Салаватский перевал. Через Саваланский проход, например, идет дорога, ответвляющаяся на запад к Мингечауру и на восток — к Каспию, по выходу ее из Турьянчайской долины. К югу от Кабалы она называется дорогой послов — "Элчи ёлу" или торговой дорогой — "базырган ёлу".²¹⁹ Другая — "Алванёлу", расположенная восточнее предыдущей, проходит через горную систему Конделендаг и соединяется с караванным маршрутом, шедшим по Турьянчайскому ущелью.

В пределах самого Дагестана функционировали многочисленные древние тропы, выходящие к международным магистралям. Все они проходили через горные перевалы и речные долины. Многие из них сохранились до средневековья и современности. Х. О. Хашаев, например, называет внутренние пути связывающие Дагестан с Закавказьем и Северным Кавказом. К ним относятся дороги, проходящие через Ахты, Нуху до Баку; через Кумух в Закаталы; через Бежта в Кахетию; через Анди в Харачой и далее в Северный Кавказ; через Чирката, Аргун, Нижний Буртунай в Хасавюрт; через Гимры, Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру; через Аймаки, Дженгутай в Темир-Хан-Шуру; через Араканы в Дженгутай; через Левашы, Дженгутай в Темир — Хан — Шуру, через Левашы, Дешлагар, Каякент в Дербент; через Кумух, Хосрех, Касумкент в Дербент; через Уркарах, Маджалис в Дербент; затем Дербент-Ахты — Нуха; Ахты — Куба — Старая Шемаха — Баку и т.д.²²⁰ Важное значение имела дорога, связывающая Самурскую долину с Северным Кавказом в обход Прикаспийского пути (Самурская долина — Курах — Кумух — Чох — Гишатль — Асаб — Ахвах — перевал Харама на Андийском хребте и в Чечню. После селения Асаб, на горе Харачи эта дорога ответвлялась и шла на Хунзахское плато.²²¹ В XVII в. функционировали дороги, идущие от Тарки через Таркалы, Кафыркумух в Казикумух, а затем через Дультыдагский перевал в Закаталы; из Казикумуха через Турчидагский перевал в Согратль — Чох — Гуниб и далее; из Чечни в Гумбет — Аварию — Андалал — Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу в Грузию.²²² Были пути, связывавшие Гамри с Дербентом через Утамышц — Башлы; Каба —

Дарго с Акуша — Дарго;²²³ Касумкент — Цмур — Ичин — Ашагазахид — Хоредж — Байбулак — Рича — Чирах — Хосрех,²²⁴ Кумух — Хуна — Улучара — Танты — Гапшима — Акуша — Великент — Дербент; Цовк ра I — Дуакар — Кубачи — Уркарах — Маджалис — Дербент; Казикумух — Хосрех — Харбук — Кубачи и т.д.²²⁵ Все эти дороги проложены по наиболее доступным естественным перевалам, склонам и долинам и использовались в течение весьма продолжительного времени. Они служили как для торгово-экономических, так и для культурных контактов.

Таким образом, технический прогресс, связанный с расцветом металлургии и металлообработки, приведший к отделению ремесла от земледелия, привел и к развитию торговли. Важным и убедительным показателем перерастания простого обмена в торговлю является появление всеобщего эквивалента товара — денег, наиболее ранние образцы которых на территории Кавказской Албании относятся к IV в. до н.э. Это отдельные монеты и целые клады. При этом здесь, как и на всем Востоке, получает развитие внешняя торговля, так или иначе, связанная с государством и правящей верхушкой общества.²²⁶ Не менее важную роль, очевидно, играла внутренняя торговля. Специализация ремесел должна была стимулировать именно такую торговлю, что в первую очередь связано с большими строительными работами этого времени (о них уже говорилось).²²⁷ Вся эта внутренняя торговля, очевидно была тесно связана с внешней торговлей. Вместе с тем, особенно в сельских местностях, видимо, продолжал преобладать простой обмен товара на товар. Ограниченное количество находок монет и монетных кладов в Албании, и особенно на ее дагестанской территории, утверждает наличие внутренней меновой торговли. Следовательно, широкая внешняя торговля была способна лишь частично поколебать прочные основы замкнутых общин Восточного Кавказа.

4. 2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА.

Семья. Основу социального организма общества составляет семья. Она "дает в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество, разделенное на классы",²²⁸ "должна развиваться по мере того, как развивается общество и должно изменяться по мере того, как изменяется общество, точно также как это было в прошлом. Она представляет собой продукт общественной системы"²²⁹ "Дикости соответствует групповой брак, варварству-парный брак, цивилизации-моногамия".²³⁰ При сопоставлении процесса становления частной собственности с развитием семьи могут быть выделены три этапа: первый из них-выделение в роде собственности больших семей, частной по отношению к внешнему миру, но коллективной по отношению к самой общине. Второй этап-выделение так называемой отдельной собственности

глав больших семей, обособляющейся уже по отношению большесемейному коллективу. Наконец, третий-выделение собственности малых семей, надолго становящихся носителями частнособственнических отношений.²³¹ Поэтому реконструкция семьи имеет для нашей темы принципиальное значение.

Памятники Дагестана албанского времени располагают материалами, позволяющими характеризовать семью т.н. эпохи цивилизации. С большой патриархальной семьей и отдельными семьями К.Ф. Смирнов связывал на Карабудахкентском могильнике группы выделенных им погребений и склеп с 39 костяками.²³² Из этого М.И. Пикуль сделала вывод об одновременном существовании в Дагестане албанского времени больших и малых семей.²³³ Однако на этом же могильнике, помимо индивидуальных погребений, встречаются парные могилы (мог. 67 — оба скелета мужские), тройные (мог. 59 — захоронения мужчины, женщины и ребенка), захоронения четверых человек (мог. 60 — двух мужчин 55-60 лет, женщины 20-25 лет и подростка; мог. 64 — троих мужчин 40-60 лет и женщины 20-25 лет), пятерых (мог. 33-четверых взрослых мужчин и одной женщины) и шестерых (мог. 62 — четверых мужчин 30-45 лет и двух женщин 25-30 лет). Принадлежность костяков погребального сооружения с 39 погребениями близким родственникам не вызывает сомнения. Однако связь отдельных групп могил с родственными категориями в зависимости от пола, возраста и количества погребенных нуждается в уточнении. В 83 могилах Карабудахкентского могильника встречены остатки 143 умерших, которые распределены крайне неравномерно. Во второй группе могил на 17 мужчин приходится 4 женщины и 1 ребенок, в пятой — на 12 мужчин нет ни одной женщины, в восьмой-на 6 мужчин также нет ни одной женщины, а в шестой-на 4 мужчин приходится одна женщина и один ребенок. Такая статистика заставляет осторожнее относиться к выводу о принадлежности каждой группы отдельным семьям. Вызывает сомнение и то, что большая семья, состоящая из 3-4 поколений близких родственников и насчитывающих от 24 до 45-47 (по С. Ш. Гаджиевой) или от 30 до 60 и даже до 100 (по С. Б. Агашириновой) одновременно живущих людей,²³⁴ могла разместить своих покойников в столь небольшом по размерам склепе (мог. 38), функционировавшем не больше 100-200 лет. Более того, не все дагестанские этнографы однозначно решают проблему большой семьи в Дагестане. А.И. Исламагомедов, например, писал, что ни в одном аварском селении ему не удалось получить материалы в какой бы то ни было степени относящиеся к жизни и быту большой семьи, и даже о ее существовании.²³⁵ М.А. Агларов категорически отрицает существование большой семьи у всех народов горного Дагестана, для которых характерно террасное земледелие. Распад большой семьи

и выделение малой семьи он связывает с террасостроительством, начавшимся здесь еще в III тысячелетии до н.э.²³⁶

В эпоху средней бронзы в Дагестане были распространены склеповые захоронения. Их М.Г. Гаджиев связывает с большими семьями.²³⁷ Возможно, здесь они действительно являются показателями большесемейных коллективов. На ранних памятниках каякентско-хорочоевской культуры наблюдается переход от коллективных усыпальниц к парным и индивидуальным захоронениям. В памятниках развитого периода этой культуры вообще не встречаются коллективные усыпальницы, что указывает на господство малых семей. Однако, памятники скифского (Урцеки), албанского (Сумбатли, Сиртич, Новоллак, Карабудахкент и др.), а также раннесредневекового (Узунтала, Аркас, Дуравги, Агачкала, Гапшима, Мегеб, Дегва и др.) времени снова известны своими склепами. Это как-будто создает иллюзию о возрождении большесемейных институтов. Вместе с тем, на это время приходится процесс социальной стратификации общества, вызванный развитием экономики.

Исследования коллективных погребальных комплексов и жилых сооружений позволяют реконструировать дагестанскую семью албанского времени, состоящую не более, чем из 7-8 человек.²³⁸ Такая семья не может быть отнесена к большой семье. Скорее всего она состояла из отца, матери и четырех или пяти детей, в лучшем случае-из отца, матери и одного или двоих женатых сыновей. С такой семьей можно связать и жилые сооружения, исследованные на Ганзирском поселении. Здесь в пределах одного дома выявлены два изолированные друг от друга помещения. Первое помещение, размером 12,86 кв. м. (2,8×4,6 м), было связано порогом с двориком, расположенным восточнее. Само помещение позднее было разделено на две части перегородкой. Очаг находился во внутреннем частично вымощенном отсеке, у перегородки, во дворе находился тондыр. Другое помещение, размером 11,5 кв. м. (4,6×2,4 - 2,6 м), было связано с отдельным огражденным двориком, расположенным несколько западнее, где обнаружена печь сложной конструкции типа "кор". В самом помещении также найден пристенной очаг с вымосткой вокруг него. Здесь же недалеко расчишена упавшая сверху печь, свидетельствующая об обитании и на втором этаже. В каждом помещении и во дворе найдены мусорные ямы, содержащие большое количество обломков бракованной керамики и даже необожженный сосуд. Итак, здесь одновременно функционировали два или три помещения со своими очагами, расположенными внутри одного дома. Они могли быть оставлены двумя или тремя брачными парами-малыми семьями, но связанными между собой родственными узами. В этнографической литературе такая семья известна под

названием неразделенной семьи (по терминологии О.А. Сухаревой и М.А. Бикжановой).

Малой семье принадлежал жилой комплекс, найденный на Макинском поселении. Он состоял из двух смежных помещений и огражденного двора. В одном из помещений, размером 9 кв. м, на площади 1,75×1,0 м выявлена печь. Здесь же найдены обломки керамики, кости животных и орудия для помола зерна. Это помещение сообщалось с другим, размером всего 6 кв. м., без печи и очага, а также с двориком, расположенным южнее.²³⁹ Полезная площадь всего жилого комплекса составляла 13,25 кв. м., а его комнаты, вероятно, выполняли разные функции и, отметим, что во всем доме печь была найдена только в одном помещении. Это означает, что дом мог принадлежать одной малой семье, т.е. брачной паре с их детьми. Жилые комплексы албанского времени Верхнеабкомахинского городища аналогичны жилищам Макинского поселения. Здесь встречены помещения, связанные между собой проходами. На Гинчинском поселении 2 жилой комплекс также состоял из трех небольших смежных помещений.²⁴⁰

Таким образом, материалы могильников и поселений албанского времени свидетельствуют о господстве малых семей. Наряду с ними, видимо, функционировали семьи, называемые неразделенными, точнее семьи, состоящие из отца, матери и их женатых сыновей. В такой семье ячейки женатых сыновей получали отдельные помещения в общем доме. Если для малой семьи характерно частнособственническое начало, то для семьи, состоящей из нескольких ячеек-коллективное владение землей, скотом, орудиями и продуктами производства, а также совместное производство. Наличие отдельных помещений с очагами в общесемейном жилище позволяло ячейкам неразделенной семьи обособиться для приготовления и потребления пищи. Сходную семью мы наблюдаем на территории Маяцкого городища-феодалного замка аланских племен.²⁴¹

Патронимия. Обособление могил на Карабудахкентском I могильнике, видимо, объясняется существованием родственных связей между малыми семьями, которые оставили погребальные сооружения. Такие группы родственных семей описаны М. А. Агларовым и известны у андийцев под названием “гьякь”, у аварцев — “цо рукъальбул Гадамал” (люди одного дома) и др. Они сопоставлены им с патронимией. Если малые семьи вели свое хозяйство, являлись полными собственниками земли и имущества, то в пределах патронимии осуществлялся принцип родственной солидарности во всех сферах экономической и общественной жизни. Каждый из них выдвигал своего представителя в Совет старейшин общины. Несколько “гьякь” в свою очередь составляли тухум.²⁴²

Тухумы. С таким тухумом-родом связывает, как уже отмечалось, К.Ф.Смирнов Карабудахкентский могильник.²⁴³ Возможно, с ними связаны и мелкие поселения существовавшие наряду с крупными поселениями и городищами. Подобные поселения в античных источниках известны под названием “кома”. Наряду с такими мелкими поселениями сельского типа в Дагестане отмечены укрепленные поселения и городища с цитаделями. С ними, видимо, были связаны общины, состоящие из гетерогенных родов. М.Г. Гаджиев и А.И. Абакаров считают наличие автономной системы обороны вокруг каждого из таких поселений свидетельством значительной политической самостоятельности этих достаточно независимых социально-политических организмов, какими являлись общины. Однако свою независимость они могли реализовать только через более крупное объединение — союзы сельских общин. Свидетельством существования таких общин они рассматривают сосредоточение группы поселений на естественно ограниченной территории с осуществлением связи между ними разветвленной сетью коммуникаций, наличием единства в архитектурно-планировочных, фортификационных решениях, использованием башен, находившихся в каждом городище в качестве звеньев хорошо налаженной сигнальной системы между ними. Не последнюю роль играли здесь и некоторые явления культурной интеграции.²⁴⁴ Именно такая система расселения засвидетельствована в “Географии”. Птолема, где 29 населенных пунктов были сконцентрированы вокруг 4 основных городов (*Полис*) Албании, два из которых (Гелда и Телейба) локализовались в Дагестане. Из этого следует, что концентрация мелких населенных пунктов вокруг крупных обусловлена административными, экономическими, оборонными и политическими причинами, и тогда в этой системе вполне оправдано расположение населенных пунктов союза сельских общин вокруг главного центра. Городища Левашинского плато упоминаемые авторы считают поселениями городского типа, исходя из их развитой структуры, состоящей из сильно укрепленной крепости и примыкающей к ней неукрепленной части, существования в них ремесленных производств, подчеркивающих специфику раннеклассового общества.²⁴⁵ С этим трудно не согласиться. Левашинские городища соответствуют понятию “Хориона” античных источников. По мнению А. П. Новосельцева с точки зрения социально-экономической сущности “кома” и “хорион” мало чем отличаются друг от друга.²⁴⁶ В литературе даже разработана система определения специфики памятников по количеству населения. Так, количественным показателем поселений “хорионов” является количество жителей в 2000-3000 человек.²⁴⁷ Если взять показатели для ближневосточных городов 400 человек на 1 га,²⁴⁸ то наши городища, площадью 6-7 га рассчитаны на (6×400 или 7×400) 2400-2800 жителей. Эта цифра близка

показателям поселений, в которых проживала община.

Такая община, состоящая из нескольких гетерогенных родов, известна в литературе как соседская, сельская, деревенская, территориальная или земледельческая. Эта была первым социальным объединением людей не связанных кровными узами.²⁴⁹ Для дагестанской сельской общины характерен дуализм-частная собственность на пахотные и сенокосные угодья, на двор, скот и т.д. при общинной собственности на пастбища.²⁵⁰ Община имела свою территорию. Члены общины обладали равными правами на пользование общинной собственностью и ее защиту, им запрещалось продавать свои земельные участки не членам общины и допускать в общину посторонних. Существовала система взаимопомощи при выполнении различных работ ("гвай"). Органы управления сельской общины Дагестана состояли из совета старейшин, которому принадлежало решающее слово в судебно-административном и военном управлении, помимо того имелся высший орган власти-народное собрание, на котором обсуждались вопросы, касающиеся жизни и быта общины. Среди различных должностных лиц известны "джамаатчи", "члухби" (ав.), "цевехъан" (ав. предводитель), "диванчи" или "шила-холоте" (даг. судья), "Гел" (ав.)-"гулдуки"- "чильми"- "барлусес"- "даргъахъал", "чоуш" (исполнители), "мангуши" (тур. глашатаи). Отдельные тухумы пользовались наследственным правом на выдвижение из своей среды старшин и судей.

В этнографической литературе дается характеристика сельских общин, основные признаки которых соответствуют дагестанской сельской общине.²⁵¹ В этих общинах, сохранившихся до современности, встречаются довольно архаичные признаки, позволяющие некоторым исследователям считать их патриархально-общинными. Эта специфика определяется генетической (через переходные этапы) преемственностью с родовой общиной и ее функционированием в первобытных, хотя уже и разлагавшихся, обществах.²⁵² В настоящее время в дагестановедческой литературе преодолена точка зрения, рассматривающая сельскую общину в качестве патриархально-общинной организации.²⁵³ Сельская община в том виде, в каком она сохранилась до XVIII-XIX вв. — это общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором свободно развивались классовые противоречия и классовая борьба.²⁵⁴ Соседская община, хотя и генетически связана с первобытной, ни в коем случае не может рассматриваться как сохранившийся в недрах классового общества пережиток первобытно-общинной формации. Она возникает только в классовом обществе и существует только в классовом обществе.²⁵⁵ Здесь уместно привести основные признаки соседской общины, отличающие её от первобытной. Это прежде всего то, что

фундамент крестьянской общины образуют социально-экономические отношения, качественно отличные от тех, какие лежали в основе первобытной общины. Если первобытная община была одновременно и хозяйственным организмом и ее ячейкой, то крестьянская община являлась только хозорганизмом и состояла из хозяек-крестьянских дворов. Если первобытная община основывалась на коммуналистических отношениях, то крестьянская община базировалась на услугуобменных связях. В крестьянской общине общественной собственностью оставалась земля, а продукты труда находились в полной собственности отдельных дворов, в ней характерным был подворно-трудовой принцип распределения, отсутствовавший в первобытной общине. В отличие от первобытных общин, которые были самостоятельными социальными организмами, крестьянская община всегда существовала в недрах классовых социальных организмов.²⁵⁶ При характеристике дагестанских сельских общин В.П. Дзагурова нашла параллели в античных полисах Греции, Рима и Малой Азии.²⁵⁷ Такое сопоставление вполне правомочно, так как античный полис сам вырастал из родовой общины, либо из уже сложившейся тем же путем сельской общины²⁵⁸ и содержал многие универсальные признаки, характерные для земледельческой общины. К ним относятся, близкие дагестанским институты управления (Совет старейшин и народное собрание) и организацию самого хозяйства. Экономической основой полиса являлась земельная собственность. И вся система полиса была организована таким образом, что в известных исторических условиях она наилучшим образом обеспечивала коллективу собственников осуществление права на земельную собственность, распоряжение этой собственностью и ее защиту. Одной из важнейших гарантий этой защиты являлось то положение, что земля могла быть собственностью лишь граждан полиса, земельные участки и наделы не могли быть отчуждены. Этому, в конечном счете, способствовало само весьма замкнутое гражданское общество полиса.²⁵⁹ Для античных полисов было характерно и то, что гражданин-собственник одновременно являлся и воином, обеспечивавшим неприкосновенность собственности полиса а значит и своей личной собственности.²⁶⁰ "Затруднения, возникающие в одной общине, могут вызываться только другими общинами, которые либо уже раньше захватили земли, либо беспокоят общину в захваченных ею землях. Поэтому война является той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить. Вот почему состоящая из ряда семей община организована прежде всего по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственности".²⁶¹ Такая организация народа-войска является универсальной

формой раннеклассовых обществ. В частности она известна и для сарматских племен.²⁶² Аналогичная организация народа-войска, очевидно, была характерна и для Дагестана скифского времени и сохранилась в виде государственной организации в албанское время. Об этом свидетельствуют находки оружия в погребениях общинников. Так, на Карабудахкентском III могильнике 46% могил содержали оружие, на Хабдинском-25%, Таркинском-18%, Шаракунском-4%, Карабудахкентском I-4%. Очень часто около таких могил встречаются конские захоронения. Некоторые женские захоронения также содержали скелеты коней и оружие (Хабада, Тарки, Сумбатли и др.). Видимо, подобно сарматам²⁶³ в Дагестане женщины принимали участие в ополчении. Снаряжение войска в Дагестане по видам оружия также напоминало сарматское: это мечи, кинжалы, наконечники копий и дротиков, ножи, что соответствует сведениям Страбона о вооружении албанских воинов, применении ими луков, панцирей, больших щитов и шлемов из звериной кожи.²⁶⁴ Войско состояло из пеших воинов и конницы.²⁶⁵ Возможно, под влиянием скифо-сарматских кочевников широко применялась тактика конной атаки и быстрого маневрирования. Вместе с тем, должна была практиковаться и тактика защиты укрепленных поселений. Вся эта сложная и хитро построенная тактика и стратегия ведения боя безо всякого сомнения нуждалась в опытных военачальнике и разумной структуре дружины. Во всяком случае, на начальном этапе существования народа-войска, видимо, имела родо-племенная структура уступившая место дружине, группировавшейся вокруг удачливых предводителей. Со временем такая дружина превращалась в полупрофессиональных воинов и служила основой господства родо-племенной верхушки или аристократии.²⁶⁶

Таким образом, между дагестанскими поземельными общинами и античными полисами имеется много общего, что позволяет их синхронизировать. Выше уже отмечалось, что эта община является социально-экономической структурой классового общества. Эту мысль подтверждают все приведенные материалы. Здесь же отметим, что по мнению многих исследователей она возникает при распаде первобытного строя в эпоху военной демократии,²⁶⁷ по А. М. Хазанову, соседская община характерна для всей длительной эпохи разложения первобытных отношений.²⁶⁸ По А. П. Новосельцеву, определяющей чертой раннеклассовых обществ является наличие отдельных социальных организмов, самодовлеющих общин, возникших из разложения доклассовых структур. Центрами таких общин, чаще всего, становятся древние города, а в данном случае, укрепленные поселения с цитаделями, соответствующие античным полисам. В процессе взаимодействия таких общин с соседскими общинами возникала сложная и многоступенчатая

система взаимозависимости, господства и подчинения одних обществ другим, господства целой общины в виде государства.²⁶⁹ В качестве нового макросоциального организма, образованного в процессе взаимодействия таких общин, выступают в Дагестане союзы общин. Ученые называют их то "вольными обществами", то "Territorium" (земля, страна, область, территория), то "дистриками" (районами, административно-территориальными единицами), то "Федеративными объединениями", то "Республиками". А. Руновский называл их Англией или Соединенными штатами Америки в миниатюре. Местные названия их "бо" (ав.), "табун" или "х'луреба" (дарг.) переводились как войско, ополчение, "пара" (лезг.)-часть или магал.²⁷⁰ Они были образованы по территориальному признаку и их границы не совпадали ни с границами языков, ни их диалектов.²⁷¹ Однако, в основе их организации лежало стремление обеспечить безопасность отдельных общин и их членов с осуществлением их гражданских прав на ведение земледельческо-скотоводческой экономики.

Управление союзов сельских общин было таким же, каким оно было у самих сельских общин.²⁷² Это военачальник, совет старейшин и народное собрание.²⁷³ Собрание созывалось в главном селении или в удобном для участников собрания месте. Обсуждались вопросы о совместных действиях против надвигающейся опасности или споры, возникавшие между отдельными сельскими обществами.²⁷⁴ Центры Союзов сельских обществ назывались в Дагестане городами,²⁷⁵ о чем уже говорилось.

Наиболее крупные городища албанского времени с цитаделями в привилегированной зоне рассматривались В.Г. Котовичем в качестве городов.²⁷⁶ Городом считает А.А. Кудрявцев и Дербент албанского времени, сопоставив его вслед за С.А. Ковалевым с городом птолемеевской "Географии" Гелда.²⁷⁷ Они и являлись административными и политическими центрами союзов общин.

Следует отметить, что В.Г. Котовичем была сделана попытка проследить пути и этапы становления города. Одни памятники определены им как протогорода, другие—городами. К протогородам отнесены бытовые памятники предскифского (Шахсенгерское городище) и скифского (Урцекское, Таргунское, Аркаское, Верхнелабкомахинское и др. городища) времени, а к городам-городища албанского и раннесредневекового времени.²⁷⁸

Однако хронология и характер Шахсенгерского городища оказались иными, чем это представлялось раньше. В результате последних раскопок установлено, что само Шахсенгерское городище, отличающееся сложной, высокоразвитой фортификацией и планировкой, относится к эпохе раннего средневековья, и его руины перекрывают поселение и могильник предскифского времени.²⁷⁹ Следовательно, процесс формирования укрепленных поселений,

который принимался за начало урбанизации, надо отнести не к предскифскому времени, а уже к скифскому.

Для решения проблемы урбанизации необходимо учесть определенные предпосылки: 1) Относительно высокий уровень развития общественного производства, в особенности сельского хозяйства, обеспечивавший появление прибавочного продукта и создавший условия для его концентрации в определенных местах; 2) Далеко продвинувшаяся социальная стратификация общества по имущественному и статусному признакам; 3) Политическая интеграция первоначально обособленных земледельческих общин и образование хотя бы первичного и примитивного государственного аппарата насилия; 4) Развитая специализация (профессионализм) в ремесле, военном деле, культовой практике и т. д.²⁸⁰ Все эти предпосылки в той или иной мере имелись в Дагестане скифского времени. И прежде всего, существовала оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, созданная на базе возникшего еще в неолите производящего хозяйства; были развиты ремесла, основные отрасли которых уже специализировались; имела торговля и достаточно сложный социальный организм общества в виде военной демократии. Исторически начало урбанизации или формирования протогорода соответствует эпохе классового образования, хотя во многих районах мира продолжает существовать и на стадии раннеклассовых общественных формаций вплоть до их окончательного изживания.²⁸¹ Это целиком вытекает из того положения, что начало урбанизации приурочено ко времени перехода от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству,²⁸² т. е. в эпоху военной демократии.²⁸³

В Дагестане этот процесс прослеживается следующим образом. В скифское время вокруг наиболее значительных земледельческих поселений, расположенных в центре общинных поселений и на торговых магистралях, стали возникать оборонительные стены. А. А. Кудрявцев, например, объясняет возведение таких стен вокруг Дербента опасностью, исходящей со стороны скифских кочевников.²⁸⁴ Это положение с полным правом может быть отнесено ко всему Дагестану, где такая опасность возникла с началом эпохи военной демократии. В 80-х годах VII в. до н. э. в степном Предкавказье появляются скифские племена, которые вскоре столкнулись с местными северокавказскими племенами. Их враждебные отношения продолжались минимум 70 лет — в VII веке и первые десятилетия VI в. до н. э.²⁸⁵ Согласно сведениям “Картлис цховреба” Леонти Мровели, скифы начали войну против племен леков и кавкасов. Объединенные кавказские племена-таргомосиане на первом этапе войны разгромили скифов, “покорили их пределы” и, воздвигнув города на подступах к их территории, вернулись. После этого скифы перегруппировались, избрали себе нового царя и одержали победу над

таргомосианами, освоили “морские ворота Дарубанди” и “ворота Арагвские, которые суть Дариала”. Таргомосиане стали данниками скифов. Под напором последних, Хозаних-самый знаменитый из рода Лекана, отступил в горы и построил город, названный его именем.²⁸⁶ Эти длительные войны со скифскими кочевниками, особенно частые набеги кочевников представляли постоянную опасность для оседлых земледельцев. К ним следует добавить опасность, возникавшую от непосредственных соседей, ищущих новые земли и богатства. Все это ставило дагестанцев перед необходимостью защиты своих поселений путем возведения вокруг них искусственных укреплений. Как правило, такие укрепления были построены с использованием естественных препятствий и иных природно-географических факторов. Если опасность со стороны скифов возникла в VII в. до н. э., то и оборонительные сооружения вокруг поселений должны были появиться почти в это же время. Внешняя опасность должна была заставить население менее защищенных поселений искать убежища за стенами больших и укрепленных поселений и, в конечном итоге, переселиться туда навсегда, что и определило состав населения, не связанного между собой кровно-родственными узами. Очевидно, так формировалась гетерогенная община крупных городищ типа Урпеки, Дербента и др. Иными словами, градоопределяющим элементом здесь стало выступать крестьянство, организованное в общины. Из этого следует, что городская община в Дагестане возникла и развивалась из соседской общины. Все укрепленные бытовые памятники Дагестана скифского времени, погребальные комплексы и предметы материальной культуры указывают на разнообразие функций населения крупных городищ, особенно на преобладание в них ремесел и торговли с попутным занятием земледелием.

Из сказанного следует, что наиболее крупные городища, занимавшие выгодное положение на торговых магистралях и в центре общинных союзов, могут быть рассмотрены в качестве протогородов. Обычно под этим термином понимается некая зачаточная форма собственно города, отличающаяся от его более зрелых, окончательно определившихся форм не столько качественно, сколько количественно, т. е. по степени выраженности одних и тех же признаков или, в более редких случаях, по полноте их “ассортимента”. Эти, так называемые протогорода, выступают экономическими, политическими и идеологическими центрами определенного района, округа.²⁸⁷ Их население в основной своей массе оставалось членами поземельных общин и продолжало заниматься земледелием и скотоводством.

Такие протогорода к началу I тысячелетия до н. э. трансформировались в города. Показателем города разные ученые называют различные признаки. В. М. Массон, например, определяет город, как крупное укрепленное поселение (с

населением не менее 5 тысяч человек), являющееся центром сельскохозяйственной округи и центром ремесла и торговли.²⁸⁸ И. М. Дьяконов определяет вавилонский город II тысячелетия до н.э. как центр сельскохозяйственной округи и общинных органов самоуправления и резиденцию государственной администрации и центр идеологии.²⁸⁹ Это соответствует положению К. Маркса, согласно которому «концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления; промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (прядание и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства...»²⁹⁰ В. И. Гуляев выделил по материалам Древнего Востока и доколумбовой Америки ряд признаков, по которым можно определить город среди множества бытовых памятников. Это: 1) появление дворцовых комплексов-мест пребывания правителя и его двора; 2) появление монументальных храмов и святилищ; 3) выделение тем или иным способом (стена, ров, «акрополь» и т.д.) важнейших дворцово-храмовых сооружений из общей массы жилых построек и размещение их в «престижной зоне»-в центральной части поселения (аналогичные функции имели «теменосы» в городах древней Месопотамии); 4) резкое отличие «священных кварталов» — политико-административного и культового ядра любого раннего города по внешнему виду и общему составу находок от жилых кварталов (предметы роскоши, монументальная скульптура, живопись и т.д.); 5) наличие пышных царских гробниц и захоронений; 6) монументальное искусство; 7) письменность (эпиграфика); 8) количественные показатели: большая площадь, значительное число жителей и общественных построек, сравнительно густое население.²⁹¹ Некоторые из этих признаков присущи для столичных городов больших цивилизаций. Вместе с тем, значительная часть приведенных признаков характерна и для крупных городищ Дагестана (Дербент, Урцки, Таргу, Верхнее Лабкомахи, Чичикар и др.). Эти дагестанские городища, особенно наиболее хорошо изученные из них—Таргу, Урцки и Дербент имели цитадели с остатками дворцовых и храмовых комплексов. В пределах городищ найдены многокомнатные жилые и общественные сооружения, площади для общественной жизни, ремесленные мастерские и различные хозяйственные постройки. К таким городищам примыкала значительная сельскохозяйственная округа.

В настоящее время получило распространение определение города, основанное на численности жителей поселения свыше 5000 человек, помимо наличия монументальной архитектуры и письменности (или наличия производственных центров) и наличия ядра города-цитадели.²⁹² Из расчета определенного количества населения на единицу занимаемой площади можно

определить количество населения. Для древних месопотамских городов Г. Ф. Франкфурт предполагает плотность населения, равную 400 человек на 1 га,²⁹³ Г. Чайлд — 125-250 человек на 1 га,²⁹⁴ О. Г. Большаков для мусульманского города-400-500 человек на 1 га.²⁹⁵ В. М. Массон поддерживает цифру, предложенную Г. Франкфуртом.²⁹⁶ Ближневосточные города с их плотной застройкой глинобитными домами действительно могли вместить значительное количество населения, не менее в 400-500 человек на 1 га. Дагестанские городища с их прямоугольно-ступеньчатой планировкой были также способны содержать такое же, если не больше, количество населения. Если это так, то Таргу, площадь в 30 га, мог иметь (400x30= или 500x30=) 12000-15000 жителей. С учетом военной дружины, находившейся в цитадели, администрации, прислуги и знати количество горожан будет намного выше. Такие количественные показатели действительно соответствуют городским. Видимо, близкими по количеству населения были Урцки, Чичикар, Верхнее Лабкомахи, Дербент и др. Они с полным правом могут быть названы городами.

Среди дагестанских памятников албанского времени, как и в Азербайджане IV в. до н.э. — III в.н.э., не встречены остатки письменности. Вместе с тем, К. В. Тревер пришла к выводу, что письменность в Албании античного времени существовала задолго до V в.²⁹⁷ Действительно, есть косвенные свидетельства о существовании в Албании античного времени своего письма. По сообщениям армянского писателя V в. Корюна, ученый-монах Месроп Маштоц, придя «в страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению научных знаний»²⁹⁸ Правда, мы не можем определить характер этого письма и когда оно появилось в Албании. Античные источники доводят до нас сведения о письме албанского царя Оройса Помпею, где содержалась просьба о «помиловании» и о «примирении». Вместе с письмом были посланы подарки и в их составе золотое ложе.²⁹⁹ Это первое сообщение о письменности в Албании. Второе относится к III в.н.э. Персидский царь Шапур I посылает албанам письмо о своей победе над римлянами и пленении ими Валериана. Албане, не приняв письма Шапура I, написали (scripserunt) римским вождям письмо с обещаниями помощи в освобождении Валериана.³⁰⁰ Следовательно, мы не вправе отвергнуть тезис о существовании письменности в Албании и только на основании отсутствия ее памятников отрицать появление городов и признаков государства.

Дагестанские города эллинистического времени по многим своим параметрам аналогичны городам сопредельных территорий. Эллинистические города, возникшие как опорные пункты греко-македонской экспансии, оказываются не только средоточием воинов, но и купцов и ремесленников.³⁰¹ Такие

эллинистические парфянские города оказывали значительное влияние на городскую культуру Кавказа, в том числе и Дагестана.³⁰² Данный вопрос еще нуждается в дополнительном изучении. Но фактическая близость парфянских и многих албанских городов Азербайджанской территории не вызывает сомнения. Армянские эллинистические города также имели схожую с парфянскими городами трехчастную структуру, состоявшую из цитадели, собственно города с его системой укреплений архитектурой общественных сооружений и принципы градостроительства и полусельского или сельского пригорода.³⁰³ Грузинские города античного времени имели цитадель внутри укрепленной территории собственно города с его жилыми и общественными зданиями. К городу примыкала сельскохозяйственная округа.³⁰⁴ Дагестанские города, по мнению В.Г. Котовича, близки городам Грузии.³⁰⁵ Признавая определенное сходство дагестанских и грузинских городов, мы все же склонны видеть большую близость между древними городами Дагестана и северной части Азербайджана. На территории Азербайджана изучены албанские города, состоявшие из укрепленной территории собственно города с его жилыми и общественными зданиями и прилегавшей к нему сельскохозяйственной округой (Кабала, Шемахи и др.). На территории укрепленных поселений городского типа к тому же были найдены остатки общественных и дворцовых сооружений.³⁰⁶ Точно такие же бытовые памятники изучены в Дагестане, т.е. дагестанские крупные городища с цитаделями в пределах укрепленной территории. Это тем более интересно, что речь идет о городах одного и того же политического образования-Кавказской Албании. В "Географии" К. Птолемея названы 29 населенных пункта и 4 города (Πολις) Албании, два из которых локализируются на территории Дагестана. К дагестанским и азербайджанским городам может быть отнесено птолемеевское определение "полис". Однако, если определять город как устойчивую полифункциональную форму территориальной консолидации гетерогенного населения, не занятого в сфере сельскохозяйственного производства,³⁰⁷ то наши крупные городища албанского времени, как впрочем и закавказские, вряд ли безоговорочно могут быть отнесены к городам. Тем более, что население, составляющее основу его социального организма продолжало оставаться в основном земледельческим. Такую же оценку получили закавказские города у А. П. Новосельцева, применившего к ним этот термин с оговоркой и рассматривавшего их в качестве определенного этапа в развитии (в специфических формах) сельской общины, когда еще не произошло окончательного отделения сельской общины от городской.³⁰⁸ Вспомним, что выше мы подчеркивали особенность дагестанского города как города, основанного на земельной собственности и земледелии, что история Азии-это история нерасчлененного единства города и деревни. С такой

оговоркой крупнейшие дагестанские городища албанского времени могут признаны действительно городами.

Прибавочный продукт, полученный в результате прогресса в экономике и особенно в торговле, постоянные войны, которые велись в это время то со скифо-сарматскими и аланскими кочевниками, то с соседними племенами, ускорили социальную стратификацию общества. С одной стороны, это разоряло свободных общинников, с другой, обогащало военную и родо-племенную аристократию, все более и более активно захватывавшую в свои руки ключевые позиции в обществе. К.В. Тревер установила наличие классов в Кавказской Албании IV-III вв. до н.э.³⁰⁹ Страбон сообщает, что в Албании "прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным парем".³¹⁰ Слово "прежде" здесь отнесено к IV-III вв. до н.э., когда Албания находилась в зависимости от персов и селевкидов.³¹¹ В первой половине I в. н.э. в Албании уже правил единый местный царь. Против Помпея, например, сражался царь Оройс. В составе социальной верхушки общества источники упоминают жрецов (Элиан, Аппиан) и предводителей или гегемонов (Аппиан), т.е. родо-племенную верхушку. Среди простых общинников упоминаются земледельцы, скотоводы, работники ирригационных сооружений и по добыче и обработке металлов, работники рыбных промыслов (Элиан). Предполагается существование рабов,³¹² хотя непосредственного упоминания рабов в источниках нет. К этим социальным группам следует добавить иеродулов-храмовых рабов.

В пользу такой социальной стратификации свидетельствуют и археологические материалы, в частности, погребальные комплексы, отличающиеся друг от друга характером оформления, наличием или отсутствием тризны и богатству инвентаря. Почти все могильники Дагестана содержат погребальные комплексы, отличающиеся то бедностью, то четко выраженным богатством инвентаря. Встречаются безынвентарные погребения и погребения отдельных черепов. Как уже говорилось, подавляющее большинство исследователей связывает захоронения черепов с жертвоприношениями рабов или военнопленных,³¹³ хотя имеются высказывания о связи черепа с культом сухой головы³¹⁴ или погребением голов убитых врагов.³¹⁵ Надо отметить, что в основе этого обряда лежат идеологические и социальные причины и, прежде всего, мнение, что обладатель головы, помещенной вместе с умершим в могилу, станет рабом последнего на том свете.³¹⁶ В данном случае речь идет о перенесении представлений реальной жизни в потусторонний мир. Это могло вызвать охоту за черепами. А, если их не удалось добыть в бою или во время набега, то оставалось убить собственного раба. Захоронения черепов характерны и для азербайджанских могильников.³¹⁷ И в Дагестане, и в Азербайджане они связаны с раннеклассовыми процессами и в более раннее время не известны для

данной территории, хотя в других регионах мира практикуется в более раннее время и не связаны с процессом классовобразования. Обстоятельства находок черепов, приведенные выше, указывают на человеческие жертвоприношения. Социальная подоплека этого обряда в Дагестане налицо. На Цыйшинском могильнике I-III вв. н.э. к одной богатой каменной гробнице примыкала грунтовая могила, содержащая костяки трех взрослых мужчин, погребенных друг на друга и без сопутствующего инвентаря. Они, по мнению, В.Г. Котовича принадлежали рабам или военнопленным, принесенным в жертву.³¹⁸ Такие же безынвентарные погребения встречены и на других могильниках. Чаще всего это вторичные захоронения и, возможно, не связаны с социальной подосновой. Однако на Карабудахкентском могильнике пять скорченных на левом (погр. 51, 54, 56) или правом (погр. 24, 37) боку и два вытянутых на спине (погр. 32, 72) погребения не имели сопутствующего инвентаря. Они связаны, если не с рабами, то с наиболее бедными представителями общества, добывавшими средства к существованию путем услужения богатым общинникам. В их могилах не прослежены следы тризны, не встречены остатки заупокойной пищи, на их одеждах нет украшений.

Античные источники не доводят до нас сведений о рабах в Албании. Но в некоторых языках Дагестана сохранился социальный термин "лаг" ("Lag" — авар., дарг, "Luk" — табасар.) в значении раб. В этом же значении термин раб ("Lag" — абаз., тушин., "Laj" — чечен.) или мужчина, человек ("Lagad" — хинал., "Lagaz" от "Lag" — мужчина, "-az" — старший) встречен и в других языках Дагестана и Кавказа в целом. В.И. Абаев эти термины и этноним "Lak" считает местными, кавказскими по происхождению, получившими развитие от этнонима к социальному термину "раб".³¹⁹ Признав это положение ученого, М. А. Агларов предлагает связь социального термина "Lag" с малоазийско — закавказским термином "лаоий" через чеченский "Laj" — раб.³²⁰ Нам кажется данное предположение мало обоснованным. Вместе с тем рабы, видимо, существовали в Дагестане III в. до н.э. — IV в. н.э., как впрочем и в Кавказской Албании, Иберии и Малой Азии. Интересно то, что предложенная В.И. Абаевым схема развития термина от этнического к социальному перекликается с представлением А. П. Новосельцева о происхождении "лаоиев" из переселенцев подчиненных народов и племен.³²¹ Можно допустить, что лаоии формировались из военнопленных, схваченных при набегах. Возможно, к рабам можно отнести иеродулов. Это слово $\epsilon\rho\omicron\delta\upsilon\upsilon\omicron\varsigma$ с древнегреческого переводится $\epsilon\rho\omicron\nu$ — храм и $\delta\upsilon\nu\lambda\omicron\varsigma$ — раб. Это было первое сословие общества.

Вторым сословием явились свободные общинники-производители. Им принадлежат наиболее многочисленные могилы. В таких могилах следы тризны

прослеживаются по остаткам погребальных костров в виде зольных или угольных пятен, по раздробленным предметам (зеркала, оружие и т.д.) и остаткам заупокойной пищи. Погребальные комплексы свидетельствуют, что население по имущественному положению не было однородным. Встречаются бедные захоронения с одним или двумя сосудами и несколькими бусами и наряду с ними-богатые могилы с большим количеством украшений, в том числе импортных. Погребение 40 взрослой женщины со скелетами собаки и барана рядом и погребение 73 другой женщины из того же Карабудахкентского I могильника, например, отличаются богатым вещевым набором, в том числе из орудий ремесла и земледелия и т.д. Судя по находкам следов жертвоприношений в могилах Карабудахкентского (мог. 45 и др.), Шаракунского и др. могильников, некоторые семьи общинников сами владели рабами. Эти же погребальные сооружения, как уже отмечалось, свидетельствуют о занятии оставивших их людей сельскохозяйственным и ремесленным трудом, а также военным делом. Глава семьи, оставивший дом на Ганзирском поселении, очевидно, был сравнительно состоятельным человеком, работавшим на рынок.

Таким образом, эта социальная группа была наиболее многочисленной и сравнительно неоднородной. С ее представителями связаны одно- и двухкомнатные жилые сооружения, разнообразные ремесленные мастерские, мелкие хозяйственные сооружения.

Однако, более состоятельной следует считать ту часть населения, которая оставила тщательно возведенные погребальные сооружения и среди них богатые склепы. Как правило, погребения в таких могилах сопровождаются человеческими и конскими жертвоприношениями, богатым, преимущественно импортным инвентарем и среди изделий выделяются предметы вооружения. На Сумбатлинском могильнике к таким захоронениям относятся две могилы. В одной из них, в тщательно возведенном склепе с остатками не менее пяти погребенных (могила разрушена) встречены десятки керамических сосудов, импортные мечи (3 экз.), кинжалы (2 экз.), крюки для портупей, удила, ножи, биллонные зеркала, бронзовые привески, обломки перстня, разнообразные бусы и среди них египетские фаянсовые скарабеи и плакетки с изображением лягушек. В другой могиле, каменной гробнице (9) с вымощенным полом, найдены костяки мужчины и женщины. С мужским костяком были связаны захоронения более десятка коней, собаки и части туш крупного и мелкого рогатого скота, а также железные мечи (3 экз.), кинжал, ножи (2 экз.), пряжки, крупная бусина от темляка; с женским костяком сопоставимо погребение коня, керамический сосуд, фибула и железный нож. Около склепа (мог. 38) Карабудахкентского I могильника были сосредоточено не менее 10 полных и

частичных конских захоронений и выявлены следы двух человеческих жертвоприношений. Инвентарь представлен разнообразными керамическими сосудами (33 экз.), пряслицами (4 экз.), железными ножами (7 экз.), оселками (2 экз.), костяными наконечниками стрел (13 экз.), браслетами (4 экз.), подвесками (2 экз.), височными кольцами (3 экз.), головными булавками (13 экз.), пряжками (8 экз.), спиральными кольцами (2 экз.), фибулами и т.д.³²² Очевидно, глава семьи, оставившей эту могилу, принадлежал к военной аристократии.

Помимо вышеупомянутых погребальных сооружений с этой же социальной группой связаны многокомнатные жилые и дворцовые комплексы, а также цитадели, расположенные в привилегированной зоне города. Социальная верхушка общества состояла из родо-племенной, военной, административной и жреческой аристократии. С военной аристократией были связаны и албанские цари, одновременно являвшиеся и военачальниками. Известны имена ранних албанских царей Оройса, Котиса и Зобера (Οροϋζης, дошедшие до нас в греческой передаче. В середине или во второй половине I в. на албанском престоле оказывается аршакид, правивший здесь с небольшим перерывом до V в. Согласно одной легенде армянский царь назначает на армянский престол "Арана из рода Сисакан из потомков Иафета",³²³ из этого же рода назначил воеводу над страной и десяти тысячным войском.³²⁴ Здесь интересно для нас упоминание не только царя, но и военачальника.

С социальной верхушкой общества, как уже упоминалось, связано жречество, представлявшее довольно разветвленное сословие. В Кавказской Албании существовали жрецы и специальные храмовые общины, характеризующиеся теми же социальными признаками, что и светские.³²⁵ Мы располагаем сведениями о святилищах божества "Ма" или "Мия" на территории Дагестана. Эти сведения, видимо, восходят к албанскому лунному божеству. В топонимике селения и урочища в долине реки Сулак — Миатли (Мия-клуб), на наш взгляд, сохранилось название этого лунного божества.

По Страбону албанские храмовые земли и храмовые объединения располагались в замкнутых плодородных долинах, где храм являлся не только культовым, но и административным, юридическим и военным центром. Во главе такой храмовой области стоял жрец, пользовавшийся полнотой власти.³²⁶ Все эти признаки, видимо, можно перенести и на дагестанские храмовые общины и святилища.

Таким образом, в Дагестане III в. до н.э. — IV в.н.э. имелось классовое общество, состоявшее из рабов, свободных производителей (земледельцев, скотоводов, ремесленников и торговцев) и аристократии (родо-племенной, жреческой, военной и административной) во главе с царем. Это соответствует

универсальной раннеклассовой структуре общества, характерной как для античного, так и для древневосточного миров. Такие общества были разделены на: класс людей владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатировавших чужой труд; класс людей, владевших средствами производства и занятых производительным трудом и класс людей, не владевших средствами производства, но вплотную занятых производительным трудом.³²⁷

Следует оговориться, что процесс классообразования является необычайно долгим и сложным явлением. Прежде, чем общество могло расколоться на противоположные классы, на протяжении многих столетий зарождались, снова "растворялись" в стихии доклассового общества, затем с новой силой возникали и заново накапливались зачатки классового общества. потребовался длительный период, чтобы эти зачатки окрепли, обрели более или менее четкие формы, упрочились настолько, чтобы могли возникнуть классы как большие и устойчивые группы людей, более или менее прочно занимающие определенное положение в данной системе общественного производства.³²⁸ В Дагестане процесс классообразования начался как минимум с III тысячелетия до н.э., и стал крепнуть лишь после освоения железа и появления стабильного прибавочного продукта. В результате к III в. до н.э. произошло выделение отмеченных выше социальных слоев. Первая социальная группа в нашем представлении, связана с захоронениями черепов и безинвентарными погребениями. Она принадлежала рабам и составляла в количественном отношении небольшую группу. Это позволяет предполагать, что рабы не играли сколько-нибудь существенной роли в производстве и экономике. Среди погребальных комплексов встречаются могилы, принадлежавшие бедным общинникам, добывавшим себе средства к существованию путем служения богатым общинникам и социальной верхушке. Вторая социальная группа принадлежала племенной, родовой, военной, жреческой, земледельческо-скотоводческой аристократии. С нею связаны цитадели, многокамерные жилые комплексы, дворцовые сооружения, богатые погребальные сооружения со следами пышных тризн (с жертвоприношениями людей, большого количества коней, крупного и мелкого рогатого скота). Третья социальная группа представлена основными производителями общества — свободными общинниками, погребальные сооружения которых составляют наиболее многочисленную группу. Эти погребальные сооружения не бедны, но и не отличаются особым богатством. Первая группа не владела средствами производства, но была занята производительным трудом, вторая владела средствами производства и была занята производительным трудом, третья владела средствами производства, но не была занята производительным трудом

и эксплуатировала труд других. Население второй группы, очевидно, выполняло различные трудовые и иные повинности, в том числе по сооружению оборонительных комплексов, проведению дорог и т.д.

Проблема социальных отношений в Кавказской Албании, как впрочем и в других закавказских обществах до сих пор окончательно не решена. Проблема социально-экономических отношений явилась предметом острых дискуссий, начиная с 20-х годов. В связи с необходимостью объяснения подъема революционного движения в Китае в 20-30-х годов XX в. появились исследования, посвященные т.н. "азиатскому способу" производства в древневосточных обществах. В 1933 г. академик В. В. Струве выступил с докладом, в котором говорилось о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Это сыграло важную роль в создании социальной истории Закавказья, являющегося периферией Ближнего Востока. После этого все больше ученых Закавказья стало говорить о рабовладельческом характере древних закавказских обществ.³²⁹ К. В. Тревер называет албанское общество общинно-рабовладельческим.³³⁰ Однако в связи с дискуссией 60-х годов Г. А. Меликишвили выступил с серией статей. По его мнению, во всем ближневосточно-закавказском регионе существовала стадияльно более низкая, чем рабовладельческая формация, т.н. "азиатская" или дофеодалная формация классового общества, где "господствующая верхушка, организованная в форме государственного аппарата, выступает как коллективный собственник и управляющий средствами производства и совокупностью всей рабочей силы, создавая специфические формы эксплуатации широких слоев населения и политической организации, характеризующейся высокой степенью цивилизации".³³¹ Эту точку зрения в настоящее время поддерживает большинство грузинских историков.

А. П. Новосельцев, признавая существование в закавказских странах рабства, отрицает сколько-нибудь сильный характер его института, а формацию предшествовавшую феодальной, называет архаичным общественным строем, возникшим на базе крупного общественного разделения труда.³³² Некоторые историки придерживаются точки зрения о существовании в кавказском регионе рабовладельческих отношений особой специфической формы. Г. А. Кошеленко отдает предпочтение определению закавказских древних обществ как рабовладельческих. Свой вывод он аргументирует такими важными факторами как: 1) вхождение значительной части Закавказья в состав Урарту, социальная структура которой напоминала ассирийскую рабовладельческую державу. После гибели Урарту на Армянском нагорье не произошло возврата к первобытно-общинному строю, а на руинах Урарту возникли раннеармянские государства; 2) значительная часть Колхиды достаточно рано вошла в состав сначала

Понтийского царства, а потом Рима, что предполагает распространение здесь рабства античного типа. А колхидские города являлись обычными провинциальными городами Рима, в которых главным элементом социальной структуры было рабство. Кроме того, традиция римского влияния предполагала распространение классического рабства в государствах, тесно связанных с Римом.³³³ К этому следует добавить и то, что пределы ахеменидской рабовладельческой империи доходили до Главного Кавказского хребта, а области к северу от Кавказа не были подчинены персам, но "посылали персидскому царю в год по 100 мальчиков и 100 девочек".³³⁴ Северные границы XI сатрапии Ахеменидской империи-Каспианы доходили до р. Куры, в персидских войсках, направившихся против Греции, участвовали каспианцы, а против Александра Македонского-албанцы. Это предполагает влияние ахеменидских социально-экономических и политических традиций на закавказские регионы, в том числе и на албанские.

Г. А. Кошеленко добавляет к приведенным А. П. Новосельцевым материалам новые важные аргументы, определяющие закавказские государственные формирования как рабовладельческие. Это подчиненное положение общин в социальной структуре общества, жители которых характеризуются, например, в Иберии, как "царские рабы", а также возникновение урбанизации, начавшейся в Албании в первых веках до н.э. Именно города выступали здесь, в Закавказье в качестве очагов развития рабства и рабовладельческих форм эксплуатации. Отмечает он и близость социального строя закавказских обществ обществам Парфии, для которых было характерно существование формы зависимости основной массы эксплуатируемого населения, сходной со спартанской илотией. Из этого делается вывод, что отношения рабовладельческого типа были характерны и для сельского хозяйства Закавказья.³³⁵ Такой вывод вполне естественен, поскольку с конца I в. н.э. в Албании и у маскутов, как впрочем в Армении, стала править аршакидская династия. Как уже отмечалось, в Албании она правила с небольшим перерывом до 506/510 г.³³⁶ При этом Г. А. Кошеленко оговаривается, что он не уподобляет закавказские общества классическим рабовладельческим обществам, хотя и не склонен преувеличивать их различия. Имевшийся класс свободных мелких производителей-общинников он рассматривает в качестве одной из характерных черт рабовладельческой формации.³³⁷ Все это относится и к Кавказской Албании, в состав которой входил также и Дагестан. Без всякого сомнения социальная и формационная характеристика Албании может быть перенесена и на ее составную часть Дагестан, хотя доля рабской эксплуатации здесь была меньше, а институты рабовладения—слабее. Вместе с тем, в албанское время формируются основы

экономических и социальных институтов, ставших характерными для раннесредневекового Дагестана.

1. *Генинг В. Н.* Структура системы археологического знания: (К вопросу о методологическом анализе уровней знаний в археологии) // *Методологические и методические вопросы археологии.* Киев, 1982, с. 13-15.

2. *Добрынин Б. Ф.* Ландшафтные (естественные) районы и растительность Дагестана. М., 1925, с. 5; *Зонн С. В.* Опыт естественно-исторического районирования Дагестана // *Сельское хозяйство Дагестана.* М. — Л., 1946; *Викторов А. Ф. и др.* Дагестанская АССР. Махачкала, 1958, с. 28 и сл.; *Гюль К. К. и др.* Физическая география Дагестана. Махачкала, 1959, с. 33-36, 52-57; *Эльдаров М. М.* География Дагестанской АССР. Махачкала, 1980, с. 7-12.

3. *Гвоздецкий Н. А.* Кавказ. Очерки природы. М., 1963, с. 5.

4. *Гаджиев М. Г.* Древнейшее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // *Северный Кавказ в древности и средние века.* М., 1980, с. 7-14; *Энеолит СССР. Археология СССР.* М., 1982, с. 124-126, 128-131; *История первобытного общества. Эпохи первобытной родовой общины.* М., 1986, с. 294-295.

5. *Османов М.* — *З. О.* Типы хуторского хозяйства и формы скотоводства в Дагестане в XIX-нач. XX в. // *Мат. сесс., посв. итогам эксп. иссл. в Дагестане в 1976-1977 гг.* (тез. докл.). Махачкала, 1978, с. 16-18; *Его же.* Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX-нач. XX в. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1985, с. 36-39.

6. *Вавилов Н. И.* Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М. — Л., 1957, с. 87-88; *Его же.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // *Природа,* 1936, 2, с. 80.

7. *Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеозотботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977, с. 45-46.

8. *Котович В. Г., Шейхов Н. Б.* Ук. соч., с. 335; *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве..., с. 282-285; *Его же.* О хозяйстве..., с. 6; *Его же.* Проблемы..., с. 127-138; *Его же.* Основные этапы социально-экономического развития раннеземледельческого населения Дагестана // *Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя* (Тез. докл.). Л., 1974, с. 58-59; *Амирханов Х. А.* Некоторые итоги изучения палеолитического слоя Чоха в 1980 — 1981 гг. // *XII Крупновские чтения* (Тез. докл.). М., 1982, с. 10-12; *Его же.* Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе: (по раскопкам в Чохе) // *Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа*

(тез. докл.). Ереван, 1982, с. 145-147; *Его же.* Чохское поселение-памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // *Природа,* 1982, 5, с. 20; *Его же.* Начало земледелия в Дагестане // *Природа,* 1983, 2, с. 52-57.

9. *Котович В. Г.* О хозяйстве..., с. 9-10; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 377-382.

10. *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение..., с. 211-217; *Гаджиев М. Г.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV-III тыс. до н.э. // *КСИА,* М., 1966, с. 55-61; *Его же.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы, с. 159; *Атаев Д. М., Погребова М. Н.* Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района: (Предварительное сообщение) // *МАД,* Махачкала, 1973, т. III, с. 34; *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ..., с. 77-78; *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура. М., 1969, с. 91-92; *Котович В. Г.* Проблемы..., с. 153-163.

11. *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 99-101; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа..., с. 111-116.

12. *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан..., с. 216-218; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата, с. 95-99; *Кудрявцев А. А.* Феодалный город Дагестана (По материалам Дербента VI-сер. XIII вв.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1983, с. 36-37.

13. *Никольская З. И., Шиллинг Е. М.* Горное пахотное орудие террасовых полей Дагестана // *СЭ,* 1952, 4, с. 91-100; *Материальная культура аварцев.* Махачкала, 1967, с. 30-39.

14. *Читая Г. С.* К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий // *Сообщение АН ГрузССР,* Тбилиси, 1941, т. 2, с. 293; *Его же.* Земледельческая система и пахотные орудия Грузии // *Вопросы этнографии Кавказа.* Тбилиси, 1952, с. 99;

15. *Краснов Ю. А.* Древнейшие пахотные орудия. М., 1975, с. 108-138.

16. *Редер Д. Г.* Появление мотыги и плуга в древнем Египте и Шумере // *Древний мир.* М., 1962, с. 165-170.

17. *Краснов Ю. А.* О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы // *СА,* 1968, 2, с. 3-22; *Его же.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тыс. до н.э. — I-я пол. I тыс. н.э. // *МИА,* 1971, 174, с. 38-39; *Его же.* Древнейшие упряжные пахотные орудия, с. 145-161; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 212-221.

18. *Джавахишвили А. И., Глонти Л. И.* Урбниси I. Археологические раскопки, проведенные в 1954-1961 гг. на селище Квацхилеби. Тбилиси, 1962, с. 45, 61; табл. XXIII, 11; *Кушнарёва К. Х., Лисицына Г. Н.* Важнейшие аспекты становления и развития производящего хозяйства на Южном и Северо-Восточном Кавказе (VI-III тыс. до н.э.) // *Studia praehistorica.* Sofia, 1986, с. 14; рис. 5, 1-3; *Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древнейшие

культуры Южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.). Л., 1970, с. 106; *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 379.

19. *Котович В. Г.* О хозяйстве населения горного Дагестана..., с. 10; *Его же.* Проблемы..., с. 146. См. также: *Генко А. Н.* Из культурного прошлого Ингушей // Зап. коллегии востоковедения при азиатском музее АН СССР. Л., 1930, т. V, с. 133-134.

20. *Страбон.* XI, 4,3.

21. *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959, с. 141.

22. Античные государства Северного Причерноморья, с. 154; табл. IV, 1,4-7,8,9; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 16,31,45.

23. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953, с. 23.

24. Возникновение и развитие Земледелия. М., 1967, с. 105,111,128-131; *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975, с. 164-168.

25. *Гаджиев М. Г.* Древнейшее земледелие и скотоводство в горном Дагестане, с. 9-10; *Его же.* Древнее земледелие и скотоводство горного Дагестана // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тез. докл.). М., 1974, с. 56.

26. *Агларов М. А.* Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев (до XX в.) // Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Сер. историческая. Махачкала, 1964, т. XIII, с. 180-181; *Его же.* Террасная система земледелия в зоне доместикации растений // Хозяйство народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1979, с. 13-15; *Его же.* Переход к террасному земледелию и особенности общественного строя ранних земледельцев-горцев // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя (тез. докл.). М., 1974, с. 63.

27. *Его же.* Террасная система..., с. 16.

28. *Котович В. Г.* Проблемы..., с. 150-151.

29. *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение..., с. 216; *Котович В. Г.* Проблемы..., с. 151.

30. *Мунчаев Р. М.* Археологические исследования в нагорном Дагестане // КСИИМК, 1958, вып. 71, с. 43-44.

31. *Агларов М. А.* Террасная система..., с. 16.

32. *Котович В. Г., Магомедов М. Г., Маммаев М. М.* Ук. соч., с. 120.

33. *Котович В. Г.* О процессе урбанизации..., с. 82-89; *Его же, Котович В. Г., Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 74.

34. *Агларов М. А.* Земледельческая округа "мегъ" в аварии в XVIII-XIX вв. (Структура, планировка и общий режим эксплуатации) // Быт сельского населения Дагестана (XIX-нач. XX вв.). Махачкала, 1981, с. 5-16.

35. *Вавилов Н. И.* Мировой опыт..., с. 80.

36. *Страбон.* XI, 4,3.

37. *Добрынин Б. Ф.* География Дагестанской АССР. Махачкала, 1926, с. 79.

38. *Агларов М. А.* Земледельческая округа "мегъ"..., с. 7; *Его же.* Техника сооружения террасных полей..., с. 179; *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Ук. соч., с. 93.

39. *Гаджиева С. Ш., Османов М.-З. О., Пашаева А. Г.* Ук. соч., с. 22-23; Материальная культура аварцев, с. 46.

40. Возникновение и развитие земледелия, с. 130,131,106,111.

41. Материальная культура аварцев, с. 39; *Никольская З. А., Шиллинг Е. М.* Ук. соч., с. 98.

42. *Пиотровский Б. Б., Флитнер Н. Д.* История техники древнего Двуречья // Очерки по истории и техники Древнего Востока. М. — Л., 1940, с. 23-24; *Шмидт Р. В.* О мотыге в античном сельском хозяйстве // Проблемы истории первобытной культуры. Л., 1933, 5-6, с. 45-51; *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора, с. 170; *Ее же.* Сельское хозяйство // Античная цивилизация. М., 1973, с. 26.

43. *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение..., с. 213-214; *Давудов О. М.* Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 111; рис. 5,24.

44. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности, с. 91; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана..., с. 113; *Его же.* Берикейский могильник скифского времени // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Махачкала, 1978, с. 131,135; рис. 3,22; *Его же.* Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985, с. 110-111; рис. 4,2-8,12-20.

45. *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник // МАД, Махачкала, 1961, т. II, с. 149; табл. VIII, 8; История Дагестана, т. I, с. 96.

46. *Ахмедов Г.* Еще одна находка по Ялойлутепинской культуре // Доклады АН АзССР, Баку, 1952, 10, т. 8, с. 572; *Голубкина Т. И.* Четыре кувшинных погребения у Мингечаура раскопки 1950 г.) // Изв. АН АзССР. Баку, 1956, 3, с. 79,85; *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре, с. 25; табл. XXXV, 6-9; *Алиев К.* Ук. соч., с. 206; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 97.

47. *Пиотровский Б. Б., Флитнер Н. Д.* История техники..., с. 27; *Бунятов Т. И.* Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1957, с. 47 и сл.

48. *Семенов С. А.* Происхождение земледелия, с. 272.

49. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 380.

50. *Русов А. А.* Отчет..., с. 543-544; *Котович В. Г.* Проблемы..., с. 157.

51. *Котович В. Г.* К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве..., с. 288.

52. Гуммель Я.И. Курган 2 близ Ханлара//КСИИМК.М., 1949, вып. XXIV, с. 55-58; Ваидов Р.М. Мингечаур в III-VIII вв. Баку, 1961, с. 70.

53. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985, с. 215.

54. Котович В.Г. Ук. соч., с. 285; *Его же*. О хозяйстве..., с. 6,7,11; *Его же*, Шейхов Н.Б. Ук. соч., с. 337,338,345; Мунчаев Р.М. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита //СА, 1955, вып. XXII, с. 20; *Его же*. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА, 100, с. 162; *Его же*. Кавказ на заре бронзового века, с. 379; Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана эпохи бронзы, с. 102; *Его же*. Древнейшее земледелие..., с. 7-12; Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Ук. соч., с. 61-90.

55. Крупнов Е.И. Древняя история..., с. 314.

56. Исламмагомедов А.И. Жилище аварцев в XIX-XX вв. Махачкала, 1965. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 182; Агларов М. А. Андийская группа народностей в XIX — нач. XX. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1965. РФ ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 3, оп. 3, д. 67, с. 151-152; Материальная культура аварцев, с. 151.

57. Мовчан Г.А. Из архитектурного наследия аварского народа//СЭ, 1947,4, с. 186-208; Агларов М. А. Ук. соч.; Гольдштейн А. Ф. Срубные конструкции домостроительства в нагорном Дагестане в XV-XVIII вв. // Зодчество Дагестана. Махачкала, 1974, с. 122,119.

58. Гольдштейн А. Ф. Ук. соч., с. 119,120.

59. Котович В. М. Верхнегунибское поселение, с. 215.

60. Возникновение земледелия, с. 151.

61. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии..., с. 98; Исмизаде О. Ш. Ук. соч., с. 44; Халилов Дж. А. Раскопки на городище Хыныслы..., с. 215; Бунятов Т. А. К истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964, с. 50.

62. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 133.

63. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь..., с. 32-34.

64. Комаров В. Д. Происхождение культурных растений. М. — Л., 1938, с. 166.

65. Букин В. Р. Возникновение садоводства//СА, 1963,2, с. 26-28.

66. Рандхава М. Сады через века. М., 1981, с. 26-28.

67. Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т.Н. Ук. соч., с. 104.

68. Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку, 1940, с. 98; *Его же*. К проблеме археоботаники Закавказья. I. //Сообщение Груз. ФАН СССР. Тбилиси, 1940, т. I, 10, с. 745.

69. Пиотровский Б. Б. Ук. соч., с. 142-147.

70. Букин В. Р. Ук. соч., с. 52-55.

71. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора, с. 187-198; Возникновение и развитие земледелия, с. 135-140.

72. Вавилов Н.И. Ботанико-географические основы селекции//Избр. тр.М. — Л., 1960, т. II, с. 343-348; Жуковский П.М. Культурные растения и их дикие сородичи. Л., 1964, с. 467-468, 516, 517, 520, 531.

73. Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В. Ук. соч., с. 19.

74. Жуковский П.М. Ук. соч., с. 572.

75. Атаев Д.М., Погребова М. Н. Ук. соч., с. 34; Гаджиев М.Г. Древнейшее земледелие и скотоводство..., с. 12.

76. Тревер К.В. Ук. соч., с. 70-72; Алиев К. Ук. соч., с. 213-221; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии..., с. 96.

77. Страбон. XI, 4,3.

78. Смирнов К.Ф. Грунтовые могильники..., с. 179.

79. Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура//Тр. ИЭ. Новая серия. М. — Л., 1949, с. 13; Тревер К.В. Ук. соч., с. 157; Давудов О.М. Сумбатлинский могильник, с. 118,126.

80. Гаджиев Г.А. Верования лезгин, связанные с животными//СЭ, 1977,3, с. 122.

81. Магомедов Р.М., Дзагурова В.П. К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969, с. 20.

82. Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа, с. 91-92.

83. Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1963, с. 111,112; Булатова А. Г. Лакцы: (XIX-нач. XX вв.). Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971, с. 182-183; Гаджиева С. Ш. КумыкИ.М., 1961, с. 324-325; Давудов О.М. Культуры Дагестана..., с. 129-130.

84. Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии... , с. 289-295; *Его же*. О хозяйстве..., с. 11,12.

85. Бредэ К. А. Ук. соч., с. 26.

86. Пикуль М.И. Хабадинский могильник, с. 158.

87. *Ее же*. Эпоха раннего железа, с. 102.

88. Османов М. — З. О. К вопросу о формах скотоводства в Дагестане/ /Мат. сесс. посв. итогам эксп. иссл. в Дагестане в 1973-1975 гг. (Тез. докл.). Махачкала, 1976, с. 15-17; *Его же*. Формы скотоводства в XIX-XX вв. (в связи с регионами видового содержания скота и хозяйственно-культурными типами)//Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX-XX вв. Махачкала, 1977, с. 21-38; *Его же*. Типы хуторского хозяйства и формы скотоводства в Дагестане в XIX-нач. XX в. //Мат. сесс. посв. итогам эксп. иссл. в Дагестане в 1976-1977 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1978, с. с. 16-18; *Его же*. Хозяйственно-культурные типы Дагестана и процессы этнического общения и консолидации // Всесоюзн. сесс., посв. итогам полевых этн. и антр. иссл. 1976-1977 гг (Тез. докл.). Ереван, 1978; *Его же*. О так называемой полукочевой форме скотоводства в Дагестане/ / Всесоюзн. сесс. по итогам этн. иссл. 1980-1981 гг., посв. 60-летию

образования СССР (тез. докл.). Нальчик, 1982, с. 16-18; *Его же*. Транслюмансодна из основных форм скотоводства народов Дагестана // Мат. сесс., посвященная итогам эксп. иссл. Института ИЯЛ в 1980-1981 гг. (тез. докл.). Махачкала, 1982, с. 10-11; *Его же*. О формах и типах скотоводства: (по материалам Дагестана XIX в.) // СЭ, 1984, 6, с. 77-88; *Его же*. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX-нач. XX. Автореф. дисс. докт. ист. наук М., 1985, с. 1-45.

89. История Дагестана, т. I, с. 109.

90. *Золотов К. Н.* Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности // МАД, Махачкала, 1961, т. II, с. 288.

91. *Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Ук. соч., с. 110-111; *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ, 1874, 4, с. 74.

92. *Котович В. Г.* Археологические данные ..., с. 54-61; *Его же, Котович В. М.* О древнем обряде срубных захоронений в Дагестане и на Кавказе // IX Крупновские чтения (тез. докл.). Элиста, 1979, с. 16-17; *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Работы в Прикаспийском Дагестане // Арх. открытия 1971 г. М., 1972, с. 153-154; *Их же*. Утамьшские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 43-60.

93. *Бибикова В. И.* К изучению древнейших домашних лошадей Восточной Европы // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отделение биологии М., 1967, т. 72, вып. 3, с. 113.

94. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Этноисторические исследования. Киев, 1974, с. 95-106.

95. *Мунчаев Р. М.* Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности М., 1973, с. 71-77.

96. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 389.

97. *Османов М.* — З. О. О формах и типах скотоводства: (по материалам Дагестана XIX в.) // СЭ, 1984, 6, с. 86; *Его же*. Формы традиционного скотоводства народов Дагестана в XIX в. Автореф. дисс. докт. ист. наук М., 1985, с. 11-12, 35-36.

98. *Его же*. О формах и типах скотоводства, с. 83-84.

99. *Котович В. Г.* Новые данные..., с. 221.

100. *Османов М.* — З. О. Формы традиционного скотоводства..., с. 13.

101. *Шамиладзе В. М.* Альпийское скотоводство в Грузии. Тбилиси, 1969, с. 161-162; *Гамкрелидзе В. В.* Из истории скотоводства в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сб. Тбилиси, 1968, с. 237-248; *Мкртумян Ю. И.* К изучению форм скотоводства у народов Закавказья /

/ Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX-XX вв. М., 1971, с. 123-128.

102. *Кушнарера К. Х.* Типы поселений эпохи палеолита и истоки урбанизации в Закавказье // Древние города. Материалы к всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". Л., 1977, с. 8-10.

103. *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, с. 82.

104. *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства в Грузии. Тбилиси, 1979.

105. *Османов М.* — З. О. Формы традиционного скотоводства..., с. 38.

106. *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии М., 1982, с. 184. См. также: *Арциховский А. В.* Даты // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933, 7-8, с. 20-29; *Его же*. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях // Проблемы истории докапиталистических формаций. М., 1934, 11-12, с. 35-60; *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси М., 1948, с. 171-181, 363-366; *Тухтина Н. В.* Средневековые славянские гончарные клейма // Тр. ГИМ М., 1960, вып. 37, с. 143-155; *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967, с. 124-128; *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978, с. 23-64.

107. *Крупнов Е. И.* Новый памятник..., с. 222-223.

108. *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования..., с. 262-267.

109. *Его же*. Грунтовые могильники..., с. 207.

110. *Пикуль М. И.* Эпохи раннего железа..., с. 128, 132.

111. Пользуясь случаем выразить глубокую благодарность ст. н. сотрудникам Института геологии Т. Г. Жгенти и М. Е. Слинюку за анализы и консультацию по петрографии, а также лаборантке шлифовальной мастерской С. Г. Михайловой за подготовку шлифов.

112. I группа (шлифы 44, 49, 79, 165, 166, 178 из керамики с Ганзирского поселения) в тонком срезе черепка характеризуется бурым, темносерым и пятнистым (последние имеют четкие контакты) цветом. Основная масса их состоит из тонкочешуйчатого, неравномерно спекшегося железисто-глинистого материала с ориентированным расположением чешуек глинистых материалов. В этой массе довольно равномерно располагается песчано-алевритовая примесь, в количестве 20-25%. Зерна эти угловатоокатанные и угловатые (размеры: 1,0-0,5 мм ед. зер.; 0,5-0,25 мм ед. зер.; 0,25-0,1 мм ед. зер. — 7-10%; 0,1-0,01 мм-15-20%). Минералогически она представлена кварцем, полевыми шпатами, листочками слюды, хлорита, а также многочисленными включениями мелких углистых остатков и

железистых минералов (гидроокиси железа, пирит). В виде единичных зерен встречаются окатанные обломки песчаников и угловатые темные непрозрачные обломки, очевидно, черепков, содержащих зерна кварца и полевых шпатов. В черепках много мелких пустот неправильной округлой или удлинённой формы.

II группа (шлифы 8,10,14,47 из керамики Ганзирского поселения) характеризуется бурым, коричневато-бурым и серым цветами в тонком срезе. Основная масса их изотопная и состоит из серого или бурого материала, слабо действующего на поляризационный свет. В массе ее содержится алеврито-песчаная примесь, которая по количеству и составу аналогична вышеописанным черепкам первой группы, а также большое количество тонкодисперсных и мелких включений железистых минералов и углистых остатков (имеются пустотки).

III группа (наиболее показательный 41 из керамики Ганзирского поселения) характеризуется буровато-серым цветом в тонком срезе. В слабо спекшейся основной массе черепка содержится до 20% гравийно-алевритовой примеси размерами 1,0 мм ед. зер.; 1,0-0,5 мм ед. зер.; 0,5-0,25 мм ед. зер. — 3%. 0,25-0,1 мм ед. зер. — 7%. 0,1-0,01 мм ед. зер. — 10%. Минералогически он имеет преимущественно кварц-полевошпатовый состав. В виде единичных зерен присутствуют окатанные обломки органогенных известняков, угловатоокатанные обломки кварц-полевых песчаников и угловатые обломки черепков с изотопной буроватой глинистой массой, содержащей примесь угловатых зерен кварца алевритовой размерности.

IV группа (шлифы 1,4-6,12,13,15,16,17,46 из керамики Ганзирского поселения) имеет буровато-серый, серый, темно-серый и иногда пятнистый (1,15,42) с резкими контурами цвет в тонком срезе. Основная масса черепков состоит из глинистого материала, слабо действующего на поляризационный свет, в котором содержится 30-35% алеврито-песчаной примеси, размерами зерен 1,0-0,5 мм ед. зер.; 0,5-0,25 мм ед. зер.; 0,25-0,1 мм ед. зер. — 20-25%. 0,1-0,001 мм ед. зер. — 10-15%. Минералогически она представлена, главным образом, угловатыми и угловато-окатанными обломками кварца и полевых шпатов. В большинстве присутствует органика (?), листочки слюд. В виде единичных зерен встречаются обломки кварца-полевошпатовых песчаников и комочки глинистых пород, наблюдаются сгустки органики и мелкие пустотки, которые связаны с органикой. В слоистом черепке шлифа 42 содержится множество волосяных прерывистых трещинок, а также имеются пустотки. В темном прослое образуется плосчайность.

V группа (шлифы 11 из керамики Ганзирского поселения, 25-Хабардинского могильника и 19,35-Мамрашского могильника) в тонком срезе черепков имеется неоднородный буровато-серый цвет. В основной

массе черепков, слабо действующей на поляризационный свет, содержится 20-25% примеси песчано-алевритового материала, представленного кварцем и полевыми шпатами с небольшим количеством органики и неопределимых измененных зерен. Кроме того, присутствуют до 15% угловатых и угловато-окатанных глинистых обломков дробленных черепков. Они различаются, главным образом, по цвету, изменяющемуся от светло-буроватого до черного непрозрачного. Размер обломков колеблется от 0,5 мм до 4 мм. Черепки содержат, кроме того, полевошпатовую примесь-кварц. В виде крупных обломков встречается обуглившаяся древесина. Присутствуют мелкие пустотки. Участками наблюдается плоччатость.

113. Сайко Э. В. Типология керамики средневековых мастеров // Археология и естественные науки. МИА, М., 1965, 129, с. 164.

114. Канивец В.И. Дагестанская археологическая экспедиция в 1956 / Уч. зап. ИИЯЛ Даг ФАН СССР. Махачкала, 1957, т. III, с. 161.

115. Котович В.Г. Новые археологические памятники..., с. 124-126; Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА, М., 1961, 100, с. 23; Его же. Кавказ на заре бронзового века, с. 369, 370, 174; Белоглазова Т. А. Гончарные печи в окрестностях сел. Великент // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981, с. 36-48; Гаджиев М.Г., Маммаев М.М. Исследования Прикаспийской экспедиции // Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 113.

116. Асланов Г. М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур, с. 144-147.

117. Сайко Э. В. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII-XII вв. Душанбе, 1966, с. 194-195; Салтыков А.Б. Русская керамика XVIII-XIX века. М., 1952, с. 22-23; Акунова Л. Ф., Приблуда С. З. Материаловедение и технология производства художественных керамических изделий. М., 1979, с. 90.

118. Сайко Э. В. Ук. соч., с. 194-195.

119. Ионе Г.И. Керамическое производство древнего и средневекового Азербайджана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1958, с. 3-19.

120. Майсурадзе З. П. Типология черных и серых лощеных сосудов грунтовых погребений в Самтавро // Сообщение АН ГрузССР. Тбилиси, 1952, т. XIII, с. 254-255.

121. Маммаев М.М. Ремесло Дагестана албано-сарматского времени, с. 7.

122. Его же. Из истории гончарного производства..., с. 333-345.

123. Ионе Г.И. Об обжигательных печах Мингечаура // ВДИ, 1948, 3, с. 170-171; Его же. О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // МКА, Баку, 1951, т. II, с. 31-79; Его же. Гончарные печи древнего Мингечаура // КСИИМК. М., 1949, вып. XXIV, с. 42-54; Пахомов Е.А. Обследование и

раскопки кувшинных погребений Азербайджана//Изв. Азерб. ФАН СССР, Баку, 1939,3,с. 71; *Пассек Т.С.* Джафарханский могильник//ВДИ, 1946,2,с. 176; *Алиев К.* Ук. соч., с. 234; *Шарифов Д.М.* Раскопки в Ялойлу-Тапа (Нухинский уезд, 1926)// Мат. Азгосмузея. Баку, 1926,вып. 1, с. 7.

124. *Кландадзе А. Н.* Основные результаты Мцхетской археологической экспедиции за 1958 г. //Тез. докл. научн. сесс., посв. итогам арх. иссл. Грузии в 1958 г. Тбилиси, 1958,с. 15.

125. *Сайко Э. В.* Техника и технология..., с. 154-197.

126. *Там же*, с. 184.

127. *Там же*, с. 188.

128. *Арциховский А.В.* Даты, с. 20-29; *Его же.* Археологические данные..., с. 46; *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси, с. 367,438.

129. *Сайко Э. В.* Ук. соч., с. 189.

130. *Рыбаков Б.А.* Ук. соч., с. 438.

131. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 203; *Его же.* Савроматы, с. 108-110; *Его же.* Археологические исследования..., с. 263; *Его же.* Курильницы и туалетные сосудики..., с. 175; *Абрамова М.П.* К вопросу о связях..., с. 47.

132. *Маммаев М.М.* Знаки на керамике..., с. 88-89; рис. 2,1,2,14,17; 4,2.

133. *Его же.* Ремесло Дагестана..., с. 17.

134. *Мхитаров Н. К.* Железная руда//Сокровища недр Северного Кавказа. Пятигорск, 1937,с. 88-92; *Дробышев Д. В.* Геологическое строение Дагестанской АССР и ее полезные ископаемые//Природные ресурсы Дагестанской АССР.М. — Л., 1935,с. 25-26; *Халиф-Заде Ч. М., Аббасова С. М.* Сидеритовые залежи Дагестана. М., 1963; *Рожков Б. Н.* Рудоносность верхней части р. Самур в горном Дагестане // Тр. Всесоюзного геологоразведочного объединения НКТП.М. — Л., 1933,вып. 168; *Гюль К. К. и др.* Физическая география Дагестана. Махачкала, 1959,с. 57-58.

135. *Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа..., с. 88-90; *Давудов О.М.* К вопросу о материальной культуре и производстве..., с. 3-9; *Котович В.Г.* О времени и путях широкого распространения железа на Северном Кавказе//Изв. СКНЦВШ (общественные науки). Ростов н/Дону, 1978,3,с. 17-24; *Криштопа А. Е.* Средневековый очаг металлургии в бассейне Кара-Койсу // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980,с. 231-237; *Котович В. М.* К вопросу о древних разработках сидеритовых руд в горном Дагестане и их первоначальном использовании/ / Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984,с. 28-42.

136. *Гаджиева С. Ш., Османов М. — З. О., Пашаева А. Г.* Ук. соч., с. 44.

137. *Колчин Б.А.* Ук. соч., с. 22-23.

138. *Байков А.А.* Физико-химические основы способов прямого восстановления железа из руд. Производство губчатого железа. М., 1933,с. 19-47.

139. *Гзелишвили И.А.* Железоплавильное производство в древней Грузии. Тбилиси, 1964,с. 22.

140. *Там же*, с. 32-33.

141. *Гаджиева С. Ш., Османов М. — З. О., Пашаева А. Г.* Ук. соч., с. 44.

142. *Байков А.А.* Ук. соч., с. 19-47; *Колчин Б.А.* Ук. соч., с. 22-23.

143. *Шрамко Б.А.* Появление и освоение железа в Восточной Европе/ /Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР // Уч. зап. Харьковского госуниверситета. Харьков, 1965,т. 147,с. 219-227.

144. *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 394; рис. 30,4; *Гаджиев М.Г.* Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы// Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983,с. 11,34; рис. 16,1; *Его же.* О древней металлообработке в Дагестане//Studia praehistorica. Sofia, 1986,8,с. 36,37; рис. 1,1,2,9.

145. *Корневский С. Н.* О металле эпохи ранней бронзы Дагестана// Памятники эпохи раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978,с. 39-45; *Гаджиев М.Г., Корневский С. Н.* Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984,с. 7-27; *Магомедов С. М.* К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III-II тыс. до н.э. // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа (тез. докл.). Махачкала, 1975,с. 26-28; *Его же.* К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане//VI Крупновские чтения в Краснодаре. Археология Северного Кавказа. Краснодар, 1975,с. 35-36

146. *Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана..., с. 159 — 160; *Котович В. М.* Верхнегуньбское поселение..., с. 222-229.

147. *Байков А.А.* Металлургия меди//Собр. тр.М., 1949,с. 54-60.

148. *Котович В. М.* Ук. соч., с. 222-228.

149. *Котович В.Г., Давудов О.М.* О периодизации и хронологии..., рис. 1,36.

150. *Магомедов Д.М., Маммаев М.М.* Новые находки изделий средневекового прикладного искусства из с. Бежта (Капуча)//Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979,с. 180; рис. 2; *Маммаев М.М.* К характеристике..., с. 219-222; рис. 10,3,4.

151. *Шиллинг Е. М.* Литейное производство Дагестана: (Женские пояса с литыми свинцовыми бляшками)//СЭ, 1947,1,с. 126-134.

152. *Барцева Т.Б.* Светлые сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке//СА, 1974,1,с. 16; *Ее же.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1974,с. 28-29.

153. *Магомедов С. М.* К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане//VI Крупновские чтения в Краснодаре. Археология Северного Кавказа (тез. докл.). М., 1976, с. 35.

154. *Селимханов И. Р.* Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970, с. 70-72; *Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Из истории древней металлургии Кавказа. Баку, 1973, с. 150-164; *Бэр К. М.* Откуда добывалось олово, входящее в состав древней бронзы// Древности. Тр. МАО, 1878, т. VIII, вып. 3, с. 234; *Циркин Ю. Б.* "Оловянный путь" и северная торговля Массалии// ВДИ, 1968, 3, с. 96-104; *Маргулан А. Х.* Джекказган—древний металлургический центр (Городище Миль-Кудук) //Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, с. 3-42 155. *Колчин Б. А.* Ук. соч., с. 40, 205.

156. *Черных Е. Н.* Металл-человек-время. М., 1972, с. 183, 188-190, 430.

157. *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского времени..., с. 10-11; *Его же.* К характеристике..., с. 190-194.

158. *Его же.* Ремесло Дагестана..., с. 11.

159. *Гаджиев М. Г., Корневский С. Н.* Ук. соч., с. 9-27; рис. 3; 5; 6; 7.

160. *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура, с. 66 и сл; *Его же.* Литейное производство Дагестана, с. 126-134; *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан..., с. 228-234.

161. *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности..., с. 73, 74.

162. *Дробышев Д. В.* Уголь и горючие сланцы в Дагестанской АССР/Природные ресурсы Дагестанской АССР. М-Л., 1935, т. I, с. 215.

163. *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам, с. 51-53; *Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 77.

164. *Кудрявцев А. А.* Ук. соч., с. 51.

165. *Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М.* Ук. соч., с. 66-67.

166. *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского времени..., с. 16.

167. *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л., 1940, с. 18-19; *Литвинский Б. А.* Орудия труда..., с. 68-69.

168. *Миллер А. А.* Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана//Мат. по этнографии. Л., 1927, т. 4, вып. I, с. 15-76.

169. *Маммаев М. М.* К характеристике..., рис. 1, 11.

170. История Дагестана, т. I, с. 81.

171. *Башкиров А. С.* Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш //Тр. секции археологии РАНИОН. М., 1928, т. 2, с. 118-130; *Дебилов П. М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982.

172. *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 156-157, 162, 163.

173. *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского времени..., с. 15.

174. История Дагестана, т. I, с. 97.

175. *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники..., с. 191; рис. 35, 71, 72.

176. Материальная культура аварцев, с. 73-75; *Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981, с. 15-17.

177. *Верзилин Н.* Растения в жизни человека. Л., 1954, с. 77; *Гаджиева С. Ш.* Ук. соч., с. 22-23.

178. *Гаджиева С. Ш.* Кумыки, с. 77.

179. Материальная культура аварцев, с. 74-76.

180. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане: Курганная группа у станции Манас//СА, 1956, XXVI, с. 159; Очерки истории Дагестана. т. I, с. 13; *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н.э. // КСИИМК, 1946, вып. 13, с. 132; *Петров В. А.* Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок// КСИИМК, вып. VII, с. 43.

181. *Марграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, с. 83-86.

182. *Элиан Кл.* Кн. XVII, Гл. 34.

183. *Пикуль М. И.* Ук. соч., с. 158.

184. *Элиан Кл.* Кн. XVII, Гл. 34.

185. *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского времени..., с. 15.

186. *Геродот.* VII, 67; История Дагестана. т. I, с. 93.

187. *Плутарх.* Помпей. XXXV.

188. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы. Рассы. Культуры. М., 1985, с. 201.

189. Материальная культура аварцев, с. 69-73.

190. *Маммаев М. М.* Ук. соч., с. 17-18.

191. *Синицын И. В.* Древние памятники..., с. 34-37, 76, 79, 100; рис. 11, 3; 11, 6; 13, 3, 2; 29, 3, 7; 36, 8; *Его же.* Археологические исследования..., с. 80, 91, 93, 100, 200; рис. 18, 9; 23, 8, 11; 30а, 4; *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел. Иловатка..., с. 260, 274, 230; рис. 22, 1; 26, 8; 23, 1; *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник//МИА, 1959, 60, с. 480; рис. 53, 15.

192. *Элиан Кл.* Кн. XVII, Гл. 17.

193. *Иессен А. А.* Олово Кавказа//Изв. ГАИМК. М., 1935, вып. 110, с. 102-105; *Кашкай М. А., Селимханов И. Р.* Из истории..., с. 142-148.

194. *Марковин В. И.* Об использовании оловянного камня на Северном Кавказе в древности//Тез. докл. научн. сесс., посв. итогам эксп. иссл. Института ИАЭ и ЯЛИ в 1992-1993 гг. Махачкала, 1994, с. 5-10.

195. *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку, 1938, т. II, с. 9; *Там же*, Баку, 1957, т. VII, с. 23; *Там же*, Баку, 1966, с. 19-21; *Его же.* Античные монеты в Албании: (в пределах Азербайджанской ССР)//Вопросы истории Кавказской Албании.

Баку, 1962, с. 106 — 113; *Казиев С. М., Бабаев И. А.* Раскопки древней Кабалы// Археологические открытия 1967. М., 1968, с. 319; *Бабаев И. А., Казиев С. М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи// Нумизматика и эпиграфика. М., 1971, т. IX, с. 16-32; *Османов Ф. Л.* Материальная культура..., с. 116-119; *Алиев К.* Ук. соч., с. 298-301; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 104.

196. История Дагестана. т. I, с. 112; *Дзагурова В. П.* Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане// Проблемы социально-экономического развития Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1978, с. 29-40.

197. *Гаджиев М. С.* Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада// Памятники древнего искусства. Махачкала, 1990, с. 53.

198. *Виноградов В. Б., Петренко В. А., Мялковский В. А.* К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тысячелетии до н.э. — XIII в.н.э. (Предварительное сообщение)// Археология и вопросы этнической истории. Грозный, 1979, с. 46,53; рис. 4,31.

199. *Виноградов В. Б.* Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 5-8; *Его же.* Судьбы древних монет. Грозный, 1982, с. 18-39.

200. *Пахомов Е. А.* Монетные клады..., вып. I, с. 18.

201. *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 83-84; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 97-98; *Алиев К.* Ук. соч., с. 257-309. Там же литература.

202. *Пахомов Е. А.* Ук. соч., с. 18.

203. *Исмизаде О. Ш.* Ук. соч., с. 77.

204. *Расулова М. М.* Связи Кавказской Албании с античным миром в IV в. до н.э. — III в.н.э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку, 1969, с. 11-12.

205. *Дзагурова В. П.* Монеты Антиоха IV Эпифана..., с. 63-65; *Ее же.* Монеты Антиоха Эпифана..., с. 29-40.

206. *Котович В. Г.* Археологические данные..., с. 54-61.

207. *Лукьяшко С. И.* О караванной торговле аорсов// Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984, с. 161-165.

208. *Манандян Я. О.* Торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древнейших времен (V в. до н.э. — XV в.н.э.). Ереван, 1954, с. 52-59, 96.

209. *Алиев К.* Ук. соч., с. 266-269.

210. *Страбон.* XI, 5,8.

211. *Лавров Л. И.* О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию// СА, 1965, 3, с. 223-225

212. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970, с. 359-360; *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 133-136.

213. *Крупнов Е. И.* О походах скифов через Кавказ// ВССА. М., 1954, с. 186-194; *Его же.* Древняя история..., с. 60-66; *Виноградов В. Б.* О скифских

походах через Кавказ// Тр. ЧИ НИИ ИЯЛ. Сб. статей. Грозный, 1964, т. IX, с. 21-48; *Его же.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, с. 11-25.

214. *Арриан.* VII, 16,1,2.

215. *Страбон.* II, 162.

216. Хождение купца Федотова Котова в Персию. М., 1858, с. 34,70; *Умаханов М.* — С. К. Торговые пути Дагестана в XVI-XVIII вв. // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984, с. 148-162. Там же литература.

217. *Страбон.* XI, 2,3.

218. *Страбон.* XI, 7,3; *Солин Юлий.* XIX, 4,5; *Крузе Ф.* Ук. соч., с. 426, прим. 1; *Тарн В.* Эллинистические цивилизации. М., 1949, с. 220; *Манандян Я. А.* Ук. соч., с. 52-96; *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 43-44; *Ямпольский З. И.* К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю// Тр. Ин-та истории АН Груз ССР. Тбилиси, 1956, т. II, с. 161-180; *Гозалишвили Г. К.* О древнем торговом пути в Закавказье// Там же, с. 150-153; *Лордкипанидзе Д.* О транзитно-торговом пути из Индии к Черному морю в античную эпоху // Сообщение АН Груз ССР, 1957, т. XIX, с. 373-389; *Ваидов Р. М.* Мингечаур в III-VIII вв. Баку, 1961, с. 90 и сл.; *Алиев К.* Ук. соч., с. 274 и сл.

219. *Исмизаде О. Ш.* Ук. соч., с. 78; *Тревер К. В.* Ук. соч., с. 84; *Гадиров В. Ф.* Северные оборонительные сооружения Азербайджана (на основе памятников бывшего Кабалинского магала VI-XIV вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку, 1969, с. 5-8; *Алиев К.* Ук. соч., с. 204.

220. *Хашаев Х.* — М. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961, с. 110.

221. *Малачиханов Б.* К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане: (Материалы по истории нагорного Дагестана)// Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР, Махачкала, 1965, т. XIV, с. 185-187. 222. Очерки истории Дагестана. т. I, с. 102.

223. *Алиев Б. Г.* Каба-Дарго в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1972, с. 82-83.

224. *Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, с. 89-91.

225. *Булатова А. Г.* Лакцы: (XIX-нач. XX вв.). Махачкала, 1971, с. 76-77.

226. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I, с. 464.

227. *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии, с. 19.

228. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953, с.

229. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., с. 254.

230. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи..., с. 75-76.
231. *Периц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П.* История первобытного общества. М., 1968, с. 184-185.
232. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 207.
233. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 170-171.
234. *Гаджиева С.Ш.* Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967, с. 11; *Агаширинова С.С.* Материальная культура лезгин. XIX-нач. XX в. М., 1978, с. 129.
235. *Исламгагомедов А.И.* Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX-XX веках//Уч. зап. ИИЯЛ ДагФАН СССР. Махачкала, 1965, с. 264.
236. *Агларов М.А.* Террасное земледелие Дагестана. (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы)//Studia praehistorica. Sofia, 1986, с. 59; *Его же.* Техника сооружения..., с. 185-188; *Его же.* Поселения и жилища народов андийской группы в XIX-нач. XX в. //Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Сер. обществ. наук. Махачкала, 1966, с. 381; *Его же.* Андийская группа народностей в XIX-нач. XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук М., 1967, с. 14; *Его же.* Очерк этнографии земледелия Южного Дагестана //Дагестанский этнографический сб. Махачкала, 1974, вып. I, с. 206-207.
237. *Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана эпохи бронзы, с. 109-111, 164-166.
238. В кровно-родственной ячейке, оставившей склеп Карабудахкентского I (мог. 38) могильника, одновременно могли жить 7-8 человек. Это подсчитано по формуле, предложенной С.С. Сорокиным $T=K+\frac{P}{L}$, где T-продолжительность функционирования могилы в годах, K-общее число погребенных в могиле, P-средняя продолжительность жизни, принятая за 40 лет, L- число людей, живших одновременно. Из этого выводится $L=K \cdot \frac{P}{T}=39 \cdot \frac{40}{200}=\frac{1560}{200}=7,8$ чел (*Сорокин С.С.* О хронологических формулах и значении термина "могильник"//Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975, вып. 3, с. 20).
239. *Пикуль М.И.* Ук. соч., с. 79-83.
240. *Гаджиев М.Г.* Отчет о работе Гинчинского отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1962 г. Махачкала, 1962 г.
241. *Афанасьев Г.Е.* Большая семья у алан//СА, 1984, 3, с. 66-82.
242. *Агларов М.А.* О родственных группах ГЪАКЪУ у андийцев в XIX в. //Тез. докл. научной сесс., посв. итогам эксп. иссл. Ин-та ИЯЛ в 1982-1983 гг. Махачкала, 1984, с. 19-20.
243. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 206.
244. *Абакаров А.И., Гаджиев М.Г.* Исследование раннесредневековых укрепленных поселений..., с. 129-130.
245. *Там же*, с. 129; *Абакаров А.И.* Типология раннесредневековых

- городищ горного Дагестана//Пятые крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 102.
246. *Новосельцев А.П.* Генезис феодализма..., с. 93.
247. *Массон В.М.* Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа//Ранние земледельцы. Л., 1980, с. 181.
248. *Frankfort H.* Town planning in ancient Mesopotamia//Town planning Review, 1950, v. 21; *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 258.
249. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В.И. Засулич//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 418.
250. Хотя община имела собственность на выгоны и пастбища, все же общинная собственность была придатком частной собственности.
251. *Дьяконов И.М.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей// ВДИ, 1963, 1, с. 16-34; *Косвен М.О.* К вопросу о древневосточной общине. Несколько замечаний на статью И.М. Дьяконова о древневосточной общине. ВДИ, 1963, 4, с. 30-34; *Хазанов А.М.* Община в разлагающихся первобытных общинах и ее исторические судьбы//ВДИ, 1975, 4, с. 5; *Семенов Ю.И.* О стадийной типологии общины//Проблемы типологии в этнографии И.М., 1979, с. 84-88.
252. *Хазанов А.М.* Ук. соч., с. 5.
253. *Хашаев Х.* — *М.О.* Ук. соч., с. 225-237; *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1957, с. 42-50.
254. *Хашаев Х.* — *М.О.* Ук. соч., с. 225.
255. *Семенов Ю.И.* Ук. соч., с. 85.
256. *Там же.*
257. *Дзагурова В.П.* Еще раз о союзах сельских обществ//Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974, т. I, с. 82-89.
258. *Косвен М.О.* Ук. соч., с. 32.
259. *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики И.М., 1965, с. 7-9; *Вебер М.* Аграрная история Древнего мира. М., 1925, с. 143.
260. *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975, с. 267.
261. *Маркс К.* Формы, предшествующие..., с. 465.
262. *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, с. 114; *Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 66-67.
263. *Там же*, с. 67.
264. *Страбон.* XI, 4, 5.
265. *Страбон.* XI, 4, 5.
266. *Хазанов А.М.* Ук. соч., с. 68.
267. *Косвен М.О.* Ук. соч., с. 31-32.
268. *Хазанов А.М.* Община..., с. 8.
269. *Новосельцев А.П.* Ук. соч., с. 82.

270. *Гаджиев В.Г.* Союзы сельских общин Дагестана//Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII-XIX вв. Махачкала, 1981, с. 3-5.
271. *Хашаев Х.* — *М. О.* Ук. соч., с. 239.
272. *Агларов М. А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII-начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М., 1988, с. 187-190.
273. *Магомедов Р. М.* Ук. соч., с. 66-69.
274. *Хашаев Х.* — *М. О.* Ук. соч., с. 240.
275. *Агларов М. А.* Ук. соч., с. 188.
276. *Котович В.Г.* О процессе урбанизации..., с. 78-93.
277. *Кудрявцев А.А.* Город, не подвластный векам, с. 20.
278. *Котович В.Г.* Ук. соч., с. 83-92.
279. *Давудов О.М., Абакаров А.И.* Новые исследования Шахсенгерского городища// Всесоюзная арх. конференция "Достижения сов. археологии в XI пятилетке" (Тез. докл.). Баку, 1985, с. 128-129; *Их же.* Раскопки Шахсенгерского городища//Археологические открытия 1984 г. М., 1986, с. 94-95; *Давудов О.М., Хангишиев Г. Дж.* Памятники предкифского времени около с. Башлыкент// Тез. докл. научн. сесс., посв. итогам эксп. иссл. Ин-та ИЯЛ в 1984-1985 гг. Махачкала, 1986, с. 5-6.
280. *Андреев Ю. В.* Ранние формы урбанизации//ВДИ, 1987, 1 с. 9-10. См. также: *Гуляев В.И.* Города-государства Майя: (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). М., 1979, с. 74-99.
281. *Андреев Ю. В.* Ук. соч., с. 9-10.
282. *Марк К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 45-50.
283. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи..., с. 169-170.
284. *Кудрявцев А.А.* Древний Дербент, с. 42.
285. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 71,75.
286. *Мровели Л.* Ук. соч., с. 25.
287. *Андреев Ю. В.* Ук. соч., с. 10.
288. *Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества// Докл. и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, с. 163-164.
289. *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н.э. //Древний восток. Города и торговля (III-I тыс. до н.э.). Ереван, 1973, с. 31.
290. *Маркс К.* Формы, предшествующие..., с. 466.
291. *Гуляев В.И.* Ук. соч., с. 19.
292. *Массон В. М.* Раннеземледельческие общества и формирование поселений городского типа //Ранние земледельцы. Л., 1980, с. 181; *Childe V. G.* The urban revolution// Town planning Review, 1950, v. 21; *Adams R. Mc. C., Nissen H. J.* The Uruk countryside. Chicago-London, 1972.
293. *Frankfort H.* Op. cit.
294. *Childe V. G.* Op. cit.
295. *Беленецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Ук. соч., с. 258.
296. *Массон В. М.* Ук. соч., с. 181.
297. *Тревер К.В.* Ук. соч., с.
298. *Корюн.* Жизнеописание Месропа//Collection des historiens anciens et modernes de l'Armenie par V. Langlois. Paris, 1969, t. II, p. 10.
299. *Евтропий.* Краткая история Рима. Кн. VI, Гл. 14; *Оросий.* Кн. VI, Гл. 4,8; *Аппиан.* Гл. 117, Гл. 103.
300. *Юлий Капитолин.* Два Валериана. 7.
301. Советская историческая энциклопедия. т. 4, с. 544-545.
302. *Акопян А.А.* Связи Армении и Кавказской Албании и Парфией: (Градостроительство и архитектура)//СА, 1979, 4, с. 26-39.
303. *Тирацян Г.А.* К вопросу о градостроительной структуре и топографии древнего Вагаршапата//ИФЖ. Ереван, 1977, 2, с. 91-92; *Акопян А.А.* Ук. соч., с. 28-31.
304. *Апакидзе А. М.* Результаты археологического изучения античных городов // Античный город. М., 1963, с. 151.
305. *Котович В.Г.* О процессе урбанизации..., с. 82-83.
306. *Халилов Дж. А.* Материальная культура..., с. 164-176; Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 94-96.
307. *Андреев Ю. В.* Ук. соч., с. 6.
308. *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма..., с. 148.
309. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 86.
310. *Страбон.* XI, 4,6.
311. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 60.
312. *Там же,* с. 61,86-87.
313. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 201-203; *Пиккуль М.И.* Ук. соч., с. 171; *Гаджиев М. С.* К социальной интерпретации некоторых погребений..., с. 44-58.
314. *Атаев Д.М.* Археологические исследования в Дидо, с. 288; Его же. Нагорный Дагестан..., с. 123.
315. *Абрамова М.П.* Большой Буйнакский курган, с. 70-73.
316. *Тейлор Э.* Первобытная культура, с. 280-282.
317. Материалы были показаны мне в Баку сотрудниками Института истории АН Азербайджана Дж. А. Халиловым и И. Бабаевым, за что выражаю им большую благодарность.
318. *Котович В.Г., Магомедов М.Г., Маммаев М.М.* Ук. соч., 121.
319. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. — Л., 1973, с. 19-21.
320. *Агларов М. А.* Ук. соч., с. 140.
321. *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма..., с. 122-123.
322. *Смирнов К.Ф.* Грунтовые могильники..., с. 175-183, 206-207.

323. *Моисей Каланкатуйский*. История агван, Кн. II, Гл. 4; *Моисей Хоренский*. История Армении. Кн. II, Гл. 6.
324. *Моисей Каланкатуйский*. История агван, Кн. I, Гл. 4.
325. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 150; *Алиев К.* Ук. соч., с. 310-311; *Ямтольский З.И.* Древняя Албания III-I вв. до н.э. (в связи с вопросом о происхождении древней храмовой собственности на основе первобытнообщинного строя). Баку, 1962.
326. *Страбон*. XI, 4,7.
327. *Утченко С. Л., Дьяконов И. М.* Социальная стратиграфия древнего общества//XIII Международный конгрессе исторических наук. Доклады конгресса. М., 1973, с. 129-149.
328. *Стам С. М.* К проблеме города и государства в раннеклассовом и феодальном обществе//Город и государство в древних обществах. Л., 1982, с. 97.
329. *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма..., с. 65-69. См. также: *Коранишвили Г. В.* Докапиталистический способ производства. Тбилиси, 1988, с. 55-58; *Струве В. В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока // Изв. ГАИМК, 1934, вып. 77, с. 32-11, 157-181.
330. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 61, 87.
331. *Меликишвили Г.А.* Характер социально-экономического строя на древнем Востоке: (Опыт стадийно-типологической классификации классовых обществ) // Народы Азии и Африки И.М., 1972, 4, с. 55; *Его же*. К вопросу о характере древнейших классовых обществ//Вопросы истории. 1966, 11, с. 65-80; *Его же*. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ // История СССР. 1975, 6, с. 44-65; *Его же*. Некоторые аспекты вопроса о социально-экономическом строе древних ближневосточных обществ // ВДИ, 1975, 2, с. 18-45.
332. *Новосельцев А. П.* Ук. соч., с. 88-171.
333. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 113.
334. *Геродот*. III, 97.
335. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 113.
336. *Тревер К.В.* Ук. соч., с. 145; *Алиев И., Османов Ф.* Бассейн рек Геокчай-Гирдманчай — Ахсучай в античное время (Предварительное сообщение)// СА, 1975, с. 201; *Алиев И.Г., Асланов Г. М.* К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления// Мат. по археологии и древнейшей истории Сев. Осетии. Орджоникидзе, 1975, с. 75.
337. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии, с. 113-114.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение археологических памятников Дагестана с привлечением письменных источников позволило воссоздать этно-культурную и социально-экономическую историю края III в. до н.э. — IV в. н. В ходе этой работы удалось в какой-то степени решить многие частные актуальные проблемы местной истории. Основной вывод, сделанный в ходе сравнительно-типологического анализа археологических памятников — это наличие в Дагестане отдельной археологической культуры албанского времени, охватывавшей территорию Дагестана, включая Терско-Сулакское междуречье. В более широком плане эта культура входит в историко-культурную общность, совпадающую с пределами Кавказской Албании. Ее характеризуют более 40 бытовых и 19 погребальных памятников.

Поселения и городища расположены на таких местах, где в сочетании представлены благоприятные физико-географические условия для ведения многоотраслевой экономики, основанной на земледелии, скотоводстве и различных ремеслах. Памятники расположены вблизи от коммуникаций, но на труднодоступных местах, облегчавших возведение трудоемких и дорогостоящих фортификационных сооружений и защиту населения от нападения. Одни из этих поселений укреплены обводными оборонительными стенами и имеют внутри укрепленной территории цитадели. Размеры таких поселений достигают 22-23 га, другие — укреплены только обводными оборонительными стенами — они достигают 6-10 га, а третьи не имеют никаких укреплений — их размеры меньше или равны размерам поселений второго типа.

Фортификационные сооружения отличаются высоким уровнем развития. Стены, воздвигнутые вокруг поселений и достигавшие до 1,85-2,3 м толщины, сложены по технике панцирной кладки с забутовкой межпанцирного пространства мелким камнем и глиной. При возведении цитаделей строители максимально использовали особенности рельефа. Их стены делают крутые повороты, создавая уступы, позволявшие вести фланговый обстрел околостенного пространства. В систему стен введены прямоугольные башни. Такие же башни характерны для фортификационных комплексов Армении и Иберии.

Архитектура жилых и общественных сооружений также отличается

высоким уровнем развития. Дворцовые и храмовые сооружения расположены в привилегированной зоне. На Таргунском городище остатки дворцового или храмового комплекса расположены на территории цитадели. Они представляли собой сооружение в форме вытянутого четырехугольника с портиком и колоннадой, от которой сохранились одна квадратная и пять каннелированных, барабанообразных баз, расположенных попарно и в ряд. Сами колонны, видимо, были деревянными. Такие деревянные колонны характерны для кавказской и парфянской архитектуры. Остатки внушительного дворцового комплекса изучены в восточной части Дербента. На всех бытовых памятниках изучены остатки жилых и хозяйственных сооружений рядовых граждан. В основном все строения каменные. Но иногда в предгорном и равнинном Дагестане в систему каменных стен включены турлучные конструкции (Ганзир). Встречаются здания, целиком возведенные из турлучных конструкций. Жилые сооружения простых людей представляли собой одно- и двухкомнатные дома с огражденными дворами. Для их интерьера характерны очаги, расположенные у стен. Иногда околоочажное пространство вымощено каменными плитами (Ганзир, В. Лабкомахи). В помещениях и дворах найдены печи и тондыри, а также большое количество мусорных ям.

На Урцекском городище выявлена площадь, связанная с общественной, политической и хозяйственной жизнью населения. В селениях Дагестана до сих пор сохранились такие площади, известные под названием "годекан", "учар", "каву" (анд.) и т.д. Этим последним названием на андийском, аварском и др. языках обозначаются ворота. В этой связи отметим, что центр управления городов Ближнего Востока располагался у городских ворот.

Для погребальных памятников характерны грунтовые могилы, каменные ящики и склепы. Все они являются сугубо местными погребальными сооружениями. Однако, такая черта грунтовой могилы, как узкая, прямоугольная форма, связанная с вытянутыми погребениями, нам кажется привнесенной. Каменные ящики, известные с глубокой древности в приграничных районах Дагестана и Чечни, с начала I тысячелетия н.э. получают широкое распространение. С этими погребальными сооружениями связаны различные позы умерших - скорченные на левом и правом боку, полускорченные и вытянутые на боку, вытянутые на спине с разными положениями рук и ног, скорченные на спине, ничком, сидячие, а также вторичные погребения и погребения отдельных черепов. Ориентация погребенных неустойчивая, но в подавляющем большинстве случаев они обращены на восток, юго-восток и северо-запад. Под костяками встречаются следы подстилки, иногда вымостка из каменных плит. Около костяков обнаруживаются угольки, а иногда мел.

Важным элементом погребального обряда являются захоронения коней или их атрибутов и собак. Как правило, в могилах встречаются остатки заупокойной пищи (кости крупных и мелких животных). Погребенным сопутствуют разнообразные орудия труда, предметы вооружения и конской упряжи, украшения, культовые изделия, а также керамические сосуды.

Керамика, представленная разнообразными кухонными, столовыми, тарными и культовыми сосудами, отличается высоким качеством и развитыми формами. Кухонная керамика (толстостенные обмазанные и заглаженные горшки, высокие и приземистые баночные сосуды, миски, плошки, сковороды) сохраняет устойчивые традиции, восходящие к глубокой древности. Она вся вылеплена от руки и существует наряду со стандартной кружальной керамикой. Столовая керамика представлена тонкостенными серыми лошеными и красными ангобированными мисками, кувшинами, горшками, вазами разных типов и видов. Серая лошенная керамика появляется в Дагестане с XII в. до н.э. и бытует довольно продолжительное время. В албанское время она отличается особенно высоким качеством, тонким черепком, равномерным обжигом и однородным составом теста. Красная ангобированная керамика появляется в Горном Дагестане в начале I тысячелетия н.э. и получает широкое распространение по краю со II-III вв. н.э. Среди ритуальных сосудов имеются разные типы курильниц и зооморфных сосудов, а также миниатюрных кувшинов, мисок, горшков и т.д. Тарная керамика представлена характерными формами крупных сосудов со вздутым туловом и коротким цилиндрическим, иногда с расширяющимся кверху горлом и тщательно отделанным венчиком. Некоторые из них снаружи украшены штриховкой, но в основном их поверхность аспидно-серая, шероховатая или лошенная, но без узора.

Особенно высоким уровнем производства отличаются изделия торевтики, особенно ярким образцом торевтики является чеканное блюдо с чернью и позолотой. Найдены деревянные сосуды, выточенные на токарном станке, плетенные емкости, характеризующие растущую специализацию в ремесле.

Все вышеупомянутые жилые и хозяйственные, общественные и фортификационные сооружения, погребальные комплексы и обряд, а также инвентарь характеризуют местную дагестанскую археологическую культуру. Помимо вышеперечисленных изделий своеобразие местной материальной культуры, как сложные процессы, связанные с развитием экономики и социального организма общества документируют разнообразные мечи и кинжалы, наконечники копий и стрел, булавки, фибулы, зеркала, целый набор украшений и др. предметы.

В составе дагестанской археологической культуры албанского времени

выделяются локальные варианты со своими преобладающими признаками: терско-сулакский, прикаспийский, южнодагестанский, табасаранский, горный, долины Казикумухского Койсу, Левашинского плато. В пределах этих локальных вариантов жили различные дагестанские племена, известные нам по письменным источникам. Одновременно выделяется территория, покрытая курганными могильниками, оставленными сармато-аланскими кочевниками, проникшими в Прикаспийский Дагестан. Местная культура оседлых земледельцев и привнесенная культура кочевых ираноязычных сармато-аланских племен, несомненно взаимообогащались в результате экономических и культурных контактов.

Этно-культурная интерпретация памятников тесно связана с социальной и экономической интерпретацией, обусловленной географическими факторами. Территория Дагестана характеризуется равнинами, плодородными речными долинами и горными системами, позволяющими развивать многоотраслевое хозяйство, основанное на земледелии и скотоводстве.

Земледелие в дагестанской экономике играло важную роль. Основным пахотным орудием было рало-традиционное орудие земледельцев Дагестана, устройство которого позволяет перевернуть пласт земли с растительностью и тем самым восстановить плодородие почвы и очистить ее от сорняков, а также закрыть засеянные злаки. О высоком уровне культуры земледелия свидетельствуют террасные поля. В зависимости от условий местности употреблялось орошение с использованием системы каналов. Иногда воду перебрасывали через пересеченные места, используя для этого трубы и желобки. В местах недоступных для орошения употреблялось богарное земледелие. Культивировали ячмень, пшеницу, лен и др., остатки которых встречены на памятниках Дагестана III в. до н.э. — IV в. н.э. (Урцеки, Шаракун, Сиртич, Ганзир и др.). В горно-долинных, предгорных и плоскостных районах разводили виноград. Довольно широкое развитие получило садоводство, занятие которым также предполагает орошение. На памятниках Дагестана обнаружены крупные сосуды, предназначенные для хранения зерна и вина (Тарки, Карабудахкент, Урцеки, Чичикар, Верхнее Лабкомахи и т.д.), а также хозяйственные ямы.

Другой важной отраслью хозяйства было скотоводство. В составе стада известны крупные и мелкие животные (козы-овцы, свиньи, коровы и т.д.). Среди остеологических материалов имеются кости собаки, охранявшей крупные стада. Значительное место занимало и коневодство. Соотношение костей крупных и мелких животных и система кормообеспечения позволяют выделить хозяйственно-культурные типы, соответствовавшие предгорной зоне с абсолютным преобладанием крупного скота, горам с преобладанием крупного скота и

предположить существование высокогорий с преобладанием мелкого скота. Во всех археологических памятниках в изобилии встречаются сосуды для хранения и разлива молока, маслостойки, сосуды для сыроварения и процеживания.

Высокого уровня достигли ремесла, наиболее важными из которых являлись керамическое производство, металлургия и металлообработка. Памятники Дагестана позволили изучить керамические печи. Около жилища Ганзирского поселения найдено большое количество бракованных керамических сосудов и даже обломки необожженного кувшина. Прогресс в керамическом производстве выражался в знании мастерами сложной технологии производства, в употреблении одно- и двухъярусных керамических обжигательных печей, позволявших получать равномерный обжиг черепка, чистый аспидно-серый или красный (ангобированный) цвет. Употребление гончарного круга дало возможность получить прибавочный продукт путем поставки стандартизированной продукции на внешний рынок. Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о специализации гончарного производства.

На базе местных природно-географических богатств широкое развитие получают добыча и обработка черных металлов, продукция которых широко представлена разнообразными орудиями труда, оружием и украшениями. С самого начала их специализация была обусловлена трудоемкостью производства, сложностью техники и технологии, требовавших глубоких и разносторонних знаний, необходимостью овладения разнообразными навыками по обработке продукции путемковки, кручения, сварки, термической обработки (закалки, науглероживания) и т.д. Среди археологических материалов широко представлены ювелирные изделия, изготовленные в самой разнообразной технике. Широкое развитие получила торевтика. Такие изделия характеризуют не только высокий уровень этого узко специализированного ремесла, но и тонкий художественный вкус мастеров и потребителей. С ювелирным искусством тесно связана обработка полудрагоценных камней. Широкая добыча и обработка горных пород-песчаника и ракушечника связана со строительным делом, специализацию которого документируют остатки дворцовых и храмовых комплексов, фортификационных сооружений. Со строительством связана и обработка дерева, изделия из которого шли на удовлетворение повседневных потребностей экономики и быта. Специализируются и другие отрасли ремесла, в том числе обработка кожи, кости, ткачество и др.

Развитие ремесла, земледелие и скотоводство нуждались в сбыте излишков продукции и приобретении тех предметов, которых не производили на месте или в данном хозяйстве. Это стимулировало торговлю. Дагестанская торговля была

тесно переплетена с международной торговлей, коммуникации которой проходили по Прикаспийскому Дагестану. К этой дороге приурочены многие клады, найденные в Шараунской долине (Сулейман-стальский район), разнообразные сосуды, произведенные в закавказских мастерских, фибулы, зеркала и украшения из Причерноморья и других регионов. В Дагестане функционировали и другие пути, связывали внутренние рынки между собой и с рынками Закавказья и Северного Кавказа.

Занятие населения определяло социальную структуру общества. Основу общества составляли простые земледельцы, скотоводы, ремесленники и торговцы, объединенные в соседские общества. Обычно такие общины имели свою территорию, члены общины имели частную собственность на пахотные и сенокосные угодья, на двор, скот, орудия труда и т.д. при общинной собственности на пастбища. Члены общины имели равные права на пользование общинной собственностью и на ее защиту. Органы управления общин состояли из Совета старейшин и народного собрания. Такие общины характерны для раннеклассовых обществ и являлись частью более крупного социального организма. С соседскими общинами связаны поселения, многие из которых были укреплены фортификационными сооружениями. Именно укрепления свидетельствуют об определенной обособленности таких общин. Обычно укрепленные и неукрепленные поселения располагались компактными группами вокруг наиболее крупных укрепленных населенных пунктов с цитаделями. Это является показателем связи между общинами, т.е. показателем былого существования особого более крупного социального организма-союза общин с центром в наиболее крупном населенном пункте, где проживали жители самой могущественной и многочисленной общины, вокруг которой объединялся союз. Именно такой принцип расселения-расположения мелких населенных пунктов вокруг крупных городов (полисов) отмечено по К. Птолемею в Кавказской Албании. Существование союзов общин документируют и другие факторы, на которые обратил внимание М.Г. Гаджиев, а именно-разветвленная сеть дорог между поселениями, единство архитектурных, планировочных и фортификационных решений, наличие специальных башен, обеспечивавших связь между общинами и некоторые явления культурной интеграции. Управление Союзов общин состояло из военачальника, Совета старейшин и народного собрания. Народные дружины, сформированные вначале по тухумному принципу, позже трансформируются позже в вооруженные силы, объединенные вокруг удачливого предводителя.

Общины состояли из тухумов, расселенных на территории поселений по соседскому принципу. В один тухум входило несколько патронимий, связанных

между собой родственными узами и солидарных при ведении хозяйства и общественной жизни. В патронимии входило несколько неразделенных семей, состоявших из брачных пар с их женатыми сыновьями и из малых семей.

Центры Союзов общин соответствовали городам. Наиболее крупные городища с питаделями албанского времени, вокруг которых были сосредоточены компактные группы укрепленных и неукрепленных поселений, в дагестанской археологии принято рассматривать в качестве городов. Для них характерны признаки, которые вообще свойственны для городов, а именно: дворцовые и храмовые комплексы; оборонительные стены, окружавшие все поселение; обособленные от поселений цитадели, расположенные в привилегированной зоне. На таких поселениях встречены мощенные улицы и дренажная система для отвода воды и т.д. Все эти признаки в сочетании сформируются на дагестанских памятниках к концу I тысячелетия до н.э. Начало их относится к скифскому времени, когда вокруг наиболее важных населенных пунктов для защиты от угрозы внешней опасности появляются оборонительные стены. Размеры таких городищ албанского времени позволяют вместить 5-8 тысяч и более людей. Это количество населения вполне соответствует норме древнего города. Это были обычные для Востока политико-административные, торгово-ремесленные и земледельческие центры.

Структура городов с обособленными цитаделями, с многокомнатными дворцовыми и храмовыми комплексами, богатые погребальные сооружения среди сравнительно бедных и безинвентарных могил свидетельствуют о далеко зашедшем процессе социальной стратификации общества. С многокомнатными дворцовыми и храмовыми комплексами и богатыми захоронениями связана социальная верхушка общества. К ним относятся и всаднические погребения. Наиболее многочисленные рядовые погребения и одно и двухкомнатные жилища, принадлежавшие простым общинникам. Безинвентарные могилы насильственно умершвенных людей, захоронения отдельных черепов рядом с погребениями более богатых умерших и составляющие небольшую долю среди погребенных, принадлежали рабам. Первая группа соответствует классу людей, владеющих средствами производства, но не занятых производительным трудом и эксплуатирующих труд других; вторая-классу людей, владеющих средствами производства и занятых производительным трудом, а третья-классу людей, не владеющих средствами производства, но занятых производительным трудом. Эта универсальная раннеклассовая структура, характерная как для античного, так и для древневосточного мира.

Проблема социальных отношений Кавказской Албании, в том числе и Дагестана, до сих пор не решена. Она связана с решением этого же вопроса во

всем Закавказью, где во всех регионах существовали более или менее одинаковые формации. Одни ученые определяют их как раннеклассовые, другие, только как показатель "азиатского способа" производства, стоявшего на стадияльно более низком уровне, чем античное рабовладельческое общество, третьи как рабовладельческое общество при наличии патриархального, домашнего рабства). Г.А. Кошеленко аргументирует вывод о рабовладельческом характере закавказских обществ их сходством с аналогичными парфянскими и римскими формациями. Действительно, Кавказская Албания, испытала на себе влияние Рима, а с конца I в.н.э. на албанском престоле сидел представитель аршакидской династии. Эти обстоятельства не могли не сказаться на характер албанской общественной формации, соответственно и на дагестанской, входившей в ее состав.

В заключении следует отметить, что в Албании к IV-II вв. до н.э. сформировался основной институт политической системы в виде общества. Это было государство, возглавляемое царем, организующее, направляющее и контролирующее деятельность и отношения социальных групп с армией и ее иерархией военачальников разных рангов и уровней (конницей и пещих воинов). Для этого государства были характерны остатки военной демократии при достаточно деспотической форме правления. Главным образом, оно осуществляло функции устройства "общих дел" в сообществе свободных и подавления в крайних случаях несвободных. Вождизм, унаследованный от первобытных форм, закрепляется в монархических формах, заимствованных из Ахеменидского Ирана и аршакидов. Эта форма соответствует I этапу развития универсальной формы государственности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

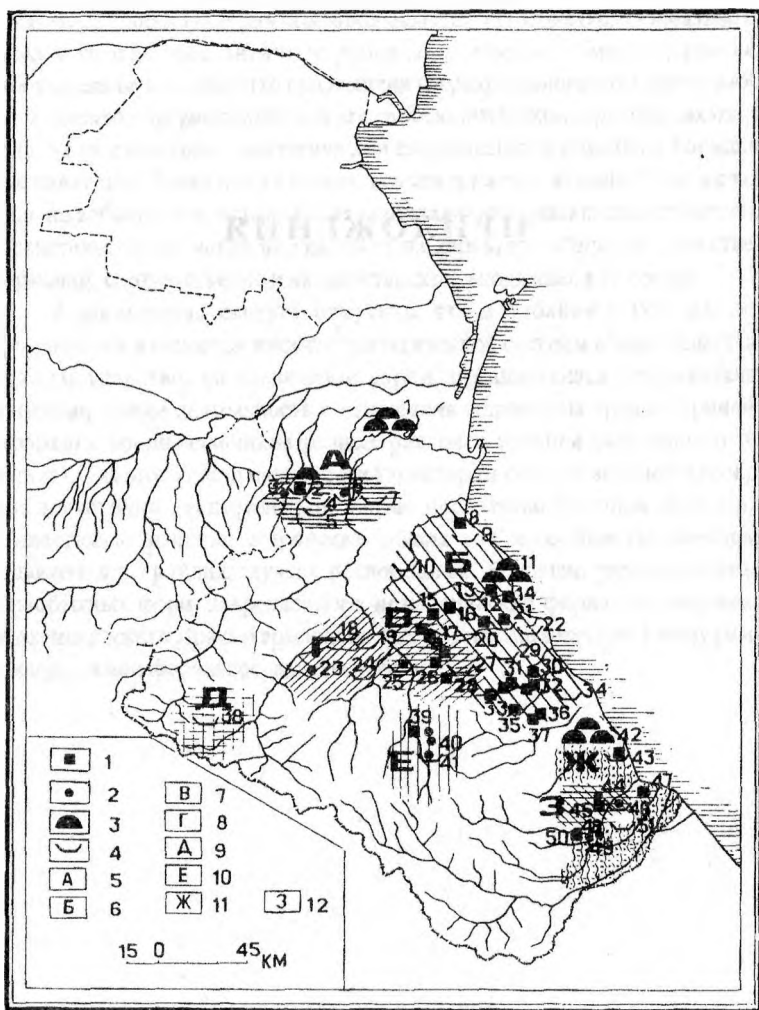

Рис. 1. Карта археологических памятников Дагестана албанского времени.

1-городища, 2-поселения, 3-курганы, 4-могильники, А-памятники Терско-сулакского междуречья, Б-памятники Прикаспийской территории, В-памятники Левашинского плато, Г-памятники горного Дагестана, Д-памятники высокогорной зоны, Е-памятники долины Казикумухского Кайсу, Ж-памятники южного Дагестана, З-памятники Табасарана.

1-Львовские курганные группы; 2-Андрейяульские городище, могильник и курганы; 3-Новолакское поселение и могильник; 4-Ленинаульский могильник; 5-Дылымский могильник; 6-Бавугайское поселение и могильник; 7-Верхнечирюртовский могильник; 8-Махачкалинское городище; 9-Таркинский могильник; 9а-Большой Буйнакский курган; 10-Зеленоморско-Манасская группа курганов; 11-Ингилистюбинское городище; 12-Карабудахкентское I-III могильники; 13-Генторунское городище; 14-Какамахинское городище; 15-Какашуриное городище; 16-городища Левашинского плато (Охлинское, Меседил-мицир, Сукара, Ахкентское, Кулецминское I-II и др.); 17-Гоцатлинский могильник; 18-Маалибский могильник; 19-Шамшахарское городище; 20-Урцекское городище и могильник; 21-Количайский могильник; 22-Тидибский могильник и поселение (Гинчинское II поселение и Цархигоцинский могильник); 23-Хабадинский могильник; 24-Купшинское поселение; 25-Ходжалмахинский могильник; 26-Тарланкакский могильник; 27-Верхнелабкомахинское городище; 28-Алхаджикентское Гаюр-кала городище; 30-Таргунское городище; 31-Маммаульское городище; 32-Кичигамирское I-II городища; 33-Эскиюртское городище; 34-Токачи городище; 35-Янгикентское городище; 36-Гяуркалинское городище; 37-Курклинский могильник; 38-Цыйшинский могильник; 39-Вихлинский могильник; 40-Сумбатлинское поселение и могильник; 41-Дербентская курганная группа; 42-Дербентское городище и могильник; 43-Ганзирское поселение; 44-Чичикарское городище; 45-Сиртичское поселение и городище; 46-Белиджинское городище; 47-Алкадарское поселение; 48-Юхаристальское поселение; 49-Цмурское городище; 50-Мамрашский могильник; 51-Шаракунский могильник

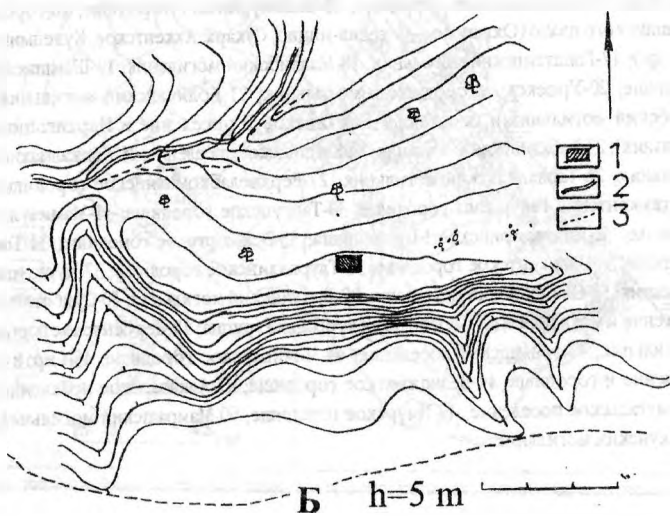
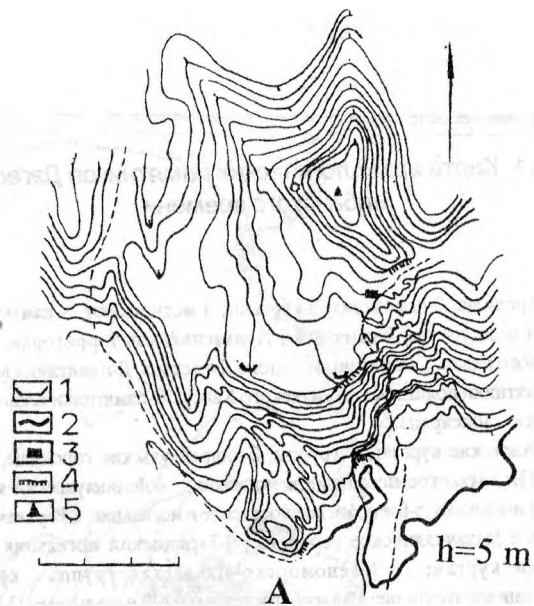

Рис.2. Планы Сиртичского (А: 1-погребение, 2-речка, 3-раскоп, 4-обрыв, 5-находка) и Ганзирского (Б: 1-раскоп, 2-дорога, 3-древняя дорога) поселений.

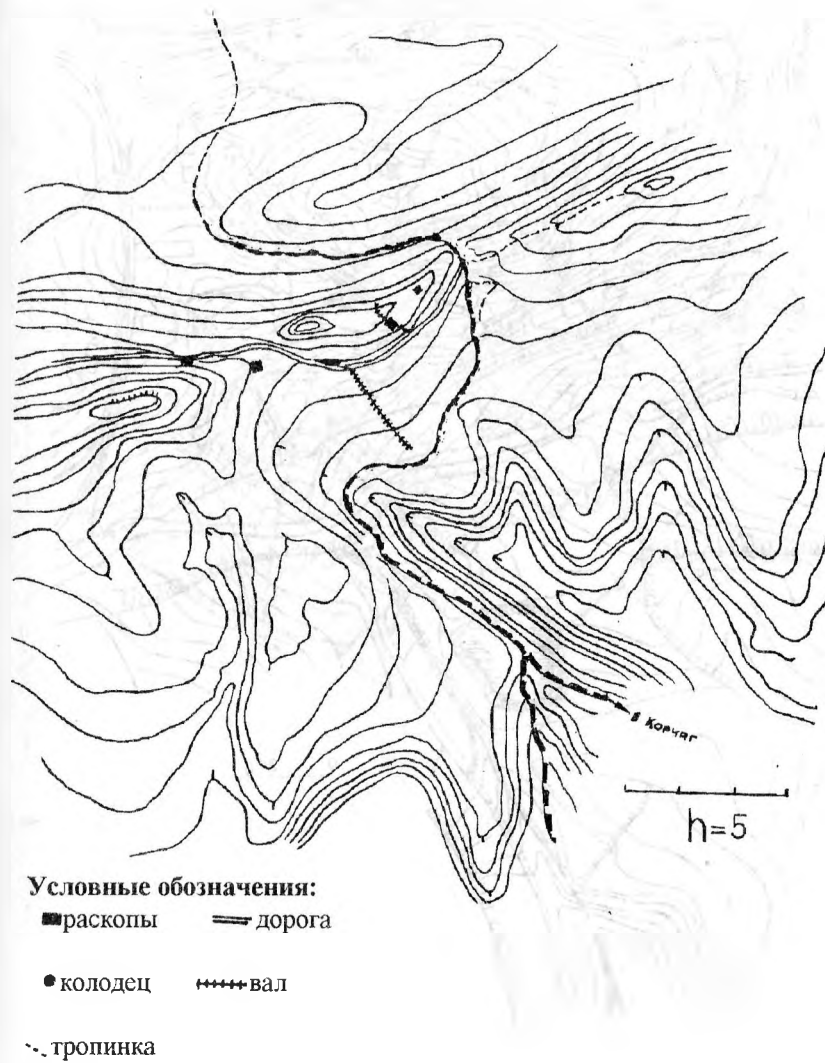

Рис.3. Городище Чичикар.

Рис.4. План Верхнелабкомахинского городища.

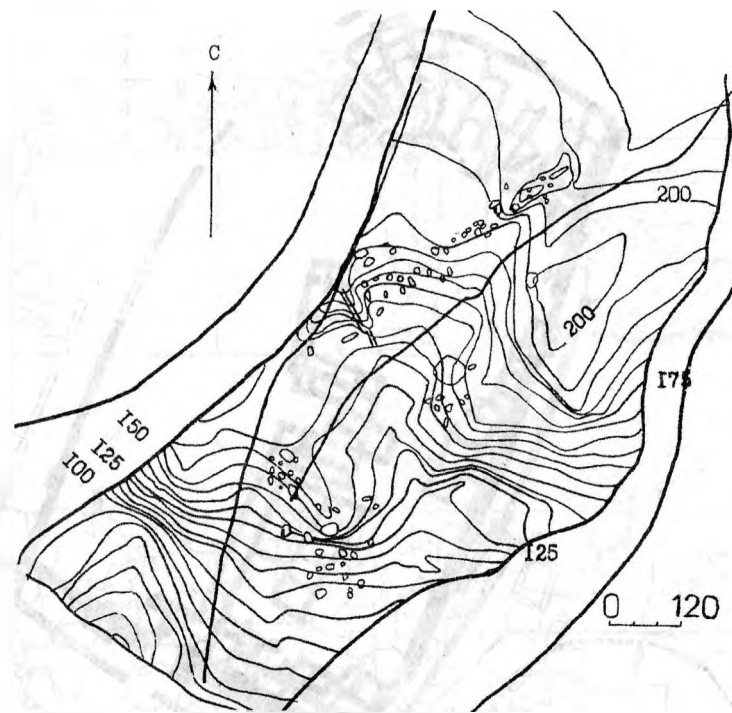

Рис.5. План Цыйшинского городища.

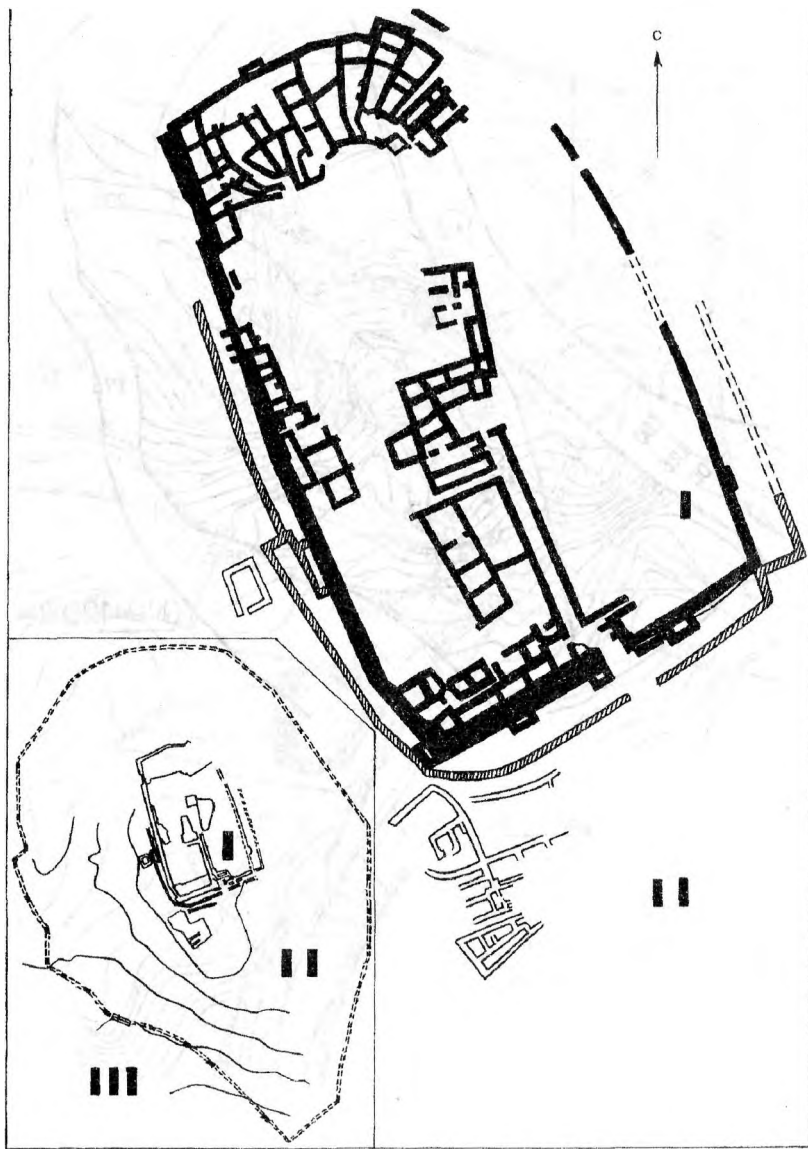

Рис.6. План Урцекского городища.
I-цитадель, II-укрепленное городище, III-сельхозокруга.

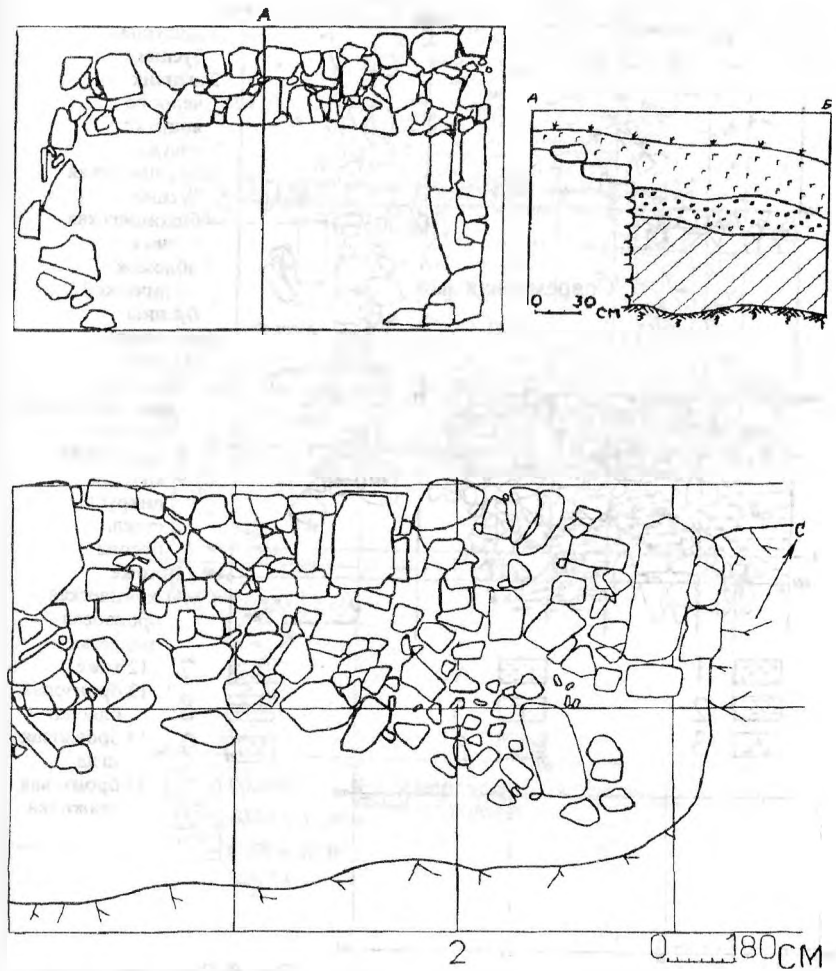

Рис.7. Остатки жилого помещения (1) и оборонительной стены (2) Цыйшинского городища.

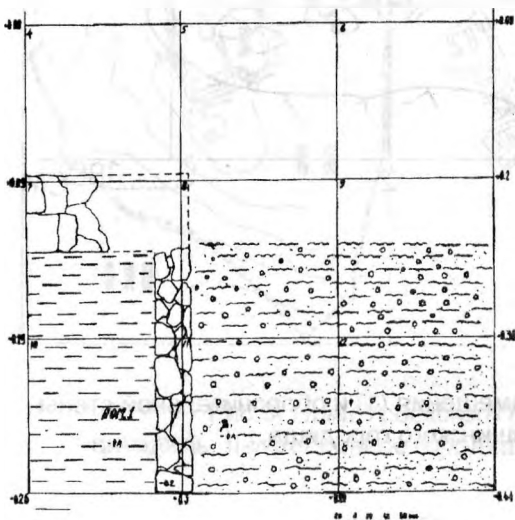

Рис. 8. Строительные остатки Верхне-лабкомахинского городища.

Раскоп I. Помещения 1-4. (1-обожженная глина, 2-обожженная глина с углем, 3-скопления керамики, 4-глина, обмазка пола помещения, 5-номера находок, 6-уголь с золой, 7-золистая супесь с гравием, 8-стена, 9-гравий.

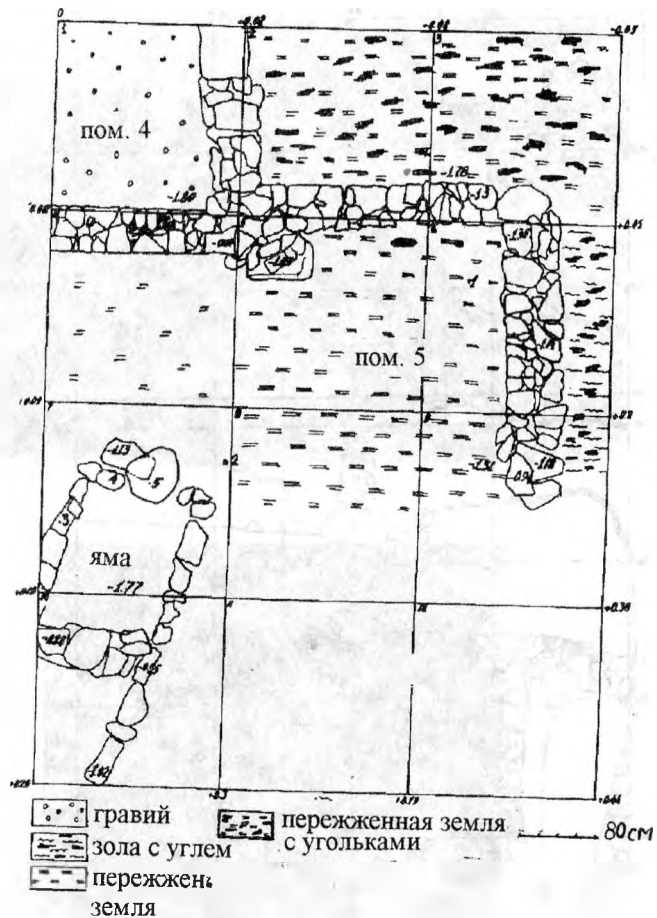

Рис. 8а. Строительные остатки с раскопа 1 Верхне-лабкомахинского городища. Помещения 4-5.

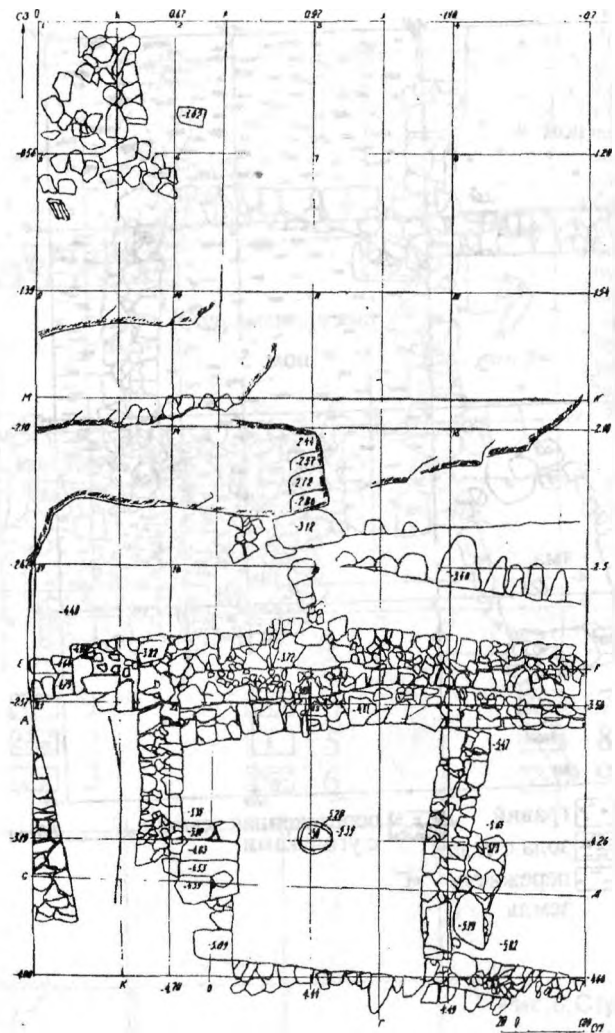

Рис.9. Строительные остатки со второго раскопа Верхнелабкомахинского городища. Жилой комплекс и улица.

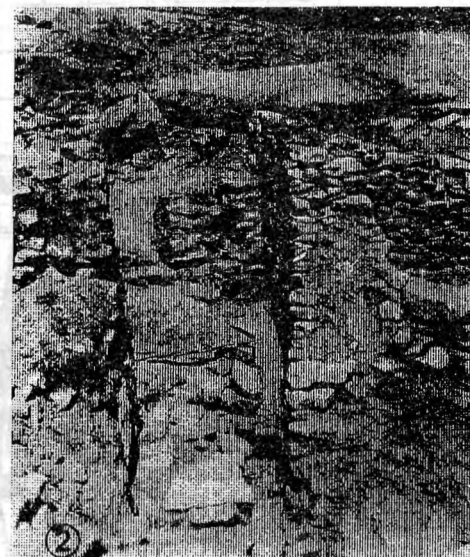
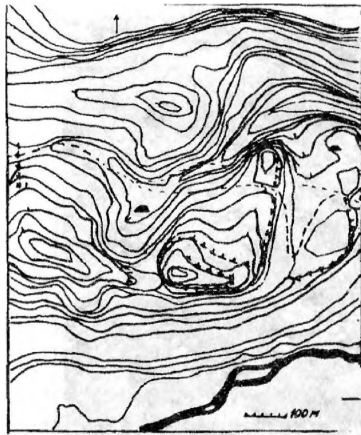

Рис.10. Остатки строений раскопа II Верхнелабкомахинского городища. Помещение (1) и улица (2).

План городища Таргу.

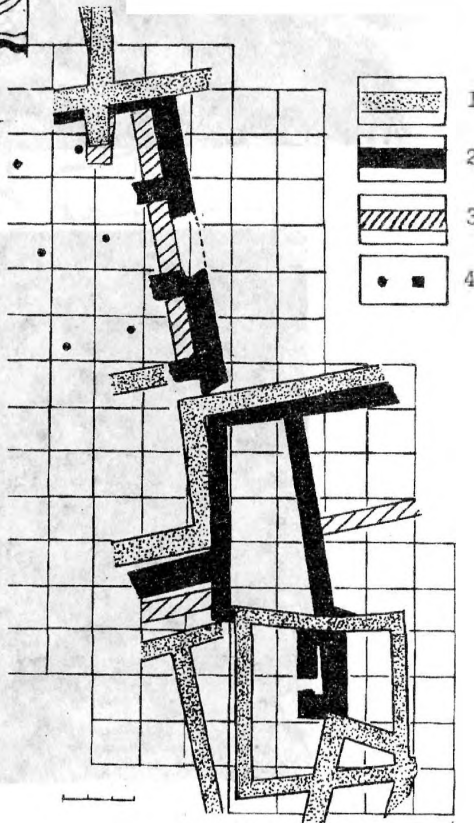
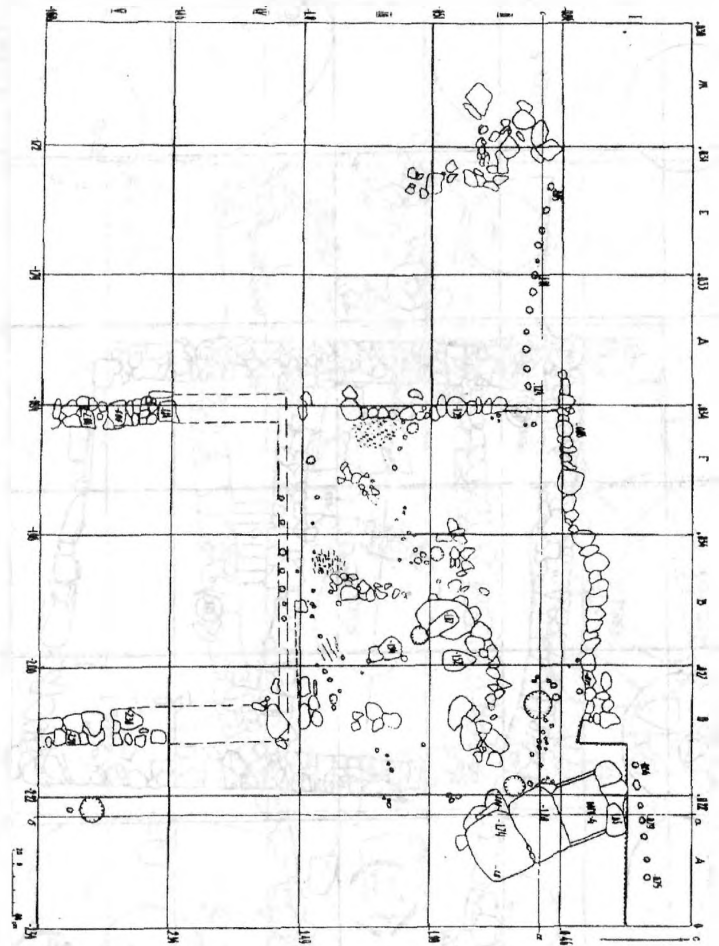

Рис. 11. Строительные остатки дворцово-храмового сооружения Таргунского городища.

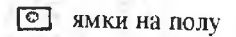
1-стены средневековых строений; 2-стены дворцово-храмового комплекса албанского времени; 3-стены строений эпохи раннего железа; 4-базы колонн.

Условные обозначения:

зола

ямки на полу

обожженная глина

Рис. 12. План раскопа Сиртичского поселения.

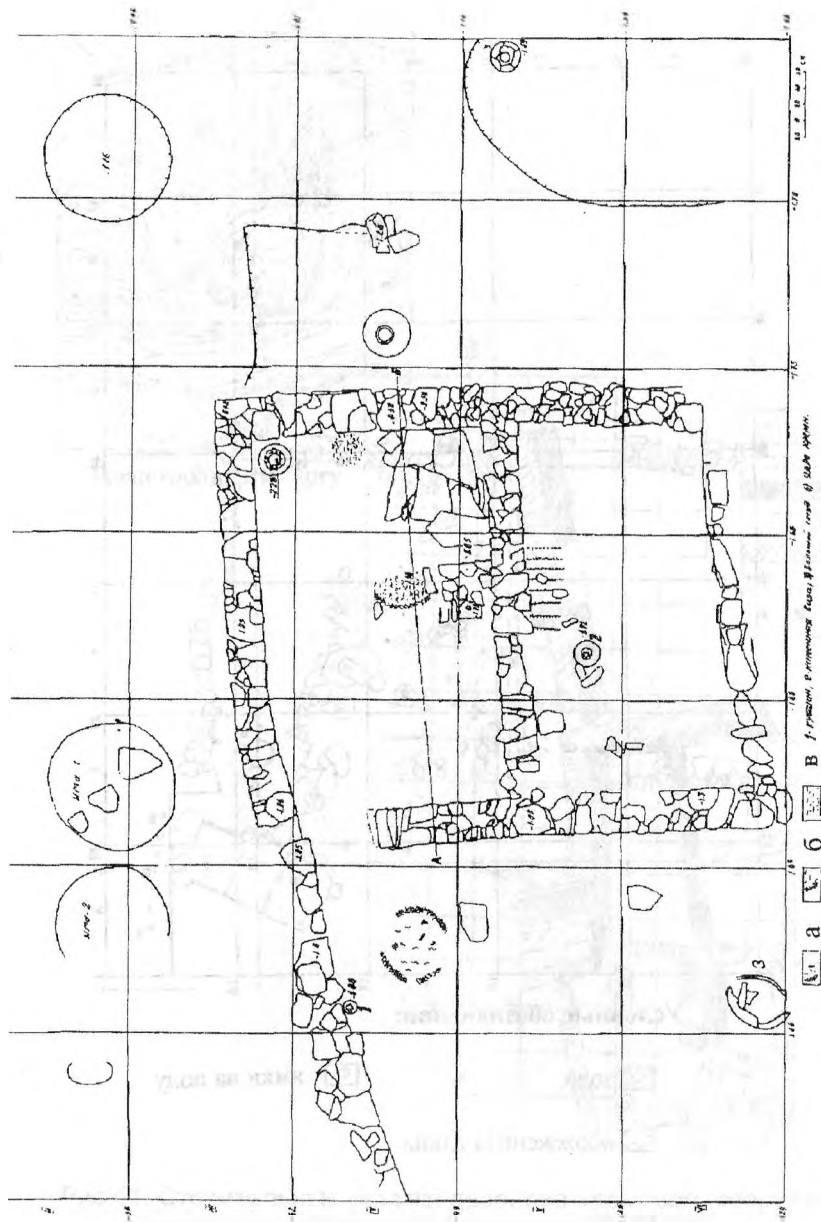

Рис. 13. План раскопа Ганзирского поселения.
Жилые сооружения и дворики.

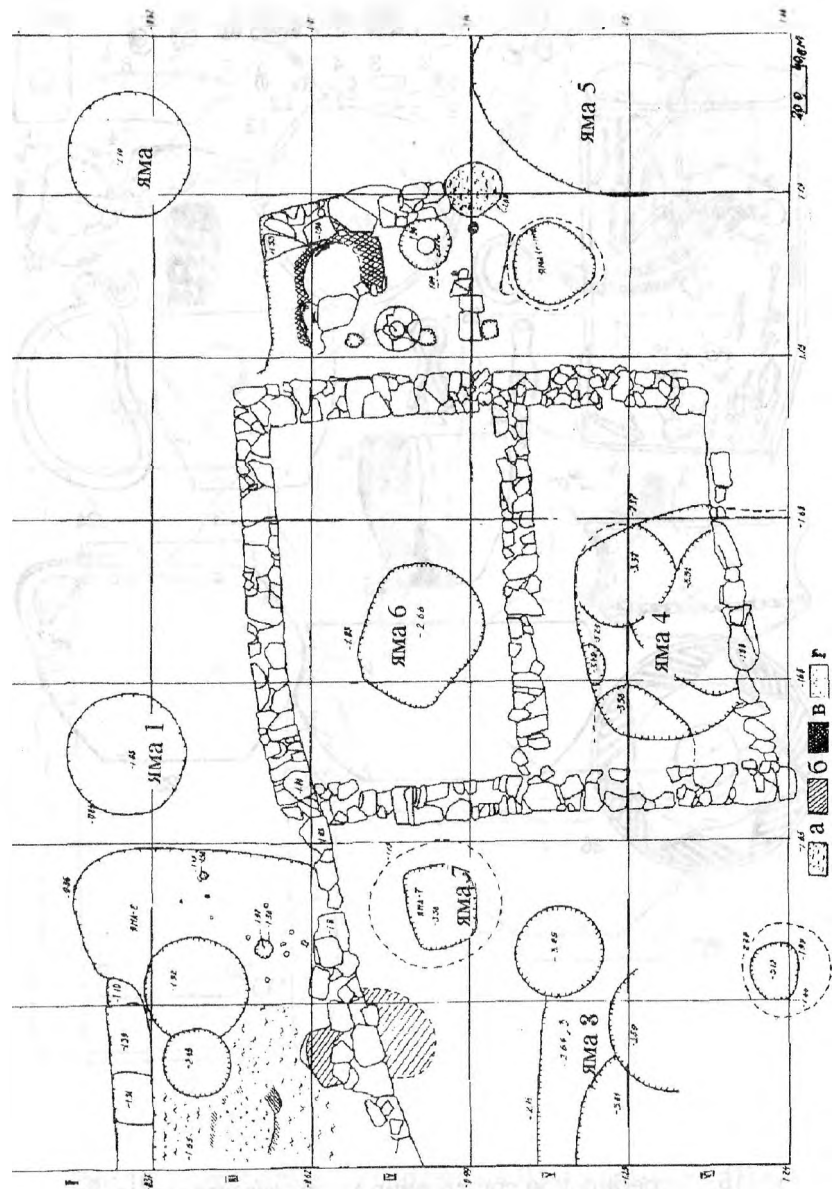

Рис. 14. План раскопа Ганзирского поселения. После снятия
верхнего слоя.

Рис. 15. Погребальное сооружение Новолакского могильника.
План могилы (1) и материалы (2-28).

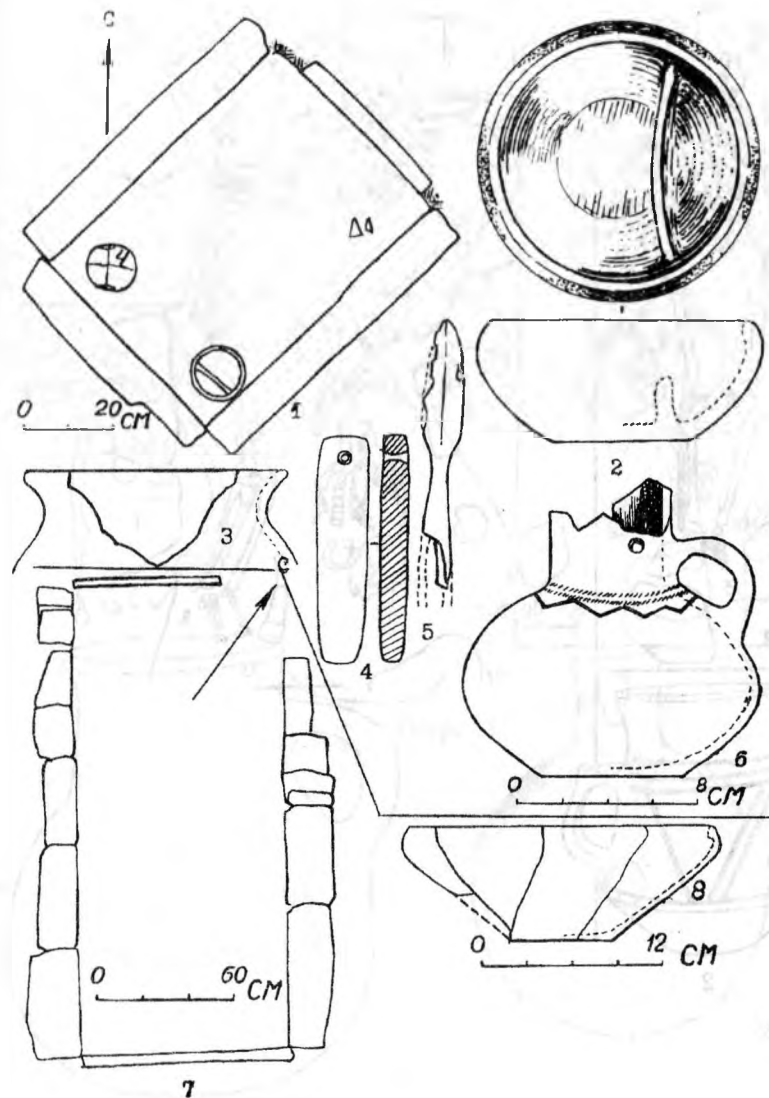

Рис. 16. Погребальные сооружения Ленинаульского (1) и
Жиганкотлярского (7) могильников.
Планы могил и материалы (2-6, 8).

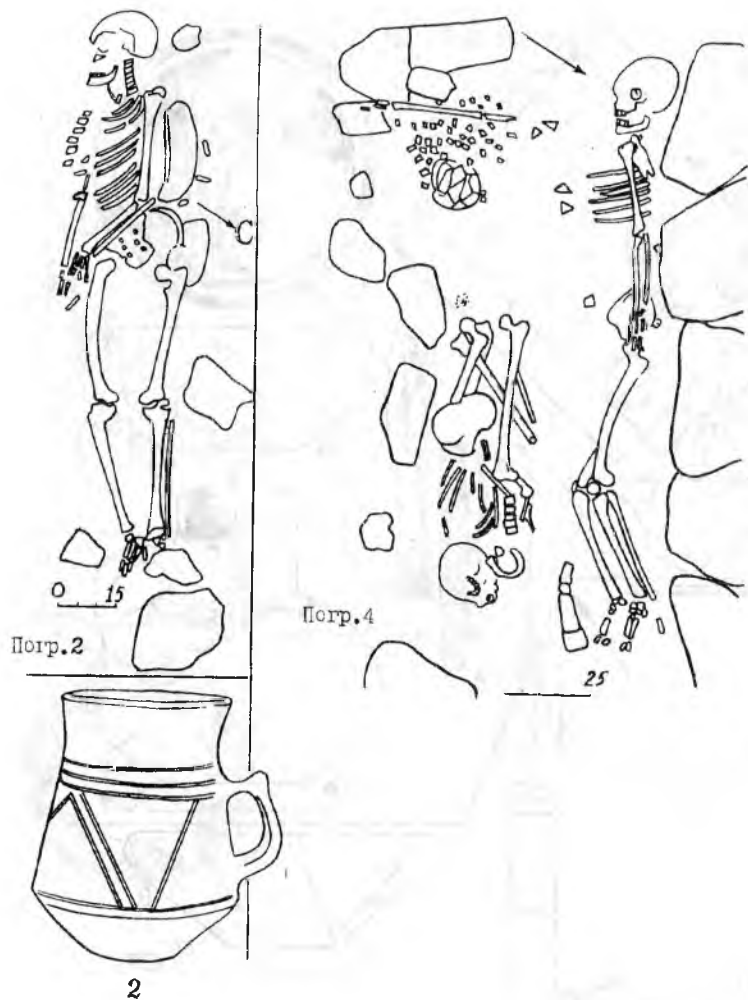

Рис. 17. Погребальные сооружения (1,3) Таркинского могильника.
2-сосуд из погр. №2.

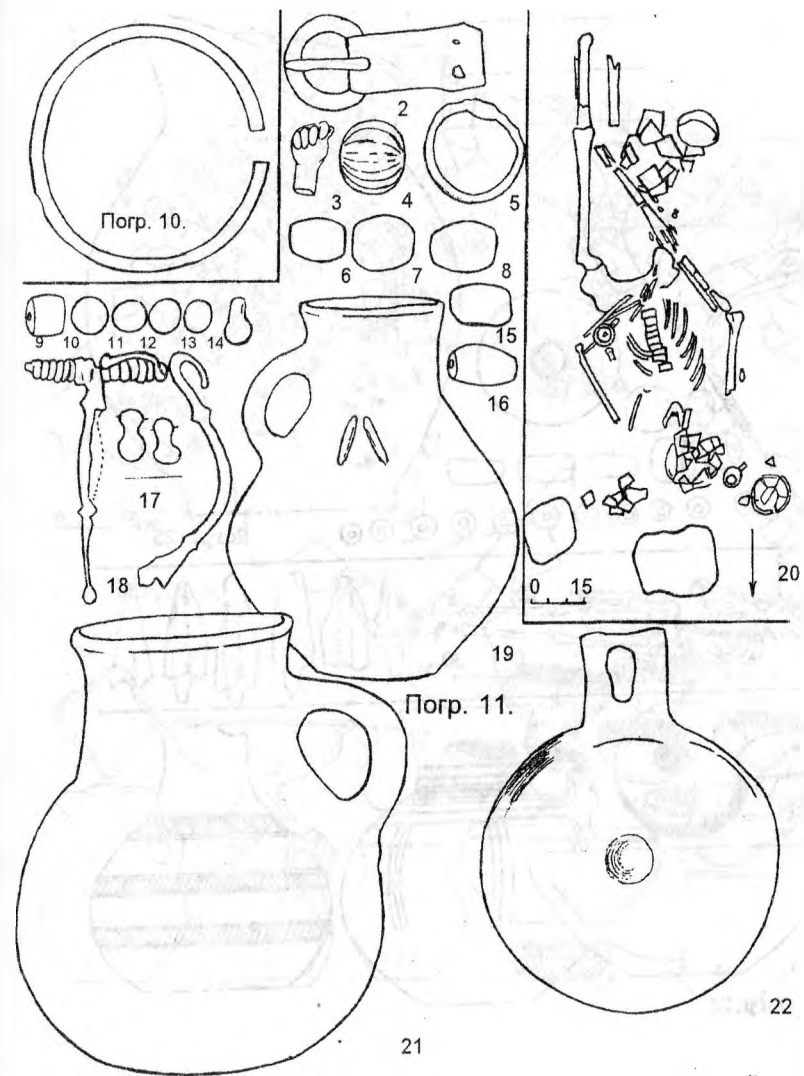

Рис. 18. Погребальные сооружения Таркинского могильника.
План могилы (20) и материалы (1-19,21,22).

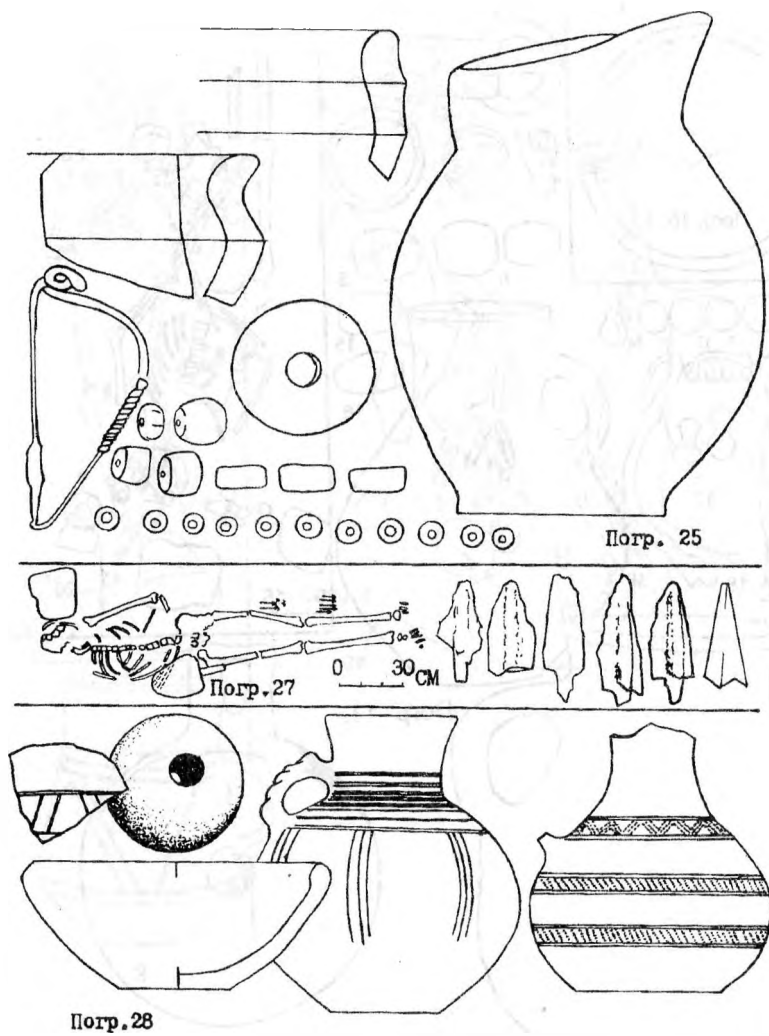

Рис. 19. Погребальные сооружения Таркинского могильника.
 План погребения (27). Инвентарь из могил N25 (1-22), 27 (24-29)
 и 28 (30-34).

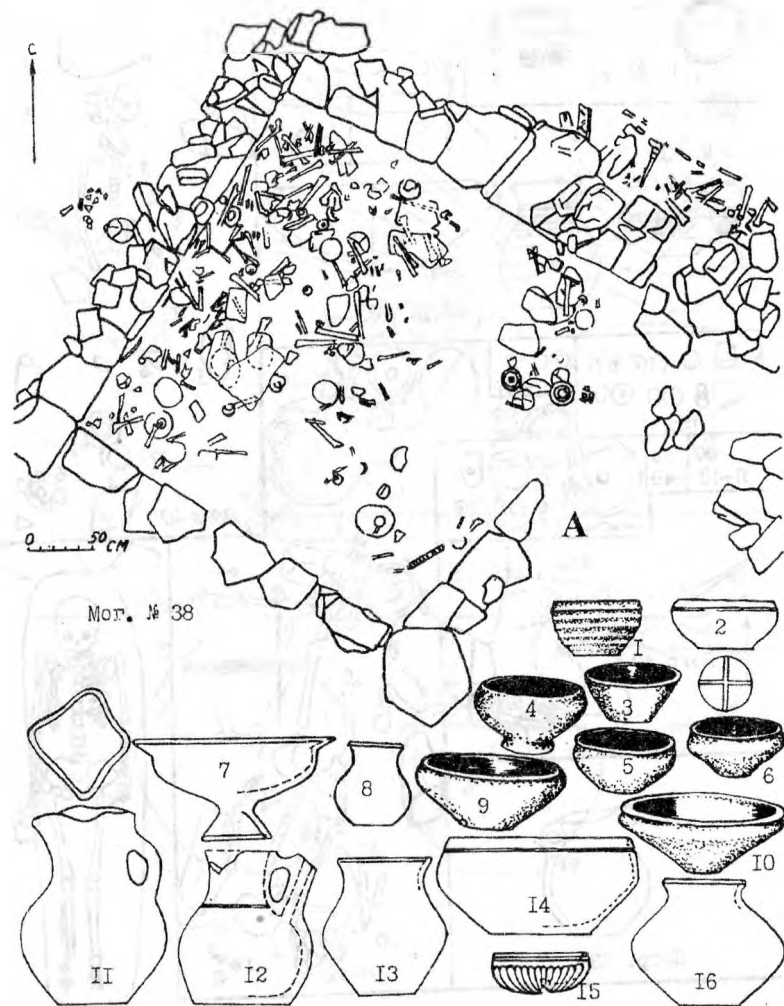

Рис. 20. План могилы N38 (склеп) Карабудахкентского
 могильника (A) и материалы (1-16).

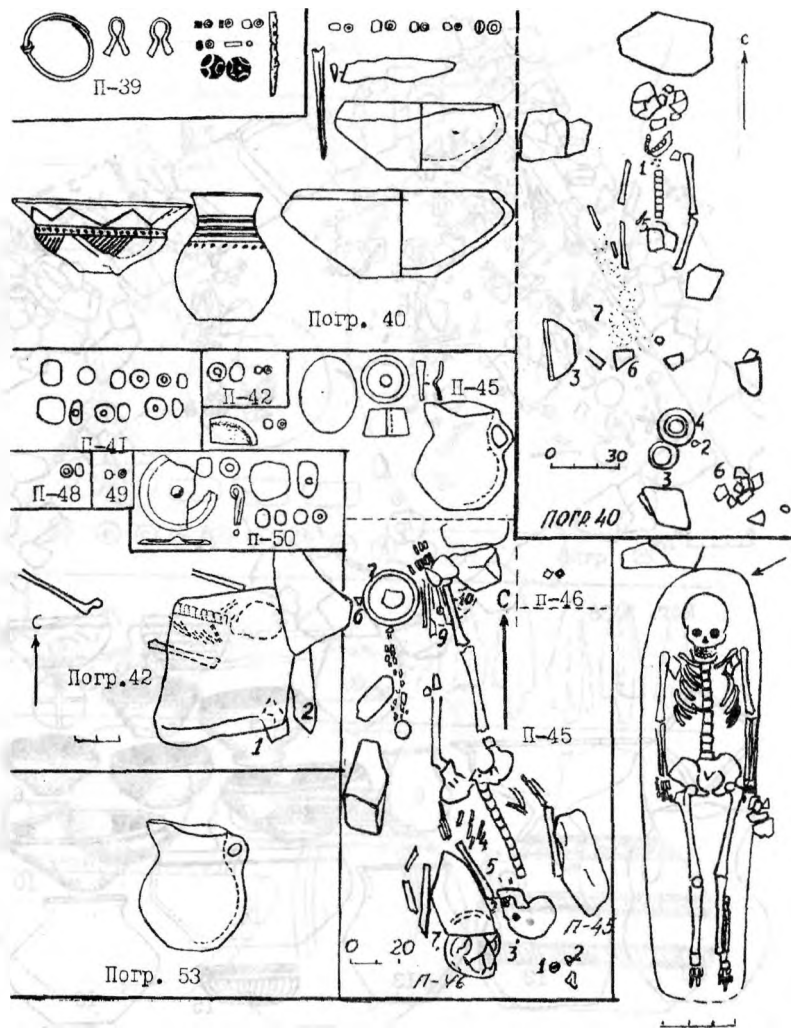

Рис.21. Погребения N39-45,53 и материалы Карабудахкентского могильника.

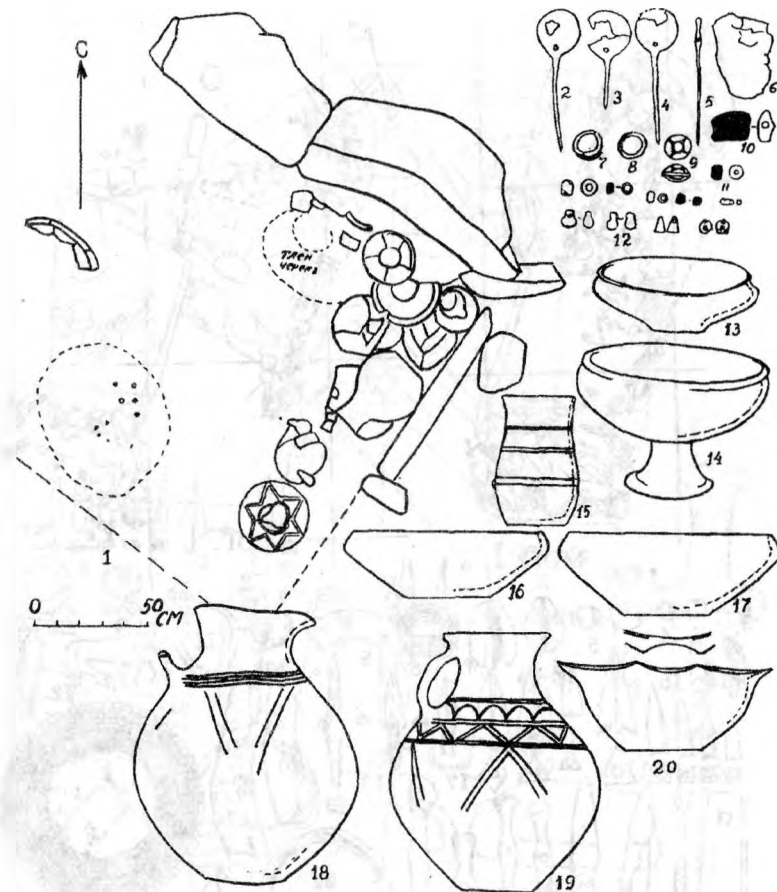

Рис.22. План (1) и материалы (2-20) могилы N58 Карабудахкентского могильника.

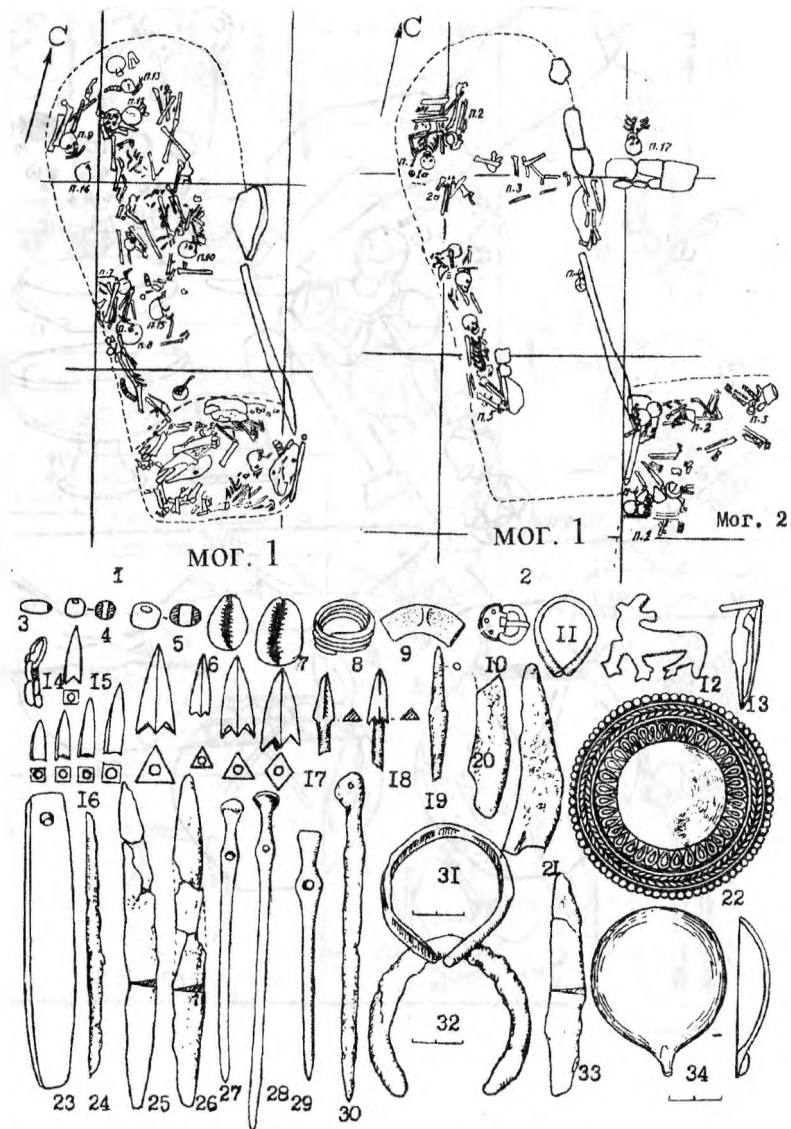

Рис.23. Могила N1 (1,2) и ее материалы Урцекского могильника.

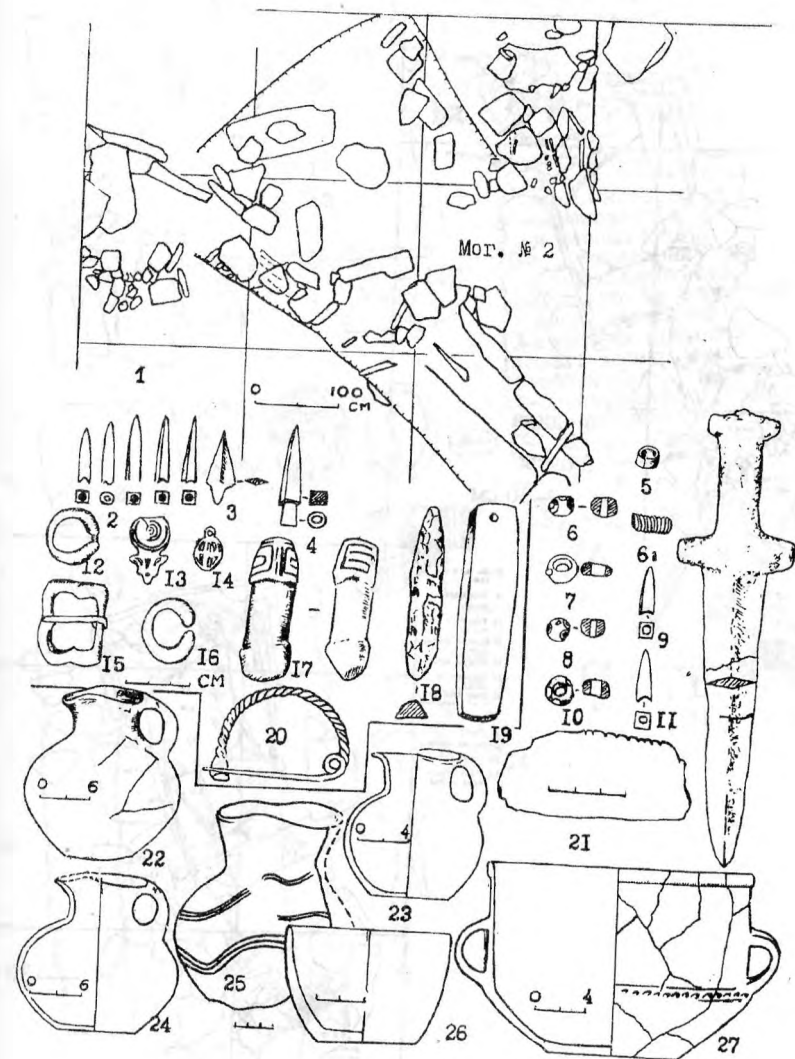

Рис.24. План могилы N2 (1) и ее материалы (2-27) из Урцекского могильника.

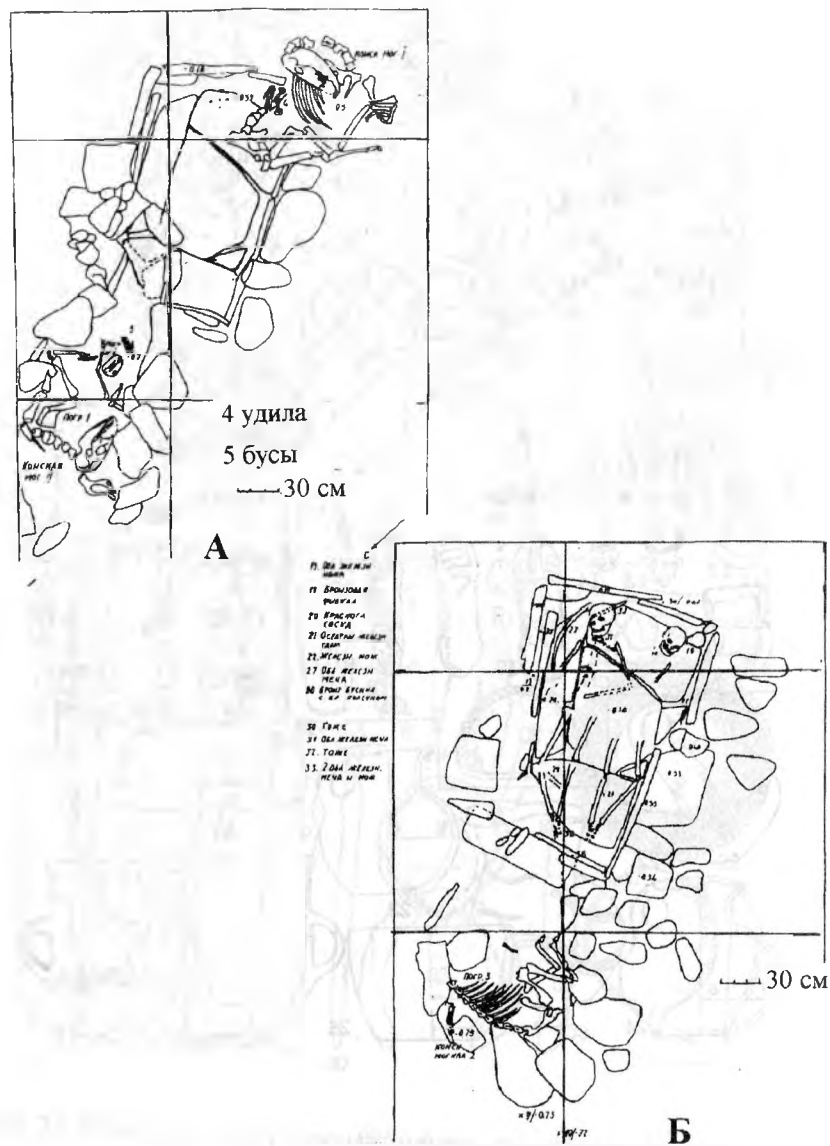

Рис. 25. Каменный ящик Сумбатлинского могильника до вскрытия (А) и после (Б).

Рис. 26. Склеп Сумбатлинского могильника.

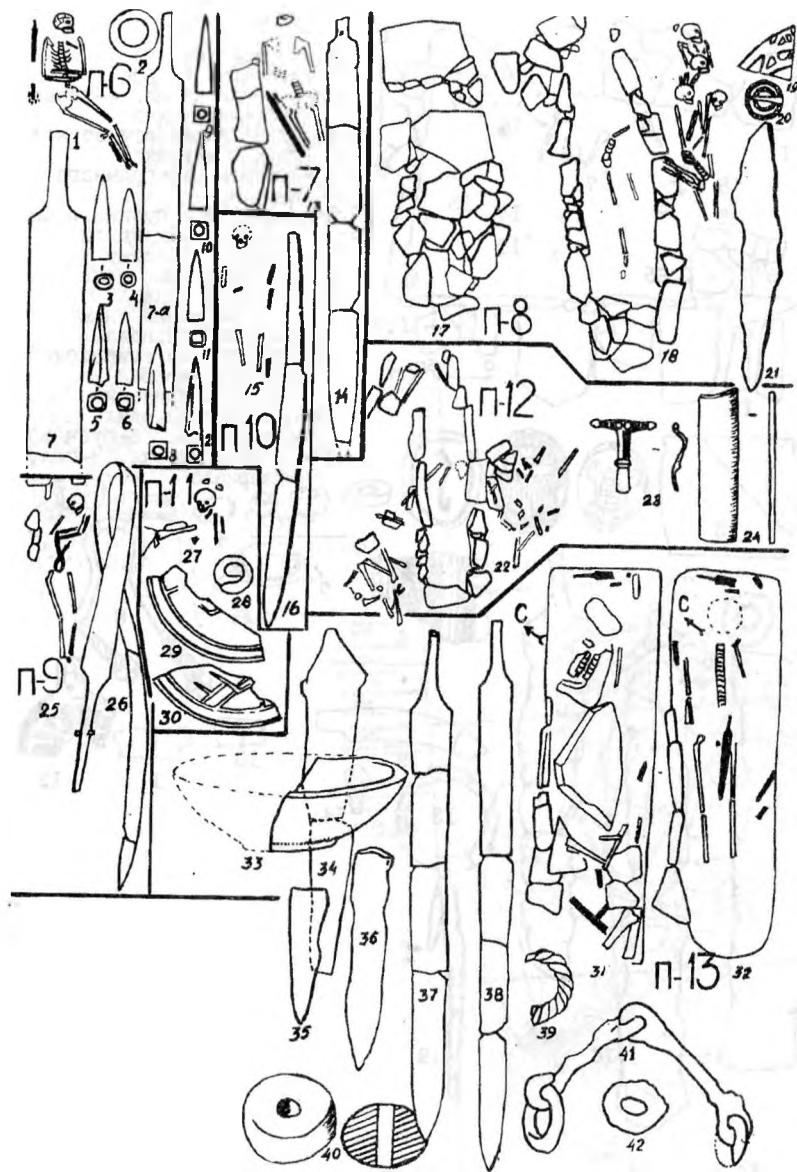

Рис.27. Планы могил и материалы Цыйшинского могильника.

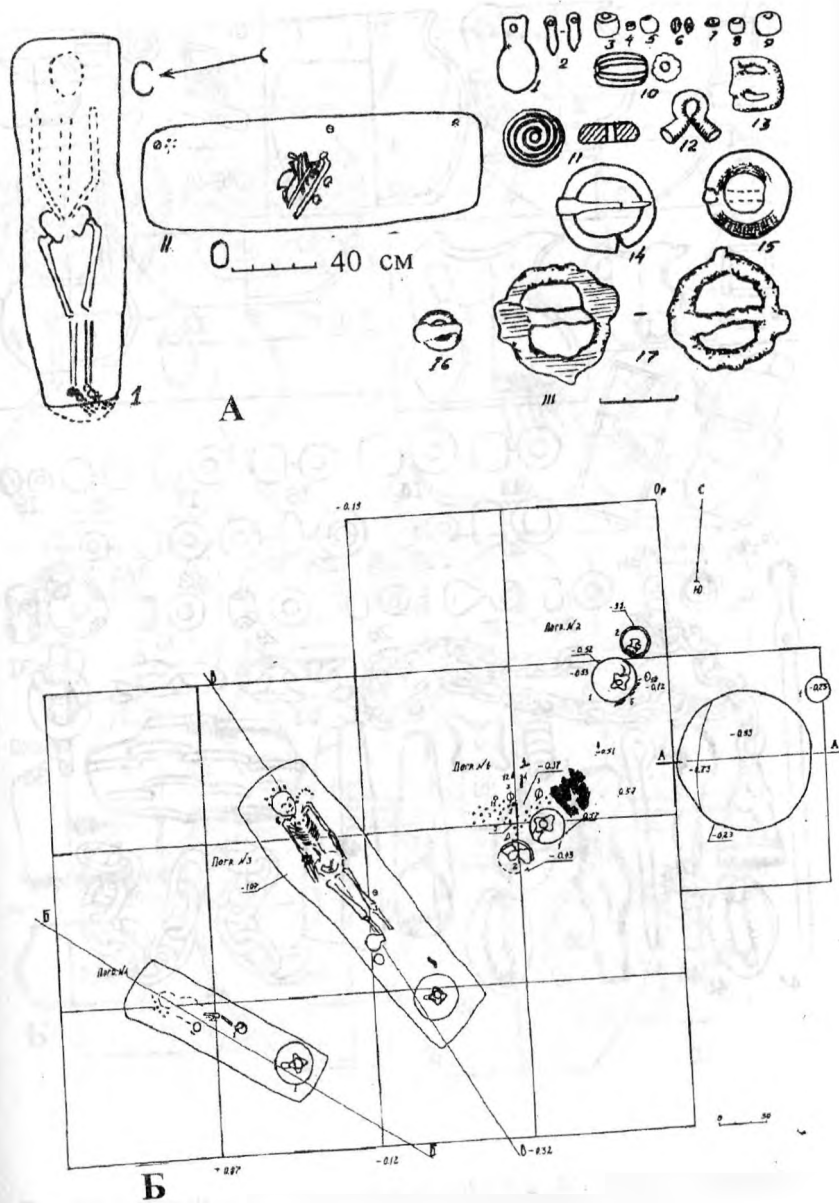

Рис.28. Тарланкакский (А) и Мамрашский могильники.

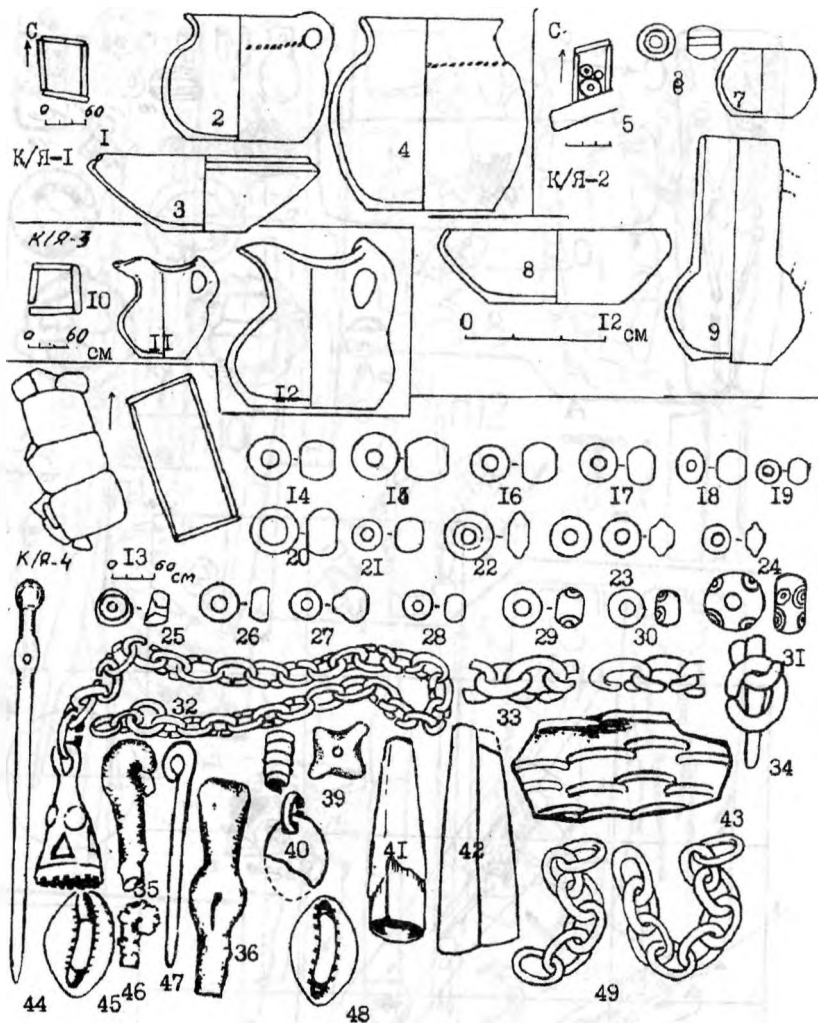

Рис.29. Планы погребений N1-4 и материалы Сиртичского могильника.

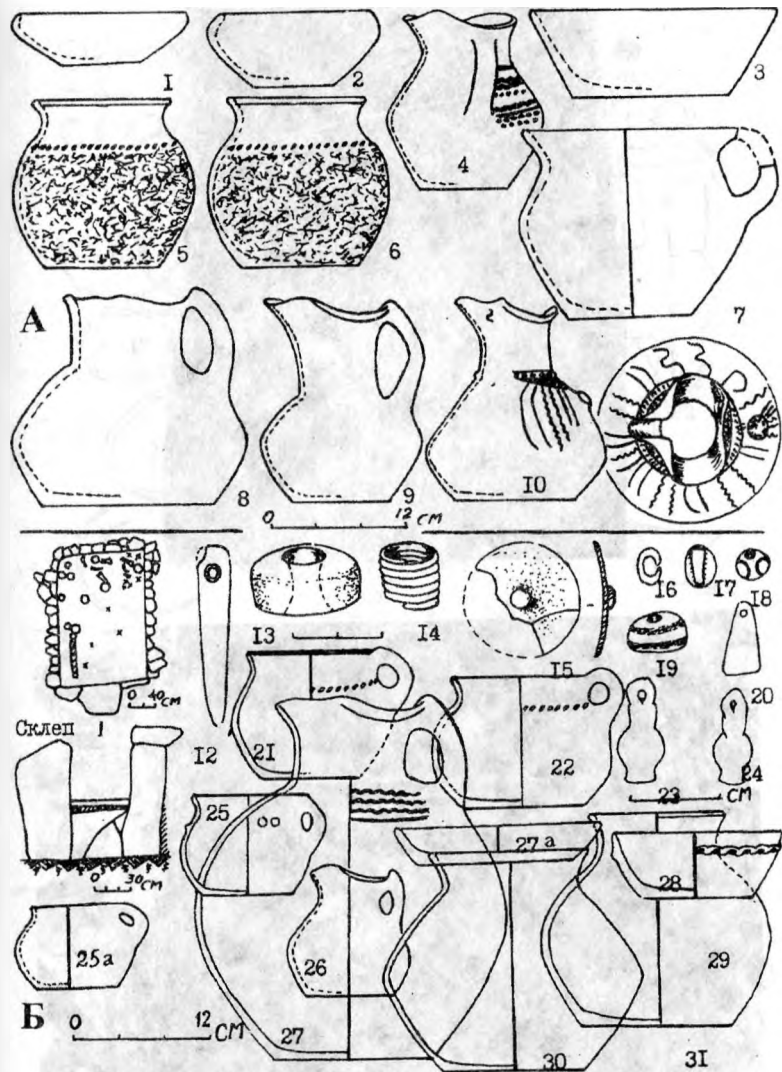

Рис.30. Керамика из каменного ящика N4 (А), план и материалы склепа из Сиртичского могильника.

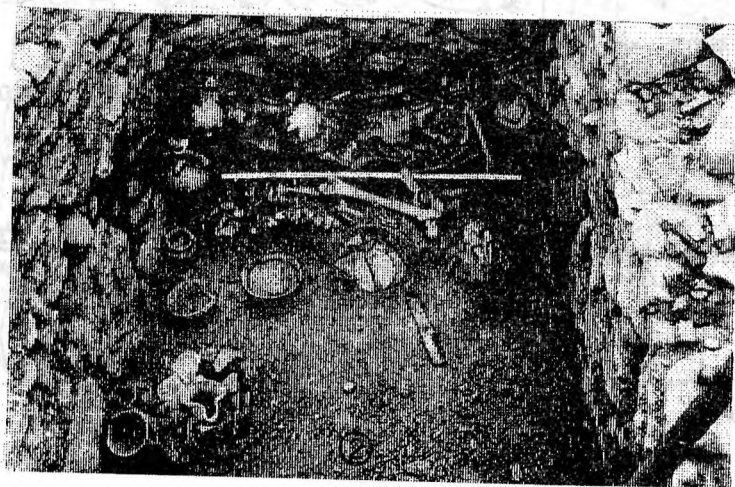
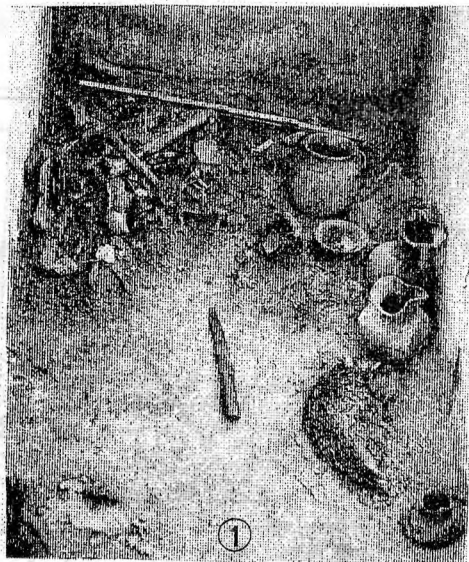

Рис. 31. Каменный ящик N4 (1) и склеп (2) после расчистки.

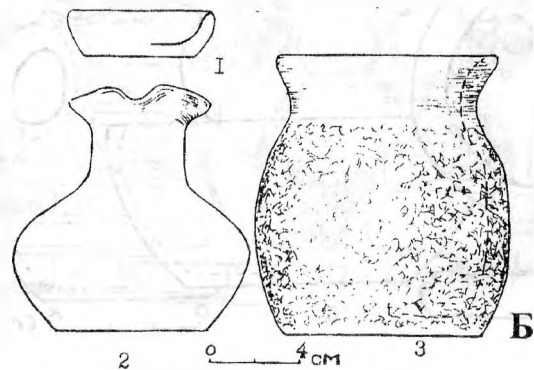
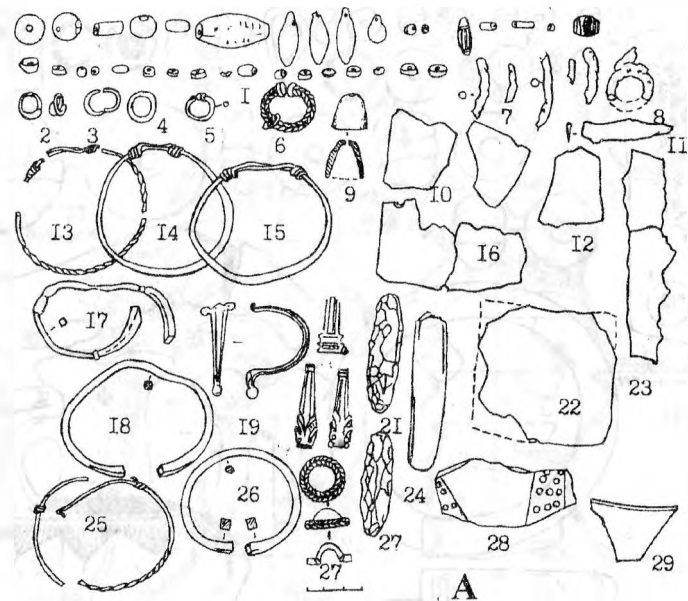

Рис. 32. Материалы Цархигоцинского (А) могильника (из разрушенного погребения) и материалы Алкадарского поселения (Б).

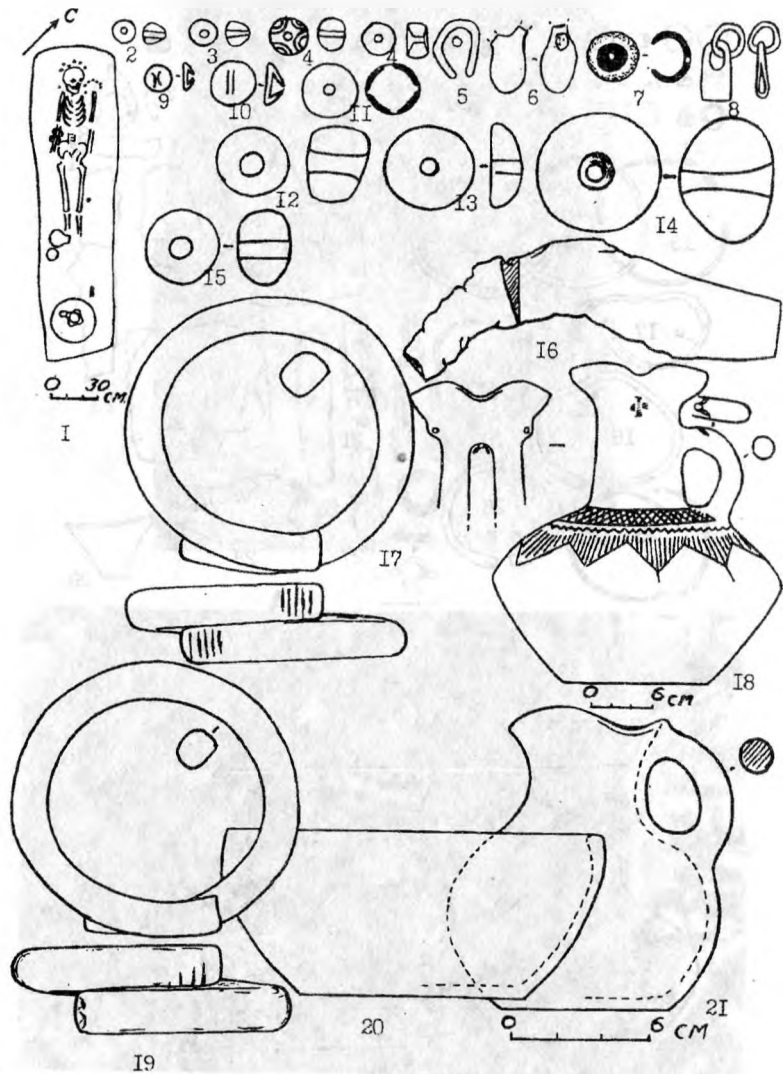

Рис. 32а. Мамрашский могильник. План погребения N3 и инвентарь.

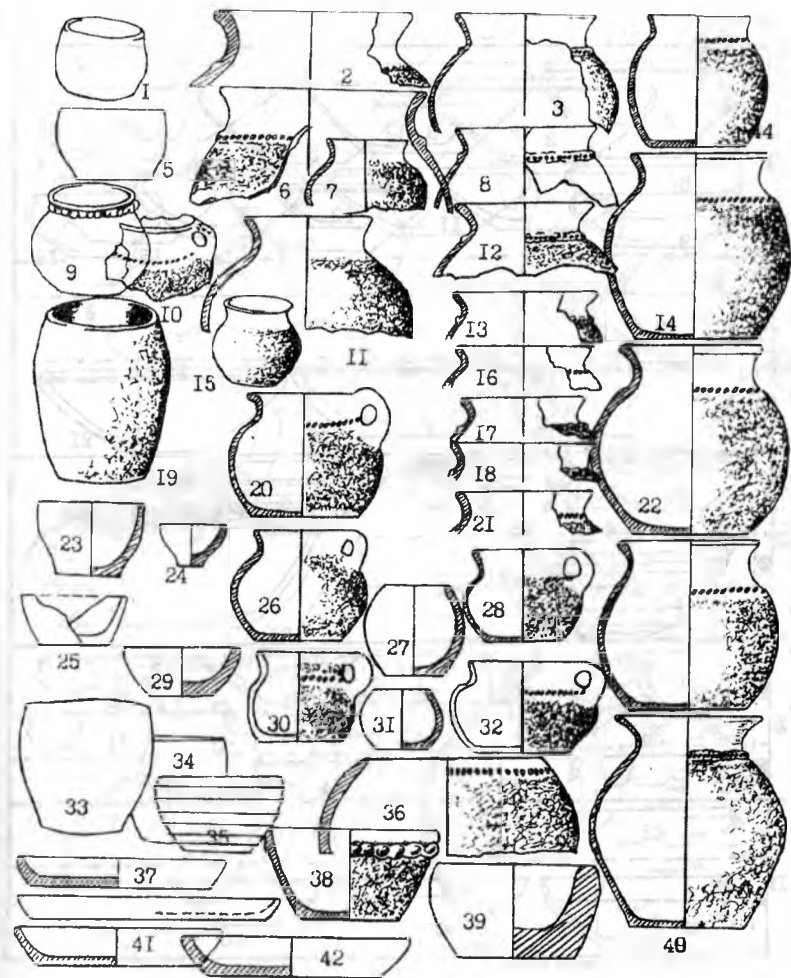

Рис. 33. Лепная, обмазанная и заглаженная керамика памятников Дагестана албанского времени.

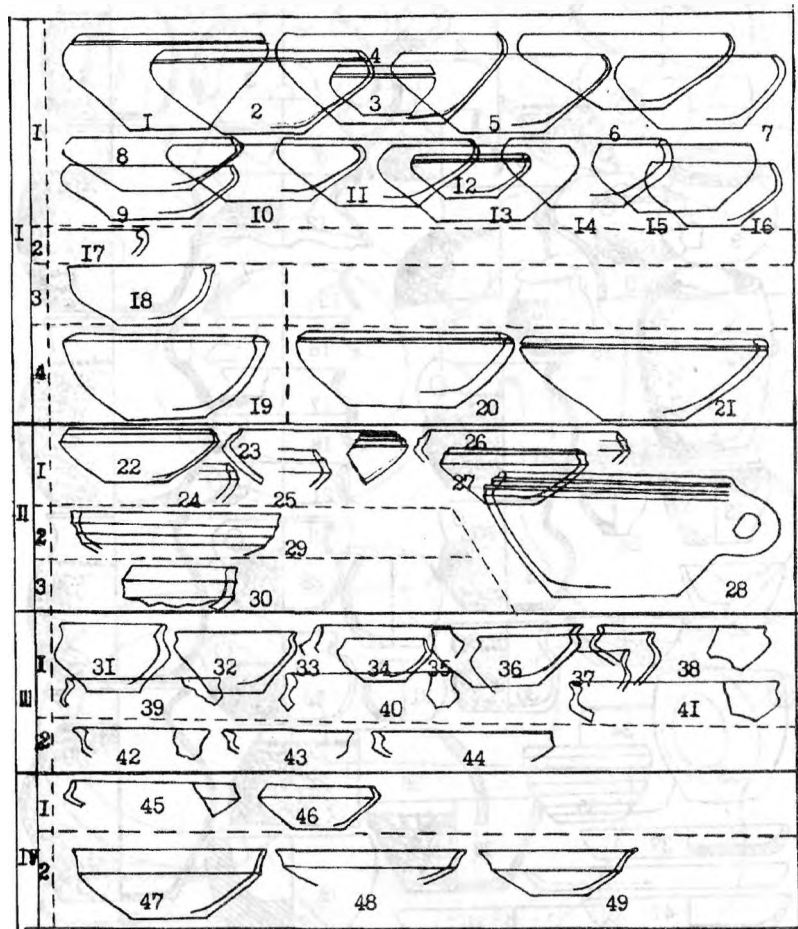

Рис.34. Типы мисок из памятников Дагестана албанского времени.

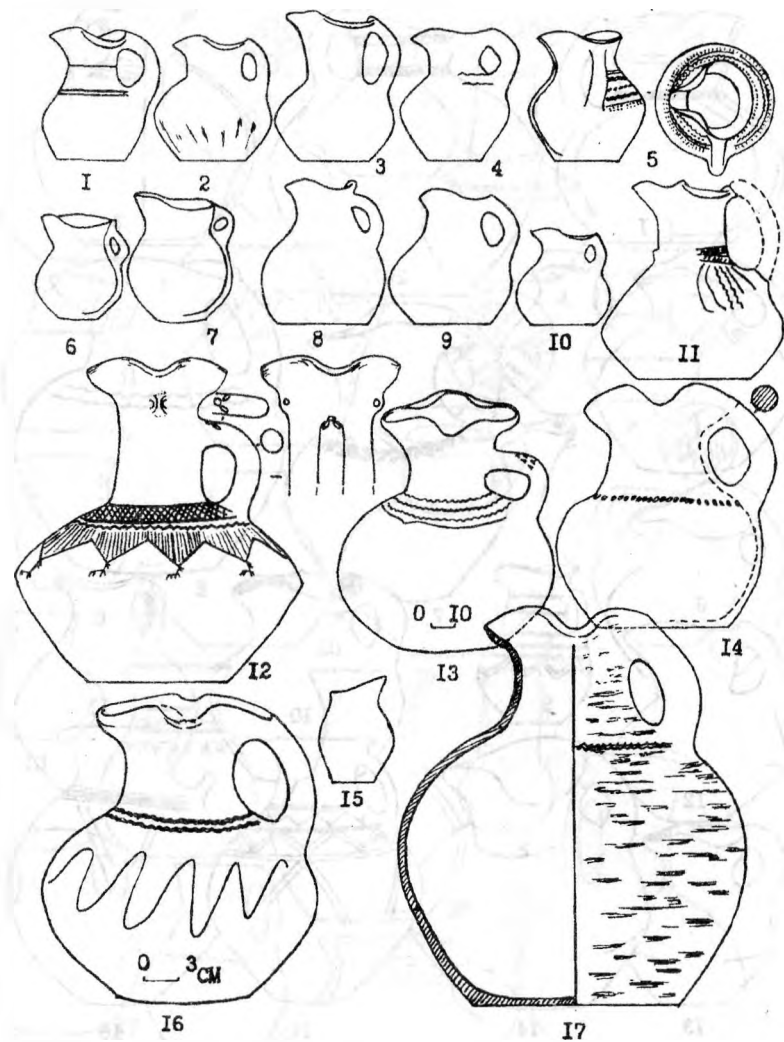

Рис.35. Кувшины со сливными носиками и с четырехлепестковидными устьями.

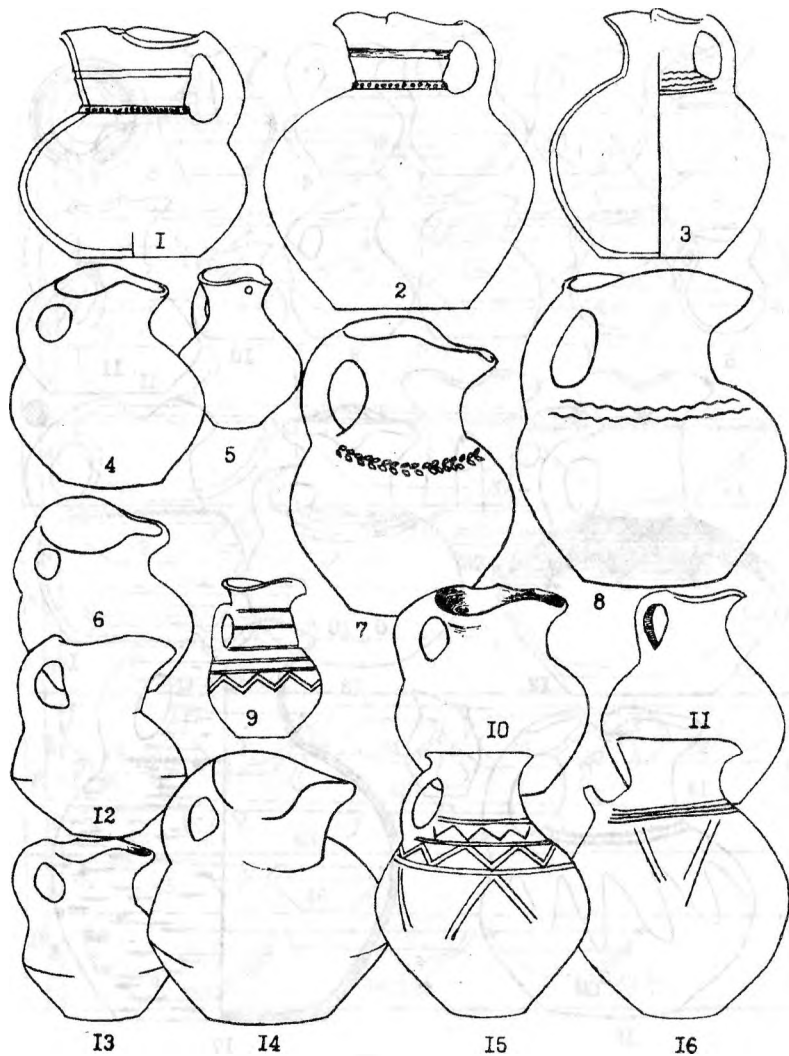

Рис.36. Кувшины со сливными носиками.

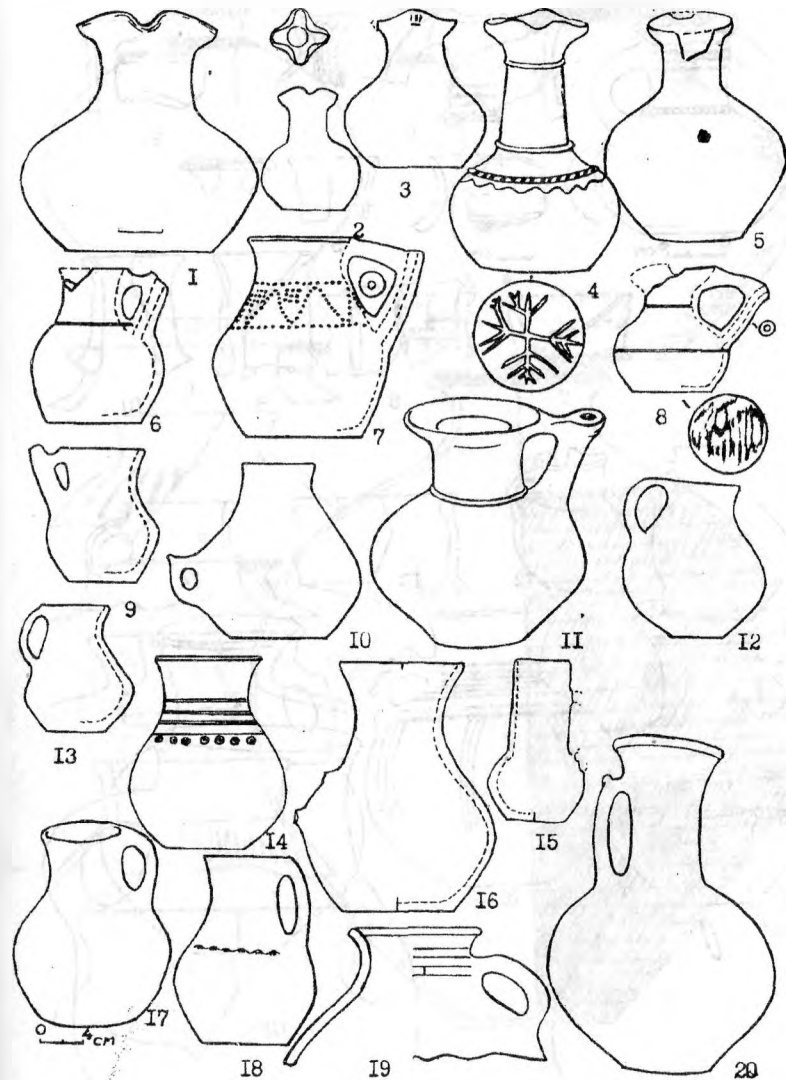

Рис.37. Кувшины с четырехлепестковидными устьями, кувшины с ручками-сосками и кувшины с цилиндрическими горловинами.

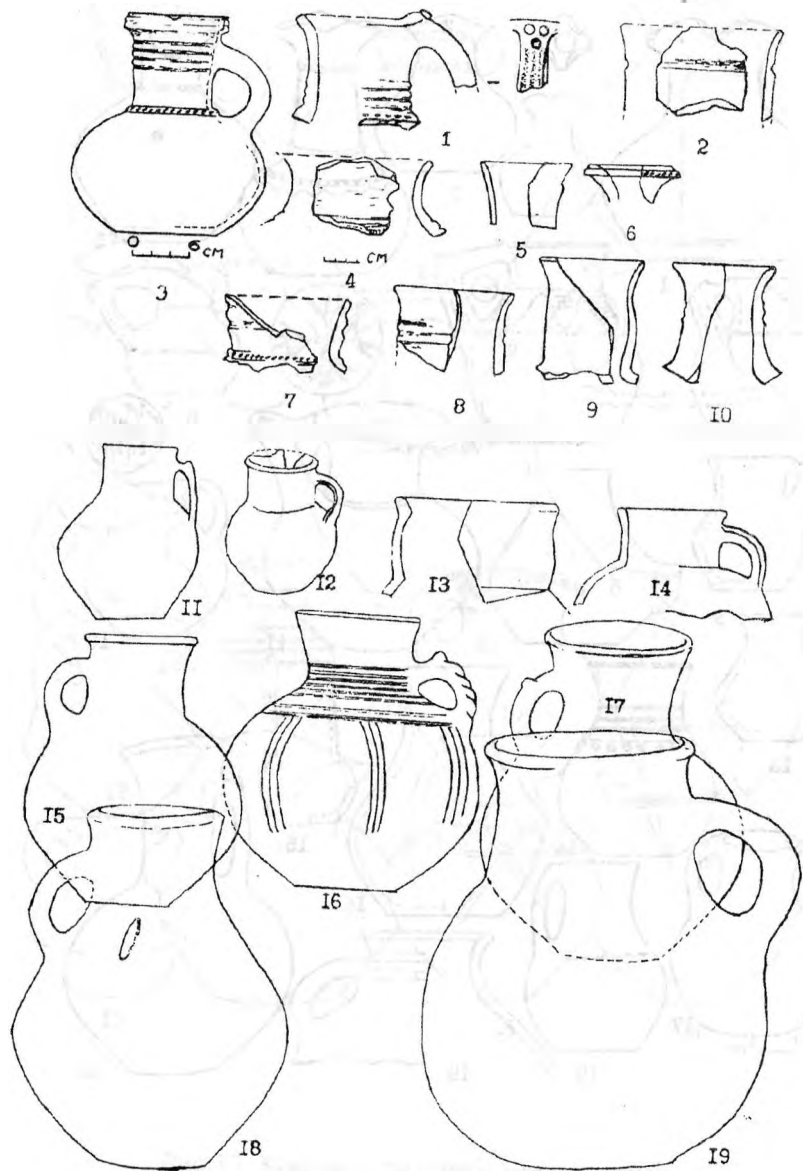

Рис. 38. Кувшины с цилиндрическими горловинами.

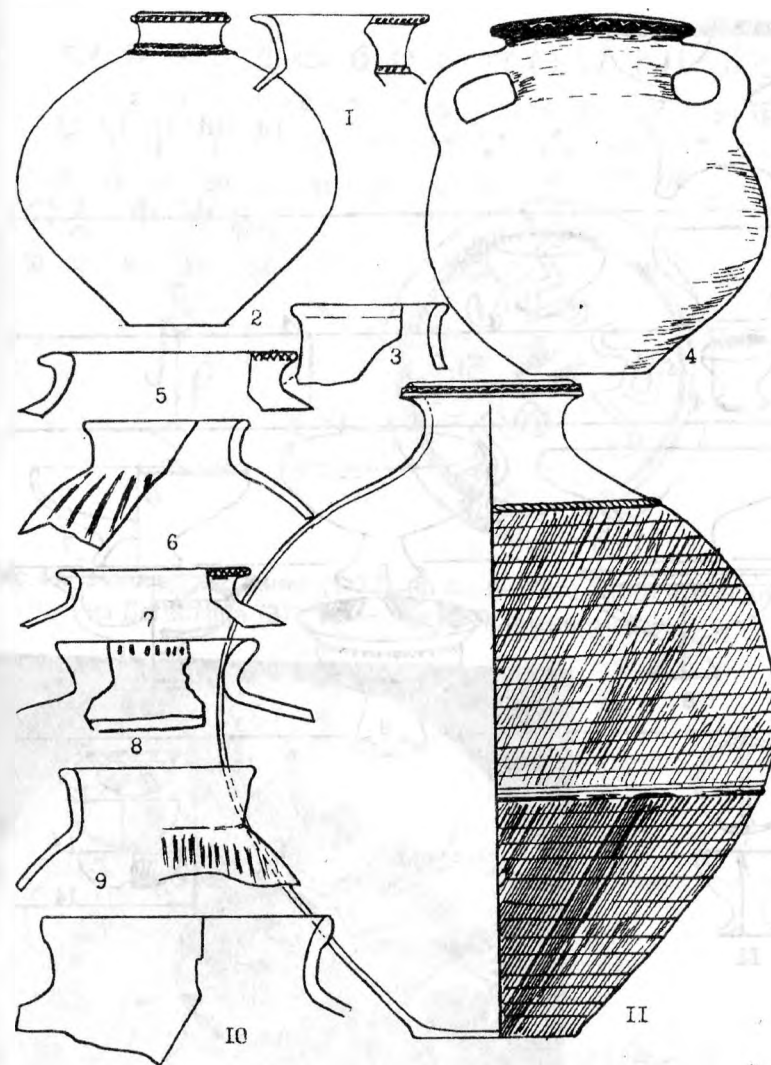

Рис. 39. Тарная керамика.

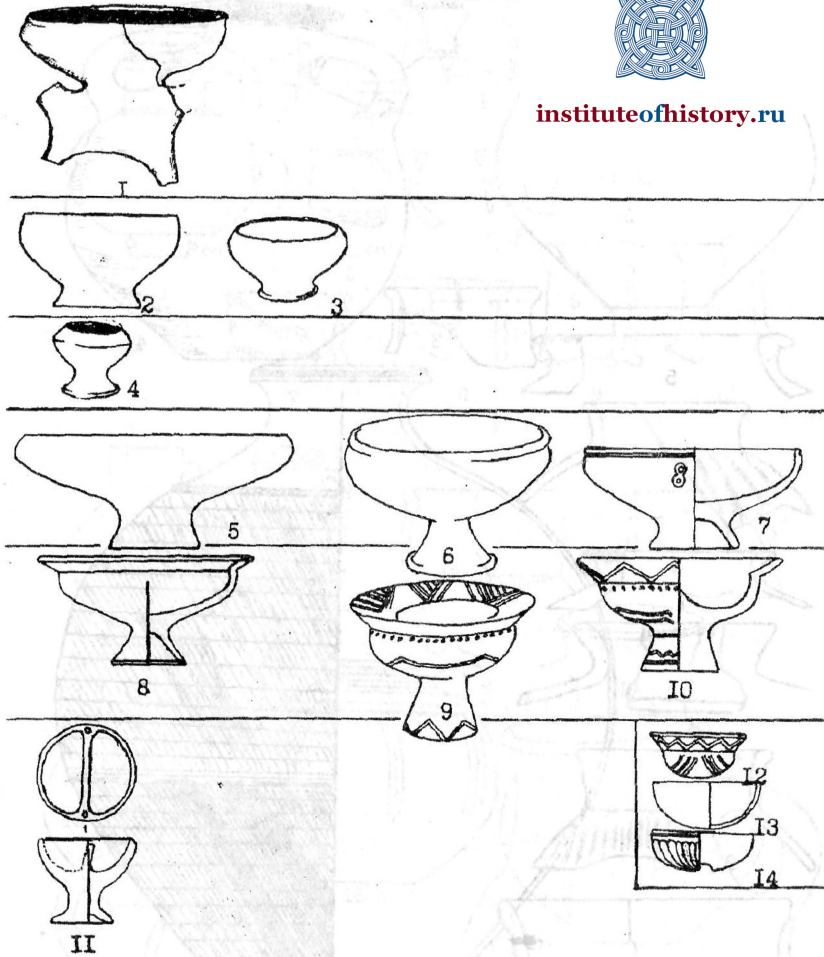

Рис.40. Ритуальные сосуды.

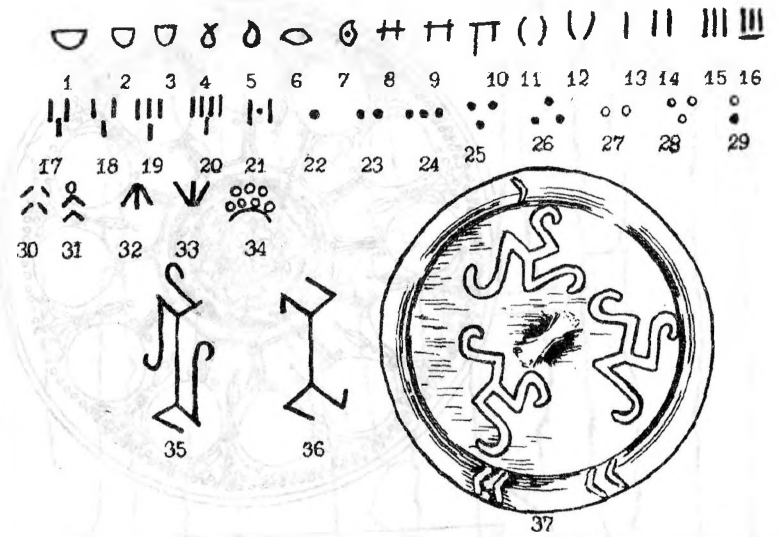

Рис.41. Знаки на керамике (1-34), на скале Уйташ (35) и зеркале из Дагестана (37). 36—знак из Причерноморья.

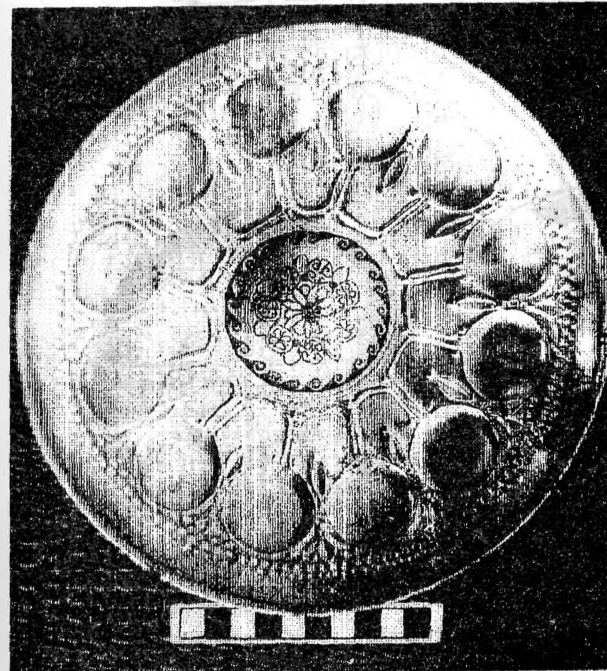

Рис.42. Чеканное серебрянное блюдо с чернью и позолотой из Ирагинской гробницы (фото).

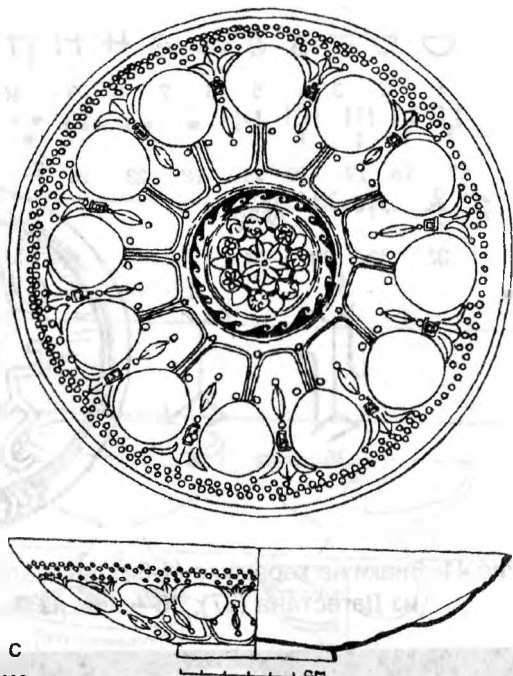

Рис. 43. Чеканное
серебряное блюдо с
чернью и позолотой из
Ирагинской гробницы
(рисунок).

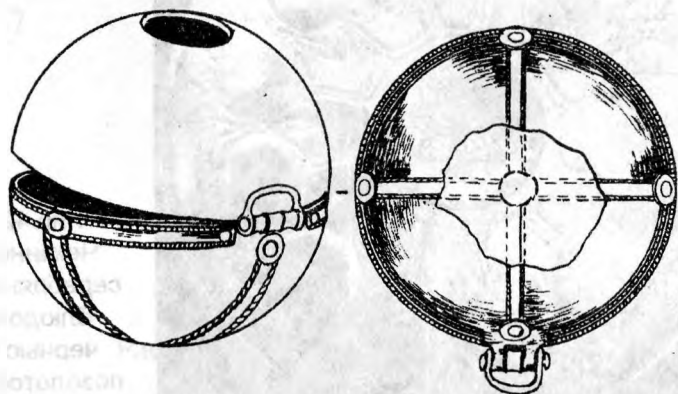
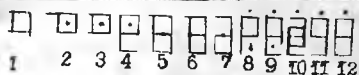

Рис. 43а. Серебряный флакон для благовоний из Ирагинской гробницы.

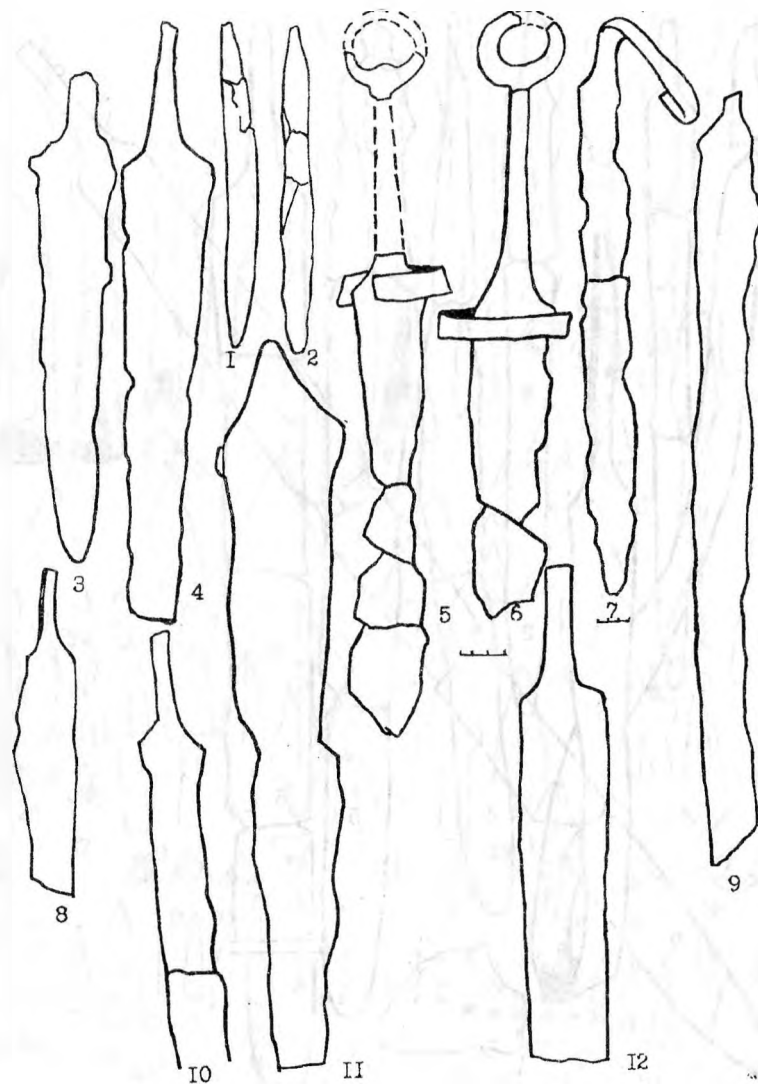

Рис. 44. Кинжалы и мечи из памятников Дагестана албанского времени.

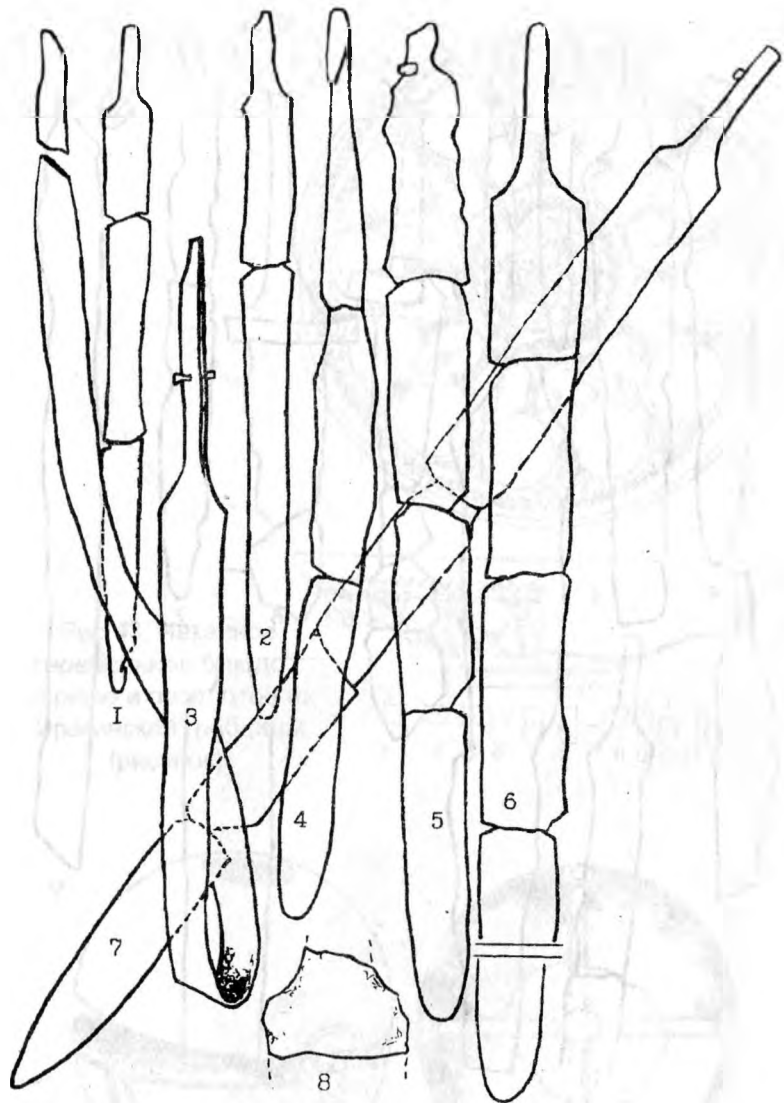

Рис.44а. Мечи из памятников Дагестана албанского времени (разномасштабные).

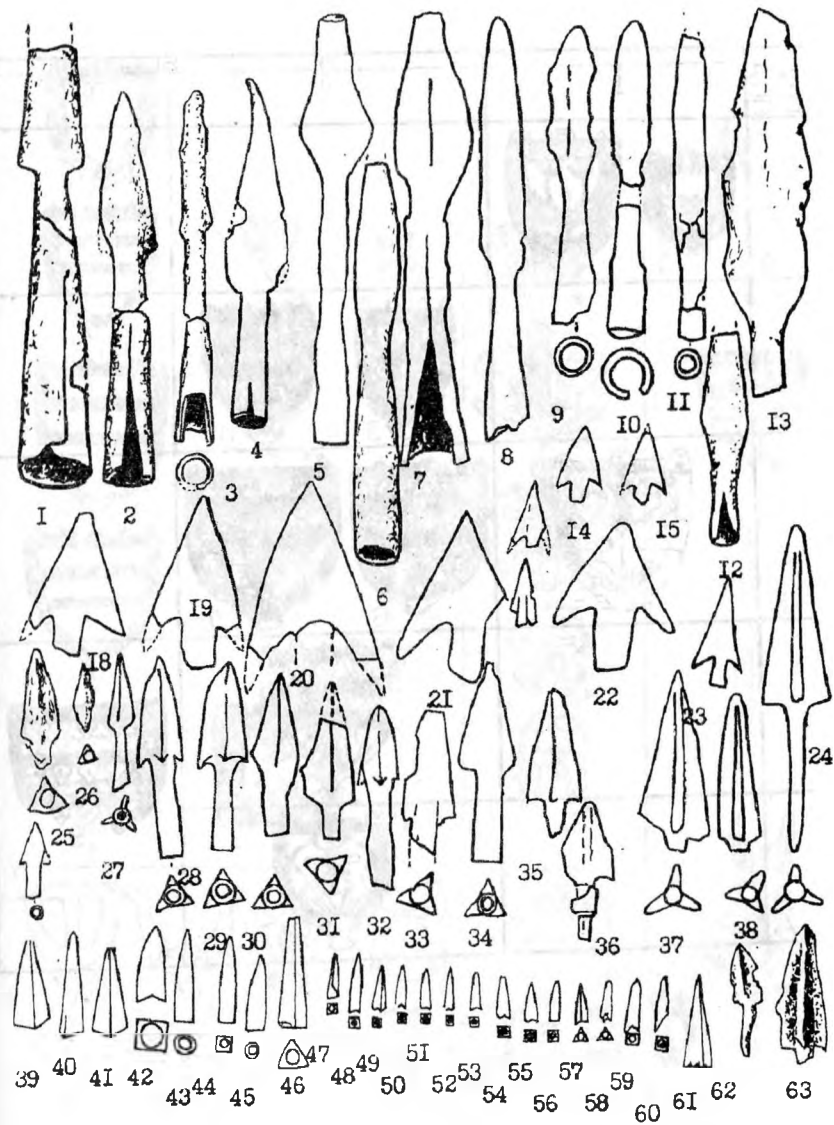

Рис.45. Наконечники копий и стрел из памятников Дагестана албанского времени.

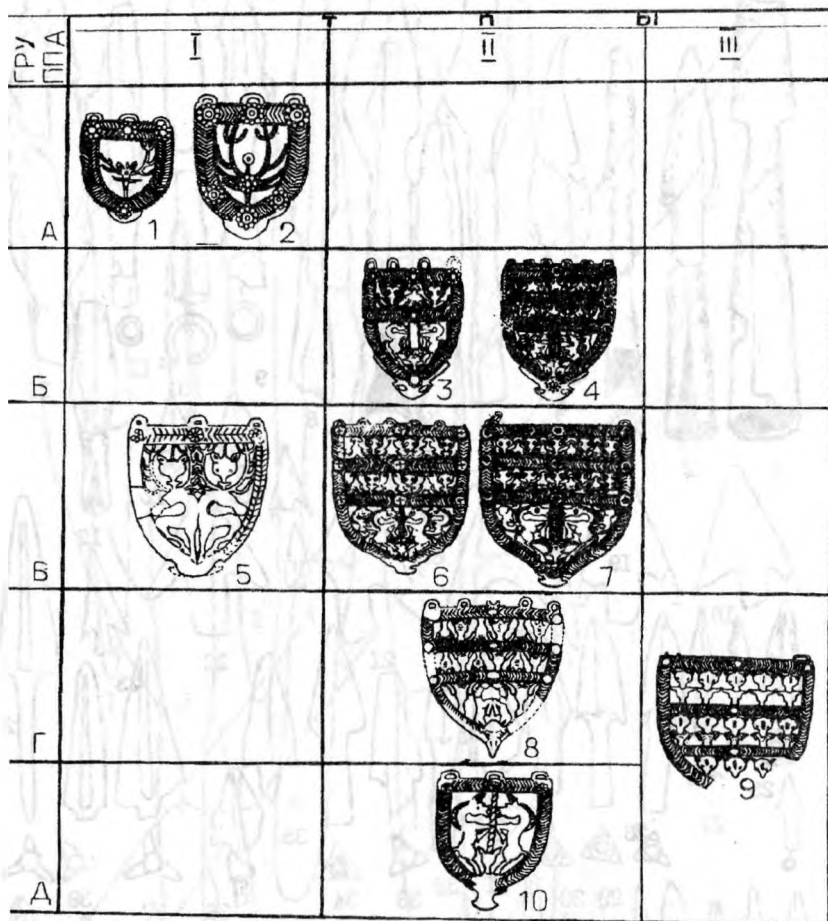

Рис.46. Схема развития прязек бежтинского типа.

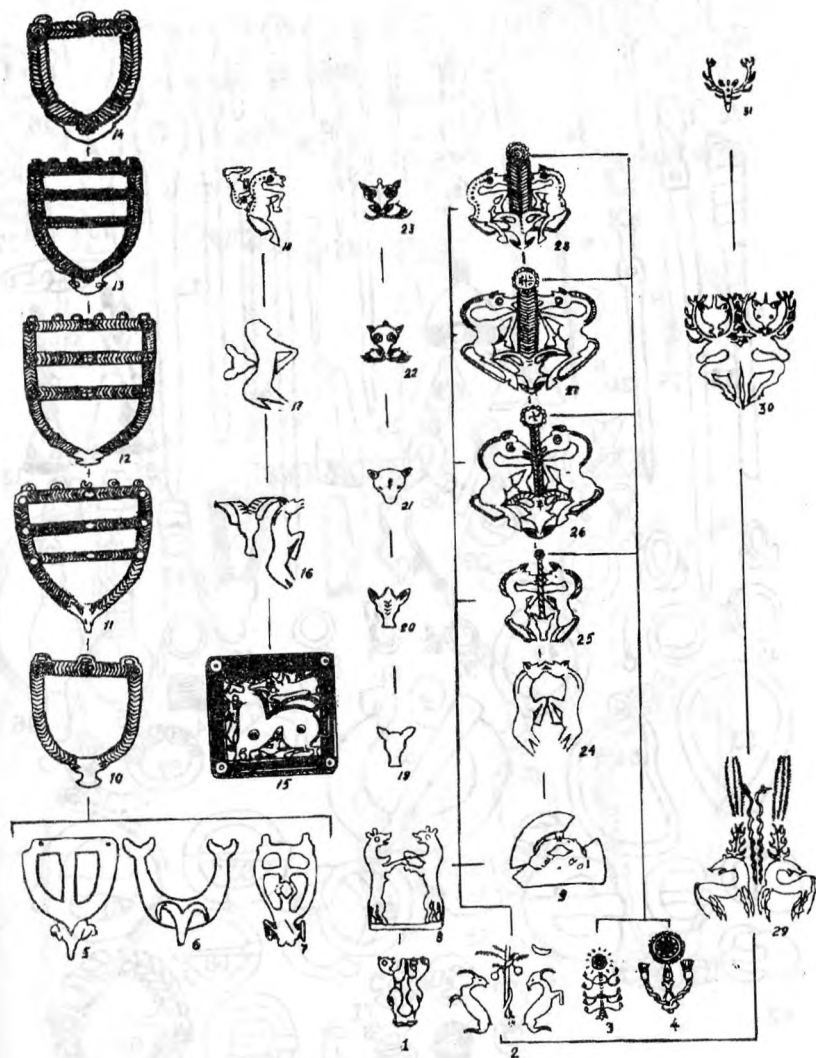

Рис.47. Схема формирования сюжета бежтинских прязек.

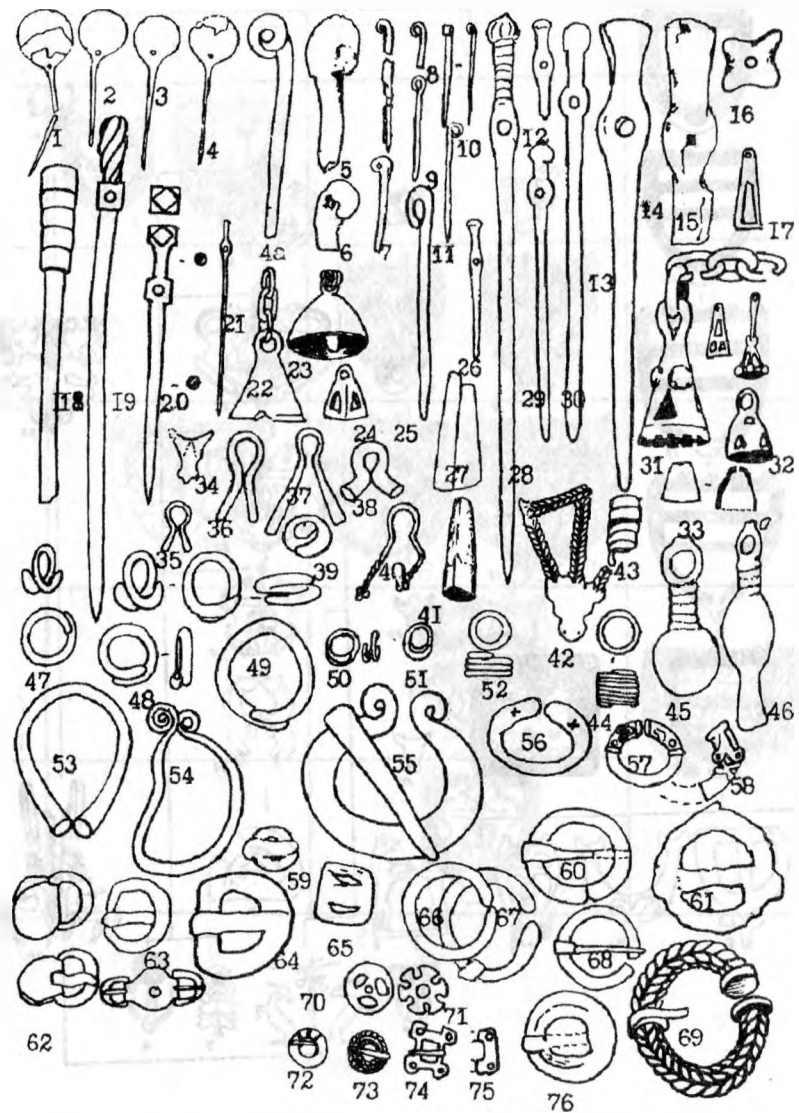

Рис.48. Украшения и туалетные принадлежности.

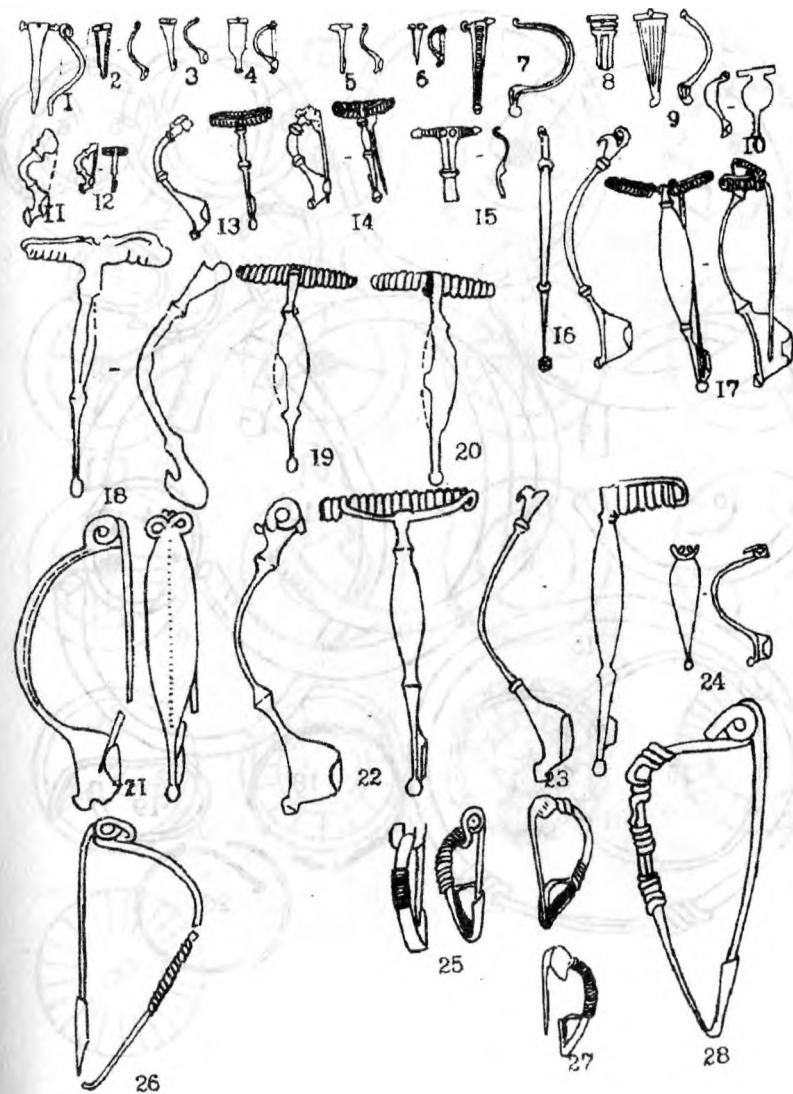

Рис.49. Фибулы из памятников Дагестана (разномасштабные).

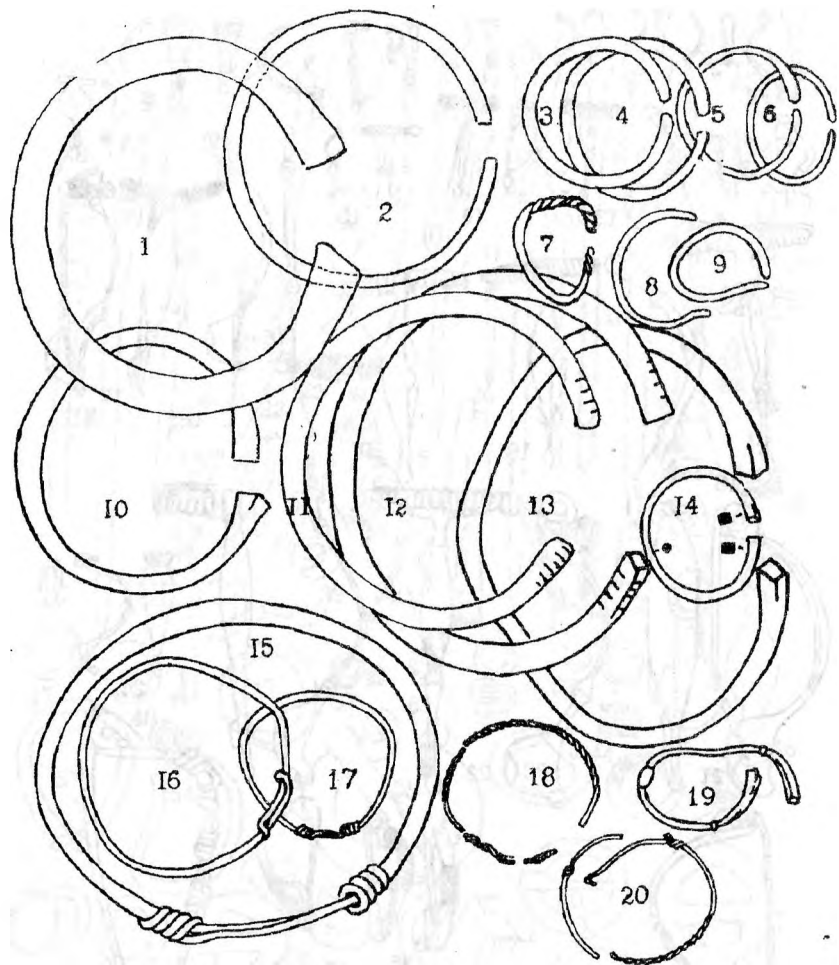

Рис. 50. Бронзовые браслеты (разномасштабные).

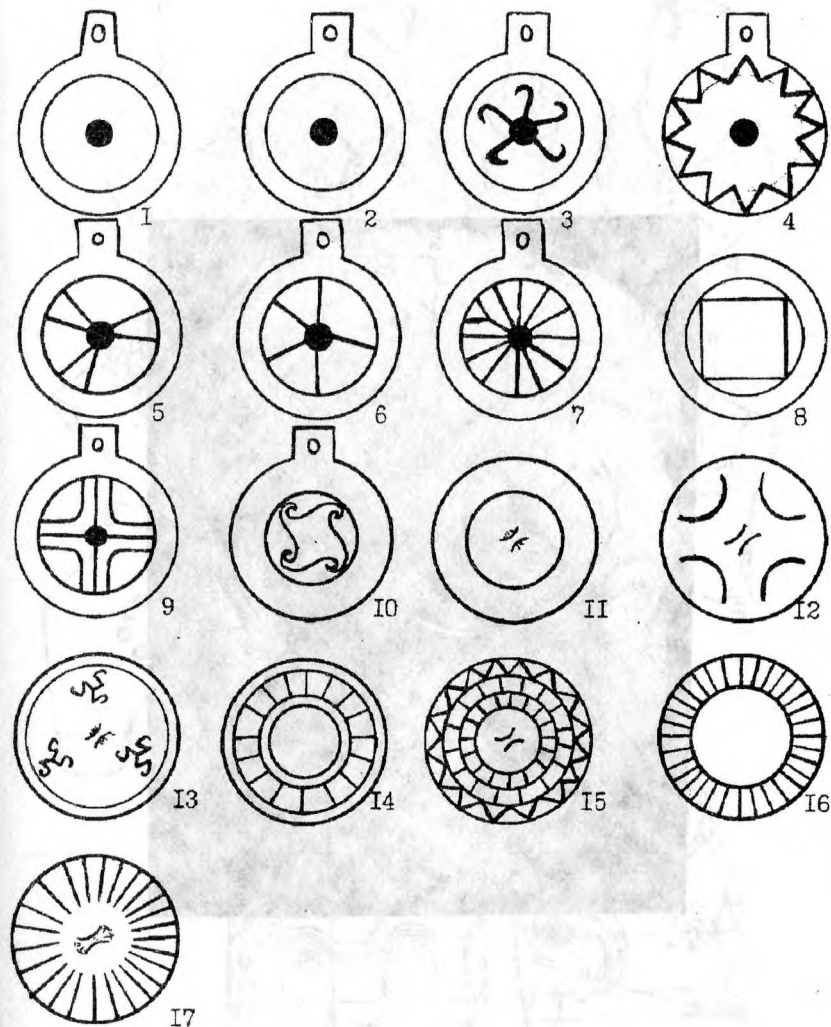

Рис. 51. Зеркала (типы) из памятников Дагестана.

Рис. 52. Головка из горного халцедона из сел. Ерси (Табасаранский район).

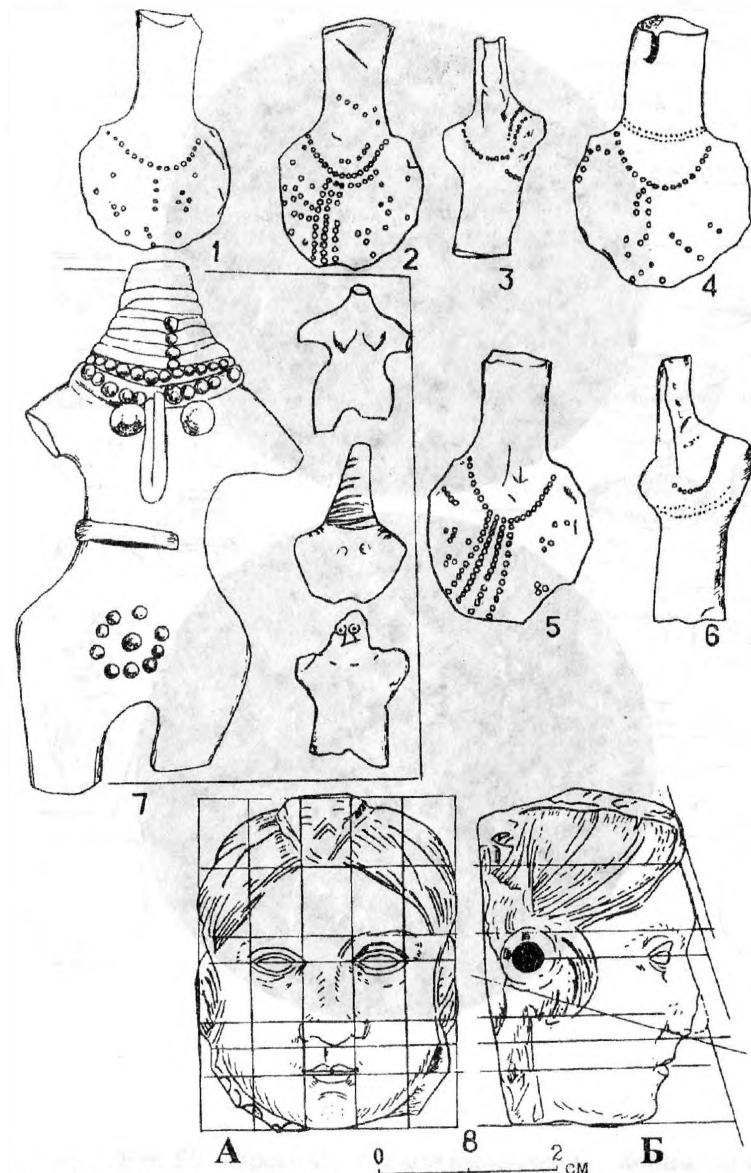

Рис. 53. Статуэтки. 1-6-терракотовые статуэтки из Шаракунского могильника, 7-статуэтки из памятников Азербайджана, 8-халцедоновая головка, обнаруженная в окрестностях сел. Ерси Табасаранского района (А-анфас, Б-профиль).

Рис.54. Монеты Антиоха IV Эпифана из Шаракунского клада.

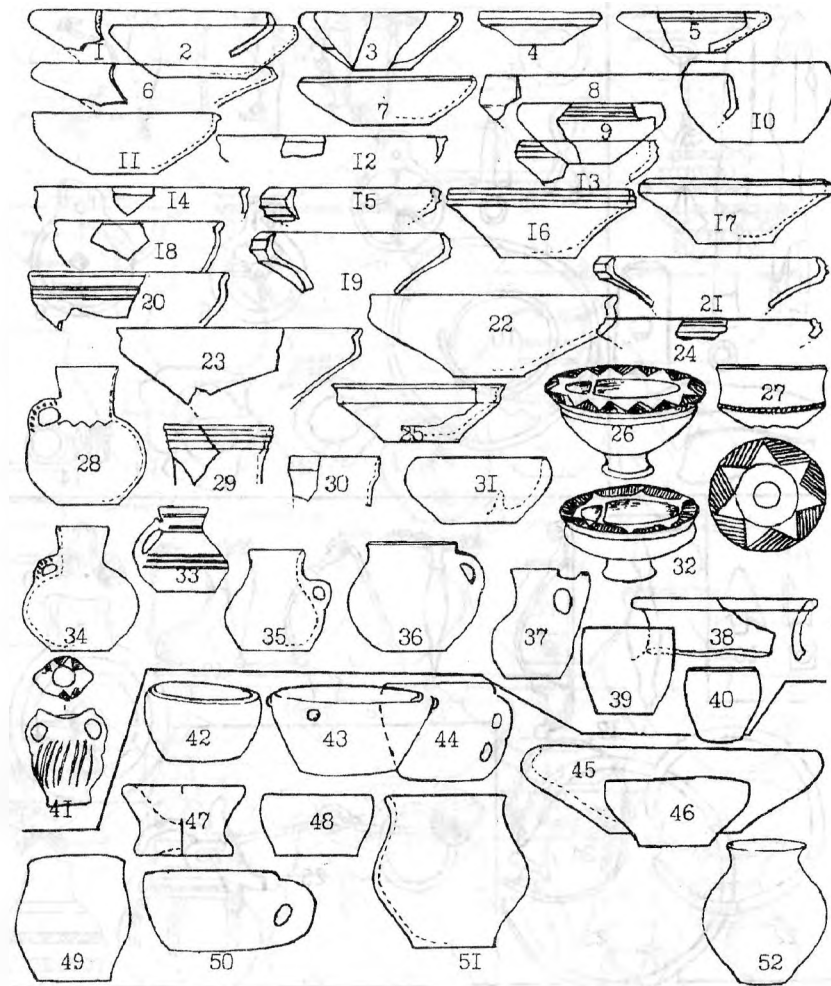

Рис.55. Терско-Сулакское междуречье. Керамика из памятников Терско-Сулакского междуречья.

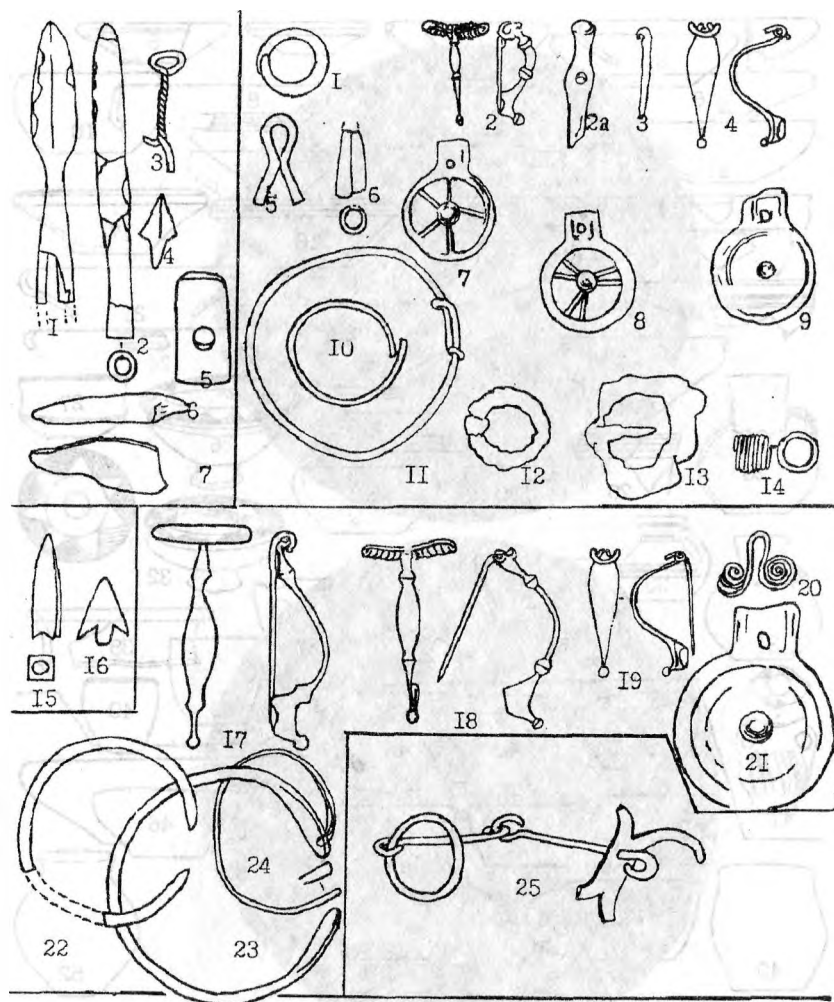

Рис. 56. Терско-Сулакское междуречье. Орудия труда, оружие (1-7, 15, 16), удила (25), украшения и туалетные принадлежности (1-14, 17-23) из памятников Терско-Сулакского междуречья.

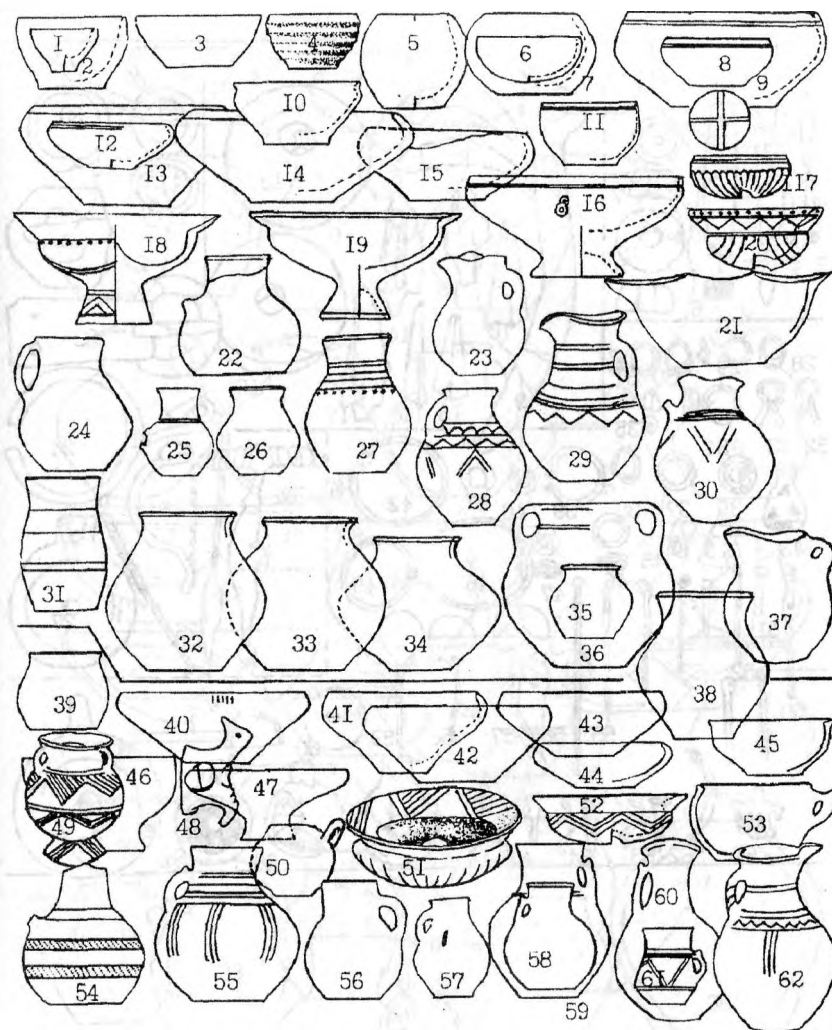

Рис. 57. Прикаспийский вариант. Керамика из памятников Прикаспийского варианта Дагестана (1-38 - из Карабудахкентского могильника, 39-62 - из Таркинского могильника).

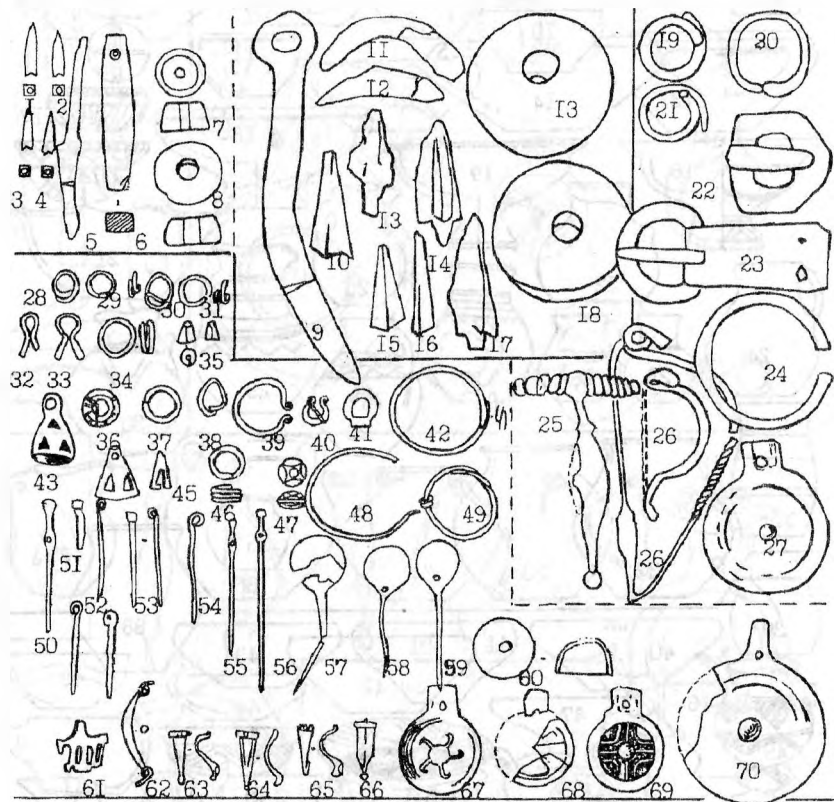

Рис.58. Орудия труда, оружие, украшения и туалетные принадлежности из памятников Прикаспийского варианта. 1-8, 28-70 - из Карабудахкентского могильника, 9-18, 19-27 - из Таркинского могильника.

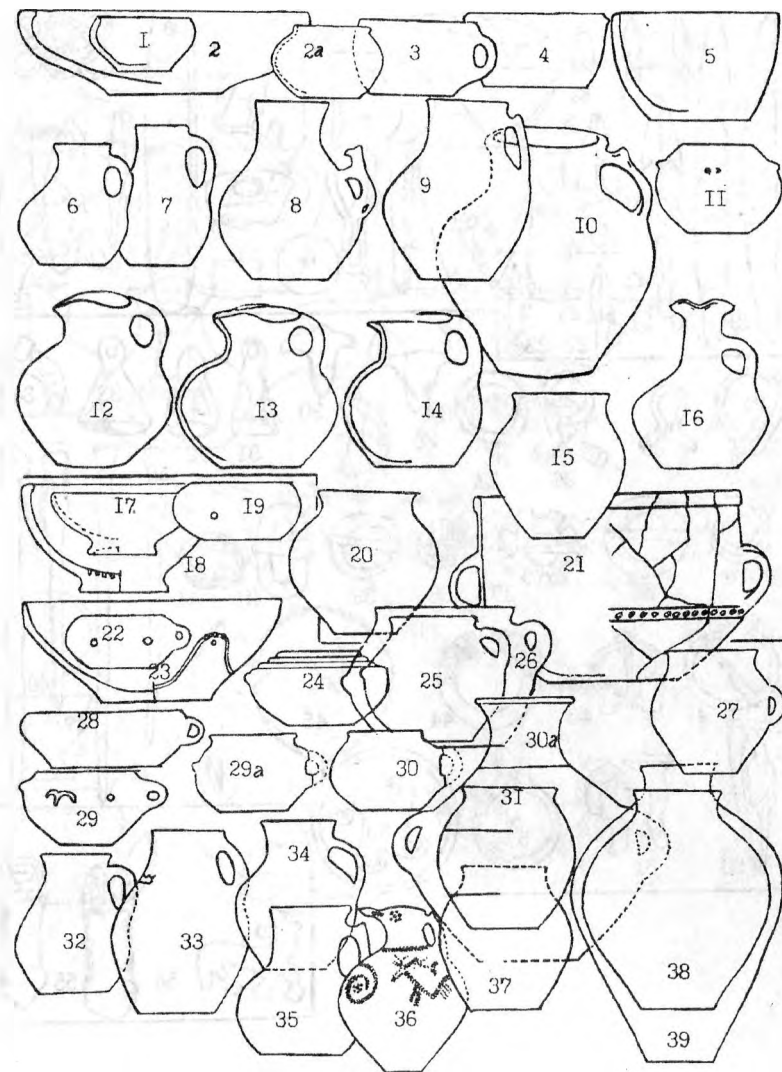

Рис. 59. Прикаспийский вариант. Керамика албанского и раннесредневекового времени из Урцекского городища и могильника.

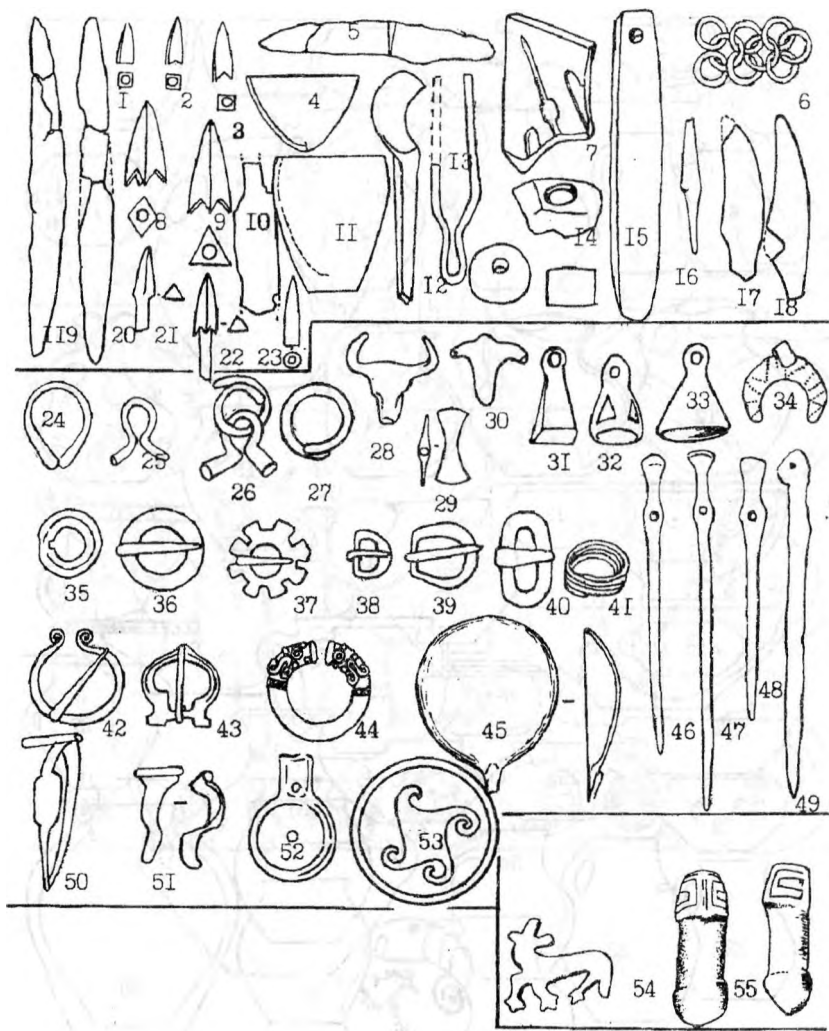

Рис. 60. Орудия труда, оружие, украшения, туалетные принадлежности из Урцекского городища и могильника (Прикаспийский вариант).

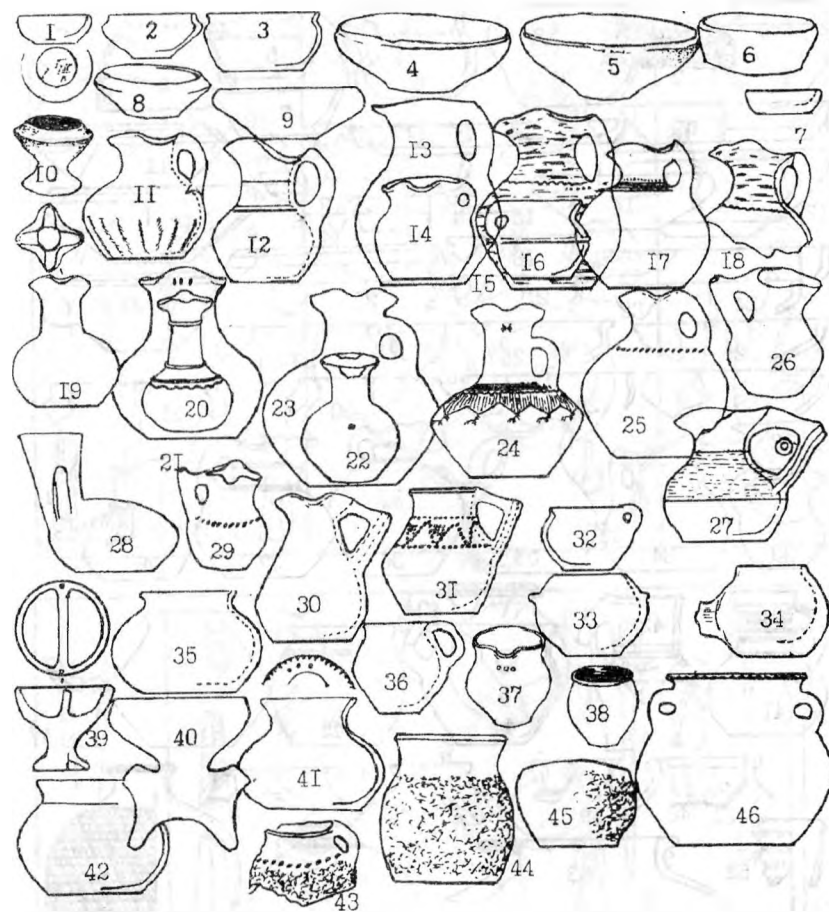

Рис. 61. Керамика из памятников Ю. Дагестана. Из Шаракунского и Мамрашского могильников.

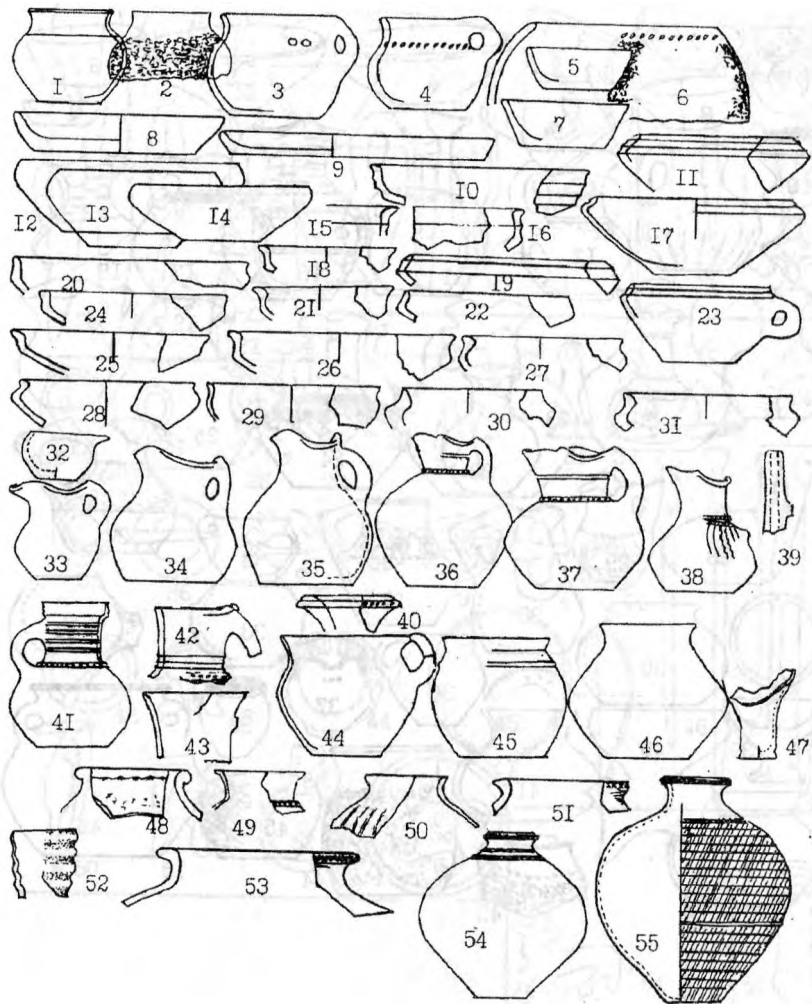
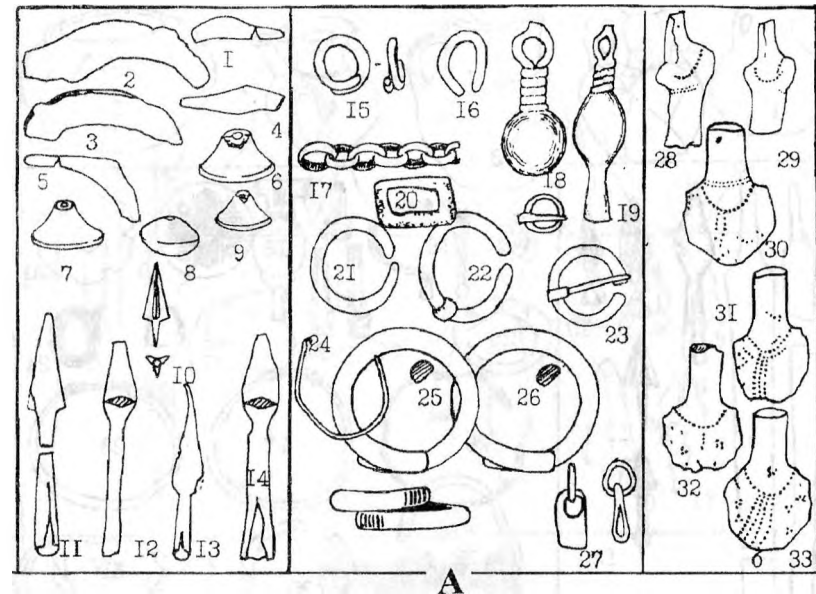
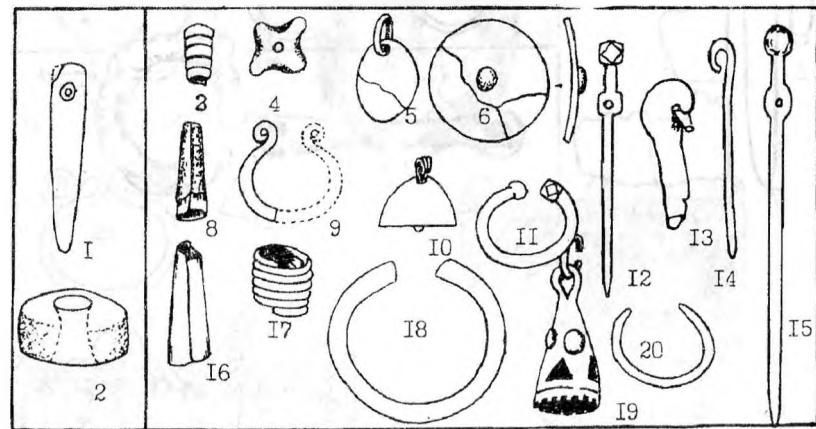

Рис. 62. Керамика из памятников Табасарана (из Сиртичского поселения и могильника, Ганзирского поселения).

А

Б

Рис. 63. Орудия труда, оружие, украшения, туалетные принадлежности и культовые изделия из памятников Ю. Дагестана, из Шаракунского могильника, из Мамрашского могильника (А). Орудия труда, украшения и туалетные принадлежности из памятников Табасаранского варианта (Б).

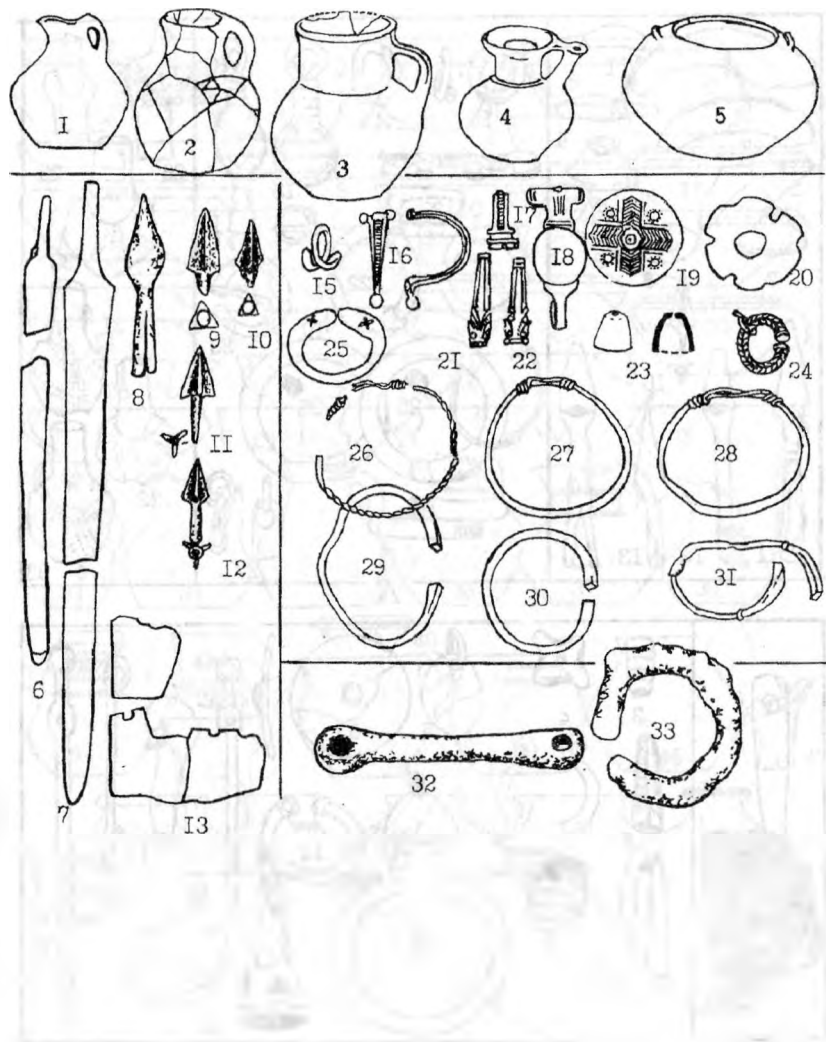

Рис. 64. Материалы из памятников горного Дагестана. Керамика из Хабадинского могильника (1-5), оружие из Хабадинского могильника (6-12), чешуи панциря из Цархигоцинского могильника (13), украшения из Хабадинского (15, 19, 20, 25) и Цархигоцинского (16, 17, 21-31) могильников, конский инвентарь из Хабадинского могильника (32, 33).

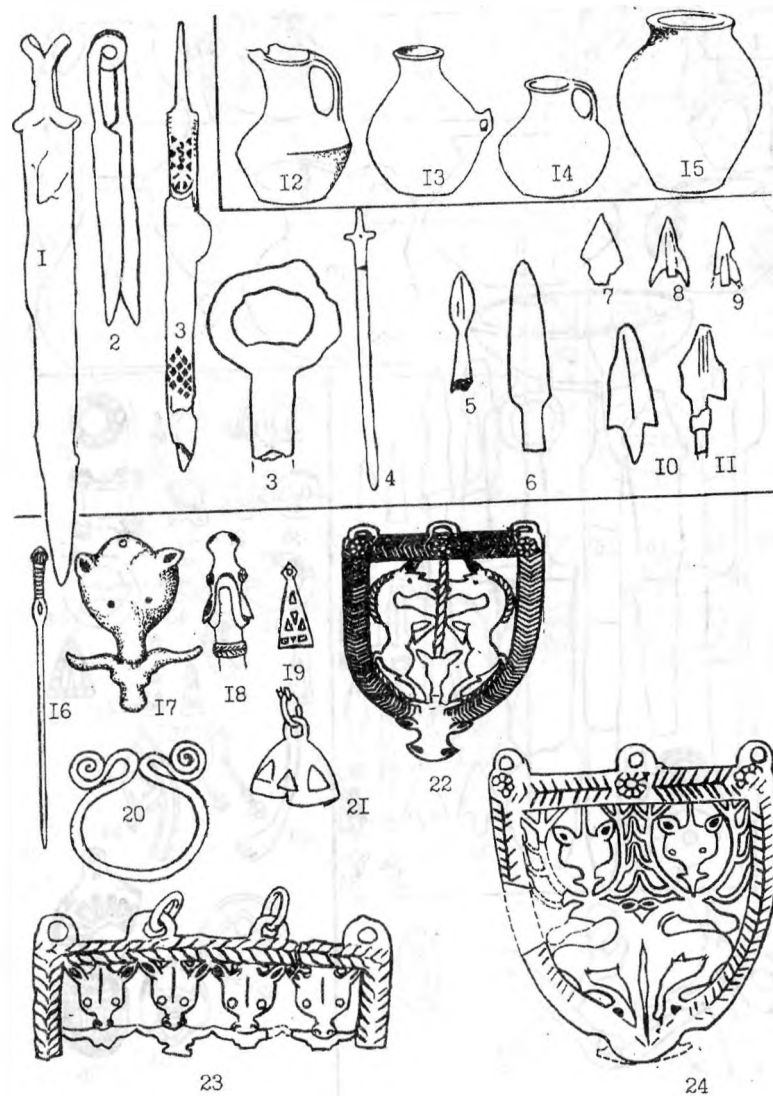

Рис. 65. Материалы из памятников высокогорного Дагестана.

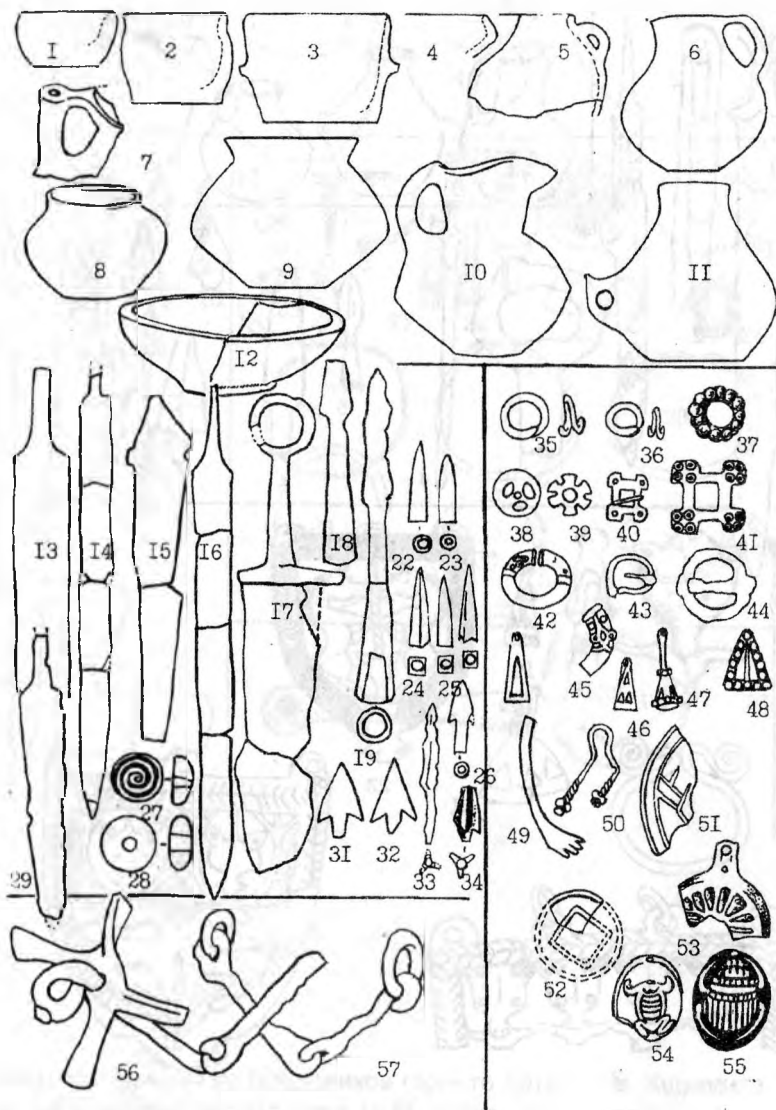

Рис.66. Материалы из памятников долины Казикумухского Кайсу.

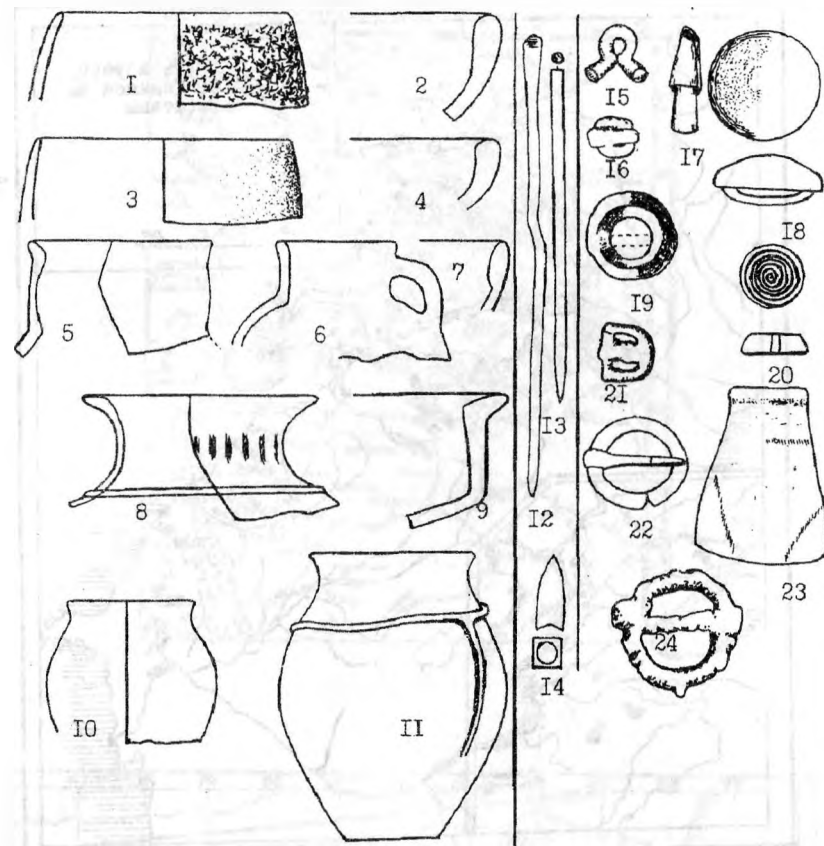

Рис.67. Материалы из памятников Левашинского плато. Инвентарь из слоев албанского времени Верхне-Лабкомахинского городища.

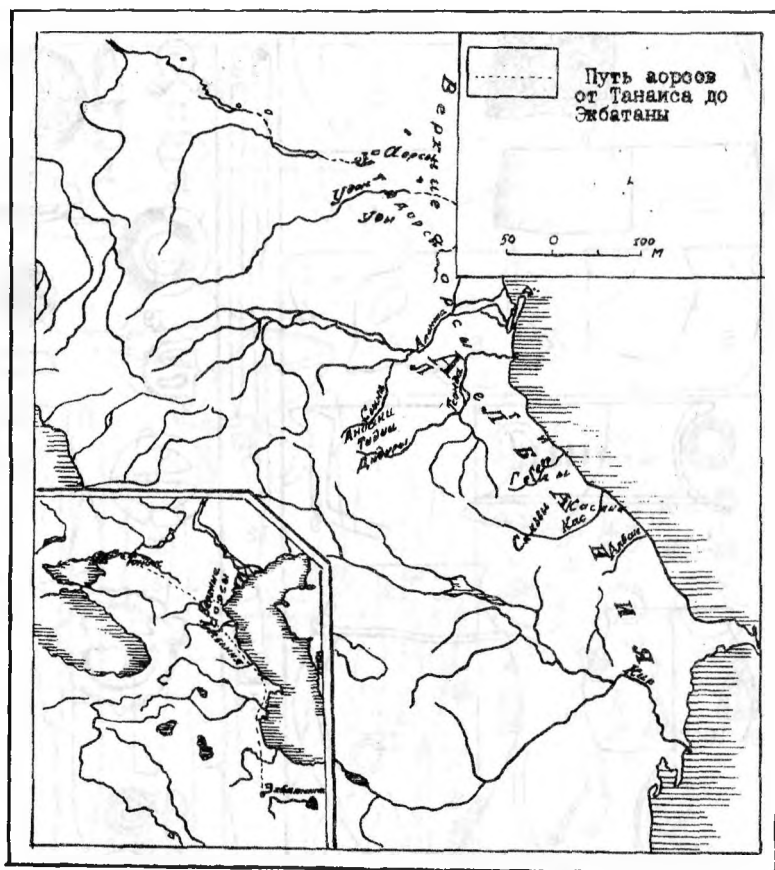
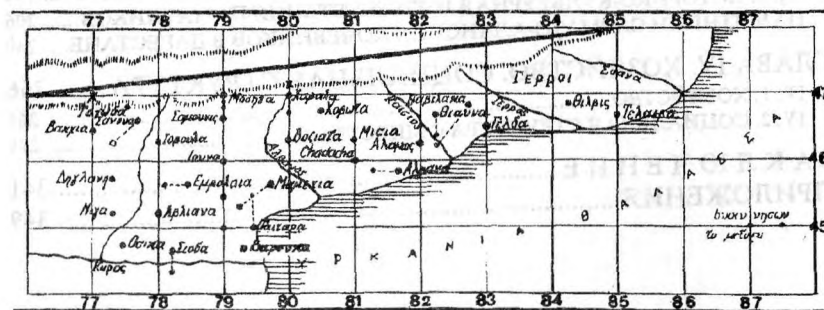

Рис. 69. Этническая карта Дагестана III в. до н.э. — IV в. н.э.

A

Б

Рис. 70. Кавказская Албания по Кл. Птолемию (Б — составлена С. Муравьевым)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	3
ВВЕДЕНИЕ	9
ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ	21
1. 1. ДРЕВНИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ.	21
1.2. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ).	29
1. 3. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ О ДАГЕСТАНЕ АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ.	35
ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДАГЕСТАНА АЛБАНСКОГО ВРЕМЕНИ	62
II. 1. ПОСЕЛЕНИЯ	62
II. 2. МОГИЛЬНИКИ	74
II. 3. ИНВЕНТАРЬ	95
ГЛАВА III. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ	190
III. 1. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ	190
III. 2. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ	206
ПАМЯТНИКИ САРМАТО-АЛАНСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ДАГЕСТАНЕ. ..	240
ГЛАВА IV. ХОЗЯЙСТВО. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА	266
IV. 1. ХОЗЯЙСТВО.	266
IV. 2. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА.	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	341
ПРИЛОЖЕНИЯ	349

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ДАВУДОВ О.М.
Материальная культура Дагестана
албанского времени.

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Классическая русская.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Тир. 1000 экз.
Отпечатано в тип. "Гамма"